

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-07-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

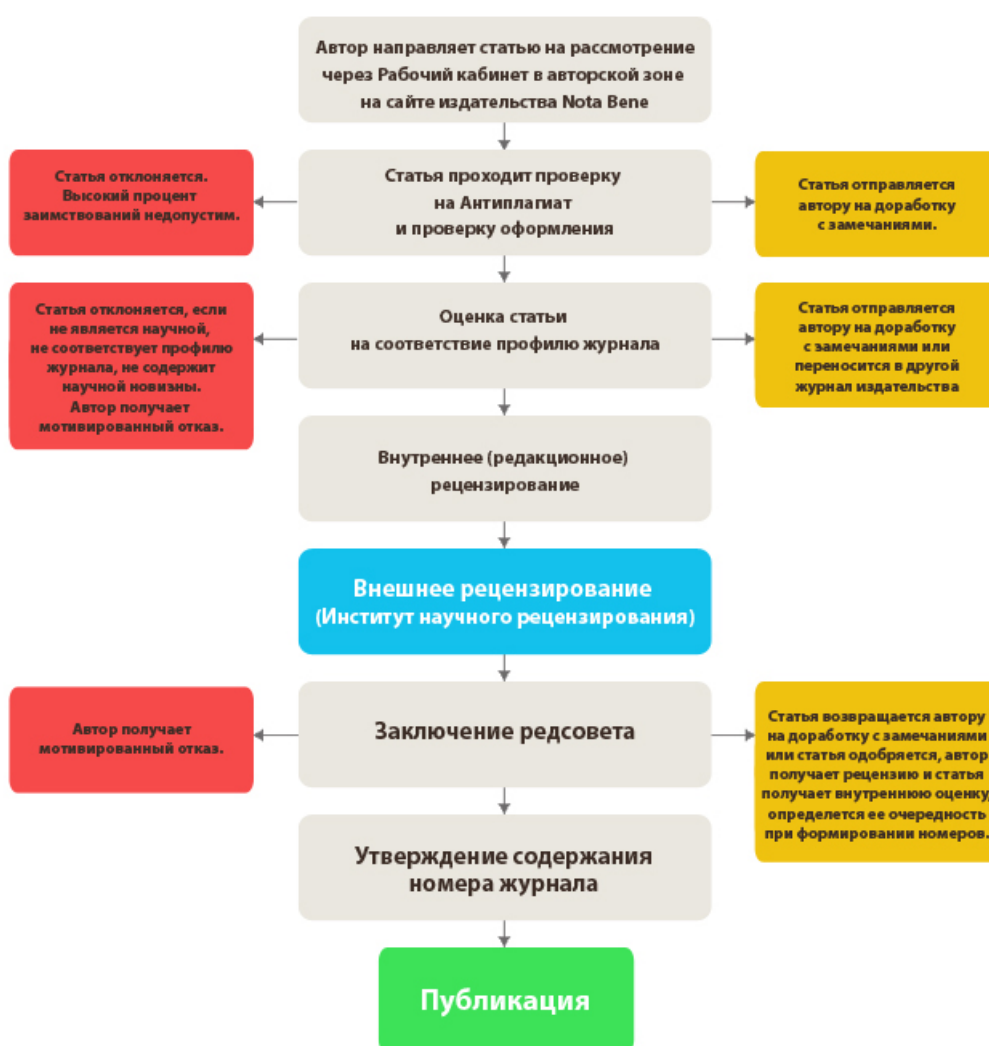
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Зыкова Г.В., Лю Ю. Цвет в произведениях М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова о севере: «За волшебным колобком» и «Северный дневник»	1
Белавина Е.М. Междисциплинарный подход Анри Мешонника: между швейцарской школой и «русской теорией»	12
Минасян С.В. Фантастическое, психоанализ и пастиш в последних романах Бориса Виана	28
Расторгueva Н.Е., Овчаренко А.Ю., Джан Эмир Б. Идея – слово – воплощение в конструировании советского социокультурного пространства в 1920–1930-е гг.	38
Сеферова Э.Э. Песенная культура крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде	56
Чжан Л. Эволюция усадебного образа в ранних рассказах И. А. Бунина	68
Петрова А.Д. Особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века	77
Люлина А.В., Елагина Ю.С. Особенности функционирования адвисивных речевых актов в кризисном дискурсе (на примере наводнения в Оренбургской области в 2024 г.)	90
Юань Ш., Нигматуллина К.Р., Гурушкин П.Ю., Вартанов С.А. Исследование разнообразия источников данных в журналистике данных	99
Ван П. Локации мифологического пространства в сказах П. П. Бажова	116
Рябова М.Э. Средства репрезентации интертекстуальности в поликодовых медиатекстах на примере немецкоязычной нативной рекламы	127
Емченко Д.С. Выявление группы возвратных глаголов квазиобъектной каузы и гипотеза о квазивинительном падеже	138
Коротаева А.А., Никонов С.Б., Лабуш Н.С., Гурушкин П.Ю. Трансграничный характер медиасистем Ближнего Востока: «аутентичная» и «дивергентная» модели	157
Хабиров К.А., Рудакова С.В. Мифопоэтика образа героя в романах А. А. Аствацатурова	166
Мухамадуллин С.Р., Акимов А.А. Медийные стратегии распознавания и защиты от искаженных новостей в русскоязычном интернет-сегменте	182
Моса П. Голливудские сценарии: влияют ли американские фильмы об Африке на международное восприятие континента? (Исследование влияния анимационного фильма «Мадагаскар» на имидж Республики Мадагаскар)	193
Кисляк А.А. Короткое видео на российских платформах: трансформация телевизионного контента в VK Видео, Яндекс Видео и RuTube	205
Чжан Ц. Особенности медийных тематик китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в ведущих СМИ	217
Хуан Я. Механизмы влияния западных медиастратегий на общественное мнение в развивающихся странах	230
Чертков А.С. Литературные медиамемы в современном коммуникативном пространстве	238

Хуан И. Репрезентация концепта «стыд» во фразеологическом фонде китайского языка	252
Ли К. Диглоссия как форма языковой организации в провинции Шаньси в свете теории Чарльза Фергюсона	265
Орлова Т.Г. Сопоставительный структурно-семантический анализ английских и русских пословиц со значением «закон», «суд» и «судья» в аспекте их выразительности и лингвокультурной коннотации	275
Журавлева Н.С. Топонимическое пространство как часть ономастикона «космических» романов И. А. Ефремова	293
Цай И. Раннее романтическое творчество Максима Горького в рецепции литературоведения Китая	303
Каюмова М.М. «Эволюция итальянской женской лирики XVI в: от Виттории Колонны к Лауре Террачине»	311
Кожемякина В.А., Кравцова А.В. «Культура отмены» в китайском современном публичном дискурсе: понятийный аспект	322
Малышкин Д.В. Элементы функции воздействия в текстах официально-делового функционального стиля английского языка	333
Иванов А.Г. Взгляд на творчество Роджера Уотерса сквозь призму критического дискурс-анализа	350
Сложеникина Ю.В., Шальнова Д.А. Семантика плевка как невербального средства в повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда»	366
Англоязычные метаданные	378

Contents

Zykova G.V., Lyu Y. Color in the works of M. M. Prishvin and Yu. P. Kazakov about the North: "Behind the Magic Ball" and "The Northern Diary"	1
Belavina E. Henri Meschonnic's Interdisciplinary Approach: Between the Swiss School and 'Russian Theory'	12
Minasian S.V. Fantastic, psychoanalysis, and pastiche in the latest novels of Boris Vian	28
Rastorgueva N.E., Ovcharenko A.Y., Can Emir B. The idea - the word - the embodiment in the construction of the Soviet sociocultural space in the 1920s and 1930s	38
Seferova E.E. The song culture of the Crimean Tatars in the works of E. Shemya-zadeh	56
Zhang L. The evolution of the manor image in the early stories of I. A. Bunin	68
Petrova A.D. Peculiarities of Translation of Non-Standard Syntax in French Prose of the 20th Century	77
Lyulina A.V., Elagina Y.S. Features of the functioning of advisive speech acts in crisis discourse (on the example of the flood in the Orenburg region in 2024)	90
YUAN S., Nigmatullina K.R., Gurushkin P.Y., Vartanov .A. Exploring the diversity of data sources in data journalism	99
Wang P. Locations of mythological space in the tales of P. P. Bazhov	116
Ryabova M.E. Means of representing intertextuality in multimodal media texts based on the example of German-language native advertising	127
Emchenko D.S. Identification of a group of reflexive verbs of quasi-objective causation and a hypothesis about the quasi-accusative case	138
Korotaeva A.A., Nikonov S.B., Labush N.S., Gurushkin P.Y. Transboundary Nature of Media in the Middle East: "Authentic" and "Divergent" Models	157
Khabirov K.A., Rudakova S.V. Mythopoetics of the hero's image in the novels of A. A. Astvatsaturov.	166
Muhamadullin S.R., Akimov A.A. Media strategies for recognizing and protecting against distorted news (fake news) in the Russian Internet	182
Mosa P. Hollywood Scripts: Do American Films About Africa Influence International Perception of the Continent? (A Case Study on the Impact of the Animated Film "Madagascar" on the Image of the Republic of Madagascar)	193
Kislyak A.A. A short video on Russian platforms: the transformation of television content on VK Video, Yandex Video, and RuTube	205
Zhang Z. Features of media topics of China-India humanitarian cooperation in the leading media	217
Huang Y. Mechanisms of Influence of Western Media Strategies on Public Opinion in Developing Countries	230
Chertkov A.S. Literary media memes in the modern communication space	238
HUANG Y. Representation of the concept of "shame" in the phraseological fund of the Chinese language	252

Li K. Diglossia as a Form of Language Organization in Shanxi Province in the Light of Charles Ferguson's Theory	265
Orlova T.G. Comparative structural and semantic analysis of English and Russian proverbs with the meaning of "law", "court" and "judge" in terms of their expressiveness and linguocultural connotation	275
ZHuravleva N.S. Toponymic space as a part of the onomasticon of I. A. Efremov's "cosmic" novels	293
CAI Y. Maxim Gorky's Early Romantic work in the reception of Literary Criticism in China	303
Kayumova M.M. Evolution of Italian Women's Lyric Poetry of the 16th Century: From Vittoria Colonna to Laura Terracina	311
Kozhemyakina V.A., Kravtsova A.V. The "Cancel Culture" in Chinese Modern Public Discourse: a Conceptual Aspect	322
Malyshkin D.V. Function of impact in the official functional style of the English language	333
Ivanov A.G. A look at the creative work of Roger Waters through the lens of critical discourse analysis	350
Slozhenikina Y.V., Shal'nova D.A. Semantics of spitting as a non-verbal means in V. P. Nekrasov's story "In the Trenches of Stalingrad"	366
Metadata in english	378

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зыкова Г.В., Лю Ю. Цвет в произведениях М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова о севере: «За волшебным колобком» и «Северный дневник» // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74488 EDN: AASPXA
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74488

Цвет в произведениях М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова о севере: «За волшебным колобком» и «Северный дневник»

Зыкова Галина Владимировна

ORCID: 0000-0002-1453-2791

доктор филологических наук

профессор; филологический факультет; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119421, Россия, г. Москва, ул. Новаторов, 36, корп.1, кв. 97

✉ gzykova1966@gmail.com

Лю Юнь

соискатель; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1

✉ liuyun0209@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74488

EDN:

AASPXA

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2025

Дата публикации:

18-05-2025

Аннотация: Предметом изучения в статье является специфика цветообозначения в произведениях Михаила Пришвина и Юрия Казакова, посвященных Северу. Хотя со слов

самого Казакова известно, что творчество Пришвина существенно повлияло и на его решение путешествовать по Северу и на манеру видеть Север и писать о нем, проза этих писателей до сих пор не сопоставлялась сколько-нибудь развернуто и, соответственно, сам характер влияния не оценен. Материал сопоставления ограничен самым известным, хотя и не единственным в его наследии, произведением Казакова о Севере («Северный дневник») и той книгой Пришвина, о которой Казаков прямо упоминал («За волшебным колобком»). Оба произведения с позиций современной гуманитарной науки являются важнейшими для "северного текста". В настоящей работе, не затрагивая во всей полноте вопроса о влиянии Пришвина на Казакова, мы обратились к одному из аспектов этого вопроса — сопоставительному анализу цветообозначения. Методологический выбор определен значением цвета в поэтике пейзажа Пришвина и Казакова (есть посвященные этому научные работы, но сопоставительного характера они не имеют). Сравнение обнаружило как общие черты, так и различия. Среди общих черт — обилие указаний на цвет и преобладание в палитре некоторых цветов. Различия демонстрируются на примере указаний на зеленый цвет (один из самых важных: в книге Пришвина 69 случаев обозначения зеленого цвета, в «Северном дневнике» — 45). Обнаруживается, что у Пришвина зеленый цвет имеет символический смысл, обозначая энергию жизни и родной для писателя среднерусский лес, о котором ему напоминают даже воды северных морей; «зеленое» окрашивает детские воспоминания, входит в состав ключевых образов («зеленое радостное сердце»). У Казакова указания на зеленый цвет входят в состав точного описания объектов (стремление к точности описания у Казакова проявляется, в частности, в обилии сложных прилагательных, в том числе окказионализмов). Значения и коннотации «зеленого» у Казакова очень разнообразны и несводимы к общему символическому ядру (от «яркой зелени» травы, которой автор явно радуется, до позеленевшей, то есть испорченной, муки).

Ключевые слова:

Михаил Пришвин, Юрий Казаков, Русский Север, Северный дневник, За волшебным колобком, цветообозначение, травелог, северный текст, литературный пейзаж, мифопоэтика модерна

1. Постановка вопроса

Как известно, интерес Юрия Казакова к русскому Северу, проявившийся прежде всего в «Северном дневнике», возник под влиянием читательских впечатлений от книги М. М. Пришвина «За волшебным колобком»: «...Я в ту пору очень увлекался Пришвиным, его, в частности, одной из лучших вещей "За волшебным колобком". И вот, думаю, поеду-ка я по следам Михаила Михайловича и погляжу, что осталось, что изменилось» [\[1, с. 213\]](#).

«Северный дневник» создавался на протяжении нескольких лет и фиксирует опыт разных путешествий Казакова на Север; Пришвин (также побывавший на Севере неоднократно) в книге «За волшебным колобком» описывает одно путешествие, так что сравнивать маршруты писателей непросто. Понятно, однако, что для обоих Архангельск был важным рубежом, что оба побывали на Соловках, обоим пришлось ходить по Белому морю, оба видели коренных жителей Севера — карел (Казаков говорит еще и об опыте общения с ненцами; Пришвин, в отличие от Казакова, путешествовал и по зарубежному — норвежскому — Северу).

Для современных исследователей произведения Пришвина и Казакова входят в состав

т.н. «северного текста» [\[2\]](#). Соотнесенность северных очерков Пришвина и Казакова в сознании позднейших читателей проявляется и, например, в том, что название книги Казакова («Северный дневник») может переноситься на прозу Пришвина (так, Э. Я. Фесенко пишет о «северных дневниках» Пришвина и Казакова [\[3, с. 4\]](#)). Однако развернутого сопоставления северной прозы Пришвина и Казакова мы не нашли.

Конечно, Казаков описывает Север не совсем так, как Пришвин: во-первых, человеческий мир за прошедшие со времен путешествия Пришвина полвека не мог не измениться (изменился социальный строй), во-вторых, Пришвин как писатель эпохи модерна тяготеет к мифопоэтическому осмыслению мира (о поэтике ранней северной прозы Пришвина см., напр.: [\[4\]](#), а Казаков как автор советского времени должен говорить о социальном мире, изображая его в оптимистическом ключе). И, конечно, стилистика больших художников имеет свои индивидуальные особенности.

Мы рассмотрим один частный, но выразительный, как нам представляется, аспект: цветопись в «Северном дневнике» и в «За волшебным колобком». Уточним, что из произведений Пришвина книга «За волшебным колобком» выбрана нами именно потому, что ее любил Казаков; сравнение текстов представляется возможным и потому, что их размер сопоставим.

2. История вопроса и методология исследования

Хотя работ о цветообозначениях в произведениях Пришвина не так много, исследователи все же обращались к этому аспекту его поэтики: И. С. Куликова сопоставляла стилистическую манеру Пришвина с определенными стилями в живописи, при этом сравнивая в этом аспекте Пришвина с Паустовским и противопоставляя их [\[5\]](#); Ю. А. Нельзина подробно анализировала обозначение синего и голубого в качественных прилагательных и глаголах [\[6\]](#); обсуждалась связь цвета с мифом, в том числе индивидуальным, и религиозными представлениями ([\[7\]](#), [\[8\]](#)); А. М. Тимофеева рассматривала лексику со значением зеленого цвета, сравнивая Пришвина с Дж. Дарреллом [\[9\]](#).

Цветообозначению в произведениях Казакова были посвящены диссертации Г. М. Гусейновой [\[10\]](#) и Хо Канина [\[11\]](#), в методологическом отношении лингвистические. Хо Канин, описывая историю вопроса, приходит к выводу, что колористика Казакова еще не исследовалась должным образом, хотя отдельные значимые наблюдения уже высказывались в работах, посвященных поэтике Казакова в целом или отдельным аспектам его творчества (см., например: [\[12\]](#)); о рассказе «Осени в дубовых лесах» — [\[13\]](#)). Хо Канин подробно исследует и систематизирует способы образования единиц поля цвета в рассказах Казакова.

Являясь для нас в значительной степени методологической опорой, работа Хо Канина, однако, растворяет материал интересующего нас «Северного дневника» среди других произведений Казакова; видимо, такой объясняется тем, что диссертация Хо Канина – лингвистическая, и, в отличие от литературоведа, этот исследователь не ставит перед собой задач описания и оценки отдельного произведения как особого художественного целого.

3. Результаты исследования

Использование обозначений цвета у Пришвина и Казакова имеет некоторые общие

черты.

У обоих авторов указание на цвет встречается часто. Так, в «Охотничьих былях» А. М. Тимофеева обнаружила 140 случаев употребления слов, так или иначе указывающих на цвет [\[9\]](#); «За волшебным колобком», по нашим подсчетам, содержит 406 таких случаев (из них в описаниях природы 299).

В «Северном дневнике» указаний на цвет, по нашим подсчетам, 505.

Как у Пришвина, так и у Казакова слово, обозначающее цвет, как правило, сопровождается в тексте и другими словами, обозначающими еще какие-то цвета (и/или степень освещенности). Вот некоторые примеры из Пришвина: «Рассыпалась деревенька *черными* комочками на песке, провожает нас *розовыми* глазами... Из *белой* пены показывается *черный* мокрый конец чего-то большого. На нем светится полуночный *красный* отблеск зари... то заглядываю вперед вдаль на *темную* воду, то на *золотой* искристый след лодки» [\[14, с. 15, 41, 57\]](#). Разные цветные пятна появляются по отдельности, но существуют в одном пространстве; благодаря соединению связанных с ними объектов разные цвета имеют внутреннюю связь (лодка на воде, золотой цвет покрывает темные воды). Такая живописная задача решается и в «Северном дневнике»: «... в *черных* стенах изб, высоко вознесенные, *желто* сияли окна... Семга — великолепная, крупная и мощная рыба с *темной* спиной, *серебристыми* боками и *белым* животом» [\[15, с. 9, 77\]](#).

Развитие этой тенденции на языковом уровне проявляется в употреблении сложных прилагательных, обозначающих цвет.

У Казакова такие сложные прилагательные были проанализированы Хо Канином, который классифицировал их по семантическому принципу и привел исчерпывающий их список для 40 текстов писателя. Частотность сложных прилагательных у Казакова исследователь объясняет, в частности, вниманием писателя к полутонам; среди примеров, приводимых Хо Канином, есть, однако, также и случаи столкновения разных цветов в пределах одного сложного прилагательного. Заметим, что размытость тонов, как и резкие сочетания цветов у Казакова могут быть сопоставлены с живописной манерой импрессионистов; эта близость эстетики Казакова и эстетики художников-импрессионистов уже отмечалась (см., напр.: [\[12\]](#)). Хо Канин отмечает и частотность сложного прилагательного «черно-белый», передающего «монохромность, графичность картины мира» ([\[11, с. 57\]](#)).

Сложные прилагательные, передающие цвет, есть и у Пришвина, но их гораздо меньше: если в «Северном дневнике» 50 случаев употребления сложных прилагательных, то в книге Пришвина их только 7: «Или мелко еще, или вода очень прозрачная, но я вижу в глубине что-то *темно-зеленое*... Струйки воды стекают с *темно-синеватого* лба, золотые капли блестят на усах... Я стреляю в это *желто-белое* пятно <птицу>, как в сказочную колдунью... Внизу лес, а тут тундра, покрытая *желто-зеленым* ягелем, как залитая лунным светом поляна... Большая морская чайка с темными крыльями и с *белоснежной* шеей спотыкается в воздухе и падает в воду... Вдруг впереди себя замечаю двух стройных женщин в ярких *сине-красно-желтых* костюмах скандинавских лопарей... *прозрачно-зеленой* воды» [\[14, с. 55, 57, 107, 144, 166, 252, 271\]](#).

Сложные прилагательные у Пришвина, как заметила еще И. С. Куликова, совмещают преимущественно чистые цвета, варьируются только освещенность и интенсивность (что-то *темно-зеленое*, с *темно-синеватого* лба). Сложные прилагательные у Пришвина могут

просто указывать и на разноцветные объекты: *желто-белое пятно, желто-зеленым ягелем, в ярких сине-красно-желтых костюмах.*

Стремление к объединению цветов в одном пространстве особенно ярко проявляется у Пришвина в особых лексических комплексах, где прилагательные соединены в некое целое посредством дефисов: «Но пароход бежит быстро, *лиловые чашечки* становятся *темными* на фоне *пылающего красного неба*, на фоне этого *зеленого следа* по *голубой-малиновой-синей воде*» [\[14, с. 272\]](#).

Казаков, как и Пришвин (и, пожалуй, чаще, чем Пришвин) соединяет в составе сложных прилагательных разные цвета («Накат страшный, *мутно-бело-желтый*... Вода все *синела*, густела, становилась такой *плотно-сине-зеленой*, что казалась непрозрачной...» [\[15, с. 26, 152\]](#). Чистым цветам Казаков предпочитает оттенки («И по-прежнему чист, но уже *смугло-ал* горизонт — неширокая полоса под *синевато-коричневым* в тучах небом... И уже в разрывах между теми облаками на неимоверной высоте сияет нежное *голубовато-розовое* небо... Внизу *светло-буро-черная* шевелящаяся масса тел, а выше неоглядное переплетение рогов, будто карликовый лес» [\[15, с. 27, 64, 110\]](#).

Цветовая сложность и разнообразие мира часто передаются Казаковым при помощи окказионализмов-тропов, содержащих указания на некоторые вещества, материалы и пр. Сложные прилагательные часто основаны на сравнении: «Футболисты все вместе разделись, стали купаться в бассейне, тела их бронзово просвечивали сквозь *чайно-коричневую* воду.... Почти все обнажены по пояс, *кофейно-загорелы*...» (коричневая как чай, загар похож на цвет кофе) [\[15, с. 17\]](#). А вот случаи, когда сравнение в сложном прилагательном совмещено с указанием на еще какой-то цвет: «Первый час ночи, вода за бортом *мыльно-голубая*... [голубой и похожий на мыло] Но всех их, всю массу рыбы заливают рассеянный *серо-молочный* свет белой ночи... [серый и при этом похожий на молоко] Вечерний жидкий туман поднимался над *красновато-маслянистыми* болотами» [\[15, с. 155, 159, 273\]](#).

В состав сложных прилагательных Казаков любит включать элемент, указывающий на эмоциональное восприятие цвета: «Потом в глаза нам ударяет сверкающий, *свеже-голубой* от неба простор Двины, разом показывается все то множество кораблей... На мотодоре есть рубка — будочка *ядовито-зеленого* цвета, есть компас и штурвал... Свет ламп искрится на льду, на соли, на *тускло-желтых* ее кучах... Я все забирал влево, зашел по песку далеко от порта, миновал ряд длинных *уныло-сизых* амбаров и вышел на берег... Прошло пять, десять минут и вдруг прямо перед нами показалась из воды *ослепительно-белая* спина с острой выгнутой хребтиной...» [\[15, с. 44, 67, 163, 170, 245\]](#).

Среди общих черт Пришвина и Казакова — то, что в их описаниях Севера очень важную роль играет зеленый цвет. «За волшебным колобком» содержит 69 указаний на зеленый цвет, в «Северном дневнике» их 45.

У Пришвина зеленый — это прежде всего цвет растительности (в том числе водорослей). Из 61 случая указаний на зеленое 25 обозначают растительность, причем чаще всего без уточнений, самое частотное слово здесь обобщающее: «зелень» (и есть еще прилагательное «зеленый»: зеленые ели, зеленые листья). Вот полный перечень: *зеленые березки весной, зеленые ели, покрытая желто-зеленым ягелем, зеленая трава, зеленый подводный лист, в светящейся зелени мелькнула страна, зелень лесов, зеленые листья, напряженный зеленый цвет у растений, густая зелень, зеленые листья, зеленый лес, растениями с широкими зелеными листьями, зеленые поля, зеленый мох,*

вокруг зеленью, внизу нет малейших следов зелени, подножья черных гор без зелени, хоть какая-нибудь зелень, нет и следа зелени, внизу между высокими зелеными деревьями, вокруг этих последних зеленых листьев, в виду этой зелени, разные зеленые площадки, кусты, деревья, что-то темно-зеленое.

Зелень у Пришвина — не только зелень Севера, но и зелень леса средней полосы, его родины, которую он сравнивает с Севером. В пределах одной книги, «За волшебным колобком», слово «зеленый» встречается в очень разных по смыслу и настроению сравнениях Севера и родины, сравнениях, которые передают меняющееся состояние путешественника. То повествователь замечает, что на Севере, где вегетационный период короче, у растений, которые спешат жить, более «напряженный зеленый цвет»: «Я замечаю, что все живет здесь иначе, у растений такой напряженный *зеленый цвет*: ведь они совсем не отдыхают, молоточки света стучат в зеленые листья и день и ночь» [14, с. 104]. То его подавляет суровость северной природы: «Гораздо таинственнее и мрачнее этот лес у подножия гор. Те мертвые, но лес-то живой и все-таки будто мертвый. Мы причаливаем к берегу, входим в лес: гробовая тишина! В нем нет того зеленого радостного сердца, о котором тоскует бродяга, нет птиц, нет травы, нет солнечных пятен, зеленых просветов» [14, с. 141]. Обратим внимание на образ «зеленого радостного сердца», указывающий, видимо, наиболее непосредственным образом на лес средней полосы и символизирующий энергию жизни.

Зелень листьев у Пришвина появляется в воспоминаниях, связываясь с началом жизни, временем надежд: «В зимнюю ночь, в то время, когда люди еще не успели заметить уже начавшийся переход к весне, бывают видения: засверкает солнце, перекинется мост из светящихся *зеленых листьев* на ту сторону к лесу.

Зеленая опушка, трава с широкими листьями, деревья гигантские, упираются в небо, невиданные цветы, звери и птицы умные, добрые» [14, с. 101].

Зеленый цвет для Пришвина символизирует философскую идею энергии жизни. В северной природе он сильно почувствовал взаимосвязь смерти и жизни: «[С]еверная природа потому и волнует, потому так и тоскует, что в ней глубокая старость, почти смерть вплотную стоит к *зеленой юности*, перешептывается с ней» [14, с. 106].

И, как в процитированной выше фразе, зеленый цвет может быть иногда связан не только с описанием впечатлений путешествия, но и с «видениями». В предисловии к своей книге Пришвин так говорит о детских мечтах путешествовать: «Я желал бы напомнить о той стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежим...

Я пробовал в детстве туда убежать. Было несколько мгновений такой свободы, такого незабываемого счастья... В светящейся зелени мелькнула страна без имени и скрылась» [14, с. VII]. Очень значимы слова Пришвина: «Не об этой внешней, видимой стороне путешествия мне хотелось бы рассказать своим читателям» [Там же]. Они показывают, что точное описание внешнего мира менее важно для писателя, чем создание символического образа. Можно видеть, что в воображении ребенка свобода и счастье ассоциировались с этой зеленой страной.

«Страна без имени», то есть другой, незнакомый мир, в воображении Пришвина, однако, получает знакомые черты русского леса («светящаяся зелень»). Тот же прием мышления — когда неизвестное, новое получает черты знакомого, напоминает о знакомом, понимается через знакомое — проявляется у Пришвина и тогда, когда он описывает Белое море, переходящее в Северный Ледовитый океан.

Связанный с энергией жизни, зеленый цвет у Пришвина — это и цвет глаз живого существа, опасного, агрессивного, — цвет глаз акулы; описывая ее, Пришвин трижды упоминает о зеленом цвете: «Я приглядываюсь, и в огромной серой массе различаю пасть и крошечный *зеленый* светящийся глаз... Чуть только поводит плавником и глядит своим маленьким *зеленым* глазком... она страшна там, на дне океана, темно-серая, как раз такого цвета, чтобы незаметно под красться к добыче и показаться сразу огромною серою тенью с *зеленым* светящимся глазом» [14, с. 193-196]. Как и у Пришвина, у Казакова тоже появляется зеленоглазое живое существо, одновременно и хищник, и жертва человека, — «огненная, зеленоглазая лисица, насмерть защелкнутая кривыми скобами» [15, с. 106]. Зеленое связано с представлениями о расцветающей жизни, о юности в самом языке, и Казаков особенным образом показывает читателю диалектное слово «зеленец» (детеныш тюленя): оно повторяется трижды в реплике персонажа: «Первый тюлень, который родился, дитё, на ладонке поместится, — это тебе *зеленец*. *Зеленец* это... *зеленец*...» [15, с. 88]. (Взросление тюленя потом описывается через изменение цвета: «белёк... потом белая шерсть сходит, показывается черная, а так еще вроде серая она».)

Второй в книге Пришвина по частоте упоминаний тип указания на зеленое — описание воды (всего 14 случаев): «Легкий ветерок *НО* холодит, небольшое волнение, верхушки *волн светятся, зеленея*... Волны ластятся к бокам парохода... подбегают к борту и рассыпаются белым и показывают, что внутри *их что-то зеленое*... будто чашечки жаждут напиться этой легкой *прозрачно-зеленой* воды фиорда... птицы... падают на *зеленый океанский след парохода*, сыплются будто сказочный серебряный фонтан... Это, вероятно, — объясняет мне капитан, — ветвь Гольфштрема, вода в нем отличается от *зеленой океанской воды* голубым цветом... пароход бежит быстро, лиловые чашечки становятся темными на фоне пылающего красного неба, на фоне этого *зеленого* следа по голубой-малиновой-синей воде... отблеск света на *зеленой килевой воде*» [14, с. 171, 184, 271, 266, 188, 272].

Иногда зеленой оказывается сама вода, иногда ее окрашивает в зеленый цвет то, что в ней находится, например, водоросли; иногда, напротив, то, что находится в воде, кажется зеленым. Вещи человеческого мира, оказавшись в северной воде, приобретают ее цвет: «Чурочка медленно тонет и *зеленеет*... Волны... выкатываются из тумана черные, подбегают к борту и рассыпаются белым и показывают, что внутри *их что-то зеленое*... сеть, черная над водой, *зеленеет* в воде и светится в глубине... Достая мелкую монету и пускаю в воду. Она превращается в *зелёный светящийся листик*... Потом дальше, в глубине, она светится *изумрудным светом*... её *зелёный* глазок смотрит оттуда, из затопленных садов и лесов... сеть, черная над водой, *зеленеет* в воде и светится в глубине... потому что в глубине показывается мотня, огромная, *зеленая*... Мы едем вперёд, один за другим тонут за нами крючки с наживкой и светятся в глубине *зелёным светом*...» [14, с. 181, 184, 111, 192, 193, 223].

И здесь дело не только в оттенках, которые на самом деле может принимать вода, но прежде всего в том, что в новом для него, даже чужом и опасном Пришвин ищет сходства со знакомым, то есть с лесом средней полосы России. Появляется метафора подводного леса: «Приглядываюсь, и открываю там целый густой, *зеленый подводный лес*. Я люблю лес, как бродяга: для меня он родной, он дороже мне всего, дороже моря и неба. Так хочется войти туда, в этот *зеленый таинственный мир*. Но это не настоящий, это сказочный лес, туда нельзя войти, мы слишком грубы для того. А хорошо бы спуститься в этот морской лес, притаиться и слушать, как перешептываются рыбы у

прутика водоросли» [\[14, с. 55\]](#).

Сравнения и метафоры у Пришвина соседствуют с точным указанием на конкретные детали и свойства материального мира; все-таки «За волшебным колобком» отражает не только детские мечты о побеге, но и реальный опыт путешествия. Приведем фрагмент, в этом отношении очень показательный: «— „Вода?“ — „Океанская.“ — „Как океанская?!“ — „Так, океанская, зеленая...“ Мы выходим наверх. По-прежнему такие же черные волны выкатываются из серого тумана. Капитан берет белую деревянную чурочку, привязывает к ней гвоздь и пускает в воду. Чурочка медленно тонет и зеленеет, и чем дальше, тем ярче и, наконец, где-то совсем глубоко светится чудным сказочно-заморским светом. — „Вода океанская, зеленая,“ — говорит капитан и недоумеет» [\[14, с. 180–181\]](#). Здесь, с одной стороны, зеленый цвет сопровождается характерными для Пришвина эпитетами: «чудный», «сказочно-заморский»; с другой стороны, сама описанная процедура — попытка определить местонахождение корабля (то, насколько он приблизился к Северному Ледовитому океану) по цвету воды.

У Казакова морская вода тоже иногда описывается как приобретающая зеленый оттенок, цвет воды и в «Северном дневнике» может указывать на местоположение корабля: «Вода все синела, густела, становилась такой *плотно-сине-зеленой*, что казалась непрозрачной, а на самом деле была чиста, как стекло, и на сотни метров проникал свет солнца в глубину. Мы вошли в полосу Гольфстрима» [\[15, с. 152\]](#). Всего указаний на зеленый цвет воды в «Северном дневнике» восемь; помимо процитированного есть следующее: «И мы видим теперь только черную плоскую полосу берега под *зеленовато-алым* небом и облака... За бортом от прикосновения к катеру вспыхивали в глубине *зелено-синие* пятна величиной с блюдце и медленно отходили в сторону... Ячеи уже просвечивают *сквозь зеленую воду*... [Н]е было качки, сияла низкая багровая луна, у борта вспыхивали, мерцали *зеленые* искры... Как будто то несешься в лодке между скал по гремящим порогам с водяными туманами и радугами, то остановился в озере и загляделся в его *зелено-желтую глубину*... Даже под опущенные ресницы, отраженное *бирюзовой водой* и льдами, умытыми ею, пробивается и слепит глаза солнце... празелень вод... <белухи> выходили... из воды дохнуть воздухом и опять погружались в *зеленую* пучину...» [\[15, с. 32, 57, 142, 170, 179, 218, 241, 245\]](#).

Сравним процитированное: если у Пришвина цвет воды чисто зеленый, и вместо указания на оттенки даны оценочные эпитеты, то Казаков пытается как можно точнее описать конкретный цвет воды, образуя сложное прилагательное («плотно-сине-зеленая»), и к тому же различает видимое наблюдателю («казалась непрозрачной») и действительное («а на самом деле была чиста как стекло»).

Конечно, зеленый и для Казакова — цвет растений. Однако указаний на зелень растительности в «Северном дневнике» по сравнению с книгой Пришвина немного (всего 12 случаев): сказывается, видимо, различие маршрутов. В 6 случаях это цвет травы и деревьев, причем только 4 относятся к изображению Севера — как и Пришвин, и, может быть, вслед за ним Казаков включает в рассказ о северном путешествии фрагменты, посвященные воспоминаниям о средней полосе. Во фрагментах, где Казаков вспоминает о средней полосе, есть и *зеленя*, и *отдымившая первая зелень* [\[15, с. 208, 200\]](#).

В «Северном дневнике» есть указания на зеленый цвет характерного для тундры мха, есть обобщенное: «*зеленая* полоса тундрового берега... на далекую *зелено-серую* еще тундру... все это *зеленое* и серое... десяток разбросанных серых пятнышек на всем *зеленом*» [\[15, с. 218, 317, 32, 175\]](#). Но вот зелень леса у Казакова — в отличие от Пришвина

— не упоминается (хотя о лесе в «Северном дневнике» говорится, но окрашен он иначе, а чаще всего не окрашен вовсе).

Несколько раз в «Северном дневнике» описывается зеленый цвет неба, который может оказываться предвестником грозных явлений, хотя в культуре символизирует надежду: «И вот в полночь однажды заполыхало молчаливое северное сияние, в полночь грянуло с неба обилие фантастического света, все засветилось, озарилось красным, лимонным и зеленым огнем. — К шторму! — в один голос сказали рыбаки. И в ту же ночь пал шторм... В лужах отражается свет от *зелено-голубой полосы* над горизонтом под мутными тучами...» [\[15, с. 26\]](#).

И, конечно, в «Северном дневнике», где описан человеческий труд на Севере (первая часть этой книги, как известно, близка к жанру производственного очерка) зеленый цвет — не только цвет природный, но и цвет артефактов: «Пишу при свете... *зеленоватых* потолочных иллюминаторов... Вращающаяся установка с чередующимися *зеленым* и красным огнем... мертвый *зеленый* свет <о маяке, дважды>... дора с *зеленой* будкой... будочка ядовито-зеленого цвета... Горели красные, белые и *зеленые* огни на бакенах, на бортах и кормах судов... позеленевшие патроны... сизо-зеленый дым <от печи>... люди за зелеными столами гильзы... с празеленью *зеленый* луч <радиолокатора, упомянутого дважды> кругами заходил по экрану» [\[15, с. 9, 27, 29, 32, 115, 121, 160, 257, 222\]](#). В книге Пришвина вещи, сделанные человеком и при этом окрашенные в зеленый цвет, не упоминаются ни разу (если не считать сетей и прочего, выглядящего зеленым в глубокой воде), — что, видимо, не случайно и объясняется тем, что зеленый цвет у Пришвина всегда имеет сложный символический смысл.

3. Заключение

Итак, цвета у Казакова указывают на точные характеристики объекта. Например, зеленый цвет, который у Пришвина так часто имеет символический смысл, у Казакова может быть связан с самыми разными качествами (например, в «Северном дневнике» упоминается испорченная мука, она «зелена вся», то есть заплесневела), что не исключает присутствия коннотаций, эмоциональной окраски слова (подробнее об этом см.: [\[16\]](#)).

Библиография

1. Казаков Ю. П. Две ночи: Проза. Заметки. наброски. М.: Современник, 1986. 336 с.
2. Иванова И. Н. Северный текст в современной отечественной прозе: версия Дмитрия Иванова [Электронный ресурс] // Журнал "Современные проблемы науки и образования". 2015. № 1-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20220> (дата обращения: 24.02.2024). EDN: TXUXSB
3. Фесенко Э. Я. Притяжение Севера. Архангельск: САФУ, 2015. 426 с.
4. Лили Д., Михайлова М. В. Цикл очерков М. Пришвина "В краю непуганых птиц": поиски жанра // Вестник Московского ун-та. Сер. 9 "Филология". 2021. № 2. С. 122-131. EDN: VZCYRE
5. Куликова И. С. Две цветные картины мира // Русская речь. 1971. № 3. С. 10-17.
6. Нельзина Ю. А. Качественные прилагательные и глаголы со значением цвета как идиостилевое средство реализации художественного концепта в творчестве М. М. Пришвина // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2006. № 2. С. 105-112.
7. Нельзина Ю. А. Функционирование цветного концепта в мифологическом дискурсе (на материале произведений М. Пришвина) // Вестник Удмуртского ун-та. 2005. № 5 (2).

С. 35-40.

8. Лишова Н. И. Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М. М. Пришвина "За волшебным колобком" // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 32 (213). Филология. Искусствоведение. Вып. 48. С. 71-73.
9. Тимофеева А. М. Сравнительный анализ лексики со значением зеленого цвета в идиолектах Дж. Даррелла и М. М. Пришвина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 148-151. EDN: VPNOQZ
10. Гусейнова Г. М. Концепты "свет" и "цвет" в художественной картине мира Ю. П. Казакова. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 160 с. EDN: QEGYEF
11. Канин Хо. Поле цвета в словарном представлении и его воплощение в художественном тексте (на материале рассказов Ю. Казакова). Дисс... канд. филол. наук. Спб., РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 136 с.
12. Егнинова Н. Е. Рассказы Ю. П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы. Дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, Бурятский гос. ун-т, 2006. 174 с. EDN: NOKSIL
13. Панфилов А. М. Художественный мир Юрия Казакова и духовные традиции русской литературы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 203 с.
14. Пришвин М. М. За волшебным колобком: Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии. СПб., 1908.
15. Казаков Ю. П. Северный дневник. М.: Советская Россия, 1973. 371 с.
16. Ивченков В. И. Лингвостилистика тропов Юрия Казакова. Минск: Пачатковая шк., 2002. 114 с. EDN: ISRVCU

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена использованию обозначений цвета в произведениях М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова о севере «За волшебным колобком» и «Северный дневник». Отмечается, что «интерес Юрия Казакова к русскому Северу, проявившийся прежде всего в «Северном дневнике», возник под влиянием читательских впечатлений от книги М. М. Пришвина «За волшебным колобком», что обосновывает выбор данных произведений в качестве эмпирической базы. Актуальность работы определяется необходимостью изучения лексических средств воплощения художественного мира М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова, в частности такого значимого фрагмента художественной картины мира авторов, как цветообозначение.

Теоретической основой работы явились труды российских исследователей, посвященные северному тексту в современной отечественной прозе; цветовой картине мира; идиостилевым средствам реализации художественного концепта в творчестве М. М. Пришвина; художественному миру Юрия Казакова и духовным традициям русской литературы и др. Библиография насчитывает 16 источников, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстуально-герменевтический анализ произведения, литературоведческий и художественный анализ.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно рассмотреть общие черты и отличия в использовании обозначений цвета у Пришвина и Казакова и прийти к определенным выводам («у обоих авторов указание на цвет встречается часто», «среди общих черт Пришвина и Казакова — то, что в их описаниях Севера очень важную роль играет зеленый цвет»; «в «Северном дневнике», где описан человеческий труд на Севере зеленый цвет — не только цвет природный, но и цвет артефактов», «в книге Пришвина вещи, сделанные человеком и при этом окрашенные в зеленый цвет, не упоминаются ни разу,.. зеленый цвет у Пришвина всегда имеет сложный символический смысл» и др.). Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как лингвоцветовая картина мира, полевая лексико-семантическая организация художественного текста, в изучение идиостилей М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкознанию и теории языка, по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Белавина Е.М. Междисциплинарный подход Анри Мешонника: между швейцарской школой и “русской теорией” // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74368 EDN: EEPYCG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74368

Междисциплинарный подход Анри Мешонника: между швейцарской школой и “русской теорией”

Белавина Екатерина Михайловна

ORCID: 0000-0002-4038-7815

кандидат филологических наук

доцент; филологический факультет; МГУ имени М.В. Ломоносова

119331, Россия, г. Москва, Ломоносовский р-н, ул. Кравченко, д. 12, кв. 22

✉ kat-belavina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74368

EDN:

EEPYCG

Дата направления статьи в редакцию:

07-05-2025

Дата публикации:

21-05-2025

Аннотация: Статья посвящена выявлению связей антропологической теории ритма Анри Мешонника с трудами швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра и русской формальной школой. Актуальность исследования обусловлена тем, что рецепция трудов русских формалистов во французском стиховедении еще не была в достаточной мере освещена, настоящее исследование стремится стать шагом к восполнению данного пробела. Критика положения Р.Барта о “смерти автора” со стороны Мешонника затруднили рецепцию антропологической теории ритма в Европе и США. Значительное присутствие русского материала в работах Мешонника замедляет его рецепцию и в России, поскольку создает иллюзию отсутствия новизны. Предметом исследования являются ключевые концепты антропологической теории ритма в сопоставлении с терминами

"параграмма" и "ценность" (Соссюр) и понятиями "историчность", "деформация семантики", "звукообраз" (Тынянов), "эвфония" (Томашевский). На основе сравнительно-сопоставительного метода проводится понятийный анализ теоретических и критических текстов на французском языке (Соссюр, Мешонник, Бурасса) и русском языках (Тынянов, Томашевский) с привлечением историческо-культурного контекста для прояснения позиции Мешонника в противостоянии с французскими постструктуралистами. В научном дискурсе Мешонника присутствуют термины политики, социологии и философии, что характерно для 60-х, 70-х годов. Мешонник постулирует, что субъект стихотворения является "демократией стихотворения". Термин устность (*l'oralité*) Мешонник определяет как отношение ритмического и просодического компонента способа означивания (*фюсис-письмо*) к тому, что говорит данный дискурс (*логос-письмо*). Прояснение отношения Мешонника к концептам Соссюра (параграммы, ценность) в сочетании анализом основных понятий антропологической теории звука (субъект стихотворения, просодия, ритм, историчность, цепи консонантно-вокалической организации) наглядно показывает оригинальность подхода французского стиховеда и плодотворное взаимодействие русской и европейской научной мысли. Ситуация отхода от национальных государств и национальных систем стихосложения на этапе развития транснациональных сообществ создала предпосылки для коренных изменений в интерпретации поэтического письма, одним из вариантов которой является антропологическая теория ритма Мешонника.

Ключевые слова:

Антропологическая теория ритма, субъективность, французская поэзия, русский формализм, Мешонник, значимость, анаграммы, Французская теория, устность, голос

Введение. Этапы творческого пути Анри Мешонника

Рецепция наследия Анри Мешонника в нашей стране началась с 2000-х гг. [\[1\]](#), его труды охватывают широкий круг вопросов лингвистики, семиологии, лексикологии, антропологии, истории искусства, этики, политики, истории. В творчестве Мешонника выделяется три этапа. Первый представляет собой новое определение поэтики, которое проясняет связи между речью, бессознательным и идеологией. В этом отразился социологический поворот, при котором говорящий, пишущий, читающий субъект включен в некое сообщество, позиционирует себя за или против, внутри или вне какой-либо политики и идеологии. "Эти эпохальные характеристики оказались по-своему присущими и писателям настоящего двадцатого века, носителям, не подберем другого выражения, мощного синдрома *homo ideologicus*" [18 С. 5]. Новое направление мысли, развиваемое Мешонником, тесно связано с поэтическими практиками [\[33\]](#) и с практикой перевода [\[32\]](#), [\[35\]](#) и сопровождается критическими работами о Нервале, Аполлинере, Элюаре, Андре Спире, Бодлере [\[36\]](#).

Второй этап заключается в пересмотре теорий языка [\[39\]](#), а третий – это ставшая его визитной карточкой монография "Критики ритма" [\[35\]](#). Подзаголовок "Историческая антропология языка" показывает, что речь идет о продолжении эпистемологического размышления, представленного в книге "Знак и стихотворение" [\[36\]](#). Мешонника интересуют вопросы историчности и субъективности в дискурсе. Развитие научной мысли Эмиля Бенвениста находит отражение в работах Мешонника и его последователя

Жерара Дессона. Традиционной дихотомии письменной и устной речи (oral-écrit) Мешонник противопоставляет триаду: oral-parlé-écrit причем "устность" (oralité) может присутствовать как у речи, так и в письменном тексте^[2]. Источником размышлений послужили поэтические практики Мешонника и участие в проекте нового перевода Библии на французский язык.

Основные положения лингво-поэтической теории Мешонника в соотношении с подходами Соссюра, Бенвениста, Гумбольдта, Брика и Тынянова подробно представлены Ю. Маричик^[12], мы остановимся на источниках интереса к консонантно-вокалическим повторам, идее valeur (значимости, ценности) и на расхождениях с Кристевой, Бартом, Деррида.

I Понятие "valeur" в антропологической теории ритма

Поэтика Мешонника не ограничивается эмпирическими наблюдениями, анализ текстов подчинен эпистемологической задаче: поиску литературности посредством исторической антропологии речи. В своей теории Мешонник во многом опирается на русских формалистов,^[3] но подчеркивает, что стихотворение, вопреки всем достижениям формального метода, - "слабое звено" в теории знака^[4]. Поэтический текст противится пересказу содержания, форма отказывается указывать на что-то помимо себя. Лингвистические понятия, заимствованные у Фердинанда де Соссюра, которые представляют язык как замкнутую систему элементов, каждый из которых находится в иерархических отношениях с другими компонентами системы, становятся у Мешонника понятиями поэтики:

1. "Valeur [...] Elle est à son degré plein au niveau de la littéralité. Elle y joue le rôle d'un élément du système de l'œuvre, dans la mesure où l'œuvre se constitue par des différences. Ces différences peuvent porter sur des phonèmes, des mots [...], des personnages, des objets, des lieux, des scènes, etc. Il n'y a pas de valeur à l'état pur, mais seulement à l'intérieur d'un système ». [34 p. 176]

2. Système (d'une œuvre). L'œuvre (chaque œuvre) comme totalité caractérisé par ses propres transformations, qui dépendent de ses lois internes. [34 p. 175]

Маричик переводит valeur как "значимость" ("концепция "значимости", разработанная Соссюром и заимствованная Мешонником" [12 с. 138], термином, принятым в языкознании, но в дискурсе французского стиховеда, знакомого с трудами Юрия Тынянова, присутствует и концепт "ценность" (фр. valeur), который встречается в книге "Проблема стихотворного языка":

Итак, согласно вышесказанному, остаются два положения: 1) частичное отсутствие «содержательности» словесных представлений в стихах («inhaltlos»); 2) особая семантическая ценность слова в стихе по положению. [19 с. 8]

Мешонник выстраивает динамическую концепцию мерцающих значимостей и ценностей, в центре которой помещен субъект. Система, в отличие от структуры, проявляется в процессе восприятия, Мешонник соединяет читателя и слушателя в единый воспринимающий центр (se révèle au lecteur-auditeur comme une incessante structuration") [34 p. 75].

Мешонник противопоставляет прочтению Якобсона (lecture-littérature) прочтение, считывающее акт письма, генезис текста (lecture-écriture)^[5], и переводит свою мысль в

термины генеративной лингвистики Н. Хомского, противопоставляя соссюровской дихотомии *langue/langage* оппозицию *compétence/performance*, где первая категория означает врожденное знание языка, а вторая — умение говорить (*pour parler brièvement en termes pris à Chomsky en performance et en compétence*) [34 p. 40].

2 Понятие "subjectivité" в антропологической теории ритма

В теории ритма Мешонника отводится особое место работам Бенвениста, который развил из понятия Соссюра "parole" (*acte de l'individu réalisant sa faculté au moyen de la convention sociale qui est la langue*) [48 p. 12] понятие речь (*discours*). Связанное с ним понятие субъективность (*subjectivité*), способность говорящего позиционировать себя как субъект [22 p. 259], находится в центре внимания Мешонника. В понятии субъективности по Бенвенисту заложено понятие *socialité* (социальность)^[6], что подразумевает обмен актами речепорождения, когда каждый говорящий становится по очереди субъектом (говорящим *je*). Статья Бенвениста "Понятие "ритм" в его языковом выражении" ([22 p.327-333],[4 с. 377-386]) - отправная точка исследований Мешонника. Мешонник видит в ритме субъективную конфигурацию смысла в дискурсе. Именно это позволяет отойти от метафоры (форма – стакан, смысл – вино, против которой высказывался Тынянов [19 с. 9]), разомкнуть дуализм оппозиции форма/смысл в пользу единства *forme-sens*. Русская школа во многом послужила основой для концепта "форма-смысл" Мешонника, в антропологической теории ритма, развивавшейся в 60-70-е годы, важна попытка интегрировать различные научные системы, отразить реальность европейского тигля языков и культур.

Жестом поэта, которому свойственно синкретическое, нерасчлененное, близкое к мистическому и первобытному мышлению, он объединяет письмо и экзистенцию, рифму и жизнь, поэзию и память, чтение и голос.

Мешонник через опыт коллективного перевода Библии (годы), прочувствовал ритм как телесность, историчность, общность. Он останавливает внимание на практиках коллективного чтения вслух религиозных (библейских) текстов. Мешонник рассказывает о еврейской традиции чтения Пятикнижия вслух^[7]. Практика чтения текста и опыт, который проходит воспитание слуха индивида, позволяет развить способности восприятия графического текста с отсылкой к предшествующему аудиальному опыту. Ритм чтения вслух объединяет и синхронизирует отправляющий полюс (чтец) и воспринимающий полюс (читатель, слушатель).

Термин устность (*l'oralité*)^[8] Мешонник определяет как соотношение ритмической и просодической составляющей способа означивания (фюсис-письмо) к тому, что говорит данный дискурс (логос-письмо) (« *le rapport nécessaire, dans un discours, du primat rythmique et prosodique de son mode de signifier à ce que dit ce discours.* ») (цит. по ^[21]). Так, через перекодировку устного и аудиального опыта в телесный ритм (фюсис-письмо, след встречи со звучащим художественным словом), Мешонник переходит имплицитно к пониманию поэтики ритма как политики ритма, через общность людей, граждан организованного полиса (*polis*). В терминологии Мешонника присутствуют термины политики, социологии и философии, как это было характерно для поколения 60-х, 70-годов. Мешонник постулирует, что субъект стихотворения является демократией стихотворения ("*démocratie du poème*") [41 p. 19].

Мешонник одним из первых подверг критике заявления о смерти автора и разработал теорию ритма, проявляющую уважение, интерес и внимание к субъекту письма (*sujet du poème*). В сфере перевода, как в теории, так и в практике, Мешонник последовательно

утверждал необходимость вслушивания в другого, единство процесса письма и процесса чтения, в котором соединяются полюс автор и полюс читатель. Мешонник ввёл термин перевод-децентрирование, исходящее из «равноправия» писателя и переводчика, что приводит к диалогу двух (равноправных) субъектов, порождая тем самым транссубъект, необходимый для работы текста для того, чтобы текст произвел эффект.

Критика самых популярных концептов постструктурализма не прошла бесследно. Рецепция трудов французских ученых в США, давшая название French Theory, не захватила труды Анри Мешонника, который впервые был переведен на английский язык в XXI в. [42]. Для теории ритма Анри Мешонника вопросы, поставленные постструктуралистами, имеют большое значение, однако решением этих вопросов стала предложенная Мешонником самобытная антропологическая теория ритма, развивающая оба (взаимоисключающих) направления мысли Соссюра.

3. Истоки интереса Мешонника к консонантно-вокалическим фигурам

Советский и российский филолог, специалист в области стилистики, языка художественной литературы, особенно поэзии, автор трудов о Хлебникове, Виктор Петрович Григорьев предполагает, что неопубликованные исследования швейцарского лингвиста не остались бы незамеченными русскими стиховедами: "Опубликуй Соссюр эти свои материалы и сомнения еще при жизни — и, может быть, уже в конце 10-х годов О. М. Брик, В. М. Жирмунский или другой отечественный филолог обратил бы внимание не только на традиционные звуковые повторы, а лингвистика в наши дни менее заметно отставала бы от живых процессов в поэтической мысли и слове". [7 с.252]

В работах Фердинанда де Соссюра сочетались две направления мысли: Курс общей лингвистики утверждает произвольность лингвистического знака, а "Тетради" [9] предполагают его обусловленность.

Автор трудов о Соссюре, практической поэтике [25], поэтике УЛИПО, Даниэль Делас четко формулирует противоречие между гипотезой об анаграммах и основными свойствами лингвистического знака (произвольность и линейность) [10] [26 р. 13]. Мешоннику удалось объединить оба направления исследований швейцарского лингвиста для создания своей теории дискурса и поэтики ритма. В свое прочтение трудов Соссюра Мешонник, в отличие от структуралистов обращает внимание не на бинарные оппозиции, а на объединяющие концепты (ценность, система, функционирование) для построения концепции историчности речи (*historicité du langage*).

Согласно Ф. де Соссюру, лингвистический знак соединяет не вещь и имя, но концепт и акустический образ. Принимая во внимание интерес к звуковой стороне знака на рубеже XIX -XX вв., Григорьев в 1970-е годы вводит понятие "паронимического взрыва" [7 с. 254], обозначая им период, когда в разных концах Европы интерес к звуковым повторам, к сближению слов по сходству звука, ведет к "научной поэзии" и словесной инструментровке (*orchestration verbale*) Рене Гиля, исследованиям сатурнической поэзии Соссюром, проявляется в панторимах (или панторифмы) Альфонса Алле и Владимира Маяковского, в "звукообразах" и "звуковых метафорах" Андрея Белого и Юрия Тынянова, в творческом поиске русских футуристов и формалистов. Беньямин относит поэтический дискурс авангарда к "магическим" практикам: «Магические же эксперименты со словом, а не артистические игры, и есть те одушевленные фонетические и графические трансформации, что уже пятнадцать лет пронизывают всю литературу авангарда, будь то футуризм, дадаизм или сюрреализм» [5 с. 272].

К 1909 году Соссюр, “после нескольких лет усиленных занятий анаграммами в поэзии на древних индоевропейских языках”, не найдя четких доказуемых закономерностей, “почти разуверился в том, что занимавший его объект — истинный, что поэты древности сознательно использовали прием подбора слов текста в зависимости от звукового состава ключевого слова (см. Иванов 1976 :251—267)” [цит. по 7 с. 254], в том же году Бурлюк и Каменский приступили к работе над первым выпуском альманаха “Садок судей”^[11], что считается началом русского футуризма. Годом раньше дебютировал Хлебников, началось “распространение особого типа анаграмматических построений — различных способов паронимической аттракции” [7 с. 251]. Мешонник и его последователи находят в стихотворениях В. Гюго^[12] [28 р. 166] и в прозе Ж. Перека консонантно-вокалические повторы, которые превращают текст почти в непрерывную параномазию^[13] [28 р.226], основываясь на работе Соссюра по поиску анаграмм. Последователи Мешонника видят анаграммы в текстах вне зависимости от риторического намерения, в разных видах повторов^[14] [29 р.210]. Однако для Мешонника и Соссюра общим является не только интерес к паронимической аттракции.

4 Просодия, ритм, историчность и процессы означивания

Выступая против дуализма знака, Мешонник применяет в поэтике понятие *означивания* (*Signifiante*), заимствованное напрямую у Бенвениста, принимая во внимание просодию и ритм.

Термин *означивание* используется многими теоретиками литературы. Майкл Риффатер различает *sens* (смысл) и (*signifiante*), как две формы чтения. *Sens*-чтение останавливается на уровне информации, предоставленной текстом. Вторая форма чтения видит текст как формальное и семантическое единство (*unité à la fois formelle et sémantique*) [46 р.13], не подчиняющееся предустановленным законам языка, результат этого чтения не будет равен сумме элементов информации^[15].

К той же точке зрения приходит и Кристева: “Формалистам недоставало теоретической рефлексии, не был поставлен и вопрос о литературной практике как о специфическом способе означивания. [...] литературный объект исчезал под грузом категорий языка, составлявшим “научный объект”, имманентный формалистическому дискурсу, [...] ничего не имеющий или весьма мало общего с его подлинным предметом – с литературой как особым способом означивания” [11 с.9].

В своей теории Риффатер интересуется процессом означивания при чтении (работа текста, которую текст производит в читателе, *travail du texte*), а Кристева при письме, а Мешонник говорит о неразрывной связи процессов письма, чтения, интерпретации, перевода и письма. Кристева ощущает неким единством работу с фюсис-письмом, свойственную заклинаниям и поэзии: “Практическая работа внутри означающего когда-то именовалась *магией*, затем *поэзией* и, наконец, *литературой*”, издревле ее окружал ореол «таинственности», из-за чего ее оценивали слишком высоко или же, наоборот, сводили к чисто орнаментальной функции (если не к нулю), подвергали то цензуре, то идеологическому оправданию” [11 с.17]. Важным уточнением является последний член триады *магия-поэзия-литература*, взятый не в риторическом смысле (“*le reste est littérature*” Verlaine “*Art poétique*”), а как раз в анти-риторическом, на этапе стертого противопоставления поэзия/проза.

В интервью, данном И. Божовику, и опубликованном в журнале *Tel Quel* (1969, N9) Филипп Соллерс говорит о противопоставлении поэзия/проза, как о примете “старого

мира”: “Установить дату смерти риторики несложно: конец XIX века, именно так мы определяем переломный момент, который в контексте французской литературы ознаменовали, например, Лотреамон и Малларме. Это конец риторической речи, конец риторической системы мысли, конец “дискурса”. Тогда проза углубилась в себя, но я не думаю, что уместно употребить слово “проза”, поскольку это слово всегда было противопоставлено слову “поэзия”. “Проза”-“поэзия” — это еще одна из старых антиномий, которые принадлежат старому миру. Теперь нужно прибегнуть, я полагаю, к понятию, ставшему важным в последние дни и основополагающим, поскольку оно объединило все теоретические и даже политические дебаты этого времени, — это “письмо” или “текст””. [17 с.170-171].

Отказываясь отнести изучаемый объект к какому-либо из дискурсов “старого мира”, Крестева использует термин *текст*: “Святость, красота, иррациональность / религия, эстетика, психиатрия — вот категории и типы дискурсов, поочередно предъявляющих права на сей «специфический объект», который невозможно поименовать, чтобы тут же не отнести его к одной из восстановительных идеологий. Этот объект и будет находиться в центре нашего внимания; мы дадим ему операциональное наименование: текст”^[16] [11 с.33].

Означивание по Риффатеру и по Крестевой выходит за рамки семиологии, они противопоставляют поэзию акту коммуникации. В рассмотрении означивания внимание Мешонника также сосредоточено на процессе, на означающем, на противопоставлении поэтического языка референтному языку. В разработке своей терминологии Мешонник оговаривает, что означающее – это причастие настоящего времени (от гл. *signifier*). Процесс означивания предполагает концепцию дискурса как множественного означающего (*signifiant multiple*), чтобы выйти из бинарной оппозиции означаемое-означающее *signifiant-signifié*^[17].

Мешонника интересуют суперсегментные единства: просодия, ритм. Он стремится показать, как система порождает значение, а не присвоить значение каждому элементу. Эта особенность антропологической теории ритма в сочетании с отказом от традиционного анализа текста (либо по уровням языка, либо по сегментам, например, *analyse linéaire*) придает некую зыбкость понятиям, что вызывает критику лингвистов.

Мешонник определяет просодию как консонантно-вокалическую организацию речи (*“organisation consonantique-vocalique du langage”*) [37 р. 27], ритм и просодия представляются ключевыми компонентами процесса означивания. Исторически термин *просодия* (фр. *prosodie*), в античной версификации обозначавший соотношение долгих и кратких гласных^[18] [43 р.917], применяется расширительно для обозначения французской силлабики (подсчет слогов, рифмовка). В словаре Морье современная трактовка *prosodie* обозначена как лингвистический термин^[19] [43 р. 917]. Под просодией понимается в фонетике интонация, темп, акцентуация, паузы^[30]. В лингвистическом понимании просодия лежит в сфере конкретных реализаций.

Для Мешонника просодия и ритм важны, как неотъемлемая часть речи, ускользающая от дуализма знака. Из этимологического ореола культур, Мешонник вычленяет образы музыкальности: пения (*prosodia* «поет вместе со слогами»; *accentus*, от *cano*, “петь”), мелодии, танца, постоянно присутствующие в поэтическом тексте^[20].

Мешонник воспринимает слова как *проходы смысла* (*passages du sens* [38 р. 259]). В вопросах “ритмической семантики” он отмечает первенство Осипа Брика, поднявшего

вопрос о ритмико-синтаксических фигурах. Основные положения Брика, выступавшего против орнаментального понимания красивых созвучий, доведены до французского читателя в транслитерации (Styk, skrep, kol'co, koncovka). Мешонник не проводит непреодолимых границ между системами версификации, он сочетает наблюдения Дюамеля и Вильдрака^[21] ^[30], Ромена^[24], Арагона и Майкла Шапиро, выстраивая свою концепцию непрерывного означивания^[22]”.

Подходя к определению просодии, Мешонник опирается не только на латинскую и греческую традицию, но активно привлекает труды Осипа Брика, Бориса Томашевского, Виктора Жирмунского, Романа Якобсона, а также чешского литературоведа Жири Леви^[23], что показывает, что его мысль не исчерпывается французской силлабикой, но для французской силлабики Мешонник предлагает арсенал специфических средств анализа, которые развиваются в современном сравнительно стиховедении. Удивительно, что в монографии Катрин Депретто, в главе посвящённой рецепции русского формализма на Западе, имя Мешонника не упоминается^[24].

Мешонник цитирует французских историков стиха, чаще всего, чтобы не согласиться с ними. Он коллекционирует цитаты французских стиховедов о важности рифмы, которые были опровергнуты литературным процессом, показывая их несостоятельность, например, утверждение, что рифма равносильна концу стиха^[25] [39 p. 263]. Оспаривая отношение к рифме Банвиля, Диршена, Тенена и Кишра, Мешонник характеризует рифменные ожидания как “школьные”^[26]. Примечательно, что выход этих трактатов совпадает по времени с периодом самой активной фазы становления французского верлибра^[44]. Мешонник характеризует этот этап развития французского стиха как академизацию рифмы, стирание, исчезновение-трансформацию. (contemporaine de son académisation, donc précisément de son effacement, disparition-transformation”^[27]) [7 p. 263].

В самом определении просодии по Мешоннику участвует субъект, вписанный в речь, ассоциативностью означающего, субъективностью памяти в словесном материале^[28]” [40 p. 40]. Мешонник соглашается с поэтом Андре Спиром (1868-1966), предполагая некую корреляцию между слухом, артикуляцией, письмом и чтением, о которой говорится в книге “Plaisir poétique et plaisir musculaire”^[50]. По наблюдению А. Спира, ударения всегда находятся на гребнях смысла (sur les crêtes du sens) [50 p. 47]. Тынянов с отсылкой в фонетическим экспериментам аббата Руссло описывает работу аудиального воображения при генезисе поэтического текста: “Он [поэт] артикулирует (articule) свои стихи и говорит их своему слуху, который судит ритм, но не создает его»^[29].

Переживание телесности, вписанной в текст, присутствует в “Заметках о поэзии” О. Мандельштама, цитата из которого вынесена эпиграфом к “Критике ритма” [37 пр]. Внимание к физиологии звука присутствует и в “Теории литературы” Томашевского в главе “Эвфония”: “если мы употребляем слово “звук”, то разумеем под этим словом не одну только музыкальную сторону речи, но также и представление о движении языка, мускулов гортани, напряжении голосовых связок, выдыха и т. п.”^[30]. Широкое распространение труды Томашевского получили во Франции после публикации переводов Тодорова^[52]. Однако фонетический поворот в филологии и во взаимном интересе поэтов к науке о звуке и фонетистов к поэзии наблюдается и в России, и во Франции^[2].

В терминологии Мешонника проявляется подспудный протест против аналитичности французского языка, против расчленённости европейского мышления, оперирующего бинарными оппозициями. Так, например, он объединяет дефисом термины дискурс, ритм, просодия, возражая тем самым против анализа (разложения) произведения на ярусы языкового материала [15]. На уровне графического отображения Мешонник представляет просодию как *inséparable des mots-dans-leur-phrase* (Неотделимую от слов-во-фразе) [36 p.67].

Мешонника отличает глубокое понимание работ русских формалистов. Французский стиховед часто ссылается на Тынянова. Понятие тесноты и единства стихового ряда легло в основу принципа выделения консонантно-вокалических сетей означивания, а “деформация семантики” [19] слов в ритмической последовательности, которую оказывает ритм, напоминает “valeurs spécifiques” (специфические значимости) [38], иерархия которых выстраивается с помощью ритма, управляющего вниманием.

В книге “Проблема стихотворного языка” (1924) Тынянов обращается к работам французского лингвиста Мишеля Бреалья [31] (1832-1915), основателя современной семантики. Комментируя стихотворения Пушкина, Маяковского, Лермонтова, Тынянов использует термины Бреалья [19 с.135]: contagion, irradiation [32], groupe articulé. Цитируя определение артикуляционной группы, Тынянов добавляет наречие “тесно”, которое отсылает к термину теснота звукового ряда, ставшем визиткой карточкой его метода: “Как есть колеса шестерни, которые мы привыкли видеть прилаженными друг к другу, так что уже и не представляем их в раздельном виде, — так и в языке есть слова, которые употребление соединило так тесно [33], что они более не существуют для нашего сознания в изолированном виде”, M. Bréal, Essai de Sémantique 1904, с. 17” [19 с. 35]. Знакомство Тынянова с работами французских и немецких ученых, которых он читал в оригинале, позволило создать оригинальную концепцию, сохранившуюся в отечественной и мировой науке. Мешонник не обращается к работам Бреалья, но цитирует русских формалистов для построения собственной теории ритма.

5 Цепи консонантно-вокалической организации

В концепции Мешонника можно выделить три основных принципа консонантно-вокалической организации дискурса: просодическое акцентирование (accentuation prosodique/accents prosodiques), фигуры (figures/échos prosodiques) и просодические парадигмы (séries/chaines/paradigmes prosodiques). Мешонник использует разнообразные условные обозначения и метафоры, например, в эссе о поэтике Жерара де Нерваля [36 p.33] в названии главы “*La carrure du vers*” (досл. телосложение, комплекция стиха) метафора телесности подчеркивает, что в восприятии Мешонника стих представляется живой материей.

При рассмотрении повторов рядов гласных Мешонник в “*Le Christ aux oliviers*” выписывает звуки, занимающие его внимание:

Et semble en écouter l'enivrante pensée.

е е е

В комментарии заключаются две метафоры: “Le vers est tenu par ses voyelles: l'alexandrin replie sur lui-même”. (“стих держится на этих гласных: александрен сворачивается”), создается образ движения, действий живых существ). [36 p.33]

После описания рядов гласных в четырех строках, Мешонник переходит к рассмотрению консонантных повторов: "Et les consonnes font une formule d'inclusion: une allitération développée qui enchasuble tout le vers:

Attachez son pied tors, éteignez son oeil louche...

Il appela le seul – éveillé dans Solyme...

~ ~

Ce bel Atys meurtri que Cybèle ranime..." [36 p.34]

~ ~

Фигурные скобки под строкой выделяют созвучия le seul [lθ-sœl] -Solyme [sɔ-lim] (повтор согласных s и l) и Ce bel [sə-bɛl] -Cybèle [si-bɛl] (s,b,l). В описании использован авторский окказиональный неологизм – глагол enchasubler, образованный от chasuble (риза). Мешоннику представляется аллитерация, покрывающая стих ризой. Метафора подсказана религиозной образностью стихотворения Нерваля "Le Christ aux oliviers" и самой формой одеяния: церковное облачение несет идею единства, покрова, "нерасчлененности".

Позднее, в книге "Трактат о ритме стихов и прозы" [28] для анализа метрико-синтаксической структуры стиха Мешонник и Дессон используют нумерацию слогов, охваченных консонантными повторами и прямоугольные скобки, дополняя ими знаки античной метрики:

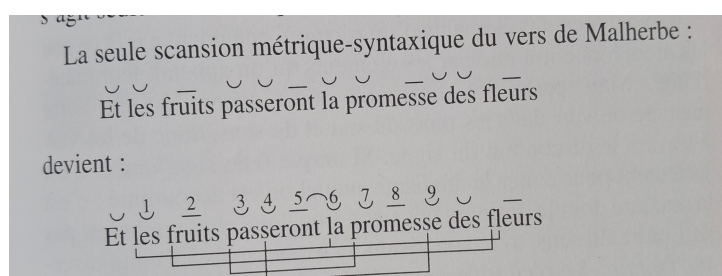

Рис. 1 [28 p.169]

Принципы построения консонантных фигур применяются Мешонником и Дессоном для анализа прозы, например, Флобера:

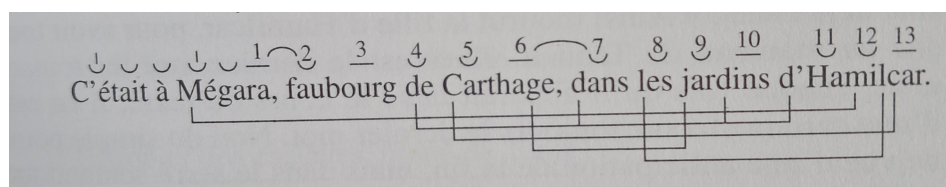

Рис. 2 [28 p.203]

Для анализа текста Мешонник использует систему ударений, включающую спорное "просодическое" акцентирование (accentuation prosodique [3]). Ударение, заложенное в тексте, в теории Мешонника представлено как символическое отображение сгустка энергии, поскольку изначально в речи ударение концентрирует мускульное усилие.

Заключение

Анри Мешонник обладал удивительным чутьем поэтического языка, чутким слухом к

поэтическому слову, интуитивно находившим законы, ориентирующие слово в потоке речи. Зачастую его формулировки были нарочито полемичны: «Последнее, что имеет значение в языке — это смысл. Ритм это прекрасно показывает на письме. В речи всё, что относится к телесности, жестикуляции, ситуации и субъективности, что не говорится словами, но передается собеседнику» [38, p. 13]. Антропологическая теория ритма содержит призыв к изучению дополнительных уровней суггестии. Жерар Дессон и Анри Мешонник в «Трактате о ритме стихов и прозы» подчеркивают: «Речь идет не о звучащей реальности — или музыкальной — в речи, но о языковой системе, которая создает семантические последовательности с помощью консонантных и вокалических единиц» [28 p. 137].

Антропологическая теория ритма полемична к культуре, построенной на двуединстве знака. В ней ценна попытка интеграции различных систем стихосложения, отражающая сопряжение моделей культурного чтения в ситуации многоязычия и нелинейных культурных трансферов, характерных для современности. Мешонника всегда интересовало то, что наименее поддается измерению и подсчету: телесность, устность, ритм, субъективность, историчность, то магнитное поле, которое ориентирует слова по силовым линиям в тексте. Комментарии Анри Мешонника и его последователей – свидетельство работы текста (Риффатер), результат процесса чтения-интерпретации-письма, позволяющей сохранить культурное наследие.

[1] Его концепцию упоминает Косиков Г.К. [10 с. 6], развивает Маричик Ю.А. [12], [13], выступает в роли переводчика [15]. Азаренков, участник проекта «Сравнительное изучение метрического стихосложения на фоне языковой просодии: цифровая аналитическая платформа “Прозиметрон”», поддержанного РФФ, проект №24-18-00913, ссылается на труды Мешонника [1]. “Идеи Анри Мешонника получили развитие в области переводного сравнительного стиховедения. В монографии ученика Мешонника Джеймса Андерхилла «Голос и стихосложение в переводной поэзии» [Underhill 2016] ключевым в переводе названа передача ритма, понимаемого максимально широко — как все аспекты динамической организации речи 29. В этом значении Андерхилл использует термин «голос» («voice») и выделяет пять уровней его реализации: голос 1) языка, 2) эпохи, 3) литературной школы, 4) поэта и 5) конкретного стихотворения. Несмотря на всю неопределенность этого понятия, ему уже посвящена обширная библиография [Taivalkoski-Shilov, Suchet 2013] [16].

[2] Эта мысль развивается в книгах Critique du rythme[], Les états de la poétique, La rime et la vie. [35] [38] [15].

[3] « étendu la conception du poétique, au-delà de la poésie, à tout ce qui est littérature pris dans sa spécificité ».[35 p.36].

[4] Traversière, [la poétique] prend le poème comme le point le plus faible de la théorie du signe, qui constate ainsi un révélateur théorique et politique » [40 p. 42]

[5] Примером такого прочтения Мешонник называет анализ стиля Флобера, данный М. Прустом в 1920 г. [45]

[6] Режи Дебрэ добавляет эпитет *социальный* в определение языка “2) социальный код коммуникации (язык, используемый говорящим или пишущим)”; [8 С. 66]

[7] Mikra suppose l’assemblée pendant laquelle on lit ou on lisait les textes en question, et

cette lecture étant à voix haute, la notion conjugue, indissociablement à mon sens, l'oralité et la collectivité dans la lecture. Ainsi le texte, par son rythme [...], est avant tout en effet littérature orale, et littérature orale cela signifie collectivité " [40 p. p. 51—52.]

[8] О понятии *устность* в концепции Мешонника подробно [25]

[9] Соссюр не задерживает внимания на паронимии, он пишет: "Есть в глубине словаря вещь, которая называется la paronomase, риторическая фигура которая..." [49 p. 32]. Он не останавливается на этом понятии, так как, замечает Старобински, этот термин ставил под угрозу все новизну открытия, которое ему виделось в теории анаграмм. Старобински видит в слове-теме отправную точку поэтического письма и звуковой материал: "Пришедшее до текста, спрятанное позади текста, или скорее, в нем, слово-тема качественно не отличается от него, оно не выше и не ниже по природе своей. Оно предоставляет свой материал для интерпретационного созидания, которое заставляет его жить в протяженном эхе" [49 p.: 107]. См. также Testenoire P.-Y. [51]

[10] "les principes qui sont à la base de ces deux démarches étaient contradictoires: l'existence des anagrammes met en question les postulats de l'arbitraire du signe et de la linéarité du signifiant qui servent au contraire de base à l'entreprise du Cours de linguistique générale Delas D. Roman Jakobson. P. : Bertrand-Lacoste, 1993, p. 13. – оригинал для рецензентов, при печати – удалить.

[11] "В 1909 году ни один из участников «Садка судей» не знал об итальянском футуризме, никто из них и представить себе не мог, что через каких-то три года их тоже будут называть футуристами". [14 с. 29]

[12] "Le phénomène touche à la paronomase (inclusion partielle ou totale d'un signifiant dans un autre) et par là, à un système de pensée-écriture autant qu'à une sémantique de position ».

[13] « Le texte, de ce point d'écoute, presque une panomase continue ». Dessons G., Meschonnic H. Traité du rythme des vers et des proses. P. : Dunod, 1998. p. 226.

[14] " [...]des anagrammes indépendamment de toute intention rhétorique, ne serait-ce que par le retour de ses désinences verbales ou nominales".

[15] "La véritable signifiante du texte réside dans la cohérence de ses références de forme à forme et dans le fait que le texte répète ce dont il parle, en dépit de variations continues dans la manière de dire"[47 p. 76].

[16] Кристева Ю. Исследования по семанализу. Текст и наука о тексте // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С.33.

[17] "В культуре языка произвольность знака - это работа языка по отношению к самому себе, вне космического. [...] больше нет означающего, противопоставленного означаемому, но есть единое множественное, структурное означающее, которое создает смысл всюду, означаемое (смысл, производимый означающим) постоянно находится в процессе сборки и разборки, от единства до элемента, который в свою очередь может оказаться мгновенно единством-значением в системе дискурса и во взаимодействии с контекстуальным значением". "Dans une culture-langage, l'arbitraire du signe est le fonctionnement du langage référé à lui-même [...] il n'y a plus alors un signifiant opposé à

un signifié, mais un seul signifiant multiplie, structurel, qui fait sens partout, une signifiante (signification produite par le signifiant) constamment en train de se faire et de se défaire, de l'unité à l'élément qui peut à son tour être une unité-valeur momentanée dans le système d'un discours et en interaction avec la signification contextuelle » [39 p.512]

[18] "anciennement : en matière de clausules ou de versification gréco-latine, connaissance de la quantité des voyelles, c'est à-dire de leur durée, longue ou brève"

[19] "en terme de linguistique, ensemble des traits relatifs à l'énoncé, en dehors du sémantisme. Les facteurs de la prosodie sont donc l'intensité, la fréquence ou hauteur mélodique, et les aspects sonores ou articulatoires qui sont des variations extra-phonologiques stylistiques [...].

[20] La prosodie, étymologique, et, était comprise comme le chant qui s'ajoute aux paroles" (Othon Médéric Dufur, 1893) *Traité de rythmique et de métrique grecques* Armand Colin, p. 16 [...] c'est-à-dire plutôt qui "chante avec les syllabes", qui les accompagne, plutôt que de s'y ajouter, et que traduisait littéralement le latin *accentus*, de *cano*, chanter. Le *Dictionnaire de la musique* fait de la prosodie, dans le vers, une "mélodie résultant de la succession de ses voyelles". Ce n'est pas un surplus, c'est un accompagnement, et pas dans les voyelles seulement, mais dans toute la syllabe, c'est à dire l'accent, l'intonation, dans tout discours, non seulement dans le vers. Elle implique la phrase. Plus que la danse, qui est la métrique. [38 p. 260]

[21] Тракта́т известен русскому читателю в переводе Шершеневича. Вильдрак Ш., Дюамель Ж. Теория свободного стиха : Заметки о поэт. Технике. Пер. и примеч. Вадима Шершеневича. М. : Имажинисты, 1920. 48 с.

[22] "Qu'il n'ait pas de son, dans le langage, mais seulement du sens, seulement de la signifiante, jamais de vide du sens, mais des systèmes qui se forment et se déforment, communiquent ou se cachent, comme des mondes enfantins, c'est ce qui détruit empiriquement le schéma dualiste du signe Meschonnic [38 p. 259]

[23] Jiří Levý (1926–1967) - историк литературы и специалист по теории перевода, основоположник теории перевода в Чехии. Доктор наук (1965). В 1950–1963 годах работал в Университете Палацкого (Оломоуц), с 1964 года — на кафедре чешской литературы в университете Брно. Научные интересы и тематика публикаций: теория и методология перевода, западное литературоведение и эстетика, чешская литература и

[24] "Формализм изображали как нечто бесплотное, сугубо умозрительное, как течение не укоренённое в истории и павшее жертвой собственных апорий. Частично вина за такое упрощающее видение формализма лежит на структуралистах, которые, хотя и обращались к формалистскому наследию, в то же время стремились от него дистанцироваться ради того, чтобы прочнее утвердить свой собственный авторитет". [9 с 7.]

[25] « Rime égale fin de vers: sa fonction est de marquer avec force, pour l'oreille, l'achèvement de la période rythmique constituée par le vers" Мешонник цитирует О. Дишена (Auguste Dirchain *L'art des vers*, Bibl. Des Annales, 1906, 2 ed, p. 107.)

[26] Elle [la rime] n'est pas l'élément structurel fondateur du vers, que disaient Ténint et Banville. Tradition devenue scolaire, avec Quicherat: "En poésie, c'est le retour de la même

consonance à la fin de deux ou plusieurs vers" D'où: "Ceux qui ont attaqué notre rime prouvaient qu'ils n'avaient aucun sentiment de l'harmonie. En effet, quelle cadence sera sensible dans la poésie française, si l'on retranche la rime? [39 p. 263]. Мешонник цитирует Л. Кишра (Louis Quicherat *Petit traité de versification française*, Hachette, 1881, 7 ed, 1 1818, p. 18.) [39 p. 263]

[27] Meschonnic H. *Critique du rythme*, P.: Verdier, 1982, p 263.

[28] "l'inscription du sujet dans son langage, culturellement et individuellement – l'associativité du signifiant, la subjectivité de la mémoire dans la matière des mots". [40 p. 40.]

[29] [19 с.129] перевод Ю. Тынянова. Он ссылается на *Principes de phonétique expérimentale* par l'abbé P.-J. Rousselot, II, p. 307).

[30] "Эвфония включена Б. Томашевским в раздел стилистики, тогда как более привычно включение ее в стиховедение. В науке 20-х гг. существовало и более широкое понимание поэтической фонетики. Б. И. Ярхо определял ее как «учение об эстетически примененных звуках речи» (*Ars poetica*, с. 12) и включал в нее просодию, стихологию (ритм, системы стихосложения, теория клаузул, рифма) и собственно звуковые повторы". [20 с. 214-215]

[31] Бенвенист называет Бреаль открывателем Соссюра. Бреаль преподавал в *Ecole des Hautes Etudes* с 1880 г.- по 1891 г., затем передал кафедру Соссюру. Его "Эссе о семантике" "(Bréal M. *Essai de Sémantique*

Hachette, 1897, 349 p.) легло в основу концепции Бенвениста.

[32] «Очей очарование» — группа объединенная метрически и фонически; при этом осознаются, как сопоставляемые, звуки очей, оча; перед нами два последовательных момента: момент узнавания в слове «очарование» элементов предыдущего слова и -момент объединения обоих слов в группу. При этом вещественная часть в слове «очарование» окрашивается сильной связью с вещественной частью слова «очей»; происходит как бы первая стадия перераспределения вещественной и формальной части (*irradiation*, по терминологии Бреаля), т.-е. «очарование» мы как бы возводим к корню «очи». [19 с.107]

[33] Наречие "тесно" отсутствует в оригинальном французском тексте, это "приращение" Тынянова. "Comme les pièces d'un engrenage, que nous sommes si habitués à voir s'adapter l'une dans l'autre que nous ne songeons pas à nous les figurer séparées, le langage présente des mots que l'usage a réunis depuis si longtemps qu'ils n'existent plus pour notre intelligence à l'état isolé. C'est ce que j'appelle les groupes articulés". M. Bréal, *Essai de Sémantique* 1904, p. 17 [23 p. 17]

Библиография

1. Азаренков А. "Музыка Молчания" Геннадия Айги // Новое литературное обозрение. 2024. № 6. С. 256-271.
2. Белавина Е.М. Поэтическое письмо в современной французской научной мысли // *Litera*. 2025. № 5. С. 33-45. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.74356 EDN: IKHJGZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74356
3. Белавина Е. М. Просодическое ударение в теории ритма Анри Мешонника под лупой экспериментальной фонетики // Вестник Тюменского государственного университета.

- Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 39-56. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-39-56. EDN: XVWLFS.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: "Прогресс", 1974. - 448 с.
 5. Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Пер. с нем. и франц.; Сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. - СПб.: "Симпозиум", 2004. - 480 с.
 6. Вильдрак Ш., Дюамель Ж. Теория свободного стиха: Заметки о поэт. технике / Пер. и примеч. Вадима Шершеневича. - М.: Имажинисты, 1920. - 48 с.
 7. Григорьев В. П. Поэтика слова. - Москва: Наука, 1979. - 344 с.
 8. Дебрэ Р. Введение в медиологию. - М.: Праксис, 2009. - 268 с. EDN: QOLACL.
 9. Депретто К. Формализм в России. Предшественники, история, контекст. - НЛО, 2015. - 328 с.
 10. Косиков Г.К. "Структура" и/или "текст" (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. - М.: Прогресс, 2000. С. 3-50.
 11. Кристева Ю. Поэзия и негативность // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. - М., 2004.
 12. Маричик Ю.А. Лингво-поэтическая теория Анри Мешонника и ее франко-русско-немецкие истоки // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия). - М.: ИМЛИ РАН, 2009. - С. 132-152.
 13. Маричик Ю. Понятие "децентрирование" (А. Мешонник): от практики перевода к теории интертекстуальности // Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма / Под ред. Е. Дмитриевой и М. Эспаня. - М.: ИМЛИ РАН, 2013. - С. 110-117. - 465 с.
 14. Марков А. История русского футуризма. - СПб.: Алетейя, 2000. - 414 с.
 15. Мешонник А. Рифма и жизнь / А. Мешонник; пер. Ю. А. Маричик. - М.: ОГИ, 2014. - 400 с.
 16. Полилова В.С., Пильщиков И.А., Белоусова А. С. Сравнительное стиховедение в России и за рубежом // Вопросы языкознания. 2022. № 2. С. 125-150. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.125-150. EDN: MUMWYS.
 17. Соллерс Ф. Интервью, данное И. Божовику // База. Передовое искусство нашего времени. 2011. № 2: Сборник литературы и теории журнала "Тель Кель". - С. 170-178. - 451 с.
 18. Толмачев М.В. ИДЕОЛОГИЗИРОВАТЬСЯ ИЛИ УЧИТЬСЯ ЧТЕНИЮ? ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ // Литература и идеология. Век двадцатый / Ред. О.Ю. Панова, В.М. Толмачёв. - М.: МАКС Пресс, 2016. Выпуск 3. - С. 11-14. - 398 с.
 19. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. - Ленинград: Academia, 1924. - 138 с.
 20. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: избранные труды по теории литературы / Б. И. Ярхо; подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; под общ. ред. М. И. Шапира. - Москва: Яз. славян. культур, 2006. - 926 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию наследия Анри Мешонника. Актуальность работы обусловлена тем влиянием, которое оказывают труды французского лингвиста, теоретика литературы, переводчика, поэта, автора оригинальной теории ритма на науки о языке: его труды переводятся и издаются на разные языки, становятся предметом научных исследований («рецепция наследия Анри Мешонника в нашей стране

началась с 2000-х гг., его труды охватывают широкий круг вопросов лингвистики, семиологии, лексикологии, антропологии, истории искусства, этики, политики, истории»).

Теоретической основой научной работы являются труды отечественных исследователей, посвященные проблемам общей лингвистики; современной семиотике; поэтике слова; теории свободного стиха; поэтическому письму в современной французской научной мысли; различным аспектам теории ритма Анри Мешонника и др. Библиография насчитывает 20 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный методы; методы социокультурного и дискурсивного анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены три этапа творческого пути Анри Мешонника (первый представляет собой новое определение поэтики, которое проясняет связи между речью, бессознательным и идеологией; второй этап заключается в пересмотре теорий языка, а третий – это ставшая его визитной карточкой монография «Критики ритма»); идея *valeur* (значимости, ценности) и понятие *subjectivité* (субъективность) в антропологической теории ритма; истоки интереса Мешонника к консонантно-вокалическим фигурам; его понимание просодии, ритма, историчности и процессов означивания; три основных принципа консонантно-вокалической организации дискурса в концепции Мешонника (просодическое акцентирование, фигуры и просодические парадигмы). В заключении делаются выводы о том, что «Анри Мешонник обладал удивительным чутьем поэтического языка, чутким слухом к поэтическому слову, интуитивно находившим законы, ориентирующие слово в потоке речи»; «антропологическая теория ритма содержит призыв к изучению дополнительных уровней суггестии»; «антропологическая теория ритма полемична к культуре, построенной на двуединстве знака; в ней ценна попытка интеграции различных систем стихосложения, отражающая сопряжение моделей культурного чтения в ситуации многоязычия и нелинейных культурных трансферов, характерных для современности» и др. Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в изучение наследия Анри Мешонника, его лингво-поэтической теории. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в курсах по общему языкознанию, лингвистике текста и теории дискурса, прагмалингвистике, лингвопоэтике и лингвостилистике и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Минасян С.В. Фантастическое, психоанализ и пастиш в последних романах Бориса Виана // Litera. 2025. № 6.
DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74514 EDN: YFZBQY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74514

Фантастическое, психоанализ и пастиш в последних романах Бориса Виана

Минасян София Витальевна

ORCID: 0000-0002-5169-2161

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник, доцент, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

344022, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пер. Журавлева, 102/105, оф. 128

✉ suffi@mail.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.6.74514

EDN:

YFZBQY

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Дата публикации:

01-06-2025

Аннотация: Предметом исследования являются особенности пастиша психоаналитических и экзистенциальных образов в последних романах Бориса Виана. Особенности введения пастиша в ткань произведений Виана свидетельствуют о новаторском развитии этого приема, которое позже было зафиксировано в постмодернистской критике. Пастиш в постмодернизме использован как способ говорить о культуре через ее же языки, как способ игры с культурными кодами, цитированием и переосмыслением прошлого, с отражением идеи "смерти автора" и интертекстуальности. Творчество Виана с сознательной имитацией стиля, манеры, элементов литературных произведений, направлений в искусстве, переработкой уже существующих форм, пронизывающих все его литературное наследие, в определенном смысле предвосхищает постмодернистскую рефлексия. Целью исследования является экспликация

постмодернистского содержания романов «Красная трава» и «Серцедер». Методология работы определяется традицией историко-литературного исследования: творчество писателя рассматривается в контексте расцвета идей экзистенциальной философии и в связи с широким распространением методов психоанализа, характеризующих духовные процессы современной ему эпохи. Выявлено, что смешение фантастических приемов и реальных проблем отчужденности личности, интегрированные в ткань повествования, позволяют автору выразить свое негативное отношение и иронию над «продуктивностью» сеансов психоанализа и над «проективностью» идей экзистенциализма. Новизна работы состоит в раскодировании вкладываемых писателем смыслов в экзистенциальную проблему бытия к смерти, полноты смерти, в угрозу получения обратного всем установкам психоанализа результата, приводящему не к осознанию личностью своих проблем в позитивной направленности к будущему, а к еще большему ее опустошению. В статье показано, что фантастическое и психоанализ в последних романах Виана сплетаются в единую целостность и за ширмой комического и парадоксального призывают читателя размышлять о праве вторжения во внутренний мир человека и над вечными проблемами бытия человека в мире.

Ключевые слова:

Борис Виан, Красная трава, Серцедер, фантастическое, пастиш, пародия, психоанализ, Зигмунд Фрейд, экзистенциализм, абсурд

Введение

Целью работы является исследование сущностных мотивов романов Виана, кодируемых автором с помощью широкого использования фантастических образов и пастиша. На рубеже XIX-XX веков важные изменения в мировой литературе затрагивают сферу фантастического. Ближе к концу XIX века как следствие промышленной революции зарождается научная фантастика, которая обретает большую популярность в XX веке. Первые произведения современного фэнтези также датируются началом XX века. С появлением психоанализа необъяснимые ранее влечения и поступки литературных героев становятся подвластны фрейдистскому анализу: на смену фантастическому вмешательству приходит психологизм [\[1, с.128-129\]](#). В XX веке фантастическое не исчерпывает себя, но видоизменяется, заполняет, а порой и изобретает новые ниши, по сей день оставаясь одним из действенных способов заявить и обратить внимание на общечеловеческие проблемы и место человека в мире и социуме. Новое дыхание фантастическое обретает во второй половине XX века, когда мировая культура становится объектом постмодернистского переосмысления.

Фантастическое, фантастика часто выступают внешней оболочкой романа постмодерна. Когда психологический роман больше не позволяет достичь желаемого автором эффекта, а серьезный тон повествования бьет мимо цели, оказываясь менее абсурдным, чем окружающий мир, тогда все чаще происходит обращение к приемам фантастического. В частности, подобной трансформации подвергается роман-исповедь, основанный на личном опыте писателя. Например, связь с реальностью уходит, словно почва из-под ног, в романе американского писателя Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» [\[2\]](#) и в произведении французского писателя Жоржа Перека «Дубль-ве, или Воспоминания детства» [\[3\]](#). Фантастическое в постмодернистской литературе оставляет свободу интерпретаций и осмысления опыта прошлого, оно может

превратиться в пастиш. В подобном случае возникает «своеобразная интертекстуальная игра..., при этом не пародирующая, а расставляющая определенные акценты на чертах оригинала» [\[4, с. 147\]](#).

Фантастическое является неотъемлемым элементом романного творчества французского писателя XX века Бориса Виана (1920-1959). Его недолгая литературная карьера началась в послевоенное время. В отличие от приведенных выше авторов, Борис Виан никогда не представлял опыт Второй мировой войны в качестве основной сюжетной линии своего романа. Он отказывается от идеи ангажированности. Более того, он совершает осознанный и решительный выбор в пользу индивидуализма, находясь в Париже бок о бок с французскими экзистенциалистами, «определяющими современную им эпоху «эпохой ангажированной литературы». Виан высмеивает саму эту идею» [\[5\]](#).

Творчество Виана также приходится на период популярности практики психоанализа. Фантастические приемы, интегрированные в ткань повествования, важнейшее средство для иронии и над фрейдистскими символами, и над «продуктивностью» сеансов психоанализа, и над «проективностью» идей экзистенциализма. Роман «Пена дней» [\[6\]](#) пародирует и доводит до абсурда массовое увлечение молодежи Жаном-Полем Сартром, а экзистенциальный психологизм и кризис личности наиболее ярко преломляется в романе «Красная трава» [\[7\]](#).

Между тем, Виан всегда был открыт новому. Особенность его художественного творчества состояла в культурном диалоге с опытом прошлого, смешении разнородных элементов, их пародировании. Виан вовлекает читателя в игру на материале известных и популярных концепций или литературных оригиналов, которые искусно переплетаются на страницах его произведений. «Стилистика контрастов, специфически “виановский” колорит, возникающий от смешения фантастики и реальности, комизма и трагизма, пародии и патетики, ерничающего и искренности, кукольности персонажей и человеческой правды их переживаний – вот чем проза Виана производит неповторимое впечатление, заставляя с первородной остротой ощущать привычные или просто забытые нами вещи» [\[8, с. 34\]](#).

В настоящей статье рассматривается пародийное фантастическое вмешательство на примере психоаналитических и экзистенциальных образов в романах Бориса Виана «Красная трава» (1950) [\[7\]](#) и «Сердцедер» (1953) [\[9\]](#). Актуальность исследования состоит в возрастающем в современном литературоведении интересом к преломлению модных культурно-философских направлений в жанровой стилистике специфического образного строя художественных произведений. Теоретическая и практическая значимость работы состоит в выявлении закономерностей композиционно-языкового использования приемов в новаторском творчестве Бориса Виана, где тексты – это не просто игра с формой, а **философские притчи**, замаскированные под эксцентричные фантасмагории.

Материал и методы исследования.

Материалом исследования являются романы Бориса Виана «Красная трава» и «Сердцедер», работы отечественных и зарубежных литературоведов, касающиеся проблем теории гротеска, фантастического и психологического, критическая литература, посвященная творчеству Виана. Методология работы определяется традицией историко-литературного исследования: творчество писателя рассматривается в контексте расцвета идей экзистенциальной философии и в связи с широким распространением методов психоанализа, характеризующих духовные процессы современной ему эпохи.

Основная часть

Виан не отрицает существование психоанализа, но нарочито игнорирует его, делает нежизнеспособным, словно подставляя ему костыль, созданный из фантастических элементов. Как будто только в фантастических и гротескных условиях для психоанализа может быть создана необходимая среда выживания. О нереализованных желаниях или сексуальных отклонениях никогда не говорится как о чем-то реальном, они всегда скрыты за фантастическим, а порой, и вовсе мистическим элементом. Фантастическое и психоанализ, особенно в последних романах Виана, не только не взаимоисключают друг друга, а сплетаются воедино, образуя симбиоз. Психоаналитические образы вроде бы легко узнаваемы, однако фантастические реалии за ширмой комического и парадоксального заставляют читателя размышлять над экзистенциальными проблемами. Особенно остро ставится вопрос о праве вторжения во внутренний мир человека. Виан считает, что это может приводить к еще большей опустошенности личности.

В связи с поднятой в настоящей статье темой необходимо упомянуть две детали из биографии писателя. Первое наблюдение заключается в том, что Борис Виан крайне скептически относился к психоанализу. XX век отмечен повышенным интересом к теории Фрейда, идеи которой заняли достойное место в медицинской практике, психологии, так же во всех видах искусства, в том числе, в литературном творчестве и литературоведении. Сам писатель к услугам психоаналитиков не обращался. О моде на психоанализ красноречиво говорит удивление Дюка Эллингтона, когда во время гастролей по Франции, он узнает, что у Виана нет личного психоаналитика [\[10, p. 277\]](#). Свое отрицательное отношение к методам психоанализа писатель выражает через фантастическое пародирование, подвергнув осмеянию образы мнимых психоаналитиков, сначала в лице допрашивающих Вольфа персонажей из романа «Красная трава», затем – в карикатурном изображении доктора Жакмора в романе «Сердцедер».

Второй интересный факт состоит в увлечении Бориса Виана научной фантастикой. После Второй мировой войны научная фантастика во Франции становится новым вдохновением, благодаря, в том числе, влиянию на творческую общественность статьи самого Виана «Новый литературный жанр: научная фантастика» [\[11\]](#). Большой интерес писатель проявляет к идеям семиолога Альфреда Корзибски и его работе «Наука и здравомыслие» («Science and Sanity», 1933) [\[12\]](#). В «Науке и здравомыслии» Корзибски противопоставляет аристотелевской системе мира «общую семантику». О Корзибски Виан узнает благодаря творчеству канадского писателя-фантаста А.Е. Ван Вота. Он развивает идею Корзибски, вообразив цивилизацию, основанную на неаристотелевской, общей семантике, где нет деления на объект и субъект. Его «Цикл А» настолько увлекает Виана, а вслед за ним и писателя Раймона Кено, что им удается подписать контракт с «Галлимар» на издание двух первых частей трилогии «Цикл А» в переводе Бориса Виана [\[13\]](#). Следует также упомянуть о том, что вместе с Раймоном Кено Борис Виан основывает Клуб савантюристов, принимает активное участие в Коллегии патафизики [\[14\]](#), что оказывает огромное влияние на уникальные черты его творчества.

Две упомянутые детали, сложенные в одно целое, дают нам образ Вольфа и его фантастической машины в романе «Красная трава». Основой романа является исследование хайдеггеровского экзистенциала – смерти, как наиболее всеохватывающей целостности [\[15\]](#). В попытках обретения полноты смерти Вольф изобретает машину, тем самым искусственно моделируя пограничную ситуацию, пытаясь с помощью своего изобретения преодолеть собственное одиночество. Машина дает

Вольфу возможность совершить ряд путешествий, но не в будущее и не в прошлое, а в трансцендентный мир для того, чтобы восстановить картины прошедшего. Однако обращение Вольфа к своей памяти связано не с желанием героя выявить причины своей неудовлетворенности и отстраненности для преодоления их в будущем, а для того, чтобы полностью уничтожить все воспоминания. Именно так и для этого построена машина, которая выступает как антагонист методам психоанализа. Здесь можно проследить интертекстуальное намерение автора показать, что освобождение подсознательного даже от психических травм имеет угрозу опустошения личности. Именно это происходит с Вольфом.

Карикатурно изображены проводники Вольфа в мир забвения в каждом из предпринимаемых путешествий. Первый проводник, месье Перль – старец, скрывающей наготу за собственной седой бородой, снабжает Вольфа воспоминаниями о семье и детстве; далее, аббат Грийе, блюститель религиозного воспитания, обращает его к отношениям с церковью; месье Брюль погружает героя в годы его ученичества. Следующее путешествие посвящено воспоминаниям о любви и отношению к женщинам с участием двух мадмуазелей почтенного возраста Аглаи, Элоизы и их племянницы Карлы. Служащий в будке, которого затем встречает Вольф, играет роль проводника в воспоминания героя о карьерном пути инженера. Были запланированы также метафизические вопросы, которые волновали персонажа, однако до этой части ему не суждено было дойти.

Все проводники Вольфа ведут себя неприемлемым для психоанализа образом. Они нетерпимо относятся к герою, обрывают на полуслове, не интересуются его мнением, открыто осуждают его прошлые действия. В фантастическом пространстве машины психоанализ теряет свою суть. Навязчивость судей Вольфа в трижды повторенном ими утверждении о совершенстве мертвеца имеет пародийный подтекст на экзистенциальный мотив о бытии к смерти. Вольф, уничтоживший благодаря психоаналитикам свои воспоминания, становится пустым, ненаполненным.

Другой герой, чье поведение представлено хрестоматийным случаем из практики Фрейда, это помощник Вольфа по имени Ляпис. Он не может добиться близости со своей девушкой, потому что каждый раз, когда они остаются наедине, он отчетливо видит в комнате образ своего грустного двойника. Копия Ляписа смотрит на него, оставаясь безучастной, неподвижной, печальной. Можно предположить, что это обозначаемый Хайдеггером «зов совести»: «Зов ведь как раз не бывает, причем никогда, ни запланирован, ни подготовлен, ни намеренно исполнен нами самими» [\[15, с.310\]](#). Стоит ли упоминать фантастическую деталь, что только Ляпис способен видеть двойника? Стоит ли упоминать психоаналитическую деталь, что присутствие двойника делает Ляписа бессильным и лишает возможности воплотить желаемое? С одной стороны, явный психоаналитический подтекст, с другой, фантастическое колебание. Можно сказать, что колебание это разрешится неоднозначно. Измученный во время очередной попытки обрести близость с любимой, Ляпис убивает двойника. Следом появляется еще один, затем другой, потом следующий. Ляпис убивает их всех. А затем убивает себя. В этот момент все двойники становятся видимыми. Испуганная Хмельмая оказывается окружена мертвыми копиями своего возлюбленного, среди которых и его собственное тело. Затем все они исчезают, а вслед за ними и сама комната. После чего героиня отрицает само присутствие Ляписа в реальности романа.

У Вольфа мы наблюдаем осознанный протест к какому-либо «зову», суду над собой. В случае с Ляписом писатель использует концепцию психологической защиты по Фрейду,

вывернутую в фантастическом пространстве романа наизнанку. Проблема внутреннего конфликта между неосознанными желаниями и сознательным контролем за своими действиями по отношению к любимой женщине выливается в укоризненные наблюдения со стороны образов-двойников. Это подтверждается отсутствием многоликих Ляписов, когда герой без колебаний и без препятствий вступает в близость с проститутками.

В романе «Сердцедер» Борис Виан предлагает читателю противоположную ситуацию, так сказать, обратный ход событий. В работе [\[16\]](#) показана преемственность персонажей, переходящих из одного романа писателя в другой: «Забвение амбивалентно по отношению к рождению и смерти. Мотиву утраты сакрального знания противопоставляется обратная схема обретения знания. Вольф умирает истощенным, свергнутый с неба он лежит в красной траве Квадрата, глаза его пусты. Но, согласно мифическим представлениям, он получает второе рождение, потеряв память и опыт прожитой жизни. Новое воплощение лишенных желаний Вольфа – психиатр Жакмор (Jasquemort) из романа «Сердцедер». В этой ипостаси Вольф, так не хотевший разбираться в себе, теперь видит единственный способ наполнить себя в том, чтобы анализировать людей. Вольф, который говорил Лиль, что невозможно залезть в шкуру другого, иначе, как содрав ее, перевоплощается в Жакмора, мечтающего проанализировать одного человека так, чтобы впитать его целиком. Жакмор – антагонист Вольфа» [\[16, с. 162-163\]](#). Итак, Жакмор духовно пуст, но жаждет наполнения, одержимый идеей полностью «пропсихоанализировать» одну личность. В поисках испытуемого в глухой деревне он постоянно сталкивается с непониманием. Так, женщины психоанализ воспринимают как предложение физической близости. Интересно, что сексуальные опыты Жакмора им кажутся менее интимными и более естественными, чем реальное психоаналитическое исследование. Даже кошка, которую, отчаявшись, подвергает своим сеансам Жакмор, лишается своего внутреннего содержания: «пустой, легкий фантик, неосязаемая и высохшая оболочка черного кота, лишенного своей кошачьей сути... призрак кота оторвался от земли, неуклюже завис в воздухе и повалился на бок. Очередной порыв ветра отбросил его к изгороди, потом отлепил и вновь пустил в пляс – вальсирующим бескостным паяцем» [\[9, с. 163\]](#). Жакмор после проведенного сеанса, напротив, наблюдает у себя обострение обоняния, новые вкусовые пристрастия, гибкость и ловкость. Виан мистифицирует идею о том, что психоанализ может лишить пациента его сущности, опустошить буквально.

Своего подопытного Жакмор находит вне зоны деревни: на реке, куда скидывает отходы вся деревня. Персонаж Слява ведет убогую жизнь, пока Жакмор не занимает его место. Это итог наполнения героя: он наследует одиночество и презрение всей деревни. Ему больше нельзя появляться среди людей. Вслед за Слявой он будет вечно вылавливать нечистоты людских грехов из фантастической красной реки. Однако деревню он не покидает, хотя не общается с ее жителями. Его лодка идет параллельным ходом по отношению к событиям, происходящим на этой территории.

Другой фантастический и, одновременно, фрейдистский образ романа – это железная кукла, изобретенная кузнецом для удовлетворения своих эротических желаний. Кукла представляет собой точную копию Клементины. Клементина имеет более высокий социальный статус, чем прочие жители деревни. Для мира деревни иерархия более чем важна. Кузнец не просто создает куклу, – Виан называет ее андроидом. То есть деревенский кузнец – это уже не простой работяга, а инженер, создавший робота. Более того, для своей копии он заказывает костюмы у портнихи, и костюмы эти повторяют одеяния объекта его страсти. Кузнец не делает ни единой попытки сблизиться с живой Клементиной. Это невозможно и, кажется, ему не нужно. Однако тайные желания

кузнеца оказывают мистическое влияние на нее: «В тот момент, когда стальные ягодицы копии погружали кузнеца в глубокий экстаз, в доме на скале, в ворохе истерзанных ногтями простыней задышался оригинал – обходящаяся своими силами Клементина» [\[9, p. 586\]](#).

Образ механической куклы встречается и у Гофмана, и у Фрица Ланга, и у многих писателей и представителей искусства XIX-XX веков [\[17, 18\]](#), и у Виана. В романе «Пена дней» кукла используется как способ овеществления человека. В «Серцедере» – это уже подвластный механизм в руках кукловода, служащий для удовлетворения его желаний и распространяющий свою власть на объект его страсти. Ю.М. Лотман отмечает: «В нашем культурном сознании сложилось как бы два лица куклы: одно манит в уютный мир детства, другое ассоциируется с псевдожизнью, мертвым движением, смертью, притворяющейся жизнью. Первое глядится в мир фольклора, сказки, примитива, второе напоминает о машинной цивилизации, отчуждении, двойничестве» [\[18\]](#). Именно такое звучание получает этот эпизод у Виана.

Данная сюжетная линия не получает дальнейшего развития. Она остается темным пятном в истории романа, смешивая элементы научной фантастики, фантастического, магического, а также психоаналитического, потому что одновременно говорит о подавленном желании женщины, предположительно, в послеродовой депрессии и о невозможности преодолеть социальные условности. Научно-фантастическое изобретение андроида оказывается более простой задачей, нежели близость между людьми разного социального круга в деревне.

Заключение

Последние романы Виана несут на себе экзистенциальные подтексты, ставящие вопрос об обретении человеком полноты только в момент смерти (Хайдеггер) [\[15\]](#), и абсурдистские сентенции на тему о возможности достижения совершенства только через смерть. Именно такой основной посыл эксперимента Вольфа, пребывающего в той самой пограничной ситуации, к которой отсылает философия экзистенциализма. Виан через использование фантастического создает искусственное моделирование психоанализа, который приводит главного героя к полному опустошению и к смерти. В «Серцедере» на фоне бесчисленного количества жесткостей смерть не поставлена во главу угла. В романе нет описания смерти Слявы, о ней как бы невзначай упоминает Жакмор. Психоаналитическое же «наполнение» пустоты не приводит главного героя к какому-либо освобождению, а, напротив, буквально вынуждают его занять место своего «пациента». Сеансы психоанализа в контексте пастиша романов подвергаются осмеянию, проявляют свою нежизнеспособность, ведут к стиранию личности и, как следствие, смерти.

Библиография

1. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
2. Vonnegut K. Slaughterhouse-Five, or, The Children's Crusade: A Duty-Dance with Death. New York: Dell Pub., 1969. 275 p.
3. Perec G. W ou le Souvenir d'enfance. Paris: Denoël, 1975. 220 p.
4. Минасян С.В. Пастиш как прием гротескного конструирования романа Бориса Виана "Разборки по-андейски" // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 2. С. 146-153. DOI: 10.23683/1995-0640-2019-2-146-153 EDN: BCUQWV.

5. Минасян С.В. Гротескное кодирование отношения к оккупации Франции в первых романах Бориса Виана // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 168-178. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29401 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29401
6. Виан Б. Пена дней / Борис Виан; пер. с фр. Л. Лунгиной. Ростов-на-Дону: Феникс; Харьков: Фолио, 1999. С. 197-356.
7. Виан Б. Красная трава / пер. с фр. В. Лапицкого. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 192 с.
8. Contat M. "Sartre be-bop", un anatole // Magazine littéraire. 2000. № 384. P. 32-35.
9. Виан Б. Сердцедер / пер. с фр. В. Кислова. СПб.: Азбука-классика, 2004. 224 с.
10. Boggio Ph. Boris Vian. Paris: Flammarion, 1995. 480 p.
11. Vian B., Spriel S. Un nouveau genre littéraire, la science-fiction // Les Temps modernes. Октябрь 1951.
12. Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. Institute of General Semantics, 1994. URL: <https://www.koob.ru/korzybski/?ysclid=lm0xfjxa34106374851> (дата обращения: 20.05.2025).
13. Van Vogt A.-E. Le Cycle du Ā; traduit d'anglais par B. Vian. Paris: Gallimard, 1953. 800 p.
14. Хьюгилл Э. Патафизика / пер. с англ. В. Садовского. М.: Гилея, 2017. 430 с.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
16. Минасян С.В. Миф о забвении в романе Бориса Виана "Красная трава" // Научная мысль Кавказа. 2015. № 3(83). С. 159-164. DOI: 10.18522/2072-0181-2015-159-164 EDN: UXUFTN.
17. Полупанова А.В. Трансформация "кукольного" сюжета в прозе XIX-XXI вв.: Э. Т. А. Гофман ("Песочный человек")-А. Грин ("Серый автомобиль")-Д. И. Рубина ("Синдром петрушки") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. Ч. 2. С. 142-145. EDN: SNMXKD.
18. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры / Ю.М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 377-380. URL: <https://philologos.narod.ru/lotman/lotman-pupp.htm?ysclid=llulxb264121003618> (дата обращения: 20.08.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Фантастическое, психоанализ и пастиш в последних романах Бориса Виана" рассматриваются смыслообразующие компоненты текста произведений Б. Виана, в частности в романах «Сердцедер» и «Красная трава».

Исследование имеет четкую структуру, включающую введение, основную часть и заключение. Автор последовательно рассматривает взаимодействие фантастического, психоаналитического и экзистенциального дискурсов в творчестве Виана.

Объектом исследования выступает романное творчество Бориса Виана, а предметом – механизмы использования фантастического как инструмента пародирования психоаналитических концепций и экзистенциальных идей.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе взаимодействия

фантастического и психоаналитического дискурсов в творчестве Виана, а также в исследовании специфики создания пародийных образов психоаналитиков.

В исследовании применяются культурно-исторический, литературоведческий и психоаналитический методы анализа. Автор подробно рассматривает контекст эпохи и анализирует особенности художественного метода Виана.

В основной части исследования детально анализируется образ механической куклы как фантастического элемента, несущего психоаналитическую нагрузку. Автор показывает, как Виан создает гротескную среду, в которой подвергаются осмеянию популярные в его время теории. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия фантастического, магического и психоаналитического элементов в сюжете.

В заключении автор приходит к важным выводам о том, что Виан использует фантастическое как средство создания искусственного моделирования психоанализа, который приводит к полному опустошению личности. Психоаналитические практики в контексте пасташи подвергаются осмеянию и демонстрируют свою нежизнеспособность.

Стиль изложения соответствует научному уровню, не содержит существенных недочетов. Исследование опирается на обширную теоретическую базу и конкретные примеры из анализируемых произведений.

Учитывая большой объем проанализированного материала и обширную теоретическую базу исследования, данное утверждение можно считать достоверным.

Исследование расширяет понимание механизмов работы с фантастическим материалом в литературе середины XX века и подтверждает тезис о многофункциональности фантастических элементов в художественном тексте как инструмента пародии и критики популярных теорий своего времени.

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Однако в статье есть ряд недостатков, рекомендуемых к устранению. Структура статьи не содержит ключевых элементов научного исследования, а именно:

отсутствует цель работы, описание используемых методов; отсутствует также описание актуальности проведенного исследования, а также практическая и теоретическая значимость работы.

Кроме того, объем статьи должен быть расширен в соответствии с правилами публикации в журнале "Litera".

Таким образом, статья «Фантастическое, психоанализ и пасташи в последних романах Бориса Виана» и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» после устранения вышеуказанных недостатков.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Как отмечает в начале рецензируемой статьи автор, «целью работы является исследование сущностных мотивов романов Б. Виана, кодируемых автором с помощью широкого использования фантастических образов и пасташи». В исследовании рассматривается «пародийное фантастическое вмешательство на примере психоаналитических и экзистенциальных образов в романах Бориса Виана «Красная трава» (1950) и «Сердцедер» (1953). На мой взгляд, концепция и общий ход изыскания автором выверены; стоит признать, что «актуальность исследования состоит в возрастающем в современном литературоведении интересом к преломлению модных

культурно-философских направлений в жанровой стилистике специфического образного строя художественных произведений». Думаю, что и методы анализа вполне подходят для оценки романов Б. Виана: «методология работы определяется традицией историко-литературного исследования: творчество писателя рассматривается в контексте расцвета идей экзистенциальной философии и в связи с широким распространением методов психоанализа, характеризующих духовные процессы современной ему эпохи». Текст статьи дробится на т.н. смысловые блоки, общая логика исследования соблюдена. Материал имеет завершённый вид, он целостен. Информационная составляющая объёмна, таким образом, содержательный уровень интенсивен. Например, «фантастическое является неотъемлемым элементом романного творчества французского писателя XX века Бориса Виана (1920-1959). Его недолгая литературная карьера началась в послевоенное время. В отличие от приведенных выше авторов, Борис Виан никогда не представлял опыт Второй мировой войны в качестве основной сюжетной линии своего романа. Он отказывается от идеи ангажированности. Более того, он совершает осознанный и решительный выбор в пользу индивидуализма, находясь в Париже бок о бок с французскими экзистенциалистами, «определяющими современную им эпоху «эпохой ангажированной литературы». Виан высмеивает саму эту идею», или «В романе «Сердцедер» Борис Виан предлагает читателю противоположную ситуацию, так сказать, обратный ход событий. В работе [16] показана преемственность персонажей, переходящих из одного романа писателя в другой: «Забвение амбивалентно по отношению к рождению и смерти. Мотиву утраты сакрального знания противопоставляется обратная схема обретения знания. Вольф умирает истощённым, свергнутый с неба он лежит в красной траве Квадрата, глаза его пусты. Но, согласно мифическим представлениям, он получает второе рождение, потеряв память и опыт прожитой жизни. Новое воплощение лишённого желаний Вольфа – психиатр Жакмор (Jasquemort) из романа «Сердцедер» и т.д. Как видим, стилевая составляющая выдержана; да и ориентир на раскрытие темы в режиме аналитики очевиден. В статье реализуется обозначенный вначале замысел, считаю, что цель исследования достигнута; общие требования издания учтены. Автор приходит к выводу: «последние романы Виана несут на себе экзистенциальные подтексты, ставящие вопрос об обретении человеком полноты только в момент смерти (М. Хайдеггер), и абсурдистские сентенции на тему о возможности достижения совершенства только через смерть. Именно такой основной посыл эксперимента Вольфа, пребывающего в той самой пограничной ситуации, к которой отсылает философия экзистенциализма. Виан через использование фантастического создает искусственное моделирование психоанализа, который приводит главного героя к полному опустошению и к смерти». Думаю, что исследование выбранного вопроса перспективно, а данный материал можно использовать в качестве исследовательского импульса. Рекомендую статью «Фантастическое, психоанализ и пастиш в последних романах Бориса Виана» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Расторгуева Н.Е., Овчаренко А.Ю., Джан Эмир Б. Идея – слово – воплощение в конструировании советского социокультурного пространства в 1920–1930-е гг // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74644
EDN: XQAKYQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74644

Идея – слово – воплощение в конструировании советского социокультурного пространства в 1920–1930-е гг.

Расторгуева Наталья Евгеньевна

ORCID: 0000-0002-7540-0848

кандидат филологических наук

доцент; кафедра теории и истории журналистики; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

✉ rastorgueva_ne@pfur.ru**Овчаренко Алексей Юрьевич**

ORCID: 0000-0002-8544-5812

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка и лингвокультурологии; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 3

✉ ovcharenko-ayu@rudn.ru**Джан Эмир Бадеголь**

ORCID: 0000-0003-1046-1188

доктор филологических наук

доцент; кафедра русского языка и литературы; Караденизский технический университет

Караденизский технический университет, Турция, 61080, Трабзон

✉ bcan@ktu.edu.tr

[Статья из рубрики "Мифы и мифологемы"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74644

EDN:

XQAKYQ

Дата направления статьи в редакцию:

27-05-2025

Дата публикации:

03-06-2025

Аннотация: При изучении современной эпохи все чаще поднимается тема конструирования социальной реальности. В этой связи представляется необходимым обратиться к значимому периоду развития России, когда после слома старого строя пришлось решать грандиозную задачу по созданию нового государства и формированию нового ментального пространства. Использование искусства не только как эстетической практики, но и как структуры, служащей идеологическому конструированию социальной реальности, стало определяющим элементом культурной стратегии Советского государства. Не последнюю роль в этом сыграли мифологемы — преобразующие реальность универсальные мифологические темы и образы, ставшие основой формирования нового коллективного сознания. В статье показано, как новое советское пространство освещалось, кодировалось и формировалось как идеологический продукт, а также как создатели различных форм искусства использовали культурное пространство для выражения того, что Катерина Кларк называет «картографией власти» — идеологическим ландшафтом. При написании данной статьи авторы опирались на принцип историзма, который в сочетании с атропоцентрическим подходом и культурологическим анализом позволил выявить особенности функционирования мифологем в советском социокультурном пространстве 20-х – 30-х гг. Для систематизации информации была составлена таблица. Основной задачей данного исследования является изучение особенностей использования мифологем в различных видах искусства. В переходные эпохи взаимоотношения старой и новой, находящейся в процессе становления, культуры, наиболее напряжены и развиваются в диалектическом диалоге. Воплощение идей и слова, сложные отношения между социальными идеями, их трансформация в представления о будущем мире и будущем человеке не только в послереволюционной искусстве и литературе, но и более широком историко-культурном контексте является крайне важной темой для всей революционной культуры. Авторы приходят к выводу, что во времена революционных преобразований, когда происходит разрушение социальных структур, традиций и отвергаются прежние этические нормы и ценности, мифическая рациональность помогает власти легитимизировать новый политический режим и, интерпретируя реальность, способствует объединению людей.

Ключевые слова:

социалистический реализм, идеология, искусство, Ленин, мифологемы, ментальное пространство, Сталин, советский человек, советская женщина, счастливое советское детство

Введение

На протяжении десятилетий говорится о термине «социалистический реализм» как о практически самоочевидной категории, применимой во всех сферах творчества, как об основной части проекта по созданию нового общества и нового человека.

Однако возникает вопрос: существует ли такое общее понятие, как «социалистический реализм», или «социалистический реализм» на практике имеет различные конвенции, различные «реализмы» для каждой области культуры и искусства? [\[1, с. 7-16\]](#) Смысл термина социалистический реализм интерпретируется по-разному в разных видах искусства [\[2, с. 129 – 134; 3, с. 134-146; 4, с. 146-166; 5, с. 166 - 183\]](#).

Очевидно, что некоторые виды визуального искусства, такие как живопись, архитектура, затем и кино [\[6, с. 64-85\]](#), а также многие виды художественно-творческой деятельности, были ограничены в выборе аналогов вербального советского кода. В основе многих канонических произведений социалистического реализма лежат пространственные мифы, в которых герой или произведение функционируют как человеческое воплощение или некое послание пространства более высокого, верховного порядка. Даже здания в стиле соцреализма (неопалладианский монументализм И.В. Жолковского) [\[7\]](#) могут быть интерпретированы как выразители таких пространственных мифов. Художник становился своеобразным посредником между двумя различными порядками пространства – священным и мирским. Следовательно, архитектуру, как пространственную архитектонику, можно рассматривать как квинтэссенцию жанра социалистического реализма. Показательно, что в первой половине 1930-х годов, в то самое десятилетие, когда формировались категории социалистического реализма, архитектура пользовалась наибольшим вниманием со стороны руководства страны.

Центральная роль архитектуры в культуре 1930-х годов имеет свою собственную логику в том, что здание и пространственная организация лежат, условно говоря, в основе марксистского подхода к обществу: модель базиса и надстройки. Этот потенциал был усилен риторикой о «построении коммунизма». Строительство также приобрело огромное значение в культуре 1930-х годов из-за утопических аспектов мифологемы «светлое будущее», создание которого к середине 1930-х годов все еще оставалось труднодостижимым. Самым ярким примером, возможно, был неосуществлённый проект создания гигантского Дворца Советов в Москве, своеобразной советской Вавилонской башни, памятника советскому идеологическому воображению: «Многие столетия простоит на земле Дворец Советов. *Он войдёт в новую географию мира* (курсив наш – А.О., Н.Р., Б.Д.Э.) На карте мира исчезнут границы государств. Изменится самый пейзаж планеты. Возникнут коммунистические поселения, не похожие на старые города. Человек победит пространство. Электричество вспашет поля Австралии, Китая, Африки.

Дворец Советов, увенчанный статуей Ильича, все так же будет стоять на берегу Москва-реки. Люди будут рождаться — поколение за поколением, — жить счастливой жизнью, стареть понемногу, но знакомый им по милым книжкам детских лет Дворец Советов будет стоять точно такой же, каким и мы с вами увидим его в ближайшие годы. Столетия не оставят на нем своих следов, мы выстроим его таким, чтобы стоял он, не старея, вечно. Это памятник Ленину!» [\[8, с.14-15\]](#).

В начале 1931 года, в период формирования «Культуры Два» (В. Паперный) архитектурные модели стали использоваться для объяснения текущего исторического момента и его места в общей марксистско-ленинской модели истории. Затем на пленуме ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 года был объявлен план восстановления многих крупных советских городов и в массовое сознание начал внедряться тезис «Новый город требует нового человека». (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. Т. 5. 1929–1932. С. 313–327).

После революции 1917 г. возникла потребность эстетического ответа на эти эпохальные

события, заключавшегося в создании нового искусства для нового человека. Невозможно радикально изменить социальные структуры, не меняя людей, поэтому на раннем этапе новая власть уделяла большое внимание области культуры, ставя своей целью преодоление разрыва между искусством и массами, формируя новый образ мышления и создавая условия для творчества, дискуссий и возникновения оригинальных идей. Именно события 1917 года создали условия для социального творчества масс от «великого почина» коммунистических субботников до Пролеткульта [9, с. 293-296], «Синей блузы», многочисленных литературных и художественных групп. Одним из главных в историко-культурном процессе 1920-х гг. был вопрос творчества и творческой личности, личности художника и её воплощения в прозе и поэзии, в новой литературе и в новых визуальных искусствах. О художественном осмыслении, эстетизации революции в художественном и литературном творчестве можно говорить только начиная с 1921–1922 гг., когда закончилась Гражданская война и были изданы своеобразные антологии канонических текстов об этой эпохе («Октябрь в литературе 1924») и начала формироваться новая историческая память. Перед писателями, художниками и кинематографистами стояла задача создать образ нового человека, который ставил бы коллективные интересы выше индивидуальных [10, с. 65] и верил в светлое будущее (См., напр.: Фишева А. А. Образ «нового человека» в советском кинематографе в 1930-е гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 1 (33). С. 144–157). Л. Троцкий в 1923 году подчеркнул, что искусство развивается вместе с революцией: «Искусства революции еще нет, но есть элементы этого искусства, есть намеки, попытки и, главное, есть революционный человек, который по образу своему формирует новое поколение и которому это искусство все более нужно. Сколько времени потребуется, чтобы оно неоспоримо обнаружило себя? Тут гадать очень трудно, ибо процесс этот невесомый, не поддающийся исчислению, а мы в определении сроков даже и более материальных общественных процессов вынуждены ограничиваться гаданиями. Но почему бы этому искусству, его первой большой волне, не прийти и вскоре, как искусству того молодого поколения, которое родилось в революции и несет его на себе вперед» [11, с.174].

Воплощение идеи и слова не только в литературе, но во всех видах искусства (от окон РОСТА до симфонии гудков Арсения Аврамова), эстетическое и психологическое восприятие формирующегося нового советского ментального пространства, сложные взаимоотношения между социальными идеями, их трансформация в представления о будущем мире и будущем человеке не только в послереволюционной литературе, но и в более широком историческом и социокультурном контексте являются чрезвычайно важной темой и для всей революционной культуры.

Основная часть

В процессе обновления политического сознания важную роль играли мифологемы (термин, о границах которого продолжаются споры) (См., напр.: Гончарова О. М. Ритуал и миф в тексте советской культуры (1920–1940-е гг.) // Русский текст. 1996. № 4. С. 62–79). Основанная на интуиции и чувствах, а не на логике, мифологема узаконивает историю, в то же время устраняя реальное. Одной из её основных функций является конструирование реальности, происходящее через внедрение новых смыслов и моделей поведения человека. Происходит повторяющаяся репрезентация одного и того же мифа с помощью разных средств (См., напр.: Некрасова Е. С. Мифологические конструкции в советской культуре и искусстве // Studia culturae. 2002. № 2. С. 179 – 188; Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., Сов.энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 220–226). По мнению И. А. Едошиной мифологема

«придает универсальному содержанию мифа индивидуальные очертания, которые закрепляются в схваченных сознанием смыслах и получают художественную форму [12, с.80] Иными словами, с ее помощью идеология становится доступной и понятной для массового сознания. Позиция И. А. Едошиной близка мнению А. Ф. Лосева, утверждавшего, что «Миф есть в словах данная чудесная личностная история». [13, с.194]. При этом содержание мифов непостоянно: они могут меняться со временем в зависимости от социально-политических условий.

Следуя модели Р. Барта, мы исходим из того, что мифическое сообщение создается из обработанного для целей определённой коммуникации материала. При этом «носителем мифического слова способно служить все – не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, спектакли, реклама». [14, с. 266].

Р. Барт считал, что как только изображение приобретает значимость, оно становится своего рода письмом, поскольку, как и письмо, образует высказывание. [14, с. 266]. Необходимо отметить, что, по мнению Барта, настоящий революционный язык не может быть мифическим: «Везде, где человек говорит для того, чтобы преобразовать реальность, а не для того, чтобы законсервировать ее в виде того или иного образа, везде, где его речь связана с производством вещей, метаязык совпадает с языком-объектом, и возникновение мифа становится невозможным. [14, с. 309]. «Левый» миф возникает тогда, когда революция превращается в «левизну», начинает маскироваться, скрывать своё имя, создавать себе невинный метаязык и деформироваться в «Природу». Такое разыменование революции может быть тактическим, а может и нет» [14, с.309 – 310].

Появившийся после революции, необходимый для легитимизации советского строя и идеологии международного коммунистического движения советский социокультурный миф оказался устойчивым. Этому во много способствовали особый дух революции и её определённое эстетическое очарование.

Сразу после Октября 1917 шли горячие дебаты о новой роли искусства, а лейтмотивом той поры были экспериментализм и новаторство. Одним из наиболее значимых аспектов проводимой государством политики стало расширение и трансформация бытовавших в массовом сознании эстетических и социально-политических представлений, что было напрямую связано с искусством и наукой как источниками воображения и движущими силами модернизации экономики. Многие появлявшиеся в то время утопии (в области литературы, архитектуры и т.д.) придавали оценочное и программное содержание реальности, то есть представляли идеалы и утопические образы, которые должны были стать основой для построения нового общества и социалистической действительности.

Искусство впервые напрямую обратилось к народным массам, что было созвучно с марксистским пониманием специфической сущности человека: ее определяет социальная среда, именно по этой причине искусство как особого рода коммуникация способствует изменениям социокультурного пространства. В нём должны применяться реалистические постулаты, чтобы их было легко понять большому количеству людей. Д. Бедный в письме И. Сталину приводил слова В. Ленина о том, что партия, руководящая рабочим классом, может успешно вести борьбу за диктатуру пролетариата лишь тогда, когда она «пользуется доверием всего честного в данном классе и умеет следить за настроением массы и влиять на него» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 31). Об этом образно сказал В. Маяковский на митинге об искусстве 24 ноября 1918 г.: «Нам нужно... не мертвый храм искусства, где томятся мертвые произведения, а живой завод

человеческого духа.... Искусство должно быть сосредоточено не в мертвых храмах-музеях, а повсюду: на улицах, в трамваях, на фабриках, в мастерских и в рабочих квартирах» [\[15, с. 93\]](#).

В 1918 г. В. Ленин выдвинул программу развития монументального искусства, предусматривавшую распространение в народе коммунистических идей средствами изобразительного искусства и поэзии. Во исполнение этого плана 12 апреля 1918 г. был принят декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Республики». 2 августа 1918 г. в «Известиях ВЦИК» был опубликован список тех, кому следует поставить памятники. Среди указанных в перечне лиц были революционеры и общественные деятели, писатели и поэты, философы и учёные, художники, композиторы и артисты.

После революции постепенно начала формироваться новая «лениноцентрическая» агиография. Уже весной 1918 г. были выпущены памятные жетоны с его изображением, к этому же году относятся сведения об установке памятника вождю в г. Коротояке Воронежской губернии и о наличии его бюста в Смольном. Постепенно в произведениях советского искусства начал тиражироваться образ мудрого вождя – друга детей и трудового народа, заботящегося об их благополучии. Эти произведения вошли затем в идеологическое ядро искусства социалистического реализма, выполняя одну из его главных задач: создание и поддержание объекта поклонения – В. И. Ленина.

Большое внимание уделялось кинематографу, который совершил в 20-х гг. рывок в развитии. Появляются фильмы Д. Вертова, А. Довженко, Л. Кулешова, С. Эйзенштейна и др. Л. Троцкий писал про кинематограф: «это орудие, которое само просится в руки: лучший инструмент пропаганды – технической, культурной, производственной, антиалкогольной, санитарной, политической – какой угодно, пропаганды общедоступной, привлекательной, врезающейся в память, и – возможная доходная статья» (Троцкий Л. Водка, церковь и кинематограф // Правда. N 154. 12 июля 1923).

В это время особенно сильно проявилась взаимосвязь кинематографа и литературы. Многие писатели использовали приёмы кинематографа. Был покорён новым видом искусства и В. Маяковский, не только написавший сценарии фильмов «Не для денег родившийся» (1918), «Закованная фильмой» (1918), «Барышня и хулиган» (1918), но и сыгравший в них роль главного героя. Л. Геллер, сравнивая тексты Е. Замятина с кинематографом, указывал на то, что они воплощают «прерывность со своей ритмизованной фразой, эллиптическим синтаксисом, ассоциативным построением, цепочками неожиданных метафор, которые сдвигают-смешивают разные уровни реальности» [\[16, с. 62\]](#).

В 1922–1923-х гг. в Москве начали проводиться первые архитектурные конкурсы. Советская власть довольно быстро осознала пропагандистский потенциал зодчества, которое В. Гюго, говоря о временах до Гутенберга, назвал архитектуру «главной летописью человечества»: «...за этот промежуток времени во всем мире не возникало ни одной хоть сколько-нибудь сложной мысли, которая не выразила бы себя в здании; каждая общедоступная идея, как и каждый религиозный закон, имела свой памятник; все значительное, о чем размышлял род человеческий, он запечатлел в камне. [...] Для уничтожения слова, написанного на бумаге, достаточно факела или варвара. Для разрушения слова, высеченного из камня, необходим общественный переворот или возмущение стихий» [\[17, с. 187\]](#).

Большое количество представителей художественного авангарда поддержали (по

крайней мере на первом этапе) молодое советское государство – К. Малевич, В. Кандинский, А. Родченко, В. Степанова, В. Татлин и мн.др. Они были очарованы динамизмом и техническими возможностями, открытыми новой эпохой: революция не только сама по себе была сильнейшим эстетическим фактором – А. Блок призывал «слушать Революцию... ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух...» [\[18, с. 19 – 20\]](#), Б. Пастернак говорил о том, что «стадия революции, наиболее близкая сердцу и поэзии, — утро революции и ее взрыв». [\[19, с.13\]](#). Она дала огромной массе людей возможность не только преобразовать культуру и литературу в своих интересах, но и стать творцом в этом новом коллективном творчестве. В опубликованной в 1923 г. книге «Литература и революция» Л. Троцкий писал: «Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всем ее объеме, с тетеревами и осетрами, через машину. Он укажет, где быть горам, а где расступиться. Изменит направление рек и создаст правила для океанов» [\[11, с.191\]](#).

Одним из самых смелых представителей авангарда в архитектуре был Г.Т. Крутиков, представивший в 1928 г. дипломный проект «Город будущего», в котором промышленные здания должны были располагаться на земле, а жилые – в воздухе: «Свой дипломный проект, известный как “летающий город,” сам Крутиков всегда называл “город будущего (эволюция архитектурных принципов в планировке городов и организации жилища)”. Он рассматривал свое предложение в ряду эволюции человеческих поселений – как определенный этап в освоении земли и пространства. Крутиков исходил из предположения, что атомная энергия позволит в будущем легко поднимать здания над землей. В своем дипломном проекте он освобождал землю от жилых и общественных зданий; она для труда, отдыха и туризма» [\[20\]](#).

Но, если в двадцатые годы государством поощрялась новаторство творческой мысли, то к концу периода «больших двадцатых годов» (А. Ю. Овчаренко) с введением «генеральной линии» (которую нужно понимать шире, чем просто линию партии) окончательно устанавливается идеократический режим – «Культура 2» (В. Паперный) с её центростремительными тенденциями, и стандартизирующим социально-политическим контекстом. Резкой критике был подвергнуты «крайне необоснованные полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей. К таким попыткам некоторых работников, скрывающих под «левой фразой» свою оппортунистическую сущность, относятся появившиеся за последнее время в печати проекты перепланировки существующих городов и постройки новых, исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, воспитания детей, с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом индивидуального приготовления пищи и др.» (О работе по перестройке быта. Постановление ЦК ВКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – М.: Политиздат, 1984. Т. 5. 1929–1932. С. 118–119).

По словам Г.Г. Почепцова, формирующийся советский миф в основном строился «в плоскости забвения определенных (коренящихся даже в биологических основаниях, т.е. особо фундаментальных) мифологем ради приоритетности мифологем общественного порядка» [\[21, с. 360\]](#).

Создать новые смыслы должен был конструктивизм, который зародился еще в дореволюционные годы, но развивался в СССР прежде всего, как революционное авангардное течение. Как ответ на дискуссии о новом быте появляются социальные проекты – легко возводимые, экономичные дома для рабочих с эффективной

конфигурацией внутреннего пространства. В 1928 г. Центржилсоюз составил «Типовое положение о доме-коммуне», в котором говорилось о необходимости коллективизации быта. Этот документ был впоследствии воплощён в нескольких проектах. Так, по проекту архитектора И. С. Николаева в 1930 г. был построен дом-коммуна на ул. Орджоникидзе, который был задуман как многофункциональное здание или т.н. «машина для жилья». О стандартизации советских бытовых условий пишет Андре Жид, побывавший в СССР летом 1936 г. В своей книге «Возвращение в СССР» он вспоминает о том, как во время посещения одного из процветающих колхозов увидел прекрасные и живописные деревянные дома, окруженные большими садами. Но их интерьер производил впечатление «абсолютной безликости», писатель называет их «взаимозаменяемыми жилищами»: «Своя комната у человека только для сна. А все самое для него интересное в жизни переместилось в клуб, в «парк культуры», в места собраний. Чего желать лучшего? Всеобщее счастье достигается обезличиванием каждого. Счастье всех достигается за счет счастья каждого. Будьте как все, чтобы быть счастливым». [22].

В связи с этим изменилось отношение к семье и роли в ней женщины. В идеале в основе организационно-управленческой модели молодого советского государства должна была находиться не семья, а, согласно ёмкому определению М. Мееровича, «трудо-бытовой коллектив», который обеспечивал корректировку норм повседневного поведения людей и характера их отношения к труду [23, с. 30]. При этом женщины получали равные с мужчинами права и должны были освободиться от ведения домашнего хозяйства и необходимости воспитания детей. «Самое замечательное в процессе социалистического строительства, – писал в 1934 г. В. Фейгин в газете «Правда», – то, что он создавал и создает, выковывал и выковывает человека нового типа» (Фейгин В. О новом человеке и типе большевика // Правда. № 134 (6020). 17.05.1934).

Принцип эргономики, важности и функциональной значимости каждого элемента, применяемый в архитектуре и строительстве, переносился и на конструктивистскую поэзию, где «поэтическое слово, подчинённое идее, воспринималось как конструкция, создаваемая с опорой на значение и смысл» [24]. У истоков конструктивизма в поэзии стояли Алексей Чичерин, Корнелий Зелинский и Илья Сельвинский, которые в 1922 г. создали литературное объединение, превратившееся в 1924 г. в Литературный центр конструктивистов. В 1925 г. К. Зелинский противопоставляет «художественной» архитектуре прошлого «инженерию – полные невероятные силы машины, элегантные мосты, океанские пароходы подъёмные краны, элеваторы, стальные конструкции и перекрытия и *весь этот мир гибкого и могучего металла* (курсив наш – А. О., Н. Р.; см. подробно о «советских металлических образах»: Hellebust, Rolf. *Flesh to metal: Soviet literature and the alchemy of revolution*. - New York: Cornell University Press, Sage House, 2003. 221 p.), что «стиль нашей эпохи колеблется между жанровым конструктивизмом и монументальным конструктивистским реализмом, перевешиваясь то в одну, то в другую сторону....Конструктивизм делается жанром» [25, с. 83].

Говоря про социалистическое строительство первых лет, нельзя не упомянуть о внимании, с которым молодое советское государство относилось к подрастающему поколению: о необходимости правильного воспитания подрастающего поколения говорил еще в 1918 г. во время первого Съезда работников просвещения В. И. Ленин. Вопрос активно обсуждался с начала 1920-х гг. (в июне 1921 г. при Наркомпросе РСФСР даже была создана специальная комиссия по детским игрушкам). [26, с. 201], а 23 декабря 1932 г. основан Научно-исследовательский институт игрушки.

Однако, как уже упоминалось, образ «счастливого советского детства» начал массово

тиражироваться только с начала 1930-х гг. Вначале нужно было изменить представление общества о внутрисемейных отношениях, «воспитать» матерей. Поэтому в 1920-е гг. в советском искусстве преобладали «назидательные» плакаты на тему детства: «Митинг детей» (А. Комаров, 1923), «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить» (Н. Поманский, 1928), «Не бей ребёнка» (А. Лаптев, 1929 г.), «Неграмотный ребёнок – позор для матери» (И. Громицкий, 1930 г.). Являясь инструментом массового внушения, плакаты того времени апеллировали больше к чувствам, и по этой причине их авторы взывали к принципам справедливости, к защите угнетённых от угнетателей. Постепенно такой подход теряет свою актуальность, на первый план выходит задача конструирования образа «счастливого советского ребенка» и «счастливого детства». Главную роль в этом процессе играла созданная в 1922 г. пионерская организация, на которую были возложены функции социального контроля за новым поколением и его идеологического воспитания. В тридцатые годы появляются новые герои произведений искусства – будённые, пионеры-герои, а также дети, чей досуг направлен на активизацию познания (например, авиамоделисты). Они помогали вырастить новую смену, верных ленинцев, защитников коммунизма, верящих в светлое будущее.

Заключение

В наши дни идеи советского проекта воспринимаются одновременно и как утопия, и как политический эксперимент, и анализируются как сложное и многогранное явление. Социалистический реализм остается не только частью культурного наследия Советского Союза, но и продолжает служить моделью для понимания того, как идеология формировалась через искусство. Строительство социальной реальности стало возможным не только через политические или экономические реформы, но и через процесс перестройки индивида и общества с помощью искусства и культурного творчества. Дискуссии о том, чем был обусловлен его провал, – утопичностью ли целей, которые он предлагал, или же ошибочными методами их достижения, – продолжаются. Государство предлагало обществу определенный проект развития, подавляя в то же время те социальные силы, горизонтальные социокультурные связи, которые могли бы придать этому ему больший импульс и гарантировать его максимальную социальную эффективность. Творившие в то время деятели искусства стояли в авангарде культуры строящегося общества, были главными действующими лицами в создании нового искусства для нового человека в новом обществе. В начальный период существования советской власти большинство из них участвовало в пропагандистской работе, направленной на формирование идеологического сознания с помощью искусства, выступая в поддержку социалистической революции, которую они понимали как социокультурную. Используемые ими в то время мифологемы, служащие для слияния концепции, формы и содержания, помогали объяснить смысл революции населению, порвать со старой традицией, создать универсальную культуру, которая могла бы быть оценена и понята всеми. Подобно мифам древних времен, они встраивались в жизненный контекст, образуя своеобразный фильтр, через который советский человек воспринимал действительность. Эти мифологемы отражали не только идеологические требования и нормы, но и коллективную волю народа, его мечты о построении справедливого общества. Они также служили инструментом идеологического воспитания, формируя у людей представления о будущем и желаемой модели нового социалистического общества.

В современном мире идеологическое искусство и пропаганда по-прежнему служат эффективным инструментом конструирования национальной идентичности. Современная политическая пропаганда продолжает формировать коллективное сознание, используя

цифровые медиа, популярную культуру и государственные механизмы поддержки искусства. Сегодня ряд государств рассматривают искусство не только как эстетическую ценность, но и как средство политического и идеологического воздействия. Влияние социалистического реализма, как прямое, так и опосредованное, по-прежнему ощущается, особенно в кинематографе, визуальных искусствах и массовой культуре. В качестве примера можно привести идеологические тенденции в голливудском кинематографе, государственное кинопроизводство в России, идеологические установки, транслируемые западной популярной культурой, и т.д. Социалистический реализм — это не только исторический феномен, но и социокультурная концепция, требующая изучения в контексте современных взаимоотношений между идеологией и искусством. Вопросы использования искусства в качестве инструмента пропаганды, методов, применяемых современными политическими системами для управления культурной сферой, а также способов конструирования коллективной идентичности, обуславливают необходимость дальнейшего изучения наследия социалистического реализма как культурного феномена.

Таблица 1. Использование мифологем в советском социокультурном пространстве в 1920–1930-е гг.

Мифологема	Описание	Литература, публицистика	Искусство
Ленин	Вождь Октябрьской революции и мирового пролетариата, друг трудового народа, «Отец народов», «Великий вождь и учитель».	Д. Бедный «Вождю» (1918); Н. Клюев «Ленин» (1924); В. Маяковский «Владимир Ильич Ленин» (1924), «Комсомольская» (1924), «Разговор с товарищем Лениным» (1929)	Плакаты В. Дени, М. Черемных «Тов. Ленин ОЧИЩАЕТ землю от нечисти» (1920, первое изображение В.И. Ленина в кепке), М.В. Ушаков-Поскочин «Ленин — вождь международного пролетариата» (1924), В.К. Изенберг «Юные ленинцы - дети Ильича. К 7-ой годовщине Октябрьской революции» (1924), Б. Кустодиев «Преддверие Октября (речь В.И. Ленина у Финляндского вокзала)» (1926). Изобразительное искусство

		И. И. Бродский «Ленин и манифестация» (1919), «В. И. Ленин на фоне Кремля» (1924), «Ленин на трибуне» (1925), «Ленин на фоне Смольного» (1925), «Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года» (1929); К. Петров-Водкин «Портрет В. И. Ленина» (1934). Кинематограф «Октябрь» (реж. С. Эйзенштейн, 1927), «Три песни о Ленине» (реж. Д. Вертов, 1934), «Ленин в Октябре» (реж. М. Ромм, 1937), «Великое зарево» (реж. М. Чиаурели, 1938), «Человек с ружьём» (реж. Н. Погодин, 1938). Архитектура Мавзолей Владимира Ильича Ленина (арх. А.В. Щусев, 1930)
Светлое будущее	Коллективизация быта, покорение космоса, создание высокотехнологичного государства	В. И. Ленин «Государство и революция» (1917), В. Итин «Страна Гонгури» (1922), А. М. Коллонтай «Скоро (Через 48 лет)» (1923), Л. Д. Троцкий «Литература и революция» (1923), Я. Окунев «Грядущий мир» Плакаты «Октябрьская революция - мост к светлому будущему» (1920), Я. Завьялов «Весь мир будет наш» (1935) Архитектура Г. Т. Крутиков «Город будущего» (дипломный проект, 1928), И. С. Николаев «Дом-

		(1923), В. Маяковский «Летающий пролетарий» (1925), «Клоп» (1928).	коммуна на улице Орджоникидзе» (1930), «Дворец Советов» (Б. Иофан, нереализованный проект, 1933).
			Кинематограф «Межпланетная революция» (мультипликационный фильм, реж. Ю. Меркулов, Н. Ходатаев, З. Комиссаренко, 1924), «Космический рейс» (реж. В. Журавлёв, 1935)
Советская женщина	Эмансипированная женщина, работница, мать, верный соратник	А. М. Коллонтай «Наши задачи» (1917), «Работница и крестьянка в Советской России» (1921); В. Маяковский «Что делала работница и что работнице надо делать» (1920), А. В. Луначарский «О быте» (1927)	Плакаты Купреянов Н.Н. «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке» (1920), Симаков И. В. «Лучшие работницы и крестьянки — в Ленинскую партию!» (1924), М. В. Ушаков-Поскочин «Крестьянка, укрепляй союз рабочих и крестьян — он сделает СССР непобедимым» (1925), Б. Дейкин «Восьмое марта — день восстания работниц против кухонного рабства» (1932). Картины Г. Ряжский «Делегатка» (1927), «Председательница» (1928), «Колхозница-бригадир» (1932); И.М. Рубанов «Пионервожатая»

			(1928); Василий Костяницын «Ударник кладки кирпича» (1932); К. Малевич «Работница» (1933); С. Я. Адливанкин «Лётчица. Портрет Кати Медниковой» (1934). Скульптура В. И. Мухина «Крестьянка» (1927). Кинематограф «Старое и новое» (реж. Г. Александров, 1929 г.), «Веселые ребята» (реж. Г. Александров, 1934 г.), «Член правительства» (реж. И. Хейфиц и А. Зархи, 1939).
Советский человек	Новый человек, сильный, смелый, смекалистый, трудолюбивый, спортивный	В. Лебедев-Кумач «Песня о Родине» (1935)	Плакаты А. А. Малеинов «Каждый физкультурник должен быть ударником труда и обороны» (1932), «Нас миллионы в советской колонне, готовы к труду и обороне» (1933), Скульптура В. И. Мухина «Рабочий и колхозница» (1936) Кинематограф Трилогия о Максиме (реж. Г. Козинцев и Л. Трауберг): «Юность Максима» (1934), «Возвращение Максима» (1937),

			«Выборгская сторона» (1938).
Сталин	Мудрый, родной, великий, вождь, друг	Д. Бедный «И.В. Сталин. За всё!» (1935), М. Инюшкин «Кантата о Сталине» (1937).	Плакаты В. Н. Дени «Трубка Сталина» (1930), Б. Е. Ефимов "Капитан Страны Советов ведет нас от победы к победе!" (1933), П. Ястержембский «Слава творцу конституции СССР великому Сталину!» (1937) Картины И. И. Бродский «Портрет И. В. Сталина» (1928); А. Герасимов «И.В.Сталин выступает на XVI съезде партии» (1935), И.В.Сталин и К.Е.Ворошилов в Кремле» (1938); В. Ефанов «Незабываемая встреча» (1936), Г. Шегаль. «Вождь, учитель, друг. И.В.Сталин в президиуме Всесоюзного съезда колхозников» (1937) Скульптура М. Я. Харламов «Бюст И. В. Сталина» (1929); Ю.И. Белостоцкий, Г.Л. Пивоваров, Э.М. Фридман «Ленин и Сталин в Горках» (1937) Кинематограф «Ленин в Октябре» (М. Ромм, 1937), «Великое

			зарево» (М. Чиаурели, 1938), «Человек с ружьём» (Н. Погодин, 1938).
Счастливые советское детство	Советские дети - волевые, смелые, справедливые, трудолюбивые.	- Г. Белых и Л. Пантелеев «Республика ШКИД» (1926), Н. Огнев «Дневник Кости Рябцева» (1927-1929), С. Михалков «Песнь о Павлике Морозове» (1934), Р. Фраерман «Дикая собака Динго» (1939).	Плакаты В. М. Конашевич «Молодые ленинцы» (1925), В. Говорков «За радостное, цветущее детство, за счастливую, крепкую семью!» (1936), «Спасибо любимому Сталину - за счастливое детство!» (1936), «Счастливые рождаются под советской звездой!» (1936). Картины Чуприна М. П. «Ленин с детьми в горках» (1928), С. Я. Адливанкин «Юные безбожники» (1930), «Состязание юных моделлистов» (1931); В. Сварог «И. В. Сталин и члены Политбюро среди детей в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького» (1931), Дейнека А. А. «Будущие летчики» (1937). Скульптура К. П. Коновалова «Юный моделлист» (1935), С. Д. Меркуров «Нам ни секунды ждать нельзя - должна быть Волга у Кремля!» (1937), А. В. Крыжановская «Будёныш» (1938). Кинематограф

			«Подкидыш» (реж. Т. Лукашевич, 1939).

Библиография

1. Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон: Сб. ст. под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
2. Паперный В. Соцреализм в советской архитектуре // Соцреалистический канон: Сб. ст. под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
3. Голомшток И. Соцреализм и изобразительное искусство // Соцреалистический канон: Сб. ст. под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
4. Булгакова О. Советское кино в поисках "общей модели" // Соцреалистический канон: Сб. ст. под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
5. Розинер Ф. Соцреализм в советской музыке // Соцреалистический канон: Сб. ст. под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
6. Жданова В.А. Соцветие мифа. Проблемы идеологического реформирования 1920-х гг.: отражение в советском кинопроцессе // Человек и культура. 2014. № 3. С. 64-85. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.3.13096 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13096
7. В поисках социалистического города (1929-1935 гг.) // Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР. Verlagshaus Draun / SCIO Media, 2015. 416 с.; Жолтовский И.В. Опыт исследования античного мышления в архитектуре // Искусство как язык - языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: в 2 т. М.: НЛО, 2017. Т. 2. С. 541-542.
8. Атаров Н. Дворец Советов. М.: Московский рабочий, 1940. 163 с.
9. Can Emir, B., & Saraç, H. Proletkult'tan sosyalist gerçekçiliğin temellerine uzanan bir edebi grup "Kuznitsa." Zamanın İzleri. İmparatorluklar Çökerken Gök Kubbeyi Omuzlamak ve Ulus İnşası (Eds. Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, pp. 291-310). Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, 2020.
10. Can Emir, B. 20. yüzyıl Rus edebiyatında politik müdahale. I. Uluslararası Dil, Sanat ve İktidar Sempozyumu Bildiriler Kitabı (Eds. Nazım Elmas et al., pp. 55-65). İstanbul: Giresun Üniversitesi Yayınları, 2018.
11. Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: ГИХЛ, 1924. 422 с.
12. Едошина И. А. Миф, мифологема, мифема в контексте деятельностного подхода к феноменам культуры // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 3(1). С. 79-81. EDN: LPBJMV.
13. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Миф - Число - Сущность. М.: Мысль, 1994. 991 с.
14. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проспект, 2023. 351 с.
15. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 12. 746 с.
16. Цит по: Заярная И. Творчество Евгения Замятина и авангард. Диалектика притяжения и отталкивания // Studia Rusycystyczne. Kielce, Uniwersytetu Jana Kochanowskiego. Т. 26. 2018.
17. Гюго В. Собор Парижской богородицы // Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. М.: ГИХЛ, Т. 2. 546 с.
18. Блок А.А. Интеллигенция и революция // Блок А. А. Собр. соч. в 8 тт. М.-Л.: ГИХЛ,

1962. Т. 6. С. 9-20.

19. Пастернак Б. - Брюсову В.Я. Письмо от 15.VIII.1922 // Пастернак Б. Из писем разных лет. М.: Правда, 1990. С. 10-14.

20. Хан-Магомедов С. О. Проект "летающего города" // URL: <https://electro.nekrasovka.ru/articles/elarchive/krutikov?ysclid=m0jrf9ivgi601302213> (дата обращения: 25.08.2024).

21. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. 650 с.

22. Жид А. Возвращение из СССР // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/gid_andre/vozvrashchenie_iz_sssr.html#40960 (дата обращения: 23.08.2024).

23. М. Г. Меерович. СССР как мегапроект // Советский проект. 1917-1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 30. EDN: YPUGPR.

24. Козлов В., Скрыпник А. 8 ключевых слов русского конструктивизма // Prosodia.ru. URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/8-klyuchevykh-slov-russkogo-konstruktivizma/> (дата обращения: 23.08.2023).

25. Зелинский К. Идеология и задачи советской архитектуры // ЛЕФ. 1925. № 3. С. 77-108.

26. Сальникова А. А., Хамитова Ж. А. Журнал "Советская игрушка" как источник по истории советского детства 30-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 155, кн. 3. ч. 1. 2013. С. 200-211. EDN: RBXLNJ. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к публикации статья имеет целью раскрыть проблему «идеи – слова – воплощения в советском социокультурном пространстве 1920-1930-х годов». На мой взгляд, этот феномен изучен, но новое восприятие, несомненно, важно, ценно, значимо. Мотивировка выбора темы автором прописана, в частности в начале работа отмечается, что «воплощение идеи и слова не только в литературе, но во всех видах искусства (от окон РОСТА до симфонии гудков Арсения Авраамова), эстетическое и психологическое восприятие формирующегося нового советского ментального пространства, сложные взаимоотношения между социальными идеями, их трансформация в представления о будущем мире и будущем человеке не только в послереволюционной литературе, но и в более широком историческом и социокультурном контексте являются чрезвычайно важной темой и для всей революционной культуры». Считаю, что определенная концептуальная основа работы имеет место быть, ибо структура данного труда подчинена идее объемной разверстки проблемы. Фактические данные / примеры, которые вводятся в качестве иллюстративного фона, не вызывают сомнений. Основные суждения по ходу текста выверены, объективны: например, «сразу после Октября 1917 шли горячие дебаты о новой роли искусства, а лейтмотивом той поры были экспериментализм и новаторство. Одним из наиболее значимых аспектов проводимой государством политики стало расширение и трансформация бытовавших в массовом сознании эстетических и социально-политических представлений, что было напрямую связано с искусством и наукой как источниками воображения и движущими силами модернизации экономики. Многие появлявшиеся в то время утопии (в области

литературы, архитектуры и т.д.) придавали оценочное и программное содержание реальности, то есть представляли идеалы и утопические образы, которые должны были стать основой для построения нового общества и социалистической действительности» и т.д. Должная репрезентация отсылок и цитации сделана верно: «Большое внимание уделялось кинематографу, который совершил в 20-х гг. рывок в развитии. Появляются фильмы Д. Вертова, А. Довженко, Л. Кулешова, С. Эйзенштейна и др. Л. Троцкий писал про кинематограф: «это орудие, которое само просится в руки: лучший инструмент пропаганды – технической, культурной, производственной, антиалкогольной, санитарной, политической – какой угодно, пропаганды...» и т.д. Стиль статьи соотносится с научным типом; термины и понятия вводятся с учетом коннотативного спектра. Считаю, что серьезных нарушений в тексте, тема последовательно раскрывается, учитывается и контекстуальное поле. Основные сферы, где реализуется проблема «идеи – слова – воплощения» затронуты: это поэзия, кинематограф, живопись... Стоит согласиться и с Блоком, и Пастернаком, что нужно «слушать Революцию... ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух.... [18, с. 19 – 20], новый виток есть «стадия революции, наиболее близкая сердцу и поэзии, — утро революции и ее взрыв». [19, с.13]. Она дала огромной массе людей возможность не только преобразовать культуру и литературу в своих интересах, но и стать творцом в этом новом коллективном творчестве...». Работа интересна, целостна, в тексте нет серьезных логических противоречий, целевая установка, на мой взгляд, достигнута. Выводы по работы соотносятся с основной частью; в финале обозначено, что «социалистический реализм — это не только исторический феномен, но и социокультурная концепция, требующая изучения в контексте современных взаимоотношений между идеологией и искусством. Вопросы использования искусства в качестве инструмента пропаганды, методов, применяемых современными политическими системами для управления культурной сферой, а также способов конструирования коллективной идентичности, обуславливают необходимость дальнейшего изучения наследия социалистического реализма как культурного феномена». Удачно дополняется работа таблицей, где прописаны основные «маркеры» нового искусства, искусства 1920-1930-х годов; материал можно использовать практически при изучении дисциплин гуманитарного профиля (расширительный режим). Библиографический список объемён, он также может быть использован и применен далее, в рамках создания статей смежной тематической направленности. Рекомендую статью «"Идея – слово – воплощение в конструировании советского социокультурного пространства в 1920–1930-е гг."» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сеферова Э.Э. Песенная культура крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде // Litera. 2025. № 6. DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74296 EDN: WMUQIC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74296

Песенная культура крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде

Сеферова Эсма Энверовна

преподаватель; кафедра крымскотатарской литературы; Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова"
специалист по учебно-методической работе; кафедра крымскотатарской литературы

297505, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Сквозная, 21

✉ seferova.esma@bk.ru[Статья из рубрики "Фольклор"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.6.74296

EDN:

WMUQIC

Дата направления статьи в редакцию:

02-05-2025

Дата публикации:

03-06-2025

Аннотация: Настоящее исследование посвящено литературному и фольклорному наследию Э.Шемьи-заде, выдающегося поэта и учёного крымскотатарского народа. Анализируются основные аспекты его творчества, в том числе синтез философии, лирики и устных традиций, а также их взаимодействие и взаимовлияние. Особое внимание уделяется вопросам сохранения и трансформации народной песенной культуры, роли диалектных и культурных особенностей в поэтических текстах, а также влиянию традиционного этнокультурного наследия на современную крымскотатарскую литературу, раскрываются основные направления научных исследований Э.Шемьи-заде. Предметом исследования является поэтика традиционных народных песен. Объектом исследования является научное наследие Э.Шемьи-заде. Целью исследования является анализ научных трудов Э.Шемьи-заде, посвящённых вопросам народной лирики. Материалом для исследования послужил сборник статей «Эдебий ве тенкьидий

макъалелер» («Литературные и критические статьи») (2000). Методология исследования. В качестве основного метода исследования использован структурный метод. Новизна исследования заключается в том, что в качестве его предмета мы избрали поэтику народных песен в научных изысканиях Э.Шемьи-заде. Также в статье впервые системно проанализированы основные аспекты взаимосвязи литературного наследия Э.Шемьи-заде с народной фольклорной традицией, выявлены механизмы и особенности использования устных форм в его поэтическом творчестве. Выводы. Научные изыскания Э.Шемьи-заде отражают важнейшие грани мировоззрения автора, дают возможность увидеть особенности его ценностной системы. Работы Э.Шемьи-заде внесли качественно новые черты в отношении к изучению народной лирики, проблем культуры. Согласно исследованиям Э.Шемьи-заде, исторически сложившаяся система жанров крымскотатарской народной песни претерпевает изменения. Стилистические изменения влияют на содержание песен.

Ключевые слова:

фольклор, импровизация, традиции, реконструкция, культура, трансформирование, теория, диалекты, выразительность, словесные повторы

Литературное наследие Э.Шемьи-заде, выдающегося поэта и не менее выдающегося учёного, уже давно воспринимается как единое целое взаимосвязанное и взаимообусловленное. Однако до сих пор не существует специальных работ, посвящённых исследованию природы и истоков этой взаимосвязи. Из публикаций, лишь так или иначе касающихся отдельных аспектов темы, отметим работы И.А. Керимова [\[1\]](#), Р.Фазылова, С.Нагаева [\[2\]](#), З.Куртнезира [\[3\]](#), А.А.Джемилевой [\[4\]](#), Ш. Али [\[5\]](#) и др.

Современные исследователи указывают на «синтез философии и лирики, интеллектуального и эмоционального начал в творчестве Э.Шемьи-заде» [\[2\]](#), «тесную связь с народно-поэтическим творчеством» [\[2\]](#). Особый интерес в этом аспекте вызывает работа Ш.Алядина «Къызыл чабакъ» («Красный рассвет»). Отмечая, что поэма «Козьяш дивар» («Стена слёз») содержит множество цитат из крымскотатарских песен, Ш.Алядин пишет: «Хотя в каждом отдельном фрагменте поэмы «Козьяш дивар» («Стена слёз») цитата мотивирована сюжетом, но одновременно она становится знаком определённой концепции жизни, которой адресуется автор». [\[6\]](#). Подобное наблюдение встречается и в работе И.А.Керимова «Бедий сёзюмизнинь эврими» («Эволюция художественного слова»). По мысли учёного, «отличительным свойством поэзии Э.Шемьи-заде является неразрывная связь с устно-поэтическим творчеством, укоренённость в нём» [\[1\]](#). Устные и письменные традиции в творчестве Э.Шемьи-заде настолько переплетены, что многие исследователи затрудняются в вопросе, куда отнести поэта – к фольклору или литературе? Согласно мнению поэта Ш.Селима, Э.Шемьи-заде «один из тех, кто заложил фундамент крымскотатарской советской литературы и крымскотатарского фольклора» [\[8\]](#).

Как бы там ни было, исторические корни крымскотатарской традиционной культуры Э.Шемьи-заде осознавал достаточно глубоко. Каждый образец народной лирики или даже её неполный вариант, переработанные «редакторами» строфы представляли для него большую ценность. По ним, он восстанавливал процесс исполнения, формирования вариантов песен. Крымскотатарский критик А.Дерменджи предлагает свой комментарий к

использованию Э.Шемьи-заде фрагментов преданий, легенд, народной песни, с помощью которых «автор стремится придать повествованию философско-дидактический смысл, создать определённый фон переживаний» [9]. Исследователь А.Осман подчёркивает «правильное понимание Э.Шемьи-заде идейно-художественной основы фольклорных жанров, их поэтических возможностей и, самое важное, умение находить в них элементы, обеспечивающие им актуальное звучание» [10]. Об этом свидетельствуют поэмы «Яшлыгъымнен корюшув» («Встреча со своей молодостью»), «Москва – Севастополь» и др. Образец насыщенного метафорами и перифразами текста являет поэма «Днепрельстан», которая принесла автору славу и признание, причём не только в Крыму, но и за его пределами. Имя поэта вошло в 62-й том Большой советской энциклопедии, изданный в 1933 году [2].

Однако внимание к содержанию, к идейной стороне образцов устного народного творчества было признано первоочередным. Об этом свидетельствуют и работы Д.С. Лихачёва: «Вся история развития человеческой культуры есть история не только созидания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей» [11]. И ещё: «В отличие от общего движения «гражданской» истории процесс истории культуры есть не только процесс изменения, но и процесс сохранения прошлого, процесс открытия в старом, накопления культурных ценностей» [11]. Говоря словами Д.С.Лихачёва, «мы должны прежде всего изучать своеобразие и неповторимое, «индивидуальность» народов и прошлых времён» [11]. Такой подход означает, что представленные в трудах Д.С.Лихачёва выводы общего характера типологически применимы к литературам, развитие которых происходило в сходных культурно-исторических условиях. Поэтому, рассматривая вопросы традиционной песенной культуры в творческой практике крымскотатарского классика, на наш взгляд, нет необходимости специально обращаться к источникам информации, откуда бы Э.Шемьи-заде мог почерпнуть знания об этих традициях: они имманентно присутствуют в культуре народа.

В первую очередь хотелось бы отметить, что в крымскотатарской послевоенной литературе XX века особенно остро обозначилась две проблемы – это сохранение национальной идентичности и развитие традиционной культуры. В этом аспекте большой научный интерес представляет сборник литературно-критических работ Э.Шемьи-заде «Эдебий ве тенкъидий макъалелер» («Литературные и критические статьи»), составленный в начале 2000-х годов авторским коллективом (А.Р.Эмиров, Ш.С.Селимов, Э.М.Абдуллаев). Практически обойдённый исследователями, сборник представляет собой свидетельство своеобразного взгляда учёного на песенную культуру народа. В сборник вошли всего 12 статей учёного.

Большой научный интерес представляют статьи «Мушаире» («Поэтические состязания»), «Яш къалем аркъдашларымызнынъ ширий яратыджылыкълары акъкъында» («О стихотворном творчестве начинающих поэтов»), «Ремзи Бурнашнынъ янъы манзумелер эльязмасы акъкъында базы бир къайдлар» («Некоторые замечания по поводу новой рукописи Ремзи Бурнаша»). Дополняют картину статьи, посвящённые творчеству поэта XVII века Ашыка Умера. Автор обращает внимание на особую роль слова в поэтике восточного средневековья, на выявлении скрытых в нём оттенков. По мнению Э.Шемьи-заде, «именно полисемия определяет такое важнейшее свойство стиля, как закрепление за словом определённых переносных значений» [12]. Кроме того исследователь обращает внимание на факт присутствия в литературе ханского периода целого ряда направлений, и в первую очередь – литературы религиозно-суфийской и ашыкской.

Особое место в научных изысканиях Э.Шемьи-заде занимает коллекция научных статей, посвящённых творческой биографии А.М.Горького, татарского поэта Г.Тукая, крымскотатарского поэта М.Нузета.

Мы обнаружили, что хотя Э.Шемьи-заде никогда формально не принадлежал ни к каким школам, течениям, сознательно избегая какой бы то ни было коллективности, всё его литературное наследие : в модусе реализуемых тем, реализации языковых потенциалов – погружено в самые глубинные пласты не только древнетюркской, но и мировой литературы.

Первое, на чём останавливается исследовательское внимание, это то, что, в 70-е гг. XX века Э.Шемьи-заде был, пожалуй, единственным исследователем в крымскотатарской литературе, рассматривавшим вопросы народной лирики. Хотя исследователи Н.И.Кравцов и С.Г.Лазутин отмечают, что «своими знаниями по народной песне мы обязаны не только специалистам-фольклористам. Большая заслуга в этом принадлежит замечательным русским писателям и выдающимся литературным критикам В.Г.Белинскому, Н.Г.Чернышевскому и Н.А.Добролюбову»^[13].

Сразу отметим, что научные работы Э.Шемьи-заде – особый жанр, представляющий собой сплав науки, литературы и фольклора. Так в работе «Халкъ йырларымызны козьбебегимиз киби къорумаъ керекмиз» («Сохраним народные песни как зеницу ока») автор вносит качественно новые черты в отношении к песенной культуре народа. По его мнению, традиционность в лирическом жанре выражается в относительной устойчивости словесного текста и характера исполнения, передаче фольклорного произведения без значительных изменений.

Большой интерес вызывают рассуждения Э.Шемьи-заде о трёх составляющих слова – содержании, внешней и внутренней форме. Именно внутренняя форма слова адекватно отражает понятие образа и, по убеждению учёного, «служит художественному оформлению мысли и формированию поэтического высказывания»^[14].

Автор обращается к материалу песни «Назлы-назлы кель яныма...» (Нежно-нежно подойди ко мне...), из которой «блустители морали грязным скальпелем («кутюр скальпель») изъяли целую строку, которое привело к изменению образной системы и идейного содержания»: «Назлы-назлы кель яныма, Ач эллеринь, сар бойнума. Къаст эйлеме яш джаныма. Сёйле назлым, эля козьлюм» (Подстрочный перевод: «Нежно-нежно подойди ко мне, Открой свои объятия, обними меня. Пощади меня, мою любовь, Говори о любви моя нежная, кареглазая»). Строка «Кель акъшамдан кир къойнума» («С вечера приди в мои объятия») в тексте оригинала по настоянию «редакторов» была заменена строкой «Бир десте гуль такъ башыма» («Повесь букет цветов на мою голову»). Далее Э.Шемьи-заде приводит сохранившийся вариант этой же песни, в которой так называемые «текстологи» пошли ещё дальше, добавив слово «багърыма» («печень»). Общеизвестно, что у тюркоязычных народов это слово имеет такое же значение, однако произносится несколько иначе «бавур». Так «умная редакция» лишила песню смысла: «Бир десте гуль такъ багърыма», то есть «Повесь букет цветов на мою печень». Между тем, В.В. Виноградов в своих исследованиях писал: «Не будет лишним еще раз отметить, что фольклорные произведения не нуждаются в подобных «улучшениях»^[15].

Анализ текстов песен «Арафат дагъы» («Гора Арафат»), Юксек минареден» («С высокого минарета»), «Он биринджи айлары...» («Одиннадцатый месяц...») обнаружил, по словам Э.Шемьи-заде, «метаморфозы», то есть преднамеренные, чаще не преднамеренных стилистические изменения, неоправданные поправки, которые, в конечном счете

привели тексты к фальсификации» [\[121\]](#).

На базе научных изысканий Э.Шемьи-заде удалось выявить факт замены диалектных слов отдельными издателями, которые «исправляли» их, подгоняя под литературный язык. Подобное наблюдение встречается и в работах фольклориста В.Я.Проппа: «Осторожно проведённая замена некоторых или даже всех диалектных особенностей произношения общерусскими произносительными нормами при соответствующей оговорке и мотивировке для некоторых типов изданий вполне возможна без всякого ущерба для фольклористики. Наоборот, обработка особенностей словообразования недопустима. В большинстве случаев так называемая «литературная обработка» должна квалифицироваться как варварство, если речь идёт об издании памятников народного творчества» [\[12\]](#).

Э.Шемьи-заде отмечает популярность диалектных форм имён в разговорной речи, антропонимов: «Джавун джавса, кьар джавса, Джер джагьалар **Акьтабан**. Кьарт бабань да сенинь ат чапкъан, Ал шыбырткъы, сюр сабан» («Даже если пойдёт дождь или снег **Актабан** пролетит над землёй, Твой дед скакал на коне, А ты плугом пашешь землю»). Такое наблюдение позволяет автору сосредоточить внимание на тексте лирической песни «Эр кьасапта...» («У каждого мясника...»). Исследователь приводит оригинальный вариант: «Эр кьасапта эт булунмаз, эриф, Къавун, кьарпыз сергиде. Гидер айныкъ, гелир сархош, эриф, саат алты, едиде» («Не у каждого мясника, в лавке имеется мясо, парень, На прилавках дыни и арбузы. Уходишь трезвый, возвращаешься пьяный, парень, в шесть, семь часов вечера»). После вмешательства «редактора» с целью «улучшения» Э.Шемьи-заде обнаруживает такую «метаморфозу» (по Э.Шемьи-заде): «Эр дюкянда (?) эт булуныр (?), эриф, Къавун, кьарпыз сергиде. Эр кунь иштен сен кьайтарсынъ (?), эриф, Саат алты едиде» («У каждого мясника, в лавке имеется мясо, парень, На прилавках дыни и арбузы. Каждый день ты идёшь с работы, парень, в шесть, семь часов вечера»). По мысли Э.Шемьи-заде, «вмешательство редактора в этих случаях должно квалифицироваться как «преступление».

Особый интерес представляет выявление автором различных граней взаимодействия изобразительных и выразительных эпитетов. По мысли учёного чаще всего используется такая композиционная форма как монолог, реже диалог:

Яш: Ай мубарек аведе, шавлеси ерде. (**Парень:** Луна на небе, свет на земле

Отургъайдыкъ экимиз бир миндерде. Сядем, посидим с тобой на циновке)

Къыз: Денъиз четтен чайпалыр, ортадан тынар

Сен о къадар талпынсанъ, къанатынь сынар

(**Девушка:** На море поднимаются волны

Если ты поднимаешься словно волна, то ломаешь крылья) (Подстрочный перевод автора). Анализ эпических традиций в исторических песнях «Демирджилер» («Кузнецы»), «Чалбаш бора» («Седой верблюд»), «Эр кьасапта...» («У каждого мясника...») свидетельствует об употреблении традиционных тропов эпической литературы, в частности развивающих традиционное уподобление жизни плаванию в море.

На наш взгляд, работы Э.Шемьи-заде являются наиболее обстоятельными исследованиями поэтических параллелизмов в композиционной организации народных

лирических песен. По утверждению автора, «поэтический параллелизм может быть использован во всех композиционных формах: в песнях-диалогах, в песнях-монологих, а также описательно-повествовательных лирических песнях»: «Шу Ялтадан таш юкледим, гемим толмады. Шу мааледен бир къыз севдим, меним олмады...» (Грузил я в Ялте камень на корабль, однако не хватило камня... Полюбил я девушку с этой улицы, но моею она не стала).

По мысли Э.Шемьи-заде, в поэтическом стиле традиционных лирических песен проявляются её жанровые особенности: символика, художественный параллелизм, образы природы и животного мира. Так символом батыра, джигита является шаин (сокол), къартал (орёл), гогерджин (голубь). В качестве символов девушки выступают «сельби» (тополь), акъкъу (лебедь), къарылгъач (ласточка) ай (луна), Чолпан (Венера) и.т.д. Весьма показателен в этом смысле текст старинной песни, записанный автором со слов певцов деревни Бойкъазакъ: *«Кок алланынь, ер байнынь, чынъ кедайнынь, Къатыньа йылдыз ким болмаз, сендай айнынь»* (Подстрочный перевод: «Небо принадлежит Аллаху, земля – баю, частушка – сказителю, Ты словно луна, кто же станет звездой возле тебя?»).

Согласно мнению Э.Шемьи-заде, по сохранившимся записям образцов народной лирики, в частности песен «Джирен къашкъа алаша» («Конь с рыжей отметиной»), «Элиф дедим, бе дедим» (Сказала я «элиф», сказала я «бе»), «Тавгъа бардым тав кесмеге» («Пошёл я в лес дрова рубить»), современные исследователи могут в известной мере судить о принципах народной эстетики, о художественных вкусах, которые вырабатывались веками.

Кроме того, анализ обнаружил интерес учёного к наименованиям растительного мира. По мысли Э.Шемьи-заде «в лирических песнях максимально фоново значимыми являются слова сельби (тополь), нар (гранат), юзюм (виноград), кестане (каштан), фындыкъ (фундук), джевиз (орех), мелевше (фиалка)»: *«Фындыкъ фыстыкъ олурмы? Атеш ястыкъ олурмы? Быракътынь гиттинъ бени, Бойле достлукъ олурмы?»* («Разве станет фундук арахисом? Разве станет огонь подушкой? Ты ушёл(ушла) оставил(а) меня, Что за любовь такая? »).

Согласно мнению Э.Шемьи-заде, исторически сложившаяся система жанров народной песни крымских татар, претерпевает изменения. Основным признаком трансформирования по мнению учёного, является тенденция народных песен к уменьшению объёма, усилению комического эффекта. Интересно, что мнение Э.Шемьи-заде перекликается с интерпретацией этого момента исследователем А.Г.Яхиным. По мнению, учёного специфика отражения действительности зависит от функции и структуры жанра ^[17]. За исходные данные о природе песенного жанра примем высказывание Гегеля о том, что «содержанием её является , живая субъективная действительность души, а отличительной чертой народной лирики является коллективность субъекта» ^[18]. По мысли Гегеля, «народная песня более всего национальна», потому что она отражает действительность и «связана с прирождёнными сторонами народа». А.Г.Яхин пишет: «Если принять к сведению, что песня к тому же одна из самых древних жанров устно-поэтического творчества народа, то обнаружение в нём инвариантного, закономерного поможет исследователю заглянуть в истоки не только песенного жанра, но и самобытности тех или иных народностей. ^[17].

Следует отметить, что научные изыскания Э.Шемьи-заде о песенной культуре позволяют учёным продвинуться вперёд при изучении этногенеза и этнической истории народа и

других тюркоязычных народов. Большой этнографический материал заключён, по мнению Э.Шемьи-заде, в крымскотатарских лироэпических поэмах (дестанах). Согласно мнению учёного, «Таирнен Зоре» («Таир и Зоре»), «Кёр оглу» («Кёр оглу» (имя собств.) – являются ценным источником при выявлении историко-культурных связей народов, населявших территорию Средней и Центральной Азии, а также Казахстана. В них содержится немало сведений по этнокультурным контактам крымскотатарского, киргизского и узбекского народов. Особого внимания заслуживает концепция исследователя о типологическом и особенном в культуре тюркоязычных народов. Э.Шемьи-заде отмечает, что сходство в историческом, этнографическом, культурно-экономическом развитии способствовали развитию культурно-литературных связей, история которых насчитывает тысячу лет.

Э.Шемьи-заде обращает внимание не только на литературные, но и на музыкальные особенности народных песен, кратко анализирует их содержание, отмечает, что основными создателями, хранителями и распространителями народных песен в Крыму были *кедайлар* (сказители), *халкъ йырджылары* (народные певцы), талантливые, обладающие замечательными вокальными данными: Сабрие Эреджепова, Эдие Топчи, Зейнеп Люманова, Мемет Абселямов, Сакине и Сание Налбандовы, мастера инструментальной музыки – скрипач Изедин уста, кларнетист Исмаил Меджит уста, трубач Ибрыш Черкес, мастер бубна Сулейман уста. Э.Шемьи-заде ставит вопрос о роли импровизации, усилении комических, сатирических мотивов в тексте народных песен. Автор указывает на необходимость самого пристального внимания к личности народного певца, сказителя, через которого и устанавливается «соотношение жизни и произведения искусства». «Каждый аспект, рождённый народом культуры, способствует более глубокому и правильному её постижению, – пишет исследователь Н.Р.Абдульвапов – Полнота общей картины невозможна без знакомства с искусством, созданным народом, и музыке в этой палитре отведена исключительно важная роль» [\[19\]](#). Делая акцент на последнем факторе, автор отмечает «переделки», стилистические изменения в поэтике традиционных песен в советское время. Весьма продуктивной является оценка автором весомого вклада в культуру крымскотатарского народа таких собирателей и исследователей фольклора, как А.Олесницкий, А.Кончевский, О. Шацкая, М.Велиджанов.

Представляет интерес и работа Э.Шемьи-заде «Музыка медениетимизинь таргъибатчыларындан Аркадий Кончевский» («Подвижник нашей музыкальной культуры Аркадий Кончевский»), посвящённая деятельности признанного специалиста в области народной лирики. Известно, что А.К.Кончевский создал такие нотные сборники как «Песни Крыма»(1924), «15 крымских песен» (1927-1928), «Песни Востока»(1927), «Музыка Крыма»(1928) и др.

Э.Шемьи-заде рассматривает различные аспекты собирательской, издательской деятельности А.К.Кончевского. Кроме того в статье представлены факты из малоизвестных источников, связанных перепиской с А.К.Кончевским. Так, в одном из писем А.Кончевский вспоминает: «Напевали мне эти песни лучшие народные певцы, знатоки песенного народного творчества своего края: Айтулу Катык, Айше Тайганская, Осман Мурасов» [\[20\]](#). Несомненный интерес в этом аспекте представляет одно из последних писем, написанных А.К.Кончевским: «Те песни, которые не вошли в мои семь книг, которые были изданы под названием «Крымские песни», и ноты крымских песен, которые по сей день хранятся у меня, чтобы не потерялись после того как «мои глаза закроются навечно», я отправил почтой в Государственную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. А многочисленные мои рукописи, посвящённые крымскотатарскому фольклору и музыке, отдал в этнографический музей имени Миклухо-

Маклая в Москве. В своё время я с удовольствием пел крымскотатарские песни. Вместе с поэтом А.Чергеевым и великолепным танцором Хайри Эмир-заде в первые послереволюционные годы мы с концертами выезжали в далёкие деревни. А в начале 20-х гг на основе собранных мною материалов был снят кинофильм, главную роль в котором исполнял Хайри Эмир-заде... » [20]. Комментируя это письмо, Э.Шемьи-заде отмечает, что изучение рукописей А.К.Кончевского могут помочь восстановить, понять историю, глубокую культурную палитру крымскотатарского народа. Однако для этого необходимы транслитерация, дешифровка рукописей. Отмечая большую роль музеев, архивов и библиотек, Э.Шемьи-заде уделяет огромное внимание вопросам обеспечения сохранности культурного наследия.

Выводы. Итак, на основе проведённого анализа мы можем сделать вывод о том, что научные изыскания Э.Шемьи-заде отражают важнейшие грани мировоззрения автора, дают нам возможность увидеть особенности его ценностной системы. По мысли Э.Шемьи-заде, исторически сложившаяся система жанров крымскотатарской народной лирики претерпевает изменения. Стилистические изменения, преднамеренные, чаще не преднамеренные стилистические изменения, неоправданные поправки, приводят тексты народной лирики к фальсификации.

Библиография

1. Керимов И.А. Халкъымызнынъ бедий яратыджылыгы // Йылдыз. - 1983. - № 4. - С. 137-138.
2. Фазыл Р., Нагаев С. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы: къыска бир назар. - Симферополь: Международный фонд "Відродження", 2001.
3. Куртнезир З. Къырымтатар эдиплери: омюр ве яратыджылыклары акъкънда къыска малюматлар. Текмилленген, тюзетильген экинджи нешри. - Симферополь: ООО "Эльиньо", 2017. - 340 с.
4. Джемилева А.А. Поэтика повествования в крымскотатарском рассказе 70-80 годов XX века: монография. - Саратов: Амирит, 2022. - 168 с. EDN: RMIMDW
5. Али Ш. Эшреф Шемьи-заденинъ сёз зенгинлиги // Янъы дюнъя. - 2008. - 7 октября.
6. Алядин Ш. "Къызыл чабакъ" // Йылдыз. - 1983. - № 1. - С. 93-100.
7. Керимов И.А. Бедий сёзюмизнинъ эврими. (Къырымтатар эдебиятынынъ XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башындаки деври). Монография // Йылдыз. - 1998. - № 4. - С. 108-142.
8. Селим Ш. Эшреф Шемьи-заденинъ ильк шиирлери // Къырым. - 2008. - 25 июня, № 49.
9. Дерменджи А. Поэзия акъкъында фикирлер // Ленин байрагы. - 1983. - 21 июня.
10. Осман А. Эдебиятка садыкълыкъ // Йылдыз. - 1995. - № 1. - С. 166-170.
11. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - М., 1979. - С. 357.
12. Шемьи-заде Э. Эдебий ве тенкъидий макъалелер. - Симферополь: Доля, 2000. - 248 с.
13. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество: Учебник для фил. спец. ун-тов. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1983. - 448 с.
14. Потебня А. Мысль и языкъ // Потебня А. Эстетика и поэтика. - М.: Наука, 1976. - С. 35-220.
15. Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - 1945. - Вып. 3.
16. Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. - М.; Л., 1956. - Т. 1. - 346 с.
17. Яхин А.Г. Жанр татарской народной песни как система // Фольклор, литература и история Востока. Материалы III всесоюзной тюркологической конференции. - Ташкент:

Издательство "Фан", 1984. - С. 422.

18. Гегель. Соч. Т. XIV. - М., 1938. - С. 540.

19. Абдульвапов Н.Р. Предисловие к книге Крымскотатарская инструментальная музыка ханского периода. - Симферополь: Доля, 2007. - С. 94.

20. Кончевский А. Песни Крыма. - М.: Гос. изд-во; Муз. сектор, 1929. - 50 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают вопросы фольклора и традиционной культуры крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде. Актуальность и новизна работы аргументируется недостаточным вниманием исследователей к литературному наследию Э.Шемьи-заде, посвящённому проблемам фольклора и культуры, которое «представляет собой любопытное свидетельство чисто шемьизадедовского взгляда на мир, авторских интересов. В нём нашли органическую связь идейные положения и художественные принципы писателя. Именно поэтому обращение к литературному наследию в подобном ракурсе является новым».

Теоретической основой исследования обоснованно выступили работы, посвященные литературе крымских татар и творчеству Э. Шемьи-заде. Библиография составляет 20 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе и актуальности изучаемой проблематики. Методология исследования в представленном материале не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и поставленных задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, методы когнитивного и дискурсивного анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что одна из характерных особенностей научных изысканий Э.Шемьи-заде – широкое использование и переосмысление им традиционных образов, художественных приёмов фольклора («Интерес Э.Шемьи-заде к устно-поэтическому творчеству народа, очевидно, наложил отпечаток на всё его творчество, начиная с ранних стихотворений до баллад, поэм»). Лаконизм, поэтичность и образность языка сочетаются у Э.Шемьи-заде с новыми, оригинальными приёмами («тонкий знаток речевой культуры, верований, обрядов народа, Э.Шемьи-заде активно участвует в литературной полемике, однако вместе с цитированием и пародированием оппонентов в ироническом контексте использует и новые средства её ведения»).

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в исследование вопросов фольклора и традиционной культуры крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, крымскотатарской литературе, творчеству Э. Шемьи-заде и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Однако объем рукописи слишком мал для раскрытия темы. Рекомендуем автору(ам) расширить его, в том числе за счет основной (обзорной) части.

Статья самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Вопросы фольклора и традиционной культуры крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде" автором рассматриваются этнологические и культурологические аспекты крымскотатарской культуры на материале работ Э. Шемьи-заде.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Предметом исследования является миропонимание в трудах крымскотатарского автора Э. Шемьи-заде.

Материалом послужили литературные произведения, в которых встречаются элементы фольклора и традиционной культуры тюркоязычных народов Крыма, в частности, крымских татар.

В теоретической части автор анализирует работы предыдущих исследователей и приходит к выводу о необходимости более комплексного изучения работы Э. Шемьи-заде с целью выявления фольклорных компонентов собственно крымскотатарского, а не общетюркского происхождения.

Научная новизна данного исследования заключается в недостаточной изученности особенностей репрезентации культуры Крыма в произведениях Шемьи-заде.

В основной части автор представляет и комментирует анализ сборников и статей писателя, посвященным литературе, музыке и культуре крымских татар, а также переводов национальной литературы на русский язык.

В заключении автор приходит к выводам о том, что «сборник «Эдебий ве тенкьидий макъалелер» («Литературные и критические статьи», 2000) Э.Шемьи-заде свидетельствует о коренном пересмотре взглядов на традиционную культуру, фольклор, о появлении глубоко аналитических концепций этого народного словесного искусства как целостного и внутренне единого, обладающего оригинальной философской основой, выстраивающего собственную картину мира. Важность поставленных проблем, знание жизненного материала и выразительность языка делают исследования Э.Шемьи-заде заметным явлением в современной фольклористике и литературоведении. Одна из характерных особенностей научных изысканий Э.Шемьи-заде – широкое использование и переосмысление им традиционных образов, художественных приёмов фольклора. Лаконизм, поэтичность и образность языка сочетаются у Э.Шемьи-заде с новыми, оригинальными приёмами».

Представленные автором выводы подтверждены большим количеством примеров, что позволяет считать полученные результаты достоверными.

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Однако статья содержит ряд недостатков.

Структура статьи не содержит ключевых элементов научного исследования, нося реферативный характер.

В том числе в статье отсутствует указание на предмет и объект исследования, на количество проанализированных текстов, а также методов и этапов исследования, нечетко оговорены цели и задачи исследования.

Помимо этого, остается неясным, какие именно элементы фольклора анализировались.

Таким образом, статья «Вопросы фольклора и традиционной культуры крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде» вносит вклад в изучение тюркологии и фольклористики и может быть рекомендована к публикации после устранения вышеоговоренных недостатков.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи нетривиальна, нова. Автор обращается к анализу песенной культуры крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде. Как отмечается в начале работы, «литературное наследие Э.Шемьи-заде, выдающегося поэта и не менее выдающегося учёного, уже давно воспринимается как единое целое взаимосвязанное и взаимообусловленное. Однако до сих пор не существует специальных работ, посвящённых исследованию природы и истоков этой взаимосвязи». Выбор темы исследования, на мой взгляд, мотивирован, автор же ориентирован на полновесную оценку / систематизацию вопроса. Статья грамотно выстроена, помимо практического «тона», в тексте наличествует и хорошая теоретическая база, например, с отсылкой у трудам Д.С. Лихачева: «Однако внимание к содержанию, к идейной стороне образцов устного народного творчества было признано первоочередным. Об этом свидетельствуют и работы Д.С. Лихачёва: «Вся история развития человеческой культуры есть история не только созидания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей» [11]. И ещё: «В отличие от общего движения «гражданской» истории процесс истории культуры есть не только процесс изменения, но и процесс сохранения прошлого, процесс открытия в старом, накопления культурных ценностей». Удачно, на мой взгляд, автор создает эффект диалога и с оппонентами, и с читателями: «Поэтому, рассматривая вопросы традиционной песенной культуры в творческой практике крымскотатарского классика, на наш взгляд, нет необходимости специально обращаться к источникам информации, откуда бы Э.Шемьи-заде мог почерпнуть знания об этих традициях: они имманентно присутствуют в культуре народа». Фактическое информационное поле работы объемно, частотны отсылки к критическим источникам, их рассмотрение сделано филологически верно: например, «большой научный интерес представляют статьи «Мушаире» («Поэтические состязания»), «Яш къалем аркъдашларымызнынъ ширий яратыджылыклары акъкъында» («О стихотворном творчестве начинающих поэтов»), «Ремзи Бурнашнынъ янъы манзумелер эльязмасы акъкъында базы бир къайдлар» («Некоторые замечания по поводу новой рукописи Ремзи Бурнаша»). Дополняют картину статьи, посвящённые творчеству поэта XVII века Ашыка Умера. Автор обращает внимание на особую роль слова в поэтике восточного средневековья, на выявлении скрытых в нём оттенков». Видим, что стиль данного труда соотносится с научным типом. Роль и статуст Э.Шемьи-заде автором объективированы верно: «сразу отметим, что научные работы Э.Шемьи-заде – особый жанр, представляющий собой сплав науки, литературы и фольклора. Так в работе «Халкъ йырларымызны козьбебегимиз киби къорумакъ керекмиз» («Сохраним народные песни как зеницу ока») автор вносит

качественно новые черты в отношении к песенной культуре народа. По его мнению, традиционность в лирическом жанре выражается в относительной устойчивости словесного текста и характера исполнения, передаче фольклорного произведения без значительных изменений». Достаточно в работе и примеров, которые ярко иллюстрируют специфику лирических песен крымских татар: например, «по мысли Э.Шемьи-заде, в поэтическом стиле традиционных лирических песен проявляются её жанровые особенности: символика, художественный параллелизм, образы природы и животного мира. Так символом батыра, джигита является шаин (сокол), къартал (орёл), гогерджин (голубь). В качестве символов девушки выступают «сельби» (тополь), акъкъу (лебедь), къарылгъач (ласточка) ай (луна), Чолпан (Венера) и т.д. Весьма показателен в этом смысле текст старинной песни, записанный автором со слов певцов деревни Бойкъазакъ: «Кок алланынь, ер байнынь, чынъ кедайнынь, Къатыньа йылдыз ким болмаз, сендай айнынь (Подстрочный перевод: «Небо принадлежит Аллаху, земля – баю, частушка – сказителю, Ты словно луна, кто же станет звездой возле тебя?»)» и т.д. Считаю, что работа самостоятельна, интересна; тема работы раскрыта, цель достигнута. Выводы по работе соотносятся с основной частью; общие требования издания учтены. Материал можно использовать в вузовской практике, при изучении дисциплин филологической направленности. Список источников достаточен, он не нуждается в правке. Рекомендую статью «Песенная культура крымских татар в трудах Э. Шемьи-заде» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Л. Эволюция усадебного образа в ранних рассказах И. А. Бунина // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74705 EDN: YYMFWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74705

Эволюция усадебного образа в ранних рассказах И. А. Бунина

Чжан Лу

ORCID: 0009-0009-3021-7183

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им.
П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ chzhan.lu@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74705

EDN:

YYMFWC

Дата направления статьи в редакцию:

01-06-2025

Дата публикации:

08-06-2025

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу образа дворянской усадьбы в ранних рассказах Ивана Бунина («Танька», «На хуторе», «В поле»), с целью выявления тенденции изменения темы дворянской усадьбы на ранних этапах творчества и раскрытия её многогранного символического значения как социокультурного знака. Предметом исследования выступает образ усадьбы в ранних рассказах Ивана Бунина. Данное исследование раскрывает тройную философскую дименсию образа усадьбы в ранних произведениях Бунина: на социальном уровне она служит метафорой классовых различий и противоречий (в рассказе «Танька» усадьба противопоставляется голодающей деревне); на экзистенциальном уровне становится пространством, где время застывает, а жизнь утекает (экзистенциальные размышления Капитона Ивановича в заброшенной усадьбе в рассказе «На хуторе»); на историческом уровне она символизирует неизбежное исчезновение дворянской культуры и дворянской усадьбы

(разрушение усадьбы Лучезаровка в метели в рассказе «В поле»). Методология исследования основана на структурно-семантическом анализе с применением семиотического анализа. Акцент делается на выявлении символических значений образа усадьбы, её связи с характеристикой персонажей, социальным контекстом и философской проблематикой. Научная новизна исследования заключается в превращении усадьбы из статичного фона в динамичный «символ национальной памяти», отражающий распад усадьбной культуры и духовных традиций в процессе перемен России конца XIX века. Автор исследования приходит к следующим выводам: в ранних произведениях Бунина образ усадьбы характеризуется предварительной набросочностью и нечёткостью очертаний. При этом прослеживается динамическое развитие: усадьба постепенно трансформируется в органическую составляющую духовного мира главного героя. В произведениях Бунина этого периода образ усадьбы уже демонстрирует тенденцию к упадку. В заключении исследования подчеркивается, что изображение усадьбы в ранних произведениях Бунина не только конструирует культурную память в определенном историческом контексте, но и закладывает основу для темы «дворянской усадьбы» в творческом пути Бунина.

Ключевые слова:

Бунин, ранние рассказы, русская дворянская усадьба, образ усадьбы, Танька, На хуторе, В поле, дворянский усадебный распад, эволюция усадьбы, символика

Введение

Как социокультурное пространство русская дворянская усадьба неразрывно связана с отечественной историей, литературной традицией и национальным духом. Она не только несет в себе уникальный сплав семейного хозяйствования, архитектурного искусства и природного ландшафта, но и отражает мировоззрение и творчество ее обитателей, и ее можно назвать «историей повседневности». В XVIII – начале XIX века усадебная культура достигла своего расцвета и стала основным символом духовного наследия России, а социальные конфликты и модернизация XIX века оказали глубокое влияние на судьбу усадьбы, сделав ее «волшебным зеркалом» в литературе, отражающим изломы времени.

Образ усадьбы – один из ключевых в бунинской картине русского мира, явленной читателю произведениями художника разных лет. Как утвердил А. А. Волков, «можно выделить две основные тематические линии: изображение русского крестьянства и разорившегося мелкопоместного дворянства» [\[2, с. 13\]](#). Эта точка зрения особенно ярко прослеживается в ранних произведениях Бунина.

Обращение Бунина к теме усадьбы – явление закономерное, имеющее свои истоки. Во-первых, значительная часть жизни писателя была непосредственно связана с жизнью русской мелкопоместной усадьбы. Во-вторых, историческая действительность России рубежа XIX – XX веков оказывала влияние на формирование концепции усадьбы в творчестве писателя, а, в –третьих, внимание художника к проблемам дворянских гнезд находилось в русле общих литературных интересов отечественных писателей [\[3, с. 114\]](#).

Образ усадьбы в его ранних рассказах не только продолжает эстетическую традицию русской усадебной литературы XIX века, но и создает новое поэтическое измерение. В классической усадебной литературе усадьба – это утопия аристократического духа,

несущая в себе поэтическую дань повседневности, любви к родине и исторической самобытности. Однако усадьба И. Бунина представляет собой двойственность: с одной стороны, как «дворянский дом», продолжает романтизированное изображение Золотого века, где усадебный пейзаж и природные образы переплетаются как фон ностальгии. С другой стороны, большинство главных героев оторваны от традиционных жизненных ценностей и становятся скитальцами, у которых «отняли рай». Образ усадьбы, как «красная нить», проходил через всю жизнь творчества И. А. Бунина, составляя стержень интерпретации его творческой жилки.

Данное исследование посвящено образу усадьбы в ранних рассказах И. Бунина, изучению его символического значения как фона и роли в формировании художественного стиля. Мы считаем, что первый творческий этап И. А. Бунина приходится на 1890-1900 годы, в этот период он создал ряд рассказов. («Танька», «На хуторе», «В поле» и др.). Данный этап характеризуется воспроизведением ограниченных во времени и пространстве событий из жизни одного или двух центральных персонажей, повествованием о судьбе потомков древнего дворянского рода, одиноко доживающих свой век в разорившихся, пришедших в упадок, заброшенных поместьях [\[6, с. 23\]](#). И. Бунин не только продолжает нравственно-эстетические настроения оценки красоты повседневности и любви к дому в усадебной литературе, но и раскрывает духовные дилеммы дворянства в период социальных перемен в России XIX века через формирование нового типа героев. Анализ усадебной письменности в ранних текстах И. Бунина не только помогает восстановить культурную память в конкретном историческом контексте, но и дает надежную информационную поддержку для изучения процесса изменения образа усадьбы на протяжении всего творческого пути И. Бунина, тем самым проясняя глубокое значение усадьбы как «дворянского дома» в русском духовном наследии.

Образ усадьбы в рассказе «Танька»

Впервые образ усадьбы был представлен в рассказе «Танька», написанном в 1892 году. Однако на тот момент это еще не полное изображение усадьбы, а лишь ее предварительные внешние очертания. Непосредственно усадьба в рассказе подробно не описывается, но через характеристику владельца усадьбы, помещика Павла Антоныча, образ усадьбы выстраивается в сознании читателя.

Рассказ «Танька» состоит, в сущности, из двух натуральных очерков: первый описывает крестьянский быт и голод в деревне, а другой – барина [\[4, с. 215\]](#). Усадьба – это не только контекст рассказа, но и символ социального и эмоционального разрыва между миром крестьян и помещика. Через внутренние детали, поведение персонажей и сюжетные сравнения автор показывает усадьбу как временное место комфорта, подчеркивая ее отчужденность от реальных потребностей сельской местности.

Центральное событие раннего рассказа всегда иллюстрирует общественно-значимое явление. Рассказ «Танька» наглядно показывает голод в центральных российских губерниях начала 1890-х гг. [\[7, с. 185\]](#). Усадьба Павла Антоныча противопоставлена холодной, голодной избе Таньки. В кабинете Павла Антоныча тепло: «тихо звенел самовар», играют часы, звучит гитара. Интерьер наполнен предметами, недоступными крестьянам: «крендели», «чернослив», «сахар», «голубенький поясok». Эти детали подчеркивают материальное благополучие. В жизни Таньки протекала так: «ловила в густой похлебке сальце», «ела огурцы и картошку» и даже «голосили во сне с голоду». Даже звуки в господском доме иные: «тихие перезвоны и рулады» часов контрастируют

с «молитвенным шепотом» матери Таньки в избе. Усадьба становится для девочки временным убежищем, где она впервые за долгое время согрывается и наедается.

Павел Антоныч, несмотря на скупой и угрюмый нрав, проявляет к Таньке редкую доброту: причесывает ее, угощает, играет на гитаре. Однако его поступок – жест отчаяния одинокого старика, а не системная помощь. И он размышляет: «А что ждет ее? Что выйдет из ребенка, повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью» [\[1, с. 181\]](#) – но не предлагает решений. Усадьба здесь – символ иллюзорного спасения. Танька и сама знала, что это лишь кратковременное тепло, и даже спрятала куски сахара, подаренные Павлом Антонычем, подумав: «Как мать заголосит, ей дам» [\[1, с. 171\]](#).

В конце рассказа гуманитарный голос главного героя и автора перемежаются – когда герой начинает размышлять о судьбе соседний деревушки, восклицая: «Сколько их, таких деревушек, – и везде они томятся от голода» [\[1, с. 18\]](#), личная история голодающей Таньки выходит за рамки категории индивидуального и приобретает общесоциальное значение посредством обращения к типичности.

Мы считаем возможным разделение пространства в рассказе на реальное и сказочное / мифологическое. Так, реальным пространством будет являться деревня, изба, пруд, господский дом. Мифологическое пространство — это сад [\[5, с. 194\]](#). Этот сад подразумевает идеальный мир из снов, в который может попасть только Танька. В последнем абзаце рассказа автор описывает сон Таньки: «А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах, опушенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые – звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щеки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни...» [\[1, с. 181\]](#) Это первое появление садовых образов постепенно становится знаковым символом аристократической усадьбы. Романтическая символика «огоньки» и «звезды» подразумевает надежду на будущее [\[11, с. 44\]](#). Но маленькая надежда не может изменить сложившуюся реальность. В конце концов сон возвращается в сцену реальности «мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни» [\[1, с. 181\]](#). В «Таньке» усадьба становится зеркалом социальных противоречий. Ее тепло и достаток – контрастный фон для изображения нищеты, а мимолетная ласка Павла Антоныча – метафора невозможности преодоления пропасти между сословиями. Через сон Таньки, в котором смешиваются «белые хоромы» и материнский плач, автор подчеркивает: усадебный мир, как и детские грезы, хрупок и иллюзорен перед лицом суровой действительности.

Если в «Таньке» усадьба выступает лишь в качестве статичного фона, описанного несколькими штрихами, и не создает эмоциональной связи между усадьбой и главным героем, то в написанной позже «На хуторе» усадьба и главный герой связаны воспоминаниями и эмоциями, а описание усадьбы становится более подробным и глубоким.

Образ усадьбы в рассказе «На хуторе»

В рассказе «На хуторе» (1892) И. А. Бунин впервые напрямую обращается к слову «усадьба» и впервые непосредственно описывает среду усадьбы, создавая многогранный образ, который становится не только местом действия, но и метафорой внутреннего мира

героя. Усадьба Капитона Иваныча – это пространство физического и духовного запустения, где прошлое и настоящее сливаются в грустной гармонии.

Хутор Капитона Иваныча описан как «заглохший»: сад из акаций и сирени поглощен лопухами и чернобыльником, дом ветхий – «восемьдесят лет домику!», полы скрипят, а холод зимой проникает сквозь щели. Эти детали подчеркивают материальное разорение. Но важнее то, что усадьба становится воплощением душевной пустоты хозяина. Как говорится в рассказе, он был с рождения обречен на одиночество. Его родители умерли, когда он был еще маленьким, его любовь и мечты были разбиты в юности, и судьба этой усадьбы – такая же, как и судьба главного героя. Усадьба становится местом, заполненным этими мыслями, сохраняя в себе дух времени и поколения, что подчеркивает её значимость.

Сюжет рассказа строится не на событиях, а на потоке воспоминаний и размышлений героя. В произведениях И. А. Бунина сохранение памяти мыслится, как одна из важнейших жизненных основ [\[8, с. 116\]](#). Усадьба становится местом, где время остановилось. Вечерний пейзаж – «бледная заря», «трещат кузнечики», запах крапивы – пробуждает в Капитоне Иваныче память прошлого:

- Детство у сумасшедшей тетки, игравшей на фортепиано с «безумной страстью»;
- Юношеская влюбленность в Анюту, которой он писал стихи, хранимые «до гробовой доски»;
- Попытки служить в земстве, закончившиеся насмешками.

Даже смерть Анны Григорьевны, о которой сообщает богомолка, не вызывает прямого горя, а лишь усиливает ощущение быстротечности жизни. Усадьба превращается в архив утраченных надежд: «Сколько лет представлялось, что вот там-то, впереди, будет что-то значительное, главное...» [\[1, с. 36\]](#).

Помимо того, что усадьба соответствует внутреннему состоянию главного героя, она также является местом для углубленного размышления, позволяя ему погрузиться в переживания и смысл собственного существования. В усадьбе он занялся экзистенциальным размышлением: по его взгляду после его смерти «будет все по-прежнему, будет садиться солнце, будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля...

И хоть тысяча лет пройдет – он никогда не появится на свете» [\[1, с. 36\]](#), то есть он осознал, что только перейдя от конечной «жизни» к вечной «смерти», человек может осознать значимость своего существования; он вспомнил, что случилось в прошлом и задал глубокий вопрос: «Что же наконец, долга или коротка жизнь?» [\[1, с. 37\]](#), это не только размышление о быстротечности жизни, но и созерцание смысла существования жизни.

Это похоже на то, что говорится о природе и жизни в «Красная скала», написанной поэтом династии Сун – Су Ши в 1082 году: «Когда изменчивость мы замечаем, то даже целый мир не может длиться и мгновенье; когда мы замечаем неизменность, то нет конца ни нам, ни миру. Чему еще завидовать тогда?». С точки зрения течения времени и естественного чередования, природа кажется вечной, в то время как человеческая жизнь с течением времени постепенно стареет и умирает, что не может не вызывать у людей чувство грусти в конце жизни. С другой точки зрения, человек также является звеном в природной череде. Природа необъятна, а человек подобен листу на

кустарнике: от почки до увядшего листа и, наконец, возвращается в природу [\[9, с. 65\]](#). Таким образом, созерцая «звездную бесконечность», он осознает свое «кровное родство с безмолвной природой» [\[1, с. 37\]](#).

В рассказе И. А. Бунина «На хуторе» усадьба представляется как многослойный символ, который насыщает текст глубиной философского и эмоционального содержания. Она становится не только домом для Капитона Иваныча, но и отражением его внутреннего мира, наполненного вещами, которые он не способен изменить. Кроме того, усадьба служит местом, где проходят раздумья о жизни, любви, утрате и одиночестве, подчеркивая глубину человеческих переживаний. В этом контексте она обретает особую значимость, становясь непрерывной нитью, связывающей прошлое и настоящее, индивидуальное и универсальное.

Образ усадьбы в рассказе «В поле»

В рассказе «В поле» (1895) И. А. Бунин создает образ усадьбы Лучезаровка – пространства физического и духовного упадка, где запустение архитектуры отражает внутреннее одиночество героя. По мнению Бунина, разрушение усадеб – это объективный исторический процесс, но в то же время и дело рук самих хозяев «дворянских гнезд», которые жалки и беспомощны [\[3, с. 115\]](#).

Лучезаровка становится символом исчезновения дворянского быта, противостоящего стихии природы и времени. Умирание, угасание помещного образа жизни показаны при помощи концентрации и типерболизма выразительных деталей: это интерьер барского дома и окружающие его поля и леса, описание которых навеивает чувства тоски, одиночества, страха [\[10, с. 22\]](#). Нынешнее состояние усадьбы – заброшенное и безлюдное, что отражено повсюду в рассказе: «непогожие сумерки, бесконечная глухая дорога и поле, утопающее во мгле поземки», «Шумит, как море, ветер вокруг нее, и на дворе, по высоким белым сугробам, как по могильным холмам, курится поземка» [\[1, с. 89\]](#). Лучезаровка описана как «вымершая»: «низкие и длинные» постройки, «почерневшая от времени» соломенная крыша, разрушенная людская изба с трубой, «как длинная шея». Даже функциональность усадьбы полностью вымерла: «никаких признаков человеческого жилья, кроме начатого омета возле сарая, ни одного следа на дворе, ни одного звука людской речи!», «Яков Петрович продал сперва ригу, потом амбары, а когда употребил на топку весь верх со скотного двора, продал и каменные стены его» [\[1, с. 90\]](#). Остались в усадьбе лишь дом, каретный сарай и омет соломы – признаки последних попыток сохранить жизнь. Это не просто запустение, а метафора краха целой эпохи.

Природа в рассказе – главный антагонист усадьбы. Метель, «чисто прорывающая разговор», не просто непогода, а воплощение рока. Она засыпает дороги, глушит звуки, выворачивает кирпичи из трубы, предвещая гибель Лучезаровки. Но Бунин показывает, что крах происходит не только из-за внешних сил. Яков Петрович отказывается просить помощи у родни, предпочитая гордое одиночество унижению. Его упрямство – часть общего распада, где материальные трудности переплетаются с душевным опустошением.

Больше всего в рассказе упоминается метель, которая бушует, не прекращаясь, указано на суровые условия среды, в которых окружено усадьбы. Это также наводит на мысль о том, что статус усадьбы под угрозой, усадьба погрузилась в водоворот кризиса, и судьба «смерти» усадьбы не может быть изменена. Заканчивается рассказ символическим изображением ветра, сбрасывающего трубу с крыши усадебного дома, тем самым

обозначая начало гибели усадьбы: «Вдруг с шумом летят кирпичи с крыши. Ветер повалил трубу...» [\[1, с. 102\]](#). Писатель не просто глубоко исторически и реалистически достоверно показал русского человека, русскую деревню конца XIX – начала XX века, он, говоря о современности, предупреждал о будущем [\[3, с. 115\]](#).

Через образ усадьбы автор говорит о тщетности сопротивления времени, но и о достоинстве, с которым человек встречает неизбежное. Последние слова рассказа – «скоро и следа не останется от Лучезаровки» [\[1, с. 102\]](#) – звучат как эпитафия не только дому, но и целой эпохе, уходящей в небытие под завывания зимнего ветра. Много произведений, написанных в этот период, как и «В поле» (1895): «посвящены повествованию о судьбе потомков древнего дворянского рода, одиноко доживающих свой век в разорившихся, пришедших в упадок, заброшенных поместьях» [\[10, с. 22\]](#). В этом рассказе образ усадьбы становится все более четким, и Бунин наделяет его глубоким символическим смыслом, тем более в этом рассказе описание усадьбы уже демонстрирует тенденцию к упадку и исчезновению.

Заключение

Образ русской дворянской усадьбы в ранних рассказах Ивана Бунина предстает как сложный символ, синтезирующий эстетические традиции XIX века и новаторское философско-социальное осмысление. Усадьба у Бунина – это не просто архитектурное пространство или романтизированный «дворянский рай», но многогранная метафора, отражающая кризис эпохи, духовные противоречия и экзистенциальные поиски человека на рубеже веков.

Усадьба у Бунина обретает философскую глубину, становясь пространством рефлексии о времени, смерти и смысле существования. Запустение Лучезаровки, одиночество Капитона Иваныча, мимолетное утешение Таньки – всё это звенья одной цепи, символизирующей тщетность сопротивления неумолимому ходу истории. Природа, изображенная как вечная и безжалостная сила, завершает этот образ, подчеркивая эфемерность человеческих попыток сохранить «дворянские гнезда» в условиях социального и духовного кризиса.

Усадьба становится символом национальной памяти, хранящей боль утрат и надежду на возрождение, пусть даже иллюзорную. Этот образ, пронизанный грустью и философским стоицизмом, закладывает основу для дальнейшего развития темы в творчестве Бунина, связывая её с вечными вопросами о месте человека в истории, природе и вечности.

Библиография

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2: Произведения 1887-1909 гг.; Статьи и выступления. М.: ТЕРРА, 1997. 512 с.
2. Волков А. А. Проза Ивана Бунина. Москва: Московский рабочий, 1969. 448 с.
3. Зайцева Н. В., Кутафина Ю. Н., Плаксицкая Н. А. Истоки формирования художественной концепции усадьбы в творчестве И. А. Бунина // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1-4 (115). С. 114-116. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.126 EDN: LIFXCV.
4. Зайцев Д. В. Очерк в раннем творчестве И. А. Бунина: Литературная генеалогия жанра // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 212-220. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-15 EDN: NEBNBJ.
5. Кривенцева Н. А. Образы пространства и времени в рассказе И. А. Бунина "Танька" //

Сборник трудов конференции. Москва: Издательство "Перо", 2020. С. 191-195.

6. Кузнецова М. А. И. А. Бунин - певец русской усадебной жизни // Вестник УлГТУ. 2014. № 3. С. 23-25. EDN: STXRZR.

7. Пономарев Е. Р. Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И. А. Бунина // Studia Litterarum. 2022. № 4. С. 178-193. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193 EDN: XOIXVS.

8. Попова О. А. Родовая память в судьбе дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX - начала XX веков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 112-118. EDN: JXRJUV.

9. 吴雪松. 伊·布宁短篇小说《田庄上》时空体艺术特点分析. 佳木斯大学社会科学学报. 2023. 63-65页. [У Сюэсун. Исследование художественных особенностей времени и пространства рассказа И. Бунина "На Хуторе" // Вестник социальных наук. Хэйлунцзян: Университет Цзямусы, 2023. С. 63-65.] (На кит. яз.).

10. 陈霞. 论布宁的庄园情结. 苏州, 2002. 博士论文. 147页. [Чэнь Ся. Усадебный комплекс И. А. Бунина: дис. канд. филол. наук: Сучжоу, 2002. 147 с.] (На кит. яз.).

11. 刘淑梅. 布宁创作中庄园主题研究. 黑龙江, 2013. 博士论文. 44页. [Лю Шумэй. Исследование мотивов усадьбы в творчестве Бунина: дис. д-р. филол. наук: Хэйлунцзян, 2012. 165 с.] (На кит. яз.).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье рассматривается эволюция усадебного образа в ранних рассказах И.А. Бунина. На мой взгляд, выбранная тема соотносится с одной из рубрик издания, она обладает должной актуальностью, новизной, вектор рассмотрения прозы нобелевского лауреата конструктивен. Работа имеет цельно-завершенный вид, в ней ощущается заинтересованность автора проблемой изучения, точка зрения объективна. Верификация выбора темы дана в самом начале труда, в частности автор отмечает, что «в XVIII – начале XIX века усадебная культура достигла своего расцвета и стала основным символом духовного наследия России, а социальные конфликты и модернизация XIX века оказали глубокое влияние на судьбу усадьбы, сделав ее «волшебным зеркалом» в литературе, отражающим изломы времени», «образ усадьбы – один из ключевых в бунинской картине русского мира, явленной читателю произведениями художника разных лет». Материал филологически тонок, суждения по ходу работы интересны, глубоки. Создание диалога с читателем позволяет находиться в режиме со-размышлений, а это можно оценить только положительно. Например, «обращение Бунина к теме усадьбы – явление закономерное, имеющее свои истоки. Во-первых, значительная часть жизни писателя была непосредственно связана с жизнью русской мелкопоместной усадьбы. Во-вторых, историческая действительность России рубежа XIX – XX веков оказывала влияние на формирование концепции усадьбы в творчестве писателя, а, в-третьих, внимание художника к проблемам дворянских гнезд находилось в русле общих литературных интересов отечественных писателей». Ориентир на такие бунинские рассказы как «Танька», «На хуторе», «В поле» и т.д. оправдан, литературная база соотносится с темой исследования. Цитация собственно самих художественных текстов, их разбор сделан правильно: «Павел Антоныч, несмотря на скупой и угрюмый нрав, проявляет к Таньке редкую доброту: причесывает ее, угощает, играет на гитаре. Однако его поступок – жест отчаяния одинокого старика, а не системная помощь. И он размышляет: «А что ждет ее? Что выйдет из ребенка,

повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью» [1, с. 18] – но не предлагает решений. Усадьба здесь – символ иллюзорного спасения. Таника и сама знала, что это лишь кратковременное тепло, и даже спрятала куски сахара, подаренные Павлом Антонычем, подумав: «Как мать заголосит, ей дам» [1, с. 17]». Текст дробиться на т.н. смысловые части, это вполне оправдан, ибо каждый блок есть точечный разбор того или иного рассказа в указанном тематическом русле. Стиль работы соотносится с научным типом: например, «через образ усадьбы автор говорит о тщетности сопротивления времени, но и о достоинстве, с которым человек встречает неизбежное. Последние слова рассказа – «скоро и следа не останется от Лучезаровки» – звучат как эпитафия не только дому, но и целой эпохе, уходящей в небытие под завывания зимнего ветра. Много произведений, написанных в этот период, как и «В поле» (1895): «посвящены повествованию о судьбе потомков древнего дворянского рода, одиноко доживающих свой век в разорившихся, пришедших в упадок, заброшенных поместьях» и т.д. Материал целостен, серьезных нарушений не выявлено. Думаю, что работу целесообразно использовать как в вузовской, так и школьной практике. Вывод соотносится с основной частью: «Усадьба становится символом национальной памяти, хранящей боль утрат и надежду на возрождение, пусть даже иллюзорную. Этот образ, пронизанный грустью и философским стоицизмом, закладывает основу для дальнейшего развития темы в творчестве Бунина, связывая её с вечными вопросами о месте человека в истории, природе и вечности». Список источников достаточен, текст не нуждается в серьезной правке. Рекомендую статью «Эволюция усадебного образа в ранних рассказах И.А. Бунина» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Петрова А.Д. Особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74519 EDN: ZTFKHA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74519

Особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века

Петрова Анастасия Дмитриевна

кандидат филологических наук

Доцент; Санкт-Петербургский Государственный Университет, кафедра романской филологии,
филологический факультет

Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Осипенко, д. 6а/8

✉ nastenka-petrova-2025@mail.ru

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74519

EDN:

ZTFKHA

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Дата публикации:

10-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является перевод синтаксически нестандартной прозы французской литературы XX века на русский язык. Объектом анализа становится синтаксическая девиация как выразительное средство и её трансформация в процессе перевода. Автор подробно рассматривает такие аспекты, как стратегия перевода синтаксических отклонений, их адаптация или сохранение в зависимости от стилистических установок оригинального текста, а также степень нормативности перевода в условиях межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется влиянию жанровой специфики и предполагаемой читательской аудитории на выбор переводческой стратегии. В фокусе — способы передачи ритмико-интонационной структуры, экспрессии и нестандартного построения фразы, характерные для прозы Гийома Аполлинера. Анализ строится на материале романа *Les Onze Mille Verges* и его

русском переводе Арнаута Скард-Лapidуса. Работа освещает проблему компромисса между нормативностью целевого языка и сохранением авторской экспрессии, выявляя перевод как форму интерпретации с определённым эстетическим и функциональным вектором. Методологическую основу исследования составляют сопоставительный анализ оригинала и перевода, лингвостилистический подход и принципы функциональной эквивалентности, позволяющие выявить переводческие трансформации на уровне синтаксиса и стилистики. Методологическую основу представленного исследования составляют сопоставительный анализ оригинала и перевода, лингвостилистический подход и принципы функциональной эквивалентности, позволяющие выявить переводческие трансформации на уровне синтаксиса и стилистики. Основными выводами проведённого исследования являются подтверждение гипотезы о двоякой стратегии переводчика: стремлении сохранить синтаксическую экспрессию оригинала при одновременной адаптации текста к нормам русского языка. Отметим, что особым вкладом автора является систематизация подходов к передаче синтаксических девиаций и выявление зависимости этих подходов от жанрово-стилистических и культурных параметров. Новизна исследования статьи заключается в комплексном анализе одного произведения в оригинале и переводе на уровне синтаксиса, а также в освещении проблемы стилистической нормы в переводе экспериментальной прозы.

Ключевые слова:

перевод, нестандартный синтаксис, межкультурный перевод, Гийом Аполлинер, Арнаут Скард-Лapidус, экспрессия, стилистика, адаптация, переводческие стратегии, трудности перевода

Одной из наиболее значимых и методологически сложных задач современного литературоведения выступает аналитическое осмысление новейших процессов, происходящих в художественной словесности, а также выявление и интерпретация актуальных эстетических и поэтических тенденций, определяющих облик современной литературы [\[3, 16\]](#). Особую важность данная задача приобретает в рамках изучения современной литературной истории Франции, где сам объект исследования — литература — всё чаще мыслится не как монолитное и стилистически единообразное явление, но как совокупность гетерогенных, параллельно развивающихся форм и направлений, объединённых лишь временным, а не сущностным признаком.

Такой подход предполагает отказ от нормативной установки на существование некоей «главной линии» литературного процесса, представляющего собой непрерывное поступательное движение. Вместо этого исследователи, включая одного из ключевых теоретиков французского литературного постмодернизма Виара, подчеркивают наступление культурной эпохи, в которой утрачена вера в универсальные эстетические парадигмы и окончательные теоретические конструкции. По мысли Виара, современная литературная ситуация характеризуется именно признанием ценности разнообразия, плюрализма художественных форм и экспериментальных практик, которые не поддаются редукции к единому канону [\[17\]](#). Это эпоха, в которой больше не ставится задача создания программных манифестов, диктующих литературе её идеологические или формальные ориентиры. Напротив, художественное письмо воспринимается как поле открытого и свободного поиска, в котором присутствуют разнородные стилистические, жанровые и философские установки, придавая современной словесности тектоническую сложность и многослойность.

Французская проза XX века явилась ареной интенсивных художественных экспериментов, особенно в области синтаксиса. Модернистские и постмодернистские авторы часто нарушали грамматические нормы, что способствовало созданию текстов, приближённых к поэтическому высказыванию или потоку сознания. Этот экспериментальный подход, в свою очередь, накладывает особые требования на процесс перевода таких произведений на русский язык. Переводчик вынужден сохранять не только синтаксическую структуру, но и экспрессивный потенциал высказывания. [\[1, с. 34\]](#).

Цель исследования — определить особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века на русский язык, выявить переводческие стратегии и оценить степень сохранения синтаксической экспрессии в русскоязычных версиях.

Объектом исследования является французская проза XX века, отличающаяся синтаксической нестандартностью и экспериментальностью.

Предмет исследования — переводческие приёмы и стратегии, применяемые при передаче нестандартного синтаксиса на русский язык.

Научная новизна работы заключается в попытке систематизировать подходы к передаче нестандартных синтаксических структур с учётом стилистической функции отклонений от нормы, а также в сопоставительном анализе конкретных переводов, демонстрирующих индивидуальные решения переводчиков.

Методология исследования опирается на комплексный подход, включающий элементы сравнительного анализа, интерпретации, лингвистического анализа, а также анализа переводческих трансформаций. В работе применяются как теоретические модели перевода, так и эмпирический анализ конкретных фрагментов оригинальных текстов и их русских версий.

Эмпирическую базу исследования составляют фрагменты прозы Марселя Пруста («В поисках утраченного времени»), Натали Саррот («Откройте») и Гийома Аполлинера («Одиннадцать тысяч палок»), в сопоставлении с их переводами на русский язык, выполненными Еленой Баевской, И. Кузнецовой и Арнаутом Скард-Лapidусом соответственно.

Теоретические подходы к переводу нестандартного синтаксиса.

В работе С. А. Глебова «Способы передачи образности в поэтическом тексте при переводе с французского языка на русский» (2021) рассматриваются стратегии передачи образности в поэтических произведениях эпохи романтизма. Автор подчёркивает, что при переводе поэзии важно не только сохранять лексическое значение, но и передавать образность, эмоциональную насыщенность и стилистические особенности оригинала. Это достигается посредством использования различных переводческих трансформаций, таких как добавление, опущение, замена и перестановка элементов текста, а также адаптация метафор и других тропов к культурным особенностям языка перевода. Глебов отмечает, что успешный перевод поэтического текста требует от переводчика высокого уровня интуиции и творческого подхода, позволяющего сохранить художественную ценность оригинала в условиях другого языкового и культурного контекста [\[5\]](#).

Аналогичные принципы применимы и к прозе с ярко выраженной синтаксической экспрессией. Особое внимание к сохранению экспрессивной функции художественного текста уделяется в диссертационном исследовании А. З. Измайлова, в котором анализируются стилистические особенности авторской прозы и способы их

воспроизведения в переводе. В центре внимания автора — передача индивидуальной экспрессивности оригинала и трансформации, позволяющие сохранить её в целевом языке. Измайлов подчёркивает, что переводчик должен исходить из функции конкретного стилистического приёма и принимать решение: сохранить его в переводе или заменить другим, способным выполнять ту же экспрессивную роль. Таким образом, принцип адекватности, по его мнению, предполагает не буквальное соответствие, а передачу эмоционально-стилистической выразительности, которая составляет суть авторского почерка [\[4,8\]](#).

Исследование французской прозы в контексте её перевода на русский язык требует внимания к синтаксическим особенностям, которые выходят за рамки традиционных грамматических конструкций, и поиска оптимальных переводческих стратегий, позволяющих передать авторский стиль в условиях другого языка.

Особенности синтаксических отклонений во французской прозе XX века.

Разнообразие синтаксических отклонений в прозе XX века охватывает инверсию, эллипсис, парцелляцию, анаколүф и асинтаксис. Эти приёмы служат не только для стилистической выразительности, но и для моделирования сознания персонажа, передачи эмоционального напряжения или стилистического разрыва с традицией. Как подчёркивает Ю. Д. Оюн, указанные отклонения выполняют не только риторическую или композиционную функцию, но и представляют собой «выразительные синтаксические структуры», способные формировать ритм и логику повествования на глубинном уровне, а также задавать тип интерпретации текста [\[10, 11\]](#).

Современные исследования в области теории перевода акцентируют внимание на интерпретативной природе перевода, особенно при работе с синтаксически насыщенными текстами. Так, Л. Венути подчёркивает, что переводчик, сталкиваясь с нестандартными синтаксическими структурами, оказывается перед выбором между «гладкостью» и «инаковостью» текста. Сохранение синтаксической чуждости может показаться затруднительным для читателя, однако именно оно обеспечивает доступ к эстетике оригинала. Венути вводит понятие «этической инверсии» — подхода, при котором «инаковость» оригинала сохраняется как ценностный ориентир, а не устраняется ради читабельности [\[18\]](#).

Перевод синтаксиса в прозе Марселя Пруста.

Проза Марселя Пруста характеризуется синтаксической избыточностью: его предложения часто представляют собой гипертрофированные периоды, насыщенные вводными конструкциями, многочисленными уточнениями и вложенными придаточными. Эта манера письма долгое время становилась объектом критики. Роман «В поисках утраченного времени» воспринимался как композиционно неустойчивое произведение: его упрекали в хаотичности, аморфности, рыхлости и фрагментарности, а сам текст представлялся подчинённым не авторскому замыслу, а потоку материала, лишённому организующего начала. Подобное восприятие исключало возможность интерпретации романа как цельного художественного цикла. Типичный пример — начало одной из фраз из «В сторону Сванна»: *Longtemps, je me suis couché de bonne heure.* — лаконичное начало, за которым в оригинале следует гигантское, на несколько страниц, предложение с вложенностями и уточнениями, часто так и не доходящее до финальной точки. В переводе Елены Баевской: «Долгое время я рано ложился спать.» — сохранено краткое вступление, но затем синтаксис усложняется, приближаясь к оригинальному темпу и структуре: «...это воспоминание, всплывающее в тот момент, когда я, положив голову на

подушку, уже начинал засыпать, но чувствовал, что засыпаю, и думал об этом...»

Однако современное литературоведение, включая философскую и структуралистскую критику, значительно пересмотрело эти оценки. Так, Жиль Делёз подчёркивает наличие глубинной текстуальной связности в прустовском цикле, несмотря на его внутреннюю фрагментированность [\[6, с. 31\]](#). Жерар Женетт акцентирует внимание на структурной прочности текста, «добротности швов и крепости стяжек» [\[7, с. 43\]](#), а Поль де Ман говорит о «строго структурированном и систематически организованном тексте» [\[9, с. 73\]](#). Эти оценки указывают на скрытую, но тщательно продуманную архитектуру, которую подтверждают и авторские заявления.

Сам Пруст последовательно подчёркивал конструктивный характер своего романа. В письме Жаку Ривьеру (1914) он отмечает, что книга представляет собой драматическое произведение, построенное по законам архитектуры: в ней имеются «строительные леса», «подсобные службы», «пролёты» и «опоры», между которыми разворачиваются детализированные повествовательные сцены. Таким образом, сложный синтаксис Пруста не является проявлением композиционного произвола, но выступает инструментом реализации глубоко организованной художественной структуры.

Новый перевод романа Марселя Пруста «*À la recherche du temps perdu*» на русский язык подтверждает актуальность переосмысления устоявшихся переводческих практик при работе с классическим литературным материалом. В разное время над переводом эпопеи трудились Адриан Франковский, Андрей Федоров и Николай Любимов, чей вариант долгое время оставался доминирующим. Современный перевод Елены Баевской [\[12\]](#) отражает как изменения в текстологической интерпретации оригинала, так и изменившиеся требования к читабельности и стилистической точности перевода. В контексте русской переводческой традиции, где часто сохраняется убеждение в достаточности одного «канонического» перевода, новое прочтение текста Пруста демонстрирует необходимость гибкого подхода к классике. Поскольку оригинальный текст отличается высокой степенью синтаксической сложности и концептуальной насыщенности, каждый перевод становится не только лингвистическим, но и интерпретационным актом. В этом смысле новая редакция способствует более точному восприятию смысловых и стилистических нюансов оригинала и отражает современное состояние филологической и переводческой науки.

Внутренняя речь и синтаксис в прозе Натали Саррот.

Фрагментарная речь и прерывистая внутренняя репликация в произведениях Натали Саррот связаны с описанием надындивидуального подсознания. Каждое ощущение в нём представляет собой сконцентрированный образ, который может быть развёрнут в целый сюжет.

Перевод произведений Натали Саррот на русский язык представляет собой сложную филологическую задачу, связанную прежде всего с попыткой сохранить уникальную структуру внутренней речи и многослойность психологического анализа. Особую трудность представляет роман «Откройте», в котором основным объектом изображения становится не событие, а процесс формирования речи — своего рода «анатомия разговора».

Здесь традиционные принципы перевода оказываются недостаточными: переводчику необходимо воспроизвести не только смысл, но и ритм, паузы, сбои, напряжённую динамику становления слова, которые являются частью художественной ткани. В других

произведениях Саррот внешняя речь персонажей преднамеренно представлена как набор клишированных фраз, искажающих подлинные внутренние импульсы. Перевод требует высокой точности в передаче этих речевых штампов, их нарочитой банальности и контраста с тонкой, глубинной тканью «под-разговора» — специфической формы внутреннего монолога, через которую и осуществляется раскрытие субъекта.

Обратите внимание на перевод И. Кузнецовой романа Натали Саррот *Откройте* (Ouvrez, 1997):

— «До свидания»... Да, это точно «До свидания», но его не узнать. От него ничего не осталось... такой затравленный вид! — Как будто боится, что его поколотят...

— А они его обступили, трясут... похоже, и правда могут побить...

— Кого, «До свидания»? Да вы что? Самый преданный слуга... отлично вышколенный, на великолепном счету...

— Даже если ему иногда случается повысить голос, сам факт его присутствия — гарантия благопристойности...

Фрагмент иллюстрирует характерную для Саррот полифоничность внутренней речи, в которой традиционные границы между репликами и субъектами размываются. Перевод Кузнецовой бережно сохраняет рваный ритм оригинала, отражая напряжённое внутреннее многоголосие. «До свидания» здесь утрачивает статус самостоятельной реплики, превращаясь в объект коллективного интерпретативного давления, что соответствует эстетике тропизма — одной из ключевых категорий поэтики Саррот.

Таким образом, перевод Саррот на русский язык — это не просто языковая передача, а реконструкция скрытого психологического рельефа, требующая высокой степени интуиции, гибкости синтаксиса и способности к стилистическому расщеплению текста.

Радикальный синтаксис и стилистика в прозе Гийома Аполлинера.

Прозаическое наследие Гийома Аполлинера занимает особое место в литературе начала XX века, отличаясь высоким уровнем стилистической проработки и устойчивым обращением к эстетике предельного эпатажа и намеренного имморализма [\[15, с. 113\]](#). Эти характеристики наиболее отчётливо проявляются в ряде его произведений, среди которых следует выделить роман «Одиннадцать тысяч палок» (Les Onze Mille Verges, 1907), а также повести «Рим под властью Борджиа» (La Rome des Borgia, 1913), «Конец Вавилона» (La fin de Babylone, 1914) и «Три Дон Жуана» (Les Trois Don Juan, 1914). В указанных текстах художественная форма используется как инструмент художественного радикализма, предполагающего сознательное нарушение литературных и этических норм с целью художественного высказывания.

Указанные тенденции находят продолжение в издательской деятельности Аполлинера, в частности в серии «Мэтры любви» (Les Maîtres de l'amour, 1909–1914), в рамках которой он публиковал аннотированные версии произведений авторов, традиционно воспринимаемых как маргинальных в каноне западноевропейской литературы, включая маркиза де Сада и Пьетро Аретино [\[15\]](#). Показательно также составление в 1913 году каталога «Преисподняя Национальной библиотеки» (L'Enfer de la Bibliothèque nationale), в котором систематизировались произведения, рассматриваемые как эротические и запрещённые, но обладающие, по мнению Аполлинера, культурной и литературной значимостью. Таким образом, обращение писателя к нарочито провокационным темам и

синтаксически насыщенному стилю является не случайным приёмом, а частью осознанной художественной стратегии, направленной на расширение границ литературного дискурса и переосмысление культурных норм.

При переводе французской прозы XX века на русский язык переводчики сталкиваются с необходимостью выбора стратегии, способной передать особенности авторского стиля и при этом сохранить приемлемую читаемость текста. Одна из распространённых тактик — максимальное сохранение синтаксической нестандартности оригинала, что чаще встречается в переводах, ориентированных на подготовленного читателя, ценящего эстетическую сложность и формальные эксперименты. Противоположный подход — адаптация синтаксических конструкций к нормам русского языка — характерен для массовых изданий, где на первый план выходит доступность и легкость восприятия. Существуют и компромиссные решения, предполагающие частичное воспроизведение авторской структуры при помощи компенсаторных средств: например, замены парцеллированных конструкций интонационно или ритмически маркированными фразами, приближающимися к оригинальной экспрессии.

Работа переводчика осложняется рядом факторов. Одной из главных проблем становится многослойность текста — как в стилистическом, так и в смысловом аспекте. Попытка нормализовать синтаксис ради читаемости может привести к утрате экспрессии, заложенной автором в построение фразы. Дополнительные трудности создают структурные различия между французским и русским языками, в том числе несовпадения в восприятии синтаксических отклонений: то, что для франкоязычного читателя может быть узнаваемым элементом литературного стиля, для русскоязычного может показаться ошибкой или затруднить понимание. Таким образом, перевод художественного текста с синтаксической экспериментальностью требует от переводчика не только филологической точности, но и тонкого стилистического чутья.

Сопоставительный анализ переводческих стратегий.

Сравнительный анализ оригинального текста и перевода Арнаута Скард-Лapidуса романа Гийома Аполлинера *Les onze mille verges* (Одиннадцать тысяч палок, или Любовные похождения господаря) позволяет выявить особенности передачи нестандартного синтаксиса французской прозы XX века в русскоязычной интерпретации. Перевод Скард-Лapidуса является не только лингвистическим, но и культурным актом, в котором автор стремится сохранить экспрессию и провокативность оригинала, прибегая к стилистически насыщенным средствам русского языка.

В первом фрагменте авторский текст строится на параллельной синтаксической конструкции, подчеркивающей эротическую фантазию персонажа: «il lui suffisait de penser à une Parisienne, à la Parisienne, pour bander et être obligé de se branler lentement, avec béatitude» [\[21\]](#). Переводчик передаёт эту синтаксическую протяжённость через развернутую фразу: «ему достаточно было подумать о какой-нибудь парижаночке, о Парижанке, и тут же вставала перед ним проблема, которую ему приходилось всесторонне — медленно и в блаженстве — отдрочивать». Здесь наблюдается компенсация парцелляции через ритмическую маркировку вставного оборота, использование просторечной лексики и интонационно-выразительной структуры. Переводчик намеренно усиливает комический и в то же время натуралистичный эффект, приближая текст к духу оригинала, но насыщая его экспрессивными средствами, специфичными для русского языка.

Во втором фрагменте синтаксическая структура оригинала демонстрирует внутреннюю

речь героя, стилизованную под нарочито логический, почти бюрократический дискурс: «*je m'anoblis. Au fond, je suis un ancêtre. Mes enfants et mes petits enfants m'en sauront gré*». Скард-Лapidус сохраняет иронично-бюрократический стиль, применяя русские устойчивые выражения, такие как «по сути я — родоначальник» и «жалую себе дворянство». Несмотря на упрощение ряда синтаксических конструкций, переводчик сохраняет общий ритм и логическую структуру монолога, передавая его самодовольную интонацию и ироничный пафос. При этом фраза «мои дети и внуки будут мне благодарны» звучит прямолинейнее оригинала, в котором выражение «*m'en sauront gré*» более деликатно и обтекаемо.

Таким образом, перевод Скард-Лapidуса реализует компромиссную стратегию: он частично сохраняет нестандартность синтаксиса оригинала, используя при этом компенсаторные приёмы — ритмическую перестройку, экспрессивную лексику, интонационные сдвиги. Это позволяет передать провокативную, ироничную и стилистически сложную природу прозы Аполлинера, одновременно адаптируя её к восприятию русскоязычного читателя.

Заключение.

Нестандартный синтаксис — важнейший элемент авторского стиля во французской прозе XX века. Его перевод требует от переводчика высокого уровня чувствительности к структуре языка, эстетике и контексту. Удачные переводы демонстрируют не буквальное следование оригиналу, а воспроизведение функции синтаксического отклонения средствами русского языка. На примере перевода романа Гийома Аполлинера «Одиннадцать тысяч палок» становится очевидным, что адаптация подобного синтаксиса в русской версии требует применения гибких стратегий: от сохранения оригинального ритма и интонации до стилистической компенсации и грамматического переосмысления. Работа Арнаута Скард-Лapidуса демонстрирует важность не буквального соответствия, а сохранения художественной выразительности и культурного кода текста. Таким образом, выбор переводческой стратегии всегда зависит от жанровой специфики, целевой аудитории и задач перевода — и требует от переводчика творческой ответственности. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на корпусном анализе переводов и восприятии синтаксических экспериментов читателями.

Библиография

1. Абрамова Е. К. Особенности перевода рекламных слоганов с французского на русский язык (на материале романа Ф. Бегбедера "99 франков") // Научный диалог. - 2022. - № 3. - С. 34-46.
2. Аполлинер Г. Одиннадцать тысяч палок, или Любовные похождения господаря / *Les Onze Mille Verges ou les Amours d'un hospodar*. Пер. с фр. Арнаута Скард-Лapidуса. - М.: [б. и.], 1993.
3. Баскакова Е. С. Экспрессивные синтаксические конструкции: перевод и их влияние на скрытые характеристики текста. - Тюмень: Б. и., 2009. - 22 с.
4. Воробьева Е. Н. Проблема перевода конструкций экспрессивного синтаксиса // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. - 2022. - № 12 (92).
5. Глебов С. А. Способы передачи образности в поэтическом тексте при переводе с французского языка на русский [Электронный ресурс]: дипломная работа специалиста / С. А. Глебов; науч. рук. А. В. Колмогорова. - Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. - 99 с. - Режим доступа: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/141620> (дата обращения: 27.05.2025).

6. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. - СПб.: Алетейя, 1999. - С. 28-130.
7. Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. - Т. 2. - С. 43-44.
8. Измайлов А. З. Сохранение экспрессивной функции текста при переводе с английского языка на русский: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. - Москва, 2006. - 24 с. - EDN: ZNSEN.
9. Ман П. Аллегии чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. - Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. - С. 72-97.
10. Оюн Ю. Д. Два типа внутреннего монолога во французской художественной прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. - 2022. - № 76. - С. 27-38.
11. Оюн Ю. Д. Синтаксические средства передачи внутренней речи персонажа в тувинской художественной прозе // Новые исследования по родным языкам. - 2023. - № 1. - С. 37-46. - URL: <https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/37> (дата обращения: 28.05.2025).
12. Пруст М. Комбре / Пер. с фр. Е. Баевской. - СПб.: Азбука-классика, 2008.
13. Пруст М. В поисках утраченного времени / Пер. с фр. Н. Любимова и А. Смирновой ("Обретённое время"). - СПб.: Амфора, 2005-2006.
14. Пруст М. В поисках утраченного времени / Пер. с фр. А. Франковского, А. Фёдорова. - М.: АСТ, 2007.
15. Скуратовская А. П. Анкилоз - Банка // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / Гл. ред. Ю. С. Осипов. - М.: Большая российская энциклопедия, 2005. - Т. 2. - С. 113-114.
16. Bassnett S. Translation Studies. 3rd ed. London; New York: Routledge, 2002. - 188 p.
17. Viart D. De la littérature contemporaine à l'Université: une question critique // Carrefour des écritures. - 2003. - Mode of access: http://www.carrefour-des-ecritures.net/doc/TEU_Viart.html.
18. Venuti, L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / Lawrence Venuti. - London; New York: Routledge, 1995. - 400 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена особенностям перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века. Отмечается, что французская проза XX века явилась «ареной интенсивных художественных экспериментов, особенно в области синтаксиса». Нарушение грамматических норм способствовало созданию текстов, приближенных к поэтическому высказыванию. В связи с этим видится важным изучение специфики перевода таких произведений на русский язык, так как «при переводе французской прозы XX века на русский язык переводчики сталкиваются с необходимостью выбора стратегии, способной передать особенности авторского стиля и при этом сохранить приемлемую читаемость текста», что, по сути, и определяет актуальность предмета исследования.

Теоретической основой научной работы послужили труды по вопросам современной литературы; фигуральному языку Руссо, Ницше, Рильке и Пруста и др. Библиография составляет всего 9 источников, в том числе 4 литературных, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако, по мнению рецензента, такое количество собственно научных источников (в количестве 5) недостаточно для обобщения и анализа теоретического

аспекта изучаемой проблематики. Также следует отметить, что автор(ы) совсем не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ отобранного материала, сравнительно-сопоставительный анализ, а также метод дискурсивного анализа. Эмпирической базой исследования выступили произведения французских писателей изучаемого периода Марселя Пруста и Гийома Аполлинера и их переводы на русский язык.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что «нестандартный синтаксис — важнейший элемент авторского стиля во французской прозе XX века. Его перевод требует от переводчика высокого уровня чувствительности к структуре языка, эстетике и контексту. Удачные переводы демонстрируют не буквальное следование оригиналу, а воспроизведение функции синтаксического отклонения средствами русского языка». Подчеркивается, что «выбор переводческой стратегии всегда зависит от жанровой специфики, целевой аудитории и задач перевода — и требует от переводчика творческой ответственности» и др. Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение и интерпретацию особенностей перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории перевода, сопоставительной лингвистике, интерпретации текста, в практике художественного перевода, по стилистике художественной речи и др. Обозначена перспектива дальнейшего исследования, которая состоит в корпусном анализе переводов и восприятии синтаксических экспериментов читателями.

Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века».

Предмет исследования – особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, сравнения, интерпретации, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена важностью проблемы перевода художественной литературы, а также тем, что французская проза XX века стала ареной интенсивных художественных экспериментов, особенно в области синтаксиса, что не может не

вызвать интерес исследователей.

Научная новизна заключается в том, что исследование представляет собой попытку ревизии и систематизации подходов к переводу нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века. Кроме того, исследование носит сопоставительный характер: автор анализирует различные переводческие решения при переводе нестандартного синтаксиса во французской прозе на русский язык.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура работы прослеживается, хотя автором не выделены основные смысловые части: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); основная часть (автор рассматривает особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века на примере творчества Марселя Пруста, Натали Саррот, Гийома Аполлинера и др.; отмечено, что новые переводы произведений подтверждают актуальность переосмысления устоявшихся переводческих практик при работе с классическим литературным материалом; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами); заключение (автор делает общие выводы; подчёркнуто, что перевод художественных произведений требует от переводчика высокого уровня чувствительности к структуре языка, эстетике и контексту; удачные переводы демонстрируют не буквальное следование оригиналу, а воспроизведение функции синтаксического отклонения средствами русского языка); библиография (включает 15 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием особенностей перевода художественного текста. Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы на занятиях по теории и практике перевода, а также в спецкурсах переводоведения.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования. В начале статьи следует дать характеристику эмпирического материала. Для лучшего восприятия статьи было уместно ввести подзаголовки.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.
3. Для наглядности было бы уместно выполнить сопоставительный анализ оригинального художественного текста с его переводами, чтобы продемонстрировать какие приемы передачи нестандартного синтаксиса используют различные переводчики на практике.
4. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретических измышлений автора статьи. Стоит унифицировать оформление иллюстративных примеров.
5. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемого труда обращает внимание на проблему перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века. На мой взгляд, вопросы переводоведения являются актуальными вне времени, ибо совершенствование этого процесса идет постоянно. Собственно с этого и начинается статья: «одной из наиболее значимых и методологически сложных задач современного литературоведения выступает аналитическое осмысление новейших процессов, происходящих в художественной словесности...». При этом довольно интересно озвучивается мысль оценки настоящего далее по тексту: «это эпоха, в которой больше не ставится задача создания программных манифестов, диктующих литературе её идеологические или формальные ориентиры. Напротив, художественное письмо воспринимается как поле открытого и свободного поиска, в котором присутствуют разнородные стилистические, жанровые и философские установки, придавая современной словесности тектоническую сложность и многослойность». Как же быть переводчику?! Стоит ли следовать оригиналу?! Или допускается «многослойность»?!. Считаю, что таким образом достигается в работе создание эффекта диалога и с оппонентами, и с читателями. Цель работы, предмет и объект установлены верно; новизна «заключается в попытке систематизировать подходы к передаче нестандартных синтаксических структур с учётом стилистической функции отклонений от нормы, а также в сопоставительном анализе конкретных переводов, демонстрирующих индивидуальные решения переводчиков». Таким образом, материал имеет как теоретический, так и практический характер. Иллюстративный фон расширен: «эмпирическую базу исследования составляют фрагменты прозы Марселя Пруста («В поисках утраченного времени»), Натали Саррот («Откройте») и Гийома Аполлинера («Одиннадцать тысяч палок»), в сопоставлении с их переводами на русский язык, выполненными Еленой Баевской, И. Кузнецовой и Арнаutom Скард-Лapidусом соответственно». Вероятно, что подобный выбор оправдан, это позволяет показать разные варианты моделей перевода. Стиль данного труда соотносится с научным типом; на протяжении всего сочинения автор поддерживает логику разверстки вопроса; материал информативен, по-своему нов, методически выверен. Думаю, что «удобно» использовать наработки автора в вузовской практике. Ссылки и цитации даются в режиме общей практики: например, «А.З. Измайлов подчёркивает, что переводчик должен исходить из функции конкретного стилистического приёма и принимать решение: сохранить его в переводе или заменить другим, способным выполнять ту же экспрессивную роль. Таким образом, принцип адекватности, по его мнению, предполагает не буквальное соответствие, а передачу эмоционально-стилистической выразительности, которая составляет суть авторского почерка [4,8]», или «Так, Л. Венути подчеркивает, что переводчик, сталкиваясь с нестандартными синтаксическими структурами, оказывается перед выбором между «гладкостью» и «инаковостью» текста. Сохранение синтаксической чуждости может показаться затруднительным для читателя, однако именно оно обеспечивает доступ к эстетике оригинала. Венути вводит понятие «этической инверсии» — подхода, при котором «инаковость» оригинала сохраняется как ценностный ориентир, а не устраняется ради читабельности [18]» и т.д. Оценка качества перевода вводится в статью фактурно / конструктивно: например, «типичный пример — начало одной из фраз из «В сторону Сванна»: *Longtemps, je me suis couché de bonne heure.* — лаконичное начало, за которым в оригинале следует гигантское, на несколько страниц, предложение с вложенностями и уточнениями, часто так и не доходящее до финальной точки. В переводе Елены Баевской: «Долгое время я рано ложился спать.» — сохранено краткое вступление, но затем синтаксис усложняется, приближаясь к оригинальному темпу и структуре: «...это воспоминание, всплывающее в тот момент, когда я, положив голову на подушку, уже начинал засыпать, но чувствовал, что засыпаю, и думал об этом...», или «Фрагмент иллюстрирует характерную для Саррот

полифоничность внутренней речи, в которой традиционные границы между репликами и субъектами размываются. Перевод Кузнецовой бережно сохраняет рваный ритм оригинала, отражая напряжённое внутреннее многоголосие. «До свидания» здесь утрачивает статус самостоятельной реплики, превращаясь в объект коллективного интерпретативного давления, что соответствует эстетике тропизма — одной из ключевых категорий поэтики Саррот» и т.д. Примеров, которые иллюстрируют разверстку вопроса, на мой взгляд, достаточно: «Во втором фрагменте синтаксическая структура оригинала демонстрирует внутреннюю речь героя, стилизованную под нарочито логический, почти бюрократический дискурс: «je m'anoblis. Au fond, je suis un ancêtre. Mes enfants et mes petits enfants m'en sauront gré». Скард-Лепидус сохраняет иронично-бюрократический стиль, применяя русские устойчивые выражения, такие как «по сути я — родоначальник» и «жалую себе дворянство». Общие требования автор учел; считаю, что цель работы достигнута, поставленные задачи решены. Автор приходит к выводу, что «нестандартный синтаксис — важнейший элемент авторского стиля во французской прозе XX века. Его перевод требует от переводчика высокого уровня чувствительности к структуре языка, эстетике и контексту. Удачные переводы демонстрируют не буквальное следование оригиналу, а воспроизведение функции синтаксического отклонения средствами русского языка», «выбор переводческой стратегии всегда зависит от жанровой специфики, целевой аудитории и задач перевода — и требует от переводчика творческой ответственности. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на корпусном анализе переводов и восприятии синтаксических экспериментов читателями» и т.д. Список источников достаточен, правка этого блока излишня. Рекомендую статью «Особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Люлина А.В., Елагина Ю.С. Особенности функционирования адвисивных речевых актов в кризисном дискурсе (на примере наводнения в Оренбургской области в 2024 г.) // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.71080 EDN: ZWDLJF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71080

Особенности функционирования адвисивных речевых актов в кризисном дискурсе (на примере наводнения в Оренбургской области в 2024 г.)

Люлина Анна Владимировна

доктор филологических наук

доцент, Институт языков и культур; Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4118

✉ aawmt@mail.ru

Елагина Юлия Сергеевна

ORCID: 0000-0002-6351-9710

кандидат филологических наук

доцент, институт языков и культур; Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4118

✉ dymok_july@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.71080

EDN:

ZWDLJF

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Дата публикации:

11-06-2025

Аннотация: Объектом настоящего исследования являются речевые акты с доминирующей адвисивной интенцией, используемые представителями официальных

служб и административных структур в текстах сообщений, связанных с наводнением в Оренбургской области в 2024 году. В качестве предмета настоящего исследования рассматриваются особенности функционирования адвисивных речевых актов в кризисном дискурсе, затрагивающем такое стихийное бедствие, как наводнение в определенной местности (на примере Оренбургской области). При этом адвисивные речевые акты рассматриваются как трехкомпонентные образования, состоящие из информативного, собственно коммуникативного и персуазивного компонентов и имеющие в своем составе особые знаки, актуализирующие определенные мишени манипуляции массовым реципиентом. Иерархия соответствующих мишеней манипуляции включает этофизиологические мишени манипуляции (инстинкты, потребности, базовые эмоции) и социально обусловленные мишени манипуляции массовым реципиентом. В исследовании применяется антропоцентрический подход, основанный на убеждении о существовании усредненного интенционального портрета массового реципиента с определенными особенностями восприятия манипулятивных сообщений. Новизна данной работы заключается в использовании антропоцентрического подхода для изучения адвисивных сообщений со скрытой манипулятивной интенцией, а также в материале исследования, состоящем из корпуса текстов, появившихся в результате возникновения нового вида дискурса – кризисного дискурса стихийного бедствия (на примере наводнения-2024 в Оренбургской области). Кроме того, в исследовании впервые выделяются речевые средства различных уровней, актуализирующие мишени манипуляции массовым реципиентом, характерные именно для подвида выделяемого кризисного дискурса. Предлагается классификация данных средств, основанная на особенностях структуры адвисивных речевых актов, информативные и персуазивные компоненты которых включают особые актуализаторы-номинанты и актуализаторы-ассоцианты с предполагаемыми продуцентом соответствующих манипулятивных сообщений дистантными и контактными коммуникативными эффектами.

Ключевые слова:

дискурс, продуцент сообщения, реципиент сообщения, адвисивная интенция, речевой акт, облигаторность, категоричность, статус продуцента, мишень манипуляции, речевая манипуляция

Наводнение, произошедшее в Оренбургской области весной 2024 года, как и любая другая чрезвычайная ситуация природного или техногенного характера, породило новый подвид кризисного дискурса со своим набором текстов. Анализ подвидов кризисного дискурса [3],[4],[6], возникших в последнее десятилетие (таких, например, как кризисный дискурс «COVID-19»), позволяет сделать вывод о том, что наряду с текстами, основной интенцией которых является порождение панических настроений среди массового реципиента, данные подвиды дискурса содержат большое количество адвисивных сообщений. Кризисный дискурс «Наводнение в Оренбургской области – 2024» не является исключением: в нем функционирует довольно многочисленный корпус текстов, содержащих речевые акты совета и рекомендации, продуцентами которых являются различные официальные инстанции, административные органы и медицинские организации.

Несомненная статусная маркированность адвисивных речевых актов, составляющих интенциональное ядро подобных сообщений, не является случайной, так как одной из наиболее эффективных социально обусловленных мишеней манипуляции массовым

реципиентом в условиях чрезвычайной ситуации становится доверие к авторитету – отдельным лицам или организациям, обладающим опытом и знаниями, необходимыми для борьбы со стихией и ее последствиями. Так, например, продуцентами заведомо эффективных адвисивных речевых актов кризисного дискурса «Наводнение в Оренбургской области – 2024» становятся представители МЧС России по Оренбургской области, Министерства здравоохранения Оренбургской области, губернатор области, главы городов и т.п.

В настоящее время в лингвистике не существует единой, общепринятой классификации речевых актов с доминирующей адвисивной интенцией. Однако, во многих из них упоминаются такой аспект реализации адвисивного речевого акта, как подразумеваемая степень облигаторности выполнения советуемого реципиентом. Можно предположить, что в условиях кризисного дискурса, когда речь идет о спасении жизней, здоровья и имущества массового реципиента, степень облигаторности выполнения советуемого, выраженного в информативном компоненте соответствующих речевых актов, является достаточно высокой.

Одна из первых таксономий речевых действий, в которой упоминается речевой акт совета, принадлежит основоположнику теории речевых актов Дж. Остину [\[9\]](#), который рассматривал советы в классе экзерситивов – актов выражения власти, прав или влияния. Последователь Дж. Остина Дж. Серль относит советы к более крупному классу директивов, которые «имеют целью побудить адресата делать или не делать что-либо, предполагают наличие у говорящего соответствующего желания, а их пропозициональное содержание всегда состоит в том, что адресат совершит или не совершит некоторое действие в будущем» [\[10\]](#). В.В. Богданов выделял адвисивы в отдельный класс речевых актов, характеризуя их как неинституциональный, адресатно-инициирующий, неинформационно-побудительный, не основанный на власти или социальном положении, ориентированный не в пользу адресата тип речевых высказываний [\[2\]](#).

В основе классификации побудительных речевых актов Е.И. Беляевой [\[1\]](#), к которым она относит и речевые акты совета, лежат три признака: облигаторность действия, приоритетность говорящего и выгодность действия для говорящего. При этом на основании данных признаков выделяются три группы речевых актов: прескриптивы (например, приказы и распоряжения), реквестивы (например, просьбы и приглашения) и суггестивы, к которым относится собственно совет, предложение и предупреждение. О.А. Шутова также относит совет к суггестивным речевым актам (жанрам) [\[8\]](#).

Важную, на наш взгляд, характеристику категоричности/ некатегоричности директивного речевого акта, к которым, несомненно, можно отнести адвисивы, вводит в своей классификации Ц. Саранцацрал. В данной классификации речевые акты приказа, требования, запрещения, и разрешения относятся к категоричным побудительным актам, так как в этом случае продуцент речевого акта обладает определенным правом (статусом) побуждать адресата к выполнению действия. В свою очередь, речевые акты просьбы, мольбы, совета, рекомендации, предостережения и предложения относятся к некатегоричным речевым актам, так как у говорящего отсутствует соответствующее право [\[5\]](#).

Принимая во внимание критерии для классификации адвисивных речевых актов, предложенные на данный момент исследователями этого типа высказываний, стоит учесть некоторые дополнительные условия, в которых совершаются речевые акты совета

в пределах кризисного дискурса «Наводнение в Оренбургской области – 2024». Несмотря на то, что публикуемые в средствах массовой информации тексты с доминирующей адвисивной интенцией носят рекомендательный характер и не являются обязательными к исполнению распоряжениями или указами, их можно отнести к речевым актам с повышенной степенью категоричности и облигаторности выполнения советуемого, так как невыполнение совета в данном случае может быть опасным для его реципиента. Иначе говоря, массовый реципиент адвисивных речевых актов, функционирующих в рамках кризисного дискурса «Наводнение в Оренбургской области – 2024» не имеет иного выбора, как выполнить совет продуцента, так как информативный компонент адвисивного речевого акта/ актов в данном случае актуализирует такую эффективную мишень манипуляции массовым реципиентом, как «инстинкт самосохранения». Это касается, например, советов по избеганию массового заражения инфекциями, попавшими в воду, а также советов по дальнейшему использованию поврежденного водой жилья. Повышенная степень облигаторности выполнения советуемого в таких адвисивных речевых актах подчеркивается соответствующими маркерами («необходимо», «нужно», «следует», «должен» и т.п.). Например:

1) *Постпаводковый период тоже опасен, потому что вода, уходя, оставляет за собой ил, и он может быть возбудителем инфекционных заболеваний. В этот период **необходимо** провести определённые мероприятия. Они начинаются с того, что территория, с которой ушла вода, **должна быть** очищена от мусора. Второй этап – дезинфекция территорий, в том числе частных подворий. Для дезинфекции используют средства, содержащие хлор. Следующий этап – это дезинфекция помещений. В них **необходимо** обработать поверхности – пол, стены, потолок, **нужно** продезинфицировать посуду, одежду, всё, что оставалось в помещении. Тем, у кого есть земельные участки, **следует** дополнительно произвести дезинфекцию выгребных ям, надворных туалетов, мусорных контейнеров.*

(Р. Аганина, заместитель начальника отдела эпидемиологического надзора Управления Роспотребнадзора по Оренбургской области, «Вода сейчас может быть опасной. Что делать?», <https://selskievesti.ru/2024/04/24/voda-sejchas-mozhet-byt-opasnoj-chto-delat/>)

2) *Откачайте воду из погреба и подвала. **Важно**, чтобы вода сошла ниже уровня вашего подвала, чтобы ее не было в земле рядом. Иначе она либо наберется снова, либо создаст избыточное давление на его стенки, что **нужно** избежать.*

(Евгений Зимин, руководитель компании по строительству и отделке домов, «Возвращение в дом, который утонул. С чего начать?», <https://orenburg.media/?p=247841>)

Официальные памятки-инструкции, которые можно отнести к особому адвисивному текстотипу с высокой степенью облигаторности выполнения советуемого, также продуцируются с использованием соответствующих маркеров. Например:

3) *В случае наводнения вам **необходимо**:*

- отключить силовую и осветительную электропроводку в жилых домах и надворных постройках;
- отключить подачу газа и водоснабжения;
- организованно и без паники эвакуироваться на объявленный эвакуационный пункт для отправки в безопасные районы, взяв с собой документы и ценности, а также окажите

помощь при эвакуации детям и престарелым гражданам;

*- при получении экстренного сообщения об угрозе затопления **необходимо** без промедления покинуть опасную зону.*

При невозможности самостоятельно покинуть зону затопления сообщите спасательным службам свое местонахождение по телефону 101.

(Главное управление МЧС России по Оренбургской области, «Памятка по паводку», <https://56.mchs.gov.ru/deyatelnost/poleznaya-informaciya/vnimanie-pavodok/pamyatka-po-pavodku>)

Адвисивная интенция может быть реализована эксплицитно – с помощью классического речевого акта совета с явно представленной на поверхностном (речевом) уровне перформативной формулой, содержащей соответствующий глагол. Стоит отметить, что в перформативной формуле адвисивных речевых актов, функционирующих в рамках кризисного дискурса «Наводнение в Оренбургской области – 2024», часто используется личное местоимение во множественном лице («мы», не «я»), что характерно для официальных заявлений, совершаемых от лица какой-либо организации. Например:

*4) В период паводка Роспотребнадзор рекомендует использовать кипячёную воду или бутилированную. При проведении гигиенических процедур, в частности при чистке зубов, возможно заглатывание воды, поэтому **мы** также **рекомендуем** использовать для ополаскивания рта кипячёную или бутилированную воду.*

*Вода, реализуемая населению в «грибочках», с эпидемиологической точки зрения безопасна, потому что она проходит все этапы водоподготовки, соответствует гигиеническим нормативам. Её можно пить сырой, но как превентивную меру **мы советуем** кипятить, чтобы быть спокойным и обезопасить себя и близких.*

(Р. Аганина, заместитель начальника отдела эпидемиологического надзора Управления Роспотребнадзора по Оренбургской области, «Вода сейчас может быть опасной. Что делать?», <https://selskievesti.ru/2024/04/24/voda-sejchas-mozhet-byt-opasnoj-chto-delat/>)

Довольно часто адвисивные речевые акты реализуются в кризисном дискурсе «Наводнение в Оренбургской области – 2024» в форме косвенных сообщений, имеющих условную конструкцию. При этом в формальном придаточном, представляющем собой часть информативного компонента с описанием определенной фактической ситуации, четко устанавливаются условия, при наличии которых рекомендуется или не рекомендуется выполнять определенные действия. Такие речевые акты встречаются в адвисивных текстах, содержащих информацию о выплатах пострадавшим в результате затопления, о превентивных мерах в случае инфекционных заболеваний, вызванных паводком, и т.п. Авторитетность продуцента данных сообщений, обусловленная его должностью, статусом или соответствующей профессией, повышает степень обigatorности выполнения советуемого. Например:

*5) Уважаемые орчане! **Если вы уже подали заявление на портале Госуслуг, делать это еще раз нет необходимости.** Нам всем надо набраться терпения и дождаться результата. Все ваши обращения в работе. Если вам по закону положена выплата, вы ее обязательно получите, – обратился глава к жителям Орска.*

(В. Козупица, «Козупица о выплатах: процесс идет, но не так быстро», Оренбург Медиа, <https://dzen.ru/a/ZizPsGV1MSDnPXpC>)

6) *Наша приоритетная задача, чтобы ни у одного человека не уменьшилась зарплата по сравнению с мартом месяцем. В Орске были собраны все работодатели, которые работают на территории города, им была поставлена задача контролировать перечисление выплат своим сотрудникам. **Если у кого-то на предприятии сотрудники не получают выплаты, руководители должны оповестить об этом региональные власти, которые решают сложившуюся ситуацию в режиме прямого диалога.***

(И. Петухов, заместитель председателя правительства Оренбургской области по экономической и инвестиционной политике, «Оренбургский вице-губернатор рассказал о поддержке пострадавших от паводка», <https://regnum.ru/news/3880738>)

7) *Сейчас огромное количество фекальных масс попало в воду в районе затопления. Люди, контактируя с водой, содержащей в себе вирус гепатита А, могут заразиться и заболеть. Заболевание протекает достаточно тяжело. И, как правило, если клиническая картина возникает, то требуется госпитализация. Чтобы вы не заболели, вам нужно сделать единичную вакцинацию. Вакцина быстро создает иммунитет, предохраняющий от развития гепатита при таком однократном схождении. **Если вы потом сделаете бустер, то есть через 6–12 месяцев сделаете вакцину повторно, то будете защищены лет на 20.***

(«Зачем нужна массовая вакцинация против гепатита А в Оренбуржье, рассказал врач», <https://mir24.tv/articles/16586411/zachem-nuzhna-massovaya-vakcinaciya-protiv-gepatita-a-v-orenburzhe-rasskazal-vrach>)

В адвисивных речевых актах с высокой степенью категоричности, также обусловленной высоким статусом продуцента, совет может реализовываться с помощью императивных побудительных высказываний. В таких ситуациях адвисивный речевой акт принимает форму совета-предупреждения [17]. Например:

8) *Сегодня, 7 апреля, паводковая ситуация остается критической. Вода прибывает, и в ближайшие дни ее уровень будет только расти. В тех районах, которые находятся в зоне подтопления в пойме Урала и Сакмары, в ближайшее время продолжатся отключения электроэнергии. Если это произошло, значит, нужно немедленно эвакуироваться. **Возьмите с собой документы, ценные вещи и покиньте домовладения.***

(С. Салмин, мэр Оренбурга,

«Вода прибывает и в ближайшие дни ее уровень будет только расти»,

<https://www.ural56.ru/news/717804/>)

9) *Вода может прийти ночью, вы подвергаете свою жизнь, жизни близких опасности! Абсолютно всем, кто находится в зоне подтопления, необходимо покинуть свои дома. **Не откладывайте эвакуацию!** Ситуация в ближайшие два дня будет только ухудшаться. Уровень воды, по прогнозам специалистов, превысит опасное значение. **Не ждите этого! Уезжайте прямо сейчас!***

(С. Салмин, мэр Оренбурга,

«Уезжайте прямо сейчас»: мэр города обратился к жителям в зоне подтопления,

<https://www.ntv.ru/novosti/2821460/>)

Анализ текстов, возникших в результате появления кризисного дискурса «Наводнение в Оренбургской области – 2024», позволяет нам сделать выводы о том, что адвисивные

речевые акты данного дискурса обладают гораздо более высокой степенью категоричности и облигаторности выполнения советуемого по сравнению с речевыми актами совета других видов дискурса. Это обусловлено тем, что основной мишенью воздействия, на которую нацелены адвисивные речевые акты кризисного дискурса «Наводнение в Оренбургской области – 2024» является инстинкт самосохранения массового реципиента, срабатывающий в чрезвычайной ситуации с угрозой жизни и здоровью. Кроме того, высокая степень категоричности и облигаторности выполнения советуемого в данных речевых актах обеспечивается статусом, профессией или должностью их продуцентов. Что же касается лингвистического оформления речевых актов совета в анализируемом дискурсе, то можно отметить, что для них характерно следующее:

- высокая частотность использования маркеров облигаторности («необходимо», «нужно», «следует», «должен» и т.п.);
- использование условных конструкций для установления рамок, в которых должно совершаться советуемое действие;
- использование множественного числа личного местоимения («мы») в перформативной формуле эксплицитного речевого акта;
- использование императивных конструкций в речевых актах совета с высокой степенью категоричности, совершаемых продуцентами с высоким статусом.

Библиография

1. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. 168 с.
2. Богданов В. В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения: Сб. науч. тр. Калинин, 1989. С. 25-37.
3. Пильгун Е.В. Семантика и прагматика кризисного дискурса : автореф. дис. ...к-та филол. наук. Минск: МГЛУ, 2019. 28 с.
4. Пильгун, Е. В. Стратегии формирования коммуникативного пространства многополярного мира // Политическая лингвистика. 2023. № 6. С. 122-130.
5. Саранцацрал Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва: МГУ, 1993. 40 с.
6. Спицына Н.А., Рощенко А.В. Лингвистические особенности освещения техногенной кризисной ситуации. М.: Библио-Глобус, 2020. 118 с.
7. Челоне Ч. Видовая оппозиция русских императивных глаголов в прескриптивных и суггестивных речевых актах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 87-96.
8. Шутова О.А. Совет как суггестивный речевой жанр поучающего дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. Т. 5. Вып. 138. С. 129-134.
9. Austin J. How to do things with words. Oxford, 1962. VII.
10. Searle J. R. A. Classification of Illocutionary acts // Language in Society. Great Britain: Cambridge University Press, 1976. Vol. 5, № 1. P. 1-23.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема данной статьи наукообразна, действенна: автор определяет в ходе анализа особенности функционирования адвисивных речевых актов в кризисном дискурсе. Думаю, такой подход вполне правомерен, да и функционал языка всегда нуждается в уточнении. Выбор языковой базы – кризисный дискурс – прокомментирован: «анализ подвидов кризисного дискурса [3],[4],[6], возникших в последнее десятилетие (таких, например, как кризисный дискурс «COVID-19»), позволяет сделать вывод о том, что наряду с текстами, основной интенцией которых является порождение панических настроений среди массового реципиента, данные подвиды дискурса содержат большое количество адвисивных сообщений. Кризисный дискурс «Наводнение в Оренбургской области – 2024» не является исключением: в нем функционирует довольно многочисленный корпус текстов, содержащих речевые акты совета и рекомендации, продуцентами которых являются различные официальные инстанции, административные органы и медицинские организации». Стоит отметить, что «несомненная статусная маркированность адвисивных речевых актов, составляющих интенциональное ядро подобных сообщений, не является случайной, так как одной из наиболее эффективных социально обусловленных мишеней манипуляции массовым реципиентом в условиях чрезвычайной ситуации становится доверие к авторитету – отдельным лицам или организациям, обладающим опытом и знаниями, необходимыми для борьбы со стихией и ее последствиями». Стиль работы аналитически аргументирован, научный грейд выдержан, например, «в настоящее время в лингвистике не существует единой, общепринятой классификации речевых актов с доминирующей адвисивной интенцией. Однако, во многих из них упоминаются такой аспект реализации адвисивного речевого акта, как подразумеваемая степень obligatorности выполнения советуемого реципиентом. Можно предположить, что в условиях кризисного дискурса, когда речь идет о спасении жизней, здоровья и имущества массового реципиента, степень obligatorности выполнения советуемого, выраженного в информативном компоненте соответствующих речевых актов, является достаточно высокой». Теоретические положения соотносятся с рядом тематически смежных наработок: «В основе классификации побудительных речевых актов Е.И. Беляевой [1], к которым она относит и речевые акты совета, лежат три признака: obligatorность действия, приоритетность говорящего и выгодность действия для говорящего. При этом на основании данных признаков выделяются три группы речевых актов: прескриптивы (например, приказы и распоряжения), реквестивы (например, просьбы и приглашения) и суггестивы, к которым относится собственно совет, предложение и предупреждение. О.А. Шутова также относит совет к суггестивным речевым актам (жанрам) [8]». Вариант цитаций дан верно, формальные требования издания учтены. Работа обладает должной научной новизной, при этом и диалог с оппонентами поддержан. Примеры, которые анализируются, ситуативно оправданы: например, «это касается, например, советов по избеганию массового заражения инфекциями, попавшими в воду, а также советов по дальнейшему использованию поврежденного водой жилья. Повышенная степень obligatorности выполнения советуемого в таких адвисивных речевых актах подчеркивается соответствующими маркерами («необходимо», «нужно», «следует», «должен» и т.п.). Например: 1) Постпаводковый период тоже опасен, потому что вода, уходя, оставляет за собой ил, и он может быть возбудителем инфекционных заболеваний. В этот период необходимо провести определённые мероприятия. Они начинаются с того, что территория, с которой ушла вода, должна быть очищена от мусора...» и т.д. Считаю, что должный комментарий представлен полномерно. На мой взгляд, тема статьи раскрывается ступенчато, внутренняя логика разверстки вопроса дана на протяжении всего текста. Открытость ссылок к первоисточникам прописана: «2) Откачайте воду из погреба и подвала. Важно, чтобы вода сошла ниже уровня вашего подвала, чтобы ее не

было в земле рядом. Иначе она либо наберется снова, либо создаст избыточное давление на его стенки, что нужно избежать. (Евгений Зимин, руководитель компании по строительству и отделке домов, «Возвращение в дом, который утонул. С чего начать?», <https://orenburg.media/?p=247841>), или «5) Уважаемые орчане! Если вы уже подали заявление на портале Госуслуг, делать это еще раз нет необходимости. Нам всем надо набраться терпения и дожидаться результата. Все ваши обращения в работе. Если вам по закону положена выплата, вы ее обязательно получите, – обратился глава к жителям Орска. (В. Козупица, «Козупица о выплатах: процесс идет, но не так быстро», Оренбург Медиа, <https://dzen.ru/a/ZizPsGV1MSDnPXpC>)» и т.д. Выводы по тексту соотносятся с основной частью. Автор обозначает, что «анализ текстов, возникших в результате появления кризисного дискурса «Наводнение в Оренбургской области – 2024», позволяет нам сделать выводы о том, что адвисивные речевые акты данного дискурса обладают гораздо более высокой степенью категоричности и обязательности выполнения советуемого по сравнению с речевыми актами совета других видов дискурса. Это обусловлено тем, что основной мишенью воздействия, на которую нацелены адвисивные речевые акты кризисного дискурса «Наводнение в Оренбургской области – 2024» является инстинкт самосохранения массового реципиента, срабатывающий в чрезвычайной ситуации с угрозой жизни и здоровью...». Серьезных нарушений в режиме фактических данных не выявлено, цель исследования достигнута, список источников достаточен. Рекомендую статью «Особенности функционирования адвисивных речевых актов в кризисном дискурсе (на примере наводнения в Оренбургской области в 2024 г.)» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юань Ш., Нигматуллина К.Р., Гурушкин П.Ю., Вартанов С.А. Исследование разнообразия источников данных в журналистике данных // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74512 EDN: ZXKDOP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74512

Исследование разнообразия источников данных в журналистике данных

Юань Шэцзи

ORCID: 0009-0003-8840-5925

Аспирант СПбГУ

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11 литера АБ

✉ Yyyysq@yandex.ru**Нигматуллина Камилла Ренатовна**

доктор политических наук

профессор; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб. д. 7/9

✉ k.nigmatulina@spbu.ru**Гурушкин Павел Юрьевич**

кандидат политических наук

доцент; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7/9

✉ gurupavel@yandex.ru**Вартанов Сергей Александрович**

ORCID: 0000-0002-2952-8509

доктор социологических наук

профессор; кафедра рекламы; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11 литера АБ

✉ NikonovS@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74512

EDN:

ZXKDOP

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Дата публикации:

11-06-2025

Аннотация: В статье рассмотрено разнообразие источников в журналистике данных (Big data). Исследование показало, что журналисты активно используют открытые государственные источники, коммерческие источники, социальные медиа и пользовательский контент в них. Выявлены особенности каждого типа источников, а также методы их сбора и анализа. Проведен анализ практик работы с данными и выявлены основные проблемы и вызовы. Особое внимание уделено проверке достоверности информации и соблюдению этических норм журналиста. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации знаний о типах источников данных в журналистике. Практическая значимость работы состоит в разработке рекомендаций для журналистов по эффективному использованию разнообразных источников данных. Это помогает избежать ошибок в обработке информации, улучшить процессы верификации и повысить качество создаваемых материалов. Журналисты смогут лучше анализировать данные и представлять информацию в доступной и понятной форме. Теоретико-методологическую основу исследования составляет общенаучные методологии историко-философского анализа, общей теории познания. Методологическую основу статьи составили труды, описывающие эволюцию больших данных. В результате исследования было установлено, что разнообразие источников данных имеет важное влияние в современной журналистике. Журналисты используют различные типы данных: открытые государственные базы, коммерческие источники, социальные медиа и пользовательский контент. Каждый из этих источников требует индивидуального подхода к сбору, проверке и анализу информации. В результате чего получаются более точные, объективные и качественные журналистские материалы. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что правильное использование разных источников данных повышает доверие аудитории и улучшает качество журналистских публикаций. Классификация источников и анализ методов их сбора и обработки помогают журналистам лучше ориентироваться в большом потоке информации и выбирать наиболее надежные данные для своих материалов.

Ключевые слова:

Журналистика данных, источники данных, открытие данные, социальные медиа, верификация информации, проверка достоверности, этика в журналистике, аналитика данных, цифровые инструменты, журналистские расследования

Введение

Журналистика данных активно развивается. Она сочетает традиционные методы с анализом больших данных. В цифровом обществе роль информации возрастает. Журналисты используют разные источники данных. Что помогает создавать точные и объективные материалы.

Источники данных бывают разными. Такие как открытые государственные данные, коммерческие базы, социальные медиа и пользовательский контент. Каждый источник требует особого подхода. Важно проверять информацию и анализировать ее качество.

Технологии расширили доступ к данным. Это открывает новые возможности и создает вызовы. Журналисты должны обрабатывать большие объемы информации. Необходимо оценивать достоверность и учитывать этические нормы. Разнообразие источников помогает глубже анализировать события.

Цель статьи -изучить разнообразие источников данных в журналистике. Для этого нужно:

- проанализировать используемые источники;
- классифицировать их по типам;
- рассмотреть методы сбора и обработки данных;
- выявить проблемы в использовании источников.

Объект исследования -источники данных. Предмет -их влияние на качество материалов. Тема актуальна из-за развития технологий и потребности в проверенной информации. Журналист должен находить и проверять данные.

Методы исследования: анализ литературы, изучение успешных практик, сравнительный анализ источников.

Исследование важно для улучшения работы с данными. Разнообразие источников способствует раскрытию сложных тем и объяснению событий.

В современном мире журналистика данных важна. Правильное использование источников помогает создавать качественный контент.

Изучение данной темы покажет, какие источники важнее.

Сегодня эту тему изучают как Российские, так и зарубежные исследователи – Поляков А.К. Нигматуллина К.Р. [\[1\]](#),

Теоретические основы журналистики данных

Понятие и сущность журналистики данных

Журналистика данных, относительно новое направление в медиапространстве, которое объединяет журналистику и анализ больших объемов данных. Данный процесс использования данных для создания информативных и объективных материалов. Она основана на аналитике, визуализации и интерпретации числовой и текстовой информации, что помогает журналистам глубже понять происходящие события и представить их аудитории.

Основная цель журналистики данных -предоставить факты, которые можно доказать с помощью статистики и других данных. В отличие от традиционной журналистики, где акцент делается на рассказывание истории через текст, журналистика данных использует факты, которые подтверждаются с помощью чисел и графиков.

Журналистика данных начинается с поиска и сбора информации из различных источников. Это могут быть государственные данные, открытые базы данных,

коммерческие ресурсы, а также социальные медиа. Такие данные нужно правильно обрабатывать, анализировать и представлять в удобном для восприятия формате. Чем, например, может являться инфографика, таблицы или визуализация.

Сущность журналистики данных заключается в том, чтобы превращать данные в истории, которые имеют реальное значение. Такой подход помогает разоблачать важные факты, скрытые за большими массивами информации. Например, при расследованиях журналисты могут использовать данные о расходах государственных учреждений или статистику о социальных явлениях. Эти данные могут пролить свет на скрытые проблемы, например, на коррупцию или на неэффективное использование средств.

Еще одной особенностью журналистики данных является необходимость критического подхода к выбору источников. Журналисты должны понимать, что данные могут быть интерпретированы по-разному. Важно уметь фильтровать информацию, проверять ее достоверность и использовать только надежные источники. К тому же, необходимо учитывать, что не все данные доступны или могут быть правильно интерпретированы без дополнительного контекста.

Ключевым аспектом журналистики данных является методология работы с данными. Данный аспект включает в себя сбор информации, а также ее очистку, обработку и анализ. Одним из важных этапов является проверка данных на достоверность. Журналист должен понимать, откуда поступает информация, кто ее предоставляет и как она была собрана. Это необходимо для избегания ошибок в данных, которые могут привести к искажению фактов.

Журналистика данных также включает в себя использование современных технологий для работы с информацией. Сегодня для сбора данных часто используются автоматизированные инструменты, такие как веб-скрейпинг, API или специализированные платформы для анализа данных. Эти технологии позволяют обрабатывать большие объемы информации, что значительно ускоряет процесс журналистского расследования и подготовки материалов.

Журналистика данных активно использует визуализацию. Графики, диаграммы, инфографика все это помогает сделать данные более доступными и понятными для широкой аудитории. Визуализация помогает не только лучше представить информацию, но и сделать ее более убедительной. Например, графики могут наглядно показывать изменения в экономике, обществе или в других областях.

Также важной частью журналистики данных является работа с текстами. В отличие от визуализаций, текстовый контент требует особого внимания к формулировкам и контексту. Описание данных и их объяснение должно быть простым и понятным для читателя. Иногда данные могут быть сложными для восприятия, и задача журналиста представить их в таком виде, чтобы читатель мог понять их суть.

Важно отметить, что журналистика данных не ограничивается только цифрами и статистикой. Она также включает в себя анализ контекста, в котором эти данные были получены, и понимание их влияния на общество. Например, статистика о бедности или уровне образования может быть полезной, но ее необходимо интерпретировать в контексте конкретной страны или региона, учитывая экономические, социальные и политические особенности.

В последнее время журналистика данных становится все более популярной и востребованной. Сегодня многие новостные издания и агентства активно используют

данные в своих материалах.

Журналистика данных имеет большое значение для общества. Она помогает людям лучше понять сложные социальные, экономические и политические процессы. Применяя аналитические методы, журналисты могут выявить скрытые тенденции и проблемы, о которых часто не говорят в традиционных новостях. Данный аспект делает журналистику данных мощным инструментом для общественного контроля и повышения прозрачности.

Таким образом, сущность журналистики данных заключается в том, чтобы с помощью данных создавать точные, объективные и доступные для понимания материалы. Это требует от журналиста умения работать с большими объемами информации, критически оценивать источники и использовать современные технологии для обработки данных. Журналистика данных активно развивается и становится важным инструментом для улучшения качества информации в современном медиапространстве.

Понятие и сущность журналистики данных

Журналистика данных, являя собой использование данных для создания журналистских материалов. В отличие от традиционной журналистики, где акцент делается на текст, журналистика данных использует числовую информацию, факты и аналитические данные. Цель является представление информации в понятной и доступной форме. Журналисты данных работают с большими объемами информации, анализируют ее и делают выводы, которые могут изменить восприятие события.

Сущность журналистики данных заключается в том, чтобы превратить сложные данные в простые истории. Что требует глубокого анализа и критического подхода к выбору источников. Журналисты кроме сбора данных, должны проверять их достоверность, чтобы не распространить ложную информацию. Современные технологии помогают обрабатывать большие объемы данных и находить в них скрытые связи.

Журналистика данных требует новых навыков и подходов. Она представляет собой не просто сбор цифр, а их анализ, интерпретация и правильное представление. Журналисты должны уметь работать с визуализацией, создавать графики и инфографику, чтобы помочь аудитории лучше понять сложные темы.

История и эволюция журналистики данных

Журналистика данных зародилась в конце XX века, когда появились первые компьютерные технологии для обработки информации. Сначала это были простые графики и диаграммы, которые помогали журналистам представить данные в наглядной форме. Однако с развитием интернета и увеличением объема доступных данных журналистика данных начала развиваться быстрее.

В начале 2000-х годов появились первые инициативы по использованию открытых данных, что стало новым этапом в журналистике данных. Правительства начали публиковать свои данные в открытом доступе, что позволило журналистам использовать их для создания новых материалов. Одним из таких примеров является использование государственных бюджетов и статистики для исследований.

С развитием социальных медиа и появлением платформ для обмена данными, таких как Twitter и Facebook, журналисты начали использовать данные с этих источников для создания более актуальных материалов. В это время стала популярной концепция «первоначального анализа», когда журналисты быстро анализировали и представляли данные, полученные в реальном времени.

С 2010-х годов журналистика данных стала важной частью основной медиапрактики. Ведущие мировые издания начали активно использовать данные в своих материалах, создавая целые разделы, посвященные аналитике. Появились новые инструменты для работы с данными, такие как программы для визуализации и работы с большими данными (Big Data), что значительно упростило процесс их анализа.

Сейчас журналистика данных продолжает развиваться, становясь все более важной в борьбе за объективность и правдивость информации. Новые технологии, такие как искусственный интеллект и машинное обучение, открывают новые возможности для анализа и предсказания на основе данных.

Роль и значение источников данных в современной журналистике

Источники данных играют особую роль в журналистике данных. Именно от их качества и достоверности зависит, насколько точно будет представлен материал. В современном мире существует множество типов источников, и каждый из них требует особого подхода.

Открытые данные, предоставляемые государственными органами и международными организациями, являются важным источником информации. Эти данные часто используются для создания материалов о политике, экономике и социальных вопросах. Открытые данные помогают журналистам освещать важные проблемы и выявлять скрытые тенденции. Однако важно помнить, что такие данные могут быть неполными или устаревшими, что требует дополнительной проверки.

Социальные медиа становятся все более важными источниками данных. Социальные и другие платформы предоставляют журналистам данные о мнениях и настроениях людей, а также о текущих событиях. Эти данные могут использоваться для создания материалов о событиях в реальном времени. Однако социальные медиа часто являются источниками непроверенной информации, что делает их менее надежными.

Коммерческие и частные данные, такие как маркетинговые исследования и базы данных, также используются в журналистике данных. Эти данные помогают анализировать потребительские предпочтения, тенденции на рынке и другие важные аспекты. Однако для использования таких данных необходимо учитывать их происхождение и возможные ограничения в доступе.

Специализированные платформы и научные публикации предоставляют ценные данные для исследований в разных областях. Например, в области медицины, экологии или экономики. Эти данные часто являются высококачественными и проверенными, но требуют глубокого анализа и понимания контекста.

Журналисты должны уметь работать с каждым из этих источников, понимать их особенности и недостатки. Важно учитывать, что каждый источник данных имеет свои ограничения и требует тщательной проверки на достоверность. Использование нескольких источников помогает создать более полную картину событий и повысить качество материалов.

Роль источников данных в современной журналистике особенно велика в условиях информационного шума. Важно уметь отделять факты от слухов, проверять информацию и опираться на надежные источники.

Классификация источников данных в журналистике данных

Открытые данные представляют собой информацию, доступную для всех, без

ограничений. Кроме того, имеется возможность их свободного использования, распространения и обработки. Открытые данные могут быть предоставлены как государственными учреждениями, так и частными организациями (Белорусская ассоциация журналистов. Обзор профессиональных и этических стандартов. Источники информации журналиста: СМИ — человек — общество [Электронный ресурс]. URL: <https://baj.media/ru/nakirunki-i-kampanii/obzor-professionalnyh-i-eticheskikh-standartov-istochniki-informacii-zhurnalista-smi>). Эти данные часто включают в себя статистику, экономические показатели, экологическую информацию и многое другое.

Основное преимущество открытых данных, их доступность. Они помогают журналистам исследовать различные темы и создавать объективные материалы. Например, данные о здравоохранении, образовании или бюджетах позволяют анализировать эффективность государственных программ и выявлять проблемы в социальной сфере CyberLeninka. Журналистика данных [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-dannyh>).

Однако открытые данные также имеют свои ограничения. Они могут быть неполными, устаревшими или недостаточно подробными для детального анализа. Журналисты должны уметь правильно обрабатывать такие данные, проверять их на достоверность и искать дополнительные источники для более точной картины.

Сегодня многие правительства и международные организации открывают свои данные в интернет-формате. Что позволяет использовать информацию для различных целей, включая журналистские расследования, научные исследования и социальные проекты^[2]. Открытые данные могут стать основой для разработки решений, направленных на улучшение качества жизни в обществе.

Государственные и муниципальные источники

Государственные и муниципальные источники данных играют важную роль в журналистике. Эти данные предоставляют информацию о деятельности органов власти, расходах бюджета, социальных программах и других аспектах государственной политики. Журналистика данных [Электронный ресурс]. URL: <https://datajournalismhandbook.org>). Такие данные могут быть получены с официальных сайтов государственных учреждений, а также из отчетов и статистических бюллетеней.

Примером использования государственных данных является анализ расходов на здравоохранение, образование, социальное обеспечение или экологию. Журналисты могут использовать эти данные для выявления неэффективных трат, коррупции или недостаточной прозрачности в управлении государственными ресурсами^[3].

Одним из главных аспектов работы с государственными данными является их достоверность. Важно проверять, насколько актуальны эти данные и соответствуют ли они действительности. Также следует учитывать, что иногда государственные данные могут быть представлены в сложном или труднодоступном виде, что затрудняет их использование для широкого круга журналистов^[4].

Муниципальные источники данных также имеют большое значение. Местные власти часто публикуют информацию о городских проектах, инфраструктуре, социальных услугах и бюджете. Эти данные могут быть полезны для исследования состояния городской экономики, качества предоставляемых услуг и анализа проблем на местном уровне.

Важным аспектом работы с государственными и муниципальными данными является

доступность и открытость информации. В некоторых странах и регионах доступ к таким данным может быть ограничен, что препятствует проведению независимых исследований и мониторинга.

Коммерческие и частные базы данных

Коммерческие и частные базы данных являют собой информацию, которую предоставляют частные компании, исследовательские агентства и другие частные организации. Эти данные могут включать в себя информацию о потребительских предпочтениях, поведении покупателей, экономических тенденциях, а также данные о рынках, компаниях и продуктах^[5].

Одним из примеров коммерческих данных, являются маркетинговые исследования. Они помогают анализировать поведение потребителей, выявлять тренды на рынке и прогнозировать спрос на товары и услуги. Журналисты могут использовать такие данные для создания материалов о потребительских тенденциях, анализе рыночных изменений и финансовой ситуации в разных отраслях.

Коммерческие данные обычно имеют высокое качество и подробности, так как их собирают с целью получения прибыли. Однако доступ к таким данным может быть ограничен или дорогим. Компании часто продают данные или предоставляют их по подписке, что может затруднить их использование для журналистов, работающих с ограниченным бюджетом. Yablochki-moi.ru. Интернет-ресурсы СМИ: основные источники информации для профессионалов [Электронный ресурс]. URL: <https://yablochki-moi.ru/blog/internet-resursy-smi-i-professionalny-nadezhnye-aktualnye-i-dostovernye-istocniki-informacii/>.

Частные базы данных могут содержать информацию о частных лицах, например, данные о владельцах компаний, правонарушениях или кредитных историях. Эти данные могут быть полезны для расследований, например, в области коррупции или финансовых нарушений. Однако работа с такими данными требует строгого соблюдения законов о защите персональных данных и конфиденциальности.

Существуют также специализированные коммерческие базы данных, которые содержат информацию, необходимую для более глубокого анализа в определенных областях. Например, базы данных, содержащие информацию о научных исследованиях, публикациях, патентах или юридических делах, используются для создания материалов в области науки, технологий и права. The Data Journalism Lab [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datajournalismmlab.com>.

Важно отметить, что коммерческие и частные данные требуют тщательной проверки и критической оценки. Журналисты должны понимать, откуда поступают эти данные, кто их предоставляет и для каких целей они могут быть использованы. Важно учитывать, что такие данные могут быть искажены в интересах компании или продавца, что может повлиять на объективность материалов.

Социальные медиа и пользовательский контент

Социальные медиа стали важным источником данных для журналистики. Платформы как Twitter, Facebook, Instagram и TikTok предоставляют большое количество информации о событиях в реальном времени. Журналисты используют данные из социальных сетей для анализа общественного мнения, выявления трендов и получения информации о текущих событиях.

Социальные медиа позволяют собрать мнения и реакции людей на различные события. Они могут стать основой для репортажей о социальных движениях, политических протестах или важных культурных событиях. Например, хештеги и популярные посты помогают определить, какие темы обсуждаются и что волнует общество в данный момент.

Однако данные из социальных медиа могут быть ненадежными. Информация часто поддается манипуляциям, фейковые новости и слухи могут быстро распространяться. Поэтому журналисты должны тщательно проверять источники и данные. Важно учитывать контекст сообщений и быть критическими к информации, полученной через такие платформы.

Пользовательский контент представляет собой еще один важный источник данных. Видео, фотографии и текстовые посты, размещенные пользователями, могут стать частью журналистских материалов. Этот контент может дать уникальный взгляд на события, особенно в условиях, когда традиционные СМИ не могут охватить всю картину.

Тем не менее, работая с пользовательским контентом, журналисты сталкиваются с проблемами аутентичности. Фотографии или видео могут быть изменены или вырваны из контекста. Вследствие чего важно проверять, кто и где создал контент, и подтверждать факты перед их публикацией. Использование инструментов для анализа метаданных и геолокации помогает улучшить проверку таких материалов. *the Guardian Data Blog* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/data>

Социальные медиа и пользовательский контент играют важную роль в современной журналистике. Они предоставляют уникальную возможность наблюдать за событиями в реальном времени, однако для обеспечения достоверности и объективности информации требуется особое внимание к проверке источников.

Специализированные платформы и научные публикации

Специализированные платформы и научные публикации представляют собой важный источник для журналистов, особенно при подготовке материалов в области науки, медицины, экономики и технологий. Эти источники предоставляют точную, проверенную информацию, которую можно использовать для создания глубоких аналитических материалов^[6].

Научные публикации, статьи и исследования помогают журналистам понимать сложные концепции и тенденции. Журналисты могут использовать эти данные для того, чтобы объяснить сложные явления простым языком. Например, статистика из медицинских исследований или результаты экспериментов могут использоваться для освещения новостей в области здравоохранения. *DataJournalism.com* [Электронный ресурс]. URL: <https://datajournalism.com>).

Специализированные платформы, такие как PubMed, Google Scholar, JSTOR и другие, содержат миллионы научных статей и исследований. Эти платформы помогают журналистам находить актуальные исследования по определенным вопросам и использовать их в своей работе. Важно, чтобы журналисты правильно интерпретировали научные данные и не искажали выводы, представленные в исследованиях. *CyberLeninka. Журналистика данных в системе профессиональных компетенций журналиста* [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-dannyh-v-sisteme-professionalnyh-kompetentsiy-zhurnalista>).

Некоторые специализированные платформы предоставляют не только академические

работы, но и базы данных по бизнесу, экономике и социальным вопросам. Журналисты могут использовать эти ресурсы для анализа трендов, поиска фактов и статистики, которые поддерживают их исследования. Например, данные о фондовых рынках, анализ потребительских предпочтений или демографические исследования могут быть использованы для создания материалов, основанных на фактах и доказательствах.

Существует также множество специализированных платформ для поиска информации в других областях, таких как право, технологии или экология. Платформы и базы данных, содержащие юридические документы, могут быть полезны для журналистов, занимающихся расследованиями в области прав человека или корпоративной ответственности.

Однако работа с научными публикациями и специализированными платформами требует определенных знаний и навыков. Журналисты должны понимать контекст исследований и не допускать ошибок при интерпретации данных. Данный аспект также включает в себя знание научных терминов и методов, что позволяет им точно передавать информацию.

Важным аспектом является доступность данных на специализированных платформах. В некоторых случаях данные могут быть закрытыми или требовать подписки. Это может ограничить доступ журналистов к важной информации. Однако в последние годы все больше научных журналов и платформ предоставляют открытый доступ к своим публикациям, что значительно облегчает работу с научными данными.

Методы сбора и обработки данных в журналистике

Традиционные методы сбора данных

Традиционные методы сбора данных в журналистике включают интервью, опросы, исследования и анализ первичных документов. Эти методы остаются важными даже в эпоху цифровых технологий. Они помогают журналистам собирать достоверную информацию, подтверждать факты и получать уникальные материалы для своих расследований.

Одним из самых распространенных традиционных методов является проведение интервью. Журналисты общаются с экспертами, свидетелями событий, официальными лицами и обычными людьми. Интервью может быть как личным, так и дистанционным (по телефону или через интернет). Такой метод позволяет получить информацию, основанную на личных переживаниях и мнениях, а также задать уточняющие вопросы.

Опросы это еще один традиционный способ сбора данных. Журналисты могут проводить массовые опросы, чтобы узнать мнение общественности по важным вопросам. Опросы помогают собрать статистику и выявить общие тенденции. Важно правильно формулировать вопросы, чтобы избежать искажений в результатах.

Анализ документов и архивов также является важным методом. Журналисты часто работают с отчетами, финансовыми документами, юридическими актами и историческими источниками. Это позволяет собрать факты, которые могут быть использованы для создания точных и объективных материалов. Например, исследуя бюджетные отчеты, журналист может выявить нецелевое использование государственных средств.

Традиционные методы сбора данных также включают наблюдение и полевые исследования. Журналисты могут посещать места событий, чтобы собрать информацию "на месте". Например, при освещении экологических катастроф или социальных протестов журналисты часто становятся непосредственными свидетелями

происходящего.

Кроме того, важным традиционным методом является общение с коллегами, экспертами и другими журналистами. Сетевой обмен информацией помогает раскрыть темы, найти недостающие факты и укрепить независимость расследования.

Использование цифровых инструментов и технологий (API, веб-скрейпинг)

Современные цифровые технологии значительно упростили сбор данных в журналистике. Одним из таких инструментов является API (Application Programming Interface). API позволяет журналистам получать данные с различных онлайн-платформ и баз данных. Это интерфейсы, которые позволяют одной программе взаимодействовать с другой. Например, с помощью API можно получать информацию с сайтов, социальных медиа, онлайн-ресурсов, статистических агентств или других платформ. API используется для автоматического извлечения данных, что ускоряет процесс сбора информации. FactCheck.org [Электронный ресурс]. URL: <https://www.factcheck.org>).

Примером использования API в журналистике может являться получение данных с таких платформ, как Twitter, Facebook или Instagram, для анализа общественного мнения. Журналисты могут автоматизировать сбор сообщений, хештегов или постов, связанных с важными событиями. Что позволяет быстро реагировать на происходящее и собирать информацию в реальном времени.

Еще один мощный инструмент, веб-скрейпинг. Данный метод являет собой автоматическое извлечение данных с веб-страниц с помощью специального программного обеспечения. Веб-скрейпинг позволяет журналистам собирать данные с различных сайтов, где они могут быть представлены в неудобном для анализа виде. Например, с помощью веб-скрейпинга можно собрать данные с новостных сайтов, онлайн-магазинов, государственных платформ и других источников.

Веб-скрейпинг позволяет извлечь текстовую информацию, изображения, таблицы и даже видео. Например, с помощью скрейпинга можно собрать данные о ценах на товары, объеме продаж или даже нарушениях законодательства. Такой метод используется для сбора информации о финансовых рынках, а также для мониторинга упоминаний в СМИ и социальных медиа.

Еще одной важной цифровой технологией является использование больших данных (Big Data). Журналисты могут работать с большими объемами информации, чтобы выявить закономерности и тренды. Это может включать анализ публичных баз данных, таких как статистика о преступности, уровне образования или состоянии окружающей среды. С помощью алгоритмов обработки больших данных можно проводить комплексный анализ и строить прогнозы.^[7]

Для эффективной работы с большими данными журналисты используют различные аналитические инструменты, такие как Excel, Python, R и другие. Эти программы позволяют обрабатывать и анализировать данные на разных уровнях сложности. Например, можно создать сложные графики и диаграммы для визуализации данных, что делает их более понятными для аудитории.

Современные технологии позволяют журналистам работать с огромными объемами информации и извлекать данные из разных источников, ускоряет процесс расследований и позволяет находить скрытые связи между событиями. Однако работа с такими инструментами требует высокой квалификации и знаний в области данных. Журналисты

должны уметь правильно настроить и использовать цифровые инструменты, чтобы получить качественную информацию.^[8]

Проверка достоверности и верификация источников

Проверка достоверности данных -важный этап в журналистике. Журналисты должны быть уверены, что информация точная и надежная. Ошибки в данных могут привести к распространению ложной информации и потере доверия аудитории.

Первый шаг, проверка источника. Важно узнать, кто предоставил данные. Надежные источники представляют собой официальные сайты, государственные отчеты, научные публикации и авторитетные организации. Если источник неизвестен, информацию нужно проверять особенно тщательно.

Второй шаг, сравнение данных с другими источниками. Если одна и та же информация подтверждается несколькими независимыми источниками, она, скорее всего, достоверна. Сравнение помогает выявить расхождения и уточнить детали.

Третий шаг, анализ контекста. Данные могут быть вырваны из контекста или поданы с искажением. Журналисту важно понимать, как и в каких условиях была собрана информация.

Четвертый шаг, использование инструментов для проверки фактов. Существуют специальные сервисы для верификации данных, например, FactCheck.org, Snopes или Google Fact Check. Они помогают проверить факты и выявить фейковую информацию.

Также важна проверка мультимедийных данных. Фотографии и видео могут быть подделаны или вырваны из контекста. Для проверки изображений журналисты используют инструменты обратного поиска, такие как Google Images и TinEye. Эти сервисы помогают найти оригинал изображения и узнать, где и когда оно было опубликовано. Белорусская ассоциация журналистов. URL: <https://baj.media/ru>.

Проверка метаданных также помогает верифицировать источники. Метаданные содержат информацию о времени, месте создания файла и других деталях. Анализ метаданных помогает подтвердить подлинность фото или видео.

Журналисты также используют геолокацию для проверки информации. С помощью карт и спутниковых снимков можно подтвердить место съемки или события. Это особенно важно при освещении конфликтов или стихийных бедствий.

Проверка социальных медиа требует особого внимания. Аккаунты могут быть фейковыми, а информация ложной. Нужно проверять дату создания профиля, активность пользователя и контент.^[9]

Этические аспекты работы с данными

Работа с данными требует соблюдения этических норм. Журналисты должны уважать права людей и общества, обеспечивать честность и прозрачность в использовании информации.

Первый принцип, честность. Данные нельзя искажать или представлять в ложном контексте. Журналист обязан точно передавать информацию, даже если она не совпадает с его личным мнением. Любое изменение данных должно быть объяснено и обосновано.

Второй принцип, защита личных данных. Журналисты не должны раскрывать личную информацию без согласия человека. Особенно это касается данных о здоровье, финансовом положении или личной жизни. Необходимо соблюдать законы о защите персональных данных.

Третий принцип, прозрачность источников. Журналист должен объяснить, откуда получены данные. Если источник анонимен, это должно быть обосновано. Открытость помогает аудитории понять, насколько надежна информация.

Четвертый принцип, ответственность за последствия. Публикация данных может повлиять на жизни людей. Журналисты должны учитывать возможные риски. Например, раскрытие конфиденциальной информации может навредить людям или компаниям.

Также важно избегать конфликта интересов. Журналисты не должны использовать данные в личных целях или в интересах третьих лиц. Информация должна служить только для объективного освещения событий.

Этика касается и методов сбора данных. Нельзя использовать незаконные способы получения информации, например, взлом или скрытую запись. Все методы должны быть законными и этичными.

Работа с пользовательским контентом требует особой осторожности. Журналисты должны проверять разрешение на использование фото или видео. Без согласия автора нельзя публиковать личные материалы.^[10]

Особое внимание следует уделить работе с уязвимыми группами. Их безопасность и благополучие должны быть в приоритете. Журналист не должен ставить под угрозу их жизнь или здоровье.

Этика работы с данными также включает в себя уважение к интеллектуальной собственности. Журналисты должны указывать авторов данных и ссылаться на источники. Плагиат и присвоение чужих материалов недопустимы.

Анализ практик использования разнообразных источников данных

Обзор успешных кейсов в отечественной и зарубежной журналистике

Журналистика данных активно развивается во всем мире. Успешные кейсы показывают, как разнообразные источники данных помогают раскрывать важные темы. Примеры успешных проектов демонстрируют эффективность использования данных в журналистике.

В зарубежной практике можно выделить проект *The Panama Papers*. Журналисты из Международного консорциума расследовательской журналистики (ICIJ) использовали утечку документов для расследования офшорных схем. Они проанализировали миллионы документов, чтобы выявить коррупцию на высоком уровне. Этот кейс показал, как работа с большими данными помогает разоблачать сложные схемы.

Другой пример - проект *The Guardian* о климатических изменениях. Издание использовало данные о выбросах углекислого газа, анализировало отчеты международных организаций и представляло информацию в виде интерактивных карт.

В России также есть успешные примеры. Проект «Проект» проводил расследование о расходах государственных чиновников, используя данные о государственных закупках. Журналисты анализировали открытые базы данных и выявляли нецелевое

использование бюджетных средств. Данный факт привлёк внимание общественности к проблеме коррупции.

Издание *Медуза* использовало данные о заболеваемости COVID-19 для анализа эффективности мер борьбы с пандемией. Журналисты обрабатывали статистику, собирали данные из официальных источников и наглядно представляли информацию.

Эти кейсы показывают, что грамотное использование данных помогает выявлять важные проблемы и привлекать внимание к социально значимым темам.

Проблемы и вызовы при работе с различными типами данных

Работа с данными в журналистике связана с рядом проблем. Одна из главных сложностей, доступ к информации. В некоторых странах доступ к государственным данным ограничен. Что затрудняет проведение расследований и сбор объективной информации.

Качество данных также представляет проблему. Информация может быть неполной, устаревшей или искаженной. Журналисты должны тратить много времени на проверку фактов и уточнение деталей.

Технические сложности также мешают работе. Не все журналисты владеют инструментами для обработки больших данных. Недостаток навыков в программировании и анализе данных ограничивает возможности в создании аналитических материалов.

Также важной проблемой является защита персональных данных. Журналисты должны учитывать законодательные ограничения при работе с личной информацией. Неправильное использование данных может привести к юридическим последствиям.

Проблемой является и недостаточная прозрачность коммерческих и частных источников. Некоторые компании предоставляют данные, которые могут быть искажены в их интересах.

Еще одним вызовом является борьба с фейковыми новостями и манипуляцией данными. В условиях информационного шума важно уметь отделять правдивую информацию от ложной.

Все эти проблемы требуют комплексного подхода и постоянного развития навыков работы с данными.

Влияние качества источников на достоверность публикаций

Качество источников напрямую влияет на достоверность журналистских материалов. Надежные источники помогают создавать точные и объективные публикации. Некачественные источники могут привести к распространению ложной информации.

Журналисты должны анализировать, кто предоставляет данные. Официальные и авторитетные источники заслуживают большего доверия. Анонимные или сомнительные источники требуют тщательной проверки.

Старые или устаревшие данные могут исказить картину. Журналист должен использовать только актуальную информацию.

Неполная информация может привести к ошибочным выводам. Журналисты должны искать дополнительные источники, чтобы дополнить и уточнить информацию.

Если источник скрывает, как были собраны данные, это снижает доверие. Прозрачность методов сбора данных повышает их достоверность.

Зависимость источника от политических или коммерческих интересов может влиять на объективность данных. Журналист должен учитывать возможные предвзятости и фильтровать информацию.

Ошибки в выборе источников могут нанести ущерб репутации издания и вызвать недоверие у аудитории. Поэтому журналисты должны критически подходить к оценке источников, тщательно проверять информацию и использовать надежные данные.

Таким образом, качество источников является основой для создания достоверных и объективных материалов. Грамотный выбор источников и проверка данных помогают журналистам формировать доверие аудитории и поддерживать высокий стандарт профессиональной работы.

Заключение

В результате исследования было установлено, что разнообразие источников данных имеет важное влияние в современной журналистике. Журналисты используют различные типы данных: открытые государственные базы, коммерческие источники, социальные медиа и пользовательский контент. Каждый из этих источников требует индивидуального подхода к сбору, проверке и анализу информации. В результате чего получаются более точные, объективные и качественные журналистские материалы.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что правильное использование разных источников данных повышает доверие аудитории и улучшает качество журналистских публикаций. Классификация источников и анализ методов их сбора и обработки помогают журналистам лучше ориентироваться в большом потоке информации и выбирать наиболее надежные данные для своих материалов.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации знаний о типах источников данных в журналистике. Исследование подчеркивает важность критического подхода к работе с данными и необходимость соблюдения этических норм.

Практическая значимость работы состоит в разработке рекомендаций для журналистов по эффективному использованию разнообразных источников данных. Это помогает избежать ошибок в обработке информации, улучшить процессы верификации и повысить качество создаваемых материалов. Журналисты смогут лучше анализировать данные и представлять информацию в доступной и понятной форме.

На основании проведенного исследования можно рекомендовать журналистам:

- Использовать несколько источников данных для проверки информации;
- Применять современные цифровые инструменты для сбора и анализа данных;
- Уделять особое внимание проверке достоверности и этичности использования данных;
- Постоянно повышать квалификацию в области работы с данными и цифровыми технологиями.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение новых цифровых инструментов для сбора и обработки данных. Также важно исследовать методы защиты персональных данных и предотвращения манипуляций информацией. Перспективным

направлением является анализ влияния искусственного интеллекта и машинного обучения на обработку и использование данных в журналистике.

Библиография

1. Поляков А.К., Нигматуллина К.Р. К проблеме институализации социальных медиа // Коммуникология. 2024. Т. 2, № 1. С. 28-37. DOI: 10.21453/2311-3065-2024-12-1-28-37. EDN: GNNUFI.
2. Неренц Д.В. Дата-расследования - особый вид журналистского расследования в современных СМИ // Социальные коммуникации. 2020. С. 63-75.
3. Шилина А.Г. Журналистика данных в российской прессе: особенности источников информации // Меди@льманах. 2019. № 5 (94). С. 68-78. DOI: 10.30547/medialmanah.5.2019.6878. EDN: CECEJZ.
4. Гитлина Я.И. СМИ современной России и реализация диалога власти и общества // Реклама и журналистика: на стыке времен, наук и цивилизаций. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Сборник статей. В 2-х частях. Москва, 2022. С. 63-73.
5. Федулова Н.Н. База данных "Система аналитик для анализа и оценки коммерческой деятельности частной клиники". Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024620774, 16.02.2024.
6. Анисимов И.В. Общественное финансирование деятельности фотожурналиста в цифровую эпоху: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. 2023. EDN: QWHRKD.
7. Минаев В.А., Бондарь К.М., Коломина А.С. Технологии поиска дискредитирующей информации в социальных медиа // Информация и безопасность. 2024. Т. 27, № 4. С. 591-598. DOI: 10.36622/1682-7813.2024.27.4.011. EDN: EIMLQU.
8. Быков И.А. Технологии искусственного интеллекта в массовой коммуникации: проблема доверия к информации // В сборнике: Журналистика в цифровую эпоху: технологии и методология творчества. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию факультета журналистики Белорусского государственного университета. Минск, 2024. С. 77-80. EDN: JRDXP.
9. Ерицян К.Ю., Шарин Н.А. Влияние характеристик источника и дистрибьютера на воспринимаемую достоверность публикаций в социальных сетях // В книге: Интернет и современное общество. Труды XXVI международной объединенной научной конференции: сборник тезисов докладов. Санкт-Петербург, 2024. С. 31-33. EDN: BPAVJE.
10. Дэн Ч. Этические принципы деятельности медицинского журналиста // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 52. С. 15-30. EDN: IVRHVR.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлено исследование разнообразия источников данных в журналистике данных. Отмечается, что «журналистика данных, относительно новое направление в медиапространстве, которое объединяет журналистику и анализ больших объемов данных... Она основана на аналитике, визуализации и интерпретации числовой и текстовой информации, что помогает журналистам глубже понять происходящие события и представить их аудитории». Актуальность работы очевидна и обусловлена новизной изучаемого явления журналистики данных и, следовательно, отсутствием исследований разнообразия источников данных в журналистике данных.

Теоретической основой работы выступили труды как отечественных, так и зарубежных исследователей, посвященные журналистике данных в российской прессе, проблеме институализации социальных медиа, технологиям искусственного интеллекта в массовой коммуникации и др. Библиография состоит из 10 источников, в целом представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (около 80% источников за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами (проанализировать используемые источники; классифицировать их по типам; рассмотреть методы сбора и обработки данных; выявить проблемы в использовании источников) и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения; описательный метод; дискурсивный и сравнительно-сопоставительный методы; анализ литературы и контент-анализ и др.

В ходе исследования изучены понятие и сущность журналистики данных, их роль и значение в современной журналистике, классификация источников данных в журналистике данных, методы сбора и обработки данных в журналистике, а именно: традиционные методы сбора данных, цифровые инструменты и технологии, проверка достоверности и верификация источников, этические аспекты работы с данными. Проведен анализ практик использования разнообразных источников данных в отечественной и зарубежной журналистике. Подробно рассмотрены проблемы и вызовы при работе с различными типами данных и пр. Полученные результаты позволили автору(ам) сделать обоснованный вывод о том, что правильное использование разных источников данных повышает доверие аудитории и улучшает качество журналистских публикаций; классификация источников и анализ методов их сбора и обработки помогают журналистам лучше ориентироваться в большом потоке информации и выбирать наиболее надежные данные для своих материалов и т. д.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы неоспоримы и заключаются в систематизации знаний о типах источников данных в журналистике, а также в разработке рекомендаций для журналистов по эффективному использованию разнообразных источников данных, что помогает избежать ошибок в обработке информации, улучшить процессы верификации и повысить качество создаваемых материалов.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Рукопись имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван П. Локации мифологического пространства в сказах П. П. Бажова // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74762 EDN: YPNZKJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74762

Локации мифологического пространства в сказах П. П. Бажова

Ван Пэнфэй

ORCID: 0009-0007-7883-4426

аспирант; кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ; Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина

620075, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, оф. 312

✉ 523876190@qq.com

[Статья из рубрики "Мифы и мифологемы"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74762

EDN:

YPNZKJ

Дата направления статьи в редакцию:

04-06-2025

Дата публикации:

11-06-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье являются локации мифологического пространства в сказах П. П. Бажова и языковые способы их экспликации в тексте. Объектом исследования выступает категория мифологического пространства в сказах П. П. Бажова. Автором на теоретическом уровне рассматриваются понятия мифологического пространства и локации в современной гуманитарной науке. В статье систематизируются основные мифологические локации в сказах П. П. Бажова, связанные с такими мифологическими персонажами, как Медной горы Хозяйка, бабка Синюшка, Девка-Азовка и другие. Особое внимание уделяется языковым средствам экспликации сказов П. П. Бажова. На основе выявленных средств отмечаются основные особенности мифологического пространства в бажовских сказах – большие размеры, драгоценные камни как основной материал, холод или наоборот тепло. Основу методологии исследования составляет метод категориально-текстового анализа

уральской школы лингвокультурологии (Т. В. Матвеева, Т. В. Ицкович и другие), при помощи которого были выявлены основные языковые средства экспликации локаций мифологического пространства в бажовских сказах. Новизна исследования заключается в выявлении и систематизации отраженных в сказах П. П. Бажова локаций мифологического пространства, а также в систематизации основных языковых средств экспликации этих локаций. Мифологическое пространство сказов П. П. Бажова ранее редко становилось объектом лингвистических исследований, поэтому статья направлена на раскрытие нового аспекта бажовского творчества. Мифологическое пространство или фантастический мир сказов П. П. Бажова косвенно затрагивается в современных исследованиях по литературоведению и лингвистике, отражен в работах Л. И. Степановой, А. И. Щукиной, Е. В. Харитоновой. Мифологическое пространство в сказах П. П. Бажова обычно изучается в контексте мифологических персонажей сказов, через уральскую мифологию, что характерно для трудов Е. Л. Березович, Е. Э. Ивановой и других исследователей.

Ключевые слова:

Павел Петрович Бажов, сказ, фольклор, Урал, Малахитовая шкатулка, пространство, мифологическое пространство, мифологические персонажи, Медной горы Хозяйка, уральская мифология

1. Вступление

Сказы П. П. Бажова являются объектом филологических исследований. Пространство в бажовских сказах делится на объективное и мифологическое. Под мифологическим пространством в бажовских сказах мы понимаем потустороннее пространство, созданное на основе уральских мифов и легенд и определяемое подземным миром Уральских гор [\[14, с. 220-221\]](#), [\[13, с. 293\]](#), [\[9, с. 40\]](#).

Сказы П. П. Бажова строятся на такой традиционной для фольклора дихотомии как «земля — подземное царство» [\[5, с. 212\]](#), где подземное царство представляет собой мифологическое пространство, в котором обитают мифологические персонажи.

В. Н. Топоров характеризовал пространство в произведении через такой концепт как локус, обозначающий ограниченное пространство, например, в мифологическом пространстве – это может быть вершина мирового дерева как жилище богов [\[11, с. 258\]](#). Пространство в художественной литературе любых жанров изучается при помощи субкатегории локации (от лат. – locatio) [\[17\]](#); [\[20\]](#). Т. В. Матвеева характеризует концепт локации как «комплекс прагматических категорий текста: субъект – пространство – время» [\[8, с. 669\]](#).

К настоящему времени мифологические персонажи сказов П. П. Бажова, их характеристики, связь с уральским фольклором, места их проживания отражены в исследованиях Е. В. Харитоновой [\[12\]](#); Е. Л. Березович, Е. Л. Ивановой [\[2\]](#); [\[3\]](#), А. А. Ржавитиной [\[10\]](#), М. Н. Липовецкого [\[19\]](#); О. И. Лепилкиной [\[4\]](#) и других.

Драгоценным камням Уральских гор как неотъемлемой части мифологического пространства бажовских сказов посвящены исследования Л. И. Степановой, А. И. Щукиной [\[22\]](#), Ян Юйбин [\[15\]](#) и других.

Лингвистический аспект мифологических персонажей и мифологического пространства в сказах П. П. Бажова частично затрагивается в исследованиях Л. Г. Лапиной^[18], Л. И. Степановой, Д. А. Щукиной^{[16]; [21]} и других.

Локации мифологического пространства с лингвистической точки зрения еще не рассматривались в современной гуманитарной науке.

2. Материалы исследования

Материалом исследования послужили сказы П. П. Бажова, в которых нашла отражение категория мифологического пространства («Медной горы Хозяйка», «Две ящерицы», «Синюшкин колодец», «Про великого полоза» и другие).

3. Методы исследования

Целью настоящего исследования является выявление средств экспликации локаций мифологического пространства в сказах П. П. Бажова при помощи категориально-текстового метода исследования Т. В. Матвеевой^{[6]; [7]}.

Пространство – это одна из категорий текста^[6, с. 313-315], которая с точки зрения категориально-текстового метода характеризуется как субкатегория хронотопа в соответствии с неразрывностью связей между временем и пространством^[7, с. 908].

4. Результаты исследования

Локации мифологического пространства в сказах П. П. Бажова структурируются в соответствии с мифологическими героями произведения. Мифологические локации чаще всего представлены местами обитания мифологических персонажей.

Ключевым мифологическим персонажем сказов П. П. Бажова является Медной горы Хозяйка как дух локуса^[3, с. 52]. С Хозяйкой связаны следующие локации мифологического пространства:

1. Подземное жилище Медной горы Хозяйки, которое фигурирует в сказах «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка», «Две ящерицы» и другие.

Для экспликации подземного жилища Медной горы Хозяйки используются личные имена в связке с глаголами: *сидит Медной горы Хозяйка* («Каменный цветок») и т.д.

Экспликация подземного жилища Хозяйки горы в бажовских сказах осуществляется посредством существительных с пространственным значением (*комната, помещение, палата* и т.д.), которые используются в связке с прилагательными или без них: *палата перед ним, каких он и во сне не видал* («Две ящерицы»); *комнаты большие под землей стали; огромную комнату* («Медной горы Хозяйка»); *помещение... не то церква, не то что* («Малахитовая шкатулка») и т.д. П. П. Бажов подчеркивает, что локации мифологического пространства отличаются от привычных для горнозаводских рабочих мест при помощи лексем *не то что; он и во сне не видал* и т.д.

Подземное жилище Хозяйки горы описывается при помощи существительных, которые конкретизируют внешний вид помещений жилища (*потолки, стены* и т.д.). Такие существительные употребляются в связке с качественными и относительными прилагательными, которые подчеркивают его величественные размеры – *высоченный, огромный, большой* и т.д.: *потолки высокие; стены тоже в рост человека* («Малахитовая шкатулка»); *стены разные... то все зеленые, то желтые с золотыми*

крапинками («Медной горы Хозяйка») и т.д.

Для описания жилища П. П. Бажов обращается к конкретно-предметной лексике, обозначающей названия камней Уральских гор и прежде всего *малахита*, который имеет «исключительную магическую силу» [15, с. 86]. Хозяйка Медной горы также носит имя *малахитницы*, так как основным металлом, который ранее добывали в Медной горе, был малахит [1, с. 230].

Жилище Хозяйки отличается богатством драгоценных камней и металлов – *малахит, медь, алмаз* и т.д., из которых сделаны стены, пол и различные предметы в жилище: *на столбах из чистого малахиту; стены... малахитом выложены; по верхнему карнизу малахитовый узор прошел* («Малахитовая шкатулка»); *цветы медные; все из корольковой меди; стены малахитовые с алмазом* («Медной горы Хозяйка»); *на потолке скобочка медная* («Две ящерки») и т.д.

Для экспликации жилища Хозяйки горы П. П. Бажов также часто использует прилагательное *каменный* или существительные *камень/камешки*, которые подчеркивают, что палаты Малахитницы расположены в глубине уральских гор: *двери створные каменные; все каменное; стены-то все каменным узором изукрашены* («Две ящерки»); *камешки холодные* («Медной горы Хозяйка») и т.д.

Помимо этого, в сказах П. П. Бажова при описании подземного жилища Хозяйки горы часто используются прилагательные, обозначающие различные цвета, характерные для камней Уральских гор – *зеленый, желтый, синий* и другие: *все зеленые, то желтые с золотыми крапинками; синие тоже есть, лазоревые; потолок темно-красный под чернетью* («Медной горы Хозяйка») и т.д.

Еще одним способом экспликации подземного жилища Хозяйки горы в бажовских сказах является конкретно-предметная лексика, обозначающая названия бытовых предметов из ее многочисленных комнат и помещений или сами помещения. Конкретно-предметная лексика фигурирует в сказах путем перечисления, чтобы продемонстрировать все богатство и многообразие жилища Хозяйки: *постеля, столы, табуреточки* («Медной горы Хозяйка»); *полок там, колода, ковшик* («Две ящерки») и т.д.

Конкретно-предметная лексика также используется в связке с прилагательными или наречиями, а также предлогами пространственного значения и глаголами в бажовских сказах для описания отдельных помещений жилища Хозяйки горы: *вышел из баньки; веничек березовый; у большой двери ждут; а там — баня; лестница, в потолок идет; сидят обе на скамеечке высоконькой; из туесочка-то пил* («Две ящерки») и т.д. При описании отдельных предметов в жилище Хозяйки горы их огромные размеры подчеркиваются при помощи прилагательных *большой, высоконький* и других.

Особое внимание при описании жилища Медной горы Хозяйки П. П. Бажов уделяет богато обставленному столу, к которому Хозяйка приглашает своих гостей. Способом экспликации мифологического пространства также является конкретно-предметная лексика, обозначающая названия традиционных русских блюд и еды: *щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей* («Медной горы Хозяйка») и т.д. Описание богатого стола в бажовских сказах дается и не конкретизировано при помощи существительных в связке с прилагательными и глаголами: *всякой еды и питья на нем наставлено; еда обыкновенная, питье не разберешь; сильное питье* («Две ящерки») и т.д.

2. Подземный каменный лес, который фигурирует в сказе «Каменный цветок», «Медной горы Хозяйка», «Ключ земли» и «Горный мастер» и другие. В каменный лес обычные

герои попадают благодаря Медной горы Хозяйке как его владелице или другим мифологическим персонажам.

Экспликация пространства каменного леса осуществляется при помощи личных имен – Хозяйки Медной горы, которой лес принадлежит: *тут Хозяйка горы перед Катей и показалась; указала Хозяйка («Горный мастер»)* и т.д.

Помимо этого, П. П. Бажов употребляет существительные *змейки* и *ящери*, которые обозначают еще одну категорию мифологических персонажей, обитающих в каменном лесу. Существительные *змейки* и *ящери* употребляются в связке с прилагательными и/или глаголами: *змейки золотенькие трепыхаются («Каменный цветок»); ящери и разбежались; ящери набежали («Медной горы Хозяйка»); ящери бегают; ящери туда юркнула; ящери головенку высунула; обе ящери остановились; ящери враз попрятались («Две ящери»)* и т.д.

Для экспликации локации каменного леса или отдельных его частей, которые могут видеть горнозаводские рабочие, используются относительные и качественные прилагательные в связке с существительными, при помощи которых П. П. Бажов создает объемный и многоцветный образ фантастического леса. П. П. Бажов использует конкретно-предметную лексику (*дерево, трава, поляна, земля, сосна* и т.д.), чтобы дать более подробное описание каменного леса на основе описания обычного леса: *земля тут; понизу трава («Каменный цветок»); трава понизу; сосны высоченные («Горный мастер»); на горушке трава («Две ящери»)* т.д.

Экспликация локации каменного леса в бажовских осуществляется через конкретно-предметную лексику (*деревья, трава, поляна, птички* и другие) в связке с прилагательным *каменный* и другими качественными прилагательными: *деревья стоят высоченные... каменные; к большой полянке; понизу трава, тоже каменная; земля тут простая как глина («Каменный цветок»); ходит в каменном лесу; трава понизу тоже каменная оказалась; как камень шлифованный; цветы каменные («Горный мастер»); к каменным губам («Жабреев ходок»); камень большой, как стена ровный, выше сосен; на горушке трава негустая и камешки мелконькие — плитнячок черный («Две ящери»); остановилась у большой сосны («Огневушка-Поскакушка»); большое-большое поле; разлетелись каменные птички («Ключ земли»)* т.д.

Для описания мифологического леса П. П. Бажов часто обращается к прилагательным *высоченный, большой, выше* и другими, чтобы показать как сильно своими размерами мифологические локации отличаются от объективных природных. На размеры каменного леса П. П. Бажов также указывает при помощи существительных в связке с наречиями или глаголами: *не по человеческому росту, а много больше; конца-краю ему не видно («Ключ земли»)* и т.д.

Другой отличительной чертой каменного леса является его гладкость и холодность, подобная гладкости камней. Для экспликации мифологической локации каменного леса П. П. Бажов использует прилагательные *небывалый, гладкий, холодный, голым-голо* и другие, чтобы подчеркнуть отличие мифологических локаций от обычных: *лес кругом какой-то небывалый; оно холодное да гладкое («Горный мастер»); с одной стороны сосны есть, а с трех — голым-голо, как стены выложены («Золотой волос»)* и т.д.

Каменный лес, как и другие мифологические локации бажовских сказов, наполнен драгоценными камнями и металлами – *малахит, мрамор, змеевик-камень, сурьма; которые мраморные; которые из змеевика-камня; большие зеленые колокольцы*

малахитовы; в каждом сурьмяная звездочка («Каменный цветок») и т.д.

В других случаях описание каменного леса, наполненного драгоценными камнями, осуществляется при помощи существительного *камень* в связке с другими частями речи, чаще всего – с прилагательными: *камешки искорками во все стороны разлетелись; на верхушке камни-голыши («Ключ земли»); пень с одной стороны золотой стал, а с другой черным-чернехонек и тоже твердый, как камень; дорожка из камней, направо желтые, налево черные («Голубая змейка»); лазоревая, красная... разная («Каменный цветок»); из земли два камня высунулись («Жабреев ходок»); уперся в большой камень («Две ящерицы»)* и т.д.

Для описания каменного леса П. П. Бажов часто использует качественные прилагательные, обозначающие цвета драгоценных камней: *черный, золотой, лазоревый* и т.д. Вышеуказанные прилагательные употребляются в связке с различными существительными или самостоятельно: *по воде-то во все стороны золотые искры так и побежали («Золотой волос»); одни красным отливают, другие зелеными огоньками посверкивают, голубенькие тоже, желтенькие... всякие («Ключ земли»)* и т.д.

В пространстве каменного леса П. П. Бажов также описывает богатый стол, но украшенный уже не различными яствами, как в палатах Медной горы Хозяйки, а драгоценными камнями, что передается при помощи существительного *камень* в связке с другими лексемами: *на каменном-то столе ворох дорогих камней оказался. Разными огоньками горят; на каменный стол камни выбросило. Много их; на каменном столе новый ворошок камней («Ключ земли»)* и т.д.

С другой стороны, локация каменного леса в сказах П. П. Бажова характеризуется через образ увядающей осенней природы при помощи существительных в связке с глаголами, прилагательными и наречиями: *травы на этом поле кустиками и деревья реденько, все пожелтело, как осенью; черным-чернехонька, и не пошевелинется, как окаменела («Ключ земли»)* и т.д.

Кроме того, дополнительно для характеристики каменного леса П. П. Бажов прибегает к такому способу экспликации мифологического пространства как наречия (*светло, темно, холодно* и другие), при помощи которых создается более объемное описание локации через восприятие обычных героев сказов. Ощущения горнозаводских рабочих от мифологических локаций П. П. Бажов также передает при помощи существительных: *и темно еще тут; в лесу темненько было; светло стало («Горный мастер»); тихо да темно стало; холодно тут и чего-то боязно; и темненько тут; ступеньки видать и тепло («Ключ земли»); солнышка не видно, светло, как перед закатом («Каменный цветок»); на полянке светло стало; холодом потянуло («Про Великого Полоза»); ему все жарче да жарче; ему холодно стало («Две ящерицы»)* и т.д.

Подземное пространство каменного леса в бажовских сказах показано двояко. С одной стороны, мифологическая локация демонстрируется как холодное, темное и мрачное место, то есть неприветливое для обычных героев произведения. С другой стороны, каменный лес напротив наполнен необычным светом, что бывает связано с появлением мифологических героев сказов. Например: *Промеж деревьев змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идет («Каменный цветок»)*.

Холодное подземное пространство в бажовских сказах строится на основе дихотомии с теплым пространством на земле, и напротив – жаркое пространство каменного леса может противопоставляться холодному пространству горного завода.

Для того, чтобы показать, как преобразовывается каменный лес под влиянием Медной горы Хозяйки, П. П. Бажов использует прилагательные и наречия в сравнительной степени, а также глаголы в связке с существительными: *трава снизу разными огнями загорелась, деревья одно другого краше; полянка с диковинными цветами сразу потухла* («Горный мастер») и т.д.

Также были систематизированы мифологические локации как места обитания других мифологических персонажей в произведении:

1. Колодец, в котором живет бабка Синюшка [\[12, с. 59\]](#) и который покрыт синим туманом, от которого происходит имя бабки. Согласно уральскому преданию, синий туман указывает на местонахождение залежей руды. Слово *синюшка* на Урале также обозначает болотный газ, который появляется при испарении тумана, но неясно использовалась ли эта лексема во времена Бажова [\[1, с. 213-214\]](#).

Для экспликации локации колодца используются существительное *старушонка* и местоимение *сама* в связке с конкретно-предметной лексикой, при помощи которой описывается колодец: *старушонка у колодца стоит; из того водяного окошка старушонка вышла; сама руками-то как крышку над колодцем подняла* и т.д.

Реже экспликация локации колодца осуществляется с использованием личного имени *Синюшка* и производных от него: *глубокий... тот синюшкин колодец* и т.д.

Способом экспликации мифологической локации колодца является употребление существительного колодец в связке с другими существительными и с прилагательными: *над колодцем туман, как шапка синяя, густым-густехонько; прямо в ту синюю шапку; из колодца синий столб выметнуло* и т.д.

Для характеристики локации колодца П. П. Бажов обращается к прилагательным *глубокий, синий* и т.д.

Мифологическая локация синюшкиного колодца также наполнена драгоценными камнями, для описания которых П. П. Бажов обращается к существительным в связке с прилагательными: *золотой поднос, а на нем груда всякого богатства; песок золотой, камень дорогие, самородки чуть не по ковриге; серебряный поднос, на нем груда богатства* и т.д.

2. Пещера, в которой обитает Девка-Азовка [\[12, с. 59\]](#) из сказа «Дорогое имячко», находящаяся в горе Азов у города Полевского. Девка-Азовка является хозяйкой горы Азов [\[1, с. 224\]](#), поэтому также относится к духам локуса. По уральскому преданию, Азовка попадает в пещеру в результате проклятия, поэтому проникновение в эту мифологическую локацию возможно для обычных героев только в том случае, если они знают «проклятое» имя [\[1, с. 224\]](#).

Для характеристики локации пещеры П. П. Бажов использует существительное *пещера* в связке с прилагательными и прилагательными пространственного значения: *пещера огромная, в пещере* и т.д. Средствами экспликации мифологической локации пещеры также являются наречия и существительные в связке с другими частями речи: *пол... гладкий-прегладкий; и вода, как слеза; все хорошо облажено* и т.д.

Характеристика пещеры также осуществляется при помощи конкретно-предметной лексики как названий драгоценных камней Уральских гор – *мрамор, хризолиты* (или *кразелиты*): *из — самого лучшего мрамору; кругом золотые штабеля понаторканы; не*

мене угольной кучи, кразелитов насыпано и т.д. Для обозначения названий драгоценных камней П. П. Бажов обращается к урализмам – *кразелиты*.

Дополнительно для характеристики пещеры через ощущения обычных героев сказов применяются наречия в связке с существительными и предлогами пространственного значения: *светло в пещере, страшно станет* и т.д.

3. Озеро, в котором обитает змей Дайко из сказа «Золотые дайки», который также является хранителем земных недр.

В сказе «Золотые дайки» экспликация мифологического пространства осуществляется при помощи упоминания такого мифологического персонажа как змей *Дайко*, происходящий от архетипа подземного царя [2, с. 24]. Существительное *змей* используется в связке с наречиями или глаголами: *в промежутках везде змеи; один змей совсем близко; змей пошевеливается* и т.д.

Мифологическая локация озера эксплицируется при помощи конкретно-предметной лексики в связке с прилагательными для характеристики всего богатства подводного мира: *на дне большого-пребольшого озера; этокое серое сголуба, на воду походит; на дне трава да коренья разные* и т.д.

Другим способом экспликации мифологической локации озера является использование прилагательных, обозначающих цвета камней Уральских гор, в связке с существительными, производными от лексемы *камень* (*каменья, камешки*): *блестят те обручи золотыми искрами и каменьями переливаются; камешки тут беленькие и цветные тоже, золотых капелек много, и комышки золота* и т.д. Озеро змея Дайко также наполнено драгоценными камнями и прежде всего золотом.

Как общую мифологическую локацию сказов П. П. Бажова можно отметить весь подземный мир, по которому перемещаются мифологические персонажи и в который могут попасть горнозаводские рабочие из своих рудников и штолен.

Великий Полоз в бажовских сказах перемещается по всему подземному и надземному пространству – в пещерах, штольнях, горах, лесах. Для экспликации пространства в сказе «Про Великого Полоза» используется существительное *змей* в связке с глаголами, существительными, топонимами и прилагательными: *дошел змей до Рябиновки и полез в воду; змей перешел на другой берег, дотянулся до старой березы* и т.д.

В мифологическом пространстве под землей также проживает земляная кошка из сказа «Кошачьи уши», являющаяся одной из хранилищ подземных богатств Уральских гор [10, с. 55]. Экспликация локации подземного пространства в этом сказе осуществляется при помощи существительного *кошка* и местоимения *она*, а также конкретно-предметной лексики в связке с прилагательными и предлогами пространственного значения: *по пескам, где медь с золотыми крапинками, живет кошка с огненными ушами; под землей она ходит* и т.д. Подземное пространство, в котором живет земляная кошка, связано с драгоценными камнями – медью и золотом.

Экспликация подземного мира как мифологической локации осуществляется при помощи личных имен, которыми обозначаются мифологические персонажи. Личные имена используются в связке с наречиями места: *Хозяйка тут, перед ним* («Медной горы Хозяйка») и т.д.

Способом экспликации мифологической локации подземного мира в бажовских сказах

являются наречия, отражающие ощущения обычных героев – *светло, сухо* и т.д.: *сразу светло стало* («Приказчиковы подошвы»); *светло в ней, как днем*; *сухо стало* («Медной горы Хозяйка»); *светло в ней* («Две ящерицы») и т.д.

Экспликация мифологической локации подземного мира, которая может пересекаться с локациями объективного пространства, осуществляется в бажовских сказах при помощи слова *камень* в связке с другими лексемами: *на стенке камни сверкают* («Малахитовая шкатулка»); *появится дорогой камень* («Серебряное копытце») и т.д.

5. Вывод

Таким образом, мы отметили следующие основные мифологические локации сказов П. П. Бажова: подземное жилище Медной горы Хозяйки, каменный подземный лес, колодец бабки Синюшки и пещера Девки-Азовки. Мифологические локации сказов П. П. Бажова разворачиваются в подземном пространстве, по которому свободно передвигаются мифологическому пространству.

Основными способами экспликации мифологических локаций в сказах П. П. Бажова являются: 1) личные имена и существительные, обозначающие мифологических персонажей сказов (*Хозяйка, старушонка, змей, ящерицы* и т.д.); 2) конкретно-предметная лексика, обозначающая драгоценные камни и металлы Уральских гор, из которых состоят все мифологические локации (*малахит, мрамор, медь* и т.д.); 3) относительные и качественные прилагательные, подчеркивающие необычные размеры мифологического пространства (*большой, высоченный, огромный* и т.д.) или его характер (*каменный*); 4) существительные с пространственным значением (*палата, комната* и т.д.); 5) конкретно-предметная лексика, обозначающая предметы и объекты мифологических локаций (*трава, сосны, лестница, стены* и т.д.)

Библиография

1. Березович Е. Л., Иванова Е. Э. К реконструкции горной мифонимии Урала: мифонимы, мотивированные лексикой неживой природы // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 209-246.
2. Березович Е. Л., Иванова Е. Э. К реконструкции системы горной мифонимии Урала: общий обзор // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Международной научной конференции, Екатеринбург, 7-11 сентября 2022 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 18-25.
3. Березович Е. Л., Иванова Е. Э. К реконструкции системы горной мифонимии Урала: хозяева подземных богатств // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2024. Т. 26. № 3. С. 50-70.
4. Иванова И. Н., Лепилкина О. И. Поэтика вещи в книге сказов П. П. Бажова "Малахитовая шкатулка" // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии. 2024. № 1. С. 88-104.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
6. Матвеева Т. В. Категориально-текстовый анализ речевого произведения: обоснование и применение метода // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 3. С. 901-920.
7. Матвеева Т. В. Статьи по русской стилистике. М.: ФЛИНТА; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. 392 с.
8. Матвеева Т. В. Текстовая категория // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2014. С. 669-671.
9. Османова Г. З. Мифологическое пространство в эпосе "Книга моего деда Коркута" // Эпосоведение. 2021. № 3 (23). С. 35-42.

10. Ржавитина А. А. Откуда уши растут. Земляная кошка: от фольклора до фанфикшена // Челябинский гуманитарий. 2023. № 1(62). С. 53-58.
11. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227-284.
12. Харитоновна Е. В. Система гендерных отношений в сказах П. П. Бажова (Этнокультурный контекст и региональная специфика) // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 28. С. 58-69.
13. Худенко Е. А., Глазinskaya Е. Т. Потустороннее пространство в романе Людмилы Улицкой "Казус Кукоцкого" // Научный диалог. 2021. № 3. С. 291-307.
14. Шишко Е. С. Особенности художественного пространства в рассказе А. П. Чехова "Тоска" // А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя. Сб. материалов Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1-4 октября 2009 года. Ростов-на-Дону: НМЦ "ЛОГОС", 2009. С. 216-224.
15. Ян Ю. "Власть камня" в сказах П. П. Бажова // Гуманитарный вектор. 2021. № 1. С. 83-91.
16. Stepanova L. I., Shchukina D. A. Developing thesaurus of the author's literary discourse (based on P. Bazhov's tales) // Linguistics and Culture Review. 2021a. № 5(S1). P. 1224-1234.
17. Gabellieri N. Place matters: Geographical context, place belonging and the production of locality in Mediterranean Noirs // GeoJournal. 2022. № 87(1). P. 3895-3913.
18. Lapina L. G., Mishlanova S. L. Frame modelling in the process of translation // International Perm Forum Science and Global Challenges of the 21st Century. Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 527-544.
19. Lipovetsky M. N. The uncanny in Bazhov's tales // Quaestio Rossica. 2024. № 2. P. 212-230.
20. Soni S., Sihra A., Evans E. E., Wilkens M., Bamman D. Grounding Characters and Places in Narrative Texts // Proceedings of the 61st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2023. Vol. 1. P. 11723-11736.
21. Stepanova L. I., Shchukina D. A. Corpora and culturally connotated words // XLinguae. 2022. № 15(3). P. 175-186.
22. Stepanova L. I., Shchukina D. A. Reflection of Social and Cultural Features in the Names of Stones and Minerals in Bazhov's Tales // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 266. P. 1-22.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают локации мифологического пространства в сказах П. П. Бажова. Актуальность данной работы обусловлена повышенным интересом ученых к творчеству П. П. Бажова, чьи произведения относятся к одному из фольклорных жанров – сказу. Как отмечается в работе, изучались мифологические персонажи сказов П. П. Бажова, их характеристики, связь с уральским фольклором, лингвистический аспект мифологического пространства и др., однако «локации мифологического пространства с лингвистической точки зрения еще не рассматривались в современной гуманитарной науке». Эмпирическим материалом исследования послужили сказы П. П. Бажова, в которых нашла отражение категория мифологического пространства («Медной горы Хозяйка», «Две ящерицы», «Синюшкин колодец», «Про великого полоза» и другие).

Теоретической базой исследования обоснованно выступили труды как отечественных, так и зарубежных ученых, посвященные русской стилистике; вопросам структуры художественного текста; особенностям художественного пространства; категориально-текстовому анализу речевого произведения; горной мифонимии Урала; поэтике вещи в книге сказов П. П. Бажова и т. п. Библиография составляет 22 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (около 50% источников за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; дискурс-анализ; контекстуальный анализ, позволяющий проследить специфику функционирования языковых единиц в тексте; а также категориально-текстовый метод исследования Т. В. Матвеевой.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проведен тщательный анализ локаций мифологического пространства в сказах П. П. Бажова, выявлены способы экспликации локаций мифологического пространства (личные имена и существительные, обозначающие мифологических персонажей сказов; конкретно-предметная лексика, обозначающая драгоценные камни и металлы Уральских гор, из которых состоят все мифологические локации; относительные и качественные прилагательные, подчеркивающие необычные размеры мифологического пространства или его характер; существительные с пространственным значением; конкретно-предметная лексика, обозначающая предметы и объекты мифологических локаций); систематизированы мифологические локации как места обитания других мифологических персонажей в произведении и др. Установлено, что мифологические локации сказов П. П. Бажова разворачиваются в подземном пространстве, по которому свободно передвигаются мифологическому пространству.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика и прагматика, в выявлении средств экспликации локаций мифологического пространства в сказах П. П. Бажова. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется доступностью и логичностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Рябова М.Э. Средства репрезентации интертекстуальности в поликодовых медиатекстах на примере немецкоязычной нативной рекламы // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74803 EDN: WYBLVY
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74803

Средства репрезентации интертекстуальности в поликодовых медиатекстах на примере немецкоязычной нативной рекламы

Рябова Марина Эдуардовна

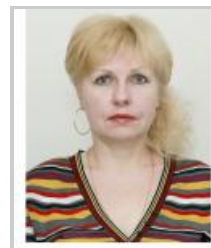
ORCID: 0000-0001-8728-3629

доктор философских наук

профессор; кафедра иностранных языков; ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПГУ)»
профессор; кафедра германистики и лингводидактики; ГАОУ ВО МГПУ «Московский городской педагогический университет»
профессор; кафедра теории и практики иностранных языков; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

109004, Россия, г. Москва, Таганский р-н, ул. Земляной Вал, д. 73

✉ ryabovame@mail.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74803

EDN:

WYBLVY

Дата направления статьи в редакцию:

05-06-2025

Дата публикации:

12-06-2025

Аннотация: Актуализируется исследование средств репрезентации интертекстуальности в поликодовых медиатекстах в связи с необходимостью понимания механизмов воздействия на массовую аудиторию и создания эффективных рекламных кампаний. Предметом исследования являются средства репрезентации интертекстуальности в немецкоязычных поликодовых медиатекстах, представленных в формате нативной рекламы. Цель работы – выявить и описать средства репрезентации интертекстуальности

в немецкоязычных поликодовых медиатекстах нативной рекламы, отражающих культурные особенности немецкоязычного рекламного дискурса. Рассматриваются различные типы интертекстуальных связей, а также способы их реализации на вербальном и невербальном уровнях. В эпоху цифровых медиа и перенасыщенности информацией, нативная реклама становится все более распространенным и востребованным инструментом коммуникации. Результативность нативной рекламы во многом определяется ее способностью интегрироваться в медиаконтекст, используя различные стратегии, включая интертекстуальность. Анализируется роль интертекстуальности в создании позитивного имиджа бренда. Приводятся примеры анализа конкретных рекламных кампаний, иллюстрирующие использование интертекстуальности для повышения привлекательности и запоминаемости рекламного сообщения. В исследовании использован комплексный подход, включающий методы контент-анализа, дискурс-анализа, семиотического и лингвостилистического анализа. Основопологающим методологическим приемом выступает принцип интертекстуальности, сочетающийся с теорией поликодности (М. В. Вербицкая). Эффективность рекламы будет измеряться через узнаваемость бренда и вовлеченность аудитории благодаря статистическому методу анализа комментариев, лайков, репостов и переходов по ссылкам. Новизна исследования заключается в комплексном анализе средств репрезентации интертекстуальности в поликодовых медиатекстах нативной рекламы на примере немецкоязычного материала. Впервые проведена систематизация и классификация различных типов интертекстуальных компонентов, активно используемых в нативной рекламе, с углубленным анализом их роли в формировании особого воздействия на массовую аудиторию. Выявлены культурно-специфические особенности использования интертекстуальности в немецкоязычной нативной рекламе, что позволяет глубже понять ее эффективность в культурном контексте немецкоязычного пространства. Результаты исследования показали, что интертекстуальность позволяет успешно интегрировать рекламу в медиаконтекст, делая ее более привлекательной для целевой аудитории. Сделаны выводы, что эффективность использования интертекстуальности зависит от уровня культурной компетентности реципиента, позволяющего ему корректно интерпретировать интертекстуальные вкрапления и извлекать задуманный нативной рекламой смысл. Результаты исследования имеют практическую значимость в области маркетинговой лингвистики.

Ключевые слова:

интертекстуальность, поликодовый текст, медиатекст, немецкоязычная нативная реклама, вербальный уровень, невербальный уровень, позитивный имидж, эмоциональная специфика, культурная компетентность, воздействие

Введение

В современном мире медиатексты играют все более важную роль в формировании общественного мнения и продвижения товаров и услуг. В частности, нативная реклама является востребованным инструментом коммуникации, эффективность которого определяется способностью органично интегрироваться в контент медиаплатформы. Одним из ключевых аспектов привлечения внимания и установления связи с целевой аудиторией является использование интертекстуальности (в понимании Ю. Кристевой) [\[1\]](#), то есть такого взаимодействия между текстами, которое позволяет создавать сложные и многогранные медиатексты, пробуждающие эмоции и ассоциации, в связи с

чем исследование сосредоточено на анализе средств репрезентации интертекстуальности в немецкоязычной нативной рекламе. Разделяя точку зрения К. С. Баранова об интертекстуальности как процессе, в котором «предполагается использование элементов уже существующего прецедентного текста» [2, с. 10], в нативной рекламе эти элементы обыгрываются в соответствии с культурной средой и визуально выглядят оригинальными.

Интертекстуальность, представляющая собой диалог между текстами, создает дополнительные слои смысла, а в контексте поликодового медиатекста, сочетающего вербальные и невербальные компоненты (картинки, видео, звук), приобретает особую значимость, поскольку она может быть реализована на разных уровнях, как на уровне текста, так и на уровне аудиовизуального ряда.

Цель исследования заключается в выявлении и характеристике различных типов интертекстуальных средств, используемых в нативной рекламе и отражающих культурные особенности немецкоязычного рекламного дискурса.

Материалом исследования послужили немецкоязычные поликодовые медиатексты нативной рекламы, отобранные из различных онлайн-источников (новостные сайты, блоги, социальные сети). Критерием отбора являлось наличие в рекламных текстах явных или имплицитных интертекстуальных отсылок.

Теоретико-методологическая основа исследования

Исследование опирается на комплексный теоретико-методологический базис, включающий междисциплинарный подход, который позволяет всесторонне рассмотреть средства репрезентации интертекстуальности в немецкоязычных поликодовых медиатекстах нативной рекламы. Отправной точкой выступает теория интертекстуальности, разработанная Ж. Женнетом [3] и Ю. Кристевой [1]. Ю. Кристева вводит в научный оборот само понятие «интертекстуальность», которое постулирует признание того, что любой текст не существует изолированно, а конструируется как сложная система разноуровневых взаимосвязей, которые составляют его окружение и определяют значение. В контексте этого определения важно различать интертекстуальность в широком и узком смыслах, так как они представлены в поликодовом медиатексте примерно в равной мере. В широком смысле интертекстуальность понимается как сознательное или бессознательное использование в одном тексте элементов другого текста (цитат, аллюзий, реминисценций, пародий и т.д.). Интертекстуальность в узком смысле подразумевает непосредственное присутствие одного текста в другом. Сказанное подводит к мысли, что каждый текст не столько «несет в себе, в более или менее зримой форме, следы определенного наследия и память о традиции» [4, с. 48], сколько эти элементы традиции могут служить базисом любого текста, включая рекламный, при этом подвергаясь трансформациям.

Однако, теория интертекстуальности, в основном, фокусируется на текстовых взаимосвязях и не учитывает многообразие семиотических систем, присутствующих в современных медиатекстах. Поэтому следующим шагом в данном исследовании является обращение к концепции поликодового текста, разработанной М.В. Вербицкой [5].

Согласно теории М. В. Вербицкой, поликодовым медиатекстом называется сложное коммуникативное единство, сочетающее в себе элементы различных знаковых систем, в частности, вербальные, невербальные, аудиовизуальные. Интенсивное развитие информационных технологий радикально трансформирует многослойную структуру и

содержание медиапотока, приводя к формированию «полифонического коммуникационного продукта» [6, с. 93]. Поскольку основной единицей медиапотока является медиатекст, то исследование его интертекстуальных связей становится ключевым для раскрытия закономерностей конструирования смысла. В поликодовых медиатекстах, сочетающих вербальные и невербальные элементы, интертекстуальность проявляется в различных формах [7]. Другими словами, концепция поликодового текста, развиваемая многими учеными (Баранэк 2019, Зайцева 2020, Колесников 2023 и др.) позволяет расширить понимание интертекстуальности, учитывая взаимодействие разноуровневых компонентов в медиатекстах [8, 9, 10]. Текст, графика, звук и видеофрагменты интегрируются в единый сложный мультимедийный текст, создавая информационное пространство, способное обеспечить передачу смысла на разных уровнях. В то же время, концепция поликодового текста сама по себе не объясняет, как различные коды используются в конкретных типах коммуникации, например, в нативной рекламе.

Вопросами специфики современной нативной рекламы занимались многие отечественные (Терских 2023, Прохорова 2024,) [11, 12] и зарубежные ученые (Amazeen, Vargo 2021, Mordo, Tennenholtz, Kurland 2024) [13, 14]. Исследования нативной рекламы, проведенные А. С. Мелеховой, А. Р. Токовой, Е. А. Чубиной [15, 16, 17] и др., позволяют понять, что поликодовость является неотъемлемой характеристикой нативной рекламы, так как она позволяет создавать более насыщенные и многогранные сообщения, воздействующие на различные органы чувств и когнитивные процессы. Многообразие средств поликодовых медиатекстов создает так называемый синергетический эффект, заключающийся во взаимном усилении результативности каждого компонента, воздействующего на реципиента. Нативная реклама стремится органично интегрироваться в контент медиаплатформы, маскируясь под обычные статьи, посты или видео, не вызывая у реципиента эффекта «инородности» [15]. В отличие от традиционной рекламы, нативная реклама действует не напрямую, а рассказывает историю, которая вызывает интерес у аудитории и заранее формирует положительное отношение к продвигаемому товару или услуге. Это создает благоприятную почву для использования интертекстуальных стратегий, позволяющих установить более тесную связь с аудиторией и повысить доверие к рекламному сообщению. Как уже упоминалось в литературе, «реклама ретранслирует ценности; воздействуя на адресата, она либо подтверждает уже сложившиеся паттерны поведения, либо создает новые, побуждая им следовать» [18, с. 71].

Результаты исследования и обсуждение

Анализ немецкоязычной нативной рекламы выявил широкий спектр средств репрезентации интертекстуальности. Несмотря на то, что используемые средства выражения интертекстуальности в нативной рекламе можно разделить на две основные группы, вербальные и невербальные, каждая из них представлена разнообразием составляющих компонентов, которые задействованы в рекламе не изолированно, а комплексно, представляя собой некий интегрированный микс средств.

Вербальные средства включают в себя *прямые цитаты*, взятые из широко известных литературных произведений, фильмов, песен или речей политиков; *аллюзии*, намекающие на известные события, произведения или личностей, которые не упоминаются прямо, но подразумеваются. Например, использование персонажа Красной Шапочки в рекламе туристического направления, отсылающего к сказке братьев Grimm.

Следующим часто используемым средством является *реминисценция*, представляющая собой неявную отсылку к другим текстам, которые достаточно очевидны в использовании похожих мотивов или стилистических приемов. Например, использование стиля написания известного автора в рекламном тексте. И, наконец, *пародии и стилизации*, имитирующие стиль или содержание другого текста с целью юмористического эффекта или создания определенной атмосферы.

Среди **невербальных средств** оказались наиболее часто задействованы *визуальные цитаты*, выражающиеся в использовании известных образов, символов или стилей в визуальном оформлении рекламы. Например, использование образа Моны Лизы в рекламе косметического продукта. Примерно такую же частотность занимают *музыкальные отсылки*, суть которых состоит в задействовании известных мелодий или стилей музыки в рекламном ролике. Не менее популярны *жесты и мимика*, отсылающие к известным персонажам или событиям.

Наиболее часто встречающимися средствами репрезентации интертекстуальности оказались цитирование (23 %), аллюзии (18 %), пародии (15 %), реминисценции (12 %), стилизация (10 %) и транстекстуальность (22 %). Для наибольшей наглядности выявленные закономерности сведем в таблицу 1. Представленная таблица 1 систематизирует основные средства репрезентации интертекстуальности, наиболее частотно используемые в немецкоязычных поликодовых медиатекстах. Каждое средство проиллюстрировано фрагментом анализа с точки зрения его лингво-семиотической сущности и функциональной роли в создании интертекстуального эффекта.

Таблица 1

Классификация средств репрезентации интертекстуальности в немецкоязычной нативной рекламе

Средство репрезентации	характеристика	пример	Перевод примера	
1. Цитата	близкое к дословному воспроизведение фрагмента другого текста	Sein oder Nichtsein, das ist hier die Frage	Быть или не быть, вот в чем вопрос	Испита Шек подч выби каче обр авто куль рекл
2. Аллюзия	Косвенная отсылка к другому тексту, событию, личности или культурному феномену	Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm (в рекламе семейного бизнеса, производящего яблоки)	Яблоко от яблони недалеко падает	Отсы посл преє подч трад преє покс
3. Пародия	Имитация стиля другого текста с целью критики	Wir sind nicht die Bank, die alles kann, aber wir sind die Bank, die es versucht	Мы не тот банк, который может все, но мы тот банк, который	Пард слог Созд эфф

		(пародийная реклама банка, высмеивающая слоган „Wir können alles“ известного немецкого банка)	пытается это сделать.	скрывается
4. Реминисценция	Неявная отсылка к другому тексту (изображению), вызывающая ассоциации	Реклама туристической компании с изображением пейзажа, напоминающего картину Каспара Давида Фридриха «Странник над морем тумана» (без прямого указания на нее)		Создание романтического приключения под названием «Путешествие»
5. Стилизация	Имитация стиля другого автора без цели комического эффекта, для создания определенной атмосферы	Im Jahre des Herrn 1589 ward zu Neuzelle ein Brauhaus gegründet, also die Mönche nach uralter Rezeptur ein köstliches Bier zubereiten, das stärke Leib und Seele labte. (Реклама крафтового пива, написанная в стиле старинных немецких текстов с использованием архаичной лексики)	В год Господень 1589 в Нойцелле была основана пивоварня, где монахи по старинному рецепту готовили восхитительное пиво, которое укрепляло тело и душу. (Использование старонемецкого языка и шрифта)	Создание традиционного подлинного качества
6. Транстекстуальность	Интеграция всех видов отношений между текстами (жанровые конвенции, заимствование сюжетов и т.п.)	Eine Forschungsgruppe unter der Leitung von Dr. Rony Abou-Khalil von der Holy Spirit University Kaslik hat sich die Wirkung von Apfelessig auf Übergewicht und Stoffwechselfparameter angeschaut.	Исследовательская группа под руководством доктора Рони Абу-Халила из Университета Святого Духа в Каслике изучила влияние яблочного уксуса на ожирение и параметры обмена веществ.	При убедительности достижений научных исследований продвигается продукт

Рассмотрим каждый приведенный фрагмент немного подробнее.

1. *Цитата* «Sein oder Nichtsein, das ist hier die Frage» использовалась в нативной рекламе образовательной программы и это не случайно, а продуманное решение. Эта фраза,

представляющая собой прямое заимствование фрагмента из трагедии «Гамлет» В. Шекспира, является общеизвестной и ассоциируется с вопросом выбора, сомнения и размышления о смысле жизни. Реклама образовательной программы, используя эту цитату предлагает свое решение этой дилеммы, а именно, «быть», то есть развиваться, учиться и получить образование. Цитирование классического произведения придает рекламе авторитетность и культурную значимость, кроме того, узнаваемая цитата привлекает внимание аудитории и вызывает интерес. Приведенная цитата обращается к ценностям образования и интеллектуального развития, а ассоциация с Шекспиром формирует положительный образ образовательной программы, представляя ее как нечто важное и значимое.

2. Аллюзия «Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm» в рекламе семейного бизнеса, производящего яблоки, является аллюзией на семейные ценности, преемственность поколений и традиционное качество. Пословица подразумевает, что дети наследуют качества своих родителей, тем самым подчеркивая надежность семейного бизнеса и традиционное качество, а также вызывая положительные ассоциации с семьей, домом и натуральными продуктами.

3. Пародия «Wir sind nicht die Bank, die alles kann, aber wir sind die Bank, die es versucht» направлена высмеивание слогана ведущего немецкого банка „Wir können alles“. Пародийный слоган высмеивает самоуверенность и всемогущество, которые часто ассоциируются с крупными финансовыми институтами. Пародия привлекает внимание аудитории, вызывая улыбку и интерес, делая рекламу более запоминающийся и располагающей.

4. Реминисценция, в контексте интертекстуальности, является более тонкой формой отсылки к претексту, чем цитата или аллюзия. Она предполагает использование мотивов, образов или стилистических приемов из другого произведения, которые вызывают у аудитории определенные ассоциации и воспоминания. Так, реклама туристической компании (см. рис. 1), использующая пейзаж, напоминающий картину Каспара Давида Фридриха «Странник над морем тумана», создает ассоциации с романтизмом, величием природы, одиночеством и поиском себя. Визуальная реминисценция воспроизводит определенную атмосферу и эмоциональный настрой, соответствующий тематике путешествий и отдыха, а отсылка к известной картине обращается к культурной памяти аудитории и вызывает положительные ассоциации с немецким искусством и культурой.

Рис. 1. Поликодовый текст нативной медиарекламы

Источник: https://www.tourentipp.com/de/touren/bodenschneid-firstalm-spitzingsee-bergtour_2049.html#tour-gallery-8

5. Стилизация в рекламе крафтового пива «Im Jahre des Herrn 1589 ward zu Neuzelle ein

Brauhaus gegründet, also die Mönche nach uralter Rezeptur ein köstliches Bier zubereiten, das stärke Leib und Seele labte» написана в стиле старинных немецких текстов, имитирует язык и графику средневековых документов. Использование архаичной лексики, специфического шрифта и оформления создает впечатление старины и традиций высокого качества, что исключительно важно для крафтового пива как особенного и ценного продукта. Необычный стиль рекламы привлекает внимание аудитории и выделяет нативную рекламу на фоне других видов рекламы.

6. *Транстекстуальность* «Eine Forschungsgruppe unter der Leitung von Dr. Rony Abou-Khalil von der Holy Spirit University Kaslik hat sich die Wirkung von Apfelessig auf Übergewicht und Stoffwechselfparameter angeschaut» выражается в имитации стиля информационных статей, которые часто встречаются в журналах и на веб-сайтах о здоровье, например, Apotheken Umschau. Указание на исследовательскую группу (Forschungsgruppe) и университет в Каслике придает утверждению авторитетность. Это создает впечатление, что утверждение о влиянии яблочного уксуса основано на научных исследованиях. Сам факт упоминания Wirkung von Apfelessig auf Übergewicht und Stoffwechselfparameter (влияние яблочного уксуса на избыточный вес и параметры обмена веществ) апеллирует к научной сфере. Это подразумевает, что яблочный уксус может иметь научно обоснованные полезные свойства. В данном случае наблюдается аллюзия на научный подход, убеждающий аудиторию в эффективности средства.

Следует также обратить особое внимание на поликодовый характер анализируемых медиатекстов, в которых все элементы, включая изображение, графику, шрифт взаимодействуют друг с другом для создания интертекстуальных отсылок.

Конечно же, интерпретация интертекстуальных отсылок достаточна субъективна и зависит от культурного багажа и опыта аудитории [19, 20]. В немецкоязычной нативной рекламе часто используются отсылки к немецкой литературе (Гёте, Шиллер, братья Гримм), немецкой истории (объединение Германии, Вторая мировая война), немецкой философии (Кант, Ницше) и немецкой культуре в целом (пиво, автомобили, пунктуальность). Эти отсылки позволяют установить более тесную связь с немецкоязычной аудиторией и повысить эффективность рекламного воздействия.

Заключение

Интертекстуальность является важным инструментом создания эффективной нативной рекламы, позволяющим привлекать внимание аудитории, устанавливать эмоциональную связь с потребителем, формировать положительный имидж бренда и повышать доверие к рекламному сообщению. В немецкоязычной нативной рекламе широко используются как вербальные, так и невербальные средства репрезентации интертекстуальности, отражающие культурные особенности немецкоязычного рекламного дискурса.

Постоянная переработка и присвоение чужих смыслов в диалогическом процессе интертекстуальности подводит к мысли, что распознать соответствующий культурный код и интерпретировать интертекстуальные отсылки возможно при активном вовлечении реципиента в процесс создания смысла. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение влияния различных типов интертекстуальных отсылок на поведение потребителей, а также на разработку практических рекомендаций для создания эффективных рекламных кампаний с использованием интертекстуальности.

Библиография

1. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу. М.: Академический проект,

2013. 285 с.

2. Баранов К. С. Цитата как форма проявления интертекстуальности (на материале немецких рекламных текстов) / К. С. Баранов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. - 2022. - № 2(857). - С. 9-15. - DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_9. - EDN TMIVQZ.

3. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. University of Nebraska Press, 1997. 508 p.

4. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.

5. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): монография. М.: Изд-во Московского университета, 2000. 220 с.

6. Абишева В. Т. Медиатекст в условиях конвергенции // Вестник Карагандинского университета. Сер. "Филология". 2013. № 2. С. 92-97.

7. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

8. Баранэк А. В. Поликодовые средства в рекламе: теоретические подходы и практические аспекты. М.: Изд-во РУДН, 2019. 210 с.

9. Зайцева Т. В. Эмоции в рекламе: применение поликодовых средств. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2020. 185 с.

10. Колесников А. С. Поликодовые стратегии передачи эмоций в маркетинге. Новосибирск: Наука, 2023. 198 с.

11. Терских М. В., Алексеева А. С. Нативная реклама в фуд-блогах: форматы, жанры, инструменты воздействия / М. В. Терских, А. С. Алексеева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. - 2023. - № 1(38). - С. 91-96. - DOI 10.36809/2309-9380-2023-38-91-96. - EDN IZPIPY.

12. Прохорова Е. Н. Специфика создания текста нативной рекламы в зарубежных интернет-изданиях (на материале публикаций интернет-издания POPSUGAR.Family) / Е. Н. Прохорова // Litera. - 2024. - № 11. - С. 184-198. - DOI 10.25136/2409-8698.2024.11.72211. - EDN QJFQHD.

13. Amazeen M. A., Vargo Ch. J. Sharing Native Advertising on Twitter: Content Analyses Examining Disclosure Practices and Their Inoculating Influence / M. A. Amazeen, Ch. J. Vargo // Journalism Studies. - 2021. - Vol. 22, No. 7. - P. 916-933. - DOI 10.1080/1461670x.2021.1906298. - EDN RAAWKT.

14. Mordo T., Tennenholtz M., Kurland O. Sponsored Question Answering // Proceedings of the 2024 ACM SIGIR International Conference on the Theory of Information Retrieval (ICTIR '24), July 13, 2024, Washington DC, USA. ACM, New York, NY, USA, 7 pages. <https://doi.org/10.1145/3664190.3672517>

15. Мелехова А. С. Нативная реклама как элемент digital-коммуникационной стратегии бренда // Вестник экономики, права и социологии, 2015. № 3. С. 242-245. - EDN ULQZHP.

16. Токова А. Р. Нативная реклама в СМИ как актуальный формат рекламного медиабизнеса // Мир науки, культуры, образования, 2021. № 2. С. 513-515. - DOI 10.24412/1991-5497-2021-287-513-515 - EDN DYRRZS.

17. Чубина Е. А. Нативная реклама в блогосфере и новые экспертные задачи // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, 2022. № 2. С. 77-81. - DOI 10.17803/2311-5998.2022.90.2.077-081 - EDN QCHWOF.

18. Коробко Д. А., Рябова М. Э. Коммуникативные стратегии рекламы в контексте реалий современности: от взаимопонимания людей к пониманию мира / Д. А. Коробко, М. Э. Рябова // Организационная психолингвистика. - 2021. - № 3(15). - С. 68-80. - EDN NSDYIM.

19. Вашунина И. В., Рябова М. Э. Интертекстуальность как определяющий фактор восприятия научно-популярного креолизованного текста / И. В. Вашунина, М. Э. Рябова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. - 2019. - № 4. - С. 42-49. -

DOI 10.20339/PhS.4-19.042. - EDN ZJESME.

20. Antos G., Opilowski R. Auf dem Weg zur Bildlinguistik. Perspektiven für eine neue linguistische Subdisziplin aus deutsch-polnischer Sicht // Sprache und Bild im massenmedialen Text. Formen, Funktionen und Perspektiven im deutschen und polnischen Kommunikationsraum. Wrocław, Dresden, 2014. S. 19-41.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена средствам репрезентации интертекстуальности в поликодовых медиатекстах на примере немецкоязычной нативной рекламы. Предмет исследования актуален ввиду обращения автора(ов) к особенностям изучения феномена интертекстуальности в современной лингвистике. В последнее время стали привлекать к себе серьезное внимание вопросы интертекстуальности в средствах массовой информации. В этой связи исследовательский интерес обоснованно вызывает анализ различных типов интертекстуальных средств, используемых в нативной рекламе и отражающих культурные особенности немецкоязычного рекламного дискурса.

Теоретической базой данного научного труда послужили работы как отечественных, так и зарубежных исследователей по различным вопросам теории интертекстуальности; семиотике; медиатексту в условиях конвергенции; специфике создания текста нативной рекламы; поликодовым средствам в рекламе и др. Библиография составляет 20 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, методы когнитивного анализа, а также текстуальный, дискурсивный и тематический анализы. Эмпирическим материалом послужили немецкоязычные поликодовые медиатексты нативной рекламы, отобранные из различных онлайн-источников (новостные сайты, блоги, социальные сети). Критерием отбора являлось наличие в рекламных текстах явных или имплицитных интертекстуальных отсылок.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования проведен качественный, количественный и критический анализ средств репрезентации интертекстуальности в немецкоязычной нативной рекламе. Для наибольшей наглядности полученные данные сведены в таблицу 1. Каждое средство проиллюстрировано фрагментом анализа с точки зрения его лингвосемиотической сущности и функциональной роли в создании интертекстуального эффекта. Сделаны выводы о том, что «интертекстуальность является важным инструментом создания эффективной нативной рекламы, позволяющим привлекать внимание аудитории, устанавливать эмоциональную связь с потребителем, формировать положительный имидж бренда и повышать доверие к рекламному сообщению», «постоянная переработка и присвоение чужих смыслов в диалогическом процессе интертекстуальности подводит к мысли, что распознать соответствующий культурный код и интерпретировать интертекстуальные отсылки возможно при активном вовлечении реципиента в процесс создания смысла».

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: способствуют развитию теории интертекстуальности, лингвистики текста и

функциональной стилистики; их можно использовать при разработке курсов по теории языка, теории интерпретации, стилистике, интерпретации текста др. Обозначена перспектива дальнейшего исследования, которая состоит в изучении влияния различных типов интертекстуальных отсылок на поведение потребителей.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стил изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Емченко Д.С. Выявление группы возвратных глаголов квазиобъектной каузы и гипотеза о квазивинительном падеже // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74801 EDN: YFVPZP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74801

Выявление группы возвратных глаголов квазиобъектной каузы и гипотеза о квазивинительном падеже

Емченко Даниил Сергеевич

ORCID: 0009-0009-7938-787X

студент; факультет Цифровые инновации в филологии; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Лаборант; кафедра русского языка и межкультурной коммуникации; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

125252, Россия, г. Москва, р-н Сокол, ул. Новопесчаная, д. 24

✉ emchenkods@gmail.com

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74801

EDN:

YFVPZP

Дата направления статьи в редакцию:

08-06-2025

Дата публикации:

15-06-2025

Аннотация: В данной статье проводится анализ грамматических конструкций, в которых возвратный глагол беспредложно управляет словоформами имен существительных в родительном падеже традиционно, а также словоформами формально идентичных формам слов тех же существительных в винительном падеже без предлога в современном русском языке. Рассматривается отношение к данному феномену в современном языке в научном дискурсе. Выявляется семантика рассматриваемых грамматических конструкций, на основе которой происходит отнесение данных возвратных глаголов к одной общей группе. Случаи употребления таких конструкций с формально винительным падежом рассматриваются на основе массива текстов Национального корпуса русского языка, а также примеров употребления подобных

конструкций в письменной речи русскоязычных авторов художественной литературы и пользователей сети Интернет. Проводится анализ таких грамматических конструкций относительно типа склонения, категории морфологической одушевленности/неодушевленности, морфологического рода, твердости/мягкости основы имен существительных, употребляющихся с рассматриваемыми возвратными глаголами без предлога в формально винительном падеже. Методологическими предпосылками данной работы служат труды В.Б. Крысько, В.А. Ицковича, А.А. Летучего. Дается определение семантической роли таких грамматических структур. Сравнивается такое беспредложное употребление словоформ имен существительных, идентичных словоформам винительного падежа, при возвратных глаголах с использованием прямых дополнений при невозвратных глаголах. На основе проведенного анализа даются два возможных вывода о природе наличия таких конструкций в современном русском языке. Обоим данным выводам дается оценка их жизнеспособности в условиях парадигмы современной лингвистики в области грамматики русского языка. Формулируются основные теоретические положения относительно ранее не выявленных феноменов русского языка, рассматриваемых в данной статье. Даются обозначения выявленным единицам русского языка. Выдвигается гипотеза о дальнейшей форме употребления подобных грамматических конструкций в современном русском языке в случаях, не выявленных в процессе исследования.

Ключевые слова:

квазивинительный падеж, возвратные глаголы, винительный падеж, управление глаголов, квазиобъектная кауза, грамматика, морфология, квазиобъект, падежная система, глагольные актанты

Введение

Вопроса о грамматической категории переходности/непереходности возвратных глаголов с точки зрения литературной нормы русского языка не стоит. Однако феномен управления возвратных глаголов существительными в винительном падеже в речи прослеживается как минимум с XIX века. Это наглядно показывает Национальный корпус русского языка. Так, по поиску корреляций, например, леммы «слушаться» и существительного в винительном падеже (по настройкам «S & асс, на расстоянии от -3 до 3 от Ключа»)^[1] по первому предоставляемому корреляту «мама»^[2] мы можем найти цитату из «Писем» В.Г. Короленко: «Передайте их поцелуи и поклоны Верочке, Наде, Марусе и Борису, Будьте здоровы и **слушайтесь маму**» [В. Г. Короленко. Письма (1892)]. Интересен факт, что в случае с этим глаголом редакторская коллегия «Русской грамматики» придерживается мнения о том, что глагол «слушаться» – переходный. Прочсть это мы можем в главе, посвященной винительному падежу, в 2693-ем параграфе в пункте «1», описывающем объектное значение данной грамматической категории:

«1) Объектное значение при переходных глаголах. В зависимости от семантики глагола вин. п. может называть объект самых различных действий и состояний: купить книгу, построить дом, выдвинуть кандидатуру, писать письмо, ждать друга, любить детей, **слушаться родителей**, заслужить награду» [1. С. 432].

Можно найти спорным факт утверждения переходности данного глагола на основании конкретно этого примера, так как у слова «родитель» во множественном числе

совпадают формы винительного и родительного падежей, как и у любого одушевленного существительного второго склонения [2. С. 94]. Однако это может быть связано с тем, что в параграфе 1765, в главе, посвященной вариативному беспредложному управлению, приводилось в пример словосочетание «слушаться бабушку и (устар.) — бабушки...» [1. С. 35], что может свидетельствовать о том, что управление глагола винительным падежом и, как следствие, переходность данного глагола редакционная коллегия считала заведомо доказанной.

Мы не нашли пометки об «исключении из правил» или иного объяснения, почему возвратный глагол «слушаться» является переходным и может в принципе управлять винительным падежом без предлога, хотя ранее в первом томе авторы пишут:

«Как сказано в § 1455, категорией залога охватываются все глаголы русского языка, следовательно, и те возвратные глаголы, у которых постфикс -ся не формирует страдат. значения. Такие глаголы представляют собой различные словообразовательные типы непереходных глаголов действит. залога» [3. С. 615].

В дальнейшем данное противоречие акцентируется в научном дискурсе, судя по всему, не часто. Нам удалось найти исследование такого управления существительными в винительном падеже в монографии В.Б. Крысько **«Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность»**^[4]. В исследовании автор разделяет глаголы, способные к управлению как винительным, так и родительным падежом, по семантическому признаку, и упоминает также возвратные глаголы такого рода:

1. «Глаголы чувственного восприятия, заботы и внимания» («слушаться») [4. С. 249];
2. «Достигательные глаголы» («домогаться», «добиваться», «хвататься [как обнаруживать потерю]») [4. С. 256].

Также данный феномен наблюдает В.А. Ицкович в монографии «Очерки синтаксической нормы», отмечая, что такие конструкции с возвратным глаголом находятся на границе, в «серой зоне» литературной нормы [5. С. 35], и так же приводит примеры употребления таких форм из публицистики и художественной литературы [5. С. 36]. Единоразово говорит об этом явлении А.Б. Летучий в «Материалах к корпусной грамматике», приводя такие возвратные глаголы в качестве исключений [6. С. 327].

Е.Н. Никитина в статье «О винительном падеже при «модально-эмоциональных» глаголах» разбирает это явление на примере глагола «бояться». Обобщая под термином «модально-эмоциональных» глаголов так называемые глаголы «достигательные» («добиваться», «искать», «ждать» и др.) и «отложительные» («бояться», «остерегаться» и др.), автор следует определениям Г.А. Золотовой [7. С. 60]. В данной статье Е.Н. Никитина говорит о феномене управления возвратных глаголов винительным падежом в контексте явления «мены падежей» винительного и родительного [7. С. 63], и ссылается опять же на «Русскую грамматику»: «[АГ-80] признает, что мена Род./ Вин. занимает центральное место в варьировании беспредложных падежей, отмечая разговорный или устаревший характер формы падежа в некоторых контекстах (спрашивать совет, слушаться бабушки). Авторы отмечают и зависимость формы падежа от вида глагола (заслуживать награду/ награды — заслужить награду), от семантики существительного — личного, предметного неодушевленного или отвлеченного (хотеть пряник/ пряника, ждать поезд/ поезда — ждать бабушку, жаждать славы)» [там же]. Способность глагола быть переходным и непереходным без морфологических изменений также называют «лабильностью глагола» [8. С. 11]. Однако мы не нашли других примеров из научной литературы, в том числе той, которая акцентирована на «лабильных глаголах», где

возвратные глаголы русского языка, способные к управлению винительным падежом, относились бы к этой категории.

Углубившись в изучение данного языкового процесса, мы выявили закономерности этого явления, которые согласно нашим поискам ранее оставались незамеченными нашими коллегами. Ввиду научной парадигмы, в которой работают лингвисты, и уникальности роли винительного падежа в конкретном контексте употребления, мы считаем, что имеет смысл выделить новую грамматическую категорию в области падежной грамматики русского языка и группу возвратных глаголов, способных к формированию данных конструкций. Для того, чтобы укрепить нашу позицию, считаем нужным обосновать характер использованных в дальнейшем данных в следующем разделе статьи.

Изучение живого языка, но не литературной нормы

В теле данной статьи будут приведены ссылки не только на НКРЯ, но и на информационные издания, не присутствующие в корпусе, интернет-блоги, форумы и прочие источники, использование которых в научной статье может показаться некоторым ученым сомнительным и необоснованным в рамках научного исследования. Но изучение новых явлений в языке, основывающееся исключительно на данных корпуса, будет не только не показательным, но и порой вводящим в заблуждение. Происходит это ввиду простых и, как нам кажется, достаточно понятных причин. Национальный корпус русского языка базируется на текстах, которые до отбора редакционной коллегией корпуса проходят через руки литературных редакторов, а литературный редактор – человек, задача которого состоит в том, чтобы авторский текст привести к норме, подразумеваемой именно литературным языком. Как отмечает А.А. Шунейко, литературная норма – это «...совокупность правил речевого поведения для всех» [9. С. 283], инструмент, созданный с целью универсализации языка в информационном поле на русском или ином языке. И это не критика явления литературной нормы. Мы просто утверждаем факт, что от момента «А» внесения правок в литературную норму до момента «Б» – внесения очередных – литературная норма статична и не отображает динамики развития языка. Прежде, чем какое-либо явление будет учтено и станет частью литературного языка, должен «накопиться массив» случаев такого новшества в узусе [10. С. 33]. Так что очевиден факт, что рука редактора скорее исправит какой-либо неучтенный в литературном языке феномен, чем даст ему существовать в тексте в том случае, если явление не зафиксировано в правилах пользования литературной нормой. Но тем ценнее для утверждения факта, обозначаемого в нашей статье, будут и примеры «деривации» от нормы языка, попавшие в национальный корпус, и иные источники, наиболее показательные в целом для ученого сообщества, – научные и художественные работы, так как это значит, что для редакторов, работа которых – блюсти литературный язык в текстах, эти языковые конструкции показались достаточно естественными и ускользнули от их внимания.

Вероятно, можно возразить, что это лишь «ошибки» или «окказионализмы» [11. С. 77], которые хоть и могут быть достаиваемы исследований, но никак не могут отражать внутренних изменений системы. Однако, когда «ошибка» становится как раз «системной», достаточно рекуррентной в общем употреблении, мы можем говорить о переменах в языке и изучать их как полноценное явление. Так или иначе, мы постараемся предоставить в этой статье достаточное количество источников, где употребление возвратных глаголов с формально винительным падежом возникает в речи пользователей русского языка со строго определенной семантикой данного феномена, чтобы отстоять в глазах ученого сообщества нашу позицию по этому вопросу.

Результаты и обсуждение

Для начала ради упрощения рассуждения мы допустим, что словоформы существительных, о которых мы говорим в этой статье в контексте управления возвратных глаголов, – действительно словоформы, стоящие в винительном падеже. Это допущение мы постараемся опровергнуть в главе, посвященной выводам из найденных примеров употребления. Если это глобальный процесс в русском языке, то стоит постараться найти всевозможные примеры управления возвратных глаголов существительными в винительном падеже вне зависимости от категории склонения, морфологической одушевленности, рода и мягкости/твердости основы имен. Сразу оговоримся, что в нашем исследовании мы опустили категоризацию имен по А.А. Зализняку [12. С. 307], а также вопрос о существительных во множественном числе, так как нам было ясно уже на момент формулирования задач, что работа будет весьма объемной для формата одной статьи. Тем не менее, мы не отрицаем намерения дальнейшего изучения феномена управления возвратных глаголов формально винительным падежом и преследуем цель, в том числе, рассмотрения в дальнейшем случаев возникновения данного явления с существительными множественного числа и всех возможных типов склонения по А.А. Зализняку.

Таким образом, мы будем рассматривать существительные 1-го, 2-го, 3-го, адъективного склонения и разносклоняемые существительные. Среди возвратных глаголов, способных к обсуждаемому управлению, мы выявили следующие глаголы: «бояться», «опасаться», «стесняться», «слушаться», «дождаться», «хватиться» (в вышеобозначенном значении). Наблюдается определенная семантическая общность этих глаголов. Все они наделяют субъект некоторым свойством зависимости от внешнего воздействия или влияния какого-либо стороннего фактора, являющегося причиной (*каузой*) самого действия, заложенного в предикате. Традиционно этот фактор выражался существительным в родительном падеже без предлога: «бояться собаки», «хватиться Ваньки»^[3], «слушаться бабушки» [1. С. 35] и т.п. Тем не менее, сейчас все чаще эту функцию может также выполнять существительное, стоящее формально в винительном падеже, как это было показано еще в вышеобозначенном примере из «Русской грамматики».

Переходя к управлению данных глаголов существительными первого склонения, в корпусе можно выявить множество примеров. Стоит отметить, что в силу несовершенства алгоритма поиска корреляций по запросу могут выводиться нерелевантные для нас примеры^[4], но, тем не менее, труда найти необходимые нам словосочетания не составляет (далее релевантные примеры из НКРЯ будем для удобства называть «показательными»). Мы планируем приводить примеры, ориентируясь на морфологические свойства имен, по следующему принципу: тип склонения – морфологическая одушевленность/неодушевленность – род – твердость/мягкость основы. Далее мы предоставим таблицу результирующую с примерами для найденных нами случаев управления возвратных глаголов существительными с разными морфологическими характеристиками в форме винительного падежа.

Среди одушевленных существительных 1-го склонения мужского рода и твердой основы, наиболее часто для ключа «слушаться» возникает коррелят «папа» - совместная частота 17 раз^[5] (по настройкам S & асс [существительное в винительном падеже; падеж асс2 не имеет смысла включать в поиск, так как данная настройка служит для поиска коррелята в «превратительном падеже» – примечание от авторов], на расстоянии от -3 до 3 от ключа). Самый ранний пример употребления – из дневников М.О. Меньшикова: «Вас, говорю, Бог наказал за то, что *не слушаетесь папу* и маму, громко разговариваете на

морозе» [М. О. Меньшиков. Дневник (1918)]. Так же присутствует четыре примера коррелята «дедушка»^[6], один из которых еще более ранний: «Скажи ему, чтобы слушался меня, — угрюмо проговорил дед, глядя в небо, еще розовое. **Слушайся дедушку**, — сказала мать, перекрестив меня. Я ждал, что она скажет что-то другое, и рассердился на деда, — это он помешал ей» [Максим Горький. Детство (1913-1914)]. Также можем увидеть коррелят «папа» в винительном падеже для глагола «бояться»^[7]: «Жила-была одна женщина, которая с детства очень сильно **боялась своего папу**» [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]. Тут просим обратить внимание на притяжательное местоимение «свой», так как в дальнейшем крайне часто в примерах именно своего рода контекст «**уточнения**» будет играть особую роль в управлении возвратных глаголов винительным падежом. Так же можно найти похожее употребление со словом «дядька» и глаголом «хватиться»^[8]: «То есть они решили подождать, когда **этого** седого **дядьку** кто-нибудь **хватится** и прибежит в милицию заявлять о том, что он пропал» [Александра Маринина. Не мешайте палачу (1996)]. Здесь же **уточнение** происходит через указательное местоимение и характеристику «седой».

Одушевленное существительное 1-го склонения мужского рода и мягкой основы, встречающееся в корреляции с глаголом слушаться в Национальном корпусе русского языка, – «дядя» (5 показательных примеров из 6-ти, демонстрируемых по запросу)^[9]. Здесь встречается один из наиболее ранних из найденных нами примеров такого управления возвратного глагола: «**Слушаешься ли ты дядю** и тетку? — проговорил отец и закашлялся» [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)].

Переходя к одушевленным существительным 1-го склонения женского рода и твердой основы в форме винительного падежа при возвратном глаголе, отметим, что коррелят «мама» наиболее частотный (50 показательных примеров из 57-ми, демонстрируемых по запросу)^[10]. Наиболее ранний пример употребления был оговорен выше во введении. Также встречается коррелят «бабушка»^[11], «мамка»^[12], «тетка»^[13] и др. Из внекорпусных источников возможно отметить, что на портале «Дзен» существует статья с заголовком «Я **боюсь свою собаку**. Что делать?»^[14] (просим снова отметить притяжательное местоимение), а также русскоязычные пользователи сети Интернет используют словосочетание «стесняться маму»^[15], ^[16]. Среди коррелятов того же типа, но с мягкой основой, – «тетя»^[17].

Вопрос с неодушевленными существительными первого типа склонения – сложнее и интереснее. Так как неодушевленные существительные мужского рода первого склонения в русском языке отсутствуют – обращаем внимание исключительно на такие существительные женского рода. Тут среди показательных примеров в НКРЯ встречается слово «команда» (в значении приказ)^[18]: «Как только скажет которому из нас: "Поди-ко, балбес, распряги лошадь!"» или другую какую работу даст, да тот не пошел, он брал витьень или ремень, коим опоясывался, так-то драл, что искры из глаз сыпались; и **слушались** мы отцовскую **команду**...» [Ф. М. Решетников. Горнозаводские люди (1863)]. Снова находим контекстуальное уточнение и уточнение через прилагательное «отцовскую».

Здесь видим смысл уже напрямую указать на то, что так или иначе во всех приведенных примерах присутствует обобщающая их связь. Реализация этого феномена использования существительного в формально винительном падеже происходит в

случаях, когда как-либо обозначается контекст семантического **уточнения** со значением «свой», «этот», «конкретный» или иного рода, как было показано ранее в случае с существительным «команда» и как будет выявлено далее. Влияние данного семантического фактора на одушевленные существительные 1-го склонения малозаметно, так как в основном в наиболее частотных примерах все они обозначают родственников (де-факто «своих» для субъекта). Однако в случае с неодушевленными существительными этот падеж с возвратными глаголами в подавляющем большинстве случаев используется именно данным образом, дублируя значение уточнения.

Так, можно найти в интернете примеры использования словосочетания такого рода со словом «машина». В статье на информационном портале «ХАЙВ!»^[19] находим фразу: «Для этого необходимо перестать бояться машину и довести действия до автоматизма». По содержанию статьи понимаем, что речь идет не в принципе о «боязни машин», а именно о том, чтобы **не бояться ту машину**, которую водит предполагаемый читатель.

В корпусе можем найти отрывок из «Тихого Дона» Шолохова^[20]: «И какая теперя рыба, — заикнулась было старуха. Не разумеешь, — молчи! Самое стерлядей на косе возьмем. Рыба к берегу зараз идет, боится бурю. Вода, небось, уж мутная пошла. Ну-ка, выбеги, Дуняшка, послухай — играет ерик? Дуняшка нехотя, бочком, подвинулась к дверям» [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)]. Снова из контекста видим **уточнение**: не в принципе страх рыбы перед бурями, а **конкретно** перед **грядущей** бурей. Можно было бы сослаться на некоторую стилизацию автором, передачу какого-либо говора, но в силу полного соответствия выявляемой системе мы не видим смысл не учитывать этот вариант. Этот пример также пойдет в последующую таблицу как использование существительного женского рода первого склонения мягкой основы в винительном падеже. Так же можно привести в пример использование существительного «семья» при глаголе «стесняться» на странице сайта «PSYSOVET»: «Но, сколько я себя помню, я всегда **стеснялась свою семью**»^[21].

Переходя к существительным 2-го склонения, в принципе можно не выделять одушевленные существительные мужского рода в рамках данного вопроса, так как их формы в родительном и винительном падеже совпадают. Занесем в таблицу условные примеры «слушаться командира» и «слушаться царя». Гораздо интереснее обстоит вопрос с одушевленными существительными 2-го склонения среднего рода. Хотя таких существительных немного, нам удалось найти два искомых примера из источников, проходящих через руки литературных редакторов. В случае с существительным среднего рода 2-го склонения твердой основы мы сошлемся на использование глагола «бояться» в работе М.М. Маковского «Индоевропейский корень: форма и значение» из третьего номера «Вопросов языкознания» за 2002-ой год. Цитата: «Нет сомнения в том, что и.-е. *ai- "давать" - это не отдельный корень, как утверждает в словаре Ю. Покорного, а тот же корень, что и *ai- "гореть" и буквально означает "давать жертвоприношения огню"; и.-е. *ais- "**бояться (божество)**, поклоняться (божеству)" отражает культ Огня (Огонь как Божество, которому поклоняются и которого боятся)» [13. С. 121]. Снова видим **уточнение** – Божество Огня, «Огонь как Божество». Случай употребления в винительном падеже подобного существительного, но с мягкой основой, при возвратном глаголе находим в современной художественной литературе в произведении Г. Доронина «Долгое прощание со звездами»^[22]: «Только заморозив неизвестно откуда взявшееся в этих краях животное, можно было не **опасаться это чудище**, которое, говорят, своими устрашающими клыками легко перекусывало рельсы вместе со шпалами». Здесь уточнение выражается дополнительно указательным местоимением «это». Также можно отметить другие случаи употребления таких словоформ у одушевленных существительных

среднего рода при возвратном глаголе с указательным местоимением у пользователей сети Интернет [\[23\]](#), [\[24\]](#), [\[25\]](#).

Что же касается неодушевленных существительных 2-го склонения мужского рода, среди текстов НКРЯ нам удалось найти искомый пример с глаголом дожидаться: «Пришел Керенский, старающийся вписаться в чуждую ему эсеровскую среду, но не **дождался** опаздывающий **поезд** и убежал, перепоручив миссию Зензинову» [\[26\]](#) [Александр Алексеев. Март-апрель 1917 года: Отечество на грани нервного срыва // «Наука и жизнь», 2009]. Здесь опять же «поезд» имеется в виду вполне конкретный. В интернете можно найти еще множество примеров подобного употребления. Так, на ресурсе «Дзен» можно найти статью с заголовком «Мои соседи **боятся этот дом**, так как уверены, что там обитают призраки. Я в нем живу 316 лет и пока не замечал ничего странного» [\[27\]](#). Также возможно увидеть подобные варианты употребления на иных сайтах [\[28\]](#), [\[29\]](#). Подобное существительное в этом контексте, но с мягкой основой, можно найти в заголовке статьи портала «ТВК»: «Опасная дата?»: какие суеверия связаны с 29 февраля и стоит ли **бояться этот день**». Можно найти подобные примеры со словом «автомобиль» [\[30\]](#), [\[31\]](#).

Случаи с неодушевленными существительными среднего рода 2-го склонения в винительном падеже при возвратном глаголе по корпусу не находятся. Тем не менее, можно найти пример такого употребления в книге «Полоса» автора под псевдонимом Акурат: «Взрослые почему-то **боялись это место**, но тут было хорошо. Он сам помнил, что чувствовал себя здесь защищенным». Или можно найти пример со словом «слово» из Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ): «И он должен быть категоричным, если вы хотите, чтоб ребенок **слушался это слово**» [\[32\]](#). Что же касается подобных имен с мягкой основой, нам удалось найти только два примера такого употребления в художественной литературе. Первый – в книге «Пластелиновый урод» Т.В. Осиповой: **Всебоялись это здание**, стараясь обходить его стороной, а в случае острой необходимости пробежали мимо него как можно скорее...» [\[33\]](#). Второй пример – в книге В. Романова, А. Никла «Повелитель теней»: «Маленькие дети **боялись это здание**, и родителям приходилось идти на ухищрения, чтобы их туда заманить» [\[34\]](#). Также можно найти другие примеры у пользователей сети Интернет [\[35\]](#).

Среди случаев использования беспредложных существительных 3-го склонения в формально винительном падеже при возвратных глаголах можно отметить следующие примеры из корпуса НКРЯ:

1) Одушевленные:

- «Дорогие детушки, **слушайтесь вашу мать** и помогайте ей во всем» [\[36\]](#) [Елена Родченкова. Ночные фиалки // «Ковчег», 2015];
- «Я двух людей **боюсь — мою мать** и Сталина — **боюсь** и люблю», — привел Эренбург слова Фадеева, добавив, что тот произнес их «полушутя» [\[37\]](#) [В. О. Авченко. Фадеев (2017)].

2) Неодушевленные:

- «Кто мог **такую власть слушаться** по совести и сотрудничать с ней?» [\[38\]](#) [протоиерей

Алексий Микриков. Уния с МП приведет к духовной катастрофе (04.03.2006) // «Наша страна» (Аргентина), 2006];

– «**Такую власть боялись** и ненавидели. Но ресурсов борьбы с ней не было»^[39] [И. В. Соловьев. Большевики ушли? Стратегия интеллигенции. 1918-1919 годы // «Волга», 2009].

Опять отчетливо видим, что форма винительного падежа возникает в контексте **уточнения**, обуславливаемого здесь указательным местоимением «такой», и фактически дублирует эту семантику.

Говоря об адъективном склонении, стоит отметить, что нам на данный момент удалось обнаружить случаи употребления таких существительных в беспредложной форме винительного падежа при возвратных глаголах лишь для одушевленных имен с твердой основой. Опять же, вопрос адъективных существительных мужского рода в данном контексте можно опустить, так как формы винительного и родительного падежа в данном случае совпадают. Добавим условные «слушаться вожатого», «бояться ближнего». Существительное среднего рода «животное» возникает в данном контексте относительно часто в сети интернет. Находим, например, в статье портала Lenta.ru «Африканский налет. Лучшее пиво и мясо антилопы: зачем ехать в Намибию»: «Вон там вдали чепрачный шакал», — предупреждает наш сопровождающий, поясняя, что не стоит **бояться это животное** — оно довольно доверчивое»^[40]. Или подпись к видео «ЗМЕЯ Запомнила Своего Спасителя #кино #история»: «Даже самые ядовитые змеи **опасаются это животное!**»^[41]. Существительное «вожатая» в словоформе винительного падежа без предлога появляется в научной работе «Взаимодействие с родителями детей, отдыхающих в детском оздоровительном лагере, как направление профессиональной деятельности вожатых» К.М. Саввы и А.В. Коротун: «не все вожатые могут работать с детьми чисто в эмоциональном плане... дочь боялась вожатую...» [14. С. 709]. Снова видим уточнение на конкретную вожатую.

Для разносклоняемых имен мы также не нашли показательных и качественных примеров такого употребления или достаточного количества использования искомым форм в свободной сети – только один пример, который мы считаем достаточно малозначительным, но, тем не менее, снова следующим ранее выведенной семантике уточнения. Это подпись к фотографии флага СССР в социальной сети «vk»: «Весь мир **боялся это ЗНАМЯ!**»^[42]. Пусть это сообщение и подтверждает нашу теорию о семантике использования беспредложных словоформ в винительном падеже при возвратных глаголах, мы все-таки не считаем этот пример исчерпывающим, чтобы на его основании заполнить раздел разносклоняемых существительных в итоговой таблице.

Таким образом, получаем следующую таблицу:

Тип склонения	Одушевленность	Род	Основа	Найденные словоформы в искомом контексте
1-ое склонение	Морфологически одушевленное	Мужской род	Твердая	-у Слушаться папу
			Мягкая	-ю

				Слушаться дядю
			Женский род	Твердая -у Слушаться маму
			Мягкая	-ю Слушаться тетю
		Морфологически неодушевленное	Мужской род	—
		Женский род	Твердая	-у Бояться машину
			Мягкая	-ю Бояться бурю
2-ое склонение	Морфологически одушевленное	Мужской род	Твердая	-а Слушаться командира
			Мягкая	-я Слушаться царя
		Средний род	Твердая	-о Бояться божество
			Мягкая	-е Опасаться чудовище
	Морфологически неодушевленное	Мужской род	Твердая	- ъ Дождаться поезд
			Мягкая	- ъ Бояться автомобиль
		Средний род	Твердая	-о Бояться слово
			Мягкая	-е Бояться здание
3-е склонение	Морфологически одушевленное	Женский род	Твердая	—
			Мягкая	- ъ

	Морфологически неодушевленное			Слушаться ~~мать~~ —
			Твердая	—
			Мягкая	- ъ Слушаться власть
Адъективное склонение	Морфологически одушевленное	Мужской род	Твердая	-ого Слушаться вожат ого
			Мягкая	-его Бояться ближн его
		Средний род	Твердая	-ое Бояться животн ое
			Мягкая	—
		Женский род	Твердая	-ую Бояться вожат ую
			Мягкая	—
	Морфологически неодушевленное	Мужской род	Твердая	—
			Мягкая	—
		Средний род	Твердая	—
			Мягкая	—
		Женский род	Твердая	—
			Мягкая	—
Разносклоняемые Существительные	Морфологически неодушевленные	Средний род	Мягкая	—

Таблица 1. Обнаруженные словоформы в формально винительном падеже при возвратных глаголах.

Выводы

На основании проведенного исследования возможно сделать два разных вывода относительно темы обсуждения:

1. Рассмотренные возвратные глаголы становятся способны к управлению винительным падежом и, как следствие, утрачивают непереходность.
2. Мы имеем дело с ранее не выявленной грамматической единицей в русском языке в виде падежа, формально соответствующего в найденных случаях употреблению винительному падежу.

Почему мы считаем, что более вероятен второй вариант:

1. **Строгая семантика явления.** Во всех обнаруженных случаях беспредложного употребления существительных в форме винительного падежа выражена роль дублирования определенной семантики уточнения «свой», «этот», «конкретный»,

выражаемой в предложении с помощью притяжательных, указательных местоимений или определяемой контекстуально. Также данные словоформы заимствуют семантику «каузы» действия от словоформ, традиционно используемых в таких конструкциях в родительном падеже без предлога. Такая семантическая функция не присуща винительному падежу в русском языке в иных обстоятельствах.

2 . Отсутствие свойств переходных глаголов русского языка у глаголов рассматриваемой группы. Если мы допускаем, что данные глаголы действительно могут управлять существительными в винительном падеже без предлога, закономерно, что данные глаголы следует считать переходными. В свою очередь, одно из свойств переходных глаголов русского языка, как уже отмечалось ранее, – возможность образования от них страдательных причастий, чего у рассмотренных в данном исследовании глаголов не может происходить в силу морфологических причин (по крайней мере, на данный момент времени). На это нам могут возразить, что не все переходные глаголы способны к образованию причастий в страдательном залоге, например, глаголы «хотеть», «ждать», «брать», «мять» и др. не способны к такому словообразованию. Однако от этих глаголов все же возможно образовать страдательные причастия в процессе «языковой игры», что делают многие авторы^[43], пусть такие неологизмы не станут рекуррентно использоваться в языке. Иногда, наоборот, мы можем найти случаи использования форм страдательных причастий от этих глаголов в диахронии, но в современном русском языке они не встречаются^[44]. Причины невозможности или затруднительности такого словообразования в современном русском языке имеют неморфологическую или иную (в отличие от рассматриваемых в статье глаголов) морфологическую природу.

3 . Существующая научная парадигма. Современная лингвистика не допускает существование переходных возвратных глаголов в русском языке. Отнесение этого явления к способности беспредложного управления возвратных глаголов существительными в винительном падеже, несмотря на вышеобозначенные факты, должно в таком случае повлечь масштабные изменения в основных положениях раздела науки и пересмотр относительно этих изменений уже исследованных существующих явлений русского языка.

4 . Совпадение форм – не критерий отнесения к падежу. В русском языке уже известны случаи, когда словоформы существительных в выявляемом падеже совпадали с известным и конвенциональным в науке. Так, существительные в превратительном (втором винительном) падеже («пойти в солдаты, в депутаты, в режиссеры») хоть и совпадают со своими словоформами множественного числа в именительном падеже – это не оказалось существенным поводом относить данные формы слова к именительному падежу. Они имеют свою семантику употребления, и отнесение этих словоформ к именительному падежу противоречит существующим догмам русистики (роль именительного падежа как маркера субъекта; невозможность употребления предлогов с существительными в именительном падеже).

Против версии о том, что выявляемая нами в исследовании грамматическая категория не является винительным падежом, свидетельствует лишь формальная схожесть. Как мы уже обсуждали, беспредложное существительное в родительном падеже при рассматриваемых глаголах выражало семантически каузу, а не объект действия. Эту роль наследует и выявляемая нами грамматическая единица, но во всех дифференцированных нами случаях также дублирует семантику точности, конкретности данной каузы, уже выраженной в предложении каким-либо иным образом. Исходя из

всего вышесказанного и из найденных нами примеров употребления таких конструкций в современном русском языке, мы выдвигаем **гипотезу**, что невыявленные нами словоформы существительных морфологических типов:

- 1) Адъективного склонения, морфологически одушевленных, среднего рода, мягкой основы;
- 2) Адъективного склонения, морфологически одушевленных, женского рода, мягкой основы;
- 3) Адъективного склонения, морфологически неодушевленных, мужского рода, твердой основы;
- 4) Адъективного склонения, морфологически неодушевленных, мужского рода, мягкой основы;
- 5) Адъективного склонения, морфологически неодушевленных, среднего рода, твердой основы;
- 6) Адъективного склонения, морфологически неодушевленных, среднего рода, мягкой основы;
- 7) Адъективного склонения, морфологически неодушевленных, женского рода, твердой основы;
- 8) Адъективного склонения, морфологически неодушевленных, женского рода, мягкой основы;
- 9) Разносклоняемых, морфологически неодушевленных, среднего рода, мягкой основы,
–

так же будут в дальнейшем в искомых случаях употребляться в данном контексте в словоформах, идентичных таковым у тех же имен существительных в винительном падеже.

Мы видим смысл обозначить выявленную грамматическую единицу как «квазивинительный падеж» (по семантической роли «кауза-уточняющий», «причинууточняющий»), а глагольный актанта, стоящий в данном падеже, как «квазиобъект». Рассмотренную группу глаголов предлагаем называть «глаголами квазиобъектной каузы», «квазипереходными». Допускаем и предполагаем, что данный в статье список глаголов, способных к исследуемому управлению, и таблица окончаний имен существительных, используемых в контексте выявленной грамматической единицы, не полны и нуждаются в дополнениях. Мы приветствуем дальнейшие исследования в данном направлении.

Заключение

По итогу данного исследования была рассмотрена группа глаголов, беспредложно управляющих словоформами существительных, идентичных таковым у тех же существительных в винительном падеже. На основе весомого массива случаев употребления в современном русском языке была выявлена семантическая функция такой синтаксической конструкции, на основе которой (как и на основе формальной синтаксической общности) рассматриваемые глаголы были выделены в отдельную группу, а также дана характеристика с точки зрения семантики рассматриваемой падежной единицы. Были представлены два возможных вывода из результатов исследования.

Обоим была дана оценка их жизнеспособности в условиях парадигмы современной лингвистики в области грамматики русского языка.

[1] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/QW7OY> (Дата обращения: 09.06.2025)

[2] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/R61LR> (Дата обращения: 09.06.2025)

[3] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/W6qwg> (Дата обращения: 09.06.2025)

[4] НКРЯ. Напр., по поиску леммы «рука» в винительном падеже к ключу «слушаться»: «“Ох ты, черт, как тут разговаривают”, — подумал Иван Ильич и невольно подбросил **руку** к козырьку: “**Слушаюсь**”, — повернулся и пошел на пути... [А. Н. Толстой. Хожение по мукам/ Книга третья. Хмурое утро (1941)].

URL: <https://ruscorpora.ru/s/zpXB8> (Дата обращения: 09.06.2025)

[5] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/QW7OY> (Дата обращения: 09.06.2025)

[6] НКРЯ. URL: URL: <https://ruscorpora.ru/s/AD1Qz> (Дата обращения: 09.06.2025)

[7] НКРЯ. URL: URL: <https://ruscorpora.ru/s/BV68J> (Дата обращения: 09.06.2025)

[8] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/VOQ51> (Дата обращения: 09.06.2025)

[9] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/Dk8Yn> (Дата обращения: 09.06.2025)

[10] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/ERxZk> (Дата обращения: 09.06.2025)

[11] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/G68Y0> (Дата обращения: 09.06.2025)

[12] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/J6QYo> (Дата обращения: 09.06.2025)

[13] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/KrQYn> (Дата обращения: 09.06.2025)

[14] Дзен, «Я **боюсь** **свою** **собаку**. Что делать?» URL: <https://dzen.ru/a/YVse0CrtMyx2A0WQ> (Дата обращения: 09.06.2025)

[15] Woman.ru, «**Стесняюсь** **свою** **маму**».URL: <https://www.woman.ru/psycho/personality/thread/5487610> (Дата обращения: 09.06.2025)

[16] u-мама: «**Стесняюсь маму**», URL: <https://u-mama.ru/forum/gossip/helpline/604902> (Дата обращения: 09.06.2025)

[17] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/L9JY4> (Дата обращения: 09.06.2025)

[18] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/M81E3> (Дата обращения: 09.06.2025)

[19] Хайв!, «Водим машину уверенно. ТОП-5 советов для новичков». URL: <https://haiv.ru/blog/24990/> (Дата обращения: 09.06.2025)

[20] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/QW7NY> (Дата обращения: 09.06.2025)

[21] PSYSOJET, «Я стесняюсь своей семьи»<https://psysovet.ru/consultation/6640> (Дата обращения: 09.06.2025)

[22] URL: <https://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2016/2016-7/2016-7-3.pdf> (Дата обращения: 09.06.2025)

[23] Поле чудес ответы, «В старину **боялись это чудовище**, а чтобы оно не появилось, купались только с крестом на шее. О каком чудовище речь?» URL: <https://polechudes-otvet.ru/в-старину-боялись-это-чудовище-а-чтобы/> (Дата обращения: 09.06.2025)

[24] Shedevrum, «Мамочки **я боюсь это чудовище**» URL: https://shedevrum.ai/post/5fa77e52190aa9f/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (Дата обращения: 09.06.2025)

[25] Литнет, «Потерянный эльф»: «...-я **боюсь это создание!**» URL: <https://litnet.com/ru/reader/poteryannyi-elf-b210366> (Дата обращения: 09.06.2025)

[26] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/R61MR> (Дата обращения: 09.06.2025)

[27] Дзен, «Мои соседи **боятся этот дом**, так как уверены, что там обитают призраки. Я в нём живу 316 лет и пока не замечал ничего странного». URL: <https://zen.ru/a/YBBUWqPkfn7oa5j7> (Дата обращения: 09.06.2025)

[28] Reddit, «Вам снились сны, после которых вы плакали и утешали себя что это просто сон?»:

«Мне сейчас 16 я еще **боюсь этот сон**». URL: https://www.reddit.com/r/rusAskReddit/comments/13jq7cn/вам_снились_сны_после_которых_вы_плакали_и (Дата обращения: 09.06.2025)

[29] vk: «... девочкой-крохотулей боялась этот голос с пластинки ...» https://vk.com/wall-3000_38119 (Дата обращения: 09.06.2025)

[30] DRIVE2.RU, «Год с УАЗ Патриот. Покупка УАЗ Пикап.»: «Многи**боятся этот автомобиль**.» <https://www.drive2.ru/l/641582902944989237/> (Дата обращения: 09.06.2025)

[31] ДРОМ, «Cadillac BLS Wagon (Кадиллак Блс Универсал)»:

«Писатель я тот еще но постараюсь развеять мифы людей **боящихся этот автомобиль** а еже с ним Opel Vectra C и SAAB 93». URL: https://cadillac.drom.ru/bls_wagon (Дата обращения: 09.06.2025)

[32] Instagram (запрещен в России, принадлежит Meta). URL: https://www.instagram.com/crime_inn/p/C47kr9IiSI/ (Дата обращения: 09.06.2025)

[33] Litres, «Пластелиновый урод». URL: <https://www.litres.ru/book/tatyana-vyacheslavovna-osipova/plastilinovyy-urod-67514769/chitat-onlayn/> (Дата обращения: 09.06.2025)

[34] Библиотека fb2.top, «Повелитель теней. Том 3 Глава 19»: «Маленькие дети**боялись это здание...**» URL: <https://fb2.top/povelitely-teney-tom-3-753811/read/part-19> (Дата обращения: 09.06.2025)

[35] Форум «Легенда: Наследие Драконов», «Первозданная роза ветров». «Я уже**боюсь это задание**» URL: <https://w1.dwar.vkplay.ru/info/forum/topic.php?id=471632> (Дата

обращения: 09.06.2025)

[36] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/1w4Vj> (Дата обращения: 09.06.2025)

[37] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/2kW Gv> (Дата обращения: 09.06.2025)

[38] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/Z60Z6> (Дата обращения: 09.06.2025)

[39] НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/s/YE5Vp> (Дата обращения: 09.06.2025)

[40] LENTA.RU, «**Африканский налет** Лучшее пиво и мясо антилопы: зачем ехать в Намибию». URL: <https://lenta.ru/articles/2019/04/27/namibia/> (Дата обращения: 09.06.2025)

[41] Яндекс, «ЗМЕЯ Запомнила Своего Спасителя #кино #история». URL:

<http://gs.yandex.com.tr/video/preview/9607674889683684730?noreask=1> (Дата обращения: 09.06.2025)

[42] vk. URL: https://m.vk.com/photo-164871242_457256540?list=wall42119732_2027 (Дата обращения: 09.06.2025)

[43] НКРЯ: «Так вот мой **жданый** и желанный товарищ для игры в куклы, для выслушивания всех моих девичьих мыслей и чувств, которых не в состоянии понять мальчики» [Т. Л. Сухотина-Толстая. Детство Тани Толстой в Ясной поляне (1910-1950)]. URL: <https://ruscorpora.ru/s/5yLAR> (Дата обращения: 09.06.2025)

[44] НКРЯ: «Берингу потребовалось не менее 300 упряжек полуголодных псов, которые «иногда **браны** за 500 и 600 верст», чтобы перебросить в Авачинскую губу из Большерецка хотя бы 1500 пудов продовольствия, поскольку дубель-шлюпка «Надежда» не смогла из-за осенних ветров пробиться в только начавший обустраиваться Петропавловск 36» [Николай Петрухинцев. Прорыв на восток // «Родина», 2009]. URL: <https://ruscorpora.ru/s/689Y9> (Дата обращения: 09.06.2025)

Библиография

1. Русская грамматика. Том. М.: Издательство "Наука", 1980. 709 с.
2. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 634 с. EDN: VYSPBP.
3. Русская грамматика. Том 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / ред.: Н. Ю. Шведова (отв. ред.) и др. М.: Издательство "Наука", 1980. 788 с.
4. Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М.: Издательский центр "Азбуковник", 2006. 486 с. EDN: PXXTYP.
5. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: Издательство "Наука", 1982. 199 с.
6. Летучий А. Б. Возвратность. Материалы к корпусной грамматике русского языка / ред.: А. В. Плунгян (отв. ред.) и др. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 268-337.
7. Никитина Е. Н. О винительном падеже при "модально-эмоциональных" глаголах // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 60-70. EDN: RSYAOL.
8. Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013. 385 с. EDN: UNZVTB.

9. Шунейко А. А. Литературная норма русского языка и его носители: точки пересечения // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 283-300. EDN: VHSQYD.
10. Захарова О. С. Окказиональное словообразование в соотношении с нормой и узусом // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2012. № 2. С. 33-42. EDN: OXVJPR.
11. Киселева А. В. Знакомство с понятием "окказионализм" // Интерактивная наука. 2023. № 9 (85). С. 76-78. DOI: 10.21661/r-561147. EDN: FLZTVG.
12. Зализняк А. А. "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с. EDN: ZNBSEX.
13. Маковский М. М. Индоевропейский корень: форма и значение // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 120-125.
14. Савва К. М., Коротун А. В. Взаимодействие с родителями детей, отдыхающих в детском оздоровительном лагере, как направление профессиональной деятельности вожатых // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. Вып. 5. С. 702-712. DOI: 10.30853/ped20250084. EDN: RWONGY.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья относится к работам академического типа, подобных / точечных изысканий сейчас немного. Автор конкретизирует проблему своих поисков в названии достаточно конструктивно: выявление группы возвратных глаголов квазиобъектной каузы и гипотеза о квазивинительном падеже. На мой взгляд, вектор наукообразности выдержан. Собственно на эту проблему и ориентирован весь текстовый массив. Выбор темы обоснован; автор указывает после точечного размышления о т.н. ситуации переходности в языке, что «мы не нашли других примеров из научной литературы, в том числе той, которая акцентирована на «лабильных глаголах», где возвратные глаголы русского языка, способные к управлению винительным падежом, относились бы к этой категории». И далее: «углубившись в изучение данного языкового процесса, мы выявили закономерности этого явления, которые согласно нашим поискам ранее оставались незамеченными нашими коллегами. Ввиду научной парадигмы, в которой работают лингвисты, и уникальности роли винительного падежа в конкретном контексте употребления, мы считаем, что имеет смысл выделить новую грамматическую категорию в области падежной грамматики русского языка и группу возвратных глаголов, способных к формированию данных конструкций. Для того, чтобы укрепить нашу позицию, считаем нужным обосновать характер использованных в дальнейшем данных в следующем разделе статьи». Материал достаточно грамотно выстроен, он имеет цельный вид, логика рассуждений поддерживается на протяжении всего изыскания. Автор внимателен к теме исследования, он стремится объективировать проблему, вовлечь в конструктивный разговор читателя. В данной работе достаточно много примеров, иллюстративный фон достаточен. На мой взгляд, общая тематическая магистраль верифицирована и раскрыта, поставленные задачи решены. Полученные результаты автор объединяет в таблицу, что вполне закономерно; визуальная составляющая для лингвистических работ уместна. Интересен и общий итог работы: в частности автор указывает, что «мы видим смысл обозначить выявленную грамматическую единицу как «квазивинительный падеж» (по семантической роли «кауза-уточняющий», «причинуоточняющий»), а глагольный актант, стоящий в данном падеже, как «квазиобъект». Рассмотренную группу глаголов предлагаем называть «глаголами

квазиобъектной каузы», «квазипереходными». Стоит рассматривать данный тезис-утверждение как призыв к диалогу!? Окончательная верификация, думается, будет сделана несколько позднее. Отмечу, что статью нужно вычитать, устранить опечатки, ошибки, явные неточности [а их много!]: например, «в данной статье Е.Н. Никитина говорит о феномене управления возвратных глаголов винительным падежом в контексте явления «мены падежей» винительного и родительного...», или «в теле данной статьи будут приведены ссылки не только на НКРЯ, но и на информационные издания, не присутствующие в корпусе, интернет-блоги, форумы и прочие источники, использование которых в научной статье может показаться некоторым ученым сомнительным и необоснованным в рамках научного исследования», или «Однако, когда «ошибка» становится как раз «системной», достаточно рекуррентной в общем употреблении, мы можем говорить о переменах в языке и изучать их как полноценное явление», или «Сразу оговоримся, что в нашем исследовании мы опустили категоризацию имен по А.А. Зализняку [12. С. 307], а также вопрос о существительных во множественном числе, так как нам было ясно уже на момент формулирования задач, что работа будет весьма объемной для формата одной статьи», или «Традиционно этот фактор выражался существительным в родительном падеже без предлога», или «Здесь встречается один из наиболее ранних из найденных нами пример такого управления возвратного глагола...», или «Реализация этого феномена использования существительного в формально винительном падеже происходит в случаях, когда как-либо обозначается контекст семантического уточнения со значением «свой», или «Можно было бы сослаться на некоторую стилизацию автором, передачу какого-либо говора, но в силу полного соответствия выявляемой системе мы не видим смысл не учитывать этот вариант», или «Существительное «вожатая» в словоформе винительного падежа без предлога появляется в научной работе...», или «Во всех обнаруженных случаях беспредложного употребления существительных в форме винительного падежа выражена роль дублирования определенной семантики уточнения «свой», «этот», «конкретный», выражаемой в предложении с помощью притяжательных, указательных местоимений или определяемой контекстуально», или «Отсутствие свойств переходных глаголов русского языка у глаголов рассматриваемой группы», или «Они имеют свою семантику употребления, и отнесение этих словоформ к именительному падежу противоречит существующим догмам русистики (роль именительного падежа как маркера субъекта; невозможность употребления предлогов с существительными в именительном падеже)» и т.д. Нужно скорректировать библиографический список: что-то дополнить, выверить, например, добавить автора статьи: «О винительном падеже при "модально-эмоциональных" глаголах // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 60-70» [видимо, Е.Н. Никитину]. В целом материал сложился, он объемный, но в данном виде статью «Выявление группы возвратных глаголов квазиобъектной каузы и гипотеза о квазивинительном падеже» нельзя рекомендовать к открытой публикации в журнале «Litera», материал нуждается в коррективе, доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает феномен управления возвратных глаголов существительными в винительном падеже. Актуальность работы обусловлена тем, что хотя «вопроса о грамматической категории переходности/непереходности возвратных глаголов с точки зрения литературной нормы русского

языка не стоит», «в речи [данное явление] прослеживается как минимум с XIX века», в связи с чем возникает необходимость его углубленного изучения. Отмечается, что «ввиду научной парадигмы, в которой работают лингвисты, и уникальности роли винительного падежа в конкретном контексте употребления... имеет смысл выделить новую грамматическую категорию в области падежной грамматики русского языка и группу возвратных глаголов, способных к формированию данных конструкций».

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых, посвященные различным аспектам русской грамматики, историческому синтаксису русского языка, синтаксической норме, вопросам возвратности и переходности, типологии лабильных глаголов, окказиональному словообразованию и др. Библиография насчитывает 14 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) практически не апеллирует к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; а также корпусные методы. В статье приведены ссылки не только на Национальный корпус русского языка, но и на информационные издания, не присутствующие в корпусе, интернет-блоги, форумы и прочие источники, использование которых обоснованно аргументируется тем, что «изучение новых явлений в языке, основывающееся исключительно на данных корпуса, будет не только не показательным, но и порой вводящим в заблуждение».

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи; рассмотрена группа глаголов, беспредложно управляющих словоформами существительных, идентичных таковым у тех же существительных в винительном падеже; в результате сформулированы два разных вывода: «рассмотренные возвратные глаголы становятся способны к управлению винительным падежом и, как следствие, утрачивают непереходность» и «мы имеем дело с ранее не выявленной грамматической единицей в русском языке в виде падежа, формально соответствующего в найденных случаях употреблению винительному падежу», причем автор(ы) придерживаются второй точки зрения, что обосновывают рядом объективных фактов.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение морфологической системы современного русского языка и грамматической категории переходности/непереходности возвратных глаголов, могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Коротаева А.А., Никонов С.Б., Лабуш Н.С., Гурушкин П.Ю. Трансграничный характер медиасистем Ближнего Востока: «аутентичная» и «дивергентная» модели // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74902
EDN: UADMXM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74902

Трансграничный характер медиасистем Ближнего Востока: «аутентичная» и «дивергентная» модели

Коротаева Анна Андреевна

ORCID: 0009-0001-4622-6545

аспирант; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034 Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9

✉ anna2206korotaeva@gmail.com

Никонов Сергей Борисович

ORCID: 0000-0002-8340-1541

доктор политических наук

профессор; кафедра Международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru

Лабуш Николай Сергеевич

доктор политических наук

профессор; кафедра международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

Гурушкин Павел Юрьевич

ORCID: 0000-0001-6980-0573

кандидат политических наук

доцент; кафедра Менеджмента массовых коммуникаций СПбГУ; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74902

EDN:

UADMXM

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2025

Дата публикации:

23-06-2025

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу современных тенденций развития ближневосточного медиапространства. Предмет данного исследования – медиасистемы Ближнего Востока, находящиеся в состоянии трансформации и конфигурационного пересмотра. Цель научной работы – определение основных принципов формирования медийных систем региона. В статье уделяется особое внимание обсуждению новой парадигмы исследований, которая могла бы стать альтернативой евроцентричной (классической) линии. В рамках предложенного подхода процесс становления медиасистем Ближнего Востока рассматривается через призму транснациональных факторов: истории развития региона, ислама, религиозных конфессий, племенных связей и иных негосударственных акторов. В этом заключается специфика региона – значение пространственно-временных характеристик зачастую превалирует над границами государств и национальной политикой. Системообразующим фактором образования транснациональных медиасистем Ближнего Востока является религиозная стратификация – идейно-ценностный конфликт парадигм, который актуализируется в информационной сфере. В качестве методов исследования были применены: контент-анализ нормативных документов, метод систематизации данных, а также исторический метод проведения исследования. Исходя из полученных результатов работы, анализ медиапространства Ближнего Востока на транснациональном уровне позволяет, во-первых, выявить предрасположенность к его идейно-ценностной поляризации; во-вторых, разграничить две основные группы медиасистем – «аутентичную» и «дивергентную» (блок СМИ движения «сопротивления»). К «аутентичной» системе относятся суннитские панарабские медиаресурсы (катарский телеканал «Аль-Джазира» и саудовский холдинг MBC Group). К «дивергентной» (иначе, «мукавама») – СМИ, которые характеризует шиитский политико-религиозный дискурс: распространение ценностей ислама, поддержка «угнетенных» (в первую очередь религиозных меньшинств), борьба с колониализмом, империализмом и вестернизацией. Авторами было отмечено, что границы медиасистем не статичны, так как они не ограничены географией, рамками организаций и союзов, этническими группами и языком. Полученные выводы могут быть в дальнейшем применены в исследованиях по медиакомпаративистике.

Ключевые слова:

транснациональная медиасистема, журналистика, средства массовой информации, медиакоммуникации, Ближний Восток, арабский мир, Исламская Республика Иран, религиозные СМИ, шиизм, ислам

Введение в проблематику. В рамках современной академической парадигмы сущность

медиасистем зачастую рассматривается через призму национального контекста. Показательно, что такие классические работы, как «Четыре теории прессы» или «Три модели СМИ», ориентировались на анализ взаимоотношений между СМИ и общественными институтами: политическим, экономическим и социальным. Понимание медиасистем в пределах их географии (государства и региона) было основополагающим конструктом научных исследований. Данная архитектура по-прежнему эффективно применяется для моделирования западного медиарынка, так как процессы глобализации и цифровизации способствовали его гомогенности. Например, «Четыре теории прессы» разграничивали СМИ по социально-политическому принципу, что позволило систематизировать многообразие моделей по четырем категориям: авторитарной, советской коммунистической, либертарианской и теории социальной ответственности. Д. Халлин и П. Манчини, напротив, ориентировались на компаративистский анализ медиасистем, разграничивая их по регионам: североевропейский, североатлантический и средиземноморский. Позже границы их исследования были расширены в работе «Comparing Media Systems Beyond the Western World».

Однако прежний подход не отражал тенденций развития медиасистем Ближнего Востока. Показательно, что одна из последних работ об арабских СМИ – «Arab Media Systems» [\[11\]](#) – также ориентирована на традиционную евроцентричную парадигму. Существенная реорганизация нестабильного региона, которая была определена военными конфликтами, требовала иного подхода к моделированию информационного пространства. Поскольку система СМИ, ранее стремившаяся к глобализации или панарабизму (арабской унификации), сегодня находится в состоянии глокализации – в том числе и на уровне государства. Классические детерминанты, предложенные европейскими школами, не способны отобразить вектор развития СМИ и их роль в организации идейно-ценностных систем региона. По мнению Дж. Харди, классическую «парадигму необходимо оспорить из-за ее странового центризма, понимания национального государства как социальной единицы. Современная концепция должна учитывать процессы глобализации и переходить от анализа вертикальных отношений между медиаинститутами и политической структурой к горизонтальным взаимодействиям медиакультур и культурных потоков, легко преодолевающих национальные границы» [\[1, с. 197\]](#). Данная работа призвана восполнить этот пробел и определить на примере концепции «сопротивления» принцип формирования транснациональных медиасистем Ближнего Востока.

Методы исследования: исторический метод, анализ документов (Конституции IRTVU, Исламского союза радио и телевидения), качественный контент-анализ, основанный на доктрине оси «сопротивления». Категории анализа: суверенитет, борьба с империализмом и колониализмом, исламское пробуждение, поддержка угнетенных.

Обзор литературы. Расхождения в интерпретациях концепта «медиасистема» указывают, по мнению ряда исследователей, на недостаточную разработанность терминологического аппарата. Вопреки тому, что интерес к обсуждению теории появляется в начале XX в., одни авторы включают в состав медиасистем только медиаорганизации, другие – дополняют технологиями, контентом и практиками.

Например, в работе «Теория массовой коммуникации» (1983) социолога Д. МакКуэйла медиасистема определяется «актуальным набором средств массовой информации в данном национальном государстве, характеризующийся такими аспектами, как масштаб и централизация, степень политизации, разнообразие профиля, источники финансирования, степень государственного регулирования и контроля» [\[2, с. 221\]](#). С. С.

Бодрунова, напротив, рассматривала сущность медиасистемы как «крупную функциональную подсистему общества, которая имеет собственные границы, логику развития, степени открытости и характер взаимодействия с остальной социальной системой» [3, с. 22]. Е. Л. Вартанова дала следующую дефиницию: медиасистемы – это «взаимосвязанный комплекс медиаканалов, медиаконтента, медиатехнологий, адресованных аудитории, действующих в рамках национального и международного законодательства, в контексте геополитического и экономического положения страны, ее этнокультурных условий, исторических традиций и особенностей идентичности аудитории» [4, с. 9]. В работах М. Г. Шилиной медиасистема «есть системное динамическое единство субъектов (владельцев, менеджеров, журналистов) различных видов медиа (печатные СМИ, РВ, ТВ, интернет-медиа, мобильные медиа), связанных коммуникацией различного уровня» [5, с. 11]. Согласно теориям Д. Халлина и П. Манчини, Д. Туссу и Дж. Харди медиасистема – «совокупность медиаорганизаций и их социальных практик, обусловленная привязанными к территориально-культурной специфике нормативно-правовыми регуляторами и медиаполитическим взаимодействием» [6, с. 40].

Причины появления столь различных определений связаны, как отмечает Д. П. Гавра, с функционально-содержательным дуализмом, которым обладает термин «медиасистема». Это означает, что необходимая интерпретация устанавливается авторами исходя из методологических и практических задач исследований. По этой причине научное сообщество определило два парадигмальных измерения дефиниции: субстанциональное (субъектно-организационное) и социетальное. Первое ориентировано на исследование медиасистем в пределах определенной территории (стран и регионов) или организаций. Социетальная парадигмальная линия, напротив, предполагает изучение проблемы с позиций взаимозависимых общественных подсистем. Поэтому в рамках второго измерения медиасистема представляет собой «комплекс медиаинститутов и медиаакторов, их отношений с другими институтами и аудиторией, регулирующих нормы и ценности, обеспечивающих в совокупности удовлетворение общественно необходимой потребности в социально значимой информации» [7].

Классические парадигматические изменения не всегда могут быть применимы для транснациональных медиасистем. Их границы подчинены иным принципам системообразования, которые также зависят от целей исследований. Например, в работе М. Крайди «The Rise of Transnational Media Systems: Implications of Pan-Arab Media for Comparative Research» критерием становится арабский язык. «Современные медиа образуют неуравновешенно объединенный региональный (панарабский) рынок, накладывающийся на национальные системы, все больше интегрирующийся в глобальном медийном рынке, хотя во многих отношениях отличающийся от них: это транснациональная медийная система» [8, с. 177]. В то же время анализ медиасистем через призму «арабского мира» не учитывает иранский фактор и роль СМИ Исламской Республики в определении образа региона, в том числе арабского. Поэтому, переходя на макроуровень, мы можем говорить не только о панарабском, но и о ближневосточном медиапространстве, которое учитывало бы его этническое, языковое и культурное многообразие.

Сущность транснациональных медиасистем

В последние десятилетия классическое понимание «медиасистем» находится в процессе концептуального переосмысления, поскольку процессы глобализации и цифровизации

способствовали образованию однородного информационного пространства. «Мир становится гомогенным, во всех странах устанавливается одна и та же модель экономики, которая независима от политических партий, и журналистика везде движется к либеральной модели», – писал П. Манчини [9]. Однако унификация СМИ в рамках классификаций приводит к упрощениям, искажениям и, как следствие, отрицанию исключений. В этом заключается проблема «Четырех теорий прессы» и «Трех моделей СМИ» – классические работы не учитывают специфику восточных традиций, теократий.

Данный вопрос особенно актуален для анализа информационного пространства Ближнего Востока – неоднородного и дихотомичного. Упомянутая нами ранее субъектно-организационная парадигма исследований в данном случае не может объяснить развитие медиасистем столь большого региона. Во-первых, само его географическое определение условно. «Тот факт, что Джон Каммингс и Колберт Хелд выносят такие страны, как Судан и Ливия, за рамки понимания Ближнего Востока, обусловлен подходом, согласно которому геополитика стала побочным эффектом географии» [10]. В рамках данного исследования границы Ближнего Востока отхватывают страны от Египта до Ирана [11]. Во-вторых, становление государств региона проходило под влиянием колониальных держав. Так, по соглашению Сайкса-Пико (1916) земли Османской империи были разделены между Британией и Францией по диагонали – от побережья Средиземного моря до гор Персии. Ирак (южнее Мосула), Палестина, Трансиордания перешли под протекцию Британии. Ливан, Сирия и север Ирака – Франции. Следовательно, отождествление современных границ государств с рамками изучения медийных систем не учитывает исторический фактор становления региона. Одновременно он объясняет причины, по которым значение племенных структур преобладает над национальной идентичностью (концепт «нации» свойственен для западного общества, но не восточного). Особенно эта специфика видна на примере медиа-рынка Ливана. Отметим, что территория Ливана была отделена колониальными державами от Большой Сирии после Первой мировой войны – в 1926 г. Однако появление территориальной автономии под французским мандатом не могло разрешить конфессиональное и племенное размежевание. Начало гражданской войны отразилось на формировании специфической структуры медиасистемы – сепарации ее элементов по политико-религиозному принципу. «Так, помимо национальной вещательной компании, которая следует линии правительства, шиитские силы представлены двумя телеканалами: NBN принадлежит Набиху Берри, лидеру движения “Амаль”, а “Аль-Манар” контролируется “Хезболлой” через аффилированных акционеров» [11, с. 56]. Одно из крупнейших ливанских панарабских СМИ «Аль-Маядин» также причисляется зарубежными авторами к медиаресурсам «Хезболлы», получавшим поддержку от правительства Сирии [12]. Принимая во внимание особенности взаимоотношений между властью, медиа и конфессиями, медиасистемы Ближнего Востока склонны преодолевать границы государств и быть больше, чем государство, в силу развития наднациональных (не имеющих официальной институциональной формы) связей.

В-третьих, изучение медиасистем через призму организаций или союзов также не всегда применимо в контексте политической конъюнктуры. Панарабские или исламские объединения – UNA OIC (Союз информационных агентств ОИС) и ASBU (Вещательный союз арабских государств) – могут быть фреймом систем. Но структуры «альтернативных» альянсов ограничиваются санкциями, поэтому являются неполными. Сегодня к ним относится IRTVU (Исламский союз радио и телевидения) – союз, созданный в 2007 г. при посредничестве Министерства культуры Ирана. Объединение насчитывает около 210 членов из 35 стран [13] – Ирана, Ирака, Ливана, Йемена и др. Подчеркнем, что в его

структуру входят не государства, но медиа, аффилированные различными политико-религиозными силами – зачастую шиитскими. После включения IRTVU в SDN-список (2021) его ресурсы регулярно подвергались блокировкам. Цель IRTVU – «использовать СМИ для защиты святынь и интересов исламской уммы, для поддержки прав и справедливых требований исламских общин и стран, а также обмена опытом и продукцией» [13]. Неофициальная структура медиасоюза более многочисленна. Поэтому IRTVU – часть обширной медиасистемы, которая получила название «сопротивление» или «мукавама».

Социетальная парадигмальная линия, которая рассматривает медиасистему как общественную подсистему, не решает проблему определения границ общества на транснациональном уровне. Показательно, что в тексте конституции IRTVU не используется термин «общество». Но вводятся понятия «исламская умма» и «исламская нация», концепты, не привязанные к определенной географической территории и этнической группе. Религия вненациональна. Тем не менее раскол внутри ислама (632) определил две модели управления уммой – шиитскую и суннитскую, конкурирующие на геополитическом уровне. Медиапространство региона также переняло поляризацию, которая обусловила его фрагментацию на два блока медиасистем: «аутентичную» и «дивергентную» (систему СМИ движения «сопротивления»). К первому относятся суннитские панарабские медиаресурсы, например катарская «Аль-Джазира» и саудовский конгломерат MBC Group. К «дивергентному» блоку – СМИ, поддерживающие шиитский политический дискурс: государственная телерадиокомпания IRIB, упомянутые ранее «Аль-Маядин» и «Аль-Манар», «Эль-Масира» и др. При этом границы транснациональных медиасистем не статичны, так как в периоды политической турбулентности медиаресурсы, источники финансирования, целевые аудитории будут изменяться в зависимости от конъюнктуры.

На наш взгляд, системообразующим фактором образования транснациональных медиасистем Ближнего Востока является религиозная стратификация – идейно-ценностный конфликт парадигм, который актуализируется в информационной сфере. «Поддержка угнетенных [религиозных меньшинств – примеч. автора], солидарность с палестинским народом, борьба с сионизмом и распространение исламских ценностей – все это составные части дискурса сопротивления» [14]. К перечню также можно добавить борьбу с колониализмом, империализмом и вестернизацией. В силу того, что сунниты составляют около 90% мусульман, а шииты – менее 10%, последние тенденции показывают: «шиитское направление веры демонстрирует конвергенцию, синтетически сочетающую и сближающую позиции различных религиозных меньшинств, как алавиты и зейдиты» [15]. Это и обуславливает мобильность политических институтов. Например, разработку иранской стороной «Пакта сопротивления» – договора, призванного объединить движения «сопротивления» в единую структуру.

В условиях регионального кризиса проблема определения транснациональных медиасистем и их роли в формировании ландшафта Ближнего Востока требует дальнейшего обсуждения в академическом сообществе. Более того, в контексте сотрудничества Исламской Республики и Саудовской Аравии в системе БРИКС необходимо наблюдать динамику идейно-ценностной поляризации и ее влияние на развитие информационного пространства БРИКС.

Выводы. Исследования медиаландшафта Ближнего Востока не получали столь большого внимания в академическом сообществе, как в последнее десятилетие. Существенная реорганизация региона требовала смены традиционной научной парадигмы, поскольку,

начиная с публикации «Четырех теорий прессы» (1956), рамки изучения медийных систем отождествлялись с границами государств или регионов. Однако евроцентричный подход не всегда может быть применим для моделирования тенденций развития медиа в других частях мира. Продолжение дискурса о сущности медиасистем вне замкнутых границ должно содействовать формированию нового транснационального подхода. Он будет более релевантен для анализа медийных систем Ближнего Востока, так как они не соответствуют политическим и культурным границам государств, формируя вненациональное поляризованное информационное пространство. Подчеркнем, что его ключевой характеристикой является глокализация – фрагментация медиасистем на два блока: «аутентичный» и «дивергентный» («мукавама»). Понимание медиасистем через призму истории развития региона, ислама, роли племенных связей (или негосударственных акторов), пространственно-временных характеристик будет превалировать над границами государств и национальной политикой. Данная проблема требует обсуждения в рамках научных дискуссий и дальнейшего теоретического изучения.

Библиография

1. Hardy J. Comparing Media Systems. In: Esser F., Hanitzsch T. (eds.) *Handbook of Comparative Communication Research*. London: Routledge, 2012. pp. 185-206.
2. McQuail D. *Mass communication theory*. London: Sage Publications Ltd, 2020. 221 p.
3. Бодрунова С.С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах : автореферат дис. ... доктора политических наук : 10.01.10 / Бодрунова Светлана Сергеевна ; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2015. - 47 с. EDN: ZPWOTJ
4. Вартанова Е. Л. Медиасистема в национальном контексте: в продолжение академической дискуссии (на примере медиасистем стран БРИКС). *Меди@льманах*, 2020. № 4 (99). С. 8-15. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2020.815 EDN: KLQLGB
5. Шилина М. Г. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СКМ // *Вестн. Моск. ун-та. Серия X: Журналистика*, 2010. № 1. С. 6-21.
6. Евдокимов В. А. Медиасистема как единство неоднородных элементов // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 2022. № 4. С. 4-46. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.5 EDN: EUPYBO
7. Гавра Д. П., Науменко К. А. Концепт "медиасистема" в современной теории массовых коммуникаций // *Медиаскоп*, 2020. № 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2611> DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.5 EDN: LWNQAK
8. Kraidy Marwan M. (University of Pennsylvania). *The Rise of Transnational Media System: Implications of Pan-Arab Media for Comparative Research* / Ibid. P. 177.
9. Паоло Манчини: "В России нет традиции журналистского профессионализма". 25.03.2005. Internet Archive. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20181209123732/https://www.media-online.ru/index.php?id=8626>
10. Асифович А. Можно ли считать Ближний Восток регионом? // *East East*. Режим доступа: <https://easteast.world/ru/posts/288>
11. Ахмадуллин В. В. Анализ интерпретации термина "Ближний Восток" западными авторами. *Власть*, 2014. № 4. С. 126-130.
12. *Arab Media Systems* / ed. by C. Richter, C. Kozman. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2021. Available at: <https://doi.org/10.11647/OBP.0238>
13. Institut für den Nahen und Mittleren Osten. *Arabic Talkshows*. Available at: <https://www.naher-osten.uni-muenchen.de/forschung/massenmedien/archiv-arabic-talkshows/about-al-mayadeen.pdf> EDN: SCKVKX

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию специфики современного медиаландшафта Ближнего Востока. Отмечается, что «в рамках современной академической парадигмы сущность медиасистем зачастую рассматривается через призму национального контекста», «прежний подход не отражал тенденций развития медиасистем Ближнего Востока», «современная концепция должна учитывать процессы глобализации и переходить от анализа вертикальных отношений между медиаинститутами и политической структурой к горизонтальным взаимодействиям медиакультур и культурных потоков, легко преодолевающих национальные границы», поэтому «данная работа призвана восполнить этот пробел и определить на примере концепции «сопротивления» принцип формирования транснациональных медиасистем Ближнего Востока», чем, по сути, и обусловлена актуальность представленного материала.

Теоретической основой исследования выступают труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные теории массовых коммуникаций; компаративным исследованиям современных медиасистем; медиасистеме в национальном контексте; медиасистемам Арабского мира и др. Библиография насчитывает 13 источников, в том числе электронные ресурсы, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям, находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить, что автор(ы) практически не апеллирует к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачам: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, исторический метод, анализ научной литературы и документов, качественный контент-анализ, основанный на доктрине оси «сопротивления».

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) рассмотрели теоретические основы понятия «медиасистема»; сущность транснациональных медиасистем («на наш взгляд, системообразующим фактором образования транснациональных медиасистем Ближнего Востока является религиозная стратификация – идейно-ценностный конфликт парадигм, который актуализируется в информационной сфере»). В заключении сформулированы выводы о том, что «продолжение дискурса о сущности медиасистем вне замкнутых границ должно содействовать формированию нового транснационального подхода», который «будет более релевантен для анализа медийных систем Ближнего Востока, так как они не соответствуют политическим и культурным границам государств, формируя вненациональное поляризованное информационное пространство»; «его ключевой характеристикой является глокализация – фрагментация медиасистем на два блок: «аутентичный» и «дивергентный»; «понимание медиасистем через призму истории развития региона, ислама, роли племенных связей (или негосударственных акторов), пространственно-временных характеристик будет превалировать над границами государств и национальной политикой»).

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и

практическую ценность: они вносят вклад в изучение специфики современного медиапространства Ближнего Востока и могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хабиров К.А., Рудакова С.В. Мифопоэтика образа героя в романах А. А. Аствацатурова // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74943 EDN: RERAWA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74943

Мифопоэтика образа героя в романах А. А. Аствацатурова

Хабиров Кирилл Александрович

ORCID: 0000-0002-8812-9073

аспирант; кафедра языкознание и литературоведение; Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38,

✉ xvbirow@gmail.com

Рудакова Светлана Викторовна

ORCID: 0000-0001-8378-061X

доктор филологических наук

профессор, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

[Статья из рубрики "Мифы и мифологемы"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74943

EDN:

RERAWA

Дата направления статьи в редакцию:

17-06-2025

Дата публикации:

24-06-2025

Аннотация: В статье исследуется мифопоэтика романов Андрея Алексеевича Аствацатурова ("Скунскамера", "Осень в карманах") как яркое проявление трансформации мифологических структур в современных художественных практиках. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей переосмысления и

интеграции древних мифологем в современный русский роман, рассмотрении того, каким образом древние мифы о Сизифе и Одиссее, лишенные традиционного героического пафоса, обретают новые философские и экзистенциальные смыслы через ироническое и юмористическое дистанцирование автора. Предметом анализа данного исследования становится герой романов А. А. Аствацатурова, находящийся на границе между реальностью и мифом, где последнее является не только символическим освоением мира, но и катализатором философских рефлексий на тему настоящего. Одна из важных задач исследования – выяснения того, каким образом через юмор, иронию и литературную игру формируется новая мифопоэтика. Методологическая основа исследования – синтез мифопоэтического подхода, метода описательного анализа и метода обобщения текста. Комплексное применение этих методов дает возможность не только изучить мифологические образы и мотивы, но и проникнуть в глубинные слои текста, выявляя скрытые смыслы произведений А. А. Аствацатурова. Научная новизна работы состоит в комплексном рассмотрении взаимодействия мифологических архетипов с постмодернистской и метамодернистской эстетикой через призму литературной иронии, что позволяет выявить новые значения и функции мифа в современной русской прозе. Результаты анализа демонстрируют, что в текстах Аствацатурова миф становится не только инструментом художественной игры, но и катализатором философской рефлексии относительно повседневности, кризиса идентичности и поиска смысла в изменяющейся культурной парадигме. Полученные выводы расширяют представления о мифопоэтических процессах в современной литературе и могут применяться в дальнейшем анализе художественных текстов, где мифологическое начало сочетается с элементами иронии, интертекстуальности и метамодернистской чувствительности. Таким образом, статья актуализирует значимость исследования мифопоэтики как мультидисциплинарного инструмента для осмысления новых культурных и антропологических тенденций, подтверждая, что художественное освоение мифа в произведениях А. А. Аствацатурова открывает возможности для многоуровневой интерпретации литературного текста в условиях современной российской и мировой словесности.

Ключевые слова:

Мифопоэтика, А. Аствацатуров, постмодернизм, ирония, роман, миф, Одиссей, Сизиф, Скунсамера, Осень в карманах

Введение

В последние десятилетия возрос интерес исследователей к мифу. Миф изучается на стыке антропологии, культурологии, психоанализа, философии и литературоведения [\[13\]](#), [\[17\]](#). По-прежнему актуальны психоаналитические трактовки К. Г. Юнга [\[35\]](#) и его последователей, которые используют его теорию как в области психоанализа, так и в сфере изучения мифологических систем [\[26\]](#), [\[28\]](#).

Ряд исследователей изучает вопросы мифологической коммуникации [\[15\]](#), [\[27\]](#), [\[34\]](#), [\[33\]](#), в основе которой лежит особый код «доверие/недоверие», способный определять структуру любой социальной и культурной системы [\[16\]](#). Миф рассматривается инструмент сознательного воздействия, при этом коммуникационное пространство становится мифологическим [\[27\]](#), [\[34\]](#), а миф обретает силу и власть, реализует свою собственную логику и причинно-следственные связи [\[15\]](#).

Современные исследования касаются и вопросов взаимодействия мифа и новых медиа, анализируя, как мифы адаптируются и переосмысляются в цифровой культуре: в кино, компьютерных играх, интернет-нарративах и мемах [\[32\],\[42\]](#).

Выявляется тенденция к многоуровневому диалогу литературы с мифом не столько как с источником сюжетных схем, сколько как с инструментом формирования новых смыслов в условиях постмодернистской, а также постсекулярной культурной ситуации. В ряде работ [\[36\],\[43\]](#) акцентируется внимание на процессе ремифологизации: показывается, что современные писатели не просто эксплуатируют миф, а парадоксальным образом «возвращают» миф в действительность, создавая новые формы сакрализации через иронию, пародию на классические сюжеты. Современные филологи анализируют мифы не только как данность классической традиции, но как живой, гибкий нарратив, который может быть деконструирован, трансформирован и адаптирован в новых культурных и социальных контекстах [\[1\],\[4\],\[7\],\[8\],\[9\],\[31\],\[39\],\[40\]](#), показывают, как мифы используются для формирования (или разрушения) коллективной и/или индивидуальной идентичности и памяти [\[24\],\[37\],\[38\]](#).

В современных исследованиях мифа фокусируется внимание на его функциональной пластичности, интерактивности, возможности интеграции в новые медиумы и культурные контексты. В целом миф воспринимается не столько как пережиток, сколько как «живое» средство художественного моделирования, потенциально способное быть инструментом критических, творческих и терапевтических стратегий.

Актуальным становится переосмысление мифологических архетипов в условиях метамодернистской культурной парадигмы, в которой размываются границы между серьезным и ироническим, сакральным и профанным, устойчивым и фрагментированным, наблюдается сдвиг от классического мифологизма к новым формам мифопоэтического письма, ориентированного и на деконструкцию, и на реконфигурацию утраченного смыслового пространства.

Андрей Алексеевич Аствацатуров – писатель, литературовед, переводчик и культурный деятель, чье творчество занимает особое место в современной русской прозе. Имя его хорошо известно в академических кругах, а художественные произведения ценятся за интеллектуальную насыщенность, стилистическую точность и ироничную рефлексию над культурным наследием (как отечественным, так и западным).

Анализ исследований, посвященных творчеству А. А. Аствацатурова, позволяет говорить о возрастающем интересе к творчеству этого прозаика постсоветской России. Заметна выраженная тенденция к рассмотрению авторской идиостилистики и языковых экспериментов А. А. Аствацатурова. Т. О. Мусатова [\[19\],\[20\]](#), Ф. Ф. Пантелеева [\[23\]](#), Дж. Маркуччи [\[41\]](#) исследуют различные уровни языковой игры в текстах Аствацатурова – от фонетического и грамматического до лексического и словообразовательного. Особое внимание уделяется каламбуру, окказионализмам, использованию многозначности, игровой семантике и сближению разных уровней языковой структуры [\[19\],\[20\],\[23\]](#). Эти работы позволяют судить о высокой степени лингвистической креативности прозы Аствацатурова, многослойности его текстов и специфике авторского стиля, близкого к постмодернистским стратегиям.

Ряд исследований посвящен изучению жанровых и композиционных особенностей прозы А. А. Аствацатурова, прежде всего его автофикшен-практики. В статьях М. А. Серкиной,

А. С. Подковальниковой [29] и А. Д. Белогорцева [5] рассматривается специфика построения романов Аствацатурова, в частности его произведения «Люди в голом»: отмечаются сложная композиция, сочетание зарисовок и лирических рефлексий, органичность соединения автобиографического и художественно-выдуманного начала (псевдоавтобиографизм/автофикшн). А. Д. Белогорцев помещает творчество Аствацатурова в широкий контекст жанровых экспериментов новой русской и зарубежной прозы, отмечая аналитический подход этого автора к использованию автофикшн в своих произведениях [5].

Другое заметное направление в исследованиях прозы А. А. Аствацатурова – анализ особенностей его героя и специфики повествования. Так, П. В. Соколова рассматривает особенности главных героев Аствацатурова, выявляет их связь с типом «маленького человека», анализируя трансформации этого типа в условиях позднесоветского и постсоветского времени [30]. Б. В. Ковалев и А. П. Жуков сопоставляют методы описания «человека отчужденного», ландшафта, межличностных взаимоотношений и коммуникации в романе А. А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов» (2019) и в произведении уругвайского прозаика Х. К. Онетти «Короткая жизнь» [12]. М. Т. Наср рассматривает творчество А. А. Аствацатурова в контексте российского интеллектуального романа XXI века, отмечая, что произведение «Не кормите и не трогайте пеликанов» оказывается на стыке постмодернизма и диджимодернизма. Именно М. Т. Наср обращает в своем исследовании внимание на особенности модели повествования А. А. Аствацатурова – концептуальность, мифотворчество и активное вовлечение читателя в игру с текстом [21].

Можно отметить интерес исследователей и ко внутреннему диалогу как к важнейшему элементу нарративной структуры романов А. А. Аствацатурова и его современников (В. Пелевина, М. Елизарова) [22].

Очевидна тенденция к созданию научных работ, учитывающих «пограничность» творчества А. А. Аствацатурова между постмодернизмом и новыми литературными направлениями, а также к интерпретации его текстов как примеров яркой интеллектуальной прозы, в которой художественная игра сочетается с культурно-философским осмыслением действительности.

В романах А. А. Аствацатурова мифологическая символика проявляется в скрытых структурах и иронических аллюзиях. Герои его романов – персонажи, лишенные традиционного героического ореола, пребывающие в пространстве культурного разлома: между памятью о великом и ощущением повседневной тривиальности.

В последние десятилетия мифопоэтический метод активно используется при анализе произведений, в которых мифология служит не столько инструментом повествования, сколько способом осмысления экзистенциальных и социокультурных проблем современности. Цель нашей работы заключается в выявлении особенностей переосмысления и интеграции древних мифологем в современный русский роман, рассмотрении того, каким образом мифы о Сизифе и Одиссее, лишенные традиционного героического пафоса, обретают новые философские и экзистенциальные смыслы через ироническое и юмористическое дистанцирование автора. Одна из важных задач исследования – выяснения того, каким образом через юмор, иронию и литературную игру формируется новая мифопоэтика.

Мифопоэтика в современной филологии рассматривается двойственно. С одной стороны,

это понятие используется для обозначения специфического предмета изучения – различных проявлений мифологического, архетипического в художественных произведениях (сюжете, мотивах, образах и т. д.). С другой стороны, термин мифопоэтика определяет один из популярных методов филологического анализа, используемых для исследования воплощения мифа (и его составляющих) в художественном произведении. В своей работе мы будем при использовании понятия мифопоэтика, при учитывая обе интерпретации.

А. А. Аствацатуров - один из ярких писателей современной литературы, активно работающих с мифологическим компонентом. В его произведениях мифологическая символика представлена неявно, она скрыта за действиями персонажей. Это позволяет рассматривать романы Аствацатурова в русле мифопоэтического подхода.

История мифопоэтики в России берет начало с 1930-х годов. Исследователем, заложившим основы мифопоэтики в русскоязычной науке, стал В. Я. Пропп [\[25\]](#). Его работы, в частности книга «Морфология волшебной сказки» (1928 г.), где он предложил метод анализа мифологических элементов через структуру народных сказок, стали важным этапом в изучении структуры мифа. Подход В. Я. Проппа к анализу мифологизированных сюжетов оказал влияние на дальнейшие исследования мифологического устройства. В западной литературе мифопоэтика приобрела популярность в 1960–1970-е годы, когда исследователи стали уделять внимание мифу как ключевому элементу постструктуралистской и постмодернистской литературы. Одним из значимых представителей западной мифопоэтики стал К. Леви-Стросс, чьи работы по структурному анализу мифа («Структурная антропология», [\[15\]](#) «Первобытное мышление» [\[14\]](#)) повлияли на развитие мифопоэтики в литературной теории. К. Леви-Стросс считал миф «языком» культуры, который опирается на определенные структурные принципы и бессознательные механизмы, через которые человек воспринимает мир.

Е. М. Мелетинский, размышляя о мифопоэтике, отмечал, что миф и мифологическое сознание имеют свою собственную логику, которая выходит за пределы рационалистического подхода и не ограничивается только историческим контекстом [\[17, с. 442\]](#). Мифопоэтика, по мнению этого ученого, имеет нечто, что выходит за рамки сугубо исторического или культурного восприятия мифа, и этот элемент имеет «позитивный смысл», он не только необходим для исследования мифов, но и помогает лучше понять их влияние на человеческое сознание и культуру.

Интерес к мифопоэтике связан и с растущим вниманием к уникальной переработке мифологических образов в условиях изменяющейся культурной парадигмы. Традиционно мифы воспринимаются как неизменные архаические структуры, как основа человеческой культуры, но за последние десятилетия – в условиях замещения постмодернизма метамодернизмом – мифология начала играть другую роль. Мифопоэтика, перестав быть инструментом анализа прошлого, превратилась в активное средство осмысления новых экзистенциальных и социокультурных проблем. Мифологемы, адаптированные к современности, обретают динамичность, что открывает новые горизонты для их исследования в литературоведении.

Материалы и методы

Для анализа произведений А. А. Аствацатурова, в первую очередь их мифопоэтической структуры, использованы мифопоэтический метод, метод описательного анализа и метод обобщения.

Мифопоэтический метод ориентирован на анализ функционирования мифов в современном произведении, их трансформации в условиях метамодернизма и позволяет обнаруживать влияние мифов на сюжетную и символическую структуру художественного текста, а также рассматривать их как динамичные, изменяющиеся элементы, способные адаптироваться к новым культурным и философским контекстам. В данной работе мифопоэтический метод позволяет проанализировать особенности работы А. А. Аствацатурова с мифами о Сизифе и Одиссее, причем эти мифологические герои рассматриваются как образы, сопрягающиеся с новыми значениями, отражающими переживания и стремления современного человека.

Кроме того, в работе использовались и классические методы – метод описательного анализа и метод обобщения. Комплексное применение этих методов дает возможность не только изучить мифологические образы и мотивы, но и проникнуть в глубинные слои текста, выявляя скрытые смыслы произведений А. А. Аствацатурова.

1. Современный Одиссей

Один из ключевых мифологических образов, переосмысляемых А. А. Аствацатуровым в его литературной практике, – Одиссей, герой, чьи путешествия и возвращения традиционно рассматривались как метафора человеческой судьбы и поиска смысла жизни. В произведениях же А. А. Аствацатурова образ Одиссея обретает новый постмодернистский ракурс, выходя за пределы традиционного мифологического контекста.

Классический Одиссей – герой, стремящийся к возвращению домой после долгих странствий, каждое его испытание служит метафорой человеческой борьбы с внешними и внутренними силами [\[18, II, с. 243-246\]](#). У Аствацатурова же образ Одиссея трансформируется в персонажа, для которого путешествия и возвращения утрачивают героический пафос и становятся частью повседневности. Современный Одиссей в произведениях Аствацатурова – это человек, которому не нужно искать свой дом в физическом смысле, его «дом» уже найден, а все путешествия служат, скорее, поддержанию стабильности и комфорта. Вместо стремления к эпическим свершениям герой Аствацатурова оказывается поглощен необходимостью повторения ежедневных ритуалов, своего рода «командировок». Эти ритуалы реализуют своеобразный профанный аспект мифа, в котором эпос уступает место повтору как механизму поддержания идентичности.

Главный герой романа «Скунскамера», словно новый Одиссей, отправляется, но не в путешествие по морю, а в лабиринты собственного дома, семейной истории и городской топографии Петербурга-Ленинграда. Его одиссея – это не путешествие домой, а попытка разобраться в себе, найти «родину», свою основу, в мире фрагментарном, лишенном единого центра смысла, что отражает постмодернистскую деконструкцию классического мифа.

История Одиссея Аствацатурова становится повествованием не о борьбе и преодолении, а о том, как человек может мирно сосуществовать со своим привычным окружением. Путешествие героя в этом случае – не освобождение или обретение нового смысла, а необходимость поддержания текущего состояния, своего рода ритуал, который, возможно, не имеет великой цели, но обеспечивает эмоциональный комфорт и стабильность. Подобный подход к переосмыслению мифологического героя позволяет понять особенности иронии в творчестве Аствацатурова, заставляющего читателя воспринимать миф о поисках и возвращениях как абсурдное, но необходимое

продолжение повседневной жизни, лишённое трагизма и героизма, но пронизанное рефлексией о месте человека в этом мире.

Соединение серьёзных мифологических тем с иронией позволяет писателю представлять древние мифы в новом свете. Персонажи, которые раньше олицетворяли страх, отчуждение и трагедию, становятся частью повседневной жизни, и появление в тексте сопровождается иронией: «Бомж тем временем встаёт рядом и начинает покачиваться взад-вперед, похоже, сам толком не зная, чего ему здесь желается. Наконец, произносит пьяным поплывшим голосом:

– Слышь, братан, мелочью не поможешь?

– Денег нет, – отвечаю.

Бомж стоит, раскачивается. Почему-то не уходит. И вдруг неожиданно высказывается:

– Работать надо! Работать! Понял?! – Он плюёт со злости в темную воду, и, пошатываясь, начинает двигаться в сторону Дворцового моста» [\[2, с. 61\]](#).

Важен тот факт, что для Аствацатурова характерно не заимствование отдельных фрагментов мифов, а их переосмысление через иронию, это становится специфической чертой как его художественного метода, так и философского подхода. У главного героя романа «Скунскамера» необычный взгляд на мир, чему находится ироничное объяснение – ведь на его голове «особый» шлем: «Ага, шлем, – подтвердил отец, – шлем олуха царя небесного» [\[3, с. 202\]](#). Автор сознательно пародирует и осовременивает мотивы одиссеи: долгие хождения по улицам города, воспоминания о различных ситуациях, случившихся с героем или его знакомыми, родными становятся аналогом морских странствий и испытаний Одиссея. Но вместо богов и чудовищ в истории современного Одиссея появляются странные люди, абсурдные обстоятельства, курьезы и бытовые трудности города. Мир вокруг героя – это «острова» памяти, некая музеификация, но в то же время – поле для конструирования личной мифологии. Путешествие воспроизводится в ироническом ключе, главный мотив античного мифа об Одиссее – «ностос» (в переводе с греческого возвращение домой) – превращается в мотив постоянного поиска и размышление о «доме», а история героя трансформируется в некий интеллектуальный «квест»: Одиссей Аствацатурова – это своеобразный собиратель культурных текстов, фрагментарных воспоминаний, отсылок и цитат, которые складываются в бесконечно «одиссею» постмодернистской личности, реконструировать которую и должен подготовленный читатель.

Главный герой Аствацатурова не стремится сбежать от своей реальности и вернуться на свою «Итаку», как это делает, например, классический герой мифа, а, наоборот, воспринимает каждое «путешествие» (командировку) как необходимое условие для сохранения привычного порядка. Можно утверждать, что герой А. А. Аствацатурова не любит путешествия, они ему вредят, его жизненным принципом становятся слова И. Бродского из стихотворения «Пейзаж с наводнением» – «не выходи из комнаты, не совершай ошибку» [\[6, с. 561\]](#). Когда же он всё же покидает привычное пространство, то ощущает пустоту: «Мыслям, которые приходят в голову, когда сидишь взаперти, доверять нельзя. Так говорила Люся. Но других у меня никогда не было. И если мне приходилось выходить из дому, то в голове сразу делалось пусто» [\[3, с. 9\]](#). Для этого героя привычное – знак стабильности жизни.

Главный герой романа «Скунскамера» не совершает подвигов, не ведёт борьбу во имя

высших идеалов, не выделяется ярко выраженной волей к действию. Это не герой-деятель, это герой-наблюдатель, рефлексирующий, иронизирующий над самим собой, его ценность проявляется не в способности преобразовать мир, а в способности к критическому восприятию, сомнению.

Немецкий приятель главного героя романа «Скунскамера», которого зовут Том, оказывается больше связан со стереотипным мифологическим образом Одиссея, чем сам главный герой: «Саша! Понимаешь, я вчера решил поехать в город Магнитогорск! – В Магнитогорск? – безо всякого интереса уточнил Ванин» [\[3, с. 50\]](#); «Ты понимаешь, – стал поспешно объяснять Том. – Я вчера открываю атлас России, и мне попадаете на глаза слово „Магнитогорск“. И я чувствую, оно меня магнитом тянет» [\[3, с. 50\]](#).

В романе «Осень в карманах» повествование строится как «путешествие по лабиринтам памяти», где главным становится не внешний антураж, а внутренние переживания и воспоминания героя. Это путешествие напоминает «Одиссею», но «возвращение домой» здесь превращается в метафору «возвращения» к себе, детству, культурным корням. Герой романа, Александр, оказывается в пространстве между прошлым и настоящим, между современным Петербургом и родным городом, как Одиссей между Троей и Итакой, но это путешествие имеет физический, а ментальный характер, оно иронично дистанцировано, связано с повторяющимися попытками самопознания героя.

Аствацатуров сознательно деконструирует миф об Одиссее в «Осени в карманах»: герой его романа часто цитирует классические тексты, иронизирует над традиционным образом Одиссея, воспринимающимся универсальным символом «вечного возвращения» и героем-кочевником, пересматривая его смысл в современных реалиях. Авторская постмодернистская ирония проявляется в том, что его современный Одиссей становится не столько героем или даже антигероем, сколько героем-текстом, своеобразным палимпсестом культурных аллюзий. Пространство романа «Осень в карманах» наполняется разрозненными фрагментами воспоминаний, отдельных цитат, культурных отсылок, всё это создает ощущение, что герой возвращается не на «Итаку», а в своего рода музей собственного прошлого, где предметы и образы утратили прежнюю цельность и значение. И здесь мотив «возвращения» героя оказывается связан с мотивом бесконечного пересобирания модели идентичности из культурных и личных «осколков». Современный Одиссей перестает быть героем преодоления, становясь фигурой, ассоциирующейся с утратой. Жизненный путь этого героя – блуждание среди текстов и вещей, его путь домой превращается в ироническую мечту или даже в воспоминание о ней.

В произведениях А. А. Аствацатурова, как и в других текстах постсовременной прозы, фиксируется внимание на рефлексирующем и иронизирующем над самим собой герое, и в этом проявляется его соответствие времени. Он не совершает подвигов в традиционном смысле, его действия часто минимальны или вовсе отсутствуют. Этот герой выживает в хаосе, сохраняет индивидуальность в потоке знаков и информационного шума; для него, в отличие от классического Одиссея, главным становится не действие, не подвиг, а поиск смысла, интерпретация сделанного им самим и другими. Однако именно в этой пассивности, неспешной рефлексии, в особой чувствительности к языку, истории и памяти проявляется новый тип героизма – героизм сопротивления поверхностности, банальности, идеологическому автоматизму. Миф об Одиссее у А. А. Аствацатурова становится инструментом иронической рефлексии и постмодернистской игры: мифологический герой, введенный автором в современное пространство, не возвращается домой буквально, а бесконечно реконструирует свою идентичность,

перебирая культурные и личные «сувениры» прошлого. Возвращение утрачивает героический смысл, обретая характер некоего культурологического жеста, представляющего собой попытку заново собрать себя из фрагментов большого нарратива.

2. Переосмысление образа Сизифа

Мифологический образ Сизифа, традиционно символизирующий бессмысленный, бесконечный труд, в произведениях А. А. Аствацатурова претерпевает значительные изменения. В классической мифологии Сизиф был наказан за свою хитрость тем, что должен был вечно толкать на гору камень, откуда тот постоянно скатывался вниз, не давая герою возможности достичь цели. Яркое изображение Сизифа и его наказания описаны Гомером в его поэме «Одиссея»: «Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью: / Тяжкий камень снизу обеими влек он руками / В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись, / Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины / С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой, / Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень / Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши, / Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью [\[10, с. 178\]](#).

Этот миф о тщетности усилий и цикличности наказания воспринимался как метафора абсурдности человеческого существования. В творчестве А. А. Аствацатурова миф о Сизифе приобретает новые смысловые оттенки, выходя за пределы традиционного восприятия страдания и бессмысленного труда. Безусловно, учитывает Аствацатуров и интерпретацию этого мифа, переданную А. Камю [\[11\]](#).

Камю в своей работе «Миф о Сизифе» рассматривает Сизифа как символ человеческой участи, обреченной на вечную, бессмысленную борьбу с судьбой. Герой Камю осознает абсурдность своего существования, но не капитулирует перед ним, а принимает его и находит в этом принятии определенную свободу.

А. А. Аствацатуров, наследуя эту концепцию, наделяет своих персонажей схожими чертами. Они сталкиваются с бессмысленностью и хаосом окружающего мира, но не впадают в отчаяние, а продолжают действовать, искать смысл, пусть даже в том, чем они заняты. В отличие от Камю, представившего историю Сизифа как трагедию, Аствацатуров наполняет сизифов труд постмодернистским юмором и самоиронией. Сизифов труд уже не трактуется как наказание или проявление бессмысленности. Это уже не символ бесплодных усилий, такой труд превращается в метафору стабильности и необходимости для поддержания привычного порядка. Для героев Аствацатурова, чьи жизни представляют собой череду рутинных действий и ежедневных обязанностей, труд Сизифа становится не тем, что должно быть преодолено или устранено, а тем, что поддерживает систему существования. Переосмысленный образ Сизифа символизирует не столько абсурдность человеческих усилий, сколько необходимость повторяющихся действий, которые создают предсказуемость в жизни.

Образ современного Сизифа выразительней всего представлен в романе «Скунскамера», насыщенном интертекстуальностью и ироничным переосмыслением традиционных нарративов. Миф о Сизифе приобретает особый смысл: рассказ ведется от лица героя, который погружен в повторяющиеся, кажущиеся бессмысленными, ритуалы и действия, лишённые видимого результата: «Воспоминания обычно даются мне через силу. Я, конечно, рассыпаю бисером буквы на клочки бумаги, пытаюсь бежать, оставаясь на месте, и даже улетаю в своем воображении в сторону отодвигающегося горизонта, закрытого типовыми постройками. Но слишком уж часто останавливаюсь и возвращаюсь

в настоящее» [3, с. 42]. Именно это «настоящее» – собственное существование – и становится тем «камнем», который вновь и вновь возвращает героя на исходную точку, не давая возможности двинуться далее. Особенности этой экзистенциальной борьбы отражаются в реплике: «Настоящее держит меня очень цепко, как порноактер порноактрису, и ни за что не отпустит» [3, с. 42]. Герой использует ироничную метафору, подчеркивая ею бессмысленность происходящего с ним. Происходит перевертывание мифа, что одновременно маркирует сдвиг в экзистенциальной оптике и вводит иронию по отношению к устоявшимся представлениям.

В романе «Осень в карманах» [2] А. А. Аствацатурова миф о Сизифе преломляется через призму постмодернистского мировосприятия, где центральными становятся темы абсурдности повседневности, повторяемости жизненного опыта, иронии к универсальным смыслам. Герой романа в своей неустанной борьбе с обыденностью подобен Сизифу. Он наполняет свою каждодневность рефлексией, самоиронией, уделяет внимание деталям (будь то осенний дождь, старый свитер или нелепая ситуация), превращая привычное в предмет философских размышлений – это и есть путь современного Сизифа. Важной особенностью трактовки мифа у Аствацатурова становится отказ от трагического и героического пафоса. Герой романа стремится не преодолеть абсурд жизни через бунт, а примириться с ним, увидеть в постоянстве ритуалов источник личного смысла.

У А. А. Аствацатурова Сизифов труд перестает служить трагическим символом разрушения и фрустрации. Вместо этого он превращается в своеобразный ритуал, который, несмотря на цикличность и повторяемость, обеспечивает устойчивость внутреннего мира героя и даже подобие некой гармонии. Речь идет не о стремлении к освобождению от повторяющихся действий, а о признании их значимости для сохранения той стабильности, которая заставляет героя видеть смысл и ценность в повседневной рутине. Через такой взгляд на миф о Сизифе у Аствацатурова открываются новые горизонты в понимании того, как человек может обрести смысл в устойчивости, обыденности своего мира, не изменяя, а принимая его таким, какой он есть.

3. Ироничное осмысление двойничества

Тема двойничества занимает значимое место в мифологическом мышлении, выступая универсальным способом выражения амбивалентности человеческой природы и онтологических представлений о мире. В рамках мифопоэтики фигура двойника служит не только символом внутреннего раздвоения, но и выражением более глубоких культурных и метафизических смыслов, связанных с природой субъективности, смертью, тенью, душой и границами идентичности.

Одним из самых древних и устойчивых мифологических представлений является идея двойника как душевной субстанции, сопровождающей человека. В египетской религиозной системе фигура Ка (духовного двойника) воспринималась как сущность, неразрывно связанная с человеком при жизни и продолжающая его бытие после смерти [18, II, с. 602]. Подобные воззрения обнаруживаются и в греко-римской культуре, где души умерших, пребывающие в подземном мире, сохраняли узнаваемые черты прижизненной личности, будучи одновременно «другими» и «своими». Такая парадоксальная соотношенность «я» и «не – я» обнаруживается как в ритуальных практиках, так и в нарративах, где появление тени, отражения или астрального двойника ассоциируется с переходом в инобытие или предвестием судьбоносных событий.

В мифах североевропейской традиции, например, особенно отчетливо прослеживается представление о двойнике как зловещем символе. Так, в скандинавской мифологии

образ филджи (fylgja) – духовного спутника, принимающего облик животного или человека, – предвосхищает трагические повороты судьбы, включая смерть. Появление такого двойника в видениях или сновидениях нарушает порядок, вводя в повествование тревожный элемент неустойчивости и предопределённости. У А. А. Аствацатурова тема двойничества так же, как и другие, проводится через призму горькой жесткой иронии: «„Осей Бродским“ родители прозвали рыжего мясника, который работал в нашем гастрономе. Его настоящего имени никто не знал, но мама как – то раз за обедом сказала, что мясник в магазине на Тореза – „ну вылитый Ося Бродский“. И отец хмыкнув, с ней согласился. Называть мясника „Осей Бродским“ в нашем доме стало чем – то само собой разумеющимся» [\[3, с. 56\]](#).

Юмористические формы двойничества, включая пародийных двойников, представляют собой важный пласт мифопоэтики, в рамках которого классическая идея раздвоения трансформируется через призму иронии, гротеска и комического несоответствия. Появление таких персонажей обусловлено не столько онтологическим страхом перед «инаковостью» или смертью, сколько игрой с культурными архетипами, их демифологизацией и символическим обесцениванием. Такой подход особенно характерен для литературных и культурных систем, склонных к постмодернистскому размытию сакральных смыслов.

Пародийный двойник, в отличие от трагического или зловещего, выполняет иную функцию: он обнажает условность культурных и литературных кодов, выявляет шаблонность героических мифов, разрушает пафос, заменяя его бытовыми, иногда абсурдными или комическими реалиями. Это особенно ярко проявляется в современной литературе, где традиционные мифологические сюжеты и образы (Одиссей, Сизиф, Геракл, Прометей и др.) получают неожиданное, зачастую сниженное или бытовое воплощение.

Подобное происходит и в прозе А. А. Аствацатурова. Пародийный герой в его произведениях может быть таким же «путешественником», как Одиссей, но его странствия ограничиваются служебной командировкой или походом в супермаркет, – тем самым нарушается героическая вертикаль и появляется горизонталь повседневности (на смену пафосу трагедии приходит ирония). Пародийный герой может быть похож на Сизифа, но сам герой перестает восприниматься трагическим – все его действия напоминают череду алгоритмов, создавая эффект стабильности.

Важно подчеркнуть, что пародийное удвоение не уничтожает миф, но и не просто его копирует: оно вступает с ним в диалог. В таких текстах мифология сохраняется как культурный слой, но она уже не догматична, а пластична, иронична, податлива. Пародийный двойник – это способ выявления не только несоответствия между мифом и реальностью, сколько самого механизма мифотворчества, его уязвимых мест и внутренних противоречий.

Юмористические двойники – это не просто элементы комического, а полноценные участники мифопоэтического процесса. Они способствуют трансформации мифа, раскрывая его подвижную природу, открывая пространство для критического осмысления и одновременно позволяя сохранить связь с мифологическим мышлением через юмор, игру и культурную самоиронию.

В романе «Скунскамера» мифопоэтика приобретает не архаизирующую, а постироническую форму. Юмористическое осмысление культурных символов не разрушает их, а лишь указывает на их продолжающееся влияние в измененном виде.

Через ряд микроэпизодов А. А. Аствацатуров создает особую мифологию памяти, в которой ирония становится инструментом эмоционального дистанцирования и одновременно – способом сохранения культурного кода в новой, адаптированной форме.

Заключение

Мифологические образы в произведениях А. А. Аствацатурова обретают новые, зачастую ироничные значения, становясь метафорами стабильности, комфорта, привычного порядка в жизни. Ответ на вопрос, почему реальность предстает именно в таком ироническом мифологическом контексте, дается самим героем: «Всё, не только наш дом, решительно всё стало клоунским, смешным, нелепым – от бутылок до членов парламента. Всё, кроме самих клоунов, кроме платных сатириков и юмористов. Эти вдруг поскущтели, почему-то стали производить впечатление людей туповатых, хотя прежде, в советские времена, казались очень умными» [\[3, с. 79\]](#).

Герой А. А. Аствацатурова замечает, что даже профессиональные сатирики стали невыносимо скучными – и это становится ключевым моментом: в условиях тотального контроля клоунада, ирония перестают выполнять свою функцию. Там, где раньше смех был освобождением или разоблачением, теперь он не способен отделить ложь от истины, потому что все категории смешались. Это и есть суть экзистенциальной тревоги: нельзя ни верить, ни смеяться, ни сопротивляться, потому что исчезла сама возможность различения. Присутствующая тревога – это реакция на распад символической реальности, на утрату различия между сакральным и профанным, между пафосом и фарсом. В советское время существовали рамки, пусть и жестко идеологизированные, но они создавали структуру мифа, в которой герой мог функционировать, пусть даже в оппозиции. После распада остается только разложение символов. И это вызывает не смех, а рождает тяжелую иронию – один из самых устойчивых мифопоэтических регистров постсоветского романа.

Символика, напрямую или косвенно связанная с мифами, оказывается интегрирована в иронический контекст. Благодаря этому задается особое восприятие различных смысловых пластов произведения: «Помню надпись „СЛАВА ДРУЖБЕ НАРОДОВ!“ на огромном щите, воткнутом, как мне хотелось тогда верить, рукой какого-то доброго хозяина-великана возле тротуара на проспекте Мориса Тореза. Однажды в семилетнем возрасте меня и моего друга Арчи родители вывели погулять. Мы все вышли на проспект, и отец Арчи, показав большим пальцем на щит, сказал моему папе: – Лёня, обрати внимание! Там, куда мы протягиваем руку дружбы, люди обязательно протягивают ноги» [\[3, с. 26\]](#). То, что, казалось бы, должно свидетельствовать о смерти мифа – попытка высмеять, сделать менее значимым – на деле имеет иной эффект.

Миф о Сизифе утрачивает трагический компонент, превращаясь в метафору устойчивости, повторяющиеся действия рассматриваются как процесс, обеспечивающий не разрушение, а гармонию и предсказуемость в жизни героя. Миф об Одиссее, по Аствацатурову, из истории, в основе которой – стремление к открытию нового, трансформируется в символ обычной повседневности, где путешествия и возвращения – это не поиск смысла, а ритуалы, поддерживающие стабильность. Переосмысление связано не столько с разрушением мифов, сколько с их адаптацией к новой культурной реальности, в которой героизм уступает место рефлексии, а подвиг – привычке. Подобный подход к мифу позволяет автору не только осмыслить мифы как универсальные культурные коды, но и адаптировать их к метамодернистскому контексту. Через юмор, иронию и переосмысление классических образов автор показывает, как мифы продолжают жить и менять формы, открывая новые горизонты для понимания

человеческой реальности и идентичности.

Библиография

1. Аникин Д. А. Исторический миф как предмет "memory studies": в поисках методологии исследования // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2018. № 6(70). С. 6-8.
2. Аствацатуров А. Осень в карманах: роман в рассказах. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 287 с.
3. Аствацатуров А. А. Скунскамера: роман. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 252 с.
4. Барт Р. Мифология / Пер. с фр., вступ. ст. и комм. С. Н. Зенкина. Москва: Академический проспект, 2008. 353 с.
5. Белогорцев А. Д. Автофикшн, или Псевдоавтобиография: особенности жанра в современной русской литературе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3. С. 23-33. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-23-33 EDN: AAUVMA.
6. Бродский И. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 880 с.
7. Вершина В. А., Михайлюк А. В. Миф в современной культуре // Гилея: научный вестник. 2015. № 95. С. 234-238. EDN: TTGZKZ.
8. Воеводина Л. Н. Мифотворчество как феномен современной культуры: дисс. ... д-ра философ. н. Москва, 2022. 282 с.
9. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: монография. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2013. 130 с. EDN: UEPKQT.
10. Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Редкол. И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жиякова и др. М.: Яз. рус. культуры, 1999-... Т. 6. Переводы из Гомера. "Илиада". "Одиссея" / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. 2010. С. 25-347.
11. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 90-92.
12. Ковалев Б. В., Жуков А. П. Человек отчужденный в романах А. А. Аствацатурова "Не кормите и не трогайте пеликанов" и Х.К. Онетти "Короткая жизнь" // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 183-193. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-3-183-193. EDN: WPDKNH.
13. Кэмпбэлл Дж. Тысячеликий герой. С-Пб.: Питер, 2018. 308 с.
14. Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст., примеч. А.Б. Островского. М.: Терра-Книжный клуб: Республика, 1999. 384 с.
15. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Т. 4. Человек голый. М.; СПб.: Университетская книга, 2007. 784 с.
16. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 25-42.
17. Мелетинский Е. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
18. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. II. М.: Советская Энциклопедия, 1992. 719 с.
19. Мусатова Т. О. Языковая игра на грамматическом уровне в художественных текстах Андрея Аствацатурова // Молодой ученый. 2022. № 19(414). С. 486-488. EDN: HFXHLV.
20. Мусатова Т. О., Пантелеев А. Ф. Каламбур как особенность постмодернистского текста (на примере творчества А. Аствацатурова) // Libri Magistri. 2023. № 3(25). С. 151-159. EDN: GIWMKS.

21. Наср М.Т. Литературный герой в современном российском интеллектуальном романе XXI века // Litera. 2022. № 1. С. 78-90. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.1.37224 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37224
22. Наумова Л. Н. Функции внутренних диалогов в современной Отечественной литературе на материале произведений В. Пелевина, М. Елизарова и А. Аствацатурова // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 14. С. 611-615. EDN: PWVWQS.
23. Пантелеев А. Ф., Мусатова Т. О. Языковая игра в художественной прозе А. Аствацатурова: лексический и словообразовательный уровни // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 98, № 3. С. 127-134. DOI 10.18522/2070-1403-2023-97-2-127-134. EDN: QURVTP.
24. Пилюгина Е. В. Мифы, мифологемы и идеология как инструменты влияния на социальную действительность в условиях информационной войны // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 166-182. EDN: VJFQBR.
25. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
26. Рязанова С. В. Роль теории архетипов в анализе мифа // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 3. С. 12-16. EDN: PLBHDH.
27. Рудакова С. В., Жавнерович М. С. Мифологическая коммуникация в раннем творчестве Виктора Пелевина // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 7-1. DOI: 10.34670/AR.2023.67.79.004 EDN: HVRTDY.
28. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. М.: ЧеРо, 1997. 443 с.
29. Серкина М. А., Подковальникова А. С. Аспекты психологизма в псевдоавтобиографической прозе Андрея // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15-17 октября 2024 года. Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. С. 260-263. EDN: GBLVZT.
30. Соколова П. В. "Маленький" герой прозы Аствацатурова // Художественный текст глазами молодых: Материалы IV международной научной конференции, Ярославль, 26 октября 2019 года / Сост. М. Г. Пономарева, Е. А. Федорова. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. С. 268-272.
31. Ставицкий А. В. Роль мифа в современном обществе // Ценности и смыслы. 2019. № 3(61). С. 47-60. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10068. EDN: ALFMKJ.
32. Хабиров К. А. Мифопоэтика в видеопоезии // Libri Magistri. 2022. № 4(22). С. 139-149. DOI 10.52172/2587-6945_2022_22_4_139 EDN: XVXROF.
33. Чубукова Е. И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта / Е. И. Чубукова // Сборник в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. Вып. 8. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta> (20.05.2025).
34. Шемякина Е. М. Мифологические модели в современной культуре деловых коммуникаций // Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации. М.: Гуманитарно-социальный институт, 2015. С. 250-254. EDN: VCBILV.
35. Юнг К. Г. Архетипы коллективного бессознательного. М.: Аст, 2023. 224 с.
36. Armstrong K. A Short History of Myth. Edinburgh - London - New York - Melbourne: Canongate, 2005. 64 p.
37. Bhabha H. K. The Location of Culture. London and New York: Routledge, 1994. 295 p.
38. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 154 p.
39. Frye N. Anatomy of Criticism. With a Foreword by Harold Bloom. Princeton University Press, 1957. 400 p.

40. Hayles N. K. Electronic Literature. New Horizons for the Literary. University of Notre Dame Press, 2008. 223 p.
41. Marcucci G. Smells, Things, Sounds: Signs of the Past in the Works by A. Astvatsaturov // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11, No. 3. P. 374-384. DOI 10.17516/1997-1370-0233. EDN: YWSDJQ.
42. Ryan, Marie-Laure. Narrative as Virtual Reality: immersion and interactivity in literature and electronic media. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 399 p.
43. Sandner D. M. Fantastic Literature: A Critical Reader. Bloomsbury Publishing, 2004. 376 p.
44. Warner M. From the Beast to the Blonde: On Fairy Tales and Their Tellers. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1995. 518 p. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает мифопоэтика образа героя в романах А. А. Аствацатурова. Актуальность работы определяется как научным интересом к феномену мифа («актуальным становится переосмысление мифологических архетипов в условиях метамодернистской культурной парадигмы, в которой размываются границы между серьезным и ироническим, сакральным и профанным, устойчивым и фрагментированным, наблюдается сдвиг от классического мифологизма к новым формам мифопоэтического письма, ориентированного и на деконструкцию, и на реконфигурацию утраченного смыслового пространства»), так и к творчеству Андрея Алексеевича Аствацатурова, одного из ярких писателей современной литературы, активно работающих с мифологическим компонентом («имя его хорошо известно в академических кругах, а художественные произведения ценятся за интеллектуальную насыщенность, стилистическую точность и ироничную рефлексию над культурным наследием (как отечественным, так и западным)»).

Теоретической базой научной работы послужили фундаментальные и актуальные труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные архетипам коллективного бессознательного; поэтике мифа; морфологии волшебной сказки; мифологическим моделям в современной культуре деловых коммуникаций; роли мифа в современном обществе; литературному герою в современном российском интеллектуальном романе XXI века; различным аспектам творчества Аствацатурова, в том числе жанровым и композиционным особенностям его прозы, авторской идиостилистике и его языковым экспериментам и др. Библиография составляет 44 источника, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, метод обобщения, социокультурный и художественный анализ, литературоведческий и текстуально-герменевтический анализ произведения, культурно-исторический метод, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также мифопоэтический метод.

В ходе исследования проведен качественный анализ изучаемой проблематики: подробно рассмотрены такие ключевые мифологические образы, переосмысляемые А. А. Аствацатуровым в его литературной практике, как Одиссей и Сизиф, проанализирована

тема двойничества. В заключении сформулированы обоснованные выводы о специфике мифологических образов в произведениях А. А. Аствацатурова, которые «обретают новые, зачастую ироничные значения, становясь метафорами стабильности, комфорта, привычного порядка в жизни», «символика, напрямую или косвенно связанная с мифами, оказывается интегрирована в иронический контекст», «переосмысление связано не столько с разрушением мифов, сколько с их адаптацией к новой культурной реальности, в которой героизм уступает место рефлексии, а подвиг – привычке» и др. Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение и интерпретацию новой мифопоэтики; в выявление особенностей переосмысления и интеграции древних мифологем в современном русском романе, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи, идиостилю А. А. Аствацатурова и др. Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мухамадуллин С.Р., Акимов А.А. Медийные стратегии распознавания и защиты от искаженных новостей в русскоязычном интернет-сегменте // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74686 EDN: PSDTMF
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74686

Медийные стратегии распознавания и защиты от искаженных новостей в русскоязычном интернет-сегменте

Мухамадуллин Салават Раилевич

ORCID: 0000-0002-7341-7769

Заведующий лабораторией визуальной информации; КФУ

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Профессора Нухина, зд 1/37

✉ SRMukhamadullin@kpfu.ru

Акимов Андрей Анатольевич

ORCID: 0000-0003-2933-578X

ассистент, институт социально-философских наук и массовых коммуникаций; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Профессора Нухина, зд 1/37

✉ akimov.andrey17@mail.ru

[Статья из рубрики "Фейки"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74686

EDN:

PSDTMF

Дата направления статьи в редакцию:

03-06-2025

Дата публикации:

25-06-2025

Аннотация: В статье предложен подход к выявлению признаков фейковой информации и противодействию им в рамках информационной политики вузов. Анализ информационных кейсов, имеющих признаки дезинформации, показал, что

распространяемые фейки имеют сверхфакторы риска для государства. Ложная информация направлена на дестабилизацию социально-политической ситуации, формирование негативного образа руководства страны у граждан. При этом, ориентируясь на массовую аудиторию, фейки направлены на смену моральных установок, повышение тревожности и формирование негативных нарративов к общественно-политическому строю. Целью данного исследования выступает определение современных индивидуальных стратегий самозащиты от фейковой информации. Объектом исследования является информационное поле Российской Федерации. Предметом исследования выступает фейковая информация. В рамках научной статьи рассматривается общемировая динамика распространения фейков, технологии применения передовых технологий для создания недостоверного контента и стратегии противодействия искажённой информации. В качестве методов исследования были использованы контент-анализ недостоверных публикаций, обзор литературы по теме публикации, заочный опрос молодёжи для выявления уровня компетенций по противодействию дезинформации. К основным выводам научного исследования относятся активное развитие технологий, влияющих на сложность определения достоверности информации. Крайне часто для создания фейковой информации используется искусственный интеллект. Получившийся результат при беглом просмотре сложно отличить от достоверного. Также при создании фейков используются ссылки на несуществующие источники или цитаты псевдоэкспертов. Манипулятивные приёмы и отсутствие оперативной работы со стороны государственных структур и заинтересованных компаний позволяет фейкам оказать большее воздействие. Примером такого влияния является рассматриваемый в статье случай в Казанском федеральном университете. Особым вкладом в исследование темы является проведённый опрос, позволивший выявить значимые направления для снижения влияния фейков, в том числе востребованность официального канала с достоверной информацией и позицией государства, в качестве которого может использоваться один из элементов системы электронного правительства. На основе проведённого исследования были сформулированы правила для защиты от дезинформации. Основными тезисами выступает принцип оперативности, принцип информационного пузыря, критический подход к информации, внимание к маркерам манипуляции, информационная гигиена и проверка информации через официальные ресурсы.

Ключевые слова:

информационная политика, ф е й к и , дезинформация, фактчекинг, достоверность, информационная грамотность, манипуляция информацией, законодательство, электронное правительство, стратегия самозащиты

Исследования фейковой информации и аспектов ее распространения и влияния достаточно обширно представлены в отечественных и зарубежных науках. Можно выделить несколько важных направлений, которые затрагивают контекст, формирующийся под воздействием дезинформирующих инструментов. Фейковая информация влияет на формирование общественного мнения, потому что нет времени ее перепроверять, но она привлекательна по своему содержанию. Отсутствие знаний об истинности, потребляемой информации, развивается в ходе процесса развития информационных технологий, которые усиливают дисперсность аудитории. Соответственно такая аудитория используется в качестве объекта фейковой информации, являясь производной процесса. Кроме того, особенности технологий распространения

информации создают условия для фрагментированного и обрывочного представления о происходящих событиях, коммерциализация СМИ открывает простор для манипуляций медиаресурсами за счет их финансирования и механизмов повышения рейтингов, а политическое давление и влияние извне, совмещая все предыдущие особенности СМИ в наше время, начинают воздействовать на коммерческий интерес СМИ через их финансирование, манипулируя при этом «лоскутностью» представляемых фактов для создания удобной той или иной политической силе картины мира. Рассматривая маркеры фейковой информации в медиатекстах, то Стернин И.А. и Шестерина А.М. относят к ним анонимную атрибуцию, предложение простого и эффективного решения проблемы, конспирологическую аргументацию, требования быстроты реакции, профессиональные штампы, гиперболизированные заголовки, высокую эмоциональность текста и т.д. [\[1-12\]](#).

Говоря о зарубежных исследованиях, то распространение фейковых новостей изучали И. Сюй, Д. Чжоу и В. Ван в работе, посвященной восприятию фейков [\[12\]](#), восприятие фейковых новостей рассматривали Пенникук Г. и Рэнд Д.Г. [\[11\]](#).

Распространение фейковых новостей – сложный процесс. Аналитическая модель, предложенная Ф. Джильетто, Л. Яннелли, А. Валериани и Л. Росси [\[10\]](#) делит этот процесс на три уровня: микроуровень, мезоуровень (возможные взаимосвязи между суждениями и решениями) и макроуровень (процесс распространения ложных новостей). В нашем исследовании мы опираемся на первый уровень для формирования критериев оценки правдивости новостей.

Актуальность, сложность и многоаспектность задачи проверки достоверности распространяемой информации предопределяет множественность подходов к её решению, поиск различных вариантов и механизмов эффективного управления коммуникацией. Природа появления информации в контексте медиаполя не может быть определена рамками классических источников информации. Существенное развитие каналов распространения информации открыло широкое поле для интерпретаций и вторичных новостей. В рамках противодействия созданию и распространению фейковых новостей в российском законодательстве приняты нормативно-правовые акты, направленные на защиту граждан [\[13-15\]](#). Совершенствуются общественные механизмы и стратегии защиты граждан от деструктивного воздействия искаженной – фейковой информации. Так, в 2019 году были приняты поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и изменения в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП). Они определяют, что фейковые новости – это недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений и создающей угрозу для безопасности. Согласно пояснениям к законопроекту, информация может иметь разную степень достоверности, поэтому определять эту степень будут Генеральный прокурор РФ и его заместители в рамках своей компетенции. При этом критерии опасности, вызванные фейковыми новостями, будут определяться руководством надзорного ведомства «исходя из новостной повестки и характера событий, вокруг которых могут возникать волны фейковых новостей с возможными тяжкими последствиями [\[16, 17\]](#). Дополнительно в 2022 году был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который установил уголовную ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и

безопасности.

Несмотря на принятые меры, поле фейковых новостей, по данным Всероссийского центра компетенций в сфере интернет-коммуникаций АНО «Диалог», продолжает расти [5]. По их данным с 2020 года рост количества недостоверной информации систематичен, что подтверждается количественными оценками и пользовательским откликом. Распространение информации о коронавирусной информации, начало проведения Специальной военной операции и объявление частичной мобилизации в 2022 стали одними из ключевых драйверов к росту фейковой информации в русскоязычном сегменте интернета. Относительно недостоверной информации в мире, иностранные исследователи также говорят об обилии фейковых новостей, число которых значительно увеличилось за последние годы. Также предложенные исследователями подходы к определению и противодействию фейковой информации будут приняты во внимание при составлении рекомендаций [18-20].

Методология и методы исследования

Эмпирическую базу исследования, ставшей основой для данной работы, составили сведения, опубликованные медиаресурсом, специализирующимся на противодействии распространению недостоверной информации, а именно сайт «Лапша медиа» (<https://lapsha.media/>). При взаимодействии авторов исследования и авторов ресурса проанализировано 100 постов в социальных сетях и мессенджерах, предварительно охарактеризованных экспертами, действующими сотрудниками медиаотрасли, как материалы с признаками дезинформации. 25% из них в ходе детального разбора определены как «недостоверная информация». В работе был использован описательно-аналитический метод. Анализ репрезентативного материала осуществлялся через выявление первоисточников информации, поиск высказываний и цитат уполномоченных лиц и органов в зависимости от темы публикации, а также каналы распространения подозрительного материала.

Результаты

В ходе анализа подозрительных новостей фейковыми были признаны следующие материалы: *«Главной причиной снижения курса рубля является проведение в рупиях оплаты российских углеводородов», «ООН требует "бессрочных чрезвычайных полномочий" в случае "сложных глобальных потрясений"», «В ряде регионов России начала ощущаться нехватка вакцин для профилактики детей от полиомиелита», «Армения и Казахстан выйдут из ОДКБ», «Русский "убийца айфона" оказался клоном гаджета из Бангладеша; "Российский" смартфон Р-ФОН с первой "российской" системой (на базе зарубежного Linux) оказался... бангладешским Symphony Helio 8», «Роспотребнадзор установил нормативы содержания гормонов и антибиотиков в питьевой воде и теперь содержание этих веществ увеличится, что негативно скажется на здоровье граждан РФ», «Общий наркоз отнимает 5 лет жизни», «Россиян предупредили о снижении доступности медпомощи в РФ — всё из-за уменьшения финансирования здравоохранения», «Серебряные изделия способны обеззараживать воду», «В мире появился новый вариант коронавируса "саперолог", заражающий только больных и привитых», «К 2025 году в России исчезнут школы в их классическом понимании», «Ребро – единственная кость в человеческом организме, в которой нет костного мозга», «Термин "правительство" означает "контролировать разум"», «Солнечные батареи не экологичны и вредны для здоровья», «Производители российской газировки из-за введения акциза на сладкие напитки добавляют сахарозаменители, которые вызывают рак», «Цифровой рубль не обеспечен», «ДНК черепахи и ДНК человека схожи»,*

«Эмбрионы позвоночных животных проходят через одну и ту же стадию», «Лучшие инвестиции – инвестиции в недвижимость», «Противозачаточные и вредные антибиотики обнаружены в десяти лучших образцах фаст-фуда», «В большинстве населённых пунктах отменили газификацию», «Снижение продолжительности жизни ведет к увеличению ВВП», «Конституция РФ написана под иностранным влиянием», «Красный цвет полярного сияния означает, что на Земле не останется кислорода», «Дефляция способствует улучшению экономического благосостояния большинства граждан».

Как показывают приведенные примеры, распространяемые фейки имеют сверфакторы риска для государства, а именно дестабилизация социально-политической ситуации, формирование негативного образа у руководства страны. При этом ориентируясь на массовую аудиторию фейки направлены на смену моральных установок, повышение тревожности и формирование негативных нарративов к общественно-политическому строю.

Примером формирования негативного образа может служить кейс, который произошел в Казанском федеральном университете. В одном из телеграм-каналов появилась информация о том, что «КФУ планирует снести свою обсерваторию». Новость была растиражирована официальными СМИ. Обоснованием стала информация о сборе ценовых предложений на выполнение работ по сносу капитального строения по адресу расположения обсерватории. Впоследствии в учебное заведение стали поступать звонки от стейкхолдеров с вопросами о целесообразности такого решения и готовности общественности встать на защиту исторического здания. При этом по факту проверки сообщения пресс-служба вуза опубликовала свою позицию: *«В рамках инвентаризации объектов обсерватории запланирован снос существующего двухэтажного здания с бетонным фундаментом, крышей из асбестоцементных листов. Деревянное здание построено в 1958 году, в разное время в нем располагались служебные квартиры и общежитие для сотрудников обсерватории Казанского университета. На данный момент капитальное строение признано аварийным и не является пригодным для дальнейшего использования, и списано. Отмечаем, что строение не входит в перечень охранных объектов в связи с отсутствием исторической и культурной ценности. За корректной и подтвержденной информацией о деятельности КФУ всегда можно обратиться в пресс-службу КФУ посредством электронного адреса pressa@kpfu.ru».*

Еще одним примером из практики информационных служб Казанского университета может служить ситуация с пожаром в одном из общежитий. В результате возгорания в одном из зданий, где проживали студенты, в телеграм-канале «Mash Iptash» появился пост *«Горит четвертое общежитие КФУ на улице Красной Позии. Предварительно, полыхнуло на третьем этаже. Студенты заблокированы: не могут спуститься с пятого этажа. Есть пострадавшие».* Данное сообщение характеризуется высоким эмоциональным оборотом и утверждением достоверности. По факту произошедшего выяснено, что на самом деле пострадавших во время пожара не было, а также никто из студентов не был заблокирован и все учащиеся были успешно эвакуированы.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что фейкам часто характерны эмоции, такие как фактор страха/опасности, фактоиды, указание важности или срочности, ссылка на «достоверный» источник, утверждение достоверности, призывы к действию или бездействию. При осуществлении деятельности по формированию и проведению информационной политики организациям, работающим с молодежью, в частности университетам, необходимо тщательно разбирать и оперативно реагировать на информацию, которая характеризуется обозначенными маркерами, для недопущения широкого распространения и, в следствии, формирования деструктивных нарративов и

действий.

Для анализа применяемых индивидуальных навыков по противодействию дезинформации у молодежи мы провели опрос. В группу опрашиваемых вошли представители студенчества и университетов г. Казани, широко представленные в социальных сетях. В опросе приняло участие 107 респондентов, из них 43 % в возрасте от 18-24 лет, 29% принявшим участие от 24 до 35 лет, чуть более четверти респондентов более 35 лет. Подавляющее большинство опрашиваемых сталкивались с фейками (90.7%). В связи с тем, что опрос проводился среди представителей системы образования и все респонденты так или иначе находятся под влиянием информационного поля своих университетов, в ходе исследования выяснилось, что на данный момент информационная политика образовательных учреждений слабо влияет на восприятие фейков. При этом как показывают вышеприведенные кейсы, университеты регулярно сталкиваются с дезинформацией. Результаты представлены на рис. 1.

Рис. 1. Наличие проблемы фейков и дезинформации в информационном поле молодёжи

В то же время, анализируя способы противодействия университетов дезинформации, согласно опросу, образовательные учреждения используют классические методы, а именно комментарии. Немаловажным считаем и тот факт, что аудитория понимает, что в ходе реализации информационных политик их организации периодически оставляют без внимания некоторые информационные поводы. Так ответили более половины опрошенных, как представлено на рис. 2.

Рис. 2. Способы влияния университетов на восприятие информации аудиторией.

Также были выявлены механизмы индивидуальной стратегии защиты от фейковой и искаженной информации. Как показало исследование, в эпоху постиндустриального общества и развития информационных технологий пользователи предпочитают

выстраивать собственную зону медиагигиены, потребляя информацию из узкого круга источников, определённых как «проверенные». Полученные результаты отражены на рис. 3.

Рис. 3. Индивидуальные стратегии защиты от фейков

Важным на наш взгляд результатом исследования стало определение индивидуальных стратегий противодействия дезинформации. Большинство респондентов безоговорочно доверяют своим источникам информации, при этом формирование таких пулов источников и критерии отбора еще только предстоит исследовать. Также обращает на себя внимание то, что четверть респондентов читают комментарии к новостям, тем самым формируя свое мнение на основе мнений большинства. При этом блогеры не воспринимаются как «последняя инстанция» и даже официальные сайты и информационные агентства значительно опережают их в ходе борьбы не за внимание, а за авторитет. Также доверие к официальным источникам может говорить о запросе со стороны молодёжи на понятный и доступный формат коммуникации с государственными органами, которые могли бы сделать официальное заявление и разъяснить как занимаемую позицию, так и причины, по которым фейковая информация лишена смысла. В таком случае лучше всего подойдёт вариант развития систем электронного правительства и взаимодействия с молодёжью в формате диалога на разных площадках, регулярное освещение деятельности различных ведомств и оперативная реакция на недостоверную информацию.

Выводы

Проведенное исследование показало, что интернет-аудитория регулярно сталкивается с фейками, а образовательные организации вынуждены выстраивать информационную политику с учетом возникновения в информационном поле элементов и фактов дезинформации. Элементами и принципами противодействия фейковой информации могут выступать следующие позиции:

1. Принцип оперативности. Этот пункт, прежде всего, относится к организациям. Система управления информационной политикой в случаях обнаружения распространения фейков или дезинформации должна формироваться в линейную, то есть ее выходной сигнал линейно должен зависеть от входного сигнала. При этом в кризисных ситуациях необходимо исключить самостоятельные выходные сигналы, чтобы процесс коммуникации не переформатировался в инверсионный канал и попал в зависимость, когда ответы организации станут плацдармом для создания новых, хоть и искаженных,

но информационных поводов.

2. Принцип информационного пузыря. Учитывая приверженность аудитории формировать собственные «проверенные» источники информации и находиться в них, в рамках формирования стратегии защиты от фейковой информации пользователем необходимо включать в свое информационное поле независимые друг от друга источники, чтобы не стать инструментом распространения дезинформации. В качестве основной площадки предлагается использовать официальные страницы в социальных сетях ВУЗов и развитую систему электронного правительства в виде официальных сайтов и страниц в соцсетях. В то же время организациям необходимо прикладывать усилия для присутствия в информационных пузырях своей целевой аудитории. Допускается как развитие собственных каналов, так и обращение к СМИ, которые лояльны к организации и востребованны у её целевой аудитории.

3. Критический подход. Интернет-пользователям необходимо критически относиться к любого рода потребляемой информации, не позволяя медиа и сообществам манипулировать собой. Предложения по информационной гигиене были обозначены ранее.

4. Маркеры манипуляции. При виде сообщений с указанием важности или срочности, ссылки на «достоверный» источник, утверждения достоверности, призывов к действию или бездействию пользователям необходимо обязательно перепроверять распространяемую информацию, существует большая вероятность недостоверности информации.

5. Официальные ресурсы. Официальные сайты организаций и информационные агентства сохраняют авторитет среди аудитории, а потому они должны оперативно обновляться и наполняться. То же самое касается официальных государственных источников. Использование компонентов электронного правительства на регулярной основе может стать хорошей практикой подтверждения достоверности информации, сформирует новый паттерн поведения у молодёжи, будет возможность иметь один источник информации, содержащий достоверную информацию. Также контакт с пользователями может осуществляться через посредников в виде сообществ или блогеров, при этом ссылка на официальный ресурс придает вес значимости и авторитетности распространяемой информации.

Библиография

1. Борхсениус А. В. Дезинформация как технология информационно-психологических войн. Фейк и антифейк // Вопросы политологии. 2022. № 2 (22). С. 226-233.
2. Борьба с дезинформацией // Организация Объединенных наций [The United Nations Organization]. - URL: <https://www.un.org/ru/countering-disinformation> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Злонамеренное использование искусственного интеллекта и вызовы информационно-психологической безопасности в странах БРИКС: Координатор исследовательского проекта: Е. Н. Пашенцев. Издание Международного центра социально-политических исследований и консалтинга при поддержке Международной группы по исследованию угроз международной информационно-психологической безопасности посредством злонамеренного использования искусственного интеллекта (Research MUI). - Москва: ООО "САМ Полиграфист", 2024. 148 с.
4. Иванищева О. Н. Фейки как разновидность социальной информации // Человек. Культура. Образование. 2020. № 1 (35). С. 63-73. DOI: 10.34130/2233-1277-2020-1-63-73 EDN: NQFLFZ.

5. Исследование по распространению фейковой информации // Специальная версия, подготовленная к форуму "Диалог о фейках", 22.11.2023. 2023. 26 с. - URL: <https://fakes.dialog.info/static/files/%D0%98%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%202023.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).
6. Новопавловская Е. Е. Реализация конституционного права на свободное распространение информации в контексте борьбы с фейками // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3. С. 19-26. DOI: 10.33874/2072-9936-2022-0-3-19-26 EDN: FZDGAD.
7. Стернин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах: Рабочие материалы. Воронеж: ООО "РИТМ", 2020.
8. Фейк-ньюс - и как с ними бороться? // ВЦИОМ Новости. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja?ysclid=lxliyv36mu200748153> (дата обращения: 24.04.2025).
9. Цифровой детокс - 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него // ВЦИОМ Новости. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego?ysclid=lxoq78och8852219454> (дата обращения: 24.04.2025).
10. Giglietto F., Iannelli L., Valeriani A., Rossi L. "Fake news" is the invention of a liar: How false information circulates within the hybrid news system // Current Sociology. 2019. Vol. 67. No. 4. P. 625-642.
11. Pennycook G., Rand D. G. Fighting misinformation on social media using crowdsourced judgments of news source quality // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2019. - URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3118471 (дата обращения: 24.04.2025).
12. Xu Yi., Zhou D., Wang W. Being my own gatekeeper, how I tell the fake and the real: Fake news perception between typologies and sources // Information Processing & Management. 2023. Vol. 60. No. 2. - URL: https://www.researchgate.net/publication/368885489_Being_my_own_gatekeeper_how_I_tell_the_fake_and_the_real_-_Fake_news_perception_between_typologies_and_sources (дата обращения: 24.04.2025). DOI: 10.1016/j.ipm.2022.103228 EDN: SSOERF.
13. Ляхов В. П., Фадеева Н. В., Смитюк А. С. Проблема влияния фейковых новостей на молодое поколение современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 11А. С. 9-20. DOI: 10.34670/AR.2024.56.42.002 EDN: ARRJFQ.
14. Шумов П. В., Веденеева П. И. Проблемы распространения "фейков": идентификация информации, правовой аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8. - URL: https://online-science.ru/userfiles/file/shumov_p_v_,_vedeneeva_p_i__problemy_raspostraneniya_fejkov_i_dentifikaciya_informacii,_pravovoj_aspekt_3kmfkdwbm0.pdf (дата обращения: 24.04.2025).
15. Сегал Н. А., Мищенко А. Н., Уварова И. В. Новые слова и значения в русском языке XXI века (на примере языковой единицы "фейк") // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 19. № 3. С. 35. DOI: 10.14529/ling220305 EDN: CKRZRS.
16. Патюкова Р. В., Оломская Н. Н., Николаева Ю. Е. Механизмы создания фейковой новости как современной технологии взаимодействия с общественностью // Вестник ВУиТ. 2022. № 2 (38). С. 237-246. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_237 EDN: OQGSFZ.
17. Urusova N. A. The Global Phenomenon of Fake News: Online Disinformation During Crisis // Communications. Media. Design. 2023. No. 8(4), P. 18-31. EDN: YMRNWR.
18. Kim B., Xiong A., Lee D., Han K. A systematic review on fake news research through the

lens of news creation and consumption: Research efforts, challenges, and future directions // PLoS One. 2021. Vol. 16. No. 12. - URL:

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8659320/> (дата обращения: 24.04.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0260080 EDN: ZJNBCK.

19. E.Almandouh M., Alrahmawy M.F., Eisa, M. Ensemble based high performance deep learning models for fake news detection // Scientific Reports. 2024. - URL:

<https://www.nature.com/articles/s41598-024-76286-0> (дата обращения: 24.04.2025).

20. Jarrahi A., Safari L. Evaluating the effectiveness of publishers' features in fake news detection on social media // Multimedia Tools. 2023. Vol. 82. P. 2913-2939. - URL:

<https://link.springer.com/article/10.1007/s11042-022-12668-8> (дата обращения: 24.04.2025). DOI: 10.1007/s11042-022-12668-8 EDN: VUHUTI.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Исследования фейковой информации и аспектов ее распространения и влияния в последнее время достаточно обширно представлены в отечественных и зарубежных исследованиях. Современный мир все чаще транслирует и ретранслирует ложный контент, который, безусловно, нужно фильтровать, пресекать и контролировать. Автор в начале статьи отмечает, что «фейковая информация влияет на формирование общественного мнения, потому что нет времени ее перепроверять, но она привлекательна по своему содержанию». Материал в целом имеет законченный вид, он логически выверен; позиция исследователя, которая вырабатывается на основе имеющихся источников, объективна. Автору удастся систематизировать работы тематически смежной направленности, дать им оценку, создать эффект конструктивного диалога. На мой взгляд, обозначенная цель исследования достигается планомерно, логически последовательно. «Фейковые новости» как объект исследования рассматриваются с разных позиций, не исключается и правовой аспект: «дополнительно в 2022 году был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который установил уголовную ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности». Считаю, что оценка эмпирического материала сделана верно: «в работе был использован описательно-аналитический метод. Анализ репрезентативного материала осуществлялся через выявление первоисточников информации, поиск высказываний и цитат уполномоченных лиц и органов в зависимости от темы публикации, а также каналы распространения подозрительного материала». Примеров, которые рассматриваются в работе достаточно, при этом они весьма разнообразны: в частности, ««К 2025 году в России исчезнут школы в их классическом понимании», «Ребро – единственная кость в человеческом организме, в которой нет костного мозга», «Термин "правительство" означает "контролировать разум"», «Солнечные батареи не экологичны и вредны для здоровья», «Производители российской газировки из-за введения акциза на сладкие напитки добавляют сахарозаменители, которые вызывают рак», «Цифровой рубль не обеспечен», «ДНК черепахи и ДНК человека схожи», «Эмбрионы позвоночных животных проходят через одну и ту же стадию», «Лучшие инвестиции – инвестиции в недвижимость», «Противозачаточные и вредные антибиотики

обнаружены в десяти лучших образцах фаст-фуда» и т.д. Полученные данные обобщаются с помощью пиктограмм, графиков, таблиц; визуальный формат удобен для лингвистических исследований. Стил ь работы соотносится с научным типом: например, «Важным на наш взгляд результатом исследования стало определение индивидуальных стратегий противодействия дезинформации. Большинство респондентов безоговорочно доверяют своим источникам информации, при этом формирование таких пулов источников и критерии отбора еще только предстоит исследовать. Также обращает на себя внимание то, что четверть респондентов читают комментарии к новостям, тем самым формируя свое мнение на основе мнений большинства. При этом блогеры не воспринимаются как «последняя инстанция» и даже официальные сайты и информационные агентства значительно опережают их в ходе борьбы не за внимание, а за авторитет» и т.д. Выводы по тексту структурированы; они не противоречат основной части. Думаю, что тема фейковых новостей, фейковой информации должны быть исследована и далее, работы является лишь один из импульсов активизации вопроса: «проведенное исследование показало, что интернет-аудитория регулярно сталкивается с фейками, а образовательные организации вынуждены выстраивать информационную политику с учетом возникновения в информационном поле элементов и фактов дезинформации. Элементами и принципами противодействия фейковой информации могут выступать следующие позиции...». Список источников объемн ы, общие требования издания учтены. Таким образом, можно констатировать, что тема статьи раскрыта; общая цель достигнута; материал имеет практический характер, его уместно использовать далее. Рекомендую статью «Медийные стратегии распознавания и защиты от искаженных новостей в русскоязычном интернет-сегменте» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Моса П. Голливудские сценарии: влияют ли американские фильмы об Африке на международное восприятие континента? (Исследование влияния анимационного фильма «Мадагаскар» на имидж Республики Мадагаскар) // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74998 EDN: LAOSZH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74998

Голливудские сценарии: влияют ли американские фильмы об Африке на международное восприятие континента? (Исследование влияния анимационного фильма «Мадагаскар» на имидж Республики Мадагаскар)

Моса Петер Бернар

ORCID: 0009-0009-6929-7213

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 13

✉ bernardmosa1@gmail.com

[Статья из рубрики "Мифы и мифологемы"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74998

EDN:

LAOSZH

Дата направления статьи в редакцию:

23-06-2025

Дата публикации:

30-06-2025

Аннотация: Предметом исследования являются механизмы культурного влияния голливудских фильмов, в частности анимационного фильма «Мадагаскар», на восприятие специфики и национальной идентичности Республики Мадагаскар. Объектом исследования выступает международный образ Мадагаскара, формируемый под воздействием массовой культуры, особенно голливудских фильмов. Эти фильмы, распространяясь по всему миру, нередко транслируют упрощённые и стереотипные представления, что оказывает значительное влияние на общественное мнение и международное восприятие страны. Целью данного исследования является комплексная

оценка роли голливудских фильмов в формировании международного имиджа Мадагаскара. В рамках этой работы анализируются как положительные аспекты, такие как повышение узнаваемости страны, так и негативные последствия, включающие закрепление культурных и социальных стереотипов. Особое внимание уделено изучению того, каким образом массовая культура, воплощённая в анимационном фильме «Мадагаскар», формирует представления о стране за её пределами. Методология исследования включает контент-анализ медиа-материалов (таких как рецензии на фильм), социологические опросы, проведённые среди репрезентативной и культурно разнообразной международной выборки, а также организацию фокус-групп для глубокого изучения восприятия. Структура опросов была направлена на выявление ключевых стереотипов, в то время как фокус-группы позволили получить детализированные представления. Основные выводы исследования заключаются в том, что фильм существенно повысил узнаваемость Мадагаскара, но одновременно способствовал закреплению стереотипных представлений, упрощающих культурные и социальные особенности страны. Вклад автора заключается в выявлении механизмов влияния массовой культуры на международное восприятие стран, установлении связи между медийными продуктами и национальным имиджем, а также в разработке подходов к их более точному представлению. Новизна исследования состоит в междисциплинарном подходе к изучению массовой культуры и восприятия стран в условиях глобализации. Подчёркивается важность сотрудничества между кинопроизводителями и государственными структурами для создания точных и многогранных образов, способных минимизировать негативное влияние стереотипов. Практическая значимость включает разработку стратегий культурной политики и национального брендинга, направленных на формирование сбалансированного и многогранного образа страны в международной среде.

Ключевые слова:

Голливуд, американское кино, Африка, Мадагаскар, культурное восприятие, анимационный фильм, влияние фильма, международное восприятие, стереотипы, брендинг

Введение

Американские фильмы выполняют двойную функцию: они одновременно являются источником развлечения и важными культурными артефактами – которые передают зрителям определённые образы и нарративы о мире (Ю. В. Гудовой, 2014). За последние десятилетия значительно возросло количество американских фильмов, посвящённых Африке, включая документальные, анимационные проекты и драмы. Эти фильмы часто становятся для международной аудитории основным, а иногда и единственным источником информации об Африке. Насколько эти кинопроекты способствуют формированию имиджа континента?

Особый интерес вызывает анимационный фильм «Мадагаскар» – который, несмотря на свою развлекательную направленность, представляет собой особый инструмент популяризации образа Республики Мадагаскар. Однако остаётся неясным, способствует ли он формированию позитивного международного восприятия страны или, напротив, закрепляет стереотипные представления. Насколько такие фильмы помогают зрителям узнать о реальной культуре, природе и обществе Мадагаскара? Служат ли они мостом между вымышленным и действительным или остаются просто вымышленной

интерпретацией?

Настоящая статья нацелена на изучение роли голливудских фильмов в формировании международного восприятия африканских стран с фокусом на анализе влияния анимационного фильма «Мадагаскар». В ней исследуются вызовы, связанные с адаптацией сложного и многогранного образа страны в рамках популярной культуры, а также обсуждаются перспективы улучшения репрезентации африканских государств в мировом кинематографе.

Методы исследования

В рамках изучения влияния анимационного фильма «Мадагаскар» на международное восприятие страны был применён многоуровневый подход, включающий следующие методы:

Анализ медиа. Проанализированы рецензии и обзоры фильма, опубликованные на ведущих платформах, таких как «LOOPER», «The Australia Today», «Common-Sense Media», «The Philadelphia Inquirer» и «New York Post». Особое внимание уделялось интерпретации образа Мадагаскара и акцентам, расставленным авторами этих материалов, что позволило выявить основные нарративы и их влияние на восприятие зрителей.

Социологический опрос. Проведён онлайн-опрос, направленный на изучение степени знакомства респондентов с фильмом и анализа того, как его просмотр повлиял на их представления о Мадагаскаре. Опрос был организован посредством платформы «Google Forms» и распространялся через социальные сети. Полученные данные позволили определить характер и глубину сформированных восприятий у аудитории.

Фокус-группы. Организованы обсуждения среди участников, посмотревших фильм. В рамках этого метода акцент сделан на выявление тонкостей восприятия и анализ тех аспектов изображения Мадагаскара, которые оказались наиболее значимыми для зрителей. Методика позволила получить качественные данные, отражающие личные интерпретации и реакцию аудитории на сюжет и образы фильма.

Данный комплексный подход обеспечил всесторонний анализ влияния анимационного произведения на формирование стереотипов и культурных представлений, что является ключевым для целей настоящего исследования.

Результаты исследования

1. Результаты анализа медиа

Рецензии на фильм «Мадагаскар» демонстрируют его популярность среди зрителей всех возрастов, отмечая юмор, качество анимации и развлекательную ценность. Однако критики часто подчёркивали, что изображение острова в фильме носит исключительно вымышленный характер.

С другой стороны, популярность фильма увеличила узнаваемость названия страны, но его художественное содержание укрепляет стереотипы об Африке как континенте дикой природы и экзотики, игнорируя социальные, культурные и исторические аспекты.

2. Результаты опроса

Для выявления более обоснованных результатов исследований, был проведен небольшой опрос на тему: «Что вы знаете о Мадагаскаре – страна? Назовите три факта о

ней». Исследование охватило небольшую группу иностранных студентов Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Участниками опроса стали представители различных стран, включая Болгарию, Турцию, Индию, Азербайджан, Афганистан, Саудовскую Аравию, Армению, Непал, Иран, Монголию и Пакистан. Основной целью опроса было выяснить уровень осведомлённости о Мадагаскаре как туристическое направление в Африке. Однако анализ ответов показал интересную закономерность: значительная часть респондентов ассоциировала Мадагаскар с одноимённым американским анимационным фильмом, который служит для них основным источником информации о стране. Тем не менее, большинство участников не смогли привести точные факты о Мадагаскаре, а лишь подтверждали знание об её существовании. Это подчёркивает ограниченность знаний международной аудитории о стране. Подробные результаты опроса распределены на следующей таблице (таб. 1). По параметру анализа полученных результатов, заданный вопрос был разделен на 2 части: первая «Что вы знаете о Мадагаскаре – страна? Вторая – «Расскажите 3 факта о ней».

Таблица 1 – Опрос об уровне знаний о Мадагаскаре: анализ ответов

Количество ответов (12 человек)	Ответы на 1 часть вопроса	Ответы на 2 часть вопроса	%
4 чел.	Ответы ассоциируются с мультфильмом «Мадагаскар»	Необитаемый остров, густые леса и др.	33,3
3 чел.	Знакомились с названием страны	Знакомились с названием страны и столицы	25
4 чел.	Знают географическое положение страны	Обладают некими знаниями о том, где располагается страна, знаниями о природе и животных в стране	33,3
1 чел.	Нет слов	не может рассказать не об одном факте	8,4

Источник: составлено автором по данным опроса об уровне осведомлённости о Мадагаскаре (автор). (Результаты опроса доступны по ссылке: <https://drive.google.com/file/d/1u8na9twYn9rxgumFKGQoHNGYIZoAiHQk/view?usp=sharing>).

Из данных таблицы можно отметить, что большинство ответов основывается на минимальных критериях, касающиеся образа страны. Опрос дал представление о том, как фильм «Мадагаскар» влияет на восприятие аудитории:

Первая ассоциация. У большинства респондентов знакомство с названием Мадагаскара произошло через фильм. Однако их знания о стране ограничивались элементами, представленными в фильме, такими как образы животных или тропические пейзажи.

Стереотипизация. Для значительной части опрошенных фильм укрепил образы, связанные с экзотикой и приключениями, в то время как такие аспекты, как культура и история страны, остались за рамками их представлений.

Пробуждение интереса. Некоторые участники отметили, что после просмотра фильма захотели узнать больше о реальной стране, однако доступная информация не всегда соответствовала их ожиданиям.

3. Фокус-группы

Также для изучения восприятия Мадагаскара в международной среде была организована фокус-группа, состоящая из 6 студентов разных стран, обучающихся в Российском университете дружбы народов.

Цель проведения фокус-группы заключалась в том, чтобы выяснить, какие образы и ассоциации вызывает Мадагаскар, а также источники информации, формирующие эти представления.

Формат работы: Участники были разделены на две подгруппы для обсуждения следующих вопросов: Какие три ассоциации у вас возникают при упоминании Мадагаскара? Как вы узнали об этой стране? Что, по вашему мнению, является уникальным для Мадагаскара? После обсуждения в малых группах участники представляли свои выводы в общем круге.

Ключевые наблюдения: Большинство респондентов признали, что их представления о Мадагаскаре формируются из вторичных источников, таких как фильмы (особенно анимационный фильм «Мадагаскар»), медиа и интернет. Реальные аспекты культуры, истории и социального устройства страны оказались малоизвестными. Участники выражали интерес к изучению Мадагаскара, особенно его уникальной природы и традиций, однако отметили нехватку доступной информации в их странах.

Выводы и рекомендации: Результаты фокус-группы подтвердили, что образ Мадагаскара в значительной мере опосредован стереотипами, популяризированными западными медиа. Это указывает на необходимость расширения доступности достоверной информации о стране, а также развития культурных инициатив, способствующих укреплению её имиджа за рубежом.

Обсуждения в фокус-группах помогли выявить более глубокие аспекты: Развлекательный характер. Участники высоко оценили развлекательные аспекты фильма, но отметили, что он не выполняет образовательных функций. Искажённые образы. Участники отметили, что персонажи и сюжет фильма имеют общего с реальным Мадагаскаром, хотя согласно исследователям не так. Нехватка образовательных инициатив. Группа предложила идею разработки образовательных материалов, которые могли бы дополнять фильмы, предоставляя точные сведения о странах, изображённых в кино.

Обсуждение

В данной статье исследования демонстрируют сложное взаимодействие между развлекательной природой голливудских фильмов и их влиянием на международное восприятие стран. В случае анимационного фильма «Мадагаскар» это взаимодействие выражается в ряде противоречивых аспектов.

1. Узнаваемость страны: позитивные и негативные аспекты

Фильм «Мадагаскар» однозначно повысил узнаваемость названия страны на международном уровне. Для многих зрителей этот фильм стал первой ассоциацией с островом. Как пишет Эмили Бейли – специалист по цифровым коммуникациям, сторителлингу и маркетингу в Королевском музее Онтарио в Торонто: «До 2005 года, если вы упомянули страну Мадагаскар, люди, вероятно, смотрели бы на вас с недоумением и спрашивали: "Где это?". ...Однако после выхода мультфильма студии «DreamWorks» и последующего создания трилогии Мадагаскар стал более узнаваемой страной. Факт, что этот мультфильм помог привлечь внимание к ранее малоизвестной

стране, вдохновил меня задаться вопросом: что ещё дал этот фильм? Так я решил изучить правду, стоящую за этим произведением».

Исходя от этого утверждения, можно отметить, что мультфильм «Мадагаскар» стал ключевым фактором в повышении международной узнаваемости страны, которая до его выхода оставалась малоизвестной.

Однако такая узнаваемость часто ограничивается поверхностными, вымышленными характеристиками, такими как образы экзотических животных или идиллическая природа, что затрудняет формирование комплексного представления о стране. Как утверждает Владислав Т. в своей рецензии о мультфильме «Мадагаскар»: «Но в реальности островное государство ещё красивее, чем можно себе представить и чуть далее я даже буду вынужден огорчить поклонников мультлика, в котором показаны некоторые представители животного мира данного острова» [\[1\]](#). В данной рецензии Владислав утверждает, что преувеличенная экзотика, говорящие животные и отсутствие культурной аутентичности превращают Мадагаскар в архетипическое «место приключений», но не способствуют адекватному пониманию реальной страны.

Эта проблема характерна для большинства голливудских фильмов об Африке, содержание которых зачастую искажает реальную картину жизни на континенте, усиливая существующие стереотипы в восприятии международной аудитории. В таких фильмах Африка часто представляется через ограниченную призму бедности, конфликтов или приключений, что упрощает и нивелирует её богатое культурное и историческое наследие, а также его экзотику.

Анимационный фильм «Мадагаскар» продолжает этот тренд, усиливая ассоциации с животным миром, но не соответствующие реальности. В фильме значительная часть изображённых животных не соответствует действительности острова. Например, хотя лемуры действительно обитают на Мадагаскаре, жирафы, которые появляются в фильме, не являются местными, что добавляет к искажению образа страны. Информационно-развлекательный журнал «1GAI.RU» отмечает, что «Единственные животные, которых мы видим в фильме "Мадагаскар", но которые на самом деле живут на Мадагаскаре, – это лемур и ямка....На Мадагаскаре нет жирафов, как в фильме, но есть жирафовые вши» [\[2\]](#). Мадагаскар имеет уникальное биоразнообразие, однако многие виды животных, такие как жирафы, отсутствуют на острове. Это способствует распространению ложных стереотипов и упрощённого восприятия страны.

Можно отметить, что фильм «Мадагаскар» формирует у зрителей искажённое восприятие острова, фокусируясь на экзотических животных и приключенческом контексте, а не на реальной социальной и культурной жизни. Это приводит к созданию неверного образа страны, что препятствует глубже понять её многообразие и актуальные проблемы.

2. Влияние на культурное восприятие

Фильм «Мадагаскар» действительно игнорирует культурные аспекты реального Мадагаскара. Страна, как остров с уникальной культурой, языками и традициями, остается практически без внимания в фильме. В нем отсутствуют важные аспекты, такие как образ жизни местных жителей, их социальные структуры, обычаи и исторические традиции [\[3\]](#). Вместо этого, фильм строит образ Мадагаскара как экзотического острова, населенного говорящими животными. Зрители получают единственное представление о стране как о дикой и отдалённой территории. Это лишает зрителей возможности оценить богатство и сложность реальной культуры Мадагаскара. Как отмечается, например, в

материалах о культуре Мадагаскара на официальном сайте туроператора «Jenman Africa Safaris»: «Когда люди думают об экзотическом острове Мадагаскаре, они могут представить себе ароматную ваниль, дикорастущую в густых джунглях, величественные баобабы или прыгающих и поющих лемуров из популярного анимационного фильма. Однако загадочная малагасийская культура остаётся в значительной степени тайной. Термин “малагасийский” используется для обозначения коренного населения Мадагаскара – островного государства в Индийском океане» [\[4\]](#).

Отсутствие культурных аспектов в фильме ограничивает зрителей в понимании глубины и многообразия этой страны. В результате даже термин «малагасийский», обозначающий коренное население и их уникальную культуру, остаётся практически неизвестным широкой аудитории и редко упоминается в международных обсуждениях. Это усиливает восприятие Мадагаскара исключительно через призму экзотической природы и дикой фауны, упуская важные аспекты его богатой истории, языка и традиций.

Обсуждения в фокус-группах показали, что, хотя фильм вызвал у некоторых участников интерес к изучению страны, этот интерес часто не находил развития из-за нехватки доступной и качественной информации. Более того, для многих зрителей фильм стал единственным источником знаний о стране, что указывает на сильное влияние массовой культуры на восприятие международной аудитории.

3. Развлекательная ценность и образовательная роль

Критики отмечают, что фильм ориентирован на массовую аудиторию как легкая комедия, что не предполагает серьезных попыток представить реальное разнообразие и культурные особенности страны. Это соответствует тенденции глобализированных медиа, где культурные элементы часто упрощаются для универсальной привлекательности. Эти аспекты могут использоваться как аргумент в поддержку того, что основная цель фильма заключалась в развлекательной функции, а не в образовательной или развитии культурной особенности. Как подчеркивает Синтия

Винни на сайте американского интернет-издания «Static Media»: «Неудивительно, что мультфильм “Мадагаскар” стал хитом как среди детей, так и среди взрослых. Однако их восприятие фильма будет разным. Для детей многие моменты сюжета, шутки и отсылки могут остаться непонятными, тогда как взрослые смогут посмеяться, узнать знакомые темы или даже почувствовать неудобство от некоторых эпизодов» [\[5\]](#).

Согласно данному утверждению мультфильм «Мадагаскар», демонстрирует разный уровень восприятия у детей и взрослых. Хотя он стал популярным среди обеих аудиторий, взрослые находят в фильме более глубокие шутки и ироничные моменты, которые остаются незамеченными детьми. Это указывает на двойственную природу подобных фильмов: они развлекают, но в то же время могут передавать скрытые послания или юмор, адресованный более зрелой аудитории. Этот феномен поднимает важный вопрос об ответственности кинематографистов: насколько они обязаны учитывать образовательную функцию фильмов, особенно тех, которые изображают реальные страны? Одной из рекомендаций, может быть, включение дополнительных материалов, которые могли бы дополнять художественное повествование.

4. Стереотипизация и её последствия

Стереотипы, закреплённые в медиа, в частности в таких фильмах, как «Мадагаскар», способны формировать упрощённый и искажённый образ страны. Как пишет Меган Максвелл на сайте «The Borgen Project», стереотипы вокруг Мадагаскара часто сводятся

к тому, что его население состоит «из небольшого числа людей, огромного количества животных и растущего уровня бедности». Она отмечает, что поисковая выдача «Google» по запросу «Мадагаскар» включает больше изображений лемуров и других животных, чем людей [\[6\]](#).

Этот медийный дисбаланс создаёт иллюзию, что остров населён преимущественно фауной, а проблемы людей остаются в тени. Максвелл подчёркивает, что такая репрезентация искажает восприятие страны, скрывая её социально-экономические вызовы, несмотря на предпринимаемые усилия для улучшения жизни малагасийцев.

С другой стороны, такие фильмы, как «Мадагаскар», предоставляют уникальную возможность для страны использовать возникший интерес для продвижения более точного и позитивного образа. Это может включать инвестиции в культурную дипломатию, создание образовательных и рекламных кампаний, ориентированных на зарубежную аудиторию, а также развитие инфраструктуры для туризма. Этот подход способствует лучшему пониманию и признанию культуры за рубежом, как утверждает эксперт по публичному дипломатии от Калифорнийского университета (USC) в Южной Калифорнии. «Нет более мощного инструмента для создания ментальных образов, которые формируют идентичности и определяют культурные взаимоотношения, чем кино. Глобальная киноиндустрия стала богатой и чрезвычайно прибыльной благодаря сотрудничеству мировой аудитории, охотно воспринимающей её культурный продукт», говорит Линус Абрахам, Ректор Университета Ганы на интервью с экспертом Калифорнийского университета [\[7\]](#).

5. Влияние на политиков и культурных деятелей

Результаты исследования также поднимают вопросы о необходимости более активной роли со стороны культурных институтов. Это касается прежде всего участия правительства в реализации кино для продвижения своей культуры. Мадагаскарские государственные органы могут использовать популярность данного мультфильма для продвижения национального имиджа, создавая дополнительные информационные материалы и участвуя в международных проектах. Например, Мексиканское правительство активно использует кино для демонстрации своей культуры и языка в рамках культурной дипломатии, показывая свои фильмы на международных мероприятиях и в дипломатических миссиях.

Сотрудничество правительства Мадагаскара с голливудскими студиями могло бы обеспечить более точное представление о стране в будущих фильмах. Культурные деятели, в свою очередь, могут использовать популярность фильма как платформу для создания альтернативных медиапродуктов – от документальных фильмов до туристических программ, которые показывали бы реальную культуру и уникальность страны. «Я придерживаюсь мнения, что культурная дипломатия может идти рука об руку с кинематографом, облегчая понимание народов, культур и ситуаций. Это великолепный инструмент, позволяющий использовать мягкую силу», утверждает Сезар Вильянуэва Ривас, Профессор кафедры международных исследований Иbero-Американского университета (Сезар Вильянуэва Ривас, 2023).

6. Голливуд и культурная асимметрия

Фильм «Мадагаскар» ярко иллюстрирует феномен культурной асимметрии: Голливуд, как ведущий игрок на мировом медиарынке, имеет мощное влияние на восприятие других стран, но редко предоставляет возможность самим странам выражать свои голоса. Этот

факт подчеркивает важность более активного вовлечения стран, таких как Мадагаскар в глобальную киноиндустрию. Включение местных экспертов, исследователей и представителей культуры в процесс создания фильмов, затрагивающих их страну, может значительно способствовать уменьшению культурных искажений и созданию более точных и глубоких изображений. Кроме того, поддержка местного кинематографа могла бы помочь стране представить свою точку зрения на международной арене. Такие идеи поддерживаются многими исследователями, такими как Маттео Мартиньяго и Тумели Тукота, утверждающими, что для эффективной культурной дипломатии необходимо включение местных голосов, что способствует созданию более верных и многогранных образов стран. Это помогает не только противостоять стереотипам, но и углублять культурное понимание.

Если в процессе создания фильма не участвуют местные представители, то создатели рискуют создавать образы, которые могут быть далеки от реальности, основываясь на личных представлениях или ограниченных знаниях о культуре. В таких случаях фильм может внедрить стереотипы, которые создатели воспринимают как истины, но которые на самом деле не отражают культурных особенностей страны. Как подчеркивает Элисон Суэнк, анимационный фильм «Мадагаскар» в определённом смысле способствует распространению западного менталитета и создает упрощённые образы для молодежной аудитории, что отражает ограниченное восприятие других культур. «Не нужно проводить детальный анализ, чтобы увидеть, что “Мадагаскар” является колониальным нарративом. Чтобы продвигать идею западной нормальности, Запад изображается как норма, а Африка – как дикая и экзотическая. Единственное, что делает этот устаревший бинарный взгляд интересным в “Мадагаскаре”, так это комедия, в которой он завернут», излагает Элисон Суэнк – Южный Африканский продюсер [\[8\]](#). Аллисон Суэнк акцентирует внимание на важности культурной аутентичности в фильмах, особенно когда речь идет о том, как изображаются различные регионы, такие как Африка. В своих критических замечаниях она подчеркивает, что западные фильмы, включая такие, как Мадагаскар, часто усиливают стереотипы и искажения относительно стран и культур, не относящихся к Западу.

Местные голоса и их участие в создании фильмов крайне важны для формирования точных нарративов, которые противостоят распространению стереотипов и обеспечивают более справедливое представление о культурных особенностях этих стран. Таика Ваитити – новозеландский режиссёр, актёр Маори, пишет: «Важно, чтобы мы продолжали двигаться вперёд и продолжали рассказывать наши истории, потому что именно так мы строим наши сообщества и укрепляем себя» [\[9\]](#). Цитата Таики Ваитити подчеркивает важность работы коренных кинематографистов, чьи истории способствуют не только развлекательному контексту, но и укреплению общин. По словам Ваитити, создание фильмов играет ключевую роль не только для развлечения, но и для укрепления общин. Кинематографисты, особенно из малых островных развивающихся стран, в том числе Мадагаскар, используют свое искусство, чтобы бороться со стереотипами и повышать представительство в киноиндустрии. По словам Ваитити, создание фильмов играет ключевую роль не только для развлечения, но и для укрепления общин.

Данный подход находит научное подтверждение в сравнительных исследованиях: как демонстрирует анализ тихоокеанских кинематографистов, именно производство альтернативных нарративов «изнутри» позволяет деконструировать экзотизирующие клише через аутентичную репрезентацию культурных кодов и социальных реалий [\[10\]](#).

Заключение

Таким образом, результаты исследования подчёркивают, что такие фильмы, как «Мадагаскар», играют двойственную роль. С одной стороны, они повышают интерес и узнаваемость стран, с другой – способствуют упрощению и искажению их образов. Анимационный фильм «Мадагаскар» стал ярким примером того, как Голливуд может влиять на международное восприятие стран. Несмотря на положительный эффект в виде узнаваемости страны, он также подчеркнул необходимость более точного представления культурного и социального контекста.

Создание сбалансированного международного восприятия требует совместных усилий по продвижению точной и комплексной информации о странах. Именно для преодоления существующих вызовов необходимо усиление сотрудничества между кинематографистами, исследователями, местными сообществами и правительствами. Это позволит создавать фильмы, которые будут не только развлекать, но и образовывать, способствуя более глубокому пониманию культурного разнообразия и уникальности стран, таких как Республика Мадагаскар. Это не только улучшит культурный обмен, но и поспособствует развитию уважения и понимания между различными народами.

В конечном итоге, точная репрезентация африканских стран в кино может способствовать их культурной дипломатии, формируя позитивные и справедливые образы на международной арене.

Библиография

1. Владислав Т. Отзыв: Документальный фильм "Мадагаскар: Самый загадочный остров. Интересные факты про Мадагаскар" [Электронный ресурс] // otzovik.com. URL: https://otzovik.com/review_14730044.html#comments (дата обращения: 22.03.2025).
2. Фактов 28, доказывающих, что Мадагаскар - это ни на что не похожий мир [Электронный ресурс] // 1GAI.ru. 2021. URL: <https://1gai.ru/blog/live/527215-28-faktov-dokazyvajuschih-cto-madagaskar-jeto-ni-na-cto-ne-pohozhij-mir.html> (дата обращения: 05.04.2025).
3. Experts & Insiders. Madagascar: The Truth Behind The Movie [Электронный ресурс] // Kensington Tours Ltd., 2020. URL: <https://www.kensingtontours.com/stories/experts-and-insiders/madagascar-the-truth-behind-the-movie> (дата обращения: 15.03.2025).
4. Malagasy Culture [Электронный ресурс] // Safari Insights. JEANMAN AFRICAN SAFARIS, 2023. URL: <https://jenmansafaris.com/interesting-things-malagasy-culture/> (дата обращения: 12.04.2025).
5. Vinney C. Things Only Adults Notice In The Madagascar Film Franchise [Электронный ресурс] // LOOPER, 2021. URL: <https://www.looper.com/440195/things-only-adults-notice-in-the-madagascar-film-franchise/> (дата обращения: 21.04.2025).
6. Maxwell M. Fiction vs. Reality: How the Media Misrepresents Madagascar [Электронный ресурс] // The Borgen Project, 2018. URL: <https://borgenproject.org/fiction-vs-reality-how-the-media-misrepresents-madagascar/> (дата обращения: 05.05.2025).
7. Experts Answer: Film and Public Diplomacy [Электронный ресурс] // USC Center on Public Diplomacy, 2023. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/pdin_monitor_article/experts-answer-film-and-public-diplomacy (дата обращения: 18.05.2025).
8. Swank A. A familiar narrative about Madagascar [Электронный ресурс] // Africa Is a Country, 2010. URL: <https://africasacountry.com/2010/10/africa-on-film-madagascar/> (дата обращения: 29.05.2025).
9. Ro Uluinavucu V. Authenticity at the heart of Indigenous filmmaking [Электронный ресурс] // The Australia Today, 2023. URL: <https://www.theaustraliatoday.com.au/authenticity-at-the-heart-of-indigenous-filmmaking/> (дата обращения: 15.06.2025).

10. Hereniko V. Authenticity in Cinema: Notes from the Pacific Islands [Электронный ресурс] // Journal de la Société des Océanistes, 2019. С. 65-72. URL: <https://journals.openedition.org/jso/10633> (дата обращения: 27.06.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Голливудские сценарии: влияют ли американские фильмы об Африке на международное восприятие континента? (Исследование влияния анимационного фильма «Мадагаскар» на имидж Республики Мадагаскар)" представляет собой исследование в области лингвокультурологии.

Статья хорошо структурирована и состоит из введения, основной части, которая включает описание применения используемых методов и фокус-групп, обсуждения, заключения и библиографии.

Целью работы является изучение роли голливудских фильмов в формировании международного восприятия африканских стран с фокусом на анализе влияния анимационного фильма «Мадагаскар».

Представленное исследование носит экспериментальный характер.

Основные методы - контент-анализ и социологический опрос.

Автор также уделяет особое внимание описанию фокус-групп, состоявших из 12 респондентов из разных стран для диагностического опроса и 6 - для основного .

В основной части работы автор подобно описывает цель и формат основного опроса, ключевые наблюдения, а также выводы и рекомендации.

В обсуждении автор уделяет внимание влиянию стереотипизации, политиков и культурных деятелей, развлекательного формата, а также узнаваемости на образ Мадагаскара в представлениях людей из разных стран.

Стиль статьи соответствует требованиям, предъявляемым к написанию научных статей и не содержит существенных недостатков.

Библиография содержит необходимое количество актуальных отечественных и зарубежных источников.

Резюмируя свое исследование, автор приходит к выводу о том, что

"такие фильмы, как «Мадагаскар», играют двойственную роль. С одной стороны, они повышают интерес и узнаваемость стран, с другой – способствуют упрощению и искажению их образов. Анимационный фильм «Мадагаскар» стал ярким примером того, как Голливуд может влиять на международное восприятие стран. Несмотря на положительный эффект в виде узнаваемости страны, он также подчеркнул необходимость более точного представления культурного и социального контекста.

Создание сбалансированного международного восприятия требует совместных усилий по продвижению точной и комплексной информации о странах. Именно для преодоления существующих вызовов необходимо усиление сотрудничества между кинематографистами, исследователями, местными сообществами и правительствами. Это позволит создавать фильмы, которые будут не только развлекать, но и образовывать, способствуя более глубокому пониманию культурного разнообразия и уникальности стран, таких как Республика Мадагаскар. Это не только улучшит культурный обмен, но и поспособствует развитию уважения и понимания между различными народами".

Данный вывод на основании всего вышеперечисленного можно признать достоверным.

Таким образом, статья "Голливудские сценарии: влияют ли американские фильмы об Африке на международное восприятие континента? (Исследование влияния

анимационного фильма «Мадагаскар» на имидж Республики Мадагаскар)" может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кисляк А.А. Короткое видео на российских платформах: трансформация телевизионного контента в VK Видео, Яндекс Видео и RuTube // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74900 EDN: CGNATO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74900

Короткое видео на российских платформах: трансформация телевизионного контента в VK Видео, Яндекс Видео и RuTube

Кисляк Александр Алексеевич

ORCID: 0009-0003-1320-0933

магистр; Филологический факультет; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ sasha0000@list.ru[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.6.74900

EDN:

CGNATO

Дата направления статьи в редакцию:

19-06-2025

Аннотация: В условиях визуального сдвига и роста мобильного медиапотребления короткие видеоролики становятся важнейшим форматом распространения телевизионного и новостного контента. Особый интерес представляет анализ механизмов адаптации телевизионных сюжетов под клиповую логику цифровых платформ. Раньше телевизионные редакции работали в логике линейного вещания. Сегодня они вынуждены учитывать требования платформ с вертикальным видео и короткой длительностью (VK Видео, Яндекс Видео и RuTube). Настоящее исследование посвящено изучению того, как короткие видео формируют новые модели подачи и вовлечения аудитории на этих российских площадках. В центре внимания — переход от полноформатного сюжета к фрагментированной, визуально насыщенной и эмоционально акцентированной подаче информации. Рассматриваются типовые приёмы клиповой адаптации: сжатие содержания, монтаж на основе «крючка», субтитрирование и работа с заголовочным рядом. Основная задача — выявить, каким образом алгоритмы и визуальная логика коротких форматов влияют на телевизионные редакции и стратегии

продвижения контента. Методология исследования основана на контент-анализе 30 коротких видеопостов, опубликованных в период с апреля по май 2025 года на платформах VK Видео, Яндекс Видео и RuTube. Анализ проводился по жанрово-структурным критериям, визуальной стилистике и типу эмоциональной подачи. Обработывались метрики вовлечённости: охват, средняя длительность просмотра и реакции пользователей. Научная новизна статьи заключается в систематизации платформенных форматов коротких видео как инструмента трансформации телевизионного контента на российских цифровых площадках. В едином сравнительном ключе проанализированы отечественные платформы — VK Видео, Яндекс Видео и RuTube — с точки зрения специфики их алгоритмической логики и визуальных требований к клиповому видео. Уточнено понятие «клиповая адаптация сюжета» и выделены её основные типы: от нарезки «ключевых кадров» до эмоциональных микроисторий. Введена обобщённая метрика эффективности — «реакции на 1000 просмотров» — как инструмент сопоставления отклика аудитории на разных платформах. Сделан вывод, что короткие видео выполняют не только функцию промо, но и становятся самостоятельным медиаформатом, требующим новых редакционных компетенций и стратегий работы с аудиторией. Выводы важны для понимания новой модели мультимедийного производства в эпоху платформенной дистрибуции.

Ключевые слова:

короткие видеоролики, VK Видео, RuTube, Яндекс Видео, телевизионный сюжет, алгоритмическая логика, визуальная адаптация, видеожурналистика, цифровые платформы, клиповое медиапроизводство

Введение

Цифровая трансформация медиа радикально изменила способы восприятия и распространения видеоконтента. Если ранее телевидение было доминирующей формой визуальной информации с линейной логикой вещания и хронометражом, регулируемым эфирной сеткой, то сегодня пользовательский запрос сосредоточен вокруг кратких, насыщенных и эмоционально заряженных форматов. Особенно активно этот тренд проявляется в сфере коротких видеороликов, ориентированных на мобильное потребление и алгоритмически продвигаемых цифровыми платформами. Короткое видео становится не просто вспомогательным инструментом редакции, но самостоятельным медиаформатом, задающим новые правила и ритмы коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что платформы VK Видео, Яндекс Видео и RuTube играют всё более значимую роль в формировании визуального новостного пространства в России. Эти площадки не просто транслируют телевизионный или медиаконтент, но и активно трансформируют его формат, диктуя требования к продолжительности, композиции, структуре и эмоциональной насыщенности. Они внедряют алгоритмы, которые определяют, какие видео получают охват, какие — будут продвинуты в ленты, и какие — останутся незамеченными. Таким образом, короткие видео оказываются в эпицентре столкновения двух логик: редакционной (телевизионной) и платформенной (алгоритмической). Для традиционных телевизионных редакций это означает необходимость глубокого пересмотра подходов к визуальному сторителлингу, монтажу и дистрибуции.

Особый интерес представляет тот факт, что в отличие от TikTok, YouTube Shorts и Reels

(запрещён в России, принадлежит Meta), российские платформы сохраняют прямую связь с традиционными медиапроизводителями, включая телекомпании и новостные службы. Это создает уникальные условия для изучения того, как именно трансформируется телевизионный контент в процессе адаптации под клиповый формат. Внимание исследователя должно быть сосредоточено на изменении жанровой природы сюжета, визуальных приёмов, стилистике заголовков и логике монтажа, а также на тех метриках эффективности, которые задают «новую норму» для видеоконтента в цифровой среде.

Цель данного исследования — выявить, каким образом короткие видео, публикуемые на платформах VK Видео, Яндекс Видео и RuTube, трансформируют телевизионный контент, изменяя его подачу, структуру и восприятие. В фокусе — процесс клиповой адаптации телесюжета: от отбора ключевых визуальных элементов до конструирования эмоционального нарратива в пределах 30–60 секунд. Задачи включают: 1) классификацию форматов коротких видео по визуальной и жанровой структуре; 2) анализ логики их продвижения в алгоритмической среде; 3) сопоставление показателей вовлечённости и реакции аудитории на разных платформах. Также исследуется, каким образом телевизионные редакции подстраивают свою производственную логику под требования вертикального видео и кратких форматов.

Выбор именно российских платформ обусловлен их актуальностью в контексте цифрового суверенитета и переориентации дистрибуции видеоконтента на национальные медиасреды. При этом VK Видео, Яндекс Видео и RuTube демонстрируют различную платформенную логику и алгоритмическое поведение, что позволяет провести сопоставительный анализ и выявить, насколько единообразно или разнообразно происходит трансформация телевизионного продукта в формате коротких видео. Таким образом, исследование выходит за рамки технологического описания и касается более широкого вопроса: как меняется сама природа телевидения в условиях цифрового экосистемного давления, где короткое видео становится не инструментом промо, а самостоятельным носителем редакционного смысла.

Теоретический блок: короткие видео и медиапроизводство в условиях платформенной логики

Современное медиaprостранство переживает сдвиг в сторону визуально-ориентированного, фрагментированного и алгоритмически управляемого потребления информации. Одним из наиболее выразительных форматов, отражающих эту трансформацию, становятся короткие видеоролики. Их популярность определяется не только технической доступностью, но и полной синхронизацией с логикой цифровых платформ, в которых алгоритмы рекомендаций определяют успешность медиапродукта.

Ключевую рамку для анализа таких трансформаций задаёт концепция медиаконвергенции, согласно которой редакционные, технологические и дистрибуционные процессы объединяются в единую цифровую экосистему [\[1\]](#). Как подчёркивает Е.А.Баранова, медиаконвергентная журналистика требует от редакции освоения многоформатности и гибкой адаптации под мультимедийные платформы, включая видео, текст и визуальные компоненты одновременно [\[1, с.48\]](#). В этом контексте короткие видео выступают не как вторичный медиапродукт, а как самостоятельная форма репрезентации, соответствующая цифровому ритму и ожиданиям пользователя.

Алгоритмы становятся ключевым медиатором между контентом и аудиторией. Как отмечает В.Гатов, в цифровой среде именно алгоритмические механизмы выполняют

функции скрытых редакторов, определяющих повестку и визуальную структуру контента [7]. Это касается и телевизионного продукта, который в коротком формате переосмысливается под требования платформ: скорость доставки, визуальная насыщенность, эмоциональная зацепка. М.М.Лукина также подчёркивает, что современный пользователь ожидает «мгновенной информации» в визуально доступной форме, что усиливает тренд на короткие клиповые видео [12].

Исследования в области маркетинговых коммуникаций показывают, что короткие видео не только эффективны для привлечения внимания, но и обладают значительным потенциалом вовлечения. Так, Е.И.Бутенко в ряде публикаций утверждает, что видеомаркетинг развивается на основе эмоциональной упаковки информации, визуальных приёмов и алгоритмической логики рекомендаций, причём клиповый формат позволяет брендам (и медиаресурсам) быстро адаптировать месседж под пользовательскую мотивацию [3-5]. В одном из своих обзоров она вводит понятие «видеокommunikационной конверсии» — превращения зрительского интереса в активное взаимодействие с контентом [4, с.52].

Сходные идеи развивает П.Ю.Доктор, указывая на растущую роль автоматизированных инструментов в производстве коротких видео, в том числе через использование нейросетей и шаблонов, особенно в сегменте YouTube Shorts [8]. Это подтверждает тезис о том, что короткое видео — это не только жанровая трансформация, но и технологическое явление.

В исследовании И.И.Малинина подчёркиваются причины устойчивой популярности коротких видео: низкий порог входа, мобильный характер потребления и алгоритмическое продвижение внутри платформ. Он выделяет тенденцию к доминированию визуальных паттернов — лица крупным планом, текст на экране, контраст, быстрый монтаж — как обязательных атрибутов успешного ролика [13]. Это находит отражение в российском медиапространстве, где VK Видео, Яндекс Видео и RuTube стимулируют подобные стилистические стандарты.

Тренд на визуальное ускорение подчёркивает и А.П.Брагин, рассматривая короткие видео как важнейший инструмент интернет-маркетинга. Он указывает, что даже в новостной среде формируется «жёсткая зависимость» от клипового подхода — кадр должен «говорить» сам за себя, без лишнего пояснения, иначе он проиграет в конкуренции за внимание [2, с.38].

Значимый аспект кратко и метко раскрывает Ваньжу Дин, отмечая, что короткие видео формируют новую парадигму восприятия информации — с доминированием фрагмента, эпизода, эмоционального момента над полнотой и аналитикой [6, с.69]. Это особенно важно в контексте журналистики, где традиционно ценились полнота, глубина и объяснительный стиль.

Концептуально схожую линию развивает А.А.Зиненко, акцентируя внимание на том, что короткие видеофрагменты — даже вырванные из контекста (например, кадры из фильмов) — могут приобретать самостоятельную смысловую нагрузку, становясь вирусным инструментом продвижения [9]. Этот эффект актуален и для телевизионных сюжетов, которые всё чаще обрезаются и переупаковываются под визуальные и эмоциональные стандарты платформ.

М.В.Зорина в своём анализе вертикальных видео указывает на то, что формат 9:16

становится не просто техническим стандартом, а новой визуальной логикой, в которой зритель ожидает близости, камерности и «непосредственного контакта» с героем ролика [10]. Это влияет на саму природу съёмки и монтажа телевизионных сюжетов, адаптируемых под цифровую дистрибуцию.

Переход от классических форматов к клиповым требует новых профессиональных компетенций. Как пишет Е.В.Олешко, цифровая редакция — это не только универсальный журналист, но и продюсер, монтажёр, аналитик метрик, специалист по платформам [14, с.89]. Это особенно актуально для тех, кто работает с короткими видео: он должен понимать не только, как снять, но и как это видео «пойдёт» в алгоритме.

А.В.Питерова выделяет важность стратегического применения коротких видеороликов в контент-маркетинге. По её мнению, успех зависит от точной работы с аудиторией, визуальной подачи и понимания «тональности платформы» — каждая требует своей стилистики и эмоциональной модальности [15, с.42].

Наконец, И.Кирия в своём исследовании мультимедиа подчёркивает, что медиа сегодня становятся всё более фрагментированными, ориентированными на кроссплатформенное присутствие, а короткое видео — это «точка входа» в более широкую информационную архитектуру [11, с.21]. Это позволяет телевидению существовать в новом виде — через «короткие окна» в мобильных лентах.

Таким образом, теоретическая рамка статьи опирается на три ключевых концепта: медиаконвергенция, платформенная логика и клиповая адаптация. Короткие видео на платформах VK Видео, Яндекс Видео и RuTube представляют собой не просто медийный тренд, а фундаментальный сдвиг в способах производства, структурирования и потребления телевизионного контента. Это требует от исследователя внимательного анализа визуальных и алгоритмических механизмов, лежащих в основе современной видеожурналистики и цифрового видеомаркетинга.

Эмпирическое исследование

Для анализа была отобрана серия коротких видеороликов из анонсов программ Первого канала, размещённых на трёх российских платформах — VK Видео, Яндекс Видео и RuTube. Основным критерием служила свежесть контента: ролики выбраны из промороликов на странице Первого телевидения по состоянию на май 2025 года с ручной фильтрацией по дате. Всего проанализированы 30 видеороликов продолжительностью от 0:26 до 1:36 (обычно 40–70 секунды). Среди них преобладают анонсы программ в жанрах «новость/развлечение» («АнтиФейк», «Жить здорово!»), «репортаж» («Поехали!», «Жизнь своих»), «токшоу» («Пусть говорят») и «интервью-спецпроект» («Сегодня вечером»). Данная выборка представляет разнообразие тем и форматов, что позволяет выявить типовые приёмы адаптации телесюжетов под короткое видео.

Применены следующие методики:

1. Контент-анализ, включая ручную разметку по жанру, цели, визуальной структуре.
2. Кодирование элементов адаптации, включая:
 - продолжительность, порядок кадров, наличие «крючка» (hook), титров, субтитров;
 - тип музыкального фона, темп монтажа, количество кадров в секунду.

3. Анализ метрик вовлечённости: средняя длительность просмотра (данных нет, анализируется оптимальная длина ролика), реакции (лайки, просмотры, комментарии) — прохулоценка на основании поведения аналогичных роликов на платформах.

4. Алгоритмическая оценка — как ролик стилизован под логику рекомендаций платформ (формат, субтитры, визуальные маркеры).

Анонсы телепередач охватывают широкий спектр тем и направлений, что позволяет оценить, насколько короткие форматы справляются с передачей характерных черт различных жанров (таблица 1).

Таблица 1 – Жанровая и тематическая классификация

Жанр	Пример	Продолжительность	Цель
Информационный / Разоблачение	«АнтиФейк»	0:43, 0:38	Образовательная, актуальная новость
Здоровье / Образ жизни	«Жить здорово!»	0:26–0:33	Совет, узнаваемость
Токшоу / Драма	«Пусть говорят»	1:08–1:11	Эмоциональная, конфликтная
Развлекательный / Музыкальный	«Наша новая музыка»	0:55–1:04	Промо шоу
Репортаж / Тревел	«Поехали!», «Жизнь своих»	0:48–0:56	Информационный, рекреационный
Интервью / Биография	«Сегодня вечером», «Время героев»	1:03–1:22	Личностный, глубокий

Анализ коротких видеороликов телепередач Первого канала, размещённых на платформах VK Видео, Яндекс Видео и RuTube, позволяет выявить устойчивые принципы визуальной и структурной адаптации телевизионного контента под алгоритмическую и поведенческую логику цифровых медиа. Эмпирической базой исследования стали 30 промороликов продолжительностью от 26 до 80 секунд, преимущественно в жанрах токшоу, общественно-политического разоблачения, документального и тревел-направления. Основное внимание уделялось таким параметрам, как структура подачи, визуальное оформление, ритм монтажа, эмоциональная выразительность и соответствие платформенным стандартам.

На первом этапе исследования особое внимание было уделено первому структурному компоненту — начальной «точке захвата» внимания. В большинстве видеороликов это реализуется через так называемый «крючок» — элемент, размещённый в первые 3–5 секунд и предназначенный для немедленного вовлечения зрителя. Чаще всего такой крючок представлен в виде провокационного или сенсационного заголовка, короткого вопроса или эмоционально насыщенного кадра. Например, в ролике программы «АнтиФейк» утверждение «Москва своим названием обязана казаху» выступает как моментальный информационный триггер, вызывающий когнитивный диссонанс и стимулирующий досмотр. Подобный приём характерен и для анонсов токшоу «Пусть говорят»: фразы типа «Семья без границ» или «Тайна многоженца» сопровождаются визуальными образами в состоянии эмоции — крупные планы страдающих, возмущённых или встревоженных героев. В тревел-программах и культурных шоу («Поехали!», «Жизнь своих») за «крючок» отвечают красивые пейзажные панорамы или динамичные сцены с участием ведущих (таблица 2).

Таблица 2 – Стратегии использования «крючка» в коротких видео

Жанр	Примеры заголовков или кадров-крючков	Характер воздействия
Информационный	«Москва своим названием обязана казаху»	Провокационный, когнитивный
Социальная драма	«Семья без границ» / плачущая героиня	Эмоциональный, визуальный
Путешествия	Панорама Ялты / ведущий у моря	Эстетический, атмосферный
Музыкальный	Крупный план исполнителя + шум аплодисментов	Эмоционально-идентификационный
Историко-культурный	Артист рассказывает / монтаж хроники	Интеллектуальный, ностальгический

Практически все проанализированные ролики включают титры с названием программы и тематическим заголовком, как правило, оформленные в контрастной цветовой палитре (белый/жёлтый шрифт на тёмном фоне). Это способствует моментальной идентификации контента. В 90 % случаев также используются субтитры, транслирующие ключевые фразы персонажей или ведущего. Их присутствие критически важно для платформ с автоплеером и без звука (особенно VK Видео и Яндекс Видео): текст обеспечивает смысловую связность даже при выключенной аудиодорожке. Брендинг «Первого канала» маркирует начало или конец видео, но не доминирует над основным сообщением, что соответствует практике «лёгкой идентификации» — достаточной для узнавания, но не мешающей восприятию содержания.

Музыкальное сопровождение играет немаловажную роль в формировании общего темпа и эмоциональной тональности роликов. В промоматериалах ток-шоу преобладает напряжённая, драматичная музыка, синхронизированная с монтажными склейками. В репортажах музыкальная дорожка, как правило, нейтральная, но может включать лёгкие этнические акценты для создания локального колорита. Развлекательные и музыкальные форматы используют бодрую, мажорную фонограмму, нередко с открытым вступлением и «открывающим» тактом, совпадающим с начальным визуальным крючком.

Типичная структура ролика повторяется с высокой степенью регулярности и включает три ключевых компонента. Первый — это заголовок/крючок (примерно 3–5 секунд), далее следует основная нарезка контента — от 30 до 50 секунд, демонстрирующая ключевые сцены и заявления. Завершающая часть длится около 5–7 секунд и представляет собой приглашение к просмотру полной версии программы, сопровождаемое логотипом и фразами типа «смотрите сегодня в 21:00», «подробности — в новом выпуске» и т.п. Такая структура соответствует принципам клипового монтажа: быстрые смены сцен, избегание длинных дублей, высокая плотность визуальной и текстовой информации.

На следующем этапе исследования был проведён анализ платформенной адаптации. На платформе VK Видео ролики преимущественно размещаются в вертикальном формате (9:16), снабжены субтитрами и визуальными заголовками, ориентированы на алгоритм автопрокрутки с отключённым звуком. Такие видео демонстрируют оптимальную продолжительность — 45–60 секунд — и эффективно удерживают внимание в рамках пользовательской ленты. Алгоритм VK отдаёт предпочтение роликам с высокой плотностью взаимодействий в первые 15 секунд, что и объясняет акцент на визуальном крючке и резком начале.

Яндекс Видео демонстрирует несколько иную модель: чаще используется горизонтальный формат (16:9), что позволяет сохранять изначальный телевизионный стиль съёмки. Ролики снабжены заголовками, хештегами и тематическими тегами — например, #АнтиФейк, #ЖитьЗдорово — что влияет на их попадание в рекомендательные блоки Яндекс.Дзена и Поиска. Оптимальная длительность видео — 50–60 секунд, при этом предпочтение отдается роликам, вызывающим комментарии и переходы на сайт/эфирный поток.

На RuTube ролики выглядят более «эфирно» — здесь сохраняется высокая чистота изображения, меньше внимания уделяется субтитрам, больше — качеству видеоряда. Средняя продолжительность составляет 70–80 секунд. Визуальные ритмы более плавные, без чрезмерной фрагментации. Это объясняется исторической связью платформы с телевидением и ориентацией на устойчивого зрителя.

Оценка эффективности роликов на платформах проводилась по усреднённым моделям поведения. Так, на VK Видео средняя глубина просмотра составляет 60–70% от длины ролика, а CTR в крупных медиапроектах превышает 4%. Для Яндекс Видео актуальны метрики вовлечённости на уровне 45–55 секунд просмотра. В RuTube более важным становится показатель повторного просмотра и общее удержание, а не мгновенные лайки или клики.

Большинство роликов (80%) удовлетворяют алгоритмическим требованиям: наличие крючка, визуального заголовка, субтитров, эмоциональной сцены и быстрой смены планов. Это позволяет им эффективно функционировать в системе рекомендаций и удержания внимания. Отсюда вытекает принцип «редактирования под алгоритм» — когда структура и ритм подчиняются платформенной логике, а не телевизионной эстетике линейного повествования.

В результате анализа можно сделать несколько обобщающих выводов. Во-первых, короткое видео стало универсальной формой подачи телевизионного контента — оно не только сокращает сюжет, но и меняет акценты, усиливая эмоциональные и визуальные маркеры. Во-вторых, клиповая адаптация требует от редакции новых компетенций: умения создавать крючки, компилировать напряжённые нарративы и оформлять текст на экране. В-третьих, платформы диктуют рамки потребления: от формата кадра до длины, от темпа до заголовка. Это приводит к тому, что редакции выстраивают новую стратегию мультимедийного присутствия — гибридную по форме и алгоритмически эффективную по содержанию. Таким образом, короткое видео выступает не как дополнение к телепередаче, а как самостоятельный медиапродукт в условиях платформенной редакционной среды.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что короткое видео стало не просто формой репрезентации телевизионного контента, но полноценной медиаединицей, подчинённой логике платформенного существования. Его сила — в способности адаптировать сложный, многоуровневый материал к ожиданиям и ограничениям цифровой среды. VK Видео, Яндекс Видео и RuTube — три ключевые российские площадки — выступают не как пассивные трансляторы, а как активные фильтры, задающие собственные визуальные, жанровые и темпоральные стандарты. Это подтверждается тем, как телевизионные сюжеты переконструируются: появляется структура с крючком, клиповым монтажом, субтитрами и финальной заставкой, соответствующая поведению пользователя в ленте.

Одним из главных открытий стало то, что короткое видео позволяет сохранить жанровую специфику даже в предельно сжатом формате. Ток-шоу, документальный репортаж, лайфстайл-программы и интервью — все они транслируются через эмоциональные, визуально насыщенные и логически цельные клипы. Благодаря использованию таких элементов, как визуальный крючок, заголовок, субтитры и музыкальный фон, телепередачи приобретают вторую жизнь в цифровой экосистеме. Они становятся «вирусными окнами» в более широкую медиапродукцию.

Анализ визуальных паттернов показал, что платформы диктуют стандарты потребления, которые влияют на всё — от формата кадра до стилистики заголовка. VK Видео, ориентируясь на вертикальный скроллинг, требует максимальной компактности и динамики. Яндекс Видео опирается на горизонтальный формат, но требует чёткой тематической маркировки. RuTube, ближе к эфирной логике, демонстрирует больший акцент на качество изображения и монтажную целостность. Таким образом, редакции разрабатывают платформенно ориентированные сценарии — ролики для VK отличаются от тех, что готовятся для RuTube, даже если в основе лежит один и тот же телесюжет.

Ключевым технологическим аспектом является алгоритмическая фильтрация. Только те клипы, которые соответствуют параметрам удержания, визуальной активности и интерактивности, получают широкое распространение. Это приводит к трансформации редакционного планирования: журналисты и продюсеры учатся «думать алгоритмом» — предугадывать реакцию, выстраивать визуальные коды, адаптировать темп и ритм. Иначе материал теряется в информационном потоке (таблица 3).

Таблица 3 – Сравнительный анализ платформенной адаптации коротких видео на трёх российских цифровых площадках

Платформа	Оптимальный формат видео	Средняя длительность	Наличие субтитров	Особенности подачи	Алго
VK Видео	9:16 (вертикальный)	45–60 сек	Да (в ~90% роликов)	Визуальный крючок в первые 5 сек, динамичный монтаж, текст на экране	Фоку взаи перв
Яндекс Видео	16:9 (горизонтальный)	50–60 сек	Да (в большинстве случаев)	Заголовки и теги, субтитры, визуальные маркеры, фокус на темах и вопросах	Акке CTR прос
RuTube	16:9 (горизонтальный)	70–80 сек	Редко	Качество изображения, плавный ритм, менее фрагментированный монтаж	Удер зрите повт прос

Полученные результаты подтверждают, что короткое видео на российских цифровых платформах перестаёт быть вспомогательным промо-форматом и превращается в полноценную, самостоятельную форму телевизионного вещания в цифровой среде. Его структура, визуальный стиль и ритм подачи всё в большей степени формируются не традиционными телевизионными стандартами, а логикой алгоритмов и пользовательских паттернов платформ. Такой сдвиг означает глубокую трансформацию журналистского

процесса — от этапа планирования сюжета до его визуального воплощения.

Платформы VK Видео, Яндекс Видео и RuTube предъявляют специфические требования к видеоконтенту: краткая продолжительность, наличие визуального крючка, субтитров, титров, узнаваемой композиции и эмоционально насыщенных сцен. Эти особенности вынуждают редакции применять клиповую адаптацию, ориентируясь не столько на полноту информации, сколько на удержание внимания и визуальную выразительность. В результате создаётся «платформенно-ориентированная редакционная практика», где журналист должен одновременно мыслить, как монтажёр, маркетолог и аналитик.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет телередакциям и медиапроизводителям адаптировать свои стратегии контент-дистрибуции под различные цифровые экосистемы. Выявленные закономерности — например, эффективность крючков в первых 5 секундах, необходимость субтитров и эмоционального ритма — могут быть использованы при разработке видеопродукции, направленной на рост вовлечённости и видимости в пользовательских лентах. Особенно это актуально для редакций, работающих в условиях ограниченных ресурсов и стремящихся к масштабируемому охвату. Кроме того, предложенные параметры анализа (тип клиповой адаптации, наличие визуальных маркеров, соответствие платформенной логике) могут быть внедрены в систему редакционного планирования, медиааналитики и образовательных программ по видеожурналистике.

Перспективы исследований включают, во-первых, расширение эмпирической базы за счёт включения региональных, федеральных и специализированных медиа; во-вторых, углублённое изучение специфики платформенной логики зарубежных площадок (TikTok, YouTube Shorts, Instagram Reels (запрещён в России, принадлежит Meta)) для сопоставительного анализа. Также заслуживает внимания исследование институциональных механизмов взаимодействия между медиа и платформами — от сотрудничества с менеджерами до использования аналитических кабинетов. Важным направлением станет и анализ этических и редакционных рисков: как трансформация под алгоритм влияет на автономию редакции, качество содержания и социальную функцию журналистики.

Библиография

1. Баранова Е. А. Конвергентная журналистика. Теория и практика. Москва: Изд. Юрайт, 2025. 157 с.
2. Брагин А. П. Тренд современного интернет-маркетинга в социальных сетях: короткие видеоролики. 2023. С. 36-42.
3. Бутенко Е. И. Зарубежный опыт развития маркетинговых коммуникаций на основе видеомаркетинга. 2023. С. 16-25.
4. Бутенко Е. И. К вопросу о развитии маркетинговых коммуникаций на основе видеомаркетинга. 2023. С. 51-58.
5. Бутенко Е. И. Концептуальный подход к развитию маркетинговых коммуникаций на основе видеомаркетинга. 2022. С. 290-298.
6. Ваньжу Дин. Короткие видео как новое направление маркетинговых исследований. 2024. С. 67-72.
7. Гатов В. Postjournalist. Журналистика после цифрового перехода. Москва: Издательские решения, 2024. 170 с.
8. Доктор П. Ю. Инновации в сфере видеомаркетинга: искусственный интеллект в создании видео на YouTube Shorts. 2023. С. 3431-3440.
9. Зиненко А. А. Короткие видео с отрывками фильмов как новаторская стратегия

рекламного продвижения. 2024. С. 2277-2287.

10. Зорина М. В. Вертикальные видео как феномен современности в сфере SMM и рекламы. 2024. С. 71-74.

11. Кирия И. Что такое мультимедиа? В кн.: Качкаева А. Г. (ред.) Журналистика и конвергенция. Москва, 2023. С. 18-26.

12. Лукина М. М., Фомичева И. Д. СМИ в пространстве Интернета. Москва: Факультет журналистики МГУ, 2018. С. 75-84.

13. Малинин И. И. Феномен коротких видео в интернете: причины популярности, тенденции в производстве и способы использования для продвижения. 2025. С. 191-209.

14. Олешко Е. В. Конвергентная журналистика: Профессиональная культура субъектов информационной деятельности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 256 с. EDN: VGAFPR

15. Питерова А. В. Возможности применения инструмента коротких видеороликов в стратегии контент-маркетинга. 2024. С. 41-44.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье являются особенности трансформации телевизионного контента в VK Видео, Яндекс Видео и RuTube. Актуальность работы обоснованно аргументируется тем, что данные платформы VK Видео, Яндекс Видео и RuTube «играют всё более значимую роль в формировании визуального новостного пространства в России», «эти площадки не просто транслируют телевизионный или медиаконтент, но и активно трансформируют его формат, диктуя требования к продолжительности, композиции, структуре и эмоциональной насыщенности; они внедряют алгоритмы, которые определяют, какие видео получают охват, какие — будут продвинуты в ленты, и какие — останутся незамеченными». Видится целесообразным изучить, каким образом короткие видео на платформах VK Видео, Яндекс Видео и RuTube трансформируют телевизионный контент, изменяя его подачу, структуру и восприятие. Отмечается, что выбор российских платформ в качестве объекта исследования обусловлен их актуальностью в контексте цифрового суверенитета и переориентации дистрибуции видеоконтента на национальные медиасреды. При этом VK Видео, Яндекс Видео и RuTube демонстрируют различную платформенную логику и алгоритмическое поведение, что позволяет провести сопоставительный анализ и выявить, насколько единообразно или разнообразно происходит трансформация телевизионного продукта в формате коротких видео.

Теоретической основой исследования послужили труды ученых, посвященные медиаконвергенции и СМИ в пространстве Интернета; инновациям в сфере видеомаркетинга; развитию маркетинговых коммуникаций на основе видеомаркетинга, в том числе за рубежом; коротким видеороликам как тренду современного интернет-маркетинга в социальных сетях и др. Библиография насчитывает 15 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (около 86% источников за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; метод классификации; описательный метод; интерпретативный анализ материала; а также количественный и качественный контент-анализ, включая ручную разметку по жанру, цели, визуальной структуре; кодирование элементов адаптации; анализ метрик вовлеченности; алгоритмическую оценку. Эмпирической базой послужила серия коротких видеороликов из анонсов программ Первого канала, размещённых на трёх российских платформах — VK Видео, Яндекс Видео и RuTube. Всего проанализировано 30 разножанровых видеороликов продолжительностью от 0:26 до 1:36.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что «короткое видео на российских цифровых платформах перестаёт быть вспомогательным промо-форматом и превращается в полноценную, самостоятельную форму телевизионного вещания в цифровой среде», «платформы VK Видео, Яндекс Видео и RuTube предъявляют специфические требования к видеоконтенту», которые «вынуждают редакции применять клиповую адаптацию, ориентируясь не столько на полноту информации, сколько на удержание внимания и визуальную выразительность» и др.

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение феномена коротких видео на российских платформах. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов телередакциям и медиапроизводителям с целью адаптации своих стратегии контент-дистрибуции под различные цифровые экосистемы, а также в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике. Предложенные параметры анализа (тип клиповой адаптации, наличие визуальных маркеров, соответствие платформенной логике) однозначно могут быть внедрены в систему редакционного планирования, медиааналитики и образовательных программ по видеожурналистике

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая и понятная. Работа имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна заинтересованному кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ц. Особенности медийных тематик китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в ведущих СМИ
// Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.73470 EDN: CGWSCT URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73470

Особенности медийных тематик китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в ведущих СМИ

Чжан Цзыси

аспирант; кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов им. П.
Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, р-н Коньково, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2

✉ spirytus1@outlook.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.73470

EDN:

CGW SCT

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2025

Аннотация: Объектом исследования в данной работе являются материалы ведущих мировых и региональных СМИ, которые освещают темы китайско-индийского гуманитарного сотрудничества. Под «ведущими СМИ» понимаются как китайские и индийские, так и международные новостные агентства, публикующие статьи и репортажи на эту тему. Предметом исследования является анализ тем, подходов и методов, которые используются в медийных представлениях о гуманитарном сотрудничестве между двумя странами. Это включает в себя изучение того, какие именно аспекты сотрудничества (культура, образование, наука и т.д.) выделяются в СМИ, как происходит подача этой информации, какие акценты ставятся, а также каковы основные тенденции в медийной интерпретации этих отношений. Автор изучает, как ведущие СМИ освещают темы гуманитарного сотрудничества между Китаем и Индией, и данный подход является важным не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку позволяет глубже понять процессы формирования публичных образов двух стран на международной арене. Методология исследования обусловлена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза,

метод социокультурного анализа, а также был проведен обзор литературы, теоретический анализ и практическое исследование с использованием конкретных примеров из СМИ. Особый вклад автора в исследовании темы состоит в том, что выявлены ключевые медийные тематики, связанные с китайско-индийским гуманитарным сотрудничеством, и показано, как эти темы формируют образы стран в международном контексте. Эмпирическая база включает анализ новостных и аналитических материалов китайских, индийских и международных СМИ за последние 5-10 лет. Основным выводом проведенного исследования является то, что китайские СМИ фокусируются на позитивном освещении гуманитарного сотрудничества, акцентируя внимание на успешных проектах и их значении для двусторонних отношений, в свою очередь, индийские СМИ, несмотря на признание пользы китайско-индийских проектов, более осторожно и критически оценивают такие инициативы, особенно в контексте возможных политических и экономических рисков для Индии. Это отражает стремление Индии сохранять стратегическую независимость, одновременно поддерживая активное сотрудничество с Китаем в рамках гуманитарных проектов.

Ключевые слова:

китайско-индийское сотрудничество, китайско-индийское гуманитарное сотрудничество, китайские СМИ, индийские СМИ, медийные тематики, Китай и Индия, гуманитарное сотрудничество, международные СМИ, международные отношения, международное гуманитарное сотрудничество

Введение

Практическая значимость изучения китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в современных средствах массовой информации заключается в целом ряде факторов.

Прежде всего, и Китай, и Индия являются крупнейшими странами Азии и мира. Отношения между двумя странами имеют долгую историю и будут продолжать развиваться в 21 веке. В условиях глобализации и стремительного развития международных отношений обе страны активно ищут новые формы взаимодействия, в том числе гуманитарные инициативы. В частности, гуманитарное сотрудничество охватывает области гуманитарных наук, образования, науки и техники, здравоохранения и общества и стало важной частью дипломатических усилий двух стран. Средства массовой информации играют ключевую роль в освещении этих процессов, и они формируют общественное мнение не только внутри страны, но и за рубежом. Во-вторых, современные медийные тенденции показывают, что в последние десятилетия значительно возросло внимание к китайско-индийским отношениям в гуманитарной сфере. С развитием науки и техники и ростом популярности социальных сетей средства массовой информации становятся важным каналом распространения информации о гуманитарных инициативах, влияющим на взгляды международного сообщества и двусторонние отношения. В этом контексте изучение освещения китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в основных средствах массовой информации имеет большое значение не только с точки зрения теоретических исследований, но и с точки зрения практики, а также помогает лучше понять процесс формирования общественного имиджа двух стран на международной арене.

Объектом данного исследования являются репортажные материалы крупнейших мировых и региональных СМИ на тему китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в

течение 2021-2024 гг.. То, что называется "основными СМИ", относится к китайским и индийским информационным агентствам, а также международным информационным агентствам, которые публикуют статьи и репортажи на эту тему. В ходе исследования было собрано и проанализировано 560 материалов. Предметом исследования является анализ тем, способов и методик гуманитарного сотрудничества, о которых сообщают СМИ двух стран. Это включает в себя изучение того, какие конкретные аспекты сотрудничества (культура, образование, наука и т.д.) освещаются средствами массовой информации, как подается эта информация, на что делается акцент и каковы основные тенденции в интерпретации этих отношений средствами массовой информации.

Цель исследования - выявить ключевые темы в средствах массовой информации, связанные с китайско-индийским гуманитарным сотрудничеством, и понять, как эти темы формируют имидж двух стран в международном контексте. С этой целью мы проведем обзор литературы, теоретический анализ и практические исследования по конкретным примерам использования медиа.

Основная часть

Средства массовой информации играют жизненно важную роль в формировании общественного мнения, особенно в рамках международных гуманитарных инициатив. Они не только передают информацию о событиях, но и выступают в качестве посредников для интерпретации и корректировки информации, влияя на мнение аудитории. В контексте китайско-индийского сотрудничества в гуманитарной сфере СМИ являются не только каналом распространения информации, но и активным участником формирования имиджа двух стран и их совместных проектов на международной арене.

СМИ обрабатывают большие объемы данных, чтобы помочь общественности понять ситуацию, стоящую за конкретными гуманитарными проектами. Например, когда Китай и Индия реализуют совместные инициативы в области здравоохранения или охраны окружающей среды, СМИ двух стран могут интерпретировать эти проекты как шаги по улучшению двусторонних отношений или наоборот, как демонстрацию силы и амбициозных намерений^[7]. Это толкование может варьироваться в зависимости от политической ситуации и текущих внешнеэкономических интересов, что повлияет на взгляды населения двух стран и других государств за рубежом.

Анализ новостей китайских СМИ и аналитических статей о гуманитарном сотрудничестве, особенно в контексте китайско-индийских отношений, является важным материалом для изучения того, как Китай формирует свой имидж и продвигает свои внешнеэкономические и дипломатические цели. В последние десятилетия внешняя политика Китая активно включала гуманитарные инициативы в качестве средства укрепления своего международного статуса и расширения своего глобального влияния. В этой связи новостные и аналитические статьи в китайских СМИ являются основными каналами распространения информации о гуманитарных проектах и их значимости для двух стран.

В китайских новостных статьях, посвященных китайско-индийскому гуманитарному сотрудничеству, ключевым элементом является акцент на успешных инициативах, таких как совместные проекты в области здравоохранения, образования и устойчивого развития. Например, в сообщениях об эпидемии COVID-19 китайские СМИ подчеркивали свою роль в поддержке Индии путем предоставления медикаментов и вакцин, а также указывали на то, что китайские и индийские ученые участвовали в разработке совместных вакцин и медицинских технологий. Это рассматривается как пример

взаимовыгодного сотрудничества и проявление лидерства Китая в области глобальной гуманитарной помощи.

Особое внимание обращается на механизм внешней помощи Китая. В китайских новостных статьях часто подчеркивается, что гуманитарная помощь Китая является не только актом доброй воли, но и важной частью внешнеполитической стратегии, направленной на укрепление двусторонних отношений и установление долгосрочных партнерских отношений^[14]. В этом контексте гуманитарные проекты рассматриваются как важная часть "мягкой силы" Китая и способствуют укреплению отношений с развивающимися странами, включая Индию^[10]. Поэтому новостные статьи основаны на позитивных отзывах об инициативе Китая, подчеркивающих ее важность для мира и стран-партнеров.

В отличие от новостных статей, аналитические статьи дают более глубокую информацию и критическое понимание взаимного сотрудничества. В этих материалах рассказывается не только об успехе китайско-индийского проекта, но и о проблемах, стоящих перед китайско-индийским проектом. Например, китайские аналитики могут привлечь внимание к вопросам, связанным с политическими системами, культурными различиями и стратегическими интересами двух стран, что может затруднить реализацию определенных инициатив. Несмотря на эти трудности, в аналитических материалах подчеркивается, что китайско-индийское сотрудничество, в том числе в гуманитарной сфере, может способствовать углублению взаимопонимания и укреплению стабильности в регионе.

Кроме того, аналитические статьи часто освещают такие темы, как глобальное лидерство Китая и его стратегические амбиции в Южной Азии. Например, китайские СМИ подчеркивают важность Индии как важного партнера инициативы "Один пояс, один путь" и рассматривают гуманитарные проекты как способ интеграции Индии в глобальную стратегию Китая^[6]. В этих статьях поднимается вопрос: как гуманитарное сотрудничество с Индией может способствовать продвижению интересов Китая в регионе и расширению влияния Китая на международной арене?

Важной темой аналитических статей в Китае также является роль средств массовой информации в продвижении гуманитарных инициатив. Китай активно использует государственные СМИ, такие как «China Daily», информационное агентство Синьхуа и CCTV, для продвижения имиджа Китая как страны, активно участвующей в решении глобальных проблем.^[13] В этих материалах подчеркивается, что гуманитарная помощь Китая не ограничивается материалами и финансовыми средствами, но также включает в себя знания и опыт, которыми Китай готов поделиться с партнерами, включая Индию. Это позиционируется как способ содействия развитию и поддержания мира и стабильности в регионе.

Кроме того, аналитические статьи Китая часто охватывают все аспекты многостороннего сотрудничества. Например, в статье может быть упомянуто о том, как китайско-индийские гуманитарные проекты интегрируются в контекст сотрудничества между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) или странами БРИКС. Обе страны играют важную роль. В этих материалах рассказывается о том, как совместные гуманитарные усилия могут стать основой для укрепления политических и экономических связей между двумя странами и продвижения интересов Китая на мировой арене^[1].

Поэтому новостные и аналитические статьи в китайских СМИ, посвященные

гуманитарному сотрудничеству с Индией, не только рассказывают об успешных инициативах, но и рассматривают эти проекты как неотъемлемую часть стратегической внешней политики Китая. Таким образом, китайские СМИ попытались продемонстрировать свою роль мировых лидеров в решении гуманитарных вопросов и укреплении международных отношений, особенно в Южной Азии, что оказало значительное влияние на взгляды двух стран и международного сообщества на китайско-индийское сотрудничество.

Индийские СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения о внешней политике страны (включая сотрудничество с Китаем). Концепция реализации гуманитарных проектов в рамках двусторонних отношений часто отражает политические и культурные аспекты сотрудничества между двумя странами^[5]. В индийских СМИ гуманитарные инициативы с Китаем часто рассматриваются как вопросы в контексте более широких вопросов региональной безопасности, экономического роста и устойчивого развития, что влияет на освещение и интерпретацию этих инициатив.

В индийских новостных сообщениях гуманитарные проекты с Китаем обычно рассматриваются с точки зрения реальных выгод для страны, таких как улучшение инфраструктуры и поддержка реагирования на глобальные вызовы, такие как изменение климата, здравоохранение и образование. Например, освещая медицинские проекты, индийские СМИ подчеркивали, что помощь Китая в виде медикаментов, вакцин или оборудования может улучшить ситуацию в области здравоохранения в Индии, особенно в сельских районах. В то же время был также подчеркнут успех совместных научных исследований Китая и Индии в области медицины, таких как разработка вакцины против COVID-19, что помогает представить Китай как важного партнера в решении глобальных проблем.

Однако, помимо положительных моментов, индийские СМИ часто обращают внимание на два аспекта китайско-индийского сотрудничества - экономику и стратегию. Индийские СМИ могут рассматривать гуманитарные проекты как часть более широкой внешнеэкономической стратегии Китая, включая инициативу "Один пояс, один путь".^[15] В этих материалах гуманитарное сотрудничество с Китаем иногда описывается как средство укрепления экономических связей, которое позволяет Индии использовать китайские инвестиции и технологии для реализации внутренних проектов в области здравоохранения, инфраструктуры и образования.

Индийские СМИ часто обсуждают баланс между интересами и зависимостью от Китая. Например, в некоторых аналитических статьях и отчетах высказываются опасения по поводу того, что укрепление гуманитарного сотрудничества с Китаем может привести к политической и экономической зависимости от Пекина. В этих материалах также рассматривается возможное влияние внешнеэкономических и геополитических интересов Китая на внутреннюю политику Индии, особенно с учетом конкуренции между двумя странами на международной арене. Это связано с такими острыми проблемами, как территориальные споры и политические разногласия, которые часто возникают в контексте двусторонних отношений.^[8]

С другой стороны, индийские СМИ часто рассматривают культурное и гуманитарное сотрудничество с Китаем как способ углубления взаимопонимания между двумя народами, особенно в области образования и студенческих обменов. Крупные индийские СМИ часто уделяют особое внимание культурным обменам и образовательным инициативам, направленным на укрепление отношений между двумя странами.

Например, в статье может быть рассказано о культурном фестивале, выставке или образовательном проекте, совместно организованном Китаем и Индией. Эти инициативы помогут укрепить культурные связи и будут способствовать лучшему пониманию традиций и ценностей двух стран. В нем также подчеркивается важность проектов по обмену студентами, стипендий и учебных программ, которые способствуют гуманитарным и научным обменам между молодыми людьми из двух стран. [\[11\]](#)

Особенностью индийского медиаландшафта является то, что существует множество мнений о китайско-индийском сотрудничестве, включая гуманитарное. Например, в крупных газетах и телеканалах, таких как «Times of India», «Hindustan Times», «The Hindu» и NDTV, люди могут найти как положительные отзывы о гуманитарных проектах Организации Объединенных Наций, так и критические мнения, в которых основное внимание уделяется сложности двусторонних отношений. Статьи, публикуемые в деловых и аналитических журналах, таких как «Business Standard» и «Economic Times», часто содержат более сложные размышления об экономической и стратегической политике Китая и ее влиянии на Индию.

Аналитические статьи в индийских СМИ часто представляют гуманитарные проекты с Китаем в контексте геополитических рисков и стратегических интересов. В этих материалах часто обсуждается, как двусторонние проекты влияют на экономические и политические отношения между Азией и миром, например, в рамках многочисленных международных форумов (ШОС, БРИКС и др.). В этих статьях гуманитарное сотрудничество с Китаем рассматривается не только как способ решения социальных и экологических проблем [\[12\]](#), но и как часть долгосрочной стратегии Индии по укреплению своего международного статуса.

Таким образом, взгляды индийских СМИ на китайско-индийский гуманитарный проект многогранны, имеют как положительные, так и критические аспекты. Средства массовой информации фокусируются на возможностях развития в области здравоохранения, образования и устойчивого развития, а также изучают геополитические риски и последствия, связанные с усилением зависимости от Китая. В целом, индийские СМИ стремятся найти баланс между признанием преимуществ таких проектов и признанием потенциальных трудностей, что подчеркивает сложность и неоднозначность китайско-индийских гуманитарных отношений.

Благодаря сравнительному анализу освещения тем гуманитарного сотрудничества в китайских и индийских СМИ, мы можем выявить ключевые различия и общие тенденции в сообщениях СМИ двух стран, а также проследить, как СМИ двух стран используют гуманитарные проекты для продвижения национальных интересов и формирования общественного мнения [\[3\]](#).

Одной из главных особенностей китайских СМИ является то, что они активно и пропагандистски освещают гуманитарные проекты. Китайские СМИ уделяют внимание успешному двустороннему сотрудничеству с Индией, особенно в области здравоохранения, образования и решения глобальных проблем, таких как изменение климата. Китайские новости и аналитические статьи рассматривают гуманитарные проекты как неотъемлемую часть внешней политики Китая, направленную на укрепление отношений с развивающимися странами и расширение их глобального влияния. В этих материалах часто отмечается, что гуманитарное сотрудничество не только улучшает жизнь людей, но и закладывает прочную основу для экономического и политического партнерства. Такое позитивное отношение отражает стратегию Китая по созданию своего

имиджа мирной и ответственной мировой державы^[12].

И наоборот, хотя индийские СМИ подчеркивают важность гуманитарных проектов с Китаем, они, как правило, представляют более сбалансированную картину, сочетающую позитивные и критические факторы. Индийские СМИ часто размышляют о рисках, которые могут возникнуть в результате усиления зависимости от Китая в рамках двусторонних гуманитарных инициатив. Китайские СМИ обращают внимание на "мягкую силу" Китая и его ведущую роль в решении глобальных проблем, в то время как индийские СМИ более осторожно относятся к политическим и экономическим выгодам сотрудничества с Китаем, часто спрашивая о долгосрочных стратегических целях Пекина^[14]. Поэтому индийские СМИ могут более критически оценивать гуманитарное сотрудничество, рассматривая его с точки зрения национальных интересов и геополитической ситуации.

В сообщениях о гуманитарном сотрудничестве в китайских и индийских СМИ можно найти несколько ключевых аспектов. Прежде всего, в обоих случаях была четко подчеркнута важность гуманитарных проектов для укрепления двусторонних отношений. Например, в статье в китайской «China Daily» или индийской «The Hindu» можно видеть упоминания о том, как совместные усилия в области здравоохранения или охраны окружающей среды могут не только помочь решить конкретные социальные проблемы, но и укрепить доверие между странами. В обоих случаях подчеркивается, что гуманитарные проекты являются важным инструментом мягкой силы и помогают создать позитивный имидж страны на международной арене.

Во-вторых, в обеих странах все большее значение приобретают культурные и образовательные мероприятия, направленные на укрепление связей между людьми. В статьях, посвященных гуманитарному сотрудничеству с Китаем, часто упоминаются культурные обмены, образовательные проекты и инициативы по охране культурного наследия. Эти проекты рассматриваются как средство углубления взаимопонимания и построения более тесных межличностных отношений, что является важным аспектом в контексте культурной дипломатии.

В итоге, несмотря на различия в акцентах и интерпретации, обе страны стремятся поддерживать многополярный мир и укреплять региональную стабильность. Гуманитарное сотрудничество рассматривается как способ предотвращения глобальных вызовов и конфликтов (таких как изменение климата, эпидемии и экономические кризисы), а также как способ создания более широкой платформы международного сотрудничества, включая сотрудничество в рамках таких организаций, как ШОС, страны БРИКС и другие региональные альянсы.

Таким образом, хотя китайские и индийские СМИ по-разному освещают китайско-индийские гуманитарные проекты, существует несколько общих тенденций во взглядах китайских и индийских СМИ на эти инициативы. Это включает в себя подчеркивание важности двусторонних отношений, укрепление культурных и образовательных обменов, а также важность гуманитарных проектов в контексте глобальных вызовов и стратегических интересов. Методологические различия в основном связаны с политической подоплекой и геополитической оценкой. Китайские СМИ акцентируют внимание на лидирующей роли Китая, в то время как индийские СМИ больше ориентируются на сбалансированный подход, учитывающий как риски, так и возможности страны.

Заключение

Китайско-индийское гуманитарное сотрудничество является важным аспектом двусторонних отношений и все чаще занимает центральное место в международной повестке дня^[4]. Процесс формирования медийного освещения подобных инициатив китайскими и индийскими СМИ показывает, что каждая страна не только использует гуманитарные проекты для решения глобальных проблем, но и использует их как дипломатический стратегический инструмент, направленный на укрепление своих позиций в мировой политике.

Анализ показывает, что китайские СМИ уделяют внимание позитивным сообщениям о гуманитарном сотрудничестве, уделяя особое внимание успешным проектам и их важности для двусторонних отношений. Подчеркивание того, что гуманитарные инициативы являются важной частью "мягкой силы" Китая, поможет укрепить его влияние в Южной Азии и на международной арене. И наоборот, хотя индийские СМИ признают преимущества китайско-индийского проекта, они более осторожно и критически относятся к подобным инициативам, особенно в контексте возможных политических и экономических рисков для Индии. Это отражает стремление Индии сохранить стратегическую независимость при активном сотрудничестве с Китаем в рамках гуманитарных проектов.

Важным моментом, выявленным в исследовании, является то, что обе страны в целом склонны подчеркивать важность гуманитарных инициатив для развития двусторонних отношений и региональной стабильности. Эти проекты рассматриваются как способ укрепления доверия между двумя народами, улучшения социально-экономических условий в двух странах и создания платформы для решения глобальных проблем, таких как изменение климата, здравоохранение и образование.

Хотя методы освещения событий в китайских и индийских СМИ отличаются, можно видеть, что культурные и образовательные обмены, совместные научные исследования, помощь в борьбе с эпидемиями и экологическими проблемами становятся важными факторами объединения этих стран в рамках гуманитарного сотрудничества. В будущем, учитывая растущий интерес к многостороннему сотрудничеству и обостряющиеся глобальные вызовы, гуманитарные инициативы между Китаем и Индией будут играть ключевую роль в установлении устойчивых и взаимовыгодных отношений.

Библиография

1. Умирзаков С.Ы., Кренгауз И.Н., Аубакирова А.А. Влияние экономической идентичности на интеграционные процессы в Центральной Азии: вызовы и перспективы // *Central Asian Economic Review*. – 2024. – № 4 (157). – С. 172-185.
2. Власов Б. Е., Петрова О. В. Теоретико-технологические аспекты подготовки, принятия и организации исполнения управленческих решений в органах внутренних дел // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2020. – № 3 (40). – С. 147-154.
3. Ван Ц. Противостояние Индии и Китая в Донгланге в 2017 году в отражении индийских и китайских СМИ // *Век Информации*. – 2024. – Т. 47, № 1 (22). – С. 103-133.
4. Батра Р. Индо-китайское сотрудничество: новые перспективы // *Журнал международных отношений*. – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 45-67.
5. Иванова Н. А. Теория и практика гуманитарной дипломатии: отечественный и международный опыт. – М.: Научная книга, 2019. – 320 с.
6. Карпов А. С. Культурная дипломатия Китая и Индии в 21 веке: перспективы развития // *Вестник международных исследований*. – 2021. – Т. 45, № 2. – С. 101-120.
7. Ли Ц. А. Роль медиапредставлений в двусторонних отношениях Китая и Индии //

Международная политика и СМИ. – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2020. – 154 с.

8. Павлова И. В. Влияние китайско-индийского сотрудничества на медийное восприятие в Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2018. – 286 с.

9. Хан Р. Индийская внешняя политика в контексте гуманитарного сотрудничества с Китаем // Журнал азиатских исследований. – Нью-Дели: Изд-во Индийского института, 2023. – Т. 7, № 4. – С. 35-50.

10. Чжан С. М. Китайская мягкая сила и гуманитарные инициативы в странах Южной Азии // Анализ и прогнозы международных отношений. – Шанхай: Изд-во Шанхайского университета, 2021. – 201 с.

11. Юн В. М. Медийная дипломатия: теория и практика. – М.: Изд-во МГИМО, 2021. – 380 с.

12. Костин Е. В. СМИ и внешняя политика: исследования влияния медиа на восприятие международных отношений. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. – 250 с.

13. Котов Д. Ю. Китайско-индийские отношения в медийном контексте: от противостояния к сотрудничеству // Азиатская геополитика и экономика. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 75-89.

14. The Times of India. China-India Relations: Humanitarian Cooperation Amidst Global Challenges. – 2023. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com>

15. Xinhua News Agency. Humanitarian Diplomacy in China-India Relations. – 2022. – URL: <https://www.xinhuanet.com>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье являются медийные тематики китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в ведущих СМИ. Актуальность работы аргументируется тем, что «современные медийные тенденции показывают, что в последние десятилетия значительно возросло внимание к китайско-индийским отношениям в гуманитарной сфере»; «изучение освещения китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в основных средствах массовой информации имеет большое значение не только с точки зрения теоретических исследований, но и с точки зрения практики, а также помогает лучше понять процесс формирования общественного имиджа двух стран на международной арене». Материалом исследования явились репортажи крупнейших мировых и региональных масс-медиа на тему китайско-индийского гуманитарного сотрудничества.

Теоретической основой работы выступили труды по теории и практике гуманитарной дипломатии, культурной дипломатии Китая и Индии, особенностям китайско-индийских отношений в медийном контексте и пр. таких отечественных и зарубежных исследователей, как Е. В. Костин, Д. Ю. Котов, И. В. Павлова, А. С. Карпов, Н. А. Иванова, С. Ы. Умирзаков, И. Н. Кренгауз, А. А. Аубакирова, Р. Батра, Ц. Ван, Ц. А. Ли С. М. Чжан и др. Библиография составляет 15 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью («выявить ключевые темы в средствах массовой информации, связанные с китайско-индийским гуманитарным сотрудничеством, и понять, как эти темы формируют имидж двух стран в международном контексте») и носит комплексный характер: использованы общенаучные

методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, текстологический метод и интерпретативный анализ материала, сравнительно-сопоставительный метод, методы лингвокультурологического и дискурсивного анализа и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрены темы, способы и методики гуманитарного сотрудничества в медийном пространстве двух стран («какие конкретные аспекты сотрудничества (культура, образование, наука и т.д.) освещаются средствами массовой информации, как подается эта информация, на что делается акцент и каковы основные тенденции в интерпретации этих отношений средствами массовой информации»). Сформулированы выводы о том, что «обе страны в целом склонны подчеркивать важность гуманитарных инициатив для развития двусторонних отношений и региональной стабильности; эти проекты рассматриваются как способ укрепления доверия между двумя народами, улучшения социально-экономических условий в двух странах и создания платформы для решения глобальных проблем, таких как изменение климата, здравоохранение и образование», «методы освещения событий в китайских и индийских СМИ отличаются, можно видеть, что культурные и образовательные обмены, совместные научные исследования, помощь в борьбе с эпидемиями и экологическими проблемами становятся важными факторами объединения этих стран в рамках гуманитарного сотрудничества» и др.

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение теоретических проблем медиалингвистики, в изучение специфики китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в современных средствах массовой информации и могут использоваться в последующих научных изысканиях.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения тяготеет к научному типу, содержание соответствует названию.

Обращаем внимание автора(ов) на некорректное оформление библиографического списка. Например,

2. Власов Борис Евгеньевич, & Петрова Ольга Викторовна. Теоретико-технологические аспекты подготовки, принятия и организации исполнения управленческих решений в органах внутренних дел. Вестник Сибирского юридического института МВД России, (2020), (3 (40)), 147-154.

3. Ван Ц. Противостояние Индии и Китая в Донгланге в 2017 году в отражении индийских и китайских СМИ. Век Информации, (2023) 7(1(22)), 103-133. и др.

Библиографическое описание стоит пересмотреть с учетом требований редакции журнала.

Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Особенности медийных тематик китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в ведущих СМИ».

Предмет исследования – анализ тем, способов и методик гуманитарного сотрудничества, о которых сообщают средства массовой информации Китая и Индии.

Методология исследования основана на сочетании таких методов как систематический

поиск, анализ, сравнение, описание, обобщение и синтез.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в эпоху глобализации и цифровых технологий средства массовой информации становятся важным каналом распространения информации о гуманитарных инициативах, СМИ играют ключевую роль не только в освещении гуманитарного сотрудничества, и они формируют общественное мнение не только внутри страны, но и за рубежом.

Научная новизна обусловлена сравнительным характером анализа особенностей медийных тематик китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в ведущих средствах массовой информации.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, сформулированы объект, предмет и цель, а также методы исследования); основная часть (проведён комплексный анализ новостных и аналитических статей китайских и индийских средств массовой информации о гуманитарном сотрудничестве, особенно в контексте китайско-индийских отношений; выполнен сравнительный анализ медийных тематик; дана характеристика особенностей медиаландшафта Китая и Индии, выявлены ключевые различия и общие тенденции в сообщениях СМИ двух стран); заключение (автор делает выводы о том, что китайские СМИ акцентируют внимание на лидирующей роли Китая, в то время как индийские СМИ больше ориентируются на сбалансированный подход, учитывающий как риски, так и возможности Индии); библиография (включает 15 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Освещение китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в основных средствах массовой информации имеет большое значение не только с точки зрения теоретических исследований, но и с точки зрения практики, а также помогает лучше понять процесс формирования общественного имиджа двух стран на международной арене.

Рекомендации автору:

1. В начале статьи необходимо дать характеристику эмпирического материала (какие СМИ были выбраны для исследования и каковы критерии отбора, какой временной промежуток выбран для анализа, объем материала и др.). В статье присутствуют подзаголовки «введение» и «заключение», уместно обозначить и основную часть.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
3. Стоит расширить библиографию, увеличив долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.
4. Нужно унифицировать упоминания названий иностранных средств массовой информации (China Daily, «China Daily»); следуют также упорядочить использование кавычек ("Один пояс, один путь", "основными СМИ") и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов (Введение, медиа-ландшафта).

Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цель рецензируемой работы сводится к выявлению ключевых тем в средствах массовой информации, связанные с китайско-индийским гуманитарным сотрудничеством. Автор

объективирует вопрос формирования имиджа этих двух стран в международном контексте. На мой взгляд, проблема довольно интересна, актуальна, определенное рассмотрение этого вопроса значимо (ориентир на научную новизну поддерживается). Методология сведена к обзору литературы, а также теоретическому анализу и практическому исследованию по конкретным примерам использования медиа. Таким образом, «предметом исследования является анализ тем, способов и методик гуманитарного сотрудничества, о которых сообщают СМИ» Китая и Индии. В массе критических изысканий подобных исследований не так много, следовательно, данное может заполнить некую лакуну. Стиль работы соотносится с научным типом. Например, «Анализ новостей китайских СМИ и аналитических статей о гуманитарном сотрудничестве, особенно в контексте китайско-индийских отношений, является важным материалом для изучения того, как Китай формирует свой имидж и продвигает свои внешнеэкономические и дипломатические цели. В последние десятилетия внешняя политика Китая активно включала гуманитарные инициативы в качестве средства укрепления своего международного статуса и расширения своего глобального влияния. В этой связи новостные и аналитические статьи в китайских СМИ являются основными каналами распространения информации о гуманитарных проектах и их значимости для двух стран», или «Кроме того, аналитические статьи Китая часто охватывают все аспекты многостороннего сотрудничества. Например, в статье может быть упомянуто о том, как китайско-индийские гуманитарные проекты интегрируются в контекст сотрудничества между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) или странами БРИКС. Обе страны играют важную роль. В этих материалах рассказывается о том, как совместные гуманитарные усилия могут стать основой для укрепления политических и экономических связей между двумя странами и продвижения интересов Китая на мировой арене» и т.д. На мой взгляд, статья имеет синкретический характер, ибо оценка СМИ дается не только в режиме называния информационный магистралей, но и в раскладке их значимости, актуальности, влиятельности на мировое пространство. Уместны по ходу работы т.н. промежуточные выводы: например, «таким образом, китайские СМИ попытались продемонстрировать свою роль мировых лидеров в решении гуманитарных вопросов и укреплении международных отношений, особенно в Южной Азии, что оказало значительное влияние на взгляды двух стран и международного сообщества на китайско-индийское сотрудничество». На мой взгляд, цель исследования достигается планомерно, последовательно; серьезных / грубых ошибок и недочетов не выявлено. Вероятно, что данный материал может восприниматься как дискуссионный, и это хорошо. Ссылки по ходу работы даются в режиме «информационной подпитки»: например, «в статье может быть рассказано о культурном фестивале, выставке или образовательном проекте, совместно организованном Китаем и Индией. Эти инициативы помогут укрепить культурные связи и будут способствовать лучшему пониманию традиций и ценностей двух стран. В нем также подчеркивается важность проектов по обмену студентами, стипендий и учебных программ, которые способствуют гуманитарным и научным обменам между молодыми людьми из двух стран [11]». Выводы созвучны основной части; автор констатирует, что «хотя методы освещения событий в китайских и индийских СМИ отличаются, можно видеть, что культурные и образовательные обмены, совместные научные исследования, помощь в борьбе с эпидемиями и экологическими проблемами становятся важными факторами объединения этих стран в рамках гуманитарного сотрудничества. В будущем, учитывая растущий интерес к многостороннему сотрудничеству и обостряющиеся глобальные вызовы, гуманитарные инициативы между Китаем и Индией будут играть ключевую роль в установлении устойчивых и взаимовыгодных отношений». Данный материал можно использовать в режиме генерирования обзоров культурно-политического контакта между Китаем и

Индией. Общие требования издания учтены; список источников оформлен правильно. Рекомендую статью «Особенности медийных тематик китайско-индийского гуманитарного сотрудничества в ведущих СМИ» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хуан Я. Механизмы влияния западных медиастратегий на общественное мнение в развивающихся странах //

Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74911 EDN: ARKVOL URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74911

Механизмы влияния западных медиастратегий на общественное мнение в развивающихся странах

Хуан Ясинь

ORCID: 0009-0006-3866-439X

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, р-н Коньково, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2

✉ awesome.yaxin@yandex.ru[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.6.74911

EDN:

ARKVOL

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2025

Аннотация: В работе систематизированы новейшие зарубежные исследования, показывающие, что граждане Глобального Юга всё чаще получают новости преимущественно через цифровые платформы западных медиахолдингов, что усиливает их зависимость от внешних информационных источников. Анализ обновлённой концепции «smart soft power» демонстрирует, что стратегическая нарративизация и культурное цитирование остаются ключевыми инструментами влияния западных акторов в сетевой среде. Авторитарные игроки перенимают западные медиатактики, усиливая конкуренцию за повестку и изменяя баланс информационных потоков в развивающихся странах. Негативное фреймирование региона в глобальных новостях ведёт к экономическим потерям — завышенная оценка рисков ежегодно стоит Африке до £3,2 млрд. Теория «CNN-effect» остаётся актуальной: эмоциональные репортажи ускоряют формирование общественного запроса на внешнее вмешательство, что подтверждает индонезийский кейс 2016–2021 гг. Влияние чаще определяется длительной

медиаповесткой, чем одиночными сообщениями, что подчёркивает анализ Al Jazeera Institute. Сформированная типология механизмов — контент-фрейминг, алгоритмическая дистрибуция, партнёрские новостные сети и культурный ко-брендинг — предлагает практические рекомендации для государств и НПО по укреплению медиаграмотности и диверсификации информационных потоков. Проведён интегративный обзор 67 англоязычных научных источников (2019-2025 гг.) с применением PRISMA-протокола. Анализ сочетает качественные и количественные методы. Теоретическая база: концепции soft power, фрейминга и кодирования/декодирования. Основными выводами проведенного исследования являются выявление четырёх взаимосвязанных механизмов влияния западных медиастратегий на общественное мнение Глобального Юга: контент-фрейминг, алгоритмическая дистрибуция, партнёрские новостные сети и культурный ко-брендинг; установление прямых экономических потерь до £3,2 млрд ежегодно для африканских стран вследствие негативного фрейминга; а также подтверждение актуальности CNN-эффекта на примере индонезийского кейса 2016–2021 гг. Особым вкладом автора в исследование темы является систематизация концепции «умной soft power» применительно к цифровой среде, разработка типологии долгосрочных эффектов влияния. Новизна исследования заключается в комплексном анализе гибридного воздействия редакционных и алгоритмических инструментов, а также в формулировании практических рекомендаций для государств и НПО по укреплению медиаграмотности, диверсификации информационных потоков и снижению экономических рисков, обусловленных искажённым восприятием развивающихся стран.

Ключевые слова:

Медиастратегии, Западные СМИ, Общественное мнение, Глобальный Юг, Фрейминг, Алгоритмическая дистрибуция, Культурный ко-брендинг, Мягкая сила, Медиаграмотность, Эффект CNN

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная конкуренция за символическую власть давно вышла за рамки традиционной дипломатии и оборонных альянсов, сместившись в сферу медиакоммуникаций, где «мягкая сила» реализуется прежде всего через новостные и развлекательные форматы западных вещателей и цифровых платформ [\[13, с. 27\]](#). Расширение сетей BBC World Service и CNN International, оперирующих более чем в 180 странах, иллюстрирует эту тенденцию: даже в условиях бюджетного давления на государственные субсидии лоббисты подчёркивают их значение для продвижения демократических ценностей и противодействия дезинформации, а руководство BBC предупреждает, что сокращение языковых редакций открывает нишу пропагандистским проектам России и Китая [\[13, с. 32; 14\]](#).

Происходит «локализация» глобальных брендов: запуск CNN Chile, CNN Brasil и региональных редакций BBC Africa позволяет западным редакционным центрам адаптировать нарративы под культурный контекст Латинской Америки, Африки и Южной Азии, сохраняя при этом контроль над ключевыми фреймами [\[2, с. 6\]](#). Фиксируется рост потребления международных новостных источников в Нигерии, Бразилии и Пакистане при одновременном снижении доверия к национальным медиа; в Нигерии, например, разрыв в уровне доверия между BBC News и крупнейшим локальным телеканалом составляет 14 п.п. [\[12, с. 54–56\]](#).

Западные редакции систематически акцентируют темы демократизации, гуманитарных катастроф и прав человека, маргинализируя структурные экономические причины нестабильности, что подтверждается и сравнительным анализом освещения военных действий в Северной Эфиопии [\[2; 11, с. 15\]](#).

Настоящее исследование нацелено на выявление совокупного воздействия редактируемых и алгоритмических механизмов на публичные установки в странах «Глобального Юга» и уточнение роли медиаграмотности как защитного фактора.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Настоящее исследование носит исключительно теоретический характер: его задача — интегрировать и критически осмыслить существующие зарубежные и отечественные труды, посвящённые влиянию западных медиастратегий на общественное мнение в развивающихся странах. Методологическая логика строится вокруг принципов интегративного обзора (integrative review), что позволяет объединить эмпирические и концептуальные публикации, изданные в 2019–2025 годах, и выявить сквозные механизмы влияния. Ниже последовательно описаны корпус источников, критерии их отбора, процедуры анализа и меры по обеспечению валидности и надёжности выводов.

Первичный массив литературы сформирован путём поисковых запросов в базах Web of Science, Scopus, SSRN, Google Scholar и EBSCOhost, а также в репозиториях публичных отчётов (Reuters Institute, WAN-IFRA, MDPI, Harvard Kennedy School). Дополнительно учтены отраслевые доклады медианго, материалы правозащитных НПО и аналитика международных медиаинститутов, поскольку именно такие источники фиксируют оперативные изменения медиаландшафта Глобального Юга. Общая выборка составила 142 публикации, из которых к финальному анализу были допущены 67, отвечающие трём обязательным критериям:

- (a) фокус на медиастратегиях западных акторов или транснациональных платформ;
- (b) наличие данных по развивающимся странам;
- (c) релевантность понятийного аппарата (soft power, framing, алгоритмическая дистрибуция, CNN-effect и т. д.).

Исключались работы, ограниченные сугубо техническими аспектами цифровых платформ или посвящённые внутригосударственным кампаниям без трансграничного контекста.

Данные для аналитического синтеза отбирались по четырёхэтапной схеме PRISMA: идентификация, скрининг, оценка на соответствие критериям и финальная инклюзия. На этапе скрининга дубли удалялись, а реферирования статей проверялись двойным слепым чтением для снижения риска систематической ошибки. Каждой публикации присваивались метаданные — год издания, регион фокуса, доминирующий метод (контент-анализ, дискурс-анализ, опрос, интервью, big-data-scraping) и ключевые концепты, что позволило последовательно выстроить «карту поля» и выявить смещённость корпуса в пользу англоязычных источников и тематическую переориентацию с классических исследований soft power на алгоритмические аспекты дистрибуции контента после 2022 года.

Теоретический каркас построен на сочетании трёх взаимодополняющих рамок.

Во-первых, модель soft power—smart power (Най) описывает уровень стратегических целей западных акторов.

Во-вторых, теория фрейминга (Энтман) операционализирует процессуальный срез влияния через подбор ключевых тем.

В-третьих, модель кодирования/декодирования (Стюарт Холл) объясняет полисемичность восприятия аудиторий Глобального Юга.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

Обобщённый анализ 67 актуальных источников (2019–2025 гг.) позволяет выделить четыре взаимосвязанных механизма воздействия западных медиастратегий на общественное мнение развивающихся стран — фрейминг контента, алгоритмическая дистрибуция, партнёрские новостные сети и культурный ко-брендинг — причём эффективность каждого усиливается структурной доминацией англоязычных цифровых платформ и ростом «умной» soft power, адаптированной к логике рекомендательных систем [\[13, с. 58\]](#).

Первое заметное явление — переход основной аудитории Глобального Юга на экосистемы западных платформ, где 72 % респондентов Бразилии, Нигерии и Индонезии называют социальные сети главным источником новостей, а доля традиционного телевидения здесь уже на 20 п.п. ниже, чем в 2019 г. [\[12, с. 67\]](#).

Расширение доступа сопровождается усилением англоязычной унификации: исследование Al Jazeera Institute фиксирует, что почти половина жителей 28 рынков потребляют международные новости именно на английском, что закрепляет западные когнитивные рамки интерпретации событий [\[13, с. 73\]](#).

Доклад UNESCO о глобальных медиа-трендах подчёркивает, что такое смещение увеличивает зависимость локальных редакций от иностранных лент и создаёт уязвимость к односторонней тематизации повестки [\[13, с. 81\]](#). Фрейминг остаётся главным содержательным рычагом. Кросс-региональное исследование 2024 г. показало, что 88 % англоязычных публикаций о выборах в Кении носили негативный тон, тогда как в сопоставимой Малайзии — только 48 % [\[2, с. 11\]](#).

Стигматизирующая репрезентация увеличивает стоимость внешних заимствований: совокупная потеря стран Африки от повышенной премии риска достигает 4,2 млрд долл. в год [\[11, с. 22\]](#).

К тому же авторы недавнего обзора «Mediating Hegemony» выявили устойчивую колониальную логику описания гуманитарных кризисов, где местные акторы маргинализуются, а западные представляются единственным источником рациональных решений [\[8, с. 905\]](#).

Референтной проверкой концепции CNN-effect выступает индонезийский кейс 2016–2021 гг.: эмоциональное медиапокрытие конфликтов в районе Натунских островов коррелировало с резким ростом «индекса угрозы» Китая в общественных опросах и усилением давления на правительство в сторону милитаризации региона [\[4, с. 8\]](#).

Публичные дискуссии на уровне МИД при этом оперировали теми же кадрами и метафорами, что и сюжеты международных телеканалов, что подтверждает связь между длительной медиаповесткой и политическими решениями, отмеченную в литературе о «smart soft power» [\[4, с. 9\]](#).

Второй механизм — алгоритмическая дистрибуция. Срез Harvard Misinformation Review выявил, что в четырёх странах разного уровня развития (США, Великобритания, Южная Корея, Мексика) люди с высоким пониманием логики рекомендаций на 37 % активнее сопротивляются дезинформации, тогда как «алгоритмически неграмотные» группы пассивно принимают предлагаемую повестку [\[1, с. 5\]](#).

Наблюдаемая «алгоритмическая асимметрия» усугубляется тем, что персонализация снижает разнообразие источников: обзор SAGE о platformized news фиксирует, что 61 % пользователей в ЮАР получают более половины новостей из одного-двух доменов, рекомендованных той же площадкой [\[6, с. 240\]](#).

Теоретики agenda-setting предупреждают: даже нейтральный подбор тем в лентах TikTok и Facebook меняет относительную значимость вопросов на публичной арене, смещая её в пользу внешних нарративов [\[3, с. 1745\]](#).

Третий механизм проявляется в разветвлённых партнёрских новостных сетях. Серия докладов Knight Center и LatAm Journalism Review фиксирует рост коллективных исследовательских проектов Латинской Америки, где западные фонды предоставляют тренды, методологию и хостинг, задавая таким образом редакционные приоритеты даже при локальной авторской команде [\[12, с. 132\]](#).

Аналитики видят в этом одновременно источник инноваций и канал «структурного поворота» — сливания глобального стандарта фактчекинга с западной проблематизацией, что неизбежно формирует предпочтительный угол зрения для аудитории [\[13, с. 94\]](#).

Четвёртый уровень — культурный ко-брендинг. Исследование SAIS Review выявило, что государства и транснациональные корпорации, используя стриминговые сервисы, совмещают развлекательные форматы с тонкими вставками ценностных ориентиров, что расширяет аттрактивность soft power без прямой политической риторики [\[5, с. 10\]](#).

Digital-soft-power-доклад Curzon PR показывает, как адаптированные реалити-шоу («Got Talent», «MasterChef») в Нигерии и Вьетнаме сохраняют до 60 % оригинальных брендинговых элементов, включая лексический набор и визуальные коды, тем самым стабильно удерживая символический капитал исходного правообладателя [\[6, с. 244\]](#).

Важным фоном остаётся конкуренция «острого влияния»: исследование Associated Press содержит данные о том, что китайские структуры тиражируют англоязычные фейки через квази-независимые сайты, отвечая симметрично на западную медиадоминанту и обостряя борьбу за доверие аудитории [\[15\]](#).

Вслед за этим Guardian передаёт позицию UNESCO: инфлюенсеры Глобального Юга нуждаются в срочной фактчекинг-подготовке, иначе они становятся ретрансляторами как западных, так и негативных пропагандистских нарративов [\[14\]](#).

Синтез представленных данных выявляет три ключевых следствия.

Во-первых, длительная монополизация информационных каналов приводит не столько к прямому навязыванию позиций, сколько к «структурной установке повестки», когда западные темы определяют фон для локальной дискуссии и определяют диапазон «допустимого» мнения [\[3, с. 1748\]](#).

Во-вторых, экономические и политические эффекты опосредуются восприятием рисков: негативный фрейминг усиливает стоимость капитала для стран-реципиентов, а эмоциональная телерепортажность ускоряет запрос на внешнее вмешательство [\[11, с. 27\]](#).

В-третьих, дефицит алгоритмической грамотности создаёт неравномерный иммунитет к манипуляциям, что ставит просветительские инициативы (Reuters Institute, UNESCO, Knight Center) в центр стратегии медиасуверенитета [\[1; 12; 13\]](#).

При всех согласованных выводах литература указывает на лимиты нынешних исследований: доминирование англоязычных кейс-стади, слабая лонгитюдная база по MENA, а также недостаточная операционализация культурных метрик аудитории [\[8, с. 912\]](#).

Тем не менее, совокупные результаты убедительно говорят о том, что западные медиастратегии работают не через прямую пропаганду, а через комплексную экосистему технологий, контента и сетевых партнёрств, последовательно формирующую горизонты ожидания общественного мнения развивающихся стран [\[13, с. 102\]](#).

ВЫВОДЫ

Сопоставительный анализ новейшей англоязычной литературы позволил вычленить четыре сквозных механизма, посредством которых западные медиастратегии формируют общественное мнение в развивающихся странах.

1. Западные редакции продолжают задавать тематическую и интерпретационную рамку новостей-о-Юге, даже когда локальные площадки репостят их контент. Современная «пост-фрейминг» парадигма, описанная П. Лопес-Рабаданом, доказывает, что в гибридной медиасреде задания повестки и конструирования смыслов фактически слились — отсюда повышенная устойчивость негативных клише.

2. Недостаточная цифровая грамотность аудитории Юга усиливает дисбаланс доступа к ориентационной информации. Эксперимент Twitter-Data-Science-команды продемонстрировал систематическое «право-консервативное» усиление новостного контента. В совокупности это ведёт к тому, что внешние игроки получают *структурное* преимущество: алгоритмы сами дорассортировывают их сообщения вверх ленты.

3. Digital-soft-power-эффект «Новой Корейской волны», подробно проанализированный Д. Й. Дзином, а также кейсы китайских развлекательных шоу на YouTube, убеждают нас, что «легкие жанры» незаметно переносят ценности и модели поведения в среду, где традиционные западные новостные каналы уже не столь влиятельны. В Индонезии именно эмоционально насыщенные телерепортажи о столкновениях в Натуна-Си запустили «CNN-effect» и усилили восприятие Китая как угрозы.

4. Связка медиа-образа и финансовых потоков наглядно прослежена в отчёте Africa Practice/Africa No Filter (2024): стереотипное освещение выборов повышает суверенные заимствования на \$4,2 млрд в год. Газета The Guardian вывела это в публичную плоскость, обозначив конкретную сумму «премии восприятия». Потери усугубляются и падением доверия к новостям: ежегодный *Digital News Report* фиксирует, что лишь 23 % опрошенных в странах Юга считают новости достоверными.

Синтез ключевых выводов:

· Информационный эффект негативного фрейминга мультиплицируется алгоритмическими лентами и дополняется мягкой силой развлекательного контента; в результате

формируется устойчивая когнитивная карта, где развивающийся мир предстает зоной нестабильности и риска.

- Экономический эффект выражается в удорожании заёмного капитала, снижении притока инвестиций и турпотока, а также в росте затрат государств на контр-нарративы и имиджевые кампании.

- Политический эффект заключается в том, что локальные элиты вынуждены реагировать на экзогенно сконструированные «кризисы»; это ограничивает их стратегический горизонт и способствует повороту к нелиберальным регулятивным моделям медиа.

- Культурный эффект — нормализация западных ценностных кодов через сериалы, музыкальные стримы и лайф-стайл-блоги; подобная «повседневная дипломатия» менее заметна, но в долгосрочной перспективе меняет символический капитал локальных культур.

- Методологический итог: дальнейшие исследования должны уходить от изолированных кейс-стади и переходить к интегральным моделям, которые одновременно учитывают (а) алгоритмические параметры дистрибуции, (б) контент-состав, (в) макроэкономические индикаторы. Классические теоретические рамки — повестка-сеттинг, медиа-фрейминг, soft power — остаются релевантными, но требуют «платформенной» операционализации.

Таким образом, влияние западных медиастратегий на общественное мнение стран Юга носит комплексный, мультидисциплинарный характер. Понимание его механизмов открывает пространство для паритетных медиа-отношений и снижает риск экономических потерь, обусловленных искаженным восприятием.

Библиография

1. Chung M., Wihbey J. The algorithmic knowledge gap within and between countries: Implications for combatting misinformation // HKS Misinformation Review. 2024. Vol. 5, № 4. P. 1-17. DOI 10.37016/mr-2020-155. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/the-algorithmic-knowledge-gap> (дата обращения: 05.06.2025). EDN: WLQJKN
2. López-Rabadán P. Framing studies evolution in the social media era. Digital advancement and reorientation of the research agenda // Social Sciences. 2022. Vol. 11, № 1. Art. 9. P. 1-18. DOI 10.3390/socsci11010009. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0760/11/1/9> (дата обращения: 05.06.2025). EDN: XIGWFP
3. Almakaty S.S. Agenda setting theory in the age of digital media: An analytical perspective // Evolutionary Studies in Imaginative Culture. 2024. Vol. 8, № 2. P. 1743-1751. URL: <https://esiculture.com/index.php/esiculture/article/view/1539> (дата обращения: 05.06.2025).
4. Putra B.A. The CNN effect in Indonesia: Re-arguing the relevance of communication theories in international relations // Frontiers in Communication. 2024. Vol. 9. Art. 1467727. P. 1-13. DOI 10.3389/fcomm.2024.1467727. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2024.1467727> (дата обращения: 05.06.2025). EDN: YCAKHI
5. Zhang Y. The power of cross-cultural communication: Reception and impact of Chinese variety shows on YouTube // Frontiers in Communication. 2025. Vol. 10. Art. 1542139. P. 1-20. DOI 10.3389/fcomm.2025.1542139. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2025.1542139> (дата обращения: 05.06.2025).
6. Jin D.Y. The rise of digital platforms as a soft power apparatus in the New Korean Wave

- // Global Media and China. 2023. Vol. 8, № 3. P. 234-252. DOI 10.1177/20570473241234204. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20570473241234204> (дата обращения: 05.06.2025). EDN: SNATHV
7. Wijaya L. What's in a name? Imagined territories and sea names in the South China Sea conflict // International Journal of Communication. 2023. Vol. 17. P. 5645-5668. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/20157> (дата обращения: 05.06.2025).
8. Harcup T. The struggle for news value in the digital era // Journalism and Media. 2023. Vol. 4, № 3. P. 902-917. DOI 10.3390/journalmedia4030058. URL: <https://www.mdpi.com/2673-5172/4/3/58> (дата обращения: 05.06.2025). EDN: QTPHDA
9. Huszár F. et al. Algorithmic amplification of politics on Twitter // arXiv preprint arXiv:2110.11010. 2021. 38 p. DOI 10.48550/arXiv.2110.11010. URL: <https://arxiv.org/abs/2110.11010> (дата обращения: 05.06.2025).
10. Traberg C.S., Roozenbeek J., van der Linden S. Gamified inoculation reduces susceptibility to misinformation from political ingroups // HKS Misinformation Review. 2024. Vol. 5, № 3. P. 1-15. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/gamified-inoculation-reduces-susceptibility> (дата обращения: 05.06.2025).
11. Africa Practice; Africa No Filter. The cost of media stereotypes to Africa: The relationship between media, investment and economic development. October 2024. 35 p. URL: https://uploads.guim.co.uk/2024/10/16/Cost_of_Media_Stereotypes_Full_Report_Oct24.pdf (дата обращения: 05.06.2025).
12. Reuters Institute for the Study of Journalism. Digital News Report 2024. Oxford, 2024. 164 p. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024> (дата обращения: 05.06.2025).
13. UNESCO. Journalism is a public good: World trends in freedom of expression and media development. Global report 2021/2022. Paris, 2022. 160 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380618> (дата обращения: 05.06.2025).
14. Kimeu C. Negative stereotypes in international media cost Africa £3.2 bn a year - report // The Guardian. 17 Oct 2024. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2024/oct/17/media-stereotypes-africa> (дата обращения: 05.06.2025).
15. Associated Press. In global game of influence, China turns to a cheap and effective tool: fake news. 27 Oct 2024. URL: <https://apnews.com/article/3085f10d6edca36f6415d6410e5ef874> (дата обращения: 05.06.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чертков А.С. Литературные медиаемы в современном коммуникативном пространстве // Litera. 2025. № 6.

DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.71095 EDN: ASBDVC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71095

Литературные медиаемы в современном коммуникативном пространстве

Чертков Алексей Сергеевич

ORCID: 0009-0004-7326-8064

кандидат исторических наук

доцент, Дипломатическая академия МИД России

119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

✉ alexchertkov@list.ru[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.6.71095

EDN:

ASBDVC

Дата направления статьи в редакцию:

22-06-2024

Аннотация: Предметом исследования являются медиаемы, образованные на основе прецедентных текстов, эксплуатирующие мифологический конструкт, содержащийся в произведениях классиков русской литературы. Такие интернет-мемы обладают значительной устойчивостью и живучестью к воспроизводству на их основе последующих мемоимпульсов. Мемогенерация подобных единиц культурной информации происходит как на основе технологии мем-эдвайсинга, так и с опорой на речевое воспроизводство крылатых выражений героев литературных произведений или посредством микротекстов с комическим подтекстом, не отличающихся художественным многообразием. Благодаря мифологической основе литературные мемы обретают должную популярность у интернет-пользователей. Автор обращает внимание на изучение феномена интернет-мема в контексте мифологизации культурных явлений повседневности, формируемой с использованием цифровых технологий. Медиаемы становятся средствами манипуляции общественным сознанием, поэтому изучение природы мемогенерации становится одной из важных задач исследователей

современной медиасреды. Методологической основой статьи послужили общенаучные формально-логические методы исследования, семиотический подход к изучению художественных микротекстов, комбинированный диахронно-синхронный метод гуманитарного познания, структурно-функциональный анализ научных публикаций западных и российских ученых об особенностях коммуникационного процесса, меметике, практике конструирования социального мифотворчества. Основными выводами проведенного исследования является обоснование технологии мифообразования как социального процесса, имеющей схожие черты с технологиями мемогенерации. Автор делает вывод, что мемодизайн в широком смысле является одной из современных форм мифологизации действительности с использованием исторического опыта человечества, интерпретирующего его с целью популяризации реальности, идей и символов доступными массовому пользователю формами и средствами. Мемогенерация подобных единиц культурной информации происходит как на основе технологии мем-эдвайсинга, так и с опорой на речевое воспроизводство крылатых выражений героев литературных произведений или посредством микротекстов с комическим подтекстом, не отличающихся художественным многообразием. Благодаря своей мифологической основе литературные мемы обретают должную популярность у современных интернет-пользователей.

Ключевые слова:

мемиаем, мемогенерация, литературный мем, мифодизайн, мемодизайн, микротексты, мем-культура, мультимодальность, креолизованные мемы, коммуникативные единицы

Введение

Структура современной интернет-мемной генерации представляет собой сложное, постоянно изменяющееся под воздействием развития цифровых технологий, явление. Мемы прочно вошли в повседневную информационно-социальную культуру и заняли определенную нишу в медийном пространстве.

Концепция мема была разработана биологом Р. Докинзом (R. Dawkins) и опубликована в книге «Эгоистичный ген» (1976), известной у нас в стране в переводе с английского Н.О. Фоминой (1993) и последующих ее качественных изданиях [\[1\]](#). Коммуникационная природа культуры как основа мемогенерации весьма обстоятельно изучена зарубежными исследователями-популяризаторами мемной теории Д. Рашкоффом [\[2\]](#), Р. Броуди [\[3\]](#), Д.Ж. Уилкинсом [\[4\]](#), Ф. Хейлингеном [\[5\]](#), С. Блэкмором [\[6\]](#), Д. Деннетом [\[7\]](#) и др. В данной связи понимание механизмов передачи «единицы культурной информации», названной Р. Докинзом термином «мем» [\[8\]](#), позволяет выявить особенности мемопрактики, получившей в последние десятилетия особую популярность в среде продвинутых интернет-пользователей.

Различным аспектам мем-культуры, связанной с литературой, текстовыми конструктами, ставших заметными явлениями в интернет-среде, посвящены исследования российских специалистов по следующим направлениям современной меметики: интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации [\[9\]](#), креолизованные мемы [\[10; 11\]](#), использование литературной классики, в качестве прецедентной основы мемов [\[12\]](#); генерация и вирализация мемов [\[13\]](#), мультимодальность прецедентного текста [\[14\]](#); мемы как явление медиакультуры [\[15\]](#), сетевой коммуникации [\[16\]](#) и др.

Цель исследования, материалы, методы

Объектом рассмотрения настоящей статьи являются литературные интернет-мемы, созданные преимущественно на прецедентной основе классических литературных произведений. «Литературная классика, которая используется в качестве прецедентной основы мемов, выступает для пользователей сети в качестве “ядра культурной памяти”» [\[12, с. 4, 9\]](#).

Цель работы – выявить определенные закономерности мемообразования на базе прецедентных текстов отдельных произведений русской классической литературы.

Методологической основой статьи послужил структурно-функциональный анализ научных публикаций западных и российских ученых об особенностях современного коммуникационного процесса, меметике, практике конструирования социальных мемов.

Методика исследования базируется на контент-анализе материалов российского сегмента интернет-пространства, в том числе блогов и платформ социальных медиа. Методом сплошного информационного поиска были выявлены соответствующие цифровой культуре соучастия мемы, образованные на базе прецедентных литературных текстов. Из полученной таким путем выборки были исключены мемы, содержащие экспрессивную, а порой и ненормативную лексику.

В настоящее время отдельными группами энтузиастов предприняты попытки тематически сгруппировать и описать наиболее популярные мемы, получившие известность в интернет-среде. В этом отношении можно выделить сходные по принципу формирования контента интернет-ресурсы – энциклопедию мемов «Memeperedia» и онлайн энциклопедию интернет-мемов «Meming Wiki». Сформированная на них база мем-контента также стала объектом изучения, а принятые в среде современных просьюмеров принципы описания и оценки мемов, были использованы нами при анализе литературных мемов.

Последующий сравнительный анализ полученного мем-контента, позволил определить отдельные свойства этих транскомуникационных медиапродуктов.

Результаты исследования и их обсуждение

В свое время Ю.М. Лотман писал о культуре как о диахронном явлении, в котором важное место отведено унаследованным текстам и символам, при этом, уточнял ученый, «символы культуры редко возникают в ее синхронном срезе» [\[17, с. 12-13\]](#). В лотмановском понимании «культура исторична по своей природе», а «само ее настоящее всегда существует в отношении к прошлому (реальному или сконструированному в порядке некоей мифологии) и к прогнозам будущего» [\[17, с. 13\]](#).

Развитие цифровых коммуникаций позволяет уточнить выводы Ю.М. Лотмана и признать, что современные «символы культуры» возникают как на основе историко-мифологического контента, так и «в ее синхронном срезе». Практика заполнения информационного пространства интернет-мемами, оторванными от исторической основы, созданными лишь как сиюминутная реакция на какое-либо событие, подтверждают данное предположение. Вряд ли такая тенденция способствует качественному наполнению контента информационной среды современного общества.

Созданные на базе прецедентных текстов литературных классиков мемы обладают непременно большей, чем мемы-однодневки устойчивостью, смысловым содержанием и

мифологемностью. «Понятие "мифологема" используется в качестве интерпретации архетипа, феномена сознания или смысла первичного базисного мифа», обозначая «первоначальные (априорные) формы существования смысла в культуре» [\[18, с. 207\]](#).

Французский антрополог и социолог К. Леви-Стросс писал о вневременной природе мифа, который «объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее, и будущее» [\[19, с. 186\]](#). Основываясь на понимании того, что конструирование элементов культуры настоящего происходит по Ю.М. Лотману «в порядке некоей мифологии и к прогнозам будущего» [\[17, с. 13\]](#), приходим к выводу о правомерности применения к современному процессу мемообразования мифологемного подхода. На данную особенность мемотворчества обратили внимание исследователи Д.С. Артамонов и С.М. Фролова: «Миф заложен в смысловую структуру мема, с помощью которого он, постоянно трансформируясь в процессе коммуникации, распространяется на большие аудитории» [\[20, с. 13\]](#).

Мемы являются медиапродуктами трансмедийных коммуникаций, создаваемых методом мемодизайна с использованием бриколажных технологий, в результате применения которых происходит ситуативное придание новых смыслов первоначальным знакам, мифам или символам.

Технологически мемодизайн фото, видео или другого контента, вызвавшего значительный интерес у интернет-пользователей, представляет из себя произвольный набор инструментов (коллажирование, накладка экспрессивных музыкальных фрагментов, видеомонтаж, видеоповторы и т.п.), при помощи которых специально заостряется их социально значимое содержание и доводится до состояния абсурда. Применение таких ассоциативных способов обработки информации приводит к генерации эффективных мемов, абсурдизации смыслов поведенческих моделей человека, что и выделяет сгенерированный продукт своим эксцентричным, комедийным, острым или язвительным контентом из общего коммуникационного потока.

Особенностями современного мемодизайна является «всеядность» мемосоздателей в использовании любых доступных инструментов для генерации мемного контента. Другой его особенностью является отсутствие этических и моральных ограничений на создание тех или иных образцов данного сегмента культурного пространства. Мемодизайн в широком смысле является одной из современных форм мифологизации действительности с использованием исторического опыта человечества, интерпретирующего его с целью популяризации реальности, идей и символов доступными массовому пользователю формами и средствами.

Одной из целей мемогенерации является воздействие на эмоции пользователей социальных сетей, сокращающее им в процессе восприятия время для анализа предлагаемой в интернет-среде продукции массовой культуры, а то и маскирующей истинные причины ее создания. В числе исследователей эмоционального интеллекта популярно мнение, что данные навыки и способности человека распознавать эмоции «не подразумевают скромность и тактичность» [\[21, с. 23\]](#). Мем, как неугомонный «эгоистичный ген», соответствует таким представлениям, которые ломают сложившиеся в обществе стереотипы в передаче смыслов и основаны на трансляции в цифровой среде информации, свободной от какой-либо цензуры и установок консервативной части целевых групп. Более того, чем успешнее общество осваивает технологии создания изображений, приведших к революции в визуальном искусстве во второй половине XX века, тем безответственней и одновременно успешней с точки зрения влияния

масскульта на рядового пользователя интернета становится мем-культура.

Как справедливо подметил историк искусства М. Раш, «мы больше не можем отличить искусственные переживания от настоящих» [\[22, с. 241\]](#). В то же время доступность информации в интернет-среде и простота использования ряда цифровых технологий создают у пользователей иллюзорную уверенность в собственной «экспертности». «Интернет сделал то, что было не под силу никакому защитнику прав потребителей: он значительно сократил разрыв между экспертами и обществом» [\[23, с. 75\]](#).

Мем-культура, с одной стороны, сокращает дистанцию «экспертности» между создателями и потребителями данных единиц культурной информации. С другой стороны, следует обратить внимание на смыслы, которые несут в себе мемы, этическую составляющую мем-контента, направленного на высмеивание различных поступков и высказываний их героев.

В исследовании Н.Ф. Пономарева [\[13, с. 94-98\]](#) приведены популярные мемо-форматы, из которых для мемов с литературной основой свойственны следующие: афоризм, броская фраза, карикатура, манга, мем-фейс, модное словечко, открытка, пародийная картинка, пословица, постер, стрип-комикс, тизер, трейлер, флеш-ролик, фотожаба, фотоколлаж.

В мемористике (термин предложен Н.Ф. Пономаревым) литературных мемопродуктов можно определить наиболее популярную тематику и способы их конструирования, для большинства которых характерен метод ситуативного отбора и произвольной интерпретации основного материала, заимствованного из художественных произведений с добавлением современных смыслов, понятных большинству интернет-аудитории.

Установить авторство образованных таким путем мемов непросто ввиду того, что для современных просьюмеров шеринг мемообразов является более привлекательным результатом коммуникаций, чем поиск первоисточников.

Тем не менее в отдельных случаях можно определить первооснову медиамемов: зачастую ими становятся завирусившиеся в социальных сетях видео или фото, мастерски обработанные бриколером. Такая авторская идентификация происходит в случае, когда действия главного героя популярного контента зафиксированы в интернет-пространстве, получили свою долю хайпа в среде просьюмеров и имеют потенциал для дальнейшего развития сюжета. Так произошло с мемом «Урыл (Ты Достоевского читал)», первоначально размещенным в социальной сети «TikTok». В молодежной среде мемоопус «Урыл» ассоциируется с пирровой победой над собеседником в споре. Легенда мема изложена на интернет-сайте «Memepedia»: «Истоки мема лежат в старом видео с участием персонажа по имени Наталья Морская Пехота. В 2013 году ролик с ее участием стал вирусным хитом и положил начало мему «Стартуем» [\[24\]](#). В феврале 2020 года на «YouTube» начали появляться пародии и ремиксы первоначального мема, в которых на оригинальный звук накладывались кадры из фильмов и сериалов. Например, из «Джокера» и «Я – легенда» [\[24\]](#). Приведенный пример показывает, что процесс генерации однажды завирусившегося в интернет-пространстве мема, может в любой момент возобновлен и даже успешность полученного на определенном этапе вирализации результата не гарантирует исчерпаемости его вирусного потенциала.

Исходными идеями для создания литературных мемов служат произвольно интерпретированные просьюмерами портреты, крылатые выражения, отдельные запоминающиеся слова, собственные наименования, почерпнутые из известных произведений классиков русской литературы и специально обработанные для лучшего

восприятия интернет-аудиторией: фото подборки, фото приколы, открытки, комиксы, постеры «Пушкин. Мемы. Фото», «Грибоедов. Онегин», «Чацкий и рисунок», «Ленский арт», «Гоголь и Пушкин», «Достоевский смеется», «Два Александра: Пушкин и Грибоедов», «Печорин и Чацкий», «Чацкий как герой своего времени» и др.

Нередко проводниками литературных мемов становятся блогеры. Так, блогер и пранкер Г. Нармания записал пародию «Это Россия, бро» на популярный видеоклип «This is America» американского музыканта Childish Gambino. В своем клипе блогер обращается к проблемным темам российской действительности, упоминая фамилии русских поэтов: «Это Россия, бро, здесь нет ни Обамы, ни Трампа, / Раньше Пушкин, Есенин и Блок, сейчас только блок Телеграма». Эта работа российского исполнителя обрела популярность в молодежной среде. В погоне за узнаваемостью блогеры берут себе фамилии знаменитых писателей. Так поступил известный на просторах интернета блогер и кинокритик Митя Достоевский (@D0CT0EBCKNN), любящий порассуждать в своих сторис о киноновинках и ресторанной кухне.

Другой группой источников мемодизайна являются иллюстрации художников к изданиям литературных произведений, отдельные сцены театральных постановок (в основном академических театров), наиболее заметные рецензии (например, статья И.А. Гончарова «Мильон терзаний» о комедии «Горе от ума») и др. Зарубежные интернет-сервисы, фото и видео хостинги, например, «Pinterest» и «YouTube» также размещают мемотренированные продукты с российской тематикой.

Литературные интернет-мемы на основе прецедентных концептов обладают способностью проявляться, демонстрируя завидную «живучесть». Интерес мемосоздателей в таких случаях привлекают как личности самих классиков, наделенных в общественном сознании мифологемными чертами, так и действующие лица сочинений, созданные авторами образы, крылатые выражения, прочно вошедшие в публичный лексикон. Заимствование литературных текстов современными просьюмерами происходит в хаотичном порядке, без каких-либо ссылок на источники. Классики русской литературы классики поспособствовали быстрой усваиваемости мемов в публичном пространстве, «наградив» своих персонажей нарицательными фамилиями: Молчалин (мем «Молчацкий», А.С. Грибоедов, комедия «Горе от ума»); Плюшкин, Манилов, Коробочка, Собакевич (Н.В. Гоголь, поэма «Мертвые души») и многие другие.

Медиаемы по мотивам образов комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова изучены в контексте гинекратического мифа [\[25\]](#), повседневного и элитарного мышления [\[26\]](#), особенностей мем-генерации образа главного героя и основного конфликта комедии [\[27\]](#) и др.

Интернет-мемы с использованием литературных концептов произведений А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Ф.И. Тютчева становятся классикой и в цифровой мем-культуре. Наиболее эксплуатируемыми сюжетами в этой связи являются образы пушкинского Евгения Онегина, грибоедовского Александра Чацкого, бессмертные тютчевские строки «Умом Россию не понять» и т.д. Неосвоенной современными интернет-хейтерами сферами пока остаются факты из биографий русских литературных классиков. Такие мемы способствовали бы демонстрации человеческих стремлений и мотиваций, которые по словам А.С. Пушкина, высказанным им после смерти А.С. Грибоедова в травелогге «Путешествие в Арзрум», не во всем были идеальными: «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, – все в нем было

необыкновенно привлекательно» [\[28, с. 218\]](#). Именно «слабости и пороки» – излюбленная питательная среда для интернет-хейтеров, препарирующих социальную действительность, среди которых немало и практиков мемодизайна.

Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» – настоящий кладезь идей для исследователей мем-пространства. Большое количество креализованных интернет-мемов по данному произведению русского дипломата и драматурга относится к мемам, иллюстрирующим душевные терзания главного героя комедии Александра Чацкого, его конфликту с фамусовским обществом и неожиданно нащупанной субъектами мемодизайной практики переплетений творческих исканий в судьбе А. Грибоедова и А. Пушкина. Наибольшую популярность в мем-среде имеют следующие строки комедии, ставшие крылатыми выражениями: «Счастливые часов не наблюдают» (Софья, действие 1, явление 4), «Служить бы рад, прислуживаться тошно» (Чацкий, действие 2, явление 2), «А судьи кто?» (Чацкий, действие 2, явление 5), «Ба! знакомые все лица» (Фамусов, действие 4, явление 14), «Карету мне! Карету!» (Чацкий, действие 4, явление 14) [\[29\]](#).

Порой сами того не подозревая, авторы мемов используют интерпретации грибоедовского текста для иллюстрации поступков своих героев. Так, эстрадный исполнитель Ф. Киркоров, участник скандальной вечеринки *Almost naked party* («Почти голая вечеринка», декабрь 2023 г.), вход куда «звездам» шоу-бизнеса, блогерам и другим медиаперсонам был организован по заранее согласованным спискам и приглашениям, впоследствии под давлением возмущенной общественности неуклюже оправдывал свое непристойное поведение, словно используя сюжет из «Горя от ума» (действие 1, явление 4). Авторы блога «СерпомПо» так описали действия оскандалившегося певца: «Киркоров почти повторил фразу Софии из грибоедовского “Горя от ума”: «Шел в комнату, попал в другую ...». Мы в школе над этим смеялись, а здесь комедия стала реальностью» [\[30\]](#).

В традиции советской, а затем и российской сцены использовать в постановках прецедентные тексты классиков для усиления актуальности монологов артистов включением отрывков, отсылающих к политической повестке, гротеска. Зачастую это достигается умелой эксплуатацией мемных конструктов, впитанных зрителем, что называется «с молоком матери». Такие приемы в арсенале отечественных театральных режиссеров, использующих литературные мифологические мемы для адаптации сценариев западных драматургов на российской сцене. Примером может служить антреприза «Вредные привычки» по пьесе Ф. Лелуша, поставленная режиссером Т.И. Сополевым. В этой «французской комедии с русской историей» персонаж актера С.К. Шакурова «с уморительно серьезным видом цитирует общеизвестные по школьной программе литературы», в основном из «Горе от ума» [\[31\]](#).

Словесные интернет-мемы по грибоедовской тематике дополняются визуальным рядом, что позволяет идентифицировать их как креолизированный тип мем-культуры, наделенной художественным текстом. Основой для таких мемических коммуникативных единиц зачастую являются мифологемы, связанные с загадками биографии классика русской литературы: «Грибоедов: гусар и дуэлянт», «Александр Грибоедов. Политик, гений или писатель?», «Загадка смерти и шалость в церкви», «Story о том, как русский царь одного писателя за алмаз продал», «“Четверная дуэль” Грибоедова» и др.

Анализ литературных мемов с позиций семиотического метода исследования показывает преобладание в интернет-среде мемных конструктов, сооруженных техникой мем-эдвайса (картинка с персонажем на цветном фоне) с преимущественным использованием

микротекстов. Приведем примеры таких информационно-коммуникативных мемов, набравших определенную популярность среди любителей данного вида творчества в привязке к известным авторам и размещенным в том числе на специализированных интернет-ресурсах «Memepedia», «Meming Wiki»:

А.С. Пушкин: «Вот балда», «Я вам пишу – чего же боле», «Чего тебе надобно? [старче]»;

А.С. Грибоедов: «Молчацкий», «Где лучше? Где нас нет», «Фамусов: "Потому что не служил"», «А судьи кто?», «Карету нам!», «Дым Отечества», «Молчалину к лицу молчание», «Учение – свет, а не ученье – чуть свет и на работу», «Велите ж мне в огонь: пойду как на обед», «Царю пофиг на резню в Тегеране», «А судья здесь я, карбонарий несчастный», «Чацкий: "Лучше – где нас нет"», «Грибоедов обожал дуэли: бросал перчатку в лицо каждому встречному»;

Н.В. Гоголь: «Гоголь вязал и кроил наряды для сестер ("Если чё, сожгу")», «Пересядь на птицу-тройку»;

Ф.М. Достоевский: «Родион Раскольников: "Рублю бабки"»;

Л. Н. Толстой: «Толстой отказался от нобелевской», «Лев Толстой не был толстым львом» и др.

Трудно назвать представленные микротексты каким-либо вкладом в копилку сочинительского мастерства, однако справедливости ради стоит отметить, что на это они и не рассчитаны. Тем не менее развитие цифровой культуры соучастия с использованием столь примитивных конструкторов вызывает сожаление у поклонников художественных достоинств литературного наследия русских классиков. Вместе с тем приходится признать, что рассмотренная выборка мемов представляет собой адаптированный для современной аудитории вид массовой культуры, выразители которой зачастую используют с разной долей успешности в своем мемо творчестве именно развлекательный формат с комическим подтекстом. Дальнейшее развитие интернет-мемов как комического жанра связывается нами с активным использованием нейросетей, позволяющим генерировать эффектные вирусные мемы.

Литературные мемы, образованные на основе произведений русских классиков, имеют и практическое назначение. Они используются в рекламных целях для продвижения каких-либо товаров или услуг. Наиболее популярными из них являются размещенные на различных торговых интернет-площадках мерчи: свитшоты, худи, футболки (например, коллекции одежды «Великие писатели-классики», «Исторические личности» с принтами «Достоевский FM», «Пушкин», «Чехов», «Толстой», «Пушкин и Гоголь» и т.п.), сумки-шопперы и другие товары с символикой литературных знаменитостей. Коллекции молодежной одежды с использованием реплик литературных мемов обычно изготавливаются в соответствующей тематике айдентике.

Выводы

Мифообразование как социальный процесс имеет схожие черты с технологиями мемогенерации, а мем является одной из технологий мифодизайна. Особенностью мемодизайна является отсутствие этических и моральных ограничений на создание мем-контента, эксплуатирующего комический подтекст по отношению к мем-персонажу, подвергаемому различным видам осмеяния. Мемодизайн в широком смысле является одной из современных форм мифологизации действительности с использованием исторического опыта человечества, интерпретирующего его с целью популяризации

реальности, идей и символов доступными массовому пользователю формами и средствами.

Медиаемы, образованные на основе прецедентных текстов, эксплуатируют мифологический конструкт, содержащийся в произведениях классиков русской литературы. Такие интернет-мемы обладают значительной устойчивостью и живучестью к воспроизводству на их основе последующих мемоимпульсов. Мемогенерация подобных единиц культурной информации происходит как на основе технологии мем-эдвайсинга, так и с использованием только речевого воспроизводства на публике крылатых выражений главных героев литературных произведений или посредством микротекстов с комическим подтекстом, редко отличающихся художественным многообразием. Благодаря в первую очередь мифологической основе такие мемы обретают должную популярность у интернет-пользователей.

Коммуникационный эффект литературных медиаемов достигается их узнаваемостью, истоки которой находим в школьной программе обязательного среднего образования и генетической памяти поколений, воспитанных на лучших образцах художественных текстов. Следующей составляющей популярности рассматриваемых мемообразов следует считать прорыв в овладении технологиями мультимедиа, продвижения и вирусности, которые освоило поколение современных просьюмеров, а также доступность интернет-среды, скорости передачи и размещения в интернет-пространстве «эгоистичных генов», объясняющих сложные явления доступными для массовой аудитории визуальными средствами.

Медиаемы в целом и литературные интернет-мемы в частности являются частью современной цифровой среды, требующей изучения их как цифровых единиц коммуникативной практики, оказывающих влияние на развитие межкультурных и межличностных коммуникаций. От того, как в будущем будет развиваться данный сегмент интернета, упрощающий процесс коммуникаций в парадигме соотношения сознательного и бессознательного, будет зависеть преобладают ли в нем вульгаризированные формы мемообразов, что при первом рассмотрении в связи с внедрением технологий искусственного интеллекта, многократно ускоряющих процесс мемогенерации, вполне вероятно.

Библиография

1. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. Москва: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.
2. Rushkoff D. (1994) Media Virus! New York: Ballantine Books.
3. Brodie R. (1996) Virus of the mind: the new science of the meme: Seattle; Washington: Integral Press.
4. Wilkins J. S. (1998). What's in a meme? Journal of Memetics. Evolutionary Models of Information Transmission, 2 (1): 56–94.
5. Heylighen F. (1998) What makes a meme successful? Selection criteria for cultural evolution. In J. Ramaekers (Ed.), 15th International Congress on Cybernetics: 418–423.
6. Blackmore S. (1999) The Meme machine. Susan Blackmore. [With a forew. by Richard Dawkins]. Oxford univ. press.
7. Dennett D. (2013) Intuition Pumps And Other Tools for Thinking: W. W. Norton & Company.
8. Dawkins R. (1976) The Selfish Gene. New York: Oxford University Press Inc.
9. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2013. № 6. С. 34–38.

10. Шацкая А. Д. Текст креолизированных мемов как отражение эмоций // Новые горизонты русистики. 2018. № 5. С. 42–49.
11. Карташова Е. П., Ахмедзянова А. Р. Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего» // Вестн. Марийского гос. ун-та. 2019. Т. 13, № 3(35). С. 426–430.
12. Боева Г. Н. «Литературный интернет-мем» как средство коммуникации // Современный дискурс-анализ. 2020. № 2-2(26). С. 4–9.
13. Пономарев Н. Ф. Мемористика: генерация и вирализация мемов // E-Scio. 2021. № 11(62). С. 94–98.
14. Олейник М. А., Горбатовский А. С. Мультиmodalность прецедентного текста в аспекте исследования культурного пространства художественного текста // Немецкая филология в Санкт-Петербургском гос. ун-те. 2022. Вып. 12. С. 19–31.
15. Солдаткина Я. В. Мем как явление медиакультуры: функции и изобразительно-выразительные средства // Наука и школа. 2022. № 3. С. 49–56.
16. Дашкова С. Ю. Интернет-мемы в сетевой коммуникации (на материале сайтов с развлекательным содержанием) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 3. С. 130–135.
17. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). М.: Эксмо, 2022. 650 с.
18. Клюкина Л. А. Мифема и мифологема: практики использования понятия в современной отечественной философии культуры // Международный журнал исследований культуры. 2018. №4 (33). С. 197–207.
19. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 535 с.
20. Артамонов Д. С., Фролова С. М. Интернет-мем в системе социальной мифологии цифровой эпохи // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11(79). С. 13–17.
21. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект в работе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 576 с.
22. Раш М. Новые медиа в искусстве. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства Гараж, 2022. 256 с.
23. Левитт С., Дабнер С. Фрикономика: экономист-хулиган и журналист-сорвиголова исследуют скрытые причины всего на свете. М.: Альпина Паблишер, 2023. 236 с.
24. Урыл // Memepedia URL: <https://memepedia.ru/uryl/> (дата обращения: 18.07.2024).
25. Савоськина Т. А. «Горе от ума» в контексте гинекратического мифа эпохи русского Просвещения // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2 (39). С. 241–243.
26. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Повседневное и элитарное мышление: о комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» в современном социокультурном пространстве // Русистика без границ. 2018. Т. 2. № 1. С. 29–40.
27. Гурьянова А. М., Синегубова К. В. Школьный фактор формирования интернет-мемов (на материале образа Чацкого) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 1. С. 37–41.
28. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация, 1929. С. 217–220.
29. Грибоедов А. С. Горе от ума: комедия в четырёх действиях в стихах. М.: Пашков дом, 2022. 172 с.
30. Шел в комнату, попал в другую // СерпомПо 4.0. URL: <https://dzen.ru/a/ZYroMMVaIihVXWd8> (дата обращения: 18.07.2024).
31. Спектакль «Вредные привычки»: отзывы, особенности и актерский состав // FB.ru URL: <https://fb.ru/article/371478/spektakl-vrednyie-privyichki-otzyivyi-osobennosti-i-akterskiy-sostav> (дата обращения: 18.07.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема статьи «Литературные медиамемы в системе социальной мифологии» в целом представляется актуальной, поскольку литература, бесспорно, является одним из продуктивных источников создания мемов, а сами мемы как значимое явление современной массовой коммуникации заслуживают исследовательского внимания. В то же время о мемах написано немало, поэтому, чтобы обеспечить новизну подобного рода исследования, необходимо сосредоточиться на анализе собранного языкового материала, в статье же баланс теоретической и практической частей исследования, на наш взгляд, не соблюден: теории значительно больше, примеров мемов не так много, и они в большинстве своём приводятся общим списком, ограничивающимся указанием литературных источников мемов. По мнению рецензента, новизна исследования, как и общая значимость его выводов, вызывают вопросы.

Однако главная проблема текста не в этом. В представленном виде текст читается с трудом. Причин этому три. Во-первых, около половины фраз текста не согласованы грамматически, что делает невозможным понимание мыслей автора, например: «Методика исследования базируется на контент-анализе материалов российского сегмента интернет-пространства, в том числе блогов и платформ социальных медиа, на котором (На чём «котором»?) методом сплошного информационного поиска были выявлены соответствующие цифровой культуре соучастия мемы, образованные на базе прецедентных текстов литературных классиков», «Эмпирическим материалом для исследования также послужили содержащие литературную основу мемы, отражающие различные явления повседневной жизни общества, театральной культуре, активностей российских селебрити, рекламных мемах-мерчах», «Этическая сторона мегогенерации является актуальной проблемой для современной интернет-среды. В связи с тем, что отдельные интернет-пользователи размещают на своих ресурсах мемы, снабжая их экспрессивной, а порой и ненормативной лексикой, автор не счел нужным указывать их (Кого «их»?) названия в составе эмпирической базы исследования в целях недопущения в данной статье популяризации интернет-изданий, практикующих контент, вызывающий у пользователей негативные ассоциации», «Практика заполнения информационного пространства интернет-мемами, оторванными от исторической основы, созданными лишь как сиюминутная реакция на какое-либо событие, подтверждают данное предположение», «Различным аспектам мем-культуры, связанной с литературой, текстовыми конструктами, ставших заметными явлениями в интернет-среде, посвящены исследования российских специалистов по следующим направлениям современной меметики. В сочетании с многочисленными пунктуационными, лексическими, логическими (например: «мифы в виде популярных сказочных персонажей») ошибками такого рода грамматические отклонения делают текст нечитаемым. Во-вторых, автор активно использует терминологию без пояснений и ссылок на источники. Так, из текста сложно понять, что именно имеется в виду под «мемодизайном» и невозможно – под «мемоимпульсами», «мем-эдвайсингом» или «мемами-мерчами» (заметим, что слово «мерч» обычно употребляется в единственном числе, в статье же – во множественном). В итоге терминоединицы с корнем «мем» в тексте путано объясняются друг через друга и сближаются друг с другом, но не составляют терминосистемы, которая необходима в любой статье, но в статье, исследующей новейший материал и теоретически опирающейся на терминологически противоречащие друг другу исследования, – особенно: «Мифообразование как социальный процесс имеет схожие черты с

технологиями мемогенерации, а мем является одной из технологий мифодизайна. Особенностью мемодизайна является отсутствие этических и моральных ограничений на создание мемоопусов, эксплуатирующих комический подтекст по отношению к мем-персонажу, подвергаемому различным видам осмеяния. Мемодизайн в широком смысле является одной из современных форм мифологизации действительности с использованием исторического опыта человечества, интерпретирующего его с целью популяризации реальности, идей и символов доступными массовому пользователю формами и средствами. Медиамемы, образованные на основе прецедентных текстов, эксплуатируют мифологический конструкт, содержащийся в произведениях классиков русской литературы. Такие интернет-мемы обладают значительной устойчивостью и живучестью к воспроизводству на их основе последующих мемоимпульсов. Мемогенерация подобных единиц культурной информации происходит как на основе технологии мем-эдвайсинга, так и с использованием только речевого воспроизводства». В-третьих, автор допускает непозволительные в научном тексте оценочность и иронию, которые также затрудняют чтение («неутомимые добровольные труженики виртуальной реальности, генерируют свой мемный продукт без оглядки на столь сложные конструкты», «В хаосе современного мемоконструирования компаниями энтузиастов предпринимаются попытки тематически сгруппировать и описать наиболее популярные мемоопусы» и т. п.). Так, рецензент не смог определиться со статусом регулярно используемого в тексте статьи слова «мемоопус»: является оно экспрессивной оценкой явления или авторским термином? Если первое, его следует избежать, если второе – пояснить.

Наконец, многие утверждения в статье выглядят без- или малодоказательными. Например: «Порой сами того не подозревая, авторы мемов используют интерпретации грибоедовского текста в своей повседневной культуре. В 2009 г., в газете «Коммерсантъ» была опубликована статья, снабженная креативным заголовком «К службе угоден», посвященная введению в учебных заведениях уроков «Основы православной культуры» [31]. Автор заголовка – главный редактор издания А.В. Васильев и по прошествии времени приписывает авторство себе, не размышляя о том, что в нем угадывается грибоедовский подтекст «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Во-первых, само отнесение газетного заголовка к мемам требует комментария. Во-вторых, связь «К службе угоден» и «Служить бы рад, прислуживаться тошно» неочевидна, требует доказательства. В-третьих, даже если связь есть, наличие во фразе межтекстовой связи не противоречит её принадлежности А. В. Васильеву, а значит, оценочное высказывание «приписывает авторство себе, не размышляя о том, что в нем (В чём? В авторстве?) угадывается грибоедовский подтекст» заведомо ложно и недопустимо.

Статья нуждается в серьезной авторской доработке и профессиональной редакторской вычитке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом точечного анализа рецензируемой статьи являются литературные медиамемы. В принципе тема не так нова, да и само понятие возникло гораздо раньше XX века,

просто было обобщено в конце предыдущего столетия. При этом, на мой взгляд, тема может быть дополнена, конкретизирована, следовательно, материал имеет определенную научную значимость. Автор отмечает, что «объектом рассмотрения в статье являются литературные интернет-мемы, созданные преимущественно на прецедентной основе классических литературных произведений. «Литературная классика, которая используется в качестве прецедентной основы мемов, выступает для пользователей сети в качестве "ядра культурной памяти"» [12, с. 4, 9]». Стоит признать и формулировку цели – выявление определенных закономерностей мемообразования на базе прецедентных текстов отдельных произведений русской классической литературы. Считаю, что методологическая основа исследования правомерна, это структурно-функциональный анализ конструирования социальных мемов, при этом автор ориентирован на т.н. контент-анализ российского интернет-пространства (блоги, социальные сети). Стиль работы соотносится с собственно научным типом: например, «созданные на базе прецедентных текстов литературных классиков меммы обладают непременно большей, чем меммы-однодневки устойчивостью, смысловым содержанием и мифологемностью. «Понятие "мифологема" используется в качестве интерпретации архетипа, феномена сознания или смысла первичного базисного мифа», обозначая «первоначальные (априорные) формы существования смысла в культуре», или «Технологически мемодизайн фото, видео или другого контента, вызвавшего значительный интерес у интернет-пользователей, представляет из себя произвольный набор инструментов (коллажирование, накладка экспрессивных музыкальных фрагментов, видеомонтаж, видеоповторы и т.п.), при помощи которых специально заостряется их социально значимое содержание и доводится до состояния абсурда. Применение таких ассоциативных способов обработки информации приводит к генерации эффективных мемов, абсурдизации смыслов поведенческих моделей человека, что и выделяет сгенерированный продукт своим эксцентричным, комедийным, острым или язвительным контентом из общего коммуникационного потока» и т.д. Ссылки на «вспомогательные работы» даются верно: «в свое время Ю.М. Лотман писал о культуре как о диахронном явлении, в котором важное место отведено унаследованным текстам и символам, при этом, уточнял ученый, «символы культуры редко возникают в ее синхронном срезе» [17, с. 12-13]. В лотмановском понимании «культура исторична по своей природе», а «само ее настоящее всегда существует в отношении к прошлому (реальному или сконструированному в порядке некоей мифологии) и к прогнозам будущего» [17, с. 13]». Текст не нуждается в серьезной технической правке, основные требования издания учтены. Считаю, что тема статьи раскрывается последовательно, тезисы / аргументы объективны: например, «одной из целей мемогенерации является воздействие на эмоции пользователей социальных сетей, сокращающее им в процессе восприятия время для анализа предлагаемой в интернет-среде продукции массовой культуры, а то и маскирующей истинные причины ее создания» и т.д. Следовательно, и структурирование, и функционал литературных медиамемов в современном коммуникативном пространстве проанализирован. Примеры / иллюстрации вполне правомерны, открытость также манифестирована: «исходными идеями для создания литературных мемов служат произвольно интерпретированные просьюмерами портреты, крылатые выражения, отдельные запоминающиеся слова, собственные наименования, почерпнутые из известных произведений классиков русской литературы и специально обработанные для лучшего восприятия интернет-аудиторией: фото подборки, фото приколы, открытки, комиксы, постеры «Пушкин. Мемы. Фото», «Грибоедов. Онегин», «Чацкий и рисунок», «Ленский арт», «Гоголь и Пушкин», «Достоевский смеется», «Два Александра: Пушкин и Грибоедов», «Печорин и Чацкий», «Чацкий как герой своего времени» и др.» и т.д. Текстового объема достаточно для раскрытия темы, фактические

задачи решены. Ряд позиций можно расширить в новых работах смежно тематической направленности: например, «анализ литературных мемов с позиций семиотического метода исследования показывает преобладание в интернет-среде мемных конструкторов, сооруженных техникой мем-эдвайса (картинка с персонажем на цветном фоне) с преимущественным использованием микротекстов. Приведем примеры таких информационно-коммуникативных мемов, набравших определенную популярность среди любителей данного вида творчества в привязке к известным авторам и размещенным в том числе на специализированных интернет-ресурсах «Memepedia», «Meming Wiki»: А.С. Пушкин: «Вот балда», «Я вам пишу – чего же боле», «Чего тебе надобно? [старче]» и т.д. Таким образом, материал и теоретически, и практически выверен. Авторская точка зрения прозрачна, думаю, что и читатели найдут в тексте работы для себя что-то новое и интересное. Вывод по тексту достаточен, противоречий с основным блоком нет. Автор тезисует, что «медиаемы в целом и литературные интернет-мемы в частности являются частью современной цифровой среды, требующей изучения их как цифровых единиц коммуникативной практики, оказывающих влияние на развитие межкультурных и межличностных коммуникаций. От того, как в будущем будет развиваться данный сегмент интернета, упрощающий процесс коммуникаций в парадигме соотношения сознательного и бессознательного, будет зависеть преобладают ли в нем вульгаризированные формы мемообразов, что при первом рассмотрении в связи с внедрением технологий искусственного интеллекта, многократно ускоряющих процесс мемогенерации, вполне вероятно». Библиография к работе полновесна, ее можно использовать как базу для формирования новых исследований. Рекомендую статью «Литературные медиаемы в современном коммуникативном пространстве» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хуан И. Репрезентация концепта «стыд» во фразеологическом фонде китайского языка // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74821 EDN: BEHXSZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74821

Репрезентация концепта «стыд» во фразеологическом фонде китайского языка

Хуан Ифань

ORCID: 0000-0002-2346-9237

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов

119526, Россия, г. Москва, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 10, кв. 32

✉ huangyifan_2021@163.com[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.6.74821

EDN:

BEHXSZ

Дата направления статьи в редакцию:

12-06-2025

Аннотация: В статье исследуется репрезентация концепта «стыд» в китайском фразеологическом фонде. Использование фразеологических единиц китайского языка позволяет выявить культурные, эмоциональные и моральные аспекты, связанные с понятием стыда. Исследование включает анализ 150 фразеологических единиц, охватывающих такие категории, как готовые выражения (成语), поговорки и пословицы (俗谚), привычные выражения (惯用语), а также недоговорки-иносказания (歇后语). Концепт стыда представлен через различные аспекты: физиологические реакции, моральные ценности, описание бесстыдного поведения и связи со значением «лица» (面子 miànzǐ). Результаты исследования показывают, что фразеологизмы, связанные со стыдом, играют важную роль в передаче морально-нравственных ценностей и демонстрируют тесную связь между эмоциями, языком и культурным мировоззрением китайского народа. Используются количественный и качественный анализ 150 фразеологизмов китайского языка. Применялись структурно – типологическая классификация, семантический и культурологический анализ для выявления

репрезентации концепта "стыд". Новизна работы заключается в комплексном подходе к исследованию концепта «стыд» в китайской фразеологии. Впервые осуществлен анализ 150 фразеологических единиц, отобранных по критериям частотности употребления, семантической релевантности и категориальной репрезентативности. Разработанная классификационная модель позволяет систематизировать выражения по четырем структурным типам и пяти семантическим категориям. Особую ценность представляет выявление закономерностей, в частности доминирования идиоматических конструкций (46%) и связи с концептом "лица" (30%). Исследование раскрывает культурную обусловленность фразеологизмов, демонстрируя их роль как инструментов социального контроля и трансляторов конфуцианских ценностей. Полученные результаты создают основу для дальнейших сопоставительных исследований. Проведенное исследование демонстрирует, что фразеологические единицы китайского языка, связанные с концептом "стыд", выполняют важную культурно-нормативную функцию. Особую значимость имеют фразеологизмы, противопоставляющие стыд и бесстыдство (например, "恬不知耻" – бесстыдный). Они служат важным инструментом социального контроля, маркируя границы допустимого поведения. Таким образом, китайская фразеология не просто описывает эмоцию стыда, но и активно участвует в воспроизводстве культурных норм и традиционных ценностей.

Ключевые слова:

стыд, бесстыдство, лицо, фразеология, выражение эмоций, идиомы, китайский, лингвокультурология, эмотивные концепты, устойчивые выражения

Введение

Концепт «стыд» занимает важное место в системе эмоциональных и нравственных представлений любой культуры, включая китайскую. В китайском обществе стыд воспринимается не только как внутреннее переживание, но и как социально значимая эмоция, тесно связанная с такими культурными категориями, как сохранение «лица» (面子 miànzi), соблюдение моральных норм и общественных ожиданий.

Фразеологический фонд китайского языка служит богатым источником для изучения этого концепта, поскольку содержит многочисленные устойчивые выражения, в которых отражаются нормы, оценки и типичные модели поведения, связанные с переживанием стыда.

Важно отметить, что в китайской лингвистике нет единой общепринятой классификации фразеологических единиц, и разные исследователи включают в состав фразеологии различный набор выражений. Далее в настоящем исследовании предложена рабочая типология, основанная на частотности и функциональной значимости упомянутых типов в контексте анализа концепта «стыд».

Целью данной работы является выявление особенностей языковой репрезентации стыда во фразеологической системе китайского языка. В рамках исследования анализируются семантические, культурные и эмоциональные аспекты устойчивых выражений, в которых отражается данная эмоция. Особое внимание уделяется тому, как через фразеологизмы транслируются ценности и нормы, определяющие допустимое и недопустимое поведение в китайском обществе.

Новизна работы заключается в комплексном подходе к исследованию концепта «стыд» в

китайской фразеологии. Впервые осуществлен анализ 150 фразеологических единиц, отобранных по критериям частотности употребления, семантической релевантности и категориальной репрезентативности. Разработанная классификационная модель позволяет систематизировать выражения по четырем структурным типам и пяти семантическим категориям. Особую ценность представляет выявление закономерностей, в частности доминирования идиоматических конструкций (46%) и связи с концептом «лица» (30%). Исследование раскрывает культурную обусловленность фразеологизмов, демонстрируя их роль как инструментов социального контроля и трансляторов конфуцианских ценностей. Полученные результаты создают основу для дальнейших сопоставительных исследований.

Использованы количественный и качественный анализ 150 фразеологизмов китайского языка. Применялись структурно - типологическая классификация, семантический и культурологический анализ для выявления репрезентации концепта «стыд».

Материалом для анализа послужили фразеологические единицы, собранные из авторитетных лексикографических источников, включая 现代汉语分类词典 (Классифицированный словарь современного китайского языка) [11], 中国谚语大全 (Полное собрание китайских пословиц) [21] и 中国俗语大辞典 (Большой словарь китайских поговорок) [3]. Всего было отобрано 150 выражений, которые были распределены по четырём основным категориям и проанализированы с точки зрения их связи с физиологическими проявлениями стыда, моральными установками и культурными нормами.

Теоретические подходы к определению фразеологизмов в китайской лингвистике

Анализ репрезентации концепта «стыд» в китайском фразеологическом фонде невозможно провести без предварительного объяснения того, что в китайской лингвистике понимается под фразеологией и фразеологизмом.

Сам термин «фразеология» начал использоваться в Китае сравнительно недавно – в 1950-х годах. Именно в этот период в лингвистике появилось понятие 熟语 (shúyǔ), которое можно перевести как «устойчивое выражение» или «фразеологизм» [4]. Несмотря на то что термин получил широкое распространение, его точное определение остаётся предметом научных дискуссий, и в китайской лингвистике до сих пор нет единого мнения относительно границ и состава категории 熟语.

В авторитетном справочном издании Цыхай (辞海) даётся следующее определение:

«熟语 — это устойчивое словосочетание или предложение [данного] языка. При употреблении обычно не допускается произвольное изменение их структуры. Включают в себя чэньюй, яньюй, гуаньюньюй и др» [5].

На основе этого определения можно выделить две ключевые характеристики 熟语:

1. Целостность значения (фразеологизм нельзя понять по частям);
2. Структурная устойчивость (нельзя свободно изменять состав фразеологического выражения).

Китайский лингвист Ху Юшу (胡裕树) также трактует 熟语 как важную часть лексической системы языка. Он пишет: «В словарном составе, помимо обычных слов и свободных словосочетаний, существуют устойчивые выражения, часто используемые в

повседневной речи. Эти выражения представляют собой строительный материал языка и являются частью его лексики. В совокупности они называются 熟语 [6].

Таким образом, 熟语 в китайской традиции — это совокупность устойчивых выражений, включающих как идиомы, так и другие фиксированные конструкции, которые играют активную роль в передаче культурных, эмоциональных и оценочных смыслов.

Китайский язык обладает богатой системой устойчивых выражений, которые охватывают широкий диапазон речевых жанров – от афористических форм до разговорных конструкций. В лингвистической традиции сюда относятся такие единицы, как: 成语 (chéngyǔ) – идиомы (чаще всего четырёхзнаковые, с литературным или историческим происхождением), 谚语 (yànyǔ) – пословицы, 俗语 (súyǔ) – поговорки, 惯用语 (guànyòngyǔ) – привычные (разговорные) выражения, 歇后语 (xiēhòuyǔ) – иносказательные недоговорки (двухчастные фразы, где вторая часть обычно подразумевается), а также 格言 (gèyán) – изречения, 寓言 (yùyán) – притчи, и 对联 (duìlián) – парные надписи. Классификация этих единиц в рамках понятия 熟语 (shúyǔ) – «фразеологизм, устойчивое выражение», как уже было сказано, остаётся предметом научных споров. В китайской лингвистике нет единой системы, и состав 熟语 варьируется у разных исследователей.

Так, в 1960-х годах Ма Гофан (马国凡) предложил рассматривать как основные типы фразеологических единиц пословицы (谚语), недоговорки-иносказания (歇后语) и привычные выражения (惯用语), о чём он писал в работе «Пословицы – недоговорки – привычные выражения» (《谚语•歇后语•惯用语》) [7].

Позднее Ху Юшу (胡裕树) в учебнике «Современный китайский язык» (《现代汉语》) официально включил привычные выражения в состав лексической системы, что расширило рамки изучения 熟语 как лексико-фразеологической категории.

В свою очередь, Фу Хуайцин (符淮青) в книге «Словарный состав современного китайского языка» (《现代汉语词汇》) отнёс к 熟语 следующие группы: идиомы (成语), пословицы (谚语), поговорки (俗语) и недоговорки-иносказания (歇后语) [8].

В более позднем исследовании Ван Цинь (王勤) и У Чжанькуня (武占坤) «Обзор лексики современного китайского языка» (《现代汉语词汇概要》), напротив, было предложено исключить поговорки (俗语) из состава 熟语 и вместо них включить привычные выражения (惯用语) [9].

Таким образом, единая типология китайских фразеологизмов отсутствует, и в зависимости от научного подхода состав 熟语 может меняться.

Стоит отметить вклад современных российских и китайских ученых в изучение концепта стыда и других сопутствующих понятий.

У Хуан И. и Волковой Я.А. [10] чётко показано, как по-разному устроен концепт «стыда» в китайской и русской культурах. В Китае он связан прежде всего с внешней оценкой, страхом потерять «лицо» и нарушить правила общества, тогда как в русском языке на первом месте — внутренняя совесть и религиозное чувство. Эти различия отражаются даже на уровне фразеологии: китайские выражения чаще апеллируют к норме и иерархии, русские — к телесному переживанию.

Толстова М.А. и Цуй Хуэйин [11] исследуют, как работает стыд в жанре интернет-откровений. Через метафоры тела, обнажённые эмоции и иронию он по-прежнему остаётся сильным маркером нарушения границ. Даже в неформальной, анонимной среде

люди описывают стыд как нечто очень личное и телесное — жар, дрожь, невозможность смотреть в глаза.

В работе Хуан И. [12] разобрана метафорика стыда в китайском и русском языках. Китайские образы — это «лицо», «падение», «утрата позиции», то есть акцент на общественную сторону. В русской картине — «жар», «провалиться сквозь землю», «грязь» — здесь важнее переживание внутри.

Дун Лихун [13] изучает, как рядом со стыдом в языке работают понятия «унижения» и «оскорбления». В китайской культуре унижение — это удар по статусу, по внешней структуре, в русской — это уже личное, на уровне достоинства. Эти наблюдения подтверждают: для китайского языка важнее норма и порядок, для русского — чувство и глубина.

У Немкиной Н.И. [14] внимание сосредоточено на китайском фольклоре как источнике представлений о норме. Через истории, образы духов и наказания в сказках формируется система: если ты нарушаешь правила — приходит стыд. Он здесь как инструмент воспитания, а не просто эмоция.

Мусханова И.В. [15] пишет о концепте «честь» и показывает, как он связан со стыдом. Честь — это то, что держит личность в центре культуры, а стыд — это знак, что ты от неё отклонился. Особенно в китайской традиции: потеря лица — это одновременно и потеря чести, и источник стыда. Это помогает точнее прочесть смысл фразеологизмов, где стыд — реакция на потерю ценностей.

Классификация фразеологических единиц для анализа концепта «стыд»

В настоящем исследовании, посвящённом концепту «стыд», предлагается рабочая классификация, опирающаяся на функциональные и частотные признаки. В её основе лежит деление фразеологических единиц на четыре основные группы:

1. 成语 (chéngyǔ) – идиомы,
2. 俗谚 (súyàn) – собирательная категория, объединяющая пословицы и поговорки,
3. 惯用语 (guànyòngyǔ) – привычные выражения разговорного стиля,
4. 歇后语 (xiēhòuyǔ) – иносказательные недоговорки.

В ходе исследования было выявлено 41 фразеологическая единица китайского языка, отражающая различные аспекты концепта «стыд» (羞耻 xiūchǐ). Эти выражения распределены по четырём основным категориям, согласно предложенной классификации.

Идиомы (成语 chéngyǔ) представляют, например, состояние застенчивости:

面红耳赤- «стеснительный и неестественный вид», 半羞半喜- «в душе – полузастенчивость, полурадость».

Для выражения глубокого стыда или позора используются такие устойчивые формулы, как 无地自容- «не находить себе места от стыда»; 奇耻大辱 – «величайший позор и оскорбление».

Интересен пример выражения притворной застенчивости: 佯羞诈愧- «притворяться стыдливым, чтобы ввести в заблуждение».

В категории поговорок и пословиц (俗谚 *súyàn*) можно выделить следующие: 打了和尚满寺羞 – «ударили монаха – стыдно всему монастырю» (стыд как коллективное переживание); 却之不恭, 受之有愧 – «отказаться – невежливо, принять – стыдно» (стыд как этическая дилемма).

Среди привычных выражений (惯用语 *guànyòngyǔ*) обращают на себя внимание следующие примеры: 阿堵物 – «стыдно говорить о деньгах» (отражает табуированность темы в китайской культуре); 遮羞布 – «полоса ткани, скрывающая позор» (метафора попытки прикрыть неловкость или ошибку).

Наконец, в недоговорках-иносказаниях (歇后语 *xiēhòuyǔ*) концепт стыда передаётся через яркие и образные формулы: 荷叶做雨伞 – 难遮羞 – «зонтик из листа лотоса – плохо скрывает смущение»; 光屁股抬棺材 – 羞死人 – «нести гроб с голым задом – стыдно до смерти».

В ходе проведенного нами исследования было обнаружено 32 китайских фразеологических единицы, отражающих концепт «бесстыдства» (无耻 *wúchǐ*). Эти выражения распределены по четырём основным категориям, согласно предложенной классификации.

Идиомы (成语 *chéngyǔ*) фиксируют проявления бесстыдства, например: 面无愧色 – «нет стыда на лице»; 恬不知耻 – «бесстыдный».

Интересны примеры с использованием животных для описания такого поведения: 蝇营狗苟 – «как мухи и собаки — негодяй»; 行同狗彘 – «вести себя как собака или свинья».

В поговорках и пословицах (俗谚 *súyàn*) подчёркивается ценность стыда в моральном контексте: 宁可无钱, 不可无耻 – «Лучше быть без денег, чем без стыда».

Привычные выражения (惯用语 *guànyòngyǔ*) включают яркие описания бесстыдства: 丑表功 – «беззастенчиво хвастаться своими достижениями».

Недоговорки-иносказания (歇后语 *xiēhòuyǔ*) передают концепт через гиперболы и сатиру: 猪八戒戴红花 – «Чжу Бацзе носит красный цветок — не знать стыда» (Чжу Бацзе – один из главных героев китайского классического романа «Путешествие на Запад», странное на вид существо: наполовину человек, наполовину свинья. В китайской традиции красный цветок — символ красоты, молодости и женственности. Его носят в волосах красивые девушки или невесты. Когда уродливый и грубый Чжу Бацзе надевает такой цветок, это создаёт контраст настолько нелепый, что становится символом бесстыдства и отсутствия самокритики.); 当婊子竖牌坊 – «Быть шлюхой и ставить стелу целомудрия — о людях без стыда».

В ходе исследования было выявлено 14 китайских фразеологических единиц, отражающих физиологические и эмоциональные аспекты концепта «стыд» (羞耻 *xiūchǐ*). Данные выражения систематизированы по основным категориям китайской фразеологии.

В идиомах (成语 *chéngyǔ*) концепт стыда выражается через физиологические реакции организма: 面红耳赤 – «покраснеть до ушей» и 赧颜汗下 – «покраснеть и покрыться потом от стыда».

Поговорки и пословицы (俗谚 *súyàn*) раскрывают социально-этическое измерение стыда: 好问不需脸红, 无知才应羞愧 – «не стыдно спрашивать, стыдно не знать».

Особый интерес представляют недоговорки-иносказания (歇后语 *xiēhòuyǔ*), где стыд

передаётся через культурные образы: 画上的关公 — 脸红耳赤 – «Гуань Юй на картине — красное лицо и красные уши».

Проведённый анализ свидетельствует о глубокой интеграции концепта стыда в китайскую языковую картину мира. Физиологические маркеры (покраснение кожи, потливость) служат не только описанием эмоционального состояния, но и важными культурными кодами, связывающими телесные реакции с морально-нравственными нормами. Такая взаимосвязь подчёркивает целостность эмоционального, физиологического и этического аспектов в китайской культурной традиции.

Китайские фразеологии не только служат источником мудрости и опыта, но и являются способом передачи ценностей и принципов, которые сформировали основу китайской культуры. Стыд отражает некоторые нравственные и культурные ценности в китайском языке. В ходе исследования было выявлено 18 таких выражений, систематизированных по основным категориям китайской фразеологии.

Среди готовых выражений (成语 **chéngyǔ**) можно выделить 知羞识廉 – «знать стыд и позор, иметь воспитанность» и 不耻下问 – «не стесняться задавать вопросы».

В поговорках-пословицах (俗谚 **súyàn**) наиболее показательна фраза 羞恶之心, 人皆有之 – «Чувство стыда и отвращения за плохие поступки присуще всем» и 谨则无忧, 忍则无辱 – «Благоразумие избавляет от тревог, а терпение — от унижений».

В привычных выражениях (惯用语 **guànyòngyǔ**) стыд не выражается напрямую, но в **иносказательных недоговорках** (歇后语 **xiēhòuyǔ**) существует пример: 孔子拜师 — 不耻下问 – «Конфуций поклоняется своему учителю — не стыдиться задавать вопросы»), что подчеркивает важность обучения и открытого поиска знаний.

В китайском языке существует несколько фразеологизмов, которые связываются со стыдом и выражают определенные нравственные ценности. Одна из таких фраз - «лицо» (面子 **miàn zi**), относящееся к лицу человека. Это понятие имеет глубокие корни в китайской культуре и обозначает сохранение лица и достоинства в общественных и межличностных отношениях. Потеря или «предание» лица воспринимается как выражение стыда и может оказывать сильное влияние на отношения между людьми. Сохранение лица не только для себя, но и для других также является частью китайской культуры и ценностей.

Во время проведенного нами исследования, нами было обнаружено 45 китайских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «羞耻».

В китайских **готовых выражениях** (成语 **chéngyǔ**) понятие «лицо» используется как для описания высокого статуса, например, в выражении 有头有脸 – «иметь голову и лицо», то есть занимать важное положение в обществе, так и для обозначения бесстыдного поведения, как, например, в 厚颜无耻 – «толстокожий и бесстыдный».

Поговорки-пословицы (俗谚 **súyàn**) также подчеркивают значение лица и связанных с ним ценностей. Например, выражение 死要面子活受罪 – «предпочитать страдать ради сохранения лица» иллюстрирует готовность человека терпеть трудности ради репутации. Кроме того, пословица 人要脸, 树要皮 – «у человека должно быть лицо, как у дерева — кора» отражает важность сохранения чести и достоинства.

В **привычных выражениях** (惯用语 **guànyòngyǔ**) понятие «лица» часто используется как символ стыда или бесстыдства. Например, фраза 往脸上抹黑 – «очернить лицо» означает осрамить себя или позорить другого, тогда как 刮脸皮 – «сдирать кожу с лица»

переносно описывает унижение человека.

Наконец, в **недоговорках-иносказаниях** (歇后语 **xiēhòuyǔ**) часто используются метафоры для описания толщины лица, как в выражении 脸皮像城墙 – «лицо как стена», которое указывает на бесстыдство и наглость. Для выражения сохранения лица используются такие примеры, как 空肚打饱嗝 – «пустой желудок, но рыгать», что метафорически описывает попытку сохранить престиж даже в бедственном положении.

Количественный и категориальный анализ

Поскольку в настоящем исследовании китайские фразеологизмы, отражающие концепт «стыд», были классифицированы по четырём основным типам, представляется возможным сравнить частотность каждого типа. Распределение фразеологических единиц по категориям наглядно демонстрирует, какие формы устойчивых выражений наиболее активно участвуют в репрезентации стыда в китайской лингвокультуре.

Таблица 1.

Распределение фразеологических единиц по типам

Тип ФЕ	Количество ФЕ	Доля (%)
готовые выражения 成语	68	46%
поговорка-пословица 俗谚	23	15%
привычные выражения 惯用语	20	13%
недоговорки-иносказания 歇后语	39	26%
итог	150	100%

На основе анализа 150 китайских фразеологических единиц, репрезентирующих различные аспекты концепта «стыд» (羞耻), была проведена их семантическая классификация. Все выражения были распределены по пяти основным семантическим категориям: собственно стыд, бесстыдство, моральные ценности, физиологические проявления и категория «лицо» (面子). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Семантическая классификация фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «стыд» в китайском языке

Семантическая категория	Количество ФЕ	Доля от общего числа (%)
Стыд (стыдливость, смущение)	41	28%
Бесстыдство	32	21%
Моральные ценности	14	9%
Физиологические проявления	18	12%
«Лицо» как культурная категория	45	30%

Итого	150	100%

Таким образом, количественные данные отражают многоаспектную семантическую структуру концепта «стыд» в китайской фразеологии и подтверждают его тесную связь с социальными нормами, телесным опытом и моральной оценкой.

Основные выводы исследования:

1. Результаты анализа показали, что наибольшее количество фразеологических выражений, репрезентирующих концепт «стыд» в китайском языке, относится к категории идиом (成语) – они составляют 46% от общего корпуса данных. На втором месте по частотности – иносказательные недоговорки (歇后语) (26%), за ними следуют поговорки и пословицы (俗谚) (15%) и привычные выражения (惯用语) (13%). Это распределение свидетельствует о доминирующей роли идиоматических конструкций в передаче эмоциональных и культурно значимых понятий в китайской лексике.

2. Фразеологизмы, связанные с эмоцией стыда (羞耻), отражают разнообразные семантические аспекты, включая застенчивость, унижение, притворную скромность и смущение. Частотным приёмом образной репрезентации стыда являются описания телесных проявлений эмоции – покраснение лица, испарина, желание скрыться – что подчёркивает тесную связь между физиологическим и эмоциональным компонентами концепта в китайской языковой картине мира.

3. Исследование показало, что концепт стыда в китайской культуре неотделим от понятия «лица» (面子) – социальной репутации и внешнего самоуважения. Потеря лица часто интерпретируется как эквивалент сильного стыда, тогда как сохранение лица – как выражение достоинства. Это подтверждается тем, что около 30% проанализированных фразеологических единиц содержат прямые или косвенные отсылки к данному понятию.

4. Наряду с выражениями, отражающими переживание стыда, в материале выявлен значительный пласт фразеологизмов, описывающих его антипод – бесстыдство. Такие выражения составляют 21% от общего числа примеров и демонстрируют отрицательную моральную оценку, связанную с отсутствием стыда, наглостью, нарушением социальных норм. Это подчёркивает роль стыда как социального регулятора поведения в китайской лингвокультуре.

5. Многие фразеологизмы, репрезентирующие концепт стыда, имеют глубокие корни в китайской культуре: они восходят к классическим литературным источникам, мифам, историческим анекдотам и фольклорным сюжетам. Это свидетельствует об исторической устойчивости и культурной значимости данного концепта, а также о роли фразеологии в сохранении и передаче нравственных установок китайского общества.

Исследование показало, что концепт «стыд» в китайском языке не только отражает эмоциональное состояние, но и служит важным инструментом передачи морально-нравственных ценностей и культурных норм. Фразеологический фонд китайского языка является богатым источником для изучения этого концепта, позволяя глубже понять, как стыд влияет на поведение, социальные взаимодействия и культурную идентичность китайского общества.

Библиография

1. 苏新春主编. 现代汉语分类词典. 北京: 商务印书馆, 2013. С. 827. (Классифицированный словарь современного китайского языка / ред. Су Синьчунь. Пекин: Коммерческое издательство, 2013. С. 827)

2. 温端政等主编. 中国谚语大全[M]. 上海: 上海辞书出版社, 2004. С. 2386. (Полное собрание китайских пословиц / ред. Вэнь Дуаньчжэн и др. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2004. С. 2386)
3. 温端政主编. 中国俗语大辞典[M]. 上海: 上海辞书出版社, 2011. С. 1137. (Большой словарь китайских поговорок / ред. Вэнь Дуаньчжэн. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2011. С. 1137)
4. 辞海编辑委员会. 辞海[K]. 上海: 上海辞书出版社, 1979. С. 4915. (Цыхай / ред. коллегия "Цыхай". Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 1979. С. 4915)
5. 徐国庆. 现代汉语词汇系统论. 北京: 北京大学出版社, 1999. С. 306. (Теория лексической системы современного китайского языка / Сюй Гоцин. Пекин: Пекинский университет, 1999. С. 306)
6. 胡裕树. 现代汉语[M]. 上海: 上海教育出版社, 1981. С. 574. (Современный китайский язык / Ху Юшю. Шанхай: Шанхайское издательство образования, 1981. С. 574)
7. 马国凡. 谚语·歇后语·惯用语[M]. 沈阳: 辽宁人民出版社, 1961. С. 218. (Пословицы, недоговорки, привычные выражения / Ма Гофань. Шэньян: Народное издательство Ляонина, 1961. С. 218)
8. 符淮青. 现代汉语词汇[M]. 北京大学出版社, 1985. С. 194-211. (Лексика современного китайского языка / Фу Хуайцин. Пекинский университет, 1985. С. 194-211)
9. 武占坤, 王勤. 现代汉语词汇概要[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2009. С. 487. (Обзор лексики современного китайского языка / У Чжанькунь, Ван Цинь. Пекин: Издательство по преподаванию и изучению иностранных языков, 2009. С. 487)
10. И. Хуан, Я.А. ВОЛКОВА. Лексикографический анализ номинантов концепта "стыд" в китайском и русском языках. Russian linguistic Bulletin. 2023; 9(45): 23. DOI: 10.18454/RULB.2023.45.10. EDN: KBQGM D
11. Толстова М. А., Цуй Хуэйин. Реализация концепта "Стыд" в речевом жанре интернет-откровения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2024. № 509.
12. Хуан И. Метафорика стыда в китайском и русском языках // Litera. 2024. № 4. С. 397-407. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70486 EDN: NVALIE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70486
13. Дун Лихун. Структура ассоциативного поля концептов "унижение" и "оскорбление" в китайской и русской лингвокультурах // МНКО. 2024. № 3 (106).
14. Немкина Н.И. Мультиmodalность образов китайского фольклора // Litera. 2024. № 6. С. 68-78. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70957 EDN: HWLLJK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70957
15. Мусханова И. В. Лингвопедагогический аспект концепта "честь" в парадигме духовно-нравственного воспитания личности // Kant. 2024. № 2 (51).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Репрезентация концепта "стыд" во фразеологическом фонде китайского языка».

Предмет исследования – национально-культурная специфика концепта «стыд» во фразеологической системе китайского языка.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что языковая картина мира направлена в первую очередь на отображение ценностных концептов, отмеченных лингвокультурной

спецификой и характеризующих носителей определенной лингвокультуры. Концепт «стыд» принадлежит к числу основных концептов китайской культуры, определяющих специфику китайского языкового сознания, отражающих национальное мировосприятие и обладающих ценностным для китайской лингвокультурной общности содержанием.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к исследованию концепта «стыд» в китайской фразеологии: концепт подвергается детальному анализу в китайской языковой и культурной картинах мира, осуществлен анализ 150 фразеологических единиц, отобранных по критериям частотности употребления, семантической релевантности и категориальной репрезентативности.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура работы прослеживается, хотя автором не выделены основные смысловые части: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, сформулирована цель исследования, обозначена научная новизна исследования, дана характеристика эмпирического материала); основная часть (дан обзор теоретической базы исследования; представлены различные типологии китайских фразеологизмов; рассмотрены основные интерпретации концепта «стыд» во фразеологии китайского языка, материал сгруппирован согласно классификации, опирающаяся на функциональные и частотные признаки; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами; отмечена многоаспектная семантическая структура концепта «стыд» в китайской фразеологии и его тесную связь с социальными нормами, телесным опытом и моральной оценкой); заключение (автор делает общие выводы; отмечено, что концепт «стыд» в китайском языке не только отражает эмоциональное состояние, но и служит важным инструментом передачи морально-нравственных ценностей и культурных норм); библиография (включает 9 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием феномена языковой картины мира и изучением культуры китайского народа. Исследование имеет практическое значение для эффективной коммуникации на межнациональном уровне, проведенный анализ даёт актуальное представление об особенностях концептуализации окружающей действительности китайским народом через призму концепта «стыд», это помогает лучше понимать менталитет носителей культуры и учитывать его в процессе межкультурного общения.

Рекомендации автору:

1. Для лучшего восприятия статьи было уместно ввести подзаголовки разных уровней.
1. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников является недостаточным.
2. Следуют упорядочить использование кавычек в тексте статьи и библиографий ("лицо", концепта «стыд»; Издательство "Преподавание и исследование иностранных языков"), необходимо также проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.
3. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматриваются особенности репрезентации концепта "стыд" во фразеологическом фонде китайского языка. Актуальность работы не вызывает сомнения: с одной стороны, когнитивное направление считается одним из наиболее перспективных и важных в современной лингвистике в целом, а лингвистическая концептология является неотъемлемой и существенной частью этого направления, с другой стороны, менталитет, культура, история народа отражаются в его языке и особенно ярко представлены во фразеологических единицах, выполняющих функцию сохранения и наследования житейской мудрости и опыта через поколения; они емко и образно передают традиционные ценности и взгляды отдельной национальной группы или народа, особенности взаимоотношений их носителей и, следовательно, вызывают научный интерес ученых. Выбор концепта "стыд" в качестве предмета исследования аргументируется тем, что данный концепт «занимает важное место в системе эмоциональных и нравственных представлений любой культуры, включая китайскую»; «в китайском обществе стыд воспринимается не только как внутреннее переживание, но и как социально значимая эмоция, тесно связанная с такими культурными категориями, как сохранение «лица», соблюдение моральных норм и общественных ожиданий».

Теоретической основой исследования послужили труды, посвященные изучению лексической системы современного китайского языка; мультимодальности образов китайского фольклора; лексикографическому анализу номинантов концепта "стыд" и метафорике стыда в китайском и русском языках; реализации концепта "стыд" в речевом жанре интернет-откровения и др. Библиография насчитывает 15 источников, в том числе лексикографические, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако, по мнению рецензента, автору(ам) следовало бы обратиться и к трудам таких авторитетных российских лингвистов в области концептологии, как В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, З. Д. Попова и И. А. Стернин. Данное замечание носит рекомендательный характер.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию; количественный и качественный анализы; сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический методы; семантический и культурологический анализы и др. Материалом исследования послужили фразеологические единицы, собранные из лексикографических источников, включая Классифицированный словарь современного китайского языка, Полное собрание китайских пословиц и Большой словарь китайских поговорок. Всего проанализировано 150 фразеологических единиц, отобранных по критериям частотности употребления, семантической релевантности и категориальной репрезентативности.

В ходе исследования рассмотрены теоретические подходы к определению фразеологизмов в китайской лингвистике; предложена рабочая классификация, опирающаяся на функциональные и частотные признаки, в основе которой лежит деление фразеологических единиц на четыре основные группы (идиомы; собирательная категория, объединяющая пословицы и поговорки; привычные выражения разговорного стиля; иносказательные недоговорки); проведен их количественный и категориальный анализ («количественные данные отражают многоаспектную семантическую структуру концепта «стыд» в китайской фразеологии и подтверждают его тесную связь с социальными нормами, телесным опытом и моральной оценкой»). В заключении сформулированы основные выводы. Все выводы соответствуют поставленным задачам,

сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы связаны с ее вкладом в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; сравнительно-сопоставительное изучение национальных концептосфер. Полученные результаты создают основу для дальнейших сопоставительных исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли К. Диглоссия как форма языковой организации в провинции Шаньси в свете теории Чарльза Фергюсона //

Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.75006 EDN: APAWFP URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75006

Диглоссия как форма языковой организации в провинции Шаньси в свете теории Чарльза Фергюсона

Ли Кэжу

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 9

✉ likara379@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.6.75006

EDN:

APAWFP

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является феномен диглоссии как форма социолингвистической организации языкового пространства в провинции Шаньси — одном из ключевых регионов Северного Китая, обладающем устойчивой и исторически сложившейся диалектной традицией. Объектом исследования выступает соотношение между нормативным китайским языком — путунхуа — и локальными вариантами цзиньский диалект (晋语), функционирующими в повседневном, семейном и частично культурно-религиозном дискурсе. Автор рассматривает, как диглоссия проявляется в структуре языковых практик, насколько она соответствует теоретической модели Чарльза Фергюсона и какие трансформационные процессы происходят в результате урбанизации, миграции, государственной языковой политики и модернизации коммуникационной среды. Особое внимание уделяется динамике межпоколенческого языкового поведения, культурной преемственности и региональной языковой идентичности в условиях доминирования государственного стандарта. Исследование основано на социолингвистическом анализе, включающем описательный метод, метод

сравнительной интерпретации, а также полустандартизированные интервью, проведённые среди носителей языка в Шаньси. Научная новизна работы заключается в региональном применении модели диглоссии Фергюсона к китайскому языковому материалу на примере Шаньси — провинции, которая ранее оставалась вне поля социолингвистического анализа в этом контексте. В статье впервые предложено системное описание функционального распределения кодов (H/L) на основе эмпирических данных, включая интервью, лексико-грамматический анализ речевых примеров и наблюдение за ситуациями реального общения. Автор показывает, что диглоссия сохраняется как коммуникативная норма, но проявляет тенденции к эрозии границ: у молодёжи фиксируются случаи частичного отказа от диалекта, появления код-смешения и перехода к билингвальной модели. В результате делается вывод о том, что классическая модель требует адаптации к китайским реалиям, в частности, за счёт учёта влияния образовательной политики, цифровой среды и локальной идентичности. Работа вносит значимый вклад в изучение взаимодействия между официальными и региональными формами языка в условиях культурной иерархии и политики стандартизации.

Ключевые слова:

диглоссия, Шаньси, путунхуа, цзиньский диалект, социолингвистика, межпоколенческие различия, языковая политика, китайские диалекты, функциональное распределение, модель Фергюсона

Введение

Современная социолингвистика уделяет особое внимание таким формам языкового существования, которые отражают сложные взаимоотношения между различными уровнями языка в одном социуме. Одним из ключевых понятий в этой области выступает диглоссия — особая форма функционального распределения языковых или речевых форм, при которой один язык или его вариант используется в высокостатусных сферах (официальное общение, образование, СМИ), а другой — в повседневной бытовой коммуникации. Теория диглоссии, предложенная Чарльзом Фергюсоном в середине XX века [1], стала основой для многочисленных исследований языковых ситуаций в разных странах и регионах. Исследование языковой ситуации в провинции Шаньси невозможно без учёта существующих работ, посвящённых как общим проблемам многоязычия в Китае, так и частным проявлениям региональной диглоссии. Работа Ли Чжанфана и Чжан Сяовэй предлагает концептуальные рамки анализа многоязычия в современном Китае, подчеркивая роль иерархии языков и важность учёта региональных языковых политик [2]. На уровне лексико-грамматического анализа особенности шаньсийских говоров раскрываются в статье, посвящённой системе полярных интенсификаторов, активно функционирующих в устной речи и отличающихся от общеупотребительных форм путунхуа [3]. Кроме того, значительное внимание уделяется явлению инверсии корнесоставляющих в сложных словах: обратные пары, широко распространённые в шаньсийской речи, подтверждают автономное развитие региональных языковых норм [4]. Особенно важен социолингвистический вклад работы Ли Яньлуна, в которой подчёркивается конфликт между продвижением путунхуа и вытеснением местных диалектов, таких как уездный говор Утайшань. Исследование раскрывает культурную и идентичностную значимость диалекта и подчёркивает риски его утраты вследствие

урбанизации и государственной языковой политики [\[5\]](#). Однако, несмотря на широкое распространение этого подхода, многие локальные проявления диглоссии, особенно в контексте Китая, остаются недостаточно изученными.

Китай, обладающий уникальной языковой структурой, представляет собой особенно интересный объект для исследования диглоссии. Здесь функционирует официальный стандартный китайский язык — путунхуа, который активно используется в государственном и образовательном дискурсе, и одновременно сосуществует множество региональных диалектов, обладающих высоким уровнем живой речевой активности. Провинция Шаньси, расположенная в северной части Китая, демонстрирует особенно яркую форму этой языковой двойственности, где местные говоры не только сохраняются в быту, но и формируют собственные модели языкового поведения, отличающиеся от официального стандарта.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить специфику проявления диглоссии в провинции Шаньси, рассматривая её сквозь призму теоретической модели Чарльза Фергюсона. Объектом исследования выступает языковая ситуация в провинции Шаньси как социолингвистический феномен. Предметом — функциональное распределение между путунхуа и местными диалектами в рамках выявленной диглоссной структуры.

Для достижения поставленных целей в работе применяются методы социолингвистического наблюдения, описательного анализа языковых реалий, полустандартизированных интервью и сравнительной интерпретации. Эмпирическая база исследования включает интервью с 60 респондентами, проживающими в различных районах провинции Шаньси. Участники варьировались по возрасту (от 18 до 70 лет), уровню образования и месту проживания (городская и сельская местность), что позволило охватить широкий спектр языковых практик и социальных позиций. Выбор респондентов был основан на принципе репрезентативности: в выборку целенаправленно включались как представители молодого поколения, активно использующие путунхуа, так и пожилые носители местных диалектов, сохраняющие традиционные речевые формы. Такой подход позволил выявить структурные и поколенческие особенности функционирования диглоссии, а также сопоставить полученные данные с универсальной моделью Чарльза Фергюсона.

Научная новизна исследования заключается в адаптации и применении классической модели диглоссии Ч. Фергюсона к специфическим условиям языкового функционирования в северокитайском регионе, а также в выявлении локальных особенностей, которые позволяют по-новому взглянуть на динамику сосуществования стандартного языка и региональных говоров в условиях современной языковой политики. Работа также вносит вклад в развитие межкультурной социолингвистики, расширяя представления о типологии диглоссных систем за пределами традиционно исследуемых арабоязычных и романоязычных регионов.

Теоретические основания понятия диглоссии

Понятие диглоссии впервые было системно обосновано американским лингвистом Чарльзом Фергюсоном в его классической статье 1959 года. Согласно его определению, диглоссия — это устойчивая языковая ситуация, при которой два варианта одного языка или два родственных языка функционируют параллельно, выполняя разные социальные и функциональные роли [\[6\]](#). Высокий (H) и низкий (L) коды чётко разграничены по сферам применения: H используется в формальных, институциональных и письменных

контекстах, в то время как L — в повседневной устной коммуникации [7].

Фергюсон подчёркивал, что диглоссная ситуация характеризуется не только функциональным, но и ценностным разграничением: H-код наделяется большим престижем, ассоциируется с образованностью и культурным капиталом, тогда как L-код воспринимается как «простой», «народный», но при этом остаётся родным для большинства носителей [8]. Важно отметить, что диглоссия, по Фергюсону, не является промежуточным состоянием между моноязычием и билингвизмом, а представляет собой самостоятельный тип языковой организации общества.

Ключевыми признаками классической диглоссии выступают: наличие двух чётко разграниченных языковых кодов; различия в уровне престижности, письменности, формальности и институционального статуса; стабильность и воспроизводимость функционального распределения между H- и L-кодами [9]. Например, H-вариант применяется в религиозной, образовательной и официальной сфере, тогда как L — в домашнем общении, на рынке, в устных рассказах. При этом носители языка осознают это различие и воспринимают его как социальную норму.

С течением времени теория диглоссии была подвергнута переосмыслению. Современные социолингвистические исследования вводят концепции «расширенной диглоссии», асимметричного билингвизма и даже триглоссии, где может существовать более двух кодов [10]. Например, в многоязычных обществах может происходить конкуренция между несколькими H-кодами, как это наблюдается в Гонконге, где кантонский диалект функционирует как L, а путунхуа и английский — как альтернативные H-коды [11].

Особенности социолингвистических реалий Китая требуют пересмотра универсальности модели Фергюсона. Хотя формальное противопоставление путунхуа и региональных диалектов напоминает диглоссную структуру, в действительности переход между кодами зачастую гибок, а языковые нормы — нестабильны. Так, в ряде регионов, включая Шаньси, наблюдаются случаи включения диалектных форм в полупубличное общение, а также стилистическая переоценка региональных говоров в контексте локальной идентичности.

Современные исследования уделяют значительное внимание влиянию языковой политики, медиа и глобализации на стабильность диглоссных систем. В условиях урбанизации и модернизации наблюдается давление на L-код, выражающееся в его стигматизации, сокращении сфер употребления и межпоколенческом разрыве в передаче языка [12]. Тем не менее, в ряде случаев можно говорить не о вытеснении, а о трансформации диглоссии — изменении границ между кодами, стилистической переоценке L-варианта и возникновении новых гибридных форм.

На примере Китая становится очевидно, что диглоссия может принимать уникальные формы, отличающиеся от классической модели. Работы китайских и российских исследователей демонстрируют, что, несмотря на активную политику продвижения путунхуа, местные диалекты — включая шаньсийские — сохраняют свою значимость и выполняют важную социокультурную функцию. Более того, в некоторых районах Шаньси (например, Утайшань) диалект продолжает служить маркером локальной идентичности и активно используется в семейной, коммуникативной и даже ритуальной практике.

Таким образом, теоретическая модель диглоссии, заложенная Фергюсоном, остаётся актуальной для анализа региональных языковых ситуаций, однако требует гибкого применения и социокультурной адаптации при рассмотрении нетипичных языковых

реалий. Это особенно важно для исследования языковой ситуации в провинции Шаньси, где функциональное распределение между путунхуа и местными диалектами формируется под воздействием как централизованной языковой политики, так и локальных традиций и практик языкового поведения.

Языковая ситуация в провинции Шаньси

Провинция Шаньси, расположенная в северо-западной части Китая, отличается высокой степенью культурной и языковой устойчивости, обусловленной историческим развитием, географической изоляцией от прибрежных мегаполисов и сравнительно медленной урбанизацией. Эти факторы сформировали особую лингвистическую конфигурацию региона, где доминируют различные варианты цзиньский диалект (晋话), обладающие значительной внутренней диалектной вариативностью.

Социолингвистический анализ указывает на то, что в отличие от провинций Восточного Китая, где наблюдается почти полная языковая унификация, в Шаньси сохраняется устойчивая структура функционального двуязычия. Например, в уезде Утайшань диалект активно используется в бытовом, неформальном и культурном общении, в то время как путунхуа доминирует в административной, образовательной и официальной среде. Эта структура типологически соответствует классической диглоссии по Фергюсону, где «высокий» (H) код — путунхуа, и «низкий» (L) код — местный диалект — выполняют различные, но параллельные функции.

Историко-социальная специфика региона также отражается в оценочных суждениях носителей языка. Диалект рассматривается как носитель «подлинной» локальной идентичности (běndì huà), в то время как путунхуа ассоциируется с карьерными возможностями и «официальным статусом». Подобная установка подтверждается в интервью с местными жителями, один из которых заметил: «说普通话像是上班; 说咱的话, 才像是回家» — «Говорить на путунхуа — значит работать, говорить на нашем — значит быть дома». Такая стратегия языкового выбора иллюстрирует осознанную диглоссическую модель.

Политика распространения путунхуа в Китае, активно проводимая с 1950-х годов, в Шаньси достигла значительных результатов. Согласно данным полустандартизированных интервью, проведённых среди учащихся, педагогов и госслужащих в городах Тайюань, Лулиан и уездных центрах, путунхуа стал основным языком общения в школах, на рабочих местах и в электронных медиа. В частности, 81% респондентов указали, что в общественных местах, включая магазины, больницы и школы, они используют только путунхуа.

Тем не менее, анализ речевой практики показывает, что даже при высоком уровне владения путунхуа сохраняется частотное использование местных форм в домашнем и эмоционально значимом общении. В речи школьников и студентов часто фиксируются случаи языкового смешения (code-mixing), особенно в фонетике и лексике. Так, выражение «忒热了» (tèi rè le — "очень жарко"), в котором слово «忒» характерно для шаньсийского диалекта, является примером живого взаимодействия между кодами.

Для уточнения характера повседневной языковой практики были проведены полустандартизированные интервью (n = 60), результаты которых представлены ниже:

Таблица 1. Результаты социолингвистического интервью в провинции Шаньси (n = 60)

	Предпочитают	Предпочитают

вопрос	путунхуа (%)	местный диалект (%)
Какой язык вы чаще используете в повседневной жизни?	55%	45%
Считаете ли вы, что путунхуа звучит «более престижно»?	68%	32%
Используете ли вы диалект в общении с родителями или детьми?	22%	78%
Какой язык вы предпочитаете использовать в общественных местах?	81%	19%
Беспокоит ли вас возможное исчезновение местного диалекта в будущем?	33%	67%

Источник: составлено автором

Как видно из таблицы 1, хотя путунхуа преобладает в публичной сфере, местные диалекты сохраняются как язык повседневного и эмоционального общения, особенно в семейной среде. Интересно отметить, что лишь треть опрошенных осознанно воспринимает исчезновение диалекта как угрозу, что свидетельствует о латентной нормализации вытеснения.

Местные диалекты в Шаньси продолжают выполнять важнейшие коммуникативные и культурные функции. Они используются в неформальных разговорах, в локальном фольклоре, традиционных песнях и в провинциальных формах театра (晋剧). Также они играют значимую роль в формировании локальной идентичности, особенно среди старшего поколения.

На основании интервью можно заключить, что носители диалектов делают осознанный выбор языкового кода в зависимости от ситуации, жанра общения и цели высказывания. К примеру, в семейных торжествах, фольклорных постановках и в устных рассказах используется преимущественно диалект. Один из информантов отметил: «В песнях на диалекте есть душа. На путунхуа — только техника».

Тем не менее, анализ полученных данных также выявляет тревожную тенденцию: у молодёжи наблюдается сниженная компетентность в диалекте. В школах преподавание ограничено только путунхуа, а диалекты стигматизируются как «устаревшие». Это свидетельствует о потенциальной эрозии местной языковой традиции и требует активных усилий со стороны как исследовательского сообщества, так и региональной культурной политики.

Анализ диглоссии в Шаньси в рамках модели Фергюсона

Классическая модель диглоссии Чарльза Фергюсона (1959) предполагает чёткое разграничение между высоким (H) и низким (L) языковыми кодами по функциональным, социальным и престижным критериям. В языковой ситуации провинции Шаньси путунхуа выполняет роль H-кода, используемого в формальных сферах — образовании, официальной коммуникации, делопроизводстве, средствах массовой информации. Местные диалекты цзиньский диалект 晋语 (тайюаньский, люйлянский, утайшаньский и др.) функционируют как L-код, служащий для устного бытового общения, эмоциональной и идентификационной коммуникации, а также в локальных культурных практиках.

Функциональное разграничение прослеживается в реальных речевых практиках. Так, учащиеся сообщают: «我们写作业都用普通话, 老师也要求这样» ("Мы выполняем домашние

задания на путунхуа, учитель этого требует") — пример Н-кода. Однако в домашней сфере используется 晋语: «今儿个咱家饭做早了点儿» ("Сегодня мы дома пораньше приготовили еду") — структура, характерная для шаньсийского диалекта (лексема "今儿个", частица "咱", аффиксация "点儿").

Респондентка из уезда 五台在 интервью заявила: «在外边说五台话, 人家听不懂。可是在庙里, 和尚还用咱这话念经呢» — иллюстрация того, как 晋语 сохраняет свои позиции в культовых практиках. Это подтверждает тезис о том, что L-код сохраняется в особых социальных нишах — например, в локальной религиозной культуре.

В образовательной сфере путунхуа полностью доминирует. Все школьные предметы, административные распоряжения и формы контроля (домашние задания, экзамены) реализуются исключительно на стандартном китайском языке. Учителя используют путунхуа в официальном и даже межличностном общении с учениками, подчеркивая нормативный статус Н-кода.

В средствах массовой информации (телевидение, газеты, официальные интернет-платформы) также используется только путунхуа. Однако в сфере цифровых медиа, особенно в соцсетях (Douyin, Kuaishou), молодые авторы активно используют диалектные формы как элемент региональной самоидентификации. Пример видеозаписи в TikTok с заголовком: «咱太原人不怕冷, 早上照样吃凉粉!» ("Мы, тайюаньцы, не боимся холода, с утра всё равно едим холодную лапшу!") демонстрирует игровое кодовое смешение и демонстративное использование L-кода в неофициальной публичной среде.

Семья остаётся основной сферой применения цзиньский диалект (晋语). В интервью 78% респондентов сообщили, что с родителями и бабушками/дедушками продолжают говорить на диалекте. Например, фраза: «你哩屋头人哩事咱也不晓得» ("Про дела в твоём доме я и не ведаю") иллюстрирует использование притяжательной частицы 哩 и специфической лексики "晓得", характерной для цзиньский диалект (晋语).

В административной сфере, напротив, путунхуа занимает монопольное положение. Все документы, обращения в органы власти, судебные и медицинские процедуры ведутся исключительно на стандартном китайском языке. Таким образом, как и в классической диглоссии, наблюдается поляризация кодов по сферам их использования.

Несмотря на соответствие модели Фергюсона по многим параметрам, ситуация в Шаньси демонстрирует ряд значительных отклонений. Наиболее заметное из них — межпоколенческое различие в языковом поведении. Молодёжь всё чаще демонстрирует пассивное знание цзиньский диалект (晋语) и преимущественно использует путунхуа. Например, респондент 18 лет отмечает: «我听得懂咱家的方言, 但不会说» — "Я понимаю наш диалект, но говорить не умею" — что свидетельствует об угрозе языкового сдвига.

Урбанизация также влияет на сокращение сфер L-кода. В городах (Тайюань, Датун) обостряется социальное давление на носителей диалектов, особенно среди мигрантов. Один из респондентов рассказал: «刚到太原, 我都不敢说家乡话, 怕被笑» — "Когда приехал в Тайюань, боялся говорить на родном диалекте — вдруг засмеют". Это явление языковой стигматизации, часто встречающееся в условиях диглоссии с доминирующим Н-кодом.

Вопрос о будущем языковой ситуации в Шаньси остаётся открытым. С одной стороны, наблюдается устойчивое распределение кодов и сохраняется традиционная диглоссия. С другой — усиливаются процессы билингвизма, особенно среди молодёжи: code-switching, частичная диглоссия, ассиметричный билингвизм.

Возможен переход к модели латентного билингвизма, при которой цзиньский диалект сохраняется как символический, этноидентификационный код, но его активное использование сокращается. Государственная политика унификации и доминирование путунхуа в образовании способствуют эрозии L-кода. Однако культурная значимость цзиньский диалект, его связь с локальной идентичностью и семейной коммуникацией может поддерживать устойчивость диглоссии, пусть и в трансформированном виде.

Таким образом, модель Фергюсона остаётся применимой, но требует адаптации под китайский контекст, учитывающий динамику миграции, урбанизации, цифровизации и культурной политики.

Заключение

Проведённое исследование позволило глубоко осмыслить феномен диглоссии в региональном контексте провинции Шаньси, рассмотрев его сквозь призму теоретической модели Чарльза Фергюсона. На основе анализа функционального распределения между путунхуа как «высоким» кодом (H) и местными шаньсийскими диалектами как «низким» кодом (L) были выявлены устойчивые проявления диглоссной организации языкового пространства. Результаты эмпирического исследования — включая полустандартизированные интервью, наблюдения и дискурсивный анализ — подтверждают, что диглоссия в Шаньси сохраняет ключевые структурные признаки, описанные Фергюсоном: разграничение сфер употребления, асимметрия престижа, различие в письменной и устной традиции.

Однако ситуация в Шаньси также демонстрирует значимые отклонения от классической модели. В частности, сфера религии, а также новая цифровая медиасреда способствуют частичному внедрению диалектов в формально «высокие» регистры, нарушая традиционную вертикальную структуру. Межпоколенческие различия, урбанизация, внутренняя миграция и влияние государственной языковой политики приводят к тому, что молодое поколение либо утрачивает активное владение диалектами, либо использует их в модифицированной, символической форме. Таким образом, наблюдается трансформация диглоссии в сторону нестабильного билингвизма, при котором граница между H и L кодами становится размытой.

Лингвистическая ситуация в Шаньси отражает более широкие процессы, происходящие в социолингвистическом ландшафте Китая: попытки унификации и стандартизации языка соседствуют с устойчивыми локальными формами, в которых язык выполняет не только коммуникативную, но и идентификационную функцию. При этом шаньсийские говоры сохраняются как маркер региональной принадлежности, особенно в бытовом и семейном дискурсе, несмотря на усиливающееся давление со стороны нормативного языка.

В свете вышеуказанного, можно утверждать, что диглоссия в Шаньси представляет собой не статичную модель, а подвижную языковую систему, требующую теоретической адаптации и эмпирического уточнения. Для дальнейших исследований целесообразно сосредоточить внимание на лонгитюдном изучении языкового поведения разных возрастных и социальных групп, а также на межрегиональном сравнении внутри Китая, что позволит выявить общие и уникальные черты китайской диглоссии в постмодерной языковой политике.

Библиография

1. Fishman J. A. The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society // Cambridge University Press. 1974. Vol. 3, No. 2. P. 312-320.

2. 李占芳, 张宵玮. 现代中国多语现象探究 // 华北电力大学学报 (社会科学版). 2022. № 3. С. 119-125.
3. 李旻. 山西方言极性程度补语类型分析 // 晋城职业技术学院学报. 2020. Т. 13, № 5. С. 84-86.
4. 强炜彬, 李伟. 山西方言同素逆序词初探 // 忻州师范学院学报. 2023. Т. 39, № 1. С. 46-50.
5. 李彦龙. 正确对待汉语方言与普通话之间的关系--山西五台方言为例 // 神州教育. 2023. № 67. С. 67-69.
6. Ferguson C. A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15, № 2. P. 325-340.
7. Черенкова А. Д. Развитие диалекта в условиях диглоссии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 122-128. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2024/1/122-128EDN: ETNCFY
8. Заклязьминская Е. О. Билингвизм и диглоссия в современной языковой ситуации в Китае // Modern oriental studies. 2022. Т. 4, № 4. С. 7-19. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-7-19
9. Saiegh-Haddad E., Laks L., McBride C. Handbook of literacy in diglossia and in dialectal contexts. Springer, 2022. 404 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3>.
10. Заклязьминская Е. О. Билингвизм и диглоссия в современной языковой ситуации в Китае // Modern oriental studies. 2022. Т. 4, № 4. С. 7-19. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-7-19
11. Тё О. Е., Рябухин Д. В. Особенности функционирования англицизмов в кантонском диалекте Гонконга // Гуманитарный вестник. 2022. № 6. С. 1-5.
12. Шиян М. В. Проблема билингвизма и диглоссии в отечественном и зарубежном языкознании // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2025. Т. 11, № 2. С. 158-166. DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-158-166

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает диглоссия в китайской провинции Шаньси как социолингвистический феномен. Отмечается, что «Китай, обладающий уникальной языковой структурой, представляет собой особенно интересный объект для исследования диглоссии», «здесь функционирует официальный стандартный китайский язык — путунхуа, который активно используется в государственном и образовательном дискурсе, и одновременно сосуществует множество региональных диалектов, обладающих высоким уровнем живой речевой активности», «провинция Шаньси, расположенная в северной части Китая, демонстрирует особенно яркую форму этой языковой двойственности, где местные говоры не только сохраняются в быту, но и формируют собственные модели языкового поведения, отличающиеся от официального стандарта», что, по сути, и определяет актуальность данной работы.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные теоретическим вопросам диглоссии, проблеме билингвизма и диглоссии в отечественном и зарубежном языкознании; развитию диалекта в условиях диглоссии; изучению китайских диалектов и др. Библиография статьи насчитывает 12 источников, однако в их числе дважды встречается источник Заклязьминская Е. О. Билингвизм и диглоссия в современной языковой ситуации в Китае // Modern oriental studies. 2022. Т. 4, № 4. С. 7-19. В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Автору(ам) следует изучить требования редакции относительно общих принципов цитирования

источников, опубликованных на неанглийских языках: см «если в издании, где опубликован источник, нельзя найти его наименование на английском языке, то в библиографической ссылке сначала указывается название источника на оригинальном языке, затем в квадратных скобках дается перевод на английский язык». Речь идет о первых пяти источниках на китайском языке.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, сравнительно-исторический метод, методы социолингвистического наблюдения, описательного анализа языковых реалий, дискурсивного анализа, полустандартизированных интервью и сравнительной интерпретации. Эмпирическая база включает интервью с 60 респондентами, проживающими в различных районах провинции Шаньси. Участники варьировались по возрасту (от 18 до 70 лет), уровню образования и месту проживания (городская и сельская местность), что позволило охватить широкий спектр языковых практик и социальных позиций.

В ходе исследования рассмотрены теоретические основания понятия диглоссии («теоретическая модель диглоссии, заложенная Фергюсоном, остаётся актуальной для анализа региональных языковых ситуаций, однако требует гибкого применения и социокультурной адаптации при рассмотрении нетипичных языковых реалий»), изучена языковая ситуация в провинции Шаньси («хотя путунхуа преобладает в публичной сфере, местные диалекты сохраняются как язык повседневного и эмоционального общения, особенно в семейной среде»; «местные диалекты в Шаньси продолжают выполнять важнейшие коммуникативные и культурные функции»; «носители диалектов делают осознанный выбор языкового кода в зависимости от ситуации, жанра общения и цели высказывания»); проведен анализ диглоссии в Шаньси в рамках модели Фергюсона («на основе анализа функционального распределения между путунхуа как «высоким» кодом и местными шаньсийскими диалектами как «низким» кодом были выявлены устойчивые проявления диглоссной организации языкового пространства»). В заключении обобщены выводы. Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы связаны с адаптацией и применением классической модели диглоссии Ч. Фергюсона к специфическим условиям языкового функционирования в северо-китайском регионе, а также в выявлении локальных особенностей, которые позволяют по-новому взглянуть на динамику сосуществования стандартного языка и региональных говоров в условиях современной языковой политики. Работа также вносит вклад в развитие межкультурной социолингвистики и создает основу для дальнейших исследований.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Орлова Т.Г. Сопоставительный структурно-семантический анализ английских и русских пословиц со значением «закон», «суд» и «судья» в аспекте их выразительности и лингвокультурной коннотации // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74547 EDN: AJPIMQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74547

Сопоставительный структурно-семантический анализ английских и русских пословиц со значением «закон», «суд» и «судья» в аспекте их выразительности и лингвокультурной коннотации

Орлова Татьяна Геннадьевна

ORCID: 0000-0002-2777-3930

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ rudn1964fev@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74547

EDN:

AJPIMQ

Дата направления статьи в редакцию:

21-05-2025

Аннотация: Статья посвящена выявлению структурно-семантических особенностей пословиц английского и русского языков со значением «закон», «суд» и «судья». Целью работы является выявление различных нюансов значений пословиц, их образного толкования для понимания отношения к данной тематике носителей английского и русского языков. Научная новизна заключается в том, что автор, предлагая собственную систематизацию основных значений пословиц (было выявлено двенадцать групп), проводит семантический анализ лексических компонентов, синтаксических структур, а также образно-выразительных средств пословиц данной тематической группы в аспекте лингвокультурной коннотации. Область применения результатов – как в педагогической деятельности, в процессе преподавания английского языка, так и в

качестве основы для более глубокого сопоставительного изучения пословиц данной тематической группы, в том числе с привлечением пословиц других языков. В исследовании использовались описательный и сопоставительный методы, а также структурно-синтаксический и функционально-стилистический анализ. В результате анализа автором были выявлены следующие закономерности: в английских пословицах чаще используется нейтральная и абстрактная лексика, они более интересны не столько за счет языковых средств, сколько тем, что в них содержатся различные аспекты судопроизводства, разносторонние наблюдения, большее разнообразие по логическим умозаключениям, нюансам и оттенкам значений. В то время как русские пословицы больше представляют эмоциональную оценку, связанную с судом, в них представлено более образное восприятие мира, что находит отражение в богатой палитре лексических средств (историзмы, архаизмы и т.д.), а также средств экспрессивного и разговорного синтаксиса. Помимо уникальных существуют также общие средства выразительности для русских и английских пословиц. Проанализировав все вербальные средства, автор делает выводы о национально-культурной специфике пословиц и о представлении о законе, суде и судьях двух народов, русского и английского.

Ключевые слова:

выразительные средства, русский язык, английский язык, пословицы, значения пословиц, структурно-семантические особенности, сопоставительный анализ, структурно-семантический анализ, стилистическая окраска, лингвокультурная коннотация

Наше непростое время бросает нам вызовы, и, безусловно, научные исследования отражают самую острую проблематику. Необходимость налаживания межкультурного диалога в рамках многократно расширившихся возможностей международного взаимодействия побуждает обращаться к «корням» и искать решения в области народной культуры. Взаимосвязь языка и культуры, манифестируемая современной лингвистикой, влечёт за собой повышение внимания к языку не только лингвистов, но и специалистов других профессий, желающих в междисциплинарном поле найти новые возможности решения старых проблем. Особое внимание в контексте культуроспецифичных исследований уделяется фразеологическим единицам языка, обретающим функции эталонов и стереотипов национальной культуры, культурно маркированное содержание которых воплощается в культурно-национальной коннотации фразеологизмов [\[1\]](#). Среди фразеологического богатства языка наше внимание закономерно привлекают пословицы, «логически и синтаксически законченные образные изречения народа, имеющие пояснительный или назидательный смысл в отношении происходящего» [\[2\]](#).

Во все времена люди стремятся упорядочить свою жизнь как индивидуальную, так и социальную с помощью определённых правил. С течением времени и развитием общественных институтов свод правил и норм также развивался, и от обычаев и традиций он перешёл к законам. Интерес к познанию взаимосвязи понятий закона и правосудия в культурно-историческом ключе в контексте анализа и сопоставления фразеологического материала одного или нескольких языков дал результат в виде целой плеяды лингвистических и лингвокультурных исследований, которые также затрагивают юридическую проблематику. Основное направление исследований представляет собой сопоставительный анализ понятий «право», «закон» и «суд» на материале пословиц и поговорок нескольких языков. Так, исследование Малюгиной А.В. отмечает сходства и различия отношения к законам носителей английского и русского

языков через призму анализа пословиц с соответствующей тематикой [3]. Репрезентацию концептов «закон» и «справедливость» на материале русских и немецких пословиц изучает Исаева Ю. С. [4]. Исследованию концептов «закон» и «право» в лингвокультурном аспекте посвящена работа Гафиуллиной К.Н., построенная на сопоставлении паремий английского и русского языков соответствующей тематики [5], а Власичева В. В. освещает аксиологический аспект функционально-смысловой составляющей паремий с компонентом «закон» в русской и английской лингвокультурах [6]. В отдельную группу можно выделить исследования, в которых изучение и сопоставление пословиц юридической тематики двух и более языков выступает как материал для междисциплинарных исследований. Так, лингводидактическое исследование Алексеевой Т. Е. и Федосеевой Л. Н., в процессе которого они сопоставили объёмный массив английских и русских пословиц о законе, правосудии и преступлении, вводит в образовательный процесс обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность» пословицы двух языков [7], а Лупарев Г. П., анализируя пословицы юридической тематики из языков разных народов, отмечает необходимость формирования межатраслевой дисциплины – юридической паремиологии [8]. Отражение понятий закон и справедливость в народном правосознании на материале народных пословиц XIX века проанализировали Романовская В. Б. и Алборова А. Г. [9]. Ещё одно направление представляют исследования пословиц и поговорок юридической тематики в отдельных отраслях общественной жизни. Так, Мулюкова В. А. анализирует русские юридические пословицы и поговорки о браке как источнике обычных норм права [10]. Попова Л. В. на материале русских пословиц анализирует концепт «суд» [11], а Павлушков А.Р. раскрывает крестьянский образ божественного суда, анализируя русские пословицы и поговорки [12]. Более масштабные исследования затрагивают отражение понятий «закон», «право» в народных пословицах и, шире, во фразеологическом материале исследуемого языка. Так, диссертационное исследование Байдавлетовой Р.Л. среди прочих тем затрагивает концептосферу права и закона, раскрывая её место в русской языковой картине мира на фразеологическом материале [13]. Семантическую структуру и средства языковой репрезентации культурных констант «закон» и «суд» в числе прочих исследует Ковалишин П.Ю. [14]. При всём разнообразии подходов к изучению пословичного материала избранной тематики необходимо отметить недостаток внимания к языковым средствам выразительности пословиц данной группы в связи с их основными значениями и лингвокультурными особенностями. Новизна представленного нами исследования обусловлена как выделением соответствующего предмета исследования и систематизацией значений пословиц данной тематической группы соответственно поставленной задаче, так и методом структурно-семантического анализа, с помощью которого мы исследуем отобранный материал в сопоставительном аспекте. Предметом нашего исследования является отношение народа к закону, правосудию и суду как регулятору поведения человека и к осуществляющим эту функцию судьям, что закреплено в пословичном фонде как английского, так и русского языка. Задачей исследования является сопоставление фразеологических значений английских и русских пословиц о законе, суде и судействе, выявление их структурно-семантических особенностей, лексических компонентов, синтаксических средств, а также образно-выразительных средств и стилистической окраски. Также мы стремимся показать лингвокультурные коннотации, связанные с особенностями менталитета в контексте отношения к закону, суду и судьям в Англии и России на примере английских и русских пословиц. В соответствии с нашими задачами мы использовали описательный и сопоставительный методы, функционально-стилистический анализ, структурно-

синтаксический анализ, а также элементы метода герменевтической интерпретации. Для нашего исследования из английских и русских словарей [15-21] методом сплошной выборки пословицы были отобраны и сгруппированы согласно основным значениям. Для более полного рассмотрения проблемы отношения к закону, правосудию и судейству мы выделили двенадцать основных групп пословиц.

В первую группу входят пословицы, утверждающие главенство закона и необходимость его соблюдения. В этих пословицах мы наблюдаем идею закона, народное представление о том, каким должен быть закон. Три английских пословицы *Nobody is above the law* (Никто не может быть выше закона); *No man is above the law, and no man is below it* (Ни один человек не может быть выше закона, и ни один человек не может быть ниже его) и *Ignorance of the law is no excuse for breaking it* (Незнание закона не является оправданием для его нарушения) восходят к римским юридическим максимам, по форме представляя собой абстрактные высказывания, лишённые образности. Пословица *Law governs man, and reason the law* (Закон управляет человеком, а разум – законом) по форме также представляет собой афоризм, однако эллипсис (пропуск глагола во второй части сложного предложения) придаёт пословице некую выразительность. Среди русских пословиц этой группы мы видим как маловыразительные афористичные высказывания нравоучительного характера, выраженные обобщённо-личными, побудительными, безличными предложениями (*Перед законом все равны; Не знаешь, как поступить, — поступай по закону; Неведением закона нельзя оправдываться; Мудрость закона нельзя исчислять деньгами*), так и яркие образные наблюдения с разговорной лексикой, выраженные лаконичными высказываниями. Так, пословицы *Закон не кол — не обтешешь* и *Закон не забор: через него не перелезешь* представляют собой обобщённо-личные предложения, которые обогащены меткими сравнениями закона с деревянным колом и с забором с использованием разговорных глаголов с отрицанием «не обтешешь» и «не перелезешь». В лаконичной пословице *Закон не глядит на поклон* используется приём олицетворения и рифмующиеся окончания, что придает ей выразительность. Противопоставление, разговорный синтаксис и эллипсис во второй части сложного предложения украшают пословицу *Не царь является законом, а закон — царем*. Другая русская пословица *Всеу законы писать, когда их не исполнять* выражена инфинитивными простыми предложениями в составе сложного союзного предложения и использует архаизм *всеу* (напрасно), что придает ей разговорную окраску. Экспрессивность и эмоциональность пословицы *Незнанием закона никто не отговаривайся!* обусловлена восклицательным предложением и глаголом с разговорной стилистической окраской. Ещё одна русская пословица *Не так плох закон, как беззаконие* использует понятие беззакония в противопоставлении закону и утверждает мысль о том, что даже плохой закон лучше, чем его отсутствие.

Пословицы обоих языков данной группы близки по смыслу, однако в целом русские пословицы интереснее с точки зрения использования в них разнообразных синтаксических конструкций, разговорных языковых средств и необычных образов.

Вторую группу составляют пословицы со значением «законы не носят универсальный, вневременной характер, т.е. меняются в зависимости от места, времени, обычаев и традиций, а также смены власти». Английская пословица *The law is not the same at morning and night* (Закон не один и тот же утром и вечером) аллегорически повествует о разнице законоприменения в зависимости от обстоятельств. Английской пословице *Every land has its own law* (В каждой стране свой закон) соответствует русская пословица *В каком народе живешь, такого закона и держись*. Интересно, что в английской пословице речь идёт о территории (*land*), а в русской – о народе, её населяющем. Тонкое отличие

концентрации внимания на территории, земле или на людях, её населяющих, отражает историко-культурные отличия: так, в условиях ограниченного пространства (островное государство) наивысшей ценностью является именно земля, а в условиях огромного количества территорий большей ценностью обладают люди, которые в состоянии её обрабатывать. Другая близкая по значению русская пословица *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* также привязывает действие закона (устава) к конкретному месту, к монастырю, что отражает религиозность русского человека и указывает на культурно-исторические реалии, облекая мысль в более наглядную, привычную для русского человека форму.

С понятием закона тесно связано понятие обычая как традиционно установившегося правила общественного поведения, и это находит своё отражение в пословицах. Близки по значению английская пословица *Do at Rome as Romans do* (Поступай в Риме так, как поступают римляне) и русская пословица *Обычай старше закона*, которая в простой форме утверждает первенство обычая над законом. Экспрессивность английской пословицы придает использование конкретного топонима и катойконима (*Rome* – Рим, *Romans* – римляне). Ещё одна английская пословица *When you go through the country of the one-eyed be one-eyed* (Когда ты пойдешь по стране одноглазых, будь одноглазым) выражает ту же мысль в ироничной форме. Идею о необходимости подражать в поведении тем, кто тебя окружает, в более образной форме продолжают английская пословица *With foxes we must play the fox* (С лисами мы должны играть в лисицу) и русская *С волками жить – по-волчьи выть*. Обе пословицы прекрасно запоминаются благодаря выразительной аллегории и использованию зоонимов (*foxes* – лисы, *волки*). Про обычаи, свойственные каждой стране, повествуют также английские пословицы *Every country has its customs* (В каждой стране есть свои обычаи) и *So many countries, so many customs* (Так много стран, так много обычаев). Обе пословицы просты, однако вторая приобретает определенную выразительность благодаря использованию эмфатической конструкции (*so... so...*). Две русские пословицы *Что город – то норы, что деревня – то обычаи* и *Что двор, то свой обычай* отражают ту же идею, однако используемые в этих пословицах выразительные средства интереснее: фонетический архаизм *норы* и разговорная конструкция «Что ни... то...» придают им экспрессивность. Пословица *Во всяком подворье своё поверье* при определённой схожести идеи апеллирует к более конкретной части обычаев – поверьям. Её выразительность создаётся за счёт паронимической аттракции, т.е. сближения сходно звучащих слов (*подворье* – *поверье*). Важный аспект проблемы вариативности законов в зависимости от обстоятельств отмечает английская пословица *Circumstances alter cases* (Обстоятельства меняют ход дела) – ей соответствует и по смыслу и по значению русская пословица *Всё зависит от обстоятельств*.

Законы могут меняться не только в зависимости от места, времени и обычаев, но и в результате смены власти, о чём повествует английская пословица *New lords, new laws* (Новые лорды, новые законы). Лаконичность этой пословицы обусловлена неполнотой двух простых предложений в составе сложного, а синтаксический параллелизм придаёт ей выразительность. Переданную в ней мысль «новая власть устанавливает новые законы» мы находим и в русской пословице *Новая метла по-новому метет*, в которой обобщение строится на метафоре и облекается в более зримую картину крестьянского быта. Неживому предмету здесь приписываются действия человека за счёт приёма олицетворения. Английская пословица со сходным образным строем *New brooms sweep clean* (Новые метлы подметают чисто) имеет отличный от русской пословицы нюанс значения: новые метлы (новая власть) подметают чисто (исполняют законы правильно, хорошо), тогда как в русской пословице новая метла (новая власть) метёт по-новому

(вводит и исполняет новые законы).

В третью группу входят пословицы со значением «трактование закона зависит от желания человека». Так, английская пословица *Laws were made to be broken* (Законы были созданы, чтобы их нарушали) по форме представляет собой простое высказывание, однако по смыслу она содержит в себе противопоставление, выраженное неожиданным сочетанием глаголов *made – be broken*, что придаёт ей выразительность. Лаконичное выражение сложного противопоставления «создания» закона и его цели «быть нарушенным» придаёт пословице некую выразительность и делает её запоминающейся. Интересно, что русские пословицы *Закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло* и *Закон, что конь, куда хочешь, туда и воротишь* построены на сравнении закона с дышлом (устройство для сцепления транспортного средства с грузом), конём, т.е. закон сравнивается с подвижным элементом состава (конём или элементом упряжи), а в пословицах *На то и закон, чтоб его обойти* и *Закон топтать нельзя, а ходить вокруг можно* закон сравнивается со столбом или другим предметом, который надлежит «обходить» или «ходить вокруг». Выразительность русским пословицам придаёт приём уподобления, сравнения и использование разговорной лексики. Ещё в одной английской пословице говорится о причинах нарушения законов: *Law makers should not be law breakers* (Законодатели не должны быть нарушителями закона). Несмотря на свой афористический характер, эта пословица достаточно экспрессивна за счёт антонимического противопоставления (*makers – breakers*) и рифмованных окончаний. Ей соответствуют русские пословицы: *Законы — миротворцы, да законники крюкотворцы* и *Законы святы, да законники (судьи) супостаты*, в которых также причиной плохого применения законов являются их исполнители – судьи. Выразительность этих пословиц обусловлена использованием приёма противопоставления с разговорным союзом «да» в противительном значении, а также негативно окрашенными лексическими архаизмами супостат (недруг) и крюкотворец (чиновник, склонный к придиркам и канцелярской волоките в делопроизводстве). Ещё одна русская пословица близка по значению к английской пословице: *Кто законы пишет, тот их и ломает*, однако в отличие от английской пословицы, в которой используется модальный глагол *should* (следует) для рекомендации относительно того, что нельзя делать, русская пословица прямо обвиняет законодателей в том, что они же закон и ломают (т.е. искажают).

Четвёртую группу составляют пословицы со значением «искажение законов и их неправильное применение зависит от общественного положения судьи, истца и ответчика». Три английские пословицы используют лексему *king*, выражая значение «закон подчиняется власти» с разными смысловыми оттенками. Так, пословица *Laws go as kings like* (Законы исполняются так, как того хотят короли) отмечает зависимость законотворчества от воли властьпредержащих, *The king can do no wrong* (Король не ошибается) выражает неподсудность действий властителя, а пословица *Kings have long arms* (У королей длинные руки) утверждает в иносказательной форме его могущество. Этим пословицам соответствует русская пословица *Воля Божья, а суд царев*, подразумевающая, что суд зависит от решения правителя. Лаконичная пословица *Might makes right* (Кто сильнее, тот и прав) утверждает зависимость закона, права от силы, подразумевая не только физическую силу, но также и власть. Близкая ей по смыслу русская пословица *Где царит сила, там закон бессилён* утверждает отсутствие закона в присутствии силы, в то время как английская пословица утверждает действие закона, но в зависимом от силы (*might*) виде. Важный смысловой оттенок рассматриваемой проблемы освещает русская пословица *Прав не тот, кто прав, а тот, у кого больше прав* – речь о том, что справедливость суждений в споре зависит не столько от правды, сколько от того, какими правами обладают стороны, будь то права имущественные или

властные.

Отметим, что в английских пословицах власть персонифицируется как король (king), что придаёт пословицам большую конкретику, выразительность и отражает английские историко-культурные реалии. В русских пословицах выразительность создаётся за счёт паронимии, каламбура, построенного на игре слов и повторе слова «прав» в различных значениях.

В пятую группу входят пословицы, реализующие значение «причины нарушения законов и их неправильного применения связаны с наличием денег у истцов и ответчиков», в том числе значение «отношение суда к вора в зависимости от объёма награбленного». Так, английская пословица *Possession is nine points of the law* (Владение – девять пунктов закона), восходящая к ряду традиций правоприменения в Англии, утверждает, что богатые люди, владеющие частной собственностью, в глазах закона имеют все преимущества. Другая английская пословица *Laws grind the poor, and rich men rule the law* (Законы перемалывают бедных, а богатые люди правят законом), содержащая выразительную метафору *grind* («перемалывать» в значении «портить, уничтожать жизнь») повествует о том, что жёсткость закона зависит от богатства того, к кому его применяют. Близкое, но более обобщённое значение, передаёт ещё одна английская пословица *One law for the rich and another for the poor* (Для богатых один закон, а для бедных – другой), выразительность которой строится на противопоставлении субстантивированных прилагательных *the rich – the poor*. Интересно, что в русских пословицах сходное значение преломляется в преимущественно эмоциональной оценке несправедливости суда между богатым и бедным: так, пословица *Бедному с богатым судиться – лучше в ложке утопиться* привлекает внимание использованием приёма гиперболы (*утопиться в ложке*), утверждая, что и это легче, чем бедному человеку судиться с богатым. Ту же мысль, но в краткой афористичной форме выражает ещё одна русская пословица *Где деньги говорят, там правда молчит*, которая построена на выразительном противопоставлении с использованием олицетворяющей метафоры: *говорят* (деньги) – *молчит* (правда). Английская пословица *Laws catch flies, but let hornets go free* (Законы ловят мух, а шершней отпускают) построена на метафоре: закон сравнивается с сетью, а люди – с насекомыми. Мух (т.е. обычных, небогатых людей) сеть (закон) ловит, а шершней (т.е. влиятельных, богатых людей) – пропускает. Очень близка к ней по образному строю русская пословица *Закон – что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет*, которая построена на аналогичной метафоре, где закон сравнивается с паутиной, в которой застревают только мухи (обычные люди), а шмели (богатые люди) прорывают паутину и ускользают. Выразительность русской пословицы усиливает использование приёма уподобления и противопоставление глаголов с разговорной окраской *проскочит – увязнет*. Ещё одна английская пословица *Little money, little law* (Мало денег, мало закона) лаконична и использует приём синтаксического параллелизма вместе с неполнотой предложений. Две русские пословицы с близким значением *Мертвый да богатый не бывает виноватый* и *Богатого законом не испугаешь* содержат субстантивированные прилагательные «богатый», «мёртвый», однако первая из них более запоминающаяся и выразительная благодаря использованию рифмующихся окончаний и неожиданному сближению далёких по своей семантике слов (*богатый* и *мёртвый*). Ещё одна русская пословица *С сильным не борись, с богатым не судись* выражает жизненное наблюдение в форме рекомендации, а синтаксический параллелизм и использование побудительных предложений, а также рифмующиеся окончания добавляют ей экспрессии.

Отдельно можно выделить несколько английских и русских пословиц, также выражающих

идею о влиянии денег и социального положения на исполнение закона, но в применении к конкретному социальному явлению: воровству. В самом общем виде этот смысл выражен в английской пословице *Little thieves are hanged but great ones escape* (Воришек вешают, а крупные воры остаются безнаказанными), в которой противопоставляются воришки (*little thieves*) и крупные воры (*great ones*): первых вешают (*are hanged*), вторые избегают наказания (*escape*). Использование в другой английской пословице *A thief passes for a gentleman when stealing has made him rich* (Вор сходит за джентльмена, когда воровство сделало его богатым) существительного *gentleman* придаёт ей национальный колорит, а сравнение джентльмена с вором носит иронический оттенок. Этим двум английским пословицам соответствуют три русские: *Что сходит с рук вора, за то воришек бьют, Алтынного вора вешают – полтинного чествуют* и *Кто украл рубль, того под суд, а кто тысяч двести, того держат в чести*. Экспрессивность первой пословицы обусловлена противопоставлением однокоренных слов «вор» и «воришка» (с уменьшительно-ласкательным суффиксом). Выразительность второй пословицы придаёт использование устаревших денежных единиц (алтын – три копейки, полтина – пятьдесят копеек) в аспекте противопоставления образованных от них прилагательных, *алтынный* и *полтинный*, которые образно характеризуют объёмы воровства. Третья из перечисленных русских пословиц также построена на противопоставлении, но здесь противопоставляются конкретные суммы: (один) *рубль* и *тысяч двести*. В последних двух пословицах мы отмечаем использование синтаксического параллелизма и эллипсис. Третья пословица ритмически организована и содержит рифмующиеся окончания, благодаря чему создаётся экспрессия.

В целом как английские, так и русские пословицы этой группы отличаются большей выразительностью, эмоциональностью и экспрессией за счёт многообразия используемых образных средств, среди них мы также наблюдаем больше историко-культурных отсылок.

В шестую группу входят пословицы со значением «закон сам по себе выступает как источник бед, изъян заключён в самой сути законов». Отличительная особенность пословиц данной группы в том, что здесь мало соответствия между английскими и русскими высказываниями: они, в основном, освещают разные стороны проблемы. Так, четыре английских пословицы выражают общее значение «чем больше законов, тем хуже», но с разными смысловыми акцентами. Пословица *The more laws the less justice* (Чем больше законов, тем меньше справедливости) утверждает, что с увеличением числа законов в целом уменьшается справедливость (правосудие). Две другие пословицы *The more laws the more offenders* (Чем больше законов, тем больше нарушителей) и *The more laws, the more thieves and bandits* (Чем больше законов, тем больше воров и бандитов) говорят об увеличении числа нарушителей – *thieves and bandits* (бандитов и воров), а пословица *Where there are many laws there are many enormities* (Где много законов, много чудовищных преступлений) говорит об увеличении количества преступлений с увеличением числа законов. Сопоставить с этими пословицами можно русскую пословицу *Законов много, толку мало*, однако значения совпадают только частично: в русской пословице негативное суждение (мало толка) о недостатке смысла и пользы имеет более общий характер по сравнению с английской, где постулируется конкретный причиняемый вред (много нарушителей, бандитов, преступлений). Следующие две английские пословицы *Laws were made for rogues* (Законы были созданы для мошенников) и *New laws, new roguery* (Новые законы, новое мошенничество) построены на сопоставлении внутренне противоречивых понятий *law* (закон) и *rogues/roguery* (мошенники/мошенничество). Синтаксический параллелизм и скрытая причинно-следственная связь между двумя частями сложного предложения, выраженными неполными назывными предложениями, придаёт второй английской пословице большую

лаконичность и выразительность. Пословица *The law guards us from all evil but itself* (Закон оберегает нас от всяческого зла, кроме себя самого) по-английски иронично отмечает тот факт, что закон не может защитить людей от проблем, вызванных самим законом. Русские пословицы *Законы хороши на бумаге* и *Пока до нас дойдет закон, перевернут со всех сторон* выражают схожее значение: «применяемый на практике закон отличается от написанного в худшую сторону», вторая из русских пословиц более экспрессивна за счёт глагола со сниженной стилистической окраской *перевернут*, а также благодаря рифмующимся окончаниям. Остальные русские пословицы выражают значение: «страх, обиды, преступления происходят из-за появления закона». Пословицы *Где закон, там и страх*; *Где закон, тут и обид много* и *Где закон, там и преступление* схожи не только по значению, но и по форме, будучи выражены сложноподчинёнными предложениями с причинно-следственной связью, где проявление закона связывается с появлением *страха, обид и преступлений*. Более образна и выразительна пословица *Законы пошли огненны, а люди стали каменны*, использующая приёмы метафоры (*законы огненны*, т.е. жестоки, *люди каменны* – противодействие людей закону) и контекстуальной антонимии, а также кратких форм прилагательных для усиления лаконизма и ритма. Пословица *Строгий закон виноватых (виновных) творит* более конкретно и прямо судит о причинах проблем: во всём виновата чрезмерная строгость закона, из-за неё совершаются преступления. Пословицы *Если бы не закон, не было бы и преступника* и *Не будь закона, не стало б и греха* идут ещё дальше, утверждая, что именно наличие закона влечёт за собой появление преступников и преступлений как таковых.

Пословицы данной группы отражают отличие английского и русского менталитета в отношении к закону, что обусловлено также историко-культурными отличиями: для англичанина зло – увеличение количества законов, а для русского – их жёсткость и строгость.

В седьмую группу входят пословицы со значением «на некоторые группы людей (нуждающиеся, больные, путешественники, дураки) закон не распространяется». Английской пословице *Necessity knows no law* (Нужда закона не знает) эквивалентна русские пословица *Нужда закона не знает*, что обусловлено тем, что они происходят от латинской максимы *Necessitas non habet legem*. С этим же значением в русском языке мы находим ряд других более образных и разговорных по своей стилистической окраске пословиц: *Нужда закона не знает, а через шагает*; *Нужда свой закон пишет* и *Нужда крепче закона* – по сравнению с простой и афористичной по форме английской пословицей русские пословицы приобретают выразительность благодаря приёму олицетворения и использованию рифмующихся глаголов *знает* – *шагает*. Другие две русские пословицы *Больному да дорожному закон не писан* и *Старым и больным закон не лежит* уточняют это значение, а именно: на *больного, старого* и *дорожного* человека (т.е. на путешественника) закон не распространяется, так как они более уязвимы и с них спроса нет. Использование субстантивированных прилагательных придаёт пословицам разговорный характер и усиливает выразительность. Иной оттенок освещает английская пословица *Fools are fools – they observe no rules* (Дураки есть дураки – они не соблюдают никаких правил), она достаточно экспрессивна благодаря выразительному повтору и рифмованным окончаниям (*fools – rules*). Ещё одна похожая английская пословица *Fools rush in where angels fear to tread* (Дураки бросаются туда, куда ангелы боятся ступить) более выразительна благодаря противопоставлению дураков (*fools*) и ангелов (*angels*), при этом разумное опасение ангелов противопоставляется бездумному рвению дураков. Им соответствует русская пословица *Дураку закон не писан*, в которой дурак, будучи не в состоянии оценить ситуацию, идёт напролом, игнорируя законы и

здравый смысл. Краткая форма причастия и лаконичность способствуют её запоминанию и активному употреблению в современном русском языке.

Восьмую группу составляют пословицы, имеющие значение «народное представление о том, каким должен быть суд», так как важной частью общественной жизни, напрямую связанной с абстрактным понятием закона, является конкретное понятие правосудия и суда как правоохранительной и правоприменительной деятельности. В пословицах мы чаще всего сталкиваемся с понятием «суд» и «судья» либо «lawyer» (юрист, адвокат). Приведём примеры. Так, английская пословица *No one should be judge in his own cause* (Никому не следует быть судьей в своем собственном деле), которая выражает максиму «никто не должен судить собственное дело», и русская пословица *Никто не судья в своем деле* являются частичными эквивалентами. В английской пословице содержится модальный глагол *should* (следует), а русская пословица представляет собой более категорическое указание. По мнению антрополога Кейт Фокс эта манера англичан выражаться расплывчато, вежливо, менее категорично связана с так называемой социальной неловкостью, дискомфортом в сфере социального общения [22, с. 560-563]. Другая английская пословица *A man who is his own lawyer has a fool for his client* (У человека, который сам себе адвокат, клиент – дурак) обращает внимание на то, что адвокатом в собственном деле выступать также неразумно. Стилистически сниженное слово *fool* (дурак) придаёт пословице особенную выразительность. Русская пословица *Истцу — первое слово, ответчику — последнее*, которая выразительна благодаря синтаксическому параллелизму, эллипсису и приёму противопоставления (*первое слово – последнее*), отражает правильный порядок рассмотрения аргументов в суде.

Идея о справедливом суде в основном представлена русскими пословицами. Идею справедливого суда утверждает русская пословица *Суд правду найдет*, которая выражена простым предложением с инверсией. Экспрессивность другой пословицы *Правда суда не боится* со схожим значением «правдивая позиция должна победить в суде» придаёт использование приёма олицетворения. Интересно, что английская пословица с тем же значением *A good anvil does not fear the hammer* (Хорошая наковальня не боится молота) выражает тот же смысл через аллегорию (уподобление отношения правды и суда отношению наковальни и молота). Другие русские пословицы данной группы посвящены судьям и выражают следующие значения. Судья должен быть справедлив: *Судья праведный – ограда каменная; Хоть криво сиди, да прямо суди*. Судья не должен быть подвержен эмоциям (*Кто за пустяк готов сердиться, тот в судьи не годится*), он должен быть беспристрастен (*Осуждай поступок, а не преступника*), а также судья должен не торопиться с выводами (*Сперва рассуди, а потом осуди; Не спеши карать, спеши выслушать; Не торопись казнить, дай вымолвить*). Выразительность русским пословицам придают сопоставление (*судьи с каменной оградой*), глагольные рифмы (*сиди – суди, сердиться – не годится, рассуди – осуди*) и использование народно-поэтической лексики (*вымолвить*), что в целом придаёт им разговорную окраску. Общее суждение о том, что гнев и спешка мешают правильному рассуждению и вынесению решения о наказании, выражают английская и русская пословицы *Anger and haste hinder good counsel* (Гнев и спешка мешают хорошему совету) и *Во гневе не наказывают*.

В девятую группу входят пословицы о Божьем суде, со значением «Божий суд – самый справедливый». В английской пословице *The mills of God grind slowly, yet they grind exceedingly small* (Мельницы Божьи мелют медленно, но мелют очень мелко), которая восходит к древнегреческому изречению, известному в изложении Сэкста Эмпирика: «Божьи не сразу трут жернова, но трут они мелко» [23, с. 113]. Божьи мельницы символизируют медленность, неотвратимость и точность Божьего суда. Выразительность

английской пословице придаёт использование метафоры (*mills of God* – Божьи мельницы) и выразительного повтора (*grind slowly – grind small*). Постулируемые в английской пословице идеи медленного, но неотвратимого возмездия повторяются в русских пословицах *Не скор Бог, да меток; Бог долго ждет, да больно бьет*. При этом в пословице *Бог и слышит, да не скоро скажет* смысловым центром пословицы является заключение о нескорой реакции Бога, тогда как во всех остальных пословицах внимание концентрируется прежде всего на неотвратимости и точности божьего суда. Другая группа русских пословиц *Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать; От Бога не уйдешь; От Божьей власти (кары) не уйдешь; Суда божьего околицей не объедешь* говорит о неотвратимости божьего суда, и не важно, когда это случится. Есть также русская пословица *Кто Богу не грешен, царю не виноват*, которая отражает убежденность в главенстве Божьего суда даже над судом правителя. Впрочем, ещё одна русская пословица *До царя далеко, до Бога высоко*, имплицитно подразумевает удаленность суда как земного, так и небесного. Мы видим, что в данной группе русские пословицы представлены более многообразно, позволяя сделать вывод об особой важности для русского человека понятия Божьего суда. Этот вывод перекликается, например, с мнением Прониной М. А., которая полагает, что исторические особенности формирования правовой культуры российского общества объясняют свойственные русскому человеку веру «не в силу закона, а в силу Бога и “царя” (как Его помазанника), умение повиноваться и мириться с несправедливостью» [24, с. 223].

Десятую группу пословиц о суде составляют пословицы со значением «не стоит доводить дело до суда, лучше решать дело миром». Так, английская пословица *Agree, for the law is costly* (Соглашайся, ибо закон дорог) поясняет, по какой причине нужно стараться избегать суда: судебная тяжба дорого обходится. Этой английской пословице соответствуют три русские: *Не судись: лапоть дороже сапога станет; Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом; За малое судиться – большое потерять*. Все три пословицы построены на приёме противопоставления (*лапоть – сапог, кафтан – нагишом, малое – большое*). Большую выразительность им придаёт также приём гиперболы (*вышел нагишом*) с использованием историзмов, связанных с крестьянской одеждой и обувью (*лапоть, кафтан*), а также разговорный синтаксис: побудительные предложения, сравнительный оборот, переносное употребление времён (прошедшее в значении условного наклонения), инфинитивные предложения. Эти пословицы представляют собой лингвокультурные метафоры. Русские пословицы повествуют, таким образом, о дороговизне суда. Близка по общему смыслу, но отличается как по оттенку значения, так и по характеру образа русская пословица *Суд – яма: стой прямо*, где суд позиционируется как «яма», т.е. место, которое требует находиться в постоянном напряжении (*стой прямо*); в данном контексте слово «суд» приобретает негативную окраску. Большая экспрессивность этой русской пословицы обусловлена неожиданным уподоблением *суд – яма* в первой части высказывания и, на синтаксическом уровне, употреблением побудительного предложения во второй части, а также рифмующимися окончаниями. К ней по смыслу примыкает ещё одна пословица *Из суда, как из пруда, сух не выйдешь*, в которой выразительность создаётся за счёт уподобления суда пруду, из которого нельзя выйти «сухим», т.е. оправданным. Если в русском языке содержится негативное отношение к суду, так как он дорогой, держит в постоянном напряжении, и попавший в суд редко выходит оправданным, то в английском суд критикуется за то, что за одной тяжбой следует ещё множество, что имплицитно также подразумевает дороговизну суда. Английская пословица *The worst of law is that one suit breeds twenty* (Худший закон заключается в том, что одна тяжба порождает двадцать) содержит мудрое

замечание: за одной тяжбой следует ещё множество. Выразительность этой пословицы придаёт гипербола с противопоставлением имён числительных (*one – twenty*). Две другие русские пословицы со сходным значением *В суд пойдешь — правды не найдешь* и *Правда да суд не рядом живут* выражают идею «от суда не добиться правды», первая пословица представляет собой обобщённо-личное предложение с рифмованными окончаниями. В основе второй лежит олицетворяющая метафора (*правда, суд – живут*), способствующая конкретизации и наглядности, а разговорный союз «да» в противительном значении придаёт ей разговорную окраску. Две английские пословицы *A bad compromise is better than a good lawsuit* (Плохой компромисс лучше, чем хорошая тяжба) и *A sorry agreement is better than a good suit in law* (Плохое соглашение лучше, чем хороший судебный иск) схожи по форме и по значению «лучше договориться миром, чем идти в суд», отличаются только используемыми синонимами судебной тяжбы (*lawsuit, suit in law*) и договора (*compromise, agreement*). Образность восприятию пословиц придаёт противопоставление, основанное на антитезе, и сравнительный оборот (*bad – good, bad... is better*). Этим английским пословицам соответствует русская пословица *Худой мир лучше доброй ссоры*, в которой обращает на себя внимание слово «худой» в архаическом значении «плохой». Данная пословица активно употребляется в современном русском языке.

В этой группе стоит выделить английскую пословицу, имеющую уникальное значение *London jury hangs half and saves half* (Лондонский суд половину людей вешает, а половину освобождает), в которой говорится про произвол судейства. Её выразительность связана с использованием суда конкретного города (*London jury*), хотя, очевидно, речь в ней о суде вообще, также в пословице используется приём выразительного повтора *hangs half – saves half*.

Одиннадцатая группа содержит пословицы со значением «судьям необходимо давать взятки или использовать связи для вынесения решения суда в свою пользу». Так, английская пословица *Tell God the truth, but give money to the judge* (Скажи Богу правду, но отдай деньги судье) предлагает взамен справедливого судейства предложить судье деньги: здесь противопоставляется справедливый Божий суд, которому надлежит открыть правду, и земной суд, в котором судья судит с учётом взятки. Эту же мысль, но в более конкретной и образной форме выражает пословица *If the pocket is empty, the judge is deaf* (Если карман пуст, судья остается глух). Этим пословицам соответствуют русские пословицы *Судейский карман – что утиный зоб: и корму не разбирает, и сытости не знает; Судьям то и полезно, что в карман полезло; Суди, суди, да за пазушку гляди; Судят не по уму, а по карману; Перед богом ставь свечку, перед судьёю – мешок*. Выразительность русским пословицам придают приёмы сопоставления (судейский карман – утиный зоб), противопоставления (Богу свечку – судье мешок, суди – да гляди, по уму – по карману), разговорный экспрессивный синтаксис и рифмующиеся окончания (гладки – взятки, не разбирает – не знает, полезно – полезло). Отметим, что приведённые русские пословицы выражены побудительными, неопределённо-личными и бессоюзными предложениями, используют разговорный союз «да» в противительном значении.

Проблему протекционизма поднимают пословицы *The good lawyer knows the law, the clever one knows the judge* (Хороший адвокат знает закон, умный – судью) и *Что мне законы, когда судьи знакомы*. При этом в английской пословице адвокат, знающий судью, имеет двойственную оценку – он, вроде бы, противопоставляется хорошему (*good*) адвокату, но всё-таки назван умным (*clever*), а это всё же положительное качество. По-иному освещает тему протекционизма английская пословица *The judge's*

son goes into the courtroom without fear (Сын судьи без страха входит в зал суда), в которой родственные связи подсудимого (*judge's son*) могут повлиять на вынесение нужного приговора.

Несправедливость судейства в народном сознании напрямую связывается с личностью судьи или адвоката. Таким образом, двенадцатую группу составляют пословицы, выражающие значение «несправедливое судейство напрямую зависит от негативных качеств судьи или адвоката». Важно отметить, что в данной группе английские пословицы критикуют преимущественно адвокатов, а русские – судей, что связано с историей судопроизводства в Англии и в России: английский суд имеет более длинную историю, и система судопроизводства, при которой человек взаимодействует с судом посредством адвоката (юриста) нашла своё отражение в пословицах, где центральной фигурой выступает юрист (адвокат), а не судья. В то же время русская система судопроизводства в её современном виде сложилась в XIX в., а институт адвокатов окончательно оформился только в прошлом столетии, и в сознании русского человека судебный процесс долгое время был неразрывно связан с судьёй. Приведём примеры. Английская пословица *The devil makes his Christmas pies of lawyers' tongues and clerks' fingers* (Дьявол печет рождественские пироги из языков адвокатов и пальцев клерков) обладает высокой выразительностью благодаря яркой метафоре с резко отрицательной коннотацией. Её выразительность строится за счёт соматизмов (языки, пальцы). Используется приём иносказания: под языком подразумевается ложь, под пальцами – получение взятки. Близка по образному значению, но обладает другим смысловым оттенком ещё одна английская пословица *Home is home, as the Devil said when he found himself in the Court of Session* (Дом есть дом, как сказал Дьявол, оказавшись в Сессионном суде), имеющая значение «суд похож на дом дьявола»; в этой пословице суд сравнивается с адом (т.е. с местом скопления обманщиков и преступников). Обе эти пословицы роднит обращение к вселенскому злу, олицетворяющему обман, то есть дьяволу (*devil*). Близкой по значению является ещё одна английская пословица, которая носит иронический характер: *When two dogs fight for a bone, and the third runs off with it, there's a lawyer among the dogs* (Когда две собаки грызутся за кость, а третья убегает с ней – это адвокат среди собак). Выразительность этой пословице придаёт иносказательное сравнение судебной тяжбы с собачьей дракой, а поведение адвоката в суде – с воровством кости третьей собакой.

В эту же группу входит интересная английская пословица *A lawyer and a wagon-wheel must be well greased* (Адвокаты и колеса телеги должны быть хорошо смазаны) со значением «адвокату надо хорошо заплатить для вынесения приговора в свою пользу». Её выразительность возникает за счёт сравнения: адвокат сравнивается с колесом, так как оба нуждаются в хорошей смазке (*well greased*), колесо в прямом смысле, а адвокат в переносном (смазка – метафора взятки). Этой пословице соответствует русская пословица *Не подмажешь – не поедешь*, которая передает сходное значение в форме обобщённо-личного предложения с отрицанием и с использованием слова с разговорной окраской (*подмажешь*). Другое выразительное сопоставление мы видим в пословице *Only lawyers and painters can turn black to white* (Только юристы и художники могут сделать черное белым), где сравниваются профессии юриста и художника: художник делает чёрное белым в прямом смысле (перекрашивает краской), а адвокат – в переносном, т.е. может перевернуть факты с ног на голову и оправдать виновного. Ещё одна ироничная английская пословица *Doctors purge the body, ministers the conscience, lawyers the purse* (Доктора очищают тело, священники – совесть, а юристы – кошельки) достигает соответствующего юмористического эффекта за счёт сопоставления профессий врача, священника, юриста и использования глагола *purge* (очищать) в прямом (очищать

тело от болезни) и переносном значении (очищать совесть от грехов, очищать кошелек от денег). Пословица *A lawyer never goes to law himself* (Сам юрист никогда в суд не обращается) обладает уникальным значением, отражает меткое наблюдение: сам юрист, зная суть судопроизводства и все сопутствующие проблемы, в суд обращаться не будет.

Сходное значение о несправедливом судействе передают и русские пословицы. Так, три русские пословицы призывают бояться судьи: *Не бойся суда, а бойся несправедного судьи; Не бойся истца, а бойся судьи; Не бойся вечных мук, а бойся судейских рук*. Русские пословицы содержат рекомендацию, напутствие, начинающееся с побудительного предложения с отрицанием «Не бойся». В третьей пословице используется выразительная метафора, в основе которой лежит соматизм «руки», под которым подразумевается действие (брать взятки руками). Противопоставление суда и несправедного судьи, истца и судьи, вечных мук и судейских рук дают представление о том, насколько большую угрозу русский человек видел именно в судье. Наше наблюдение согласуется с выводом Сергеевой А.В. о том, что для русского архетипа характерен страх перед государством, проявляющийся в том числе в виде «традиционного страха перед любым представителем власти» [25, с. 162, с. 166]. В пословицах *У неправедных судей много затей* и *Судья что плотник: что захочет, то и вырубит* угроза заключена в том, что поступки несправедного (нечестного) судьи не регулируются законом (правилом), поэтому нельзя предугадать и предотвратить последствия. Выразительность первой русской пословицы подчёркивается рифмующимися окончаниями, а второй – уподоблением профессии судьи профессии плотника. Ещё две пословицы говорят о лживости судей: *Суд крив, коли судья лжив; Не всякий судит по праву, иной и по нраву*. Первая пословица представляет собой условное предложение с использованием архаического условного союза *коли*, её лаконичность обусловлена использованием кратких форм прилагательных (*крив* – *лжив*), а вторая пословица построена на противопоставлении (*по праву* – *по нраву*) и также лаконична за счёт использования эллипсиса. В обеих мы видим рифмующиеся окончания. В эту же группу можно отнести английскую пословицу с уникальным значением *A lawyer never goes to law himself* (Сам юрист никогда в суд не обращается), которая отражает меткое наблюдение: сам юрист, зная суть судопроизводства и все сопутствующие проблемы, в суд обращаться не будет.

Заключение:

В процессе анализа английских и русских пословиц о законе, суде и судьях нам удалось выделить и сопоставить двенадцать тематических групп пословиц в соответствии с их значениями и вербальным выражением.

В пословицах данной тематики хорошо видны особенности, продиктованные историко-культурными отличиями. Так, смысловое определение государства через землю (*land*) в английской пословице *Every land has its own law* и через *народ* в русской половине *В каком народе живешь, такого закона и держись* отражает историко-культурные отличия: в условиях ограниченного количества земли островного государства большей ценностью обладает земля, а на большой территории континентального государства ценнее люди, которые могут её обрабатывать. В английских пословицах мы видим упоминания короля (*king*) и лорда (*lord*) как олицетворения силы, в соответствующих им по значению русских пословицах упоминается *царь*; в русском языке целая группа пословиц апеллирует к Богу как к высшей судебной инстанции и последней надежде на справедливость, тогда как в английских пословицах мы встречаем также упоминания Дьявола как олицетворения лжи (*The devil makes his Christmas pies of lawyers' tongues*

and clerks' fingers). В английских пословицах говорится о проблемах с юристами, в том числе адвокатами и судьями, тогда как в русских – о проблемах только с судьями, что отражает особенности судопроизводства, характерные для обоих народов. Важно отметить, что в данной смысловой группе количество как английских, так и русских пословиц, обращающих внимание на злоупотребления, связанные с законом и судом, значительно больше, чем пословиц, говорящих о справедливом судопроизводстве. Также мы отмечаем, что пословицы, выражающие проблемы и недостатки судопроизводства, в целом более выразительны и построены на ярких образных сопоставлениях в обоих языках. Весьма интересен тот факт, что для англичанина зло – это чрезмерное количество законов, а для русского – их чрезмерная строгость. Ещё одно отличие, выявленное нами при анализе, заключается в том, что в английских пословицах суждения высказываются в менее категорической форме в отличие от русских пословиц, что согласуется с выводами антропологов о свойственной англичанам манере выражаться расплывчато, вежливо и менее категорично.

Интересно, что английские пословицы выражают различные аспекты судебного делопроизводства, а русские больше отражают эмоциональную оценку, связанную с несправедливым судом. При этом в английских пословицах содержатся разносторонние наблюдения, интересный ход мыслей, большее разнообразие по логическим умозаключениям, нюансам и оттенкам значений, зачастую не имеющих аналогов в русских пословицах.

Из сопоставительного анализа следует, что английские пословицы часто – изречения, максимы, многие происходят от латинских высказываний и носят переводной характер, в них чаще используется нейтральная и абстрактная лексика, они отражают более совершенную, имеющую богатую традицию систему судопроизводства. Однако английские пословицы также бывают очень выразительными и экспрессивными, в них встречается тонкий юмор, ирония и иносказания (*When two dogs fight for a bone, and the third runs off with it, there's a lawyer among the dogs*), они бывают очень образными, метафоричными (*A lawyer and a wagon-wheel must be well greased*). В английских пословицах мы видим яркие образные метафоры (*laws grind the poor, laws catch flies*), аллегории (*A good anvil does not fear the hammer*). В английском языке употребляются топонимы, выразительные повторы (*London jury hangs half and saves half*). В свою очередь русские пословицы отражают более древний языковой пласт, образный материал часто черпается из народного быта, в них больше присутствует эмоциональная оценка суда и судей, как правило, негативная. В русских пословицах отражается более образное восприятие мира.

Что касается использования экспрессивно-выразительных средств, то общими для русских и английских пословиц является использование приёмов сравнения, противопоставления, уподобления, антитеза, иносказание, неполнота синтаксических конструкций, эллипсис, компрессия, рифмующиеся строки. В качестве выразительных лексических средств как в английских, так и в русских пословицах используются соматизмы (*fingers* – пальцы, *tongues* – языки, *руки*), слова с негативной стилистической окраской (*fools*, *дураки*), зоонимы (*конь*, *dog*). Как английские, так и русские пословицы содержат лингвокультурные коннотации.

В русских пословицах чаще встречается архаическая лексика (*коли*; *худой* в значении «плохой»), историзмы, связанные с бытовыми реалиями (*лапоть*, *кафтан*), эмоционально-экспрессивная лексика (*супостаты*, *крюкотворцы*), слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*за пазушку*, *воришки*), просторечие (*нагишом*). Главным образом, русские пословицы отличаются использованием многообразных синтаксических

структур, имеющих разговорную окраску. Это побудительные предложения, обобщённо-личные, инфинитивные, бессоюзные предложения, инверсии, эллипсисы – т.е. средства экспрессивного синтаксиса. Кроме того, русские пословицы чаще строятся на повторе, игре слов (*Прав не тот, кто прав, а тот, у кого больше прав*), аллитерации, паронимии (*Во всяком подворье своё поверье*), гиперболы (*Бедному с богатым судиться – лучше в ложке утопиться*), олицетворяющей метафоры (*Нужда закона не знает, а через шагает, Когда деньги говорят, правда молчит*). Они чаще носят разговорный характер, в них меньше афористичных высказываний. В русских пословицах мы видим оживление неодушевлённых предметов и абстрактных понятий.

Таким образом, анализ стилистических приёмов, образных и языковых средств пословиц позволил выявить их национально-культурную специфику, особенности мышления и представления о законе, суде и судьях двух народов – русского и английского.

Библиография

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. 288 с. EDN: SUMHNI
2. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ паремий и идиом. Коды культуры // Сборник статей по материалам Международной научной конференции "Национальные коды в языке и литературе". Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 2018. С. 128-137. EDN: VOSDRS
3. Малюгина А. В. Отношение к закону в русской и английской культурах (на материале пословиц с компонентом "закон"/"law") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-2 (70). С. 128-130. EDN: VXTTXX
4. Исаева Ю. С. Репрезентация концептов "закон" и "справедливость" в немецких пословицах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 5 (691). С. 61-71. EDN: SDYDNN
5. Гафиуллина К. Н. Репрезентация концептов "право"/"right", "закон"/"law" в английской и русской лингвокультурах (на материале английских и русских народных пословиц и поговорок) // Казанская наука. 2016. № 11. С. 86-88. EDN: XCDVCX
6. Власичева В. В. Репрезентация компонента "закон" в паремиологическом пространстве русской и английской лингвокультур // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. Елабуга, 2023. С. 91-94.
7. Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н. Английские и русские пословицы о законе, преступлении и правосудии в лингводидактической практике // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1-4), № 4. С. 620-629. DOI: 10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).4.620-629 EDN: WTJMMG
8. Лупарёв Г. П. Юридические пословицы и поговорки: предмет, виды и функции // Государство и право. 2017. № 1. С. 30-41. EDN: XVGIZL
9. Романовская В. Б., Алборова А. Г. Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1. С. 169-175. EDN: TMEUSB
10. Мулюкова В. А. Значение юридических пословиц о семье и браке как источнике обычных норм права в свете традиционных семейных ценностей // Евразийский союз ученых. 2016. № 1-5 (22). С. 65-68. EDN: XDYVTJ
11. Попова Л. В. Этнолингвокультурная специфика русского концепта "суд": на материале пословиц // Филология и человек. 2021. № 4. С. 7-18. DOI: 10.14258/filichel(2021)4-01 EDN: NBYGYX

12. Павлушков А. Р. К вопросу о правосознании русского общества середины XIX в.: представления крестьян о божественном суде // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2021. № 3 (3). С. 29-34. EDN: EAJLYH
13. Байдавлетова Л. Р. Концептосфера "Право-Закон-Преступление-Наказание-Милосердие" в русской языковой картине мира: на материале фразеологии: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Уфа, 2013.
14. Ковалишин П. Ю. Средства языковой репрезентации и семантическая структура культурных констант "Бог", "вера", "деньги", "закон", "суд" (на материале сборника русских пословиц и поговорок В. И. Даля): Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Калининград, 2011. EDN: QFOSAL
15. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Русский язык Медиа, 2009. 814 с.
16. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 534 с.
17. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М.: Рус.яз. – Медиа, 2005. 467 с.
18. Словарь употребительных пословиц // М. В. Буковская, С. И. Вяльцева, З. И. Дубянская и др. М.: Русский язык, 1990. 240 с.
19. Apperson G. L. The Wordsworth dictionary of proverbs. Wordsworth editions Ltd, 1993.
20. Longman Contemporary English Dictionary. Harlow (GB): Longman, 2001. 1668 с.
21. Smith W. G. The Oxford dictionary of English proverbs. Oxford, 2008. 625 p.
22. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder, 2014. 592 p.
23. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах / Под общей редакцией А. Ф. Лосева. Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1976. Т. 2.
24. Пронина М.А. Правовая культура в России, Великобритании и Китае: понятие, содержание, взаимодействие // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2012. № 1 (16). С. 222-226.
25. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2010. 320 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена сопоставительному структурно-семантическому анализу английских и русских пословиц со значением «закон», «суд» и «судья» в аспекте их выразительности и лингвокультурной коннотации. Актуальность работы не вызывает сомнения: менталитет, культура, история народа отражаются в его языке и особенно ярко представлены во фразеологических единицах, выполняющих функцию сохранения и наследования житейской мудрости и опыта через поколения. Они емко и образно передают традиционные ценности и взгляды отдельной национальной группы или народа, особенности взаимоотношений их носителей и, следовательно, вызывают научный интерес ученых. Значительное количество пословиц со значением «закон», «суд» и «судья» в русской и английской фразеологической картине мира свидетельствует о важности данного института в социуме.

Теоретической основой научной работы выступили труды по вопросам лингвокультурологии; теории фразеологии; лингвокультурологическому анализу паремий и идиом, в том числе с компонентом «закон»; по культурным кодам; концептосфере «право-закон-преступление-наказание-милосердие» в языковой фразеологической картине мира; правовой культуре в различных странах; стереотипам

поведения, традициям, ментальности русских и т. д. Библиография статьи насчитывает 25 источников, в том числе лексикографические, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза; обзор научной литературы; описательный и сравнительно-сопоставительный методы; метод сплошной выборки; функционально-стилистический, структурно-синтаксический, компонентный, когнитивный, дискурсивный, историко-этимологический, лингвокультурологический, переводоведческий анализы, а также элементы метода герменевтической интерпретации и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель исследования и решены поставленные задачи; в соответствии со значениями и вербальным выражением рассмотрены двенадцать основных групп пословиц (например, утверждающие главенство закона и необходимость его соблюдения; со значением «законы не носят универсальный, вневременной характер, т.е. меняются в зависимости от места, времени, обычаев и традиций, а также смены власти»; со значением «трактование закона зависит от желания человека»; со значением «искажение законов и их неправильное применение зависит от общественного положения судьи, истца и ответчика»; со значением «закон сам по себе выступает как источник бед, изъян заключён в самой сути законов» и т. д.). В заключении сформулированы обоснованные выводы о том, что в пословицах о законе, суде и судьях хорошо видны особенности, продиктованные историко-культурными отличиями («в английских пословицах суждения высказываются в менее категорической форме в отличие от русских пословиц, что согласуется с выводами антропологов о свойственной англичанам манере выражаться расплывчато, вежливо и менее категорично»; «пословицы, выражающие проблемы и недостатки судопроизводства, в целом более выразительны и построены на ярких образных сопоставлениях в обоих языках» и др.).

Теоретическая значимость работы очевидна и заключается в сравнительно-сопоставительном и лингвокультурологическом анализе паремиологического корпуса русского и английского языков, посвященного институту права. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в исследованиях по теории языка, сравнительной лингвистике, семасиологии, лексикологии, лексикографии, так и в процессе преподавания вузовских курсов по фразеологии и лексикологии русского и английского языков.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения тяготеет к научному типу, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Журавлева Н.С. Топонимическое пространство как часть ономастикона «космических» романов И. А. Ефремова

// Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74881 EDN: GKEXDZ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74881

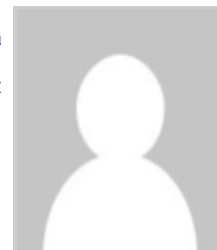
Топонимическое пространство как часть ономастикона «космических» романов И. А. Ефремова

Журавлева Наталья Сергеевна

соискатель ученой степени кандидата наук
ФГАОУ ВО «ГУП»

127106, Россия, г. Москва, р-н Марфино, ул. Гостиничная, д. 5

✉ Natasha.zhuravleva99@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74881

EDN:

GKEXDZ

Дата направления статьи в редакцию:

17-06-2025

Аннотация: Работа посвящена рассмотрению топонимического пространства как когнитивного механизма субъективизации реальных и ирреальных географических объектов. Объектом исследования стали узуальные и окказиональные топонимы "космических" романов И.А. Ефремова. Предмет исследования состоит в описании лексикографического представления индивидуально-авторских топонимов в проекте словаря. Классификация топонимов по объектам номинаций представлена восьмью группами онимов: оронимы, гидронимы, спелеонимы, ойконимы, урбанонимы, экклезионимы, названия стран, континентов и регионов; названия островов и полуостровов. Топонимы являются изобразительно-выразительным средством писателя-фантаста, так как соединяют в себе реальное и ирреальное в художественном пространстве, и средством писателя-ученого, что подтверждает разнообразие номинаций природных объектов в романе. Вместе с тем, одной из функций топонимов в романах является моделирование образа будущего цивилизации "Великое Кольцо". Для достижения поставленной цели были использованы методы: классификационный метод (виды топонимов по теории Э.М. Мурзаева); лексикографический метод (новаторский

подход к созданию авторского ономастикона). Доказывается, что разнообразие топонимических объектов определяет целостность идейно-художественного пространства вымышленного мира. Описывается мегаструктура ономастикона: Человек (антропонимы); Пространство (топонимы); Космическое пространство (космонимы и астронимы); Время (хрононимы); Растения (фитонимы); Организации (эргонимы); Средства передвижения (порейонимы). Определяются принципы лексикографического описания топонимов в проекте Идеографического словаря языка И. А. Ефремова: общеупотребительное название; разделение на группы по разрядам онимов; разделение на колонки по оппозиции цивилизаций; выделение окказиональных топонимов пометой («*»); субъективный выбор цитаты для характеристики идиостиля писателя. Выделяются зоны словарной статьи: заглавное слово, частотность, сочетаемость. Новизна исследования заключается в представлении методики лексикографического описания топонимов как части ономастикона писателя фантаста и ученого И.А. Ефремова. Статья является частью целостного исследования ономастического пространства «космических» романов И.А. Ефремова – с целью составления Идеографического словаря языка писателя и выявления индивидуально-авторского способа моделирования действительности.

Ключевые слова:

авторский словарь, идеографический словарь, топонимическое пространство, ономастикон, образ будущего, окказионализм, И.А. Ефремов, идиостиль, зона словарной статьи, ноосфера

Введение

В авторской лексикографии одним из актуальных вопросов является механизм описания имен собственных. Выделяются следующие проблемы: принципы построения ономастиконов к произведениям; способы фиксации и обработки различных типов имен собственных в общих и специальных словарях; выбор формата и составления мега-, макро- и микроструктуры ономастических писательских словарей; собственно границы понятия ономастики [\[13, 18, 20, 21\]](#). Многообразие имен собственных отражает процесс субъективизации понятий и знаний и репрезентируется в языке качестве элемента картины мира [\[1, 2, 3, 4\]](#). Когнитивные механизмы номинации определяют функциональный потенциал онима. Так, можно говорить, что особенность локализации имени собственных на тезаурусном уровне характеризует особенности не только определенной языковой личности, но и всего общества [\[5, 8, 15, 16\]](#). Проект Идеографического словаря языка И.А. Ефремова [\[12\]](#) строится в рамках современной научной лексикографической парадигмы [\[13\]](#), где интегрированы различные лексикографические формы (гlossарий, ономастикон и др.), апробирован инновационный способ организации микроструктуры (грамматическая характеристика, частотность, сочетаемость, лексические комбинации) и макроструктуры (идеографическое описание лексики по триаде понятий *Человек – Природа – Наука*). Ономастический материал представлен в отдельной рубрике словаря – «Имя собственное».

Целью данной статьи является классификация топонимического пространства и описание его лексикографического представления в проекте Идеографического словаря языка И. А. Ефремова как части ономастического пространства образа будущего. Объектом исследования являются собственно узуальные и окказиональные топонимы.

И. А. Ефремов – доктор биологических наук, палеонтолог, научный деятель в советскую эпоху, а также автор многих научно-фантастических произведений. Его «космические романы», к которым мы относим романы «Час Быка» (1970), «Туманность Андромеды» (1957) и повесть «Сердце Змеи» (1958), объединены общей целью – создание образа будущего, где главным определяющим фактором взаимодействия человека и природы является разум. Становление такого взаимодействия между человеком и природой посредством науки воплощается в эволюционной концепции – ноосфера [6].

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретическую базу данного исследования составляют труды ономастов: М. В. Горбаневского, Э. М. Мурзаева, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, И.А. Королевой [8, 20, 14, 24]. Топонимы в романах И. А. Ефремова исследовались М. Г. Цинкобуровой в географическом аспекте, где задача перед автором стояла выяснить правдоподобность описания географических объектов и их местоположения [25]. Настоящее же исследование представляет лингвистическое описание топонимического пространства в «космических» романах и способ их лексикографического описания.

Анализируя онимы «космических» романов И. А. Ефремова, подименем *собственным* будем понимать «свернутый культурный код, который при детальном изучении поддается расшифровке и репрезентирует значительный объем информации, часть которой универсальна, часть имеет национально-специфический характер» [14, с. 32]. Под термином *ономастическое пространство* мы понимаем сумму имен собственных в языке народа в определенный период, использующихся для наименования объектов. Согласно мнению А. В. Суперанской, структура ономастического пространства имеет ядро и периферийные разряды названий [22, с. 9; 23, с.16]. Ономастическое пространство «космических романов» И. А. Ефремова состоит из 237 онимов. В него входят следующие разряды онимов: антропонимы, топонимы, космонимы, фитонимы, эргонимы, хрононимы и порейонимы.

Особый интерес представляют топонимы окказионального происхождения. Сюжет с путешествием главных героев по глубинам космоса, по «новой» Земле, по другой планете направлен на придание ирреальности повествованию. В его фантастических романах часто фигурируют не конкретные географические объекты, а абстрактные, возникшие «на стыке каких-то зрительных ассоциаций и научных данных» [10, с. 143]. Топонимы становятся ещё одним изобразительно-выразительным средством языка писателя, которое несёт в себе авторскую концепцию будущего.

Результаты исследования и обсуждение

Рассмотрим особенности топонимического пространства «космических» романов. Топонимическое пространство состоит из 71 лексемы. При описании топонимов была использована классификация Э. М. Мурзаева по объектам номинаций [17], на основании которой мы выделяем 8 групп онимов: оронимы, гидронимы, спелеонимы, ойконимы, урбанонимы, экклезионимы, названия стран, континентов и регионов; названия островов и полуостровов.

Самую большую группу представляют названия стран, континентов и регионов: Австралия, Африка, Южная Америка, Центральная Америка, Антарктида, Полинезия, Исландия, Аргентина, Новая Зеландия, Ирландия, Тибет, Кубань, Причерноморье, Канада, Китай, Россия, Япония, Германия. Такое разнообразие объектов говорит об

особенности восприятия художественного пространства ученого-палеонтолога И. А. Ефремова, которое включает в себя всю планету. Масштаб повествования отражает широкий спектр географических объектов и восприятие пространства как единого планетарного пространства. Кроме того, названия стран в «космических» романах нужны только для создания топонимического ирреального пространства образа будущего на основе реального топонимического пространства прошлого.

В группу оронимов, к которым относятся онимы, характеризующие «имя рельефа земной поверхности» [\[20, с. 99\]](#), входят следующие объекты: *Западно-Сибирская низменность, Средне-Сибирское плоскогорье, Южно-Африканское плоскогорье, плоскогорье Нахэбта, Приалтайская степь, гора Кения, пустыня Нефуд, пустыня Руб-эль-Холи, пустыня Атакама, пустыня Намиб, равнина Эль-Хомра, плоскогорье Реват, степь Декана, Красные горы, равнина Мен-Зин, гора Амрия-Мачен, Поперечный кряж* Их можно разделить на узуальные и окказиональные. Использование одновременно в одном тексте реальных и ирреальных географических объектов соединяет прошлое и будущее, где идеальная модель цивилизации И.А. Ефремова опирается на прошлый опыт человечества: «Невысокие холмы, тихие реки с широкими долинами — простором и покоем веяло от этого устойчивого и плоского участка земной коры, некогда называвшегося Западно-Сибирской низменностью» [\[10, с. 80\]](#). Обратим внимание на окказиональные оронимы, так как именно этот аспект изучения топонимов представляет для нас наибольший интерес. Для романа «Туманность Андромеды» характерны оронимы, называющие пустыни, такие как *Нефуд, Атакама, Намиб* и другие. Такое число пустынь на планете Земля в утопическом мире писателя говорит не об истощении природных ресурсов, а наоборот о том, что человек смог обуздать природу и направить её на улучшение благосостояния человечества: «Наконец внизу разостлались бесконечные поля термоэлементов в пустынях Нефуд и Руб-эль-Хали – гигантских силовых станций, превращавших солнечное тепло в электроэнергию» [\[10, с. 188\]](#). По структуре оронимы можно разделить на оронимы, состоящие из одного или нескольких компонентов. Большинство лексем состоящих из 2 компонентов характерно для создания художественного пространства планеты Ян-Ях в романе «Час Быка»: «За нами находилась некогда большая река, протекавшая по плодородной равнине Мен-Зин, и один из древнейших городов планеты Кин-Нан-Тэ» [\[11, с. 178\]](#).

Группа гидронимов (имена рек, ручьев, морей и т.д.) тоже является одной из многочисленных: *Средиземное море, Красное море, Индийский океан, Атлантический океан, внутреннее море Целебес, Беренгов пролив, Палкский пролив, озеро Ментал, р. Луалаба, р.Иртыш, р. Обь, р. Белая, р. Галле, р. Тром-Юган, Зеркальное море, Экваториальный океан*. Гидроним *Ментал* (происходит от лат. mentalis «умственный, рассудочный») метафорично раскрывает предназначение молодого поколения: «Провести дорогу к озеру Ментал сквозь острый гребень хребта...» [\[10, с. 141\]](#). Использование таких гидронимов, как *р. Луалаба* и *р. Галле*, говорит о детализации при описании художественного пространства, так как *р. Луалаба* – это верхнее течение реки Конго в Африке: «Около пешеходного моста, перекинутого над сизыми плоскими кронами атласских кедров, возвышалась пирамида из белого фарфоровидного аплита с реки Луалабы» [\[10, с. 139\]](#). Гидроним *Тром-Юган* является морфологическим окказионализмом, так как автор изменил первоначальное название реки *Тромьеган*. Гидронимы *Зеркальное море* и *Экваториальный океан* образуют водное художественное пространство планеты Ян-Ях и характеризуют особенности планеты, а именно насыщенность моря углекислотой, что делает его прозрачным, и высокая скорость вращения планеты, которая повлияла на создание единого *Экваториального океана*

между симметричными полюсами. И. А. Ефремов уделяет такое внимание описанию планеты Ян-Ях, чтобы сравнить её с Землей и прийти к выводу об уникальном строении планеты Земля: «Вероятно, глубины Торманса спокойнее, чем земные, — не так резки поднятия и опускания, нет или мало действующих вулканов, слабее землетрясения» [\[11, с. 49\]](#). Логика описания гидронимов демонстрирует характеризующую функцию личности писателя-фантаста с научным типом мышления.

Группа названий островов и полуостровов (*о. Бали, о. Родос, о. Матерей – Ява, о. Крит, о. Забвения, п - ов Чукотский, п-ов Аравийский, о. Сицилия, п-ос, Лабрадор, о. Гренландия*) содержит два названия, не относящихся к географическому местоположению. Они скорее имеют в тексте символическую функцию. Название каждого острова отражает тип устройства общества, который не характерен для утопической картины мира И.А. Ефремова. *Остров Матерей-Ява* – изолированное пространство для тех, кто решил воспитывать детей самостоятельно: «... в прежних обществах было возможно лишь для родителей, бабушек и дедушек, а более всего для матерей... Зачем обязательно всё время быть с маленьким — ведь это тоже пережиток тех времён, когда женщины вынужденно вели узкую жизнь и не могли быть вместе со своими возлюбленными. А вы будете всегда вместе, пока любите...» [\[10, с. 232\]](#). *Остров Забвения* – место для ссылки преступников, на котором существование людей обусловлено не морально-нравственными законами, как на всем Великом Кольце, а царит беззаконие и основой жизни является земледелие: «Этот громадный остров, окружённый тёплым океаном, был природным раем. Рай в примитивных, религиозных представлениях человека — счастливое посмертное убежище, без забот и труда. И остров Забвения тоже был убежищем для тех, кого не увлекала уже напряжённая деятельность Большого Мира, кому не хотелось работать наравне со всеми» [\[10, с. 189\]](#). Каждый остров представляет собой концепцию чуждого автору мироустройства. *Остров Матерей-Ява* характеризует отжившую для будущего систему воспитания, а *Остров Забвения* – земледельческий труд.

К группе спелеонимов, под которыми мы понимаем «имя любого природного подземного образования» [\[20, с. 121\]](#), относятся две лексемы. Спелеоним *Кон-и-Гут* имеет узуальное происхождение, а *Ден-Оф-Куль* – окказиональное. Авторский интерес к пещерам обусловлен созданием общества, в котором наука и искусство являются одними из самых важных аспектов человеческой жизни, так как помогают раскрыть историю и не повторить её ошибок в будущем. И. А. Ефремов переводит название пещеры: «Скоро выяснилось, что местность совпадает с описанием расположения легендарной многовековой давности пещеры Ден-Оф-Куль, что на исчезнувшем языке означало “Убежище культуры”» [\[10, с. 243\]](#).

Под термином *ойконим* мы понимаем «имена населенных мест» [\[20, с. 98\]](#), их в «космических» романах следует разделить на две подгруппы: ойконимы из романа «Туманность Андромеды» и ойконимы из романа «Час Быка» (*г. Средоточие Мудрости, г. Чендин-Тот, г. Кин-Нан-Тэ*). В романе «Туманность Андромеды» человечество избавилось от городов, а их заменили или нумерованные поселки, или станции. На планете Ян-Ях в романе «Час быка», которая была характеризована, как отстающая, автор представил три города. Номинация *Средоточие Мудрости* узуальная, однако имеет отрицательную коннотацию. При описании данного художественного пространства в тексте автор явно подмечает его отрицательные черты: «Чеди старалась определить, откуда несется этот нестройный шум, чтобы понять, зачем так шумят люди, понимающие,

что при плохом устройстве своих домов они мешают соседям» [11, с. 234]. Город *Средоточие Мудрости*, при описании которого можно заметить схожесть с современными нам городами, противопоставляется поселениям утопической Земли, где не только технический прогресс обеспечил благосостояние людей, но и высокая нравственность. Фонетическими являются окказионализмы г. *Чендин-Тот* и г. *Кин-Нан-Тэ*, под которыми мы понимаем такой способ образования окказионализма, когда подбираются звучные / незвучные согласные и гласные и образуется «новое» слово. Для номинативов планеты Ян-Ях характерен состав из нескольких компонентов. Окказионализму г. *Кин-Нан-Тэ* присуща отрицательная коннотация, это вымерший город, в котором погибают главные герои: «Здесь чувствовалась та же недобрая монументальность архитектуры, как и в садах Цоам, только откровеннее. Каждое из огромных зданий предназначалось для умаления человека, дабы он ощущал себя ничтожной легкозаменяемой дешевой деталью общественного механизма, в котором он выполнял работу, не рассуждая и не требуя понимания» [11, с. 184]. Также в эту группу следует отнести в эту группу лексику *Сады Цоам*, как рощу, в которой живет правитель планеты *Чойо Чагас*, что также обладает отрицательным коннотатом.

В топонимическом пространстве был представлен один урбаноним – «собственное имя любого внутригородского топографического объекта» [20, с.139] – назван, улица *Хей-Гой – Цветов Счастья*. И. А. Ефремов раскрывает значение лексики: улица *Цветов Счастья*. Следовательно, описание деталей города является для автора маловажным аспектом повествования. Урбаноним имеет окказиональное происхождение и состоит из двух компонентов. Для автора было более важным описать систему города планеты Ян-Ях, в котором улицы делятся на заселенные «кжи» (краткожителями) и «джи» (долгожителями). Данный урбаноним имеет символическую функцию социального «неравенства» на планете Торманс и тирании: «Непосредственное соприкосновение с «дефектами» началось с первых дней жизни на улице Цветов Счастья...» [11, с. 238].

Рассмотрим такой класс топонимов как экклезионим, под которым понимается «имя места совершения обряда» [20, с.149]. Группа экклезионимов в текстах была представлена одной лексемой *Пнег-Киру*. Окказиональное происхождение и двухкомпонентная основа лексики говорит о принадлежности её к пространству планеты Ян-Ях. Мы можем предположить, что первый компонент лексики (*пнег*) имеет узвальное происхождение, так как в 1959 году, за 9 лет до публикации романа «Час Быка», была создана Партия народного единения Гаити (ПНЕГ). Она действовала в нелегальных условиях и подвергалась гонениям. Место захоронения *Пнег-Киру* и обелиска в романе посвящено величайшей битве древности, исход которой установил диктатуру на планете Ян-Ях. Так, экклезионим *Пнег-Киру* является пространственной метафорой.

Топонимическое пространство в романах И. А. Ефремова представлено либо уже существующими объектами с сохранением названия (*р. Обь, о. Гренландия, Красное море*), либо существующими объектами с новым названием (*Тром-Юган, Остроа Забвения*), либо вымышленные объекты. Стоит отметить, что вымышленные объекты характерны для описания планеты Ян-Ях, а новые названия у уже существующих объектов выполняют функцию мифологизации, так как несут в себе особый подтекст. Например, описание местоположения Острова Забвения соответствует положению в океане острова Шри-Ланка («благословенная земля» - санскрит). По мусульманским легендам именно на этот остров сбежал Адам. Автор явно проводит здесь параллель с героем Мвен Масом и сравнивает первозданный Рай и утопический: «Этот громадный остров, окруженный теплым океаном, был природным раем. Рай в примитивных,

религиозных представлениях человека – счастливое посмертное убежище, без забот и труда. И остров Забвения тоже был убежищем для тех, кого не увлекала уже напряженная деятельность Большого Мира, кому не хотелось работать наравне со всеми...» [10, с. 189]. Окаzionaliальные топонимы, которые характеризуют вымышленную планету Ян-Ях, выполняют функцию миромоделирующую и мистифицирующую, так как создают эффект подлинности вымышленного мира.

Обозначим принципы лексикографического описания топонимов «космических» романах И.А. Ефремова и зоны словарной статьи в проекте Идеографический словарь языка И. А. Ефремова. Во-первых, в ономастикон мегаструктуры словаря входят все виды онимов. Он состоит из следующих рубрик: Человек (антропонимы); Пространство (топонимы); Космическое пространство (космонимы и астронимы); Время (хрононимы); Растения (фитонимы); Организации (эргонимы); Средства передвижения (порейонимы). Выбор в пользу общеупотребительного названия рубрики, а не термина был сделан из-за предназначения словаря не только исследователям современного русского языка, национальной картины мира и культуры, а всем любителям русской научной фантастики и ефремоведам.

Рубрика «Пространство», состоящая из разных видов топонимов, имеет свои особенности в макроструктуре: а) страны, континенты, регионы; б) рельефы; в) водоемы; г) острова и полуострова; д) подземные образования; е) населенные места (ойконимы и урбанонимы); ж) обрядовые места. Необходимость в выделении лексических групп в структуре словаря обусловлена научной картиной мира писателя. Классификация земного пространства является доминантой идиостиля И. А. Ефремова как палеонтолога.

Для наглядности демонстрации оппозиции двух цивилизаций в «космических» романах – цивилизации «Великое Кольцо» с административно-правовым устройством с опорой на концепцию «ноосферы» и цивилизации планеты Торманс с тиранией – расположение словарных статей предполагается в две колонки, где слева будут расположены географические объекты планеты Земля, а справа – географические объекты планеты Торманс.

Зоны словарной статьи в ономастиконе «космических» романов И.А. Ефремова следующие: заглавное слово, частотность, примеры сочетаемости. Для различения реальных и ирреальных географических объектов окказионализмам в словарной статье добавляется знак «*». Примеры сочетаемости подбираются субъективно с целью продемонстрировать особенности идиостиля писателя и научно-фантастического жанра. Каждой цитате присваивается помета, отсылающая к определенному произведению – «Туманность Андромеды» 1957 (ТА), повесть «Сердце Змеи» 1958 (СЗ), «Час Быка» 1970 (ЧБ). Приведем пример словарных статей для онимов Средиземное море и Зеркальное море.

Средиземное море (13): Наиболее плотное население сосредоточилось у колыбели человеческой культуры — *Средиземного моря* (ТА). Я перебросу луч-вектор через *Средиземное море* прямо на Эль Хомру (ТА).

Зеркальное море* (8): Удивительная симметрия приземистых, поставленных вершиной вниз конусов напомнила о постоянном безветрии в окрестностях *Зеркального моря* (ЧБ). Да, опасность куда страшнее, чем лимаи *Зеркального моря* и пожиратели черепов в лесу (ЧБ). Теперь они хотят обследовать брошенные города и уцелевшие первобытные леса в зоне *Зеркального моря* (ЧБ).

Заключение

Таким образом, по ономастической классификации топонимы состоят из оронимов, гидронимов, спелеонимов, ойконимов, урбанонимов, экклезионимов, названий стран, континентов и регионов; названий островов и полуостровов. Многообразие топонимов и масштабность, охватываемых писателем-фантастов топонимических объектов, характеризует И.А. Ефремова как футуролога, цель которого в художественном произведении состоит в демонстрации образа будущего. Богатство топонимического пространства необходимо И.А. Ефремову для связи реальной и ирреальной действительности при изображении альтернативной истории. Особенности ономастической классификации топонимов отражены в разделе «Пространство» ономастикона как части мегаструктуры проекта Идеографического словаря языка И. А. Ефремова. Принципы лексикографического описания топонимов: разделение на разряды (оронимы, спелеонимы и др.); отсутствие ономастических терминов в самой структуре словаря (обращение словаря к широкому кругу читателей); разделение на колонки по типам цивилизации; наличие особой пометы для окказиональных топонимов («*»); выбор цитаты в зоне сочетаемости в словарной статье субъективный (для отражения идиостиля писателя).

Вымышленный мир характеризует писателя-фантаста как языковую личность с научным типом мышления, чьи когнитивные механизмы номинации географических объектов продемонстрировали способ моделирования действительности.

Библиография

1. Arturo G., Giuseppe M., Valeria P. Geography Notes on Critical Toponymy // *Semestrare di Studi e Ricerche di Geografia*. – 2023. – XXXV (1). – С. 7-14.
2. Siegfried I. Inoffizielle Ortsnamen // *Namenkundliche Informationen*. – 2017. – № 109/110. – С. 538-547.
3. Wideman T., Masuda J. Assembling "Japantown"? A critical toponymy of urban dispossession in Vancouver, Canada // *Urban Geography*. – 2018. – № 39(4). – С. 493-518.
4. Woodman P. Perception and Identity in Geographical Names: The Potential for Cultural Misunderstanding / Murdock D. G., Tomes R. R., Tucker C. K. (eds) *Human Geography: Socio-Cultural Dynamics and Challenges to Global Security* // *United States Geospatial Intelligence Foundation Monograph*. – 2014. – № 1. – С. 135-138.
5. Болотина К. Э. Ономастические доминанты в языковой картине мира квебекцев: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 24 с. EDN: EFZPNE.
6. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1965. – 377 с.
7. Голубничая А. В. Ономастическое пространство нормативно-научного макротекста "Русский язык" в статике и динамике: дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2021. – 263 с. EDN: ХТКFSU.
8. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: филологические этюды. – М.: Просвещение, 1988. – 210 с. EDN: ТУАКZI.
9. Ефремов И. А. На пути к роману "Туманность Андромеды" // *Вопросы литературы*. – 1961. – Т. 2. – С. 142-153.
10. Ефремов И. Сочинения в 3-х тт. Т. 3. – М.: 1976. – 384 с.
11. Ефремов И. А. Час быка / И. А. Ефремов. – М.: Терра-Книжный клуб, 1999. – 368 с.
12. Журавлева Н. С. Методика составления идеографического частотно-грамматического словаря И. А. Ефремова // *Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного текста: материалы Всероссийской научной конференции студентов (17 декабря 2021 года) / отв. ред. Н. В. Халикова*. – М.: МГОПУ, 2023. – С. 19-23.
13. Карпова О. М. Английская лексикография культурного наследия в электронно-

цифровую эпоху (на материале словарей языка писателей) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 3. – С. 41-47. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-41-47 EDN: GZKHVG.

14. Королева И. А. Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филологические науки. – Калининград: БФИ им. И. Канта, 2015. – Вып. 8. – С. 31-39.

15. Лакина С. В. Ономастическое пространство дисциплины "Античная литература": на материале отечественных учебников для высших учебных заведений: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2024. – 299 с.

16. Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. – 576 с.

17. Мурзаев Э. М. Топонимика и география // Вести МГУ. – 1963. – № 3. – С. 106-109.

18. Никонов В. А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 179 с.

19. Плешков Е. С. Значение имени собственного как лингвистическая проблема // Вестник ЮУрГУ. Серия "Лингвистика". – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 71-75. DOI: 10.14529/ling170312 EDN: ZEZCRV.

20. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: 1988. – 192 с.

21. Рут М. Э. Имя и образ: динамический аспект // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. научно. конф. / Ин-т славяноведения РАН. – М., 2001. – Ч. 1. – С. 15-19.

22. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 2012. – 366 с.

23. Супрун В. И. Имена и именины. – Волгоград, 1997. – 172 с.

24. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 171 с. EDN: IQFELM.

25. Цинкобурова М. Г. Топонимическое пространство романа И. А. Ефремова "Туманность Андромеды" // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. статей. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – С. 286-289. EDN: VTCZTX.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению топонимического пространства как части ономастикона «космических» романов И. А. Ефремова. Актуальность предмета исследования не вызывает сомнения: изучение топонимов в художественных произведениях, установление особенностей авторского подхода к их подбору, анализ топонимического пространства исследуемых произведений способствует выявлению заложенных в них скрытых смыслов. Принимая во внимание тот факт, что «в авторской лексикографии одним из актуальных вопросов является механизм описания имен собственных», видится важным изучение топонимического пространства и описание его лексикографического представления в проекте Идеографического словаря языка И. А. Ефремова как части ономастического пространства образа будущего.

Теоретической основой исследования выступили труды российских и зарубежных ученых, посвященные теоретическим аспектам имени собственного; топонимике; ономастическому полю русского языка и его художественно-эстетическому потенциалу; ономастике в художественной литературе; топонимам как свернутому лингвокультурному коду и др. Библиография статьи насчитывает 25 источников, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта

изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию; количественный и качественный анализы; сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический методы; семантический и культурологический анализы и др. При описании топонимов использована классификация Э. М. Мурзаева по объектам номинаций, на основании которой выделены 8 групп онимов: оронимы, гидронимы, спелеонимы, ойконимы, урбанонимы, экклезионимы, названия стран, континентов и регионов; названия островов и полуостровов.

В ходе исследования подробно рассмотрены особенности топонимического пространства «космических» романов, которое состоит из 71 лексемы; выделены принципы лексикографического описания данных топонимов и зоны словарной статьи в проекте Идеографический словарь языка И. А. Ефремова (заглавное слово, частотность, примеры сочетаемости); сформулированы обоснованные выводы о том, что «многообразие топонимов и масштабность, охватываемых писателем-фантастом топонимических объектов, характеризует И. А. Ефремова как футуролога, цель которого в художественном произведении состоит в демонстрации образа будущего», «вымышленный мир характеризует писателя-фантаста как языковую личность с научным типом мышления, чьи когнитивные механизмы номинации географических объектов продемонстрировали способ моделирования действительности» и др.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования связана с его вкладом в развитие литературной ономастики как особого раздела науки об имени собственном в художественном тексте и с изучением топонимического пространства как одной из разновидностей ономастического пространства, а также в описании лексикографического представления топонимического пространства в проекте Идеографического словаря языка И. А. Ефремова и в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

Содержание работы соответствует названию, логика исследования четкая. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цай И. Раннее романтическое творчество Максима Горького в рецепции литературоведения Китая // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.72483 EDN: GNIDMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72483

Раннее романтическое творчество Максима Горького в рецепции литературоведения Китая

Цай Ицин

ORCID: 0009-0002-3769-4766

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, Д.15, 14

✉ c1123485073@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.72483

EDN:

GNIDMM

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2024

Аннотация: Предметом исследования является эволюция восприятия и вариативность трактовок произведений раннего романтического творчества Максима Горького в Китае. Объектом исследования являются работы китайских исследователей, посвященные творчеству русского классика за прошедшее столетие. Автор подробно рассматривает, как происходит процесс смещения акцентов китайских литературоведов в трактовке раннего романтического творчества Горького от политики и этики в сторону эстетики. Особое внимание уделяется таким работам, как «О ранних романтических произведениях Горького» (1980) Фу Линмей, «Босяцкие рассказы Горького» (1986) Чэнь Сиханя, «Вклад Горького в европейскую бродячую литературу и искусство» (1995) Ли Жибина, «О художественном стиле ранних бродячих произведений Горького» (1999) Тан Ихон, «Языковой стиль в рассказе "Старуха Изергиль"» (2012) Ян Пэна. В ходе исследования в данной статье используются корпоративный метод, культурно-исторический метод и герменевтический метод. Основным выводом проведенного исследования является обнаружение положительной динамики в горьковедении в Китае.

Особым вкладом автора в исследование темы является то, что он указывает на постепенное изменение ракурса внимания китайских литературоведов с плана содержания на план формы, при этом уходит явно политизированная трактовка горьковских сочинений, больше говорится о содержательной форме – поэтике. Новаторство статьи заключается также в систематизации горьковедения в Китае, в обнаруживании в нем смещения акцентов от политики и этики в сторону эстетики, всего того, что ранее не отмечалось литературоведами ни в Китае, ни в России. Данная работа может способствовать активизации рассмотрения историко-литературных связей России и Китая, способствовать расширению тематики работ такого рода, что в итоге будет углублять дальнейшее взаимопонимание двух народов.

Ключевые слова:

Максим Горький, русская литература, ранние романтические произведения, история китайской литературы, литературоведение, рецепция, поэтика, интерпретация, горьковедение в Китае, эволюция

Максим Горький – одна из центральных фигур в истории первой трети словесности России XX века. В своем отечестве десятки лет его рассматривали как «певца революции», не удивительно, что и в революционном Китае именно так его воспринимали достаточно продолжительное время [\[1, с. 85\]](#). Говоря о Горьком, основоположник современной китайской литературы Лу Синь (1881–1936) давал ему самую высокую оценку: «Горький – великий, ни с кем не сравнимый писатель...» [\[2, с. 865\]](#).

Горький вошел в китайскую словесность в 1907 году, когда в Поднебесной вышел перевод с японского раннего горьковского рассказа «Каин и Артем» (1898). Рассказ не был замечен массовым читателем. Внимание к писателю имело взрывной характер после революционных событий в России в конце второго десятилетия XX века и связи этих событий с именем Горького. Массовый характер его переводы обрели, начиная с 1920-х годов, и далее шли по нарастающей. Тогда же в Китае стал распространяться марксизм, и горьковские произведения рассматривались исключительно сквозь призму модного в те времена учения. Можно сказать, они стали инструментами пропаганды социокommунистических идей в стране. Самое большое внимание привлекли такие произведения, как «Песня о Буревестнике» (1901), роман «Мать» (1906), автобиографическая трилогия «Детство», «В людях», «Мои университеты» (1913–1923). Они пережили многократные переводы и переиздания во втором и третьем десятилетиях прошлого века, огромную сочувствующую критику, безусловно, сыграли огромную роль в интеллектуальном сознании многих поколений китайцев.

Примечательно, названные произведения Горького-марксиста вошли в поле внимания китайских читателей и литературоведов раньше его ранних романтических произведений, исключение – «Песня о Буревестнике». Горький-романтик стал известен в Китае, примерно, двумя десятилетиями позже, после образования Китайской народной республики (1949). Тогда же возникли дискуссии вокруг самых первых, можно сказать, дебютных произведений писателя.

Рассмотрение истории горьковедения в Китае, осмысление ранних романтических произведений писателя в XX веке достаточно поучительно, оно особенно интересно в плане историко-функционального изучения словесности. Художественность,

эстетическая ценность – все это долгие годы было вне внимания китайских критиков и литературоведов. Причины такого подхода к литературному наследию Горького объясняются внутренними и внешними факторами. С одной стороны, Горьки был призван решать политические задачи молодого социалистического государства, с другой стороны, в Китай, пусть и с некоторой задержкой, проникли идеи, некогда рожденные в революционной России, идеи РАППа и ЛЕФа. В 1930 году в Китае образовалось свое сообщество революционной литературы – Левая Литература, руководящим представителем которой являлся вышеупомянутый классик Лу Синь. Позже один из основателей КНР председатель Мао Цзэдун, как некогда Ленин в России, объявил искусство «политическим фонографом», литературу «политическим рычагом», все эти установки немало повлияли на прочтение художественных текстов вообще и горьковских в частности [\[3\]](#).

Однозначная интерпретация сложных характеров в пропагандистских целях часто искажала авторский замысел. Так, например, романтический герой Данко провозглашался героем «нашего времени», личностью, жертвующей собой ради коллектива. Ларра описывался как негодяй, «крайний индивидуалист». Старуха Изергиль осуждалась за асоциальное поведение. Челкаш причислялся к пролетариям коммунистического толка, Гаврила – к носителям фундаментального зла частной собственности... Но, нельзя сказать, что изъяны вульгарно-социологической трактовки никто не заметил. В 1968 году, отвечая на вопросы анкеты журнала «Вопросы литературы», обращенной к писателям накануне столетия со дня рождения Горького, известный писатель Ю. Трифонов справедливо заметил, что Горький подобен лесу, «там есть и зверь, и птица, и люди, и грибы. А мы несем из этого леса только одни грибы...» [\[4, с. 16\]](#). Интересный факт, нечто похожее говорил китайский литературовед Ху Фэн задолго до Трифонова. В 1936 году Ху выступил против вульгарной трактовки горьковских произведений вообще и его ранних произведений в частности. Он сетовал на то, что художественная мысль Горького богата как море, а пространство, замеченное и исследованное отечественными литературоведами, слишком узко и поверхностно [\[5, с. 334\]](#). К сожалению, его голос долгие годы не был услышан.

В 1980 году вышла статья известного ученого Фу Линмей «О ранних романтических произведениях Горького». Автор уделяет внимание художественным достоинствам произведений писателя, говорит о его противостоянии модернистам-декадентам. Говоря о горьковских людях дна, автор проницательно замечает, что они уже не «униженные и оскорбленные» человечки, сошедшие со страниц предшествующей литературы, а потенциальные бунтари, недовольные существующим укладом, способные «сопротивляться и бороться...» [\[6, с. 101\]](#). Надо сказать, именно так понимал свое творчество М. Горький, который тогда писал А. Чехову: «Право же – настало время нужды в героическом... Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь, и как только она это начнет – жизнь прикрасится, т.е. люди заживут быстрее, ярче. А теперь – вы посмотрите-ка, какие у них дрянные глаза – скучные, мутные, замороженные...» [\[7, с. 47\]](#).

При этом основное пространство статьи отдано критическому разбору произведений еще с социологических, по сути рапповских, позиций. Ранние горьковские произведения, по мнению автора, созданы методом романтизма нового типа, который «не тождественен романтизму буржуазному, но не дотягивает до революционного романтизма пролетарской литературы», имеет «смутную пролетарскую окраску» [\[6, с. 99\]](#).

Здравые изменения в горьковедении Китая стали происходить со второй половины 1980-х годов.

В 1986 году, к 50-летию со дня смерти писателя, известный ученый Чэнь Сихань опубликовал статью «Босяцкие рассказы Горького». Это была первая попытка внимательного рассмотрения горьковских маргиналов, классифицировать их по происхождению, по путям схождения «на дно», анализируется язык персонажей, его органичность для каждого избранного характера. «Языковой стиль у Максима Горького, – писал он, – имеет фонологическую окраску народной рэп-литературы». Автор дает высокую оценку горьковским пейзажам, справедливо рассуждает о действенности приема контраста, об эстетической целостности и т. д. [\[8, с. 30–35\]](#).

Много внимания раннему Горькому уделяет современный исследователь европейской плутовской литературы Ли Жибин. Важно то, что он свободен от вульгарного литературоведения. В аннотации к статье «Вклад Горького в европейскую пикарескую литературу и искусство» (1995) Ли пишет: «Горький – блестящий мастер в художественном описании людей бродячего племени». Далее он сожалеет, что босяцкие произведения писателя не получили должного внимания от китайских и европейских исследователей словесности [\[9, с. 94\]](#).

Ли находит основание рассматривать Горького в ряду европейских писателей, начиная со Средневековья, которые описывали быт и жизнь изгоев общества. При этом автор статьи отмечает лаконизм горьковского письма, тот факт, что до русского писателя соответствующие тексты создавались в жанре романа, Горький же дал образцы в жанре рассказа, очерка, эскиза. Исследователь ставит Горького в еще более широкий контекст, выходит к рассмотрению босяцкой пьесы «На дне», связывает ее с драматургией отдаленного от Горького времени, с драматургией абсурда, где существенная роль отводится босякам, бездомным. Он упоминает пьесы француза Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо» (1949) и англичанина Гарольда Пинтера «Смотритель» (1960).

Как положительный момент мастерства Ли выделяет горьковское расширение нарративных возможностей. Он указывает на освоение Горьким повествования от третьего лица, тогда как предшественники, как правило, писали от первого лица.

Самое существенное, что отличает, по мнению автора статьи, босяков Горького, например, Челкаша, Коновалова, Орлова от босяков-предшественников – нечто сокрытое высокое в их натурах, философичность мышления [\[9, с. 94–98\]](#).

В октябре 1996 году в Пекинском университете состоялся штабный симпозиум по горьковедению, посвященный 60-летию со дня смерти прозаика и драматурга. Его участники вели и оживленную дискуссию, связанную с творчеством Горького и вокруг темы «Переосмысление Горького». Материалы симпозиума и сопутствующие ему статьи были опубликованы. Можно сказать, это был большой вклад в дело объективного изучения горьковского наследия.

Тогда же вышло много более сотни статей о писателе и драматурге. Уже названия этих статей говорят о смещении акцентов в понимании Горького, в трактовке его произведений. Они стали как бы ближе к филологии, к литературоведению. Для примера можно назвать такие публикации, как «Осмысление гуманизма в творчестве Горького» (1996) Вэй Цзяньго, «Горький и символизм» (1997) Чжоу Цичао, «Эстетика женских образах в творчестве Горького» (1997) Ма Сяохуа, «Об эстетике раннего творчества Горького» (1997) Ли Шурона, «О художественном стиле ранних бродячих произведений

Горького» (1999) Тан Ихон, «Об искусстве психологического анализа в автобиографических произведениях Горького» (1999) Чжао Гуанъюя. Среди них особо выделяется работа Тан Ихон.

Тан обращает внимание на то, что Горький предельно гуманно, сочувственно относится ко многим своим отверженным, они для него жертвы социального канибализма [\[10, с. 45\]](#). По ее мнению, лаконизму Горький учился у Чехова и в доказательство приводит строчки его письма к старшему коллеге с похвалой его краткости: «Вы есть человек, которому достаточно одного слова, для того чтоб создать образ...» [\[7, с. 18\]](#).

Значительное внимание Тан уделяет сравнению, излюбленному горьковскому тропу, который действительно очень существенен в поэтике мастера, например, в рассказе «Челкаш» (1894). Бывалый вор Гришка является как «старый травленный волк», усы у него «вздрагивали, как у кота», всех окружающих поражал «сходством с степным ястребом» и т. д. Она справедливо указывает на вариативность горьковского приема сравнения, на движение от сходства к различию, два главных персонажа отличаются отношением к свободе, к морю, к деньгам, в конечном итоге – к жизни.

Пейзаж также в поле исследования Тан. По ее наблюдениям, пейзаж часто оттеняет горьковский характер, его эмоциональное состояние, сочетается с развитием сюжета. Кроме того, отмечается ритмичность, музыкальность повествования [\[10, с. 47\]](#). Последнее положение читатель должен принять на веру, но сам факт обращения к такой тонкой поэтической материи весьма знаменателен.

В этом плане более доказательна статья Ян Пэна, вышедшая уже в текущем столетии. Она конкретно посвящается исследованию языковых особенностей рассказа «Старуха Изергиль» (1894). Автор явно хорошо владеет русским языком. В статье многократно цитируется рассказ, переводы сопровождаются соответствующими строчками оригинала. Ян Пэн обращает внимание на преобладание коротких и очень коротких предложений, что «работает» на разговорный нарратив, соответствующий горьковскому замыслу. Отмечается оригинальность начала рассказа, созданное сочетанием трех параллельных обстоятельств места: «Я слышал эти рассказы под Аккерманом, в Бессарабии, на морском берегу...».

Ян Пэн является одним из китайских горьковедов, работающих с фразой, ее звучанием. Он, в частности, обращает внимание на значимость ассонанса в творчестве русского художника слова. По его мнению, Горький обращается к ассонансу, чтобы «добиться фонетической гармонии». В ряду примеров – строчки из пролога рассказа: «Ветер тек широкой, ровной волной... Все это – звуки и запахи, тучи и люди – было странно красиво и грустно, казалось началом чудной сказки». Ян замечает, что в первом предложении «солирует» гласная «о», затем – «и», потом снова «о»... [\[11, с. 61\]](#). Объединения оригинального текста и перевода позволяет автору яснее доносить свои разного рода наблюдения.

В последние годы изучение раннего творчества Горького в Китае становится все более многоаспектным, появилось компаративное горьковедение, особое внимание здесь уделяется его босяцким рассказам, активно сравнивается Горький с «китайским Горьким», с известным писателем Ай У, признававшим свое ученичество у русского мастера слова. Самые знаковые работы этого ряда – статья Ван Лэя «Рассказы о босяках в творчестве Горького и Ай У» (2006). Автор говорит о сходстве и об отличительных особенностях их, о том, что китайский писатель мог перенимать у старшего коллеги. Пятью годами позже вышла публикация Чжан Цзяньфэня «Внутренний мир человека из

народа в изображении Горького и Ай У». Здесь речь идет об особенностях национальных характеров. Сравнение мастеров прозы продолжил известный ученый Хоу Минь, опубликовавший в 2014 году две статьи сопоставительного плана: «Босаяцкое творчество Горького и Ай У» и «О гуманизме Горького и Ай У». Можно предположить, что исследования в этом направлении продолжатся.

Упомянутые публикации – свидетельство непреходящего внимания китайских читателей и ученых к творчеству Максима Горького, в частности, к его ранним романтическим сочинениям. В последние десятилетия, исследователей все меньше и меньше занимает социально-политический дискурс русского писателя, внимание концентрируется на его именно художественных особенностях, на эстетической значимости произведений.

Библиография

1. Ян Ли, Ван Сицун. «Революционный Буревестник» в Шанхае – Перевод, введение и издание красной классики Горького в первой половине XX века // Шанхайский перевод. 2024. № 1. С. 84–88. (杨丽, 王溪淙. “革命的海燕”在上海 — 20世纪上半叶高尔基红色经典的译介与出版 // 上海翻译. 2024. № 1.)
2. Лу Синь. Сборник писем / Пекин: Издательство Народная литература, 1976. (鲁迅. 书信集. 人民文学出版社, 1976.)
3. Мао Цзэдун. Выступления на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани // Газета Цзефан Жибао. – 19.10. 1943. (毛泽东. 延安文艺座谈会讲话 // 解放日报. 19.10.1943.)
4. Трифонов Ю. В. Анкета журнала «Вопросы литературы» // Журнал Вопросы литературы. 1968. № 3. С. 16.
5. Ху Фэн. Фрагменты Горького – Комментарии Ху Фэна (верхний том) / Пекин: Издательство Народная литература, 1984. (胡风. 高尔基片段 — 胡风评论集(上册). 人民文学出版社, 1984.)
6. Фу Линмей. О ранних романтических произведениях Горького // Журнал Южно-Китайского педагогического университета (издание по философии и общественным наукам). 1980. № 4. С. 96–101. (符玲美. 高尔基早期的浪漫主义创作 // 华南师院学报(哲学社会科学版). 1980. № 4.)
7. Горький М. М. Горький и А. Чехов: Переписка, статьи и высказывания / Москва, Ленинград: Издательство Академия наук СССР, 1937.
8. Чэнь Сихань. Босаяцкие рассказы Горького // Журнал Янчжоуского педагогического института (издание по социальным наукам). 1986. № 4. С. 30–35. (陈熙汉. 高尔基早期作品中的“流浪汉小说” // 扬州师院学报(社会科学版). 1986. № 4.)
9. Ли Жибин. Вклад Горького в европейскую бродячую литературу и искусство // Журнал Хубэйского университета (издание по философии и общественным наукам). 1995. № 3. С. 94–98. (李志斌. 高尔基对欧洲流浪汉文学艺术的贡献 // 湖北大学学报(哲学社会科学版). 1995. № 3.)
10. Тан Ихон. О художественном стиле ранних бродячих произведений Горького // Журнал Янбэйского педагогического института. 1999. № 2. С. 45–48. (唐逸红. 论高尔基早期流浪汉小说的艺术风格 // 雁北师范学院学报. 1999. № 2.)
11. Ян Пэн. Языковой стиль в рассказе “Старуха Изергиль” // Русский язык. 2012. № 2. С. 58–62. (杨鹏. 《伊泽吉尔老婆子》的语言风格 // 俄语学习. 2012. № 2.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе является раннее романтическое творчество Максима Горького в рецепции литературоведения Китая, актуальность изучения которого определяется тем, что М. Горький принадлежит к числу писателей, отношение к которым менялось в связи со сменой общественной обстановки в России и в мире. Его вхождение в русскую и зарубежную (китайскую) литературу на рубеже XIX - XX веков было связано с ростом революционных идей в общественном сознании, с поисками новых художественных форм. Отмечается, что в Поднебесной «внимание к писателю имело взрывной характер после революционных событий в России ... Тогда же в Китае стал распространяться марксизм, и горьковские произведения рассматривались исключительно сквозь призму модного в те времена учения... они стали инструментами пропаганды социо-коммунистических идей в стране». Однако со второй половины 1980-х годов в горьковедении Китая стали происходить изменения: «рассмотрение истории горьковедения в Китае, осмысление ранних романтических произведений писателя в XX веке достаточно поучительно, оно особенно интересно в плане историко-функционального изучения словесности. Художественность, эстетическая ценность – все это долгие годы было вне внимания китайских критиков и литературоведов».

Теоретической базой научной работы послужили труды таких российских и китайских исследователей, как Ю. В. Трифионов, Фу Линмей, Ян Ли, Ван Сицун, Чэнь Сихань, Ли Жибин, Тан Ихон и др., охватывающие широкий круг вопросов по творчеству Максима Горького. Библиография насчитывает 11 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, интерпретативный анализ материала, историко-функциональный и биографический методы.

В результате проведенного анализа автор(ы) показывают непреходящее внимание китайских читателей и ученых к творчеству Максима Горького, в частности, к его ранним романтическим сочинениям: «в последние десятилетия, исследователей все меньше и меньше занимает социально-политический дискурс русского писателя, внимание концентрируется на его именно художественных особенностях, на эстетической значимости произведений» и делают вывод о том, что «в последние годы изучение раннего творчества Горького в Китае становится все более многоаспектным, появилось компаративное горьковедение, особое внимание здесь уделяется его босаяцким рассказам, активно сравнивается Горький с «китайским Горьким», с известным писателем Ай У, признававшим свое ученичество у русского мастера слова».

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение творчества Максима Горького, а также могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, стилистике художественной речи, по проблемам русской прозы начала XX века и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы исследования. Рекомендуем автору(ам) расширить материал, в том числе за счет его теоретического обоснования.

Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Раннее романтическое творчество Максима Горького в рецепции литературоведения Китая" рассматривает хронологию формирования представлений об авторском замысле М. Горького в Китае с момента первого перевода произведений писателя с японского языка и до настоящего времени.

Автор отмечает, что Горький и его произведения оказали значительное влияние на развитие китайской литературы в целом. Автор анализирует историю переводов произведений Горького на китайский язык, начиная с 1907 года, и их популярность среди китайских читателей. Автор статьи подробно разбирает достоинства и недостатки различных подходов китайских литературоведов к анализу содержания, художественной и идеологической ценности ранних романтических рассказов Горького.

В статье представлена периодизация взглядов на Горького, начиная от вульгарной политизированной трактовки до более умеренной позиции. Так, по мнению автора, в середине 1980-х годов произошёл сдвиг в восприятии русской литературы XX века, который отразился и на оценке творчества Горького.

В частности, рассматривается новаторство стиля Горького. Автор пишет, что китайский исследователь европейской литературы "Ли выделяет горьковское расширение нарративных возможностей. Он указывает на освоение Горьким повествования от третьего лица, тогда как предшественники, как правило, писали от первого лица".

Автор не делает акцент на выбранном методе, но из текста статьи видно, что метод представляет собой качественный контент-анализ.

В заключении автор делает вывод о том, что такое количество литературоведческих исследований говорит о "непроходящем внимании китайских читателей и ученых к творчеству Максима Горького, в частности, к его ранним романтическим сочинениям. В последние десятилетия, исследователей все меньше и меньше занимает социально-политический дискурс русского писателя, внимание концентрируется на его именно художественных особенностях, на эстетической значимости произведений".

В целом текст статьи соответствует научному стилю, и в нём не наблюдается значительных отклонений. Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

Представленный материал обладает теоретической и практической значимостью, а также является актуальным и новым.

Автор представил обширный список использованной литературы, что заслуживает уважения и вызывает доверие к представленным материалам.

Статья "Раннее романтическое творчество Максима Горького в рецепции литературоведения Китая" рекомендуется к публикации в журнале "Litera" представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение китайского литературоведения и горьковедения. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каюмова М.М. «Эволюция итальянской женской лирики XVI в: от Виттории Колонны к Лауре Террачине» //

Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74964 EDN: GNMQCE URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74964

«Эволюция итальянской женской лирики XVI в: от Виттории Колонны к Лауре Террачине»

Каюмова Мария Маратовна

ORCID: 0000-0001-8777-4639

преподаватель; Учебно-научный Российско-итальянский центр; Российский государственный гуманитарный университет

107564, Россия, г. Москва, Богородское р-н, ул. Наримановская, д. 25 к. 3, кв. 55

✉ kaumovamaria@yandex.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.6.74964

EDN:

GNMQCE

Дата направления статьи в редакцию:

24-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является творчество Виттории Колонны, Вероники Гамбары, Туллии Арагонской, Лауры Террачины и Вероники Франко. Анализируется мотив неуверенности в собственном таланте, характерный для ранней женской лирики, и его постепенное преодоление в творчестве Террачины и Франко, где женщина предстает отстаивающей свои интеллектуальные и творческие права. Особое место занимает вопрос включенности поэтесс в *querelle des femmes* («спор о женщинах»), их полемика с традиционными представлениями о женской природе и роли в обществе. Показано, как женская лирика эволюционирует от подражания Петрарке к самостоятельному выражению женского голоса, включая темы равенства полов и защиты достоинства женщин. Рассматриваются социо-культурные факторы, способствовавшие росту числа женщин-поэтесс: распространение книгопечатания, влияние женской аудитории на книжный рынок, а также просветительские инициативы Церкви. Отдельное внимание уделяется выявлению связей с традицией Петрарки и Ариосто и историко-литературном контексте (влияние развития книгопечатания,

распространение гендерных дискуссий). Использован компаративный метод (сопоставление женской и мужской рецепции Петрарки) и гендерный подход (изучение стратегии саморепрезентации поэтесс). Рассматриваемые литературные источники, будучи важными для понимания гендерных аспектов ренессансной культуры, остаются малоизвестными российскому читателю и не переведены на русский язык. Теоретическая база исследования опирается преимущественно на работы итальянских и американских авторов (Т. Плебани, К. Стеллы, Д. Шемек, В. Кокс, Т. Кривелли), в то время как в рамках отечественного литературоведения данная тема практически не разработана. Изучение стратегий женского авторства позволяет по-новому взглянуть на процессы формирования литературного канона эпохи Возрождения. Основные выводы исследования свидетельствуют о значительных изменениях в литературном статусе женщин к концу XVI века. Топос смирения постепенно уступил место открытым манифестам гендерного равенства. Анализ текстов показал эволюцию восприятия творчества Петрарки: от прямого подражания к отказу от платонической традиции. Женщины не только утвердились в литературном каноне, но и стали активными участницами культурных дискуссий. Исследование вносит вклад в изучение ренессансной поэтики и истории женского авторства, открывая перспективы для сравнительного анализа с другими национальными литературными традициями.

Ключевые слова:

женская лирика, итальянская поэзия, петраркизм, гендерные исследования, *querelle des femmes*, поэтика Возрождения, Виттория Колонна, Вероника Гамбара, Лаура Террачина, литературный канон

В этой статье мы рассмотрим женскую лирику XVI в., и то, как топосы, взятые из лирики Петрарки переосмыслились и перерабатывались в течение столетия. Согласно Т. Плебани, именно XVI в. породил большое количество женщин-поэтесс. Итальянская исследовательница связывает это с утверждением народного языка; появлением новых технологий книгопечатания, получивших широкое распространение после 1500-х гг.; увеличением количества печатной литературы, вследствие чего произошло уменьшение цен на книги; ростом числа читательниц и влиянием женской аудитории на книжный рынок. Кроме того, увеличение количества читающих женщин привело к тому, что издатели были вынуждены учитывать их вкусы. [\[8, с. 244-263\]](#) Другая итальянская исследовательница, К. Стелла, в числе факторов, послуживших увеличению количества пишущих и читающих женщин, упоминает влияние Церкви – Церковь пыталась противодействовать Реформации посредством организации школ и обучению базовой грамотности, что было необходимо для чтения священных книг. Эти просветительские кампании оказали большое влияние на популяризацию письма среди женщин [\[10, 25-40\]](#).

Исследовательница творчества поэтессы Лауры Террачины Д. Шемек в статье, предваряющей сборник ее стихотворений, обращает внимание на изобретение гуманистом и издателем Альдо Мануцио карманного формата книг и последующее распространение издателями маленьких сборников «Канцоньере» Петрарки, так называемых «петраркини». По мнению Шемек, все это способствовало чтению, изучению и подражанию Петрарке. «Канцоньере» становится точкой отсчета для писателей и для женщин-писательниц в том числе [\[6, с. 170-179\]](#).

Виттория Колонна в I сонете, посвященном погибшему мужу – кондотьеру и участнику

итальянских войн Фернандо д`Авалосу – пишет:

Giusta cagion a lamentar m`invoglia

Ch`io scemi la sua gloria assai mi dole;

per altra penna e più sagge parole

verrà chi a morte il suo gran nome toglia [\[9, с. 3\]](#).

(«У меня есть причина сокрушаться,

Что я умаляю его славу меня печалит,

С другим пером и с другими более мудрыми словами

Придет тот, кто вырвет у смерти его великое имя».)

Неуверенность в собственных силах, таланте, способности писать и воспевать доблесть погибших мужей (как в случае с Колонной и Гамбарой) или же влиятельных людей (как это делает Туллия Арагонская) мы встречаем у многих поэтесс. Например, в этом же сонете Колонна добавляет:

«Amaro lagrimar, non dolce canto,

Foschi sospiri e non voce serena,

Di stil no, ma di duol mi danno il vanto» [\[9, с. 3\]](#).

(«Горькие стенания, а не сладкие песни,

Тяжелые вздохи, а не ясные речи,

Не стилем, а страданиями позволяют мне хвастаться.»)

Колонна словно ищет аргумент, который позволил бы ей восхвалять мужа, и в качестве собственного оправдания выбирает силу страданий и скорби, отказывая самой себе в таланте, умении писать, или, как она это называет, «стиле».

Робость и неуверенность в собственных силах, подхваченная затем подражательницами Колонны, тем более удивительна, что Колонна достаточно быстро получила широкое признание. Например, Лодовико Ариосто выбрал ее в качестве примера выдающейся женщины [\[2, с. 218\]](#). В предисловии к «Придворному» поэтессу упоминает и Бальдассаре Кастильоне:

«...у этой дамы, чьи добродетели я всегда чтил как нечто божественное, достанет разума и осмотрительности...» [\[3, с.10\]](#), а Пьетро Аретино в прологе «Комедии о придворных нравах» называет ее божественной, «ибо ее бессмертный стиль доставил ее великому супругу место в числе небожителей» [\[1, с. 327\]](#).

Колонну как пример добродетели и таланта упоминали не только авторы-мужчины – вспомним сонет Вероники Гамбары, посвященный поэтессе [\[7, с. 50\]](#). В этом посвящении Колонне, послужившей образцом для творчества Гамбары и следующих поколений поэтесс, следует выделить несколько аспектов. Во-первых, сама по себе ориентация на женщину-писательницу уже примечательна и говорит о том, что женское творчество постепенно занимает определенные позиции в литературном каноне. Следует отметить,

что в данном сонете Колонна представлена как интеллектуалка и обладательница множества качеств, таких как добродетель и мудрость. Она воспринимается независимой личностью, а не идеалом преданной жены, что контрастирует с большинством мужских посвящений, в которых она обычно изображается. Во-вторых, интересно отметить отсылку к I сонету Колонны – в нем недостижимое Солнце (Ферранте д'Авалос) «оставило на земле досточтимую память» [\[9, с. 3\]](#), и лирическая героиня надеется, что придет тот, «кто вырвет у смерти его великое имя» [\[9, с. 3\]](#). В сонете Гамбары звучит уверенность в том, что слава Колонны будет вечной на земле и поэтесса одержит победу над временем. Интересна и игра с именем Vittoria – имя той, кому посвящен сонет, является одновременно символом победы над временем и разрушением.

Исходя из этих примеров, можно представить, насколько популярным было творчество поэтессы. Тем не менее, ее лирическая героиня предстает нам неуверенной в собственных литературных способностях, впервые делающей робкие шаги на литературном поприще. Похоже, это является, скорее, общим местом, берущим свое начало еще в XV в., когда женщины только начинали заниматься науками и литературой. О том, что это дань традиции свидетельствуют следующие строки V сонета, в которых поэтесса описывает доблесть и военные успехи погибшего мужа:

Alle vittorie tue, mio lume eterno,

Non diede il tempo o la stagion favore:

La spada, la virtù, l'invitto core

Fur li ministri tuoi la state e 'l verno [\[9, с. 13\]](#).

(«Для твоих побед, мой вечный свет,

Было неважно, какое сейчас время года:

Шпага, доблесть, непокорное сердце

Были твоими министрами летом и зимой»).

Предположим, что слово vittoria здесь означает не только победу, но и относится к самой Виттории Колонне; в таком случае речь идет не только о военных подвигах Д'Авалоса, но и о его победе над сердцем поэтессы. Вводя свое имя в текст сонета, на наш взгляд, Колонна уравнивает себя супругу – его доблесть становится ее доблестью, его выдающиеся качества характеризуют и ее саму. Таким образом, читателя не должно обмануть кажущееся чувство неполноценности, о котором Колонна пишет в первом сонете – недостижимость возлюбленного Солнца кажется ей вполне достижимой, а тот факт, что именно она забирает у смерти имя мужа и делает его бессмертным говорит и о ее собственном достоинстве и превосходстве. Сражаясь с несправедливой смертью за имя погибшего супруга Колонна, сама наделяется качествами воина, это она полна доблести, чести, благородства и храбрости. Описывая Д'Авалоса, она на самом деле говорит исключительно о самой себе, продолжая, тем самым, традицию Петрарки.

Мысль о несоответствии таланта пишущей и достоинств восплаемого после Колонны продолжила, например, Туллия Арагонская в сонете, посвященном герцогу Козимо:

«Né vi dispiaccia, che 'l mio oscuro, e vile

cantar cerchi talhor d'acquistar fama

a voi più ch'altro chiaro, e più gentile;
 non guardate, Signor, quanto lo stile
 vi toglie (ohimè) ma quel che darvi brama
 il cor, ch'a vostra altezza inchina humile [\[11, c. 67\]](#)».

(«Пусть вас не расстраивает, что моими темными и низкими
 Песнями я пытаюсь заслужить славу
 Перед вами, кто более других светел и любезен;
 Не смотрите, Синьор, на то, что мой стиль
 у вас отнимает (увы), но смотрите на то, что дать вам желает
 мое сердце, которое перед вашей высотой смиренно склоняется».)

В сонете Туллии Арагонской мы видим отсылку к I сонету Колонны: признание в том, что она пишет потому, что должна выразить чувство восхищения, а не потому, что ее стиль совершенен. Меняется модель, взятая у Петрарки: сонет посвящен не возлюбленному (возлюбленной), его тема не любовная, а хвалебная. У Колонны и Гамбары Солнце символизирует образ умершего мужа. Находящееся высоко на небе, Солнце недостижимо, так и с погибшим мужем никто не сможет сравниться в добродетелях. В сонете Туллии Арагонской происходит интересная трансформация: Солнце, наблюдая с неба за всем сущим, не видит никого, равного по добродетелям Козимо. Таким образом, Козимо незаметно перемещается в одну земную плоскость с поэтессой, солнце больше не является его метафорой. В дальнейшем мы увидим, как метафора солнца постепенно будет исчезать (как, например, в лирике Лауры Террачины). Можно предположить, что это свидетельствует об изменении отношения к природе женщины и мужчины: теперь они находятся в одной горизонтали.

В сонете «Con duo vari pensier sovente io gioistro» Лаура Баттиферри изображает возлюбленного исполненным исключительных качеств «a cui cede ogni umano valore» [\[5, c. 45\]](#) («которому уступает любая высокая человеческая добродетель»). Из-за его величия в ней борются два желания:

«Dicemi l'un ch'io scriva pur del vostro
 A cui cede ogni umano alto valore;
 l'altro; - Deh, taci. A che render minore
 lo gran nome, cui sona e 'l Borea e l'Ostro?» [\[5, c. 45\]](#)
 («Одна мне говорит, чтобы я писала о вас,
 Кому уступает любая высокая человеческая добродетель;
 Другая: - Замолчи. Зачем умять
 Великое имя, которое славят Борей и Остр?»)

Страх оказаться недостойной, неспособной писать о добродетелях возлюбленного и желание восславить его и сохранить его имя для памяти, неуверенность в собственных

силах, умаление литературных достоинств – этот топос мы встречаем в женской лирике начала и середины XVI в.

Особняком стоит в этом ряду творчество Лауры Террачины, а именно сборник ее стихотворений «Rime» («Стихи») и «II discorso sopra il principio di tutti i canti d'Orlando Furioso» («Рассуждение о начале всех песен «Неистового Орlando»»). В. Кокс, исследовательница женской литературы XVI в., приводит в качестве примера огромного успеха Террачины тот факт, что с 1548 по 1567 гг. ее сборники перепечатывали сорок восемь раз [\[13, с. 235-245\]](#). По мнению Д. Шемек, тот факт, что основная форма Террачины – октава, является еще одним (помимо непосредственно названия поэмы, отсылающего к «Неистовому Орlando») свидетельством влияния Ариосто на поэтессу. По мнению исследовательницы, поэма Ариосто имела большой успех у женской публики, не только потому что главные героини-воительницы Анжелика, Брадаманта и Марфиза, но и потому что в поэме затрагиваются вопросы «querelle des femmes» («спора о женщинах») и утверждаются достоинства женского пола [\[6, с. 173-174\]](#).

Поэма состоит из сорока шести песен (как у Ариосто), написанных октавами, и каждая песня начинается строками из соответствующей песни Ариосто. Поскольку Ариосто, как и Петрарка были образцами для других авторов, нельзя сказать, что Террачина стала первой подражательницей. Согласно Д. Шемек, еще в 1545 г. некая Дианора Сансеверино написала поэму, в которой отчетливо был виден первоисточник – плач Брадаманты из песни XLIV, и, как утверждает исследовательница, Террачина могла быть знакома с этим текстом [\[6, 174-175\]](#). Несмотря на это поэма Террачины является самым объемным переложением поэмы Ариосто, а вопрос достоинства и превосходства женщин в ней рассматривается более детально. Основной задачей Террачины, на наш взгляд, является утверждение права для женщин заниматься интеллектуальным трудом и участвовать в социальной жизни наравне с мужчинами:

Vorrei parlar, ma l'ira il dir m'intoppa

Poi che sola difendo il nostro sesso.

Già il desiderio mio brama, e galoppa

Di vendicarsi, e pur non m'è concesso,

Contra costor c'han sì la mente zoppa

Appo noi Donne, in darne oltraggi spesso:

Ma spero che dal ciel verrà saetta,

Et credo che di noi farà vendetta [\[6, с. 186\]](#).

(Я бы хотела говорить, но злоба сковывает мою речь

Потому что я в одиночку защищаю наш [женский] пол.

Я страстно желаю, и желание мое несется вскачь,

Отомстить, но это мне не позволено,

Теми, у кого ум столь хромает по отношению к нам,

Женщинам, часто оскорбляя нас:

Но я надеюсь, что с неба прилетит стрела,

И верю, что она отомстит за нас».)

Здесь мы видим, что несмотря на желание защитить женский пол, имеются внешние обстоятельства, которые мешают это сделать («злоба сковывает мою речь», «это мне не позволено»). Спасти женщин могут тоже только силы извне, а именно, прилетевшая с неба стрела. Лирическая героиня Террачины все еще не уверена в своих силах, как это высказывалось у лирических героинь Колонны, Гамбары, Туллии Арагонской. Далее во вступлении к XXXVII песни поэтесса обращается к Веронике Гамбаре:

Deh fosser molte al mondo come voi,

Donne che agli scrittor metterser freno,

Ch'a tutta briglia vergan contra noi

Scritti crudeli, e colmi de veleno [\[6, с. 190\]](#)».

(«О, если бы в жизни было столько женщин как вы,

Которые бы смирили/обуздали писателей,

Которые словно вожжами секут нас

Жестокими сочинениями, полными яда».)

Таким образом, лирическая героиня уже не в одиночку выступает в защиту женщин – она защищает женские достоинства вместе с Вероникой Гамбара. И хотя этого всего еще недостаточно, чтобы успокоить писателей-мужчин, выступающих против женщин, мы видим, что пассивное ожидание (стрела, которая покарает всех мужчин) сменяется верой в то, что женщины могут самостоятельно выступать в собственную защиту. Далее идет обращение ко всем женщинам, содержащее призыв к действию:

Deh, se lasciasser l'ago, il filo, il panno,

E dello studio togliesser la soma,

Credo ch'a voi scrittor farebbon danno <...>

Ma perché poche son, che questo fanno

Poca fama circonda nostra chioma <...>

Non restate per ciò Donne ingeniose

Di por la barca di virtude al scoglio,

Lasciate l'ago, fatevi bramose

Sovente in operar la penna, e il foglio» [\[6, с. 191\]](#).

(«Если бы они [женщины] оставили иглу, нить, ткань,

взяли бы на себя труд учения,

Я думаю, что вам, писателям, они нанесли бы большой урон <...>

Но поскольку тех, кто так делает, мало,
 Малая слава венчает наши власы <...>
 Поэтому, изобретательные Женщины,
 Не оставляйте лодку добродетели на рифах,
 Оставьте иглу, страстно возжелайте
 Часто работать пером на бумаге»).

Нет больше той робости, сомнения в собственных силах, неуверенности в том, что женщина может заниматься литературой и науками, которые были в лирике предшественниц. Более того, каждая женщина должна «работать пером на бумаге», оставив свои повседневные занятия. У Террачины появляется образ женщины-воительницы, активной, решительной, который она, безусловно, переняла у Ариосто. Лирическая героиня Террачины сама влияет на свою судьбу и является образцом для читательниц, которых призывает бросить традиционные женские дела и показать мужчинам, что женщины достойны стоять с ними наравне и ничуть не уступают им в литературных талантах и добродетелях.

Образ женщины-воительницы появляется и в поэзии венецианки Вероники Франко, которая, согласно итальянской исследовательнице Т. Кривелли, «выразила реальность, которая до этого не имела форм для публичного выражения [\[12, с. 181-182\]](#)». Чувственность является важной составляющей ее лирики. Для ее творчества характерны метафоры, связанные с войной, которые заменяют явные сексуальные сцены:

Non più parole: ai fatti, in campo, a l'armi,
 ch'io voglio, risoluta di morire,
 da sì grave molestia liberarmi [\[7, с. 297\]](#).

(Больше никаких слов: к делу, на поле боя, к оружию,
 ибо, решив умереть, я хочу освободиться
 от столь тягостного мучения.)

Сравнение любовной сцены с войной, в которой женщина оказывается активной участницей происходящего, настоящей воительницей, скорее всего, связано с влиянием на Франко Ариосто.

Лирика Франко не только описывает любовные сцены; поэтесса, как и Террачина, затрагивает тему достоинства и добродетелей женщин, выступает в защиту женского пола. Например, в XXIV сонете, который снабжен комментарием «Любезный укор тому, кто из-за злобы обидел одну женщину», Франко утверждает, что женщины всегда сносили удары судьбы, и, не в последнюю очередь, из-за физической слабости. Но, по мнению Франко, то, что мужчины сильнее женщин не значит, что они умнее:

Né in forza corporal sta la virtute,
 ma nel vigor dell'alma e dell'ingegno» [\[7, с. 311\]](#).

(«Не в физической силе добродетель,

Но в силе души и разума»).

Таким образом, в итоге своего рассуждения Франко приходит к выводу, что женщины равны по достоинству мужчинам, а интеллектуальные способности, по ее мнению, не определяются физической силой.

Франко здесь продолжает «спор о женщинах», начатый Кристиной Пизанской еще в начале XV в. «Спор» берет начало с публичного обсуждения Кристиной Пизанской литературных достоинств «Романа о Розе» Жана де Мена, который затем затронул и обсуждение достоинства женщин, их природы и интеллектуальных качеств. Кристина Пизанская, получившая воспитание при французском дворе и обладающая выдающимся умом и писательским талантом, выступила против принижения достоинств женщин в «Романе», а также высказала несогласие защитникам де Мена. «Спор о женщинах», по мнению М. Пророковой, стал попыткой «по-новому определить их [женщин] место в мире, дать оценку их природе и достоинствам» [4, с. 78]. «Спор» породил традицию литературы в защиту женщин, которая занимала умы литераторов до конца XVI в. [4, с. 80]

Франко, как и Террачина утверждают равенство женщин, добродетель, способность заниматься интеллектуальной деятельностью, постулируя, что физическая слабость женщины не равна слабости разума. У нас нет свидетельств о том, что они были знакомы с «Книгой о Граде Женском» Кристины Пизанской, но появление темы защиты достоинства и благородства женщины в их творчестве связаны с обсуждением достоинства женщин в общественном пространстве, с безусловным влиянием поэмы Ариосто и свидетельствует во включенности женщин-поэтесс в этот диспут и желание высказать свое мнение.

Подводя итоги, можно выделить следующие особенности женской лирики этой эпохи. Мотив неуверенности в собственном таланте мы встречаем в лирике Виттории Колонны, Лауры Баттиферри, Туллии Арагонской. Поэтессы выражают сомнение в том, что способны взяться за перо и принести славу возлюбленным или влиятельным людям, боятся умалить доблесть этих великих мужей своим плохим стилем, оправдывая дерзновение скорбью, сильными чувствами и желанием сохранить славное имя в веках. Интересно отметить, что топос *umiltà* смирение встречается у поэтесс, заслуживших признание современников, восхваляемых Ариосто, Аретино, Кастильоне и другими писателями. Представляется, что этот топос берет начало в XV в., когда роль женщин в культурной жизни Италии и процент пишущих был сравнительно меньше, а занятие науками и литературой не всегда одобрялось (отношение общества сильно зависело от социального происхождения женщины).

Лирика Лауры Террачины стоит особняком, она изображает не уже ушедшую действительность, а показывает женщину настоящей воительницей, которая, отбросив иглу и нить и другие традиционно предписываемые женщинам занятия, заявляет о своих литературных талантах, влияет на свою жизнь, активна и энергична. Тот же образ мы встречаем в лирике Вероники Франко – лирическая героиня Франко изображена в образе воина, войной является любовная сцена, в которой женщина открыто заявляет о своих желаниях и стремится победить мужчину. Любовь в изображении Франко не платоническая, как это было у Петрарки, она полна чувственности, которую мы не встречали до этого у женщин-писательниц. Стремление показать достоинства женщин, их способность к интеллектуальному труду свидетельствуют о включенности Франко и Террачины в «спор о женщинах», о том, что женщины все более включены в различные культурные события и диспуты.

Лирика Петрарки переосмысливается, женщина становится субъектом, описывает свой собственный внутренний мир. У поэтесс появляются ученицы, одной из тем лирики становится спор о женщинах, защита достоинства и благородства женщин, и судя по количеству публикуемых сборников стихов, женщины достаточно быстро становятся активными участниками литературного процесса.

Библиография

1. Аретино П. Комедия о придворных нравах / Комедии итальянского Возрождения; Пер. с итал. [Сост. и вступ. статья Г. Бояджиева, с. 5-53; Ред. переводов и примеч. Н. Томашевского]. – Москва : Искусство, 1965. – 638 с.
2. Ариосто Л. Неистовый Роланд / Пер. свобод. стихом М.Л. Гаспарова; изд. подгот. М.Л. Андреев, Р.М. Горохова, Н.П. Подземская. – М.: Наука, 1993. – Т. 2.
3. Кастильоне Б. О придворном // Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVI вв.) / Сост., и вступ. статьи Н.В. Ревякиной, О.Ф. Кудрявцева. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 400 с.
4. Пророкова М.В. Особенности "Спора о женщинах" в итальянском гуманизме XVI века. – Режим доступа: https://lib.herzen.spb.ru/text/prorokova_124_78_90.pdf (дата обращения: 2023).
5. Battiferri L. Il Primo Libro delle Opere Toscane / a cura di Enrico Maria Guidi. – Urbino: Accademia Raffaello, 2000.
6. Terracina L. Liriche del Cinquecento / a cura di Deanna Shemek; Monica Farnetti, Laura Fortini. – Iacobelli, 2014. – 377 p.
7. Liriche del Cinquecento / a cura di Monica Farnetti, Laura Fortini. – Iacobelli, 2014. – 377 p.
8. Plebani T. Scritture di donne nel Rinascimento italiano / A. Colla. – Fondazione Cassamarca, 2007.
9. Rime e lettere di Vittoria Colonna, Marchesana di Pescara. – Firenze: G. Barbera editore, 1860. – 462 p.
10. Stella C. Parola sacra, protofemminismo e autorialità femminile (1500-1600) / Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia. – 35 (21 N.S.): 25-40, april 2024.
11. The Poems and Letters of Tullia d'Aragona and Others: A Bilingual Edition / Edited and translated by Julia L. Hairston. – Iter Press and the Centre for Reformation and Renaissance Studies, Victoria University in the University of Toronto, 2014. – 352 p.
12. Franco V. Liriche del Cinquecento / a cura di Tatiana Crivelli; Monica Farnetti, Laura Fortini. – Iacobelli, 2014. – 377 p.
13. Cox V. Women's Writing in Italy 1400–1600. – Baltimore, 2008.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает эволюция итальянской женской лирики XVI века. Актуальность работы обусловлена исследовательским интересом как к женскому литературному творчеству, так и к феномену итальянской женской лирики как весомой части общего литературного процесса XVI века. Эмпирическим материалом послужило творчество поэтесс Виттории Колонны, Туллии Арагонской, Лауры Баттиферри, Лауры Террачины, Вероники Франко и др. Теоретической основой работы выступили труды отечественных и зарубежных

исследователей, посвященные женской литературе в Италии, творчеству итальянских поэтесс изучаемого периода и др. Библиография составляет 13 источников, в том числе литературные. В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако, по мнению рецензента, автору(ам) следует чаще апеллировать к собственно научным трудам по изучаемой проблематике, в том числе к научным работам, изданным в последние 3 года, что позволило бы судить об актуальных достижениях научного сообщества в данной области знания.

Методология исследования определена поставленной целью и задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию материала, методы социокультурного и интертекстуального анализа; метод сравнительно-исторического анализа и др.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, выделены особенности женской лирики изучаемой эпохи, сформулированы обоснованные выводы («мотив неуверенности в собственном таланте встречается в лирике Виттории Колонны, Лауры Баттиферри, Туллии Арагонской; поэтессы выражают сомнение в том, что способны взяться за перо и принести славу возлюбленным или влиятельным людям, боятся умалить доблесть этих великих мужей своим плохим стилем, оправдывая дерзновение скорбью, сильными чувствами и желанием сохранить славное имя в веках», лирика Лауры Террачины и Вероники Франко «стоит особняком, она изображает не уже ушедшую действительность, а показывает женщину настоящей воительницей, которая, отбросив иглу и нить и другие традиционно предписываемые женщинам занятия, заявляет о своих литературных талантах, влияет на свою жизнь, активна и энергична»; «одной из тем лирики становится спор о женщинах, защита достоинства и благородства женщин, и судя по количеству публикуемых сборников стихов, женщины достаточно быстро становятся активными участницами литературного процесса» и др.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение феномена итальянской женской лирики, могут использоваться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по истории и теории зарубежной литературы, в спецкурсах по «женской лирике».

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кожемякина В.А., Кравцова А.В. «Культура отмены» в китайском современном публичном дискурсе: понятийный аспект // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.71289 EDN: GNTRQQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71289

«Культура отмены» в китайском современном публичном дискурсе: понятийный аспект

Кожемякина Валерия Алексеевна

ORCID: 0000-0001-6639-2172

кандидат филологических наук

доцент, кафедра китайского языка; Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400005, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, пр-т Ленина, 27, ауд. 02-50

✉ kozhemiyakinavaleria@vspu.ru

Кравцова Анна Владимировна

ORCID: 0009-0007-4716-7894

кандидат филологических наук

доцент, кафедра китайского языка; Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400005, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, пр-т Ленина, 27, ауд. 02-50

✉ kraft-anna@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.71289

EDN:

GNTRQQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2024

Аннотация: Данное исследование, проводимое в области социолингвистики и дискурсологии, нацелено на определение содержательной базы феномена «культура отмены» и его концептуального восприятия в китайской лингвокультуре. Актуальность проводимого исследования обусловлена повышенным интересом к явлению «культуры

отмены» в современном публичном дискурсе, выраженным внушительным количеством публикаций и активными спорами о статусе данного феномена. Предметом исследования являются понятийные характеристики феномена «культура отмены» и смежных с ним понятий. Объектом исследования является современный публичный дискурс, темпорально ограниченный моментом формирования феномена «культура отмены» в социуме. В статье подробно рассматриваются основные дефиниционные признаки концептов “取消文化” («культура отмены») и “封杀” («блокировка»), а также предпосылки их формирования, обусловленные широким распространением феномена «культуры отмены» (“cancel culture”) в западном сообществе. К основным методам исследования, применяемым в настоящей статье, авторы относят дефинирование и этимологический анализ. Новизна исследования заключается в обращении к анализу исконно западного феномена «культуры отмены» с точки зрения китайской лингвокультуры, а также его реализации в современном публичном дискурсе Китая. К основным выводам данного исследования относится следующее: «культура отмены» (“cancel culture”) в западном восприятии феномена имеет определенный манипулятивный потенциал, что позволяет формировать субъективную реальность в публичном дискурсе; набор смысловых признаков, свойственных концептам “取消文化”(«культура отмены») и “封杀”(«блокировка») в китайском публичном дискурсе, сводится к действию, целевому действию, сфере, причинам, категории явления, адресату и адресанту, а также их внешней оценке; признак действия является идентичным по отношению к рассматриваемым толкованиям и выражается синонимичным рядом со значением «запрета» или «ограничения»; “封杀” («блокировка») является однословным репрезентантом концепта “取消文化” («культура отмены»).

Ключевые слова:

культура отмены, отмена, публичный дискурс, концепт, понятийный компонент, этимологический анализ, дефинирование, китайский язык, китайская культура, социолингвистика

“也许‘取消文化’才是最该被‘取消’的文化”。

高文宇 (环球时报)

(Возможно, «культура отмены» - это та культура,

которая больше всего заслуживает «отмены»)

Гао Вэньюй (китайская газета «Глобал таймс»)

Столь популярный на сегодняшний день на Западе общественно-политический феномен «культуры отмены» зародился в США еще в 90-х гг. XX века, после чего в начале XXI века получил широкое распространение в мире. Подобные практики существовали и раньше (остракизм, «охота на ведьм» и др.), однако их экспансия пришлась на эпоху глобализации. «Культура отмены» является современной формой остракизма, принявшей грандиозные масштабы. Сегодня выбирают не только человеческую жертву для профилактического изгнания, но и целое общество, целую культуру, называя это разными именами (отмена, бойкот, санкции, самосуд и т.д.) Будучи словом 2019 года ^[1] «культура отмены» (*cancel culture*) в некоторой степени достигла своего апогея. К настоящему моменту данное явление и соответствующая социальная практика получили широкое распространение, отражая тенденции современного общества (в особенности

западного). Несмотря на это, данное явление еще не получило достаточного освещения с точки зрения социолингвистики и концептологии, поскольку научные исследования феномена «культуры отмены» стали активно появляться только в 2020 г. [\[2; 3; 4; 5; 6; 7; 8\]](#).

В русскоязычном научном дискурсе рассматриваемый термин появился лишь в 2020 году, одновременно с событиями спровоцировавшими заимствование массовой культурой данного феномена (например, «отмена» телеведущей Регины Тодоренко). Однако исследования, проводимые в данной области затрагивали социологию [\[9; 10; 11; 12; и др.\]](#), а также политологию [\[13; 14; 15; 16\]](#). Исследования «культуры отмены» в области лингвистики стали появляться в 2021 году [\[17; 18; 19; 20; 21 и др.\]](#), однако лишь некоторые из них обращались к вопросу определения концептуального содержания феномена [\[22; 23; 24; 25\]](#).

Проводимые исследования в большинстве своем затрагивают проблемы определения и описания «культуры отмены» в рамках англоязычного или русскоязычного публичного дискурса, и не учитывают различий, которые могут возникнуть при формировании данного концепта в других типах культур, например, в китайской лингвокультуре. В рамках данного исследования мы рассмотрим характерные особенности толкования феномена «культуры отмены» в китайской лингвокультуре на материале публичного дискурса, что обуславливает новизну проводимого исследования.

Каждый новый случай «отмены» характеризуется вербальной и невербальной формой, где под вербальной формой мы понимаем устный и/или письменный план выражения, а под невербальной – негласное бойкотирование объекта посредством намеренно сконструированной поведенческой стратегии. Для современного публичного дискурса, как объекта нашего исследования, характерен вербальный план выражения, который «включает в себя и понятие *публичная речь*, как устное (реже письменное) риторическое произведение, и абсолютное большинство речевых жанров *дискурса СМИ*» [\[26, с. 20\]](#).

Публичный дискурс является эффективным средством распространения «нужных идей», а также контроля мировосприятия индивида. «Человек, погруженный в публичный дискурс (и говорящий, и слушающий, и подслушивающий, и услышавший от кого-то), оказывается “в плену” сказанного вслух текста» [\[27, с. 47\]](#). Данная мысль позволяет нам увидеть возможности публичного дискурса влиять на общественное мнение, что как нельзя лучше отражает суть самой «культуры отмены». В англоязычных странах «культура отмены» (*cancel culture, cancelling, cancellation, call-out culture*) сводится к публичному отказу (*refusing*) / бойкоту (*boycotting*) / прекращению поддержки (*stop supporting, to withdraw one's support for*) кого-либо особенно в медиапространстве (перевод на русский язык здесь и далее наш - В.А., А.В.) [\[28; 29; 30; 31; 32\]](#). Однако причины такой социальной «отмены» могут быть разными, например, «потому что он сказал или сделал что-то» (*because they have said or done something*) [\[28; 31\]](#), что оскорбляет (*offends*) вас [\[31\]](#) или с чем не согласны другие люди (*other people do not agree with*) [\[28\]](#). При этом «оскорбление» и «несогласие» это очень полярные понятия, поскольку первое характеризуется унижением человека, противоречиями нормам общества и морали, что отражает суть «культуры отмены», в то время как второе сводится к разногласиям или отсутствию понимания. Кроме того к причинам, в полной мере раскрывающим суть рассматриваемого феномена, можно отнести: «они допустили человеческую ошибку» (*they made human error*) [\[29\]](#) или «предполагаемое

правонарушение» (*perceived wrongdoing*) [30]. Особенно интересной представляется причина «потому что их к этому побуждает кто-то, кого этот человек критиковал» (*they are encouraged to do so by someone that person has criticized*) [30], иными словами в таком определении отражено навязывание обществу субъективного не всегда верного мнения, что как нельзя лучше демонстрирует манипулятивный потенциал данного феномена. Манипулятивная функция «отменяющего» высказывания заключается в «инклюзивном отношении к "третьей" стороне, в чей адрес было проявлено неpolitкорректное поведение, что позволяет оправдать любые ее действия, а также в порицании объекта отмены, сопровождающемся указанием на неpolitкорректное поведение» [33, с. 78]. Корректность публичного дискурса в данном случае будет определяться социальным институтом, в особенности, где говорящий будет обладать определенной степенью влиятельности (например, политические, медийные, образовательные и др.).

На основе вышеизложенного под «культурой отмены» (в свете западного восприятия явления) мы понимаем «социальную практику основанную на манипулятивной функции речевого высказывания, применяемую в отношении некоего объекта (человек, компания, культура), характеризующегося неpolitкорректным поведением, с целью исключения его из общества» [33, с. 79].

В азиатском публичном дискурсе, в частности, в китайском, такое движение, как «культура отмены», появилось несколько позднее: после того, как стало популярным в социальном, культурном и политическом пространстве США и Европы [34]. Передача новой общественной повестки стала возможной благодаря широкому распространению и континуальному развитию медиа-технологий, платформ и каналов, позволяющих новым социальным веяниям и тенденциям с высокой скоростью проникать в культуры разных стран мира. Однако, в ходе нашего исследования было замечено, что установление точного временного промежутка возникновения данного явления в китайском современном публичном дискурсе представляет определенную сложность в изысканиях. Так, одним из немногочисленных источников является статья «Культура отмены – подробное толкование» (取消文化-详解) на образовательной платформе 豆丁 (Доудин), где отмечается, что впервые, как словарная единица, словосочетание «культура отмены» было упомянуто в опубликованном в китайском еженедельнике «Феникс» (“凤凰周刊”) от 05 августа 2020 года «Списке новых популярных интернет-слов» (新的网络流行词) [35]. Прочие китайские интернет-источники не фиксируют четкого времени возникновения и нарастающего развития исследуемого социального явления, и по-прежнему соотносят понятие «культура отмены» (“cancel culture”) с западной лингвокультурой, в большей степени ассоциируя его с устоями американского общества, обусловленными множеством исторических факторов [36].

Согласно мнению В.И. Карасика, актуальность той или иной сферы действительности заключается в ее номинативной плотности, чем является «...детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [37, с. 94]. В этой связи наибольший интерес для нас представляет рассмотрение и анализ языкового воплощения, а именно, понятийной составляющей изучаемого явления в парадигме культурных концептов китайской лингвокультуры. Для раскрытия предмета исследования нами применялись такие процедуры, как дефинирование (выделение смысловых признаков) и этимологический анализ [37, с. 92].

Обратимся к терминологическому аппарату и проведем компонентный разбор как основной лексической единицы, так и смежных по значению лексем, образующих и дополняющих понятийный компонент концепта «культура отмены» в китайском современном публичном дискурсе. Словосочетание «культура отмены» при калькированном переводе с английского языка “cancel culture” на китайский язык означает – 取消文化 (取消 – отменять, 文化 – культура). В энциклопедии 百度 (Байду) дается следующее толкование этого социокультурного феномена: “取消文化 (Cancel Culture) 是一种社会现象, 指的是当公众人物、公司或任何个人因为他们的言论、行为, 尤其是那些被认为具有争议性或冒犯性的内容, 而遭到公众的抵制或反对。”(Культура отмены – это социальное явление, которое означает, что общественный деятель, компания или любое другое лицо подвергается публичному бойкоту или противостоянию из-за своих высказываний или действий, особенно таких, которые считаются спорными или оскорбительными) [38]. В качестве смысловых признаков определения выделим: категорию явления – 社会现象 (социальное явление), адресанта – 公众 (общественность), действие – 抵制或反对 (бойкот или противостояние), адресата – 当公众人物、公司或任何个人 (общественный деятель, компания или любое другое лицо), причину действия – 他们的言论、行为 (их [адресата. – В.А., А.В.] речь, поведение) 具有争议性或冒犯性的内容 (имеющая спорное или оскорбительное содержание).

Однако, несмотря на наличие данного термина во многих современных китайско-русских словарях, «культура отмены» в сознании носителей как социокультурный феномен, выраженный конкретным действием по отношению к определенному объекту, интерпретируется общепринятым однословным словом-репрезентантом исследуемого концепта – “封杀”, что означает «запретить», «наложить запрет», «блокировать», который состоит из компонентов, имеющих следующую семантику: 封 fēng – ограничивать, 杀 shā – убивать.

Особый интерес представляет этимология данного термина и его трактовка в различных лексикографических источниках. Чжан Чэн (张成) и Чэн Цянь (陈谦) в своей статье «从社会文化语境解析“封杀”» отмечают, что, несмотря на повсеместное распространение понятия «блокировка» в контексте «культуры отмены» в китайском современном публичном дискурсе, многие люди не имеют точного понимания исконного значения данного слова. Ученые также установили, что фактически термин “封杀” (блокировать) произошел из японского языка, и в Новом японско-китайском словаре (新日汉词典) имеет следующую трактовку: “迫杀, 用于棒球比赛中” (Прикончить, используется в соревнованиях по бейсболу) [39].

Словарь общепринятой лексики Гонконга и Тайваня (当代港台用语辞典) в отношении термина “封杀” (блокировать) приводит следующие краткие толкования [40]:

- 1) 调离 (перевести на другую работу), 辞退 (уволить со службы);
- 2) 拒绝 (отказываться), 否决 (голосовать против);
- 3) 封杀出局, 本棒球术语 (выбыть из игры по причине бана, бейсбольная терминология).

В вышеприведенных значениях отмечается определенная градация развития семантической структуры термина от специального до бытового пласта лексики. Общая коннотативная линия толкований прослеживается в стилистически-нейтральном значении «отказываться», «быть подверженным отказу», как в действии, осуществляемым самим субъектом (拒绝 (отказываться), 否决 (голосовать против)), так и в направленном на объект действия сторонними лицами (调离 (перевести/быть переведенным на другую

работу), 辞退 (уволить/быть уволенным со службы), 封杀出局 (забанить/быть забаненным в игре)), что определяет общий смысловой признак – действие, однако дифференцирующийся на субъектную и объектную направленность.

Рассмотрим толковые значения изучаемого термина в толковых словарях и общественных платформах на китайском языке:

1. 封杀是指对于问题艺人在媒体大环境内短暂的制约和引导, 禁止其参与某些活动或从事某些工作, 或禁止特定媒体播放节目或出版刊物, 又或者禁止部分消息散播, 以达到净化文化环境, 引导社会风气, 倡导主流价值取向中的正义良善的目的。 – Под блокировкой понимается краткосрочное ограничение в отношении проблемных артистов в медиа-среде, запрет им участвовать в определенной деятельности или заниматься определенной работой, или запрет конкретным СМИ транслировать программы или издавать прессу, также это может быть запрет на распространение некоторой информации, в целях очищения культурной среды, корректирования социальной атмосферы, пропаганды справедливости и добра в системе основных ценностных ориентиров [\[41\]](#).

Приведенное толкование более развернуто описывает процесс «отмены» или «блокировки», дополняя встречающиеся ранее смысловые признаки, выраженные действием адресанта (制约 – ограничить, 禁止 – запретить) и адресатом (艺人 – деятель искусства), 特定媒体 – конкретное СМИ) такими признаками, как: сфера – 媒体大环境 (медиа-сфера), длительность – 短暂 (краткосрочный), внешняя оценка адресата – 问题 (проблемный), целевое действие – 参与某些活动或从事某些工作 (участие их [адресата. – В.А., А.В.] в каких-либо мероприятиях или выполнение какой-либо работы), 播放节目或出版刊物 (трансляция программ или печать прессы). Определение также может быть рассмотрено с точки зрения глобальной целевой направленности (净化文化环境 – очищение культурной среды, 引导社会风气 – корректировка социальной атмосферы, 倡导正义良善 – пропаганда справедливости и добра) и средств ее достижения (комбинация смысловых признаков: действие, адресат, внешняя оценка адресата, среда, целевое действие).

2. “封杀”, 原指体育运动中的一种攻守行为, 后比喻用封禁或封锁的办法, 使人或事物在某一领域不能存在。 – («Блок» первоначально относился к наступательно-оборонительному акту в спорте, позже он стал образно выражать использование запрета или блокировки для предотвращения существования людей или явлений в определенной сфере [\[42\]](#).

Выделяются смысловые признаки: категория явления – 攻守行为 (наступательно-оборонительный акт), сфера – 体育运动 (спорт), 某一领域 (конкретная область), действие – 封禁或封锁 (запрет или блокировка), адресат – 人或事物 (человек или явление), целевое действие – 不能存在 (прекращение существования).

3. 常用在娱乐界和体育界, 指禁止在媒体上露面或禁止参加比赛。 – Термин широко используется в развлекательных и спортивных кругах и означает запрет на появление в средствах массовой информации или участие в соревнованиях [\[42\]](#).

В приведенном толковании в качестве *сферы* отмечается не только шоу-бизнес (娱乐界), но и мир спорта (体育界); *действие* – запрет (禁止), *целевое действие* – появление в СМИ (在媒体上露面), участие в соревнованиях (参加比赛).

Анализ толковых значений термина “封杀” (блокировать), зафиксированных в китайских лексикографических источниках и общественных платформах на китайском языке, демонстрирует абсолютность репрезентативной функции одного из вариантов толкований понятия в исследуемом концепте “取消文化”(культура отмены). Однако, в ходе изучения

социокультурного феномена в более поздних работах китайских научных исследователей, было также обнаружено противоположное умозаключение относительно прямой соотнесенности и взаимозаменяемости вышеизложенных понятий. Так, Чжэн Гэньчэн (郑根成) в своей статье «Переосмысление “культуры отмены” с точки зрения новых медиа» (新媒介视域下的“取消文化”及其反思) утверждает следующее [34]: ““封杀”是指国家公权力针对个体及某些社会群体, 或强势群体对社会弱势群体的权力伸张、人身自由、信息获取等方面的全面限制; 而当代取消文化则多是指处于弱势的个体或公众对处于强势的名人、明星、政府公务员等公众人物的不当言行进行抗议或抵制。” – «Блокировка» относится к всеобъемлющим ограничениям, налагаемым государственной публичной властью на отдельных лиц и определенные социальные группы, а также на социально уязвимых групп со стороны групп влиятельных лиц, на распространение власти, личную свободу и доступ к информации; в то время как современная культура отмены в основном относится к бойкотированию влиятельных персон, знаменитостей, государственных служащих и других общественных деятелей представителями простого слоя населения за неподобающие высказывания и поступки.

Сравнительную характеристику определений представим в виде дихотомической модели смысловых признаков, где к понятию «блокировка» (封杀) отнесем: действие – **ограничить** (ограничить), адресант – **государственная публичная власть** (государственная публичная власть), **группа лиц** (группа лиц, имеющая власть/влияние), адресат – **индивидуальное лицо** (отдельные лица), **определенная социальная группа** (определенная социальная группа), целевое действие – **распространение власти** (распространение власти), **личная свобода** (личная свобода), **доступ к информации** (доступ к информации). Термин «культура отмены» характеризуется следующими признаками: адресант – **индивидуальное лицо** (представители общественных масс), внешняя оценка адресанта – **слабый, уязвимый** (слабый, уязвимый), действие – **протест или бойкотирование** (протест или бойкотирование), адресат – **влиятельные лица, знаменитости, государственные служащие** (влиятельные лица, знаменитости, государственные служащие), внешняя оценка адресата – **сильный, властный** (сильный, властный), причина – **неподобающее высказывание и действие** (неподобающее высказывание и действие). Диспаратными признаками двух толкований являются адресат и адресант. Признак «действие», в свою очередь, хотя и выражен разными лексемами, однако представляет для них единое семантическое поле. К дополнительным признакам, не повторяющимся в сравниваемом определении, относятся целевое действие и причина.

Дефинирование и этимологический анализ исследуемых толкований позволил определить не только внутреннее содержание, прозрачность которого обусловлена иероглифической письменностью, но и смысловые признаки, характерные для каждого анализируемого толкового значения при изучении понятийной составляющей концепта “取消文化” («культура отмены») и его однословного репрезентанта “封杀” («блокировка») в китайском современном публичном дискурсе. Так, был выявлен следующий набор смысловых признаков (в порядке частотности использования: от большего к меньшему): действие, адресат, целевое действие, адресант, сфера, причина, категория явления, внешняя оценка адресата, внешняя оценка адресанта. При этом одинаковые смысловые признаки (при наличии) в сравниваемых толкованиях выражены идентичной или синонимичной лексемой: признак **действие** в толковых значениях “取消文化” («культура отмены») идентичен, и выражен словом **ограничить** (пресекать, бойкотировать), а в толковых значениях “封杀” («блокировка») этот же признак передается лексемами синонимичного ряда – **封禁** (закрывать доступ), **封锁** (блокировать), **制约** (сдерживать), **禁止** (запретить), **限制** (ограничить).

Проведенное исследование понятийной составляющей концепта “取消文化” («культура отмены») с использованием заданных подходов позволило установить, что одно из толковых значений термина “封杀” («блокировка») является однословным репрезентантом, отражающим номинативную плотность изучаемого социокультурного

явления. В качестве перспективы исследования нами обозначены контекстуальный и паремиологический анализ для более исчерпывающего описания понятийного аспекта «культуры отмены» в китайском современном публичном дискурсе.

Библиография

1. Macquarie Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macquariedictionary.com.au/the-macquarie-dictionary-word-of-the-year-shortlist-for-2019/> (date of treatment: 10.07.2024).
2. Bouvier G., Machin D. What gets lost in Twitter 'cancel culture' hashtags? Calling out racists reveals some limitations of social justice campaigns // *Discourse & Society*. 2021. 32 (3). P. 307-327.
3. Clark M. D. Drag Them: A brief etymology of so-called 'cancel culture' // *Communication and the Public*. 2020. 5 (3-4). P. 88-92.
4. Ng E. No Grand Pronouncements Here...: Reflections on Cancel Culture and Digital Media Participation // *Television and New Media*. 2020. 21 (16). P. 621-627.
5. Velasco J. You are Cancelled // *Conference: 1st Rupkatha International Open Conference on Recent Advances in Interdisciplinary Humanities*, October 2020. Vol. 12.
6. Scalia E. John Adams, Legal Representation, and the "Cancel Culture" // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 2021. 44 (1). P. 333-338.
7. Norris P. (August 11, 2021). Cancel Culture: Myth or Reality? // *Political Studies*. 2021. 71. P. 145-174.
8. Novelli C. (2023). Cancel Culture: An Essentially Contested Concept? // *Athena – Critical Inquiries in Law, Philosophy and Globalization*. 2023. 3(1). P. I-X.
9. Васильева М. А. Культура отмены в современном обществе // *Вести научных достижений*. 2020. № 10. С. 31-33.
10. Карнаухова М. К., Карпова Е.Г. Социальная роль «культуры отмены» для развития общественных отношений // *Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2020) : Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 07–10 декабря 2020 года. Том Часть 2. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)", 2020. С. 162-165.*
11. Киселева А. Э., Муромская А. В. Институт репутации и культура отмены в России: фактор развития или регрессии // *Парадигма*. 2021. № 1. С. 136-144.
12. Валюкевич Е. Ю., Плаксина К. С. Культура отмены как феномен 21 века // *Студенческий вестник*. 2021. № 15-4(160). С. 10-14.
13. Костина М. А. "Культура отмены" как инструмент социального принуждения // *Аналитические технологии в социальной сфере: теория и практика. Москва, 14 декабря 2022 года. Том Выпуск 13. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Экон-Информ", 2022. С. 30-36.*
14. Головкин Я. А. К вопросу геополитической «культуры отмены» в отношении России // *Регион глазами студентов: Межвузовский сборник научных работ студентов. Выпуск 22. Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2022. С. 13-16.*
15. Новоселов Э. А. «Культура отмены» как инструмент политического давления // *Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов, Екатеринбург, 15 апреля 2022 года. Екатеринбург: Уральский университет, 2022. С. 220-226.*
16. Савченкова М. И. Культура отмены в современном исследовательском дискурсе: теоретические и исторические детерминанты // *Власть*. 2024. Том 32. № 3. С. 188-194.

17. Носкова С. А., Влавацкая М.В. Феномен "cancel culture" и его лингвистическая специфика в публичных выступлениях и высказываниях в Twitter Д. Трампа // Наука. Технологии. Инновации: XV Всероссийская научная конференция молодых ученых, посвященная Году науки и технологий в России. Сборник научных трудов в 10 ч., Новосибирск, 06–10 декабря 2021 года. Том Часть 9. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2021. С. 202-206.
18. Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1, № 1. С. 14-26.
19. Майорова Е. В. Культура отмены: можно ли отменить язык? // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 2(9). С. 78-84.
20. Дрыгина Ю. А., Ситникова О. А. Cancel culture: лингвокультурологический аспект // Калейдоскоп лингвистических идей : Сборник материалов студенческой научной конференции, Белгород, 29–30 июня 2022 года. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. С. 47-55.
21. Мисюра С. М. Культура отмены как социоллингвистическое явление // Университетские чтения – 2023 : материалы региональной межвузовской научно-практической конференции, Пятигорск, 12–13 января 2023 года. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2023. С. 107-111.
22. Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. 2021. № 1. С. 19-24.
23. Купина Н. А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии // Политическая лингвистика. 2022. № 5(95). С. 82-90.
24. Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126-144.
25. Арутюнян Э. Г. «Отмена культуры» как концепт // Век информации (сетевое издание). 2023. Т. 7, № 4(25). С. 15-30.
26. Воронцова Т. А. О соотношении понятий «публичный дискурс», «язык СМИ», «публичная речь» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2008. № 3. С. 17-22.
27. Косоруков А.А. Публичный дискурс как фактор государственной политики России (на примере евразийской интеграции) // Мировая политика. 2018. № 3. С. 47-58. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.3.21567 URL: https://e-notabene.ru/wi/article_21567.html
28. The Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cancel-culture?q=cancel+culture> (date of treatment 10.07.2024).
29. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Cancel+Culture> (date of treatment: 10.07.2024).
30. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/cancel-culture>(date of treatment: 10.07.2024).
31. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (date of treatment 10.07.2024).
32. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cancel%20culture> (date of treatment: 10.07.2024).
33. Кожемякина В. А. «Культура отмены» с позиций социоллингвистики // Грани познания. 2023. № 2(85). С. 75-80.
34. 郑根成 (Чжэн Гэнчэн) “新媒介视域下的“取消文化”及其反思”(Переосмысление «культуры

отмены» с точки зрения новых медиа) [Электронный ресурс].

URL: [http://skxb.seu.edu.cn/ch/reader/create_pdf.aspx?](http://skxb.seu.edu.cn/ch/reader/create_pdf.aspx?file_no=20230403&year_id=2023&quarter_id=4&falq=1)

file_no=20230403&year_id=2023&quarter_id=4&falq=1 (дата обращения: 10.07.2024).

35. 豆丁网 (Сеть Доудин). 取消文化-详解 (Культура отмены – подробное толкование)

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.docin.com/p-2794204189.html> (дата обращения: 10.07.2024).

36. 谁成了“被取消”对象?“取消文化”在欧美引发两极化辩论 (Кто стал объектом «отмены»?

«Культура отмены» вызывает биполярные дебаты в Европе и Америке) [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1702765505937908769&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.07.2024).

37. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

38. 取消文化是什么 (Что такое культура отмены) //百度百科 (Энциклопедия Байду)

[Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3BpD46/> (дата обращения: 10.07.2024).

39. 张成 (Чжан Чэн), 陈谦 (Чэнь Цянь) «从社会文化语境解析“封杀”» (Анализ "блокировки" в социальном и культурном контексте) [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3BpE5v> (дата обращения: 10.07.2024).

40. 朱广祁 (Чжу Гуанци) 当代港台用语辞典 (Словарь современных терминов Гонконга и Тайваня)上海 (Шанхай):上海辞书出版社 (Шанхайское издательство словарей), 1994.

41. 汉典 (Китайский словарь). 封杀是..... (Блокировка – это ...) [Электронный ресурс].

URL: <https://www.zdic.net/hans/%E5%B0%81%E6%9D%80> (дата обращения: 10.07.2024).

42. 微信公众平台 (Общественная платформа Вэйсин). “封杀”英语怎么说? (Как сказать по-английски «блокировка»?) [Электронный ресурс]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5ODk5NjAyOA==&mid=2652017576&idx=2&sn=f755335f3a64af89d7bd28bc34ae4dc8&chksm=bd2402fb8a538bed60829d81a29cb10c55923e72110465e0a7507e37c95a53b36901a80a5d5f&scene=27

1a80a5d5f&scene=27 (дата обращения: 12.07.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом точечного анализа рецензируемой статьи является т.н. общественно-политический феномен «культуры отмены» в китайском публичном дискурсе. Как отмечает в начале своего труда автор, «культура отмены» является современной формой остракизма, принявшей грандиозные масштабы. Сегодня выбирают не только человеческую жертву для профилактического изгнания, но и целое общество, целую культуру, называя это разными именами (отмена, бойкот, санкции, самосуд и т.д.) Будучи словом 2019 года [1] «культура отмены» (cancel culture) в некоторой степени достигла своего апогея. К настоящему моменту данное явление и соответствующая социальная практика получили широкое распространение, отражая тенденции современного общества (в особенности западного)». Стоит признать данное утверждение как объективное, согласиться с признанием подобной ситуации. Считаю, что данный материал является актуальным, тема сама по себе не так объемно изучена, методология исследования соответствует не только эмпирическим наблюдениям, но и системно-аналитическим принципам. Стиль соотносится с научным типом: например, «Публичный дискурс является эффективным средством распространения «нужных идей», а также контроля мировосприятия индивида. «Человек, погруженный в публичный дискурс (и говорящий, и слушающий, и подслушивающий, и услышавший от кого-то), оказывается “в плену” сказанного вслух текста» [27, с. 47]. Данная мысль позволяет

нам увидеть возможности публичного дискурса влиять на общественное мнение, что как нельзя лучше отражает суть самой «культуры отмены». В англоязычных странах «культура отмены» (cancel culture, cancelling, cancellation, call-out culture) сводится к публичному отказу (refusing) / бойкоту (boycotting) / прекращению поддержки (stop supporting, to withdraw one's support for) кого-либо особенно в медиапространстве...», или «в ходе нашего исследования было замечено, что установление точного временного промежутка возникновения данного явления в китайском современном публичном дискурсе представляет определенную сложность в изысканиях. Так, одним из немногочисленных источников является статья «Культура отмены – подробное толкование» (取消文化-详解) на образовательной платформе 豆丁 (Доудин), где отмечается, что впервые, как словарная единица, словосочетание «культура отмены» было упомянуто в опубликованном в китайском еженедельнике «Феникс» (“凤凰周刊”) от 05 августа 2020 года «Списке новых популярных интернет-слов» (新的网络流行词)...» и т.д. Считаю, что автору удастся весьма последовательно расшифровать специфику феномена «культура отмены», предложить т.н. этимологическую раскладку. Положительно можно оценить и развернутые комментарии-объяснения данной категории в режиме сопоставлений: «сравнительную характеристику определений представим в виде дихотомической модели смысловых признаков, где к понятию «блокировка» (封杀) отнесем: действие – 限制 (ограничить), адресант – 国家公权力 (государственная публичная власть), 强势群体 (группа лиц, имеющая власть/влияние), адресат – 个体 (отдельные лица), 某些社会群体 (определенная социальная группа), целевое действие – 权力伸张 (распространение власти) 人身自由 (личная свобода), 信息获取 (доступ к информации). Термин «культура отмены» характеризуется следующими признаками: адресант – 个体或公众 (представители общественных масс), внешняя оценка адресанта – 弱势 (слабый, уязвимый), действие – 进行抗议或抵制 (протест или бойкотирование), адресат – 名人、明星、政府公务员 (влиятельные лица, знаменитости, государственные служащие), внешняя оценка адресата – 强势 (сильный, властный), причина – 不当言行 (неподобающее высказывание и действие). Диспаратными признаками двух толкований являются адресат и адресант». Материал имеет и теоретический, и практический характер; прописана в работе и должная перспектива изучения феномена «культура отмена» как глобального сдвига. Термины / понятия, которые используются в тексте унифицированы; серьезных разночтений не выявлено, считаю, что тема раскрыта, цель исследования достигнута. Автор итогом констатирует, что «проведенное исследование понятийной составляющей концепта “取消文化” («культура отмены») с использованием заданных подходов позволило установить, что одно из толковых значений термина “封杀” («блокировка») является однословным репрезентантом, отражающим номинативную плотность изучаемого социокультурного явления. В качестве перспективы исследования нами обозначены контекстуальный и паремиологический анализ для более исчерпывающего описания понятийного аспекта «культуры отмены» в китайском современном публичном дискурсе». Основные требования издания учтены, список источников достаточен. Рекомендую статью ««Культура отмены» в китайском современном публичном дискурсе: понятийный аспект» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Малышкин Д.В. Элементы функции воздействия в текстах официально-делового функционального стиля английского языка // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74703 EDN: FUUWGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74703

Элементы функции воздействия в текстах официально-делового функционального стиля английского языка

Малышкин Дмитрий Владимирович

ORCID: 0009-0000-7900-1134

аспирант; кафедра английского языкознания; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Специалист по УМП; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51

✉ d.malyshkinn@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74703

EDN:

FUUWGO

Дата направления статьи в редакцию:

04-06-2025

Аннотация: В статье исследуется функционирование элементов функции воздействия в текстах официально-делового функционального стиля английского языка с точки зрения передачи ими некоего понятийного содержания. Особое внимание уделяется особенностям употребления экспрессивных прилагательных в составе атрибутивных конструкций. Анализируемые тексты разделены на три разновидности с учётом их понятийно-языковым характеристик: предписывающие официальные тексты, описывающие официальные тексты и оценивающие официальные тексты. Актуальность исследования обусловлена общественной и профессиональной значимостью официально-делового функционального стиля. В работе подчёркивается, что употребление экспрессивных слов в большинстве случаев основывается на важности их содержательных характеристик. Дополнительно анализируются лингвопоэтические функции и связь с контекстом экспрессивных слов при передаче ими неспециального эмоционального содержания. Методологической основой исследования выступает комплексный функционально-стилистический анализ, включающий изучение словарных

дефиниций, семантических и метасемиотических свойств лексических единиц, а также их морфосинтаксической и лексико-фразеологической сочетаемости. Новизна исследования заключается в том, что впервые функционирование экспрессивных лексических единиц в официальных текстах рассмотрено с позиций категориального функционально-стилистического подхода. Результаты исследования показали, что в предписывающих официальных текстах и описывающих официальных текстах элементы функции воздействия не реализуют свой экспрессивный потенциал, а передают специальное неэмоциональное содержание. В предписывающих официальных текстах главным средством ограничения экспрессивности лексических единиц является их включение в многокомпонентные структуры, характеризующиеся глобальностью номинации. В описывающих официальных текстах аналогичные процессы происходят под влиянием контекстуальных связей и понятийной направленности текстов. В оценивающих официальных текстах элементы функции воздействия реализуют свой экспрессивный потенциал лишь в качестве усилителей. Вместе с тем, их использование в клишированных словосочетаниях способствует нейтрализации экспрессивных свойств.

Ключевые слова:

официально-деловой функциональный стиль, официальные тексты, предписывающие официальные тексты, описывающие официальные тексты, оценивающие официальные тексты, функции языка, функция сообщения, функция воздействия, тип содержания, специальное неэмоциональное содержание

Официально-деловой функциональный стиль традиционно занимает положение наименее изученного и описанного среди всех функционально-стилистических разновидностей языка. Это подтверждается афористическим высказыванием Л. А. Булаховского, распространённым Л. Р. Дускаевой и О. В. Протопоповой, согласно которому данный функциональный стиль является «нелюбимым ребёнком отечественной стилистики» [\[1, с. 4\]](#).

Подобное отношение к официально-деловому функциональному стилю, унаследованное из предыдущих десятилетий, лишь подтверждается анализом динамики научных публикаций в данной области. Однако, при всей категоричности, данная характеристика требует некоторых уточнений.

Уже в начале XX столетия анализу официально-делового стиля уделялось вполне заметное внимание, что было логически обусловлено значимостью данной сферы речевой деятельности. Нормы, регламенты, законы, правовые акты, а также деловая письменность, формирующая картину повседневных профессиональных взаимодействий людей, напрямую затрагивают каждого члена общества.

Центральные элементы официально-делового функционального стиля – законодательная и деловая речь, а также выделенные позднее дипломатическая и юридическая речь – исследовались преимущественно с точки зрения их прагматических установок и экстралингвистических факторов, тогда как собственно языковая сторона вопроса отступала на второй план.

Такое положение дел объясняется, прежде всего, высокой степенью устойчивости, а также характерным консерватизмом официально-делового функционального стиля. История официальных текстов показывает, что они развиваются под влиянием

социальных, политических и экономических реалий, сложившихся в конкретный исторический период в определённом обществе [2]. Однако эта зависимость отражается, главным образом, на тематических, композиционных и жанровых характеристиках текстов документов. Их языковое оформление при этом сохраняет относительную стабильность, претерпевая лишь незначительные трансформации в процессе исторического развития.

Основная стилевая черта официально-делового функционального стиля, часто формулируемая как «точность, не допускающая инотолкования» [3, с. 173; 4, с. 193], весьма однозначно описывает его природу. Официальные тексты, существующие преимущественно в предписывающей форме, отличаются наличием однотипных морфосинтаксических конструкций и отсутствием семантической вариативности в лексике, что достигается строгим отбором и сочетанием языковых единиц.

Примечательно, что в зарубежной лингвистической традиции указанная стилевая черта, напротив, стала мотивом для активного обсуждения языковой специфики официально-делового функционального стиля. По мнению ряда исследователей, ориентация составителей документов на предельную точность зачастую приводит к тому, что такие тексты оказываются крайне сложными для восприятия, особенно для неподготовленной аудитории [5]. В результате в некоторых странах возникло целое направление, призванное содействовать упрощению текстов документов (Plain Language Movement) [6; 7].

Предельная точность достигается не только посредством строгого отбора языковых средств. Учёные, анализирующие структуру официальных текстов, последовательно указывают на распространённость языковых формул, сведённых к определённому набору выражений, а иногда отмечают наличие типовых шаблонов целых текстов [8, с. 300; 9, с. 6; 10].

Наличием перечисленных особенностей у официально-делового функционального стиля объясняется тот факт, что интерес к его понятийно-языковой вариативности появился у исследователей сравнительно недавно. Лишь на рубеже XX и XXI вв. началось системное изучение языковой специфики официальных текстов, что было связано с процессом их интенсивной демократизации: в связи с ростом числа производственных ситуаций, расширением круга вовлечённых в них участников, а также с появлением новых типов документов происходила постепенная трансформация характера употребления в них языковых единиц.

Из-за устоявшихся представлений о языковой специфике официально-делового функционального стиля сформировался осторожный подход к анализу его понятийно-языковой вариативности. Например, М. В. Колтунова, указывая на существование ядра и периферии в структуре официально-делового функционального стиля, к последней относит только тексты с неоднозначным функционально-стилистическим статусом, такие как патентный стиль, информативная реклама и обиходно-деловая речь [11, с. 14].

Л. Г. Кыркунова, изучая функционально-смысловые типы речи в официальных текстах, отмечает наличие в некоторых из них типов повествования и описания, а порой даже рассуждения. При этом автор указывает, что они выполняют вспомогательные функции, подчиняясь предписывающему и констатирующему характеру официальных текстов [12, с. 129].

Попытки описать понятийно-языковую вариативность официально-делового функционального стиля иногда связываются с выполняемыми им функциями. В исследованиях В. Бхатия и С. Сарцевич предложена классификация официальных текстов, предполагающая их разделение на три разновидности: предписывающие, описывающие и смешанные [\[13; 14\]](#). Однако подобные классификации не сопровождаются подробными лингвистическими комментариями, а сам подход, применённый исследователями, в большей степени основан на тематических характеристиках текстов, о чём свидетельствует включение текстов академических работ в группу описательных.

Приведённые выше классификации обнаруживают тенденцию к смещению акцентов с функции сообщения на функцию общения, что указывает на сближение официальных текстов с бытовой речью. При этом наличие элементов функции общения в официальных текстах отмечалось ещё в ранних исследованиях [\[15, с. 37\]](#).

Вместе с тем вопросы, связанные с наличием элементов функции воздействия в текстах официально-делового функционального стиля, долгое время оставались спорными. Преобладал взгляд, согласно которому этот функциональный стиль по своим языковым характеристикам приближается к коду и свободен от проявлений экспрессивности. В то же время наблюдения ряда исследователей демонстрируют, что определённая степень экспрессивности в официальных текстах всё же присутствует [\[2, с. 12; 16\]](#).

Значительная часть научных работ в этой области пока что ограничивается констатацией наличия экспрессивных лексических единиц в официальных текстах и призывом к их минимизации и ещё далека от всестороннего анализа принципов их функционирования.

Исследователи часто фокусируются на отдельных разновидностях официально-делового функционального стиля, что особенно заметно в современных работах, посвящённых проявлению экспрессивности в текстах деловой корреспонденции [\[17; 18; 19\]](#). Хотя деловая корреспонденция отвечает требованиям официально-делового функционального стиля по своим экстралингвистическим параметрам, её языковое оформление нередко соответствует обиходно-бытовому или даже публицистическому функциональному стилю.

Актуальность исследования обусловлена тем, что за последние десятилетия наблюдается тенденция к значительному расширению сферы применения официально-делового функционального стиля. Современные официальные тексты выходят за рамки документально оформленной информации, постепенно превращаясь в эффективные средства воздействия на адресата: они формируют определённую оценочную среду, конструируют образ организации или лица, а также способствуют установлению доверительных отношений либо, напротив, оказанию давления.

Цель исследования состоит в анализе функционирования элементов функции воздействия в пределах официально-делового функционального стиля. Особое внимание уделяется особенностям употребления экспрессивных прилагательных в составе атрибутивных конструкций.

Элементы функции воздействия в текстах официально-делового функционального стиля являются **предметом** исследования.

Опираясь на традиции отечественного языкознания, автор настоящей статьи интегрирует представления о трёх основных функциях языка, восходящих к идеям В. В. Виноградова [\[20\]](#) и получивших дальнейшее развитие в работах А. А. Липгарта [\[21\]](#). Категориальный функционально-стилистический подход к анализу текстов, предложенный А. А.

Липгартом, является **методом** исследования. Он позволяет разграничивать языковые функции на основании типа содержания, передаваемого лексическими средствами, что способствует более точному определению функционально-стилистического статуса языкового материала.

Функция сообщения реализуется посредством передачи специального неэмоционального содержания с целью ограничения семантического потенциала лексических единиц. Это ограничение достигается использованием специальной (терминологической) и формальной лексики, а также клишированных словосочетаний и полилексемных терминов.

Функция общения проявляется в передаче лексическими единицами неспециального неэмоционального содержания, что выражается в проявлении синонимических, полисемантических и омонимических свойств слов «общего словарного фонда», а также в наличии между этими словами тесной фразеологической связи.

Функция воздействия реализуется через передачу лексическими единицами неспециального эмоционального содержания, направленного на расширение их семантических возможностей через использование ингерентно коннотативной лексики, нередко в свободных словосочетаниях.

Наличие в тексте лексических единиц, потенциально соотносимых с одной из трёх функций языка, не гарантирует их непосредственной реализации. Контекстуальные особенности, проявляющиеся в морфосинтаксических, лексико-фразеологических связях и в понятийной направленности текстов, способны инициировать функционально-стилистическую переориентацию лексических единиц. Так, для функции сообщения характерна специализация слов «общего словарного фонда». Функция общения связана с десемантизацией специальных слов и демемотизацией экспрессивных слов. Влияние функции воздействия приводит к образованию адгерентно коннотативных элементов вследствие нарушения нейтральных морфосинтаксических и лексико-фразеологических связей.

Лексические единицы, передающие неспециальное эмоциональное содержание и реализующие свой экспрессивный потенциал, могут выполнять одну из трёх лингвопоэтических функций: экспрессивную, гномическую или ассоциативную. В зависимости от выполняемой лингвопоэтической функции дальнейшее разграничение осуществляется с учётом их связи с контекстом и общего употребления такой лексической единицы, которое может быть автоматизированным, лингвопоэтически полноценными или актуализированным [\[22, С. 22-23\]](#).

Эти процессы исчерпывающим образом описаны в докторской диссертации А. И. Комаровой [\[23\]](#) и кандидатской диссертации В. В. Хуринова [\[24\]](#). В этих работах представлен комплексный функционально-стилистический анализ научных и газетно-публицистических текстов, позволивший исследователям выявить инвариантные и вариативные признаки текстов с целью установления их функционально-стилистической принадлежности и выявления внутренней неоднородности.

В этой логике выстроены наблюдения автора настоящей статьи, который в результате собственных изысканий выделил три понятийно-языковые разновидности официально-делового функционального стиля: предписывающие официальные тексты, описывающие официальные тексты и оценивающие официальные тексты [\[25\]](#). В ходе исследования было проанализировано 500 страниц печатного материала всех трёх указанных типов

официальных текстов, среди которых было выявлено 120 лексических единиц, онтологически связанных с функцией воздействия

Научная новизна исследования заключается в том, что экспрессивные лексические единицы в официальных текстах впервые проанализированы с позиции категориального функционально-стилистического подхода.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении понимания механизмов функционально-стилистического варьирования и взаимодействия различных слоёв лексики в официальных текстах, а также в уточнении границ официально-делового функционального стиля, его специфики и внутренних противоречий, связанных с внедрением экспрессивных лексических единиц.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при составлении и редактировании официальных документов, а также в разработке учебных материалов по деловой риторике, стилистике и функциональной стилистике современного английского языка.

В качестве исходной точки анализа выступают элементы функции воздействия в предписывающих официальных текстах. Тексты данного типа представляют собой наиболее чистую реализацию функции сообщения среди текстов, созданных на естественных языках. Это определяет существенное преобладание информативной составляющей в данных текстах и, соответственно, ограниченное присутствие элементов функции воздействия.

В предписывающих официальных текстах отчётливо прослеживается ориентация на действующую нормативно-правовую базу и контроль за её соблюдением. Представляется вполне закономерным, что такие тексты демонстрируют тенденцию к употреблению лексики, связанной с соответствующей тематической областью, например, глагол «violate», использованный в следующем фрагменте: «(2) The Director of Information will retain the right to cancel priorities when the producer at any stage **violates** the provisions of the regulation of a particular agreement /.../» [\[26\]](#).

Глагол «violate» обладает умеренной степенью полисемантичности. Анализ данных толковых словарей английского языка выявляет от двух до четырёх его значений. В Oxford Learner's Dictionary зафиксированы следующие четыре значения: «1) to go against or refuse to obey a law, an agreement, etc.; 2) to upset or not respect somebody's peace, privacy, etc.; 3) to damage or destroy a holy or special place; 4) to force somebody to have sex» [\[27\]](#).

Ряд значений данного глагола характеризуется выраженной коннотативностью, прежде всего это относится к третьему и четвёртому пунктам. Коннотативное значение, приведённое в конце этого списка, требует в качестве прямого дополнения одушевлённое существительное, а третье значение характеризуется ограниченным употреблением в определённом кругу тематических групп. Соответственно, выражение этих значений оказывается неактуально в рассматриваемом случае.

Номинативное и второе, номинативно-производное значения сопровождаются пометой «formal», что указывает на их использование для передачи специального неэмоционального содержания. Второе значение, как и третье, оказывается неуместным для реализации в данном контексте ввиду семантического несоответствия, Номинативное значение, напротив, предполагает согласование с абстрактными категориями норм и правил и, следовательно, представляется наиболее релевантным в данном случае, где в

роли прямого дополнения выступают терминологические существительные, объединённые атрибутивной связью: «provisions of the regulation of a particular agreement».

Нет оснований утверждать, что стандартная сочетаемость глагола «violate» может быть нарушена через возникновение адгерентных коннотаций, поскольку в тексте преобладают элементы функции сообщения, выраженные специальной и формальной лексикой и словосочетаниями: «The Director of Information»; «retain», «right», «producer».

Таким образом, глагол «violate» передает специальное неэмоциональное содержание, обнаруживая типичные свойства морфосинтаксической и лексико-фразеологической сочетаемости.

Рассмотрим следующий пример из текста дипломатического документа: «1. Any party may **denounce** this Protocol by so notifying the Secretary-General of the United Nations /.../» [\[28, p. 5\]](#).

Обратим внимание на глагол «denounce», диапазон значений которого в толковых словарях английского языка обычно ограничивается двумя пунктами: «1) to strongly criticize somebody/something you think is wrong, illegal, etc.; 2) to tell the police, the authorities etc. about somebody's illegal political activities» [\[27\]](#).

Оба значения, несмотря на наличие коннотативности у номинативного и относительной нейтральности у номинативно-производного значения, могут быть отнесены к юридической понятийной сфере. Однако в данном контексте их употребление противоречит сочетаемости глагола «denounce» с существительным «Protocol».

Существует ещё одно значение, зафиксированное в словаре юридических терминов Merriam-Webster's Law Dictionary: «to announce formally the termination of (something, such as a treaty)» [\[29\]](#).

Именно это специальное значение выражается в приведённом контексте и не нарушает сочетаемость глагола «denounce», что позволяет говорить о передаче этим глаголом специального неэмоционального содержания.

Анализ функционально-стилистических особенностей глаголов, связанных с функцией воздействия, позволяет отметить, что эти особенности определяются спецификой прямого дополнения, а также общей сочетаемостью с другими элементами предложений (что справедливо не только для глаголов). Однако такой способ обеспечения точности не всегда оправдан.

В рассмотренных выше примерах лексические единицы обладают не только коннотативными, но и специальными, а также формальными значениями. Ситуация меняется, если речь идёт о словах, имеющих только экспрессивные и нейтральные значения, например, о таких существительных, как «virtue» и «pleasure». Рассмотрим употребление этих существительных в следующих текстах: «If the Treasury proposes to modify the Charter so as to include provisions by virtue of this section /.../» [\[30\]](#); «The President & CEO shall serve at the pleasure of the Board of Directors /.../» [\[31, p. 4\]](#).

Оба существительных – «virtue» и «pleasure» – обладают ярко выраженной ингерентной коннотативностью. Способы выражения их коннотативных и нейтральных значений совпадают как в морфосинтаксическом, так и в лексико-фразеологическом плане.

В приведённых отрывках эти существительные функционируют не как самостоятельные члены предложения, а как части устойчивых формальных конструкций: «by/in virtue of...» и «at somebody's pleasure» соответственно. Подобные конструкции широко применяются в юридической практике, а их замена на более нейтральные слова и словосочетания может привести к полисемии.

Богатейшим стилистическим ресурсом языка являются прилагательные. Обозначая признаки, они неотделимы от определяемых ими объектов. Поэтому их использование в предписывающих официальных текстах требует особой осторожности.

Неудивительно, что официальные тексты этого типа характеризуются ограниченным употреблением прилагательных, особенно в составе атрибутивных словосочетаний. Однако полностью избежать употребления прилагательных всё же невозможно, что продемонстрировано в следующем примере: «The Secretary of Health and Human Services /.../ shall identify and review interventions, **best** practices, curricula, and staff training» [\[32, p. 21\]](#).

Наличие превосходной степени прилагательного «good» в тексте официально-делового функционального стиля может вызвать недоумение, поскольку оно обычно служит для выражения субъективной оценки, лишённой чётких критериев. Однако в данном контексте оно употреблено в составе полилексемного термина «best practices», который определяется в Merriam-Webster Dictionary следующим образом: «a procedure that has been shown by research and experience to produce optimal results and that is established or proposed as a standard suitable for widespread adoption» [\[33\]](#).

Помимо общеязыкового значения этот термин получил отдельное определение в тексте документа, которое, наряду с некоторыми смысловыми модификациями, вносит тематические уточнения: «The term "best practices" means a technique or methodology that, through experience and research related to professional practice in a school-based mental health field, has proven to reliably lead to a desired result».

Иногда ингерентно коннотативные прилагательные выносятся в заголовки документов, как, например, прилагательное «catastrophic» в названии Акта «Global **Catastrophic** Risk Management Act of 2022» [\[34\]](#).

В тексте этого документа прилагательное «catastrophic» встречается неоднократно в составе разных словосочетаний: «Catastrophic Risk»; «Global Catastrophic and Existential Threats». Каждое из них закреплено в тексте в составе полилексемного термина.

В предписывающих официальных текстах также встречаются менее коннотативные прилагательные. Ярким примером этого служит употребление прилагательного «significant» в следующем отрывке:

«(1) If a Minister of the Crown is proposing to make a fiscal announcement to the House of Commons in respect of-

(a) A measure which is fiscally **significant**, or

(b) Two or more measures where any combination of the measures is fiscally **significant** / .../» [\[35, p. 11\]](#).

В данном отрывке прилагательное «significant» используется несколько раз в составе одного и того же словосочетания как часть составного именного сказуемого.

В сочетании со специальным наречием «fiscally», которое уточняет понятийную сферу прилагательного, его семантика существенно ограничивается, что определяет его функционирование как средство передачи специального неэмоционального содержания.

Кроме того, словосочетание «fiscally significant» приобретает статус полилексемного термина и получает более узкую трактовку в тексте документа: «a measure or combination of measures is "fiscally significant" if the measure, or combination of measures, has a costing for a specified period that exceeds a specified percentage of the gross domestic product for a specified period».

Анализ функционирования элементов функции воздействия в предписывающих официальных текстах не выявил проявления их метасемиотических свойств. Их сочетаемость и семантические возможности остаются ограниченными – они служат для передачи специального неэмоционального содержания. Если слово имеет терминологическое значение, его выражение обеспечивается путём обычной сочетаемости с другими членами предложения. Коннотативная лексика, не имеющая терминологических значений, не используется как самостоятельный член предложения, а входит в состав конструкций, характеризующихся глобальностью номинации.

При обращении к функционированию элементов функции воздействия в описывающих официальных текстах мы не ожидаем существенных отличий от того, что было отмечено нами относительно их функционирования в предписывающих официальных текстах. Описывающие официальные тексты сохраняют инвариантную основу стиля. Тем не менее в них усиливается функция общения. Строгая конвенциональность и предопределённость изложения, характерные для предписывающих официальных текстов, в текстах этого типа заметно смягчаются. За счёт расширения возможностей отбора языковых единиц наблюдается определённая свобода в формулировании мыслей. Это, в свою очередь, приводит к сокращению числа устойчивых конструкций и полилексемных терминов.

К числу ключевых особенностей описывающих официальных текстов относится увеличение количества прилагательных в составе атрибутивных словосочетаний. В связи с этим и с понижением уровня клишированности анализ функционирования экспрессивных прилагательных в этих условиях в большей степени соответствует целям настоящего исследования.

Для того чтобы отследить динамику изменений в употреблении экспрессивных прилагательных в официальных текстах, рассмотрим, как функционирует прилагательное «significant» в описывающем официальном тексте: «/.../ the supply of advanced biofuel and total renewable fuel in 2024 will exceed the required volumes by a **significant** margin / .../» [\[36\]](#).

В первую очередь обращает на себя внимание морфосинтаксическая модель, в которой используется анализируемое прилагательное. В этом тексте оно выступает в качестве атрибута, в то время как в предписывающем официальном тексте оно употреблено как часть составного именного сказуемого. Эта разница обусловлена в первую очередь сугубо техническими причинами передачи информации о предмете или явлении. С лингвистической точки зрения атрибутивная синтаксическая связь является более тесной по сравнению с предикативной.

В данном случае прилагательное «significant» становится понятийно-ориентированным за счёт атрибутивной связи со специальным существительным «margin», указывая на существенное превышение фактических объёмов над требуемыми.

Рассмотрим следующий пример употребления экспрессивного прилагательного в описывающем официальном тексте: «The government has provisions to manage a range of solutions for integrations, resettlement, and return of migrants and **unsuccessful** asylum seekers /.../ The government assisted in the safe, voluntary return of migrants and **unsuccessful** asylum seekers to their home countries» [\[37\]](#).

В данном тексте на себя обращает внимание прилагательное «unsuccessful», выполняющее функцию атрибута при нестойком сложном слове «asylum seekers», которое зафиксировано в толковых словарях английского языка со значением: «a person who has been forced to leave their own country because they are in danger and who arrives in another country asking to be allowed to stay here» [\[27\]](#).

Нестойкое сложное слово «asylum seekers» не является термином с общезыковой точки зрения, но удовлетворяет понятийной направленности текста наряду с такими словами как «resettlement», «migrants», «integrations», «refugees» и другими.

Прилагательное «unsuccessful» также не имеет специальных значений, но в данном контексте является понятийно-ориентированным и передает специальное неэмоциональное содержание, поскольку сочетается со специальным словом, уточняющим его семантику.

Прилагательные, онтологически связанные с функцией воздействия, широко используются в разных отчётах, особенно экономических. Их употребление связано с необходимостью описания динамики различных процессов, резких подъёмов или заметных спадов тех или иных экономических показателей. Примечательно, что в этих случаях нередко используются слова «общего словарного фонда», которые, будучи внедрёнными в сферу деловой и экономической коммуникации, приобретают специальные значения, что наглядно иллюстрирует следующий фрагмент: «Economic activity expanded at **strong** pace over the past year /.../» [\[38\]](#).

Данный пример по ряду параметров отличается от рассмотренных выше. Во-первых, интересующее нас прилагательное «strong» характеризуется разветвлённой полисемантичностью, охватывая порядка двух десятков значений. Во-вторых, существительное «pace», определяемое прилагательным «strong», онтологически соотносится с функцией общения и не является собственно термином.

Словосочетание «strong pace» распространено в различных официальных отчётах и прогнозах. Тем не менее, при обращении к корпусу современного американского английского языка выясняется, что в нём зафиксировано лишь двадцать случаев употребления этого словосочетания [\[39\]](#), что не позволяет рассматривать его как устойчивое или клишированное словосочетание, а диктует необходимость анализа его функционирования в каждом отдельном контексте.

В атрибутивном словосочетании субстантивный компонент «pace» имеет 4 значения: «1. The speed at which somebody/something walks, runs or moves; 2. The speed at which something happens; 3. An act of stepping once when walking or running; the distance travelled when doing this; 4. The fact something happening, changing, etc. quickly» [\[27\]](#). Все эти значения объединяет тема «скорость», что ограничивает семантические возможности прилагательного «strong» в данном словосочетании.

В анализируемом контексте существительное «pace», выступая в качестве обстоятельства, сочетается со специальным словосочетанием «economic activity»

посредством формального глагола «expanded», что обуславливает его функционирование как понятийно-ориентированной лексической единицы.

Из всего спектра семантических вариантов прилагательное «strong» в приведённом фрагменте реализует единственное связанное с понятийной сферой экономики и бизнеса значение – «having a value that is high or increasing», что свидетельствует о передаче им специального неэмоционального содержания.

В описывающих официальных текстах не исключаются случаи терминотворчества и использования полилексемных терминов. Необходимость такой практики объясняется тем, что отдельные лексические единицы или словосочетания выступают в качестве ключевых понятий в структуре текста, как, например, прилагательное «shocking» в следующем предложении: «It may be that the negligence was continuing in Walters at the time the 36-hour **shocking** event began» [40].

С общезыковой точки зрения, прилагательное «shocking» отличается тем, что каждое его значение несёт на себе определённую коннотативную нагрузку. Более того, в рассматриваемом контексте оно используется в сочетании с нейтральным существительным «event».

Словосочетание «shocking event» повторяется в тексте судебного решения девять раз и выступает в роли ключевого понятия всего текста.

Анализируемое предложение представляет собой фрагмент текста документа, посвящённого рассмотрению иска, в котором истец утверждает, что вследствие врачебной халатности наступила смерть его родственника. При этом он лично присутствовал при трагедии, что, как утверждается, стало причиной тяжёлого психического расстройства.

В данном контексте словосочетание «shocking event» приобретает особую юридическую значимость – оно становится отправной точкой юридической аргументации, являясь поводом для юридического разбирательства, одновременно обретая черты медицинского термина. Кроме того, в тексте содержится разъяснение значения данного словосочетания: «a sudden appreciation by sight or sound of a horrifying event which violently agitates the mind».

Анализ частотности употребления прилагательного «shocking» показывает, что, помимо девятикратного повторения словосочетания «shocking event», оно и его производные встречаются в тексте в общей сложности сорок пять раз, в различных словосочетаниях: «shocking death»; «/.../ unexpected shock to the plaintiff's nervous system»; «/.../ the claimant was caused the nervous shock»; «the shock of the event».

Регулярное использование лексической единицы «shock» в различных словосочетаниях способствует её закреплению в качестве самостоятельного термина. Такое закрепление не только ограничивает её экспрессивность, но и позволяет минимизировать риск возникновения полисемии, что особенно важно для описывающих официальных текстов.

Элементы функции воздействия в описывающих официальных текстах направлены на передачу информации. По мере уменьшения степени шаблонности официальных текстов всё большую роль начинают играть не столько полилексемные термины и устойчивые конструкции, сколько контекстуальные признаки, тесно связанные с содержательной стороной высказывания. Именно эти особенности обеспечивают передачу элементами функции воздействия специального неэмоционального содержания, соответствующего

целям и задачам описывающих официальных текстов.

Оценивающие официальные тексты занимают менее весомую позицию, нежели две другие разновидности официальных текстов с точки зрения их юридической значимости. По способу подачи материала эти тексты сближаются с текстами публицистического функционального стиля, поскольку в них открыто формулируются положительные либо отрицательные оценки финансовой или административной деятельности и политики.

Вместе с тем, несмотря на наличие отдельных схожих признаков, официальные и газетно-публицистические тексты чётко разграничиваются как по качественным, так и по количественным параметрам. В оценивающих официальных текстах приоритетной задачей остаётся реализация функции сообщения при умеренно выраженной доле экспрессии. В таких текстах предоставляются фактические данные об эффективности работы организаций или ведомств.

Иллюстрацией подобного материала может служить выдержка из годового отчёта Регистрационной палаты Великобритании, проанализированная в рамках одного из предыдущих исследований [\[25\]](#). В данном фрагменте используется коннотативное прилагательное «brilliant» для обозначения качественных характеристик работы ведомства: «This year has seen ongoing organization-wide transformation and we have continues to pursue our vision of **brilliant** people, using **brilliant** systems to deliver **brilliant** services» [\[41, p. 118\]](#).

В рассматриваемом контексте, ввиду ограниченности сочетаемости, прилагательное «brilliant» не реализует своё нейтральное значение, указывающее на физические свойства предметов («блестящий»), тогда как прочие значения – «1) extremely clever or impressive; 2) very good; 3) excellent; 4) very intelligent or showing a lot of skill; 5) very successful» [\[27\]](#) – отличаются выраженной экспрессивностью.

В рассматриваемом фрагменте прилагательное «brilliant» трижды употреблено в составе атрибутивных словосочетаний. С точки зрения их понятийной направленности наблюдается однородность: в двух первых случаях субстантивный компонент является понятийно-ориентированным, а в третьем – специализированным словом. Такая сочетаемость значительно снижает экспрессивный потенциал прилагательного, поддерживая преобладание функции сообщения в тексте.

Определённые трудности при интерпретации значения прилагательного обусловлены особенностями контекста. Из возможных трактовок автоматически исключаются значения, связанные с интеллектуальными способностями, навыками и успехом. В семантике двух других значений («очень хороший» и «впечатляющий») наблюдается синонимия.

Хотя прилагательное «brilliant» используется для подчеркивания высоких стандартов ведомства и способствует формированию определённого имиджа, в тексте не создается абстрактного фона (речь не идёт о чём-то «блестящем»), а также не выстраивается ассоциативный ряд. Следовательно, выполняемая прилагательным функция сводится к простому усилению, а характер употребления можно охарактеризовать как автоматизированный: замена «brilliant» на нейтральный синоним или его опущение не нарушает смыслового тождества текста.

Примечательно, что в текстах годовых отчётов Регистрационной палаты отмечается регулярное повторение прилагательного «brilliant» в сходных контекстах, что придаёт его употреблению несколько клишированный характер.

Аналогичная тенденция прослеживается в отношении прилагательного «vital», встречающегося в словосочетании «our role is vital» в рассматриваемом тексте. В данном случае не поясняется, почему роль этого ведомства является «жизненно важной». Следовательно, использование данного прилагательного выполняет усилительную функцию, что подтверждается наличием синонимичного словосочетания «pivotal role», также обладающего коннотациями.

Словосочетание «pivotal role», согласно данным корпуса современного американского английского языка, встречается более чем в семистах случаях [39]. Это свидетельствует о высоком уровне клишированности данного словосочетания. В то же время клишированность может снижаться при употреблении прилагательного «pivotal» в иных контекстах, например: «Fiscal year 2024 was a **pivotal** year for Microsoft /.../» [42, p. 1]. Однако функциональная нагрузка прилагательного в подобных примерах остаётся в рамках экспрессивной функции и характеризуется автоматизированным употреблением.

Для оценивающих официальных текстов характерно преимущественное обращение к словам с оценочной компонентой. Их замена на более нейтральные синонимы типа «отличный» или «очень важный» не приводит к существенному изменению смысла текста. Это, в свою очередь, подчёркивает невозможность формирования абстрактного фона или ассоциативных рядов, например: «In the year ahead, we must grasp this **remarkable** opportunity for the UK on the world stage, as President of the G7 and host of the UN Climate Change Conference in Glasgow. We will continue to put the safety of our British people first, providing **exceptional** consular assistance overseas /.../» [43, p. 7].

Среди языковых средств, выполняющих функцию воздействия, можно выделить прилагательное «remarkable», используемое в составе устойчивой конструкции «grasp the opportunity», а также «exceptional», выступающее атрибутом полилексемного термина «consular assistance». Таким образом, экспрессивные свойства этих единиц заметно снижаются.

В таких условиях динамика их функционирования сводится к реализации экспрессивной функции и автоматизированного употребления, что совпадает с особенностями, выявленными ранее при анализе употребления элементов функции воздействия в других оценивающих официальных текстах.

Проведённый анализ позволил выявить закономерности функционирования элементов функции воздействия в текстах официально-делового функционального стиля. Исследованные материалы демонстрируют чётко прослеживаемые границы проявления экспрессивных свойств указанных языковых единиц.

В предписывающих официальных текстах элементы функции воздействия, как правило, выполняют преимущественно роль носителей строго необходимого семантического наполнения, в то время как их экспрессивный потенциал оказывается значительно ограниченным. Данная тенденция обусловлена установкой на глобальную номинативность высказывания. Информация в подобных текстах передаётся в максимально сжатой форме, чему способствует широкое использование полилексемных терминов и устойчивых конструкций. Включённые в состав таких многокомпонентных структур элементы функции воздействия теряют свой экспрессивный потенциал и, как и другие слова в этих сочетаниях, не функционируют в качестве самостоятельных членов предложения.

В описывающих официальных текстах наблюдается иная динамика употребления элементов функции воздействия. Ввиду необходимости детального описания и изложения фактов с большим количеством подробностей уровень клишированности имеет тенденцию к снижению. Тем не менее, экспрессивный потенциал элементов функции воздействия также подчинён определённым ограничениям. Каждая такая языковая единица реализует прежде всего свои нейтральные с общезыковой точки зрения значения, которые затем сужаются посредством контекстуальных связей этих слов в тексте и становятся понятийно-ориентированными.

В оценивающих официальных текстах отмечается частичная реализация экспрессивного потенциала элементов функции воздействия. Однако он ограничивается преобладанием элементов функции сообщения и сочетаемостью с последними. Эти языковые средства ограничены выполнением экспрессивной функции и автоматизированным характером употребления. Другие элементы функции воздействия используются в составе клишированных словосочетаний, вследствие чего происходит их нейтрализация.

Обозначенные тенденции не исчерпывают многообразия исследуемого вопроса – представленные в статье выводы носят вводный характер.

Представляется целесообразным продолжить и углубить анализ как в количественном, так и в качественном аспектах, уделяя особое внимание процессу демократизации текстов официально-делового функционального стиля. В первую очередь это относится к эпизодическим проявлениям экспрессивности в описывающих официальных текстах. Более того, актуальным остаётся вопрос разграничения оценивающих официальных текстов и аналитических газетно-публицистических текстов, поскольку некоторые современные официальные документы (особенно это характерно для американских документов) включают фрагменты текстов публицистического функционального стиля.

Настоящая статья может представлять интерес и практическую пользу для исследователей в области лингвистики и права, исследователей в области перевода, преподавателей-стилистов, а также профессиональных юристов и составителей законодательных документов.

Библиография

1. Стилистика официально-деловой речи. М.: Издательский центр "Академия", 2011. 263 с.
2. Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Издательство "Наука", 1968. С. 186-230.
3. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. London: Routledge, 2016. 278 p.
4. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: б. и., 1972. 251 с.
5. Heikki E. S. Mattila. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. Farnham: Ashgate Publishing Ltd., 2013. 485 p.
6. Williams Ch. The Impact of Plain Language on Legal English in the United Kingdom. London: Routledge, 2023. 218 p.
7. Asprey M. Plain Language for Lawyers. Sydney: The Federation Press, 2003. 330 p.
8. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык // Избранное. М.: РАП, 2008. 314 с.
9. Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности. М.: Издательство стандартов, 1990. 160 с.
10. Ивакина Н. Н. Юридические клише и штампы // Профессиональная речь юриста. М.: Издательство БЕК, 1997. 15 с.

11. Колтунова М. В. Языковое и деловое общение: нормы, риторика, этикет. М.: Экономика, 2000. С. 172-182.
12. Кыркунова Л. В. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи: дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.01. ГОУ ВПО "Пермский государственный университет", 2007. 191 с.
13. Bhatia Vijay K. An Applied Discourse Analysis of English Legislative Writing. Birmingham: University of Aston. 1983. 145 p.
14. Sarcavic S. New Approach to Legal Translation. The Hauge: Kluwer Law International. 1997. 308 p.
15. Верховской П. В. Письменная деловая речь. М.: "Техника управления", 1930. 216 с.
16. Губаева Т. В. Семантико-стилистическая категория оценки в законодательном тексте // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь: Пермский университет имени А. М. Горького. 1987. С. 97-102.
17. Маркова В. А. Эмоциональное пространство делового письма // Электронный научный журнал. 2017. № 6. С. 136-145. EDN: YFQUBD
18. Новиков Д. А. Элементы экспрессивности в официально-деловых письмах исполнительных органов государственной власти // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования. Ханты-Мансийск: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука". 2020. С. 61-65. EDN: EDQAQL
19. Литвякова Т. А. Эмоциональная насыщенность как важный элемент письменной коммуникации (на примере делового письма) // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: Филологические науки. 2022. № 3. С. 103-112. EDN: WRDCXY
20. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
21. Липгарт А. А. Лингвопоэтическое сопоставление текстов художественной литературы на английском языке: дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.04. МГУ, 1994. 270 с.
22. Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2016. 168 с.
23. Комарова А. И. Теория и практика изучения языка для специальных целей: дисс. ... док. фил. наук : 10.02.04. МГУ, 1996. 289 с. EDN: ZKYPAF
24. Хуринов В. В. Функционально-стилистическая дифференциация англоязычных научных и газетно-публицистических текстов (на материале английского языка): дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.04. МГУ, 2009. 272 с. EDN: NQPWQR
25. Малышкин Д.В. О разновидностях официально-делового функционального стиля английского языка // Litera. 2024. № 10. С. 108-117. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.10.68900 EDN: EMNELA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68900
26. Title 34 - Agriculture, § 1.77 // Code of Federal Regulations. 1957. Available at: <https://www.ecfr.gov/current/title-7> (accessed 20 April 2025).
27. Oxford Learner's Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 20 April 2025).
28. Additional Protocol to the Convention of the Contract for the International Carriage of Goods by Road (CMR) Concerning the Electronic Consignment Note // United Nations Economic Commission for Europe. 2008. 11 p.
29. Merriam-Webster's Law Dictionary: Legal Terms in Plain English. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (Accessed 20 April 2026)
30. Budget Responsibility Act 2024 (UK), c. 24. 2024. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/24> (accessed 20 April 2025).
31. Corporate Officers // USA Swimming Corporate Bylaws. 2020. 16 p.
32. H. R. 9366, 118th Congress, 2nd Session. A bill to direct the Secretary of Health and

- Human Services to identify, review, and implement effective interventions in Head Start Programs, and for other purposes. Introduced August 16, 2024. 8 p.
33. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 20 April 2025)
34. Global Catastrophic Risk Management Act of 2022, S. 4488, 117th Cong.; Introduced June 23, 2022. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4488/text> (accessed 20 April 2025).
35. Budget Responsibility Bill, HL Bill 24 (UK). 2024. 3 p.
36. Environmental Protection Agency. Renewable Fuel Standard (RFS) Program: Partial Waiver of 2024 Cellulosic Biofuel Volume Requirement and Extension of 2024 Compliance Deadline. A Proposed Rule // Federal Register. 2024. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/12/12/2024-28978/renewable-fuel-standard-rfs-program-partial-waiver-of-2024-cellulosic-biofuel-volume-requirement-and> (accessed 20 April 2025).
37. France 2023 Human Rights Report. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. United States Department of State. 2023. Available at: <https://www.state.gov/reports/2023-country-reports-on-human-rights-practices/france/> (accessed 20 April 2025)
38. Monetary Policy Report (March 2024). Testimony. Federal Reserve Board. Available at: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/testimony/powell20240306a.htm> (accessed 20 April 2025)
39. Corpus of Contemporary American English. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 24 April 2025)
40. Paul & Ors v The Royal Wolverhampton NHS Trust. 2022. Available at: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2022/12.html> (accessed 20 April 2025).
41. Annual report and accounts: presented to Parliament pursuant to section 4(6) of the Government Trading Funds Act 1973 as amended by the Government Trading Act 1990. 2020. 186 p.
42. Annual Report 2024. Microsoft. 2025. 89 p.
43. Executive Summary - Permanent Under-Secretary Sir Simon McDonald KCMG KCVO (2025). Annual Report & Accounts: 2019-2020. Foreign & Commonwealth Office. 2020. 103 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом изучения рецензируемой статьи являются элементы функции воздействия в текстах официально-делового стиля. Стоит согласиться с автором работы, что «тексты данного типа представляют собой наиболее чистую реализацию функции сообщения среди текстов, созданных на естественных языках. Это определяет существенное преобладание информативной составляющей в данных текстах и, соответственно, ограниченное присутствие элементов функции воздействия». Выбранный вектор исследования интересен, наукообразен, конструктивен. Нарботанный материал имеет как практический, так и теоретический характер, его можно продуктивно использовать в вузовской деятельности при изучении дисциплин гуманитарной направленности. Актуальность данной работы обусловлена тем, что за «последние десятилетия наблюдается тенденция к значительному расширению сферы применения официально-делового функционального стиля. Современные официальные тексты выходят за рамки

документально оформленной информации, постепенно превращаясь в эффективные средства воздействия на адресата: они формируют определённую оценочную среду, конструируют образ организации или лица, а также способствуют установлению доверительных отношений либо, напротив, оказанию давления». Стоит заметить, что работ смежной тематической направленности не так много, есть и общие исследования официально-делового стиля, но это не противоречит выбранной магистрали, наоборот создает эффект дискуссии с оппонентами. Цель достаточно четко сформулирована, она «состоит в анализе функционирования элементов функции воздействия в пределах официально-делового функционального стиля». Особое внимание в статье «уделяется особенностям употребления экспрессивных прилагательных в составе атрибутивных конструкций». Научная новизна исследования «заключается в том, что экспрессивные лексические единицы в официальных текстах впервые проанализированы с позиции категориального функционально-стилистического подхода». Серьезных сбоев в режиме использования терминов / понятий не выявлено; формат научной наррации ровен. Например, «ряд значений данного глагола характеризуется выраженной коннотативностью, прежде всего это относится к третьему и четвёртому пунктам. Коннотативное значение, приведённое в конце этого списка, требует в качестве прямого дополнения одушевлённое существительное, а третье значение характеризуется ограниченным употреблением в определённом кругу тематических групп. Соответственно, выражение этих значений оказывается неактуально в рассматриваемом случае» и т.д. Удачно автор использует т.н. промежуточные итоги, они скрепляют текст в единое целое: «В рассмотренных выше примерах лексические единицы обладают не только коннотативными, но и специальными, а также формальными значениями. Ситуация меняется, если речь идёт о словах, имеющих только экспрессивные и нейтральные значения, например, о таких существительных, как «virtue» и «pleasure». Рассмотрим употребление этих существительных в следующих текстах: «If the Treasury proposes to modify the Charter so as to include provisions by virtue of this section /.../» [30]; «The President & CEO shall serve at the pleasure of the Board of Directors /.../» [31, р. 4]». Как видим, цитации выверены, формальные требования издания учтены. Считаю, что тема статьи в целом раскрыта; автор в финале обозначает и выводы. Удачно, не мой взгляд, отмечена и перспектива изучения вопроса: «представляется целесообразным продолжить и углубить анализ как в количественном, так и в качественном аспектах, уделяя особое внимание процессу демократизации текстов официально-делового функционального стиля. В первую очередь это относится к эпизодическим проявлениям экспрессивности в описывающих официальных текстах. Более того, актуальным остаётся вопрос разграничения оценивающих официальных текстов и аналитических газетно-публицистических текстов, поскольку некоторые современные официальные документы (особенно это характерно для американских документов) включают фрагменты текстов публицистического функционального стиля». Необходимо вычитать список источников, кое-что поправить: например, «Стилистика официально-деловой речи. М.: Издательский центр "Академия", 2011. 263 с.» [не указан автор / составитель] и т.д. С учетом сказанного тезирую: статья «Элементы функции воздействия в текстах официально-делового функционального стиля английского языка» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Иванов А.Г. Взгляд на творчество Роджера Уотерса сквозь призму критического дискурс-анализа // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.71481 EDN: FYMXIX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71481

Взгляд на творчество Роджера Уотерса сквозь призму критического дискурс-анализа

Иванов Андрей Геннадиевич

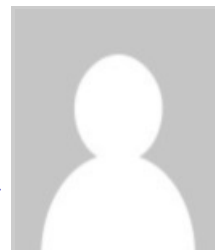
ORCID: 0000-0003-1136-251X

доктор философских наук

профессор; кафедра философии и социальных коммуникаций; Липецкий государственный технический университет
профессор; кафедра государственной, муниципальной службы и менеджмента; Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

398050, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Московская, 30

✉ agivanov2@yandex.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.71481

EDN:

FYMXIX

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2024

Аннотация: Объектом исследования является творчество сооснователя группы «Pink Floyd» («Пинк Флойд») английского музыканта Роджера Уотерса. Предметом исследования выступает использование критического дискурс-анализа к текстам автора, а также к содержанию выступлений и интервью исполнителя. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как политическая позиция музыканта, его осведомленность о текущей обстановке в мире, а также такие аспекты «коммуникативного события» как форматы взаимодействия с публикой, использование специфических слов в корпусе локальных значений текста, формальных структур при работе со временем. Особое значение придается тому, что Р. Уотерс в настоящее время оказывается одним из немногих представителей Запада, который выражает альтернативное мнение, фактически противоположное идеям политического

истеблишмента. Музыканту удается не только использовать в своем творчестве актуальные на момент выхода альбомов события, но и апеллировать к вечным темам, затрагивающим мифологические сюжеты. Был использован подход Т. ван Дейка, предусматривающий рассмотрение дискурса как широкого коммуникативного события, фокусирующегося вокруг теоретического треугольника «дискурс-познание-общество». В соответствии с предложенным Т. ван Дейком алгоритмом были исследованы тексты Р. Уотерса периода 1973–2017 гг., а также его последние шоу и интервью. Делается вывод, что почти все творчество Р. Уотерса как нельзя лучше подходит для оптики критического дискурс-анализа Т. ван Дейка, что объясняется прежде всего бескомпромиссностью позиции музыканта, совершенно не готового мириться с несправедливым положением дел в современном обществе. Выражение альтернативного мнения, представленного в текстах, шоу, интервью автора, слышится (особенно молодежи) как на Западе, так и в странах «глобального Юга», что свидетельствует о тесной связи искусства и политики и вселяет осторожный оптимизм. Примененная разновидность критического дискурс-анализа позволила, с одной стороны увидеть продуктивность идей Т. ван Дейка, применительно к области музыкальной культуры, с другой стороны, подтвердить, что Р. Уотерс является автором, ясно понимающим актуальные проблемы социально-политического порядка и ярко использующим творчество для трансляции и популяризации своих взглядов.

Ключевые слова:

критический дискурс-анализ, Роджер Уотерс, Тен ван Дейк, семантические макроструктуры, локальные значения текста, формальные структуры, контекстуальные модели, событийные модели, социальное познание, дискурс и общество

«Old man what the hell you gonna kill next, yeah.

Old timer who you gonna kill next»

Роджер Уотерс («The Bravery of Being out of Range», 1992 г.)

В июле 2024 г. заместитель председателя Совета безопасности Российской Федерации Д. А. Медведев пригласил сооснователя группы «Pink Floyd» («Пинк Флойд») Роджера Уотерса выступить для участников специальной военной операции: «Выбирая между музыкальным творчеством Боно (а я с ним когда-то встречался, в 2010-м) и Роджера Уотерса, я бы выбрал последнего. Его стилистика мне просто ближе. И я рад, что он меня не разочаровал. Поэтому приглашаю его выступить с концертами перед участниками специальной военной операции. Уверен, наши ребята это выступление высоко оценят», – сказал Медведев в интервью сайту «Аргументы и факты», отвечая на вопрос, отделяет ли он музыкальный талант от политической позиции на примере данных музыкантов. [\[1\]](#) Известно, как трогательно Р. Уотерс относится к положительной реакции на свои выступления от ветеранов вооруженных конфликтов, от простых солдат, которым пришлось участвовать в столкновениях по воле лидера той или иной страны.

В целом, художественное творчество может быть формальным, когда расчет делается на то, чтобы эстетический зритель абстрагировался от всех исторических, политических и каких бы то ни было контекстов, или же художественные средства могут применяться для демонстрации отношения исполнителя к происходящему в реальной жизни, например, к общественным, политическим проблемам. Последнее в полной мере относится к

творчеству Р. Уотерса, который в течение всей своей карьеры идентифицировал себя не только как музыканта, но и как активиста, о чем он прямо сообщает в одном из недавних интервью:

(вопрос журналиста) Считаете ли вы себя музыкантом и политическим активистом в равной степени?

(ответ Р. Уотерса) Да, иногда я склоняюсь к одному, иногда к другому [\[2\]](#).

Успех группы «Pink Floyd» и сольные работы Р. Уотерса, автора текстов коллектива до 1983 г., требуют внимания не только к музыкальной составляющей их творчества, но и к текстам произведений, в которых затрагиваются актуальные во все времена, вечные проблемы.

Вышедший в марте 1973 г. «The Dark Side of the Moon» («Темная сторона Луны») стал первым альбомом «Pink Floyd», на котором Р. Уотерс не только использовал группу как средство для осуществления своих концептуальных амбиций, но и как рупор для обнародования своего личного мировоззрения [\[3, с. 198\]](#). Сам Р. Уотерс так объяснял идею альбома: вся пластинка должна быть о том, что подавляет и поглощает нас, убивая наш потенциал позитивной деятельности [\[4, с. 82\]](#). Спустя 50 лет Р. Уотерс возвращается к этому альбому, можно сказать, демонстрируя практику «вечного возвращения», но уже на новом уровне, с опытом 80-ти летнего человека. Многие в текстах остались без изменений, однако автором были добавлены некоторые размышления. Как объяснял сам Р. Уотерс, новая запись получилась более рефлексивной и больше отражает то, какой была концепция альбома [\[5\]](#).

Выход легендарного сегодня концептуального альбома «The Dark Side of the Moon» ознаменовал собой своеобразное начало полувекового уже путешествия по основным социально-политическим проблемам современного человечества, отраженных в текстах музыканта. Далее мы попробуем пролить свет на некоторые важные аспекты идей Р. Уотерса, воспользовавшись наработками критического-дискурса анализа и, возможно, продемонстрировав эвристический потенциал этого метода.

В свое время отдельные элементы критического дискурса-анализа (КДА) зарекомендовали себя при анализе новостных текстов, политических речей, рекламных объявлений, учебников. Главной целью КДА является выявление стратегий, «которые на первый взгляд кажутся нормальными или нейтральными, но на самом деле могут быть идеологическими, направленными на формирование репрезентации событий и людей для достижения определенных целей» [\[6, с. 13\]](#).

КДА делает акцент на исследованиях не-нейтральности языка при описании социальных явлений и процессов и, в целом, является проблемно-ориентированным подходом, что делает КДА подходящим инструментом для изучения содержания концептуальных работ Р. Уотерса.

Для исследования особенностей трансляции идей Р. Уотерса из известных представителей КДА – З. Йегер, Р. Водак, Н. Фэркло, Т. ван Дейк, – в наибольшей степени, на наш взгляд, подходят идеи последнего, так как в Т. ван Дейк предлагает взглянуть на дискурс, прежде всего, как на широкое «коммуникативное событие». Т. ван Дейк, подчеркивая необходимость широкого, разнообразного, мультидисциплинарного и проблемно-ориентированного КДА, тем не менее, ограничивал свои усилия областью, определяемой им как теоретический треугольник дискурс-познание-общество, поясняя,

что «дискурс» в данном определении он понимает в широком смысле: как такое коммуникативное событие, которое включает разговорное взаимодействие, письменный текст, а также связанные с ним жесты, оформление лица, типографский макет, изображения и любые другие «семиотические» или мультимедийные аспекты означивания [\[7, p. 97–98\]](#). Если мы вспомним шоу Р. Уотерса, изобилующие текстами на экранах, заявлениями и призывами исполнителя в ходе концерта, а также интервью музыканта, затрагивающие самые актуальные политические события, то оптика Т. ван Дейка окажется более чем подходящей. Но главное, все же, это взаимодействие с аудиторией, кульминацией которого стало экспрессивное объявление, предваряющее выступления последнего на данный момент тура Р. Уотерса «This Is Not a Drill» («Это не учебная тревога»): если вам нравятся «Pink Floyd», но вы не выносите политику Роджера, то проваливайте в бар. Кажется, представленная на этом шоу новая композиция «The Bar» («Бар»), посвящена вышеуказанному аспекту, но, на самом деле, это песня о скорби угнетенных народов, у которых были захвачены и украдены земли, но также она передает то, что в баре можно вести действительно честный и откровенный диалог, что в баре происходит настоящее «коммуникативное событие».

Отметим, что как отечественные, так и зарубежные специалисты уже обращались к творчеству сооснователя группы «Pink Floyd» с целью анализа различных его нюансов. В частности, А. А. Бильченко, проанализировав эволюцию мифа о неизвестном солдате в контексте авторского мифотворчества Р. Уотерса, пришел к выводу, что автор «...предпринимает не только попытки мифологизации положительных образов и демифологизации отрицательных, но и реконструирует сам механизм создания современных мифов... Утверждая собственную систему ценностей, автор делает неизвестного солдата носителем гуманистических идей...» [\[8, с.133\]](#). А финский исследователь В.-М. Сарениус, осуществив мониторинг концертов «Pink Floyd» и Р. Уотерса, на которых исполнялся альбом «The Wall» («Стена»), начиная с первых шоу начала 1980-х гг. до представлений 2010-2013-х гг., пришел к выводу, что если послание выступлений до знаменитого берлинского шоу 1990 г. касалось в основном событий Второй мировой войны, то фокус последующих месседжей смещается на современные конфликты и политические противостояния [\[9\]](#). Такая перемена – смещение акцента на текущую политическую конъюнктуру – будет отчетливо видна, когда мы предпримем анализ творчества Р. Уотерса в соответствии с подходом Т. ван Дейка. Заметим, что похожий опыт анализа творчества Р. Уотерса, правда, лишь отдельной конкретной песни, уже имеется: индонезийские специалисты осуществили критический дискурс-анализа текста композиции «We Shall Overcome» («Мы преодолеем») [\[10\]](#).

Подход Т. ван Дейка в соответствии с заявленным теоретическим треугольником дискурс-познание-общество, предполагает, соответственно, последовательное изучение содержания дискурса, включающее так называемые пять шагов (изучение тем, семантических макроструктур; обращение внимания на корпус локальных значений текста; учет значимости тонких формальных структур; рассмотрение более широкой перспективы – контекстуальных идей; уделение внимания к событиям), учет различных форм социального познания (знания, отношения, идеологии, нормы и ценности), разделяемых коллективами и, наконец, третья сторона треугольника, отношения между дискурсом и обществом [\[7\]](#).

Далее, на примере творчества Р. Уотерса, включающего не только содержание текстов песен, но и форматы взаимодействия с аудиторией на концертах, с журналистами, рассмотрим работу подхода Т. ван Дейка, отвлекаясь в отдельных случаях на некоторые

значимые феномены, наиболее ярко характеризующие карьеру музыканта.

Как было отмечено, уровни и измерения критического дискурс-анализа Т. ван Дейка обнаруживаются при осуществлении пяти шагов:

1) изучение тем, семантических макроструктур (topics: semantic macrostructures);

Основные идеи автора связаны с несогласием с сегодняшней общественно-политической ситуацией, с предостережениями и рецептами лучшего будущего, отражены как в названиях альбомов (например, «Is This the Life We Really Want?» («Эта жизнь, которую мы действительно хотим?»)), так и туров («Us + Them» («Мы + Они») или «This Is Not a Drill»).

Известно, что одной из целей КДА является раскрытие ситуации неравенства и дискриминации отдельных социальных групп, способствование социальным изменениям и более справедливому распределению власти в обществе [\[11\]](#). Вот и Р. Уотерс, объясняя идею альбома 2017 г. – как наша алчность побеждает в нас человечность, – повторяет: «...нет “нас” и нет “их”, а есть свобода каждого разумного существа, неважно, какого цвета его кожа и во что он одет» [\[12, с.32\]](#). Хотя, конечно, идея Р. Уотерса, что не существует никакого противопоставления на «нас» и «их», а есть только «мы», лежащая в основе альбома 2017 г. «Is This the Life We Really Want?» и транслируемая в ходе тура 2017-2018 гг. «Us + Them», является современной разновидностью утопии.

2) обращение внимания на корпус локальных значений текста (local meanings);

У Р. Уотерса в названиях песен (например, «Get Your Filthy Hands Off My Desert» («Убери свои грязные руки от моей пустыни»), «The Bravery of Being out of Range» («Храбрость нахождения вне зоны поражения»)), а также в выделенных в текстах песен словосочетаниях (например, из альбома «Is This the Life We Really Want?»: «...and if I were a drone» («...если бы я был беспилотником»), «...last look at the sea» («...последний взгляд на море»), «...a leader with no... brains» («...лидер без... мозгов»), «...Mistress Liberty – How we abandoned thee» («...Госпожа Свобода – как мы бросили тебя»), «The boy is drowning in the sea» («Мальчик тонет в море»), «Home, I’m coming home» («Домой, я возвращаюсь домой»), «Wake up and smell the roses» («Проснись и почувствуй запах роз»)), содержатся такие смыслы и значения, которые лучше всего запоминаются и легче всего воспроизводятся слушателями и, следовательно, могут иметь наиболее очевидные социальные последствия. Так, песня «The Bravery of Being out of Range» из альбома 1992 г. «Amused to Death» («Развлеклись до смерти»), но часто исполняющаяся автором на концертах в настоящее время, начинает ассоциироваться не с конкретными обывателями, наблюдающими за военными действиями по телевизору, а с государствами, находящимися далеко от мест военных конфликтов.

При этом Р. Уотерсом используются разнообразные типы языковых средств, важность выделения которых в процессе анализа текста Т. ван Дейк отмечал отдельно. Дело в том, что многие структуры, такие как ударение и интонация, порядок слов, лексический стиль, согласованность, локальные семантические ходы, выбор темы, речевые акты, схематическая организация, риторические фигуры и большинство форм взаимодействия, по мнению Т. ван Дейка, в принципе контролируются спикером. Остальные же структуры – форма слов и множество конструкций предложений, являясь грамматически обязательными и контекстуально инвариантным, следовательно, обычно не являются субъектом контроля спикера и, соответственно, не имеют значения при исследованиях форм проявления властных отношений в обществе [\[7, p. 99\]](#). Однако Р. Уотерсу удается

подчеркивать особый характер отношений власти и подчинения в социуме, играя именно с формой слов.

Так, уменьшительно-ласкательская форма имени премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер – Мэгги (Maggie) – несколько раз встречается в текстах ярко выраженного антивоенного альбома «The Final Cut» («Окончательный монтаж»). Отдав приказ о захвате Фолклендских (Мальвинских) островов в апреле 1982 г., М. Тэтчер развеяла «послевоенный сон (или послевоенную мечту) о мирной жизни»:

«"What happened to the post war dream?"

Oh, Maggie, Maggie what have we done?»

«"Что стало с послевоенным сном"

Ох, Мэгги, Мэгги, что мы натворили?»

(«The Post War Dream» («Послевоенный сон»), 1983 г.).

Еще один ужасающий образ применения военной силы появляется на альбоме «Amused to Death», когда Р. Уотерс выражает свою озабоченность возросшей властью медиа и, особенно тем, что представители органов публичной власти прибегают к манипулированию массовым сознанием посредством телевидения. В песне «Watching TV» («Просмотр телепередач») реализация этих идей достигает своего апогея: повествуется история о том, как студентку философского факультета убили во время протестной демонстрации в Китае, и она стала своеобразным символом недовольства населения коррумпированностью чиновников и, в целом, последствиями реформ Дэн Сяопина. Причем символом студентка (используется характерное словосочетание «желтая роза») стала во многом благодаря тому, что ее смерть показали по телевизору:

«In Tiananmen Square

Lost my baby there

My yellow rose

In her bloodstained clothes

<...> She wore a white bandanna that said

Freedom now

She thought the Great Wall of China

Would come tumbling down

<...> She's everybody's sister,

She's symbolic of our failure,

She's the one in fifty million,

Who can help us to be free,

Because she died on TV»

(«На площади Тяньаньмэнь

Я потерял свою любимую
 Мою желтую розу
 В залитой кровью одежде
 <...> Она носила белую бандану с надписью
 "Свободу – сейчас!"
 И думала, что Великая китайская стена
 Падет
 <...> Она – сестра для каждого,
 Она – символ нашего поражения,
 Она – одна из пятидесяти миллионов,
 Которые могут помочь нам обрести свободу,
 Потому что ее смерть показали по телевизору»)
 («Watching TV», 1992 г.).

Обращает на себя внимание использование новых слов и в альбоме «Is This the Life We Really Want?». Так, слово «nincompoop» (простофиля, дурачок) приобретает дополнительный смысл, применительно к американскому политическому деятелю Дональду Трампу:

«And every time a nincompoop
 Becomes the president»
 («Каждый раз, когда дурачок
 Становится президентом»)
 («Is This the Life We Really Want?», 2017 г.).

3) учет значимости тонких формальных структур (the relevance of subtle «formal» structures);

К таким структурам могут относиться феномены, в меньшей степени контролируемые сознанием – интонация, риторические фигуры, паузы и т.п. Очевидно, что текст содержит не так много такого рода утонченных фрагментов, чем настрой исполнителя на концертных выступлениях. Но, например, аллюзии на другие композиции, вполне фиксируются хорошо знакомой с творчеством музыканта аудиторией. Так в песне «Picture That» («Представь себе это») с альбома «Is This the Life We Really Want?» имеются аллюзии на альбомы «Pink Floyd»: фрагмент «Picture my hand turning the key» («Представь, как моя рука поворачивает ключ зажигания») является аллюзией на песню «Two Suns in the Sunset» («Два Солнца на закате»), завершающую альбом «The Final Cut» и концертные выступления в туре «This Is Not a Drill», в которой поется о ядерной катастрофе. В песне же «The Post War Dream» из альбома 1983 года «The Final Cut» обыгрывается название известного мифа об американской мечте (American dream).

Особенно показательны формальные структуры на примере работы со временем. Так,

одна из песен с альбома «The Final Cut» называется «Твое возможное прошлое» («Your Possible Pasts») и начинается со слов «They flutter behind you your possible pasts» («Они размахивают перед тобой твоим возможным прошлым»). А в последних словах альбома «Amused to Death», звучащих от лица Алфа Раззелла (боевого товарища рядового Билла Хаббарда, погибшего в битве на Сомме в ходе Первой мировой войны), когда он после длящихся десятилетиями кошмаров все же находит могилу своего товарища Билла, усматриваются аллюзии на антиутопию Джорджа Оруэлла «1984»: «Woman interviewer: "When was it that you saw his name on the memorial?". Alf Razzell: "Ah, when I was eighty-seven... Ah, that would be a year, ninety f... Eighty-four, nineteen eighty-four"» («Женщина-репортер: "И когда это вы увидели его имя на памятнике?". Алф Раззелл: "Ну, когда мне было восемьдесят семь лет. То был девять... восемьдесят четвертый, тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год"»). На альбоме же 2017 г. «Is This the Life We Really Want?» между песнями мы слышим ностальгическое новогоднее поздравление с 1971 годом из эфира корпорации «Би-Би-Си» (BBC).

Две последние работы Р. Уотерса в составе «Pink Floyd» («The Wall» и «The Final Cut») и дебютную сольную студийную запись автора «The Pros and Cons of Hitch Hiking» («Преимущества и недостатки путешествий автостопом») здесь следует отметить отдельно. В них в разных ракурсах препарируются модусы времени: от личных идиосинкразий и осмысления опыта Второй мировой войны до проникновения в сны и фантазии мужчины, переживающего кризис среднего возраста. Так, исследователь А.П. Патриков отмечает три темпоральные структуры в фильме «The Wall», снятого по мотивам одноименного альбома: прошлое (детство Пинка (главный герой), некоторые воспоминания), настоящее (Пинк в отеле, самопогружение, изолирование), будущее (воображаемое установление диктатуры, образ суда) [\[13, с.101\]](#); прислушивается к голосу послевоенного поколения в музыкальном фильме «The Final Cut» [\[14\]](#). Нарратив же альбома «The Pros and Cons of Hitch Hiking» 1984 г. полностью разворачивается в реальном времени как сон, происходящий ранним утром.

4) рассмотрение более широкой перспективы – контекстуальных моделей (context models);

Следует отметить, что Т. ван Дейк подчеркивал, что контекстуальные модели и событийные модели (пятый шаг) – это «ментальные репрезентации в эпизодической памяти, то есть в той части долговременной памяти, в которой люди хранят свои знания и мнения об эпизодах, которые они пережили или о которых прочитали / слышали» [\[7, с. 111\]](#).

Контекстуальные модели позволяют объяснить, что является релевантным в социальной ситуации для участников коммуникации. Здесь следует отметить, что в центре внимания Р. Уотерса довольно часто находятся актуальные на момент выхода соответствующих альбомов политические события: Фолклендская война (альбом 1983 г. «The Final Cut»), события на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г. (альбом 1992 г. «Amused to Death»), президентство в США Д. Трампа (альбом 2017 г. «Is This The Life We Really Want?»).

5) уделение внимания к событиям, событийные модели (event models).

В альбомах Р. Уотерса мы найдем отсылки к широкому кругу глобальных проблем с конкретизацией их соответствующих локальных проявлений – одержимость медийной средой (одноименная песня с альбома «Amused to Death»), проблемы глобализации (сатирическая песня «It's a Miracle» («Это – чудо») с того же альбома, содержащая

такие слова как: «They've got Pepsi in the Andes, they've got McDonalds in Tibet» («У них есть "Пепси" в Андах, у них есть "Макдональдс" на Тибете»)); агрессивность западной экспансии (например, двойная аллюзия – на альбом «Pink Floyd» 1975 г. «Wish You Were Here» («Хотелось бы, чтобы ты был здесь») и на тюрьму на Кубе – в словах «Wish You Were Here in Gauntanamo Bay» («Как жаль, что тебя здесь нет, в заливе Гуантанамо»)) песни «Picture That» альбома 2017 г. «Is This the Life We Really Want?»); кризисы с беженцами (следует обратить внимание на характерное для практик КДА противопоставление на «хороших нас» и «плохих других»), ярко иллюстрируемые текстом в песне «The Last Refugee» («Последняя беженка») из того же альбома 2017 г.:

«And I dreamed I was saying

Goodbye to my child

She was taking

A last look at the sea

Wading through dreams

Up to our knees

In warm ocean swells

While bathing belles soft

Beneath hard bitten shells

Punch their iPhones, erasing

The numbers of redundant lovers»

(«Я видел во сне, что прощаюсь со своим ребенком

Она в последний раз взглянула на море

Пробираясь через сны, по колено в теплых океанских волнах

В то время, как прекрасные купальщицы,

Мягкие под твердыми раковинами

Набирают текст на своих айфонах,

Стирая номера лишних любовников»)

(«The Last Refugee», 2017 г.).

Вторым измерением КДА Т. ван Дейк называет социальное познание (social cognition), осуществляющееся как напрямую, так и опосредованно, формируемое знанием, отношением и идеологическими предпочтениями. В случае с Р. Уотерсом ясно, что исполнитель в настоящее время оказывается одним из немногих представителей Запада, который выражает альтернативное мнение, фактически противоположное идеям политического класса. Подтверждением этому являются несколько интервью музыканта западным изданиям в 2022 г., после начала конфликта на Украине, в частности, публикация от 4 марта 2022 г. заметки «The war-profiteering gangsters will kill us all unless we unite against them» («Гангстеры, наживающиеся на войне, убьют нас всех,

если мы не объединимся против них») [\[15\]](#), в которой речь шла как о вопросах безответственных неконтролируемых поставок западных вооружений в горячие точки, так и о широком контексте, заданном исследователями в русле постколониального поворота: обвинение западных журналистов и политиков в том, что события на Украине рассматриваются как-то иначе, чем конфликты в Афганистане или Ираке, лишь по той причине, что жители Украины выглядят как европейцы. И если в начале конфликта музыкант критиковал обе стороны, отмечая, что лидер Российской Федерации уважает Устав ООН и международное право не больше, чем недавние президенты США [\[15\]](#), то приблизительно через год – 8 февраля 2023 г. – Р. Уотерс уже был приглашен российской стороной на заседание Совета Безопасности ООН, посвященное событиям на Украине. Представители России увидели в известном музыканте последовательного борца за мир, доказавшего своей жизнью и творчеством полную независимость от какого бы то ни было давления. И Р. Уотерс стал обвинять коллективный Запада в провоцировании конфликтов. Несмотря на то, что в реакции на выступление музыканта со стороны украинских и западных представителей отмечалось, что господин Уотерс известен, прежде всего, как музыкант, а не как специалист по политической проблематике, это не так. Р. Уотерс не только считает себя политическим активистом, но и обращает внимание на соответствующий общественный резонанс: ему нравится, когда что люди замечают и понимают то, что он делает. При обсуждении мнения западных деятелей важно учитывать то обстоятельство, какими источниками информации они пользуются, тем более что так называемая постправда давно уже стала отличительной чертой интеллектуального климата Запада. И здесь показательно, что Р. Уотерс в интервью «Berliner Zeitung» отдельно называет свои источники: «Есть кипрский подкаст под названием “The Duran”. Ведущие говорят по-русски и могут прочитать речи Путина в оригинале. Их комментарии по этому поводу имеют для меня значение» [\[2\]](#).

Кстати, один из месседжей в альбоме Р. Уотерса «Radio K.A.O.S.» («Радио X.A.O.C.») 1987 г. был следующим: в эпоху бездушного телевидения и тотальной дезинформации со стороны СМИ, средств масс-медиа, новому поколению нужно вернуться к «правильному» радио, которое объединяет, а не разъединяет людей. Интересно, что антрополог А. Юрчак замечал, что в позднесоветский период коротковолновое радио превратилось в мощнейший инструмент культурного производства, способствовавший формированию советского феномена воображаемого Запада [\[16, с. 356\]](#).

Далее, приведем еще один фрагмент из интервью немецкому изданию:

«(вопрос журналиста) Если посмотреть на конфликт нейтрально, то можно увидеть в Путине агрессора. Вы думаете, нам всем промыли мозги?

(Р. Уотерс) Да, я действительно это делаю, определенно. Тебе промыли мозги, ты это сказал.

(вопрос журналиста) Потому что мы потребляем западные СМИ?

(Р. Уотерс) Точно. То, что говорят всем на Западе, – это нарратив о “неспровоцированном вторжении”. А? Любой, у кого есть хоть половина мозгов, может понять, что конфликт на Украине был спровоцирован сверх всякой меры. Это, вероятно, самое спровоцированное вторжение за всю историю» [\[2\]](#).

Говоря о так называемом «промывании мозгов», следует обратить внимание на получившие определенную популярность в последнее время рассуждения об эхо-камерах и пузырях фильтров. Однако ряд исследователей справедливо полагают, что

значимость таких концептов неоправданно преувеличена: «Эмпирические исследования, опирающиеся на опросы, наблюдения в малых масштабах, а также на продвинутые инновационные цифровые методы и “большие социальные данные”, ясно и недвусмысленно показывают не только, что эхо-камер и пузырей фильтров не существует за пределами маргинальных зон общества, но что СМИ, исследователи медиа и политические дискуссии, уделяя избыточное внимание этим непродуманным концепциям, переоценивают роль платформ и алгоритмов в текущем политическом кризисе и отвлекают внимание от гораздо более серьезной проблемы: возвращения откровенного, яростного популизма и политической демагогии» [\[17, с. 105\]](#). Интересно, что Р. Уотерс не одинок в своем стремлении к объективной оценке. Так, бывший вокалист группы «Deer Purple» («Дип Пепл»), Джо Линн Тернер, после данного в августе 2022 г. интервью Р. Уотерса журналисту CNN Майклу Смерконишу [\[18\]](#), на своей официальной странице в одной из соцсетей, прикрепил ссылку на видео с этим интервью и разместил следующее сообщение: «Роджер Уотерс говорит ПРАВДУ власти! Спасибо тебе, Роджер. Кто-то должен это сказать...» [\[19\]](#). Заметим, что в ходе разговора с журналистом CNN бросалась в глаза его плохая осведомленность о геополитической ситуации и приверженность историческим стереотипам, что буквально заставило Р. Уотерса посоветовать М. Смерконишу отправиться в библиотеку.

Хорошо разбираясь в текущей политической обстановке, Р. Уотерс при этом успешно эксплуатирует классические мифологические сюжеты (о герое, жертве, враге и т.д.), параллельно с этим создавая современные «поп-мифы», которые надстраиваются как над известными мифологемами, так и реанимируют уже ставшие легендарными песни «Pink Floyd». Для этого иногда автору достаточно внести изменения в сет-лист концертного выступления. Например, в недавнем туре «This Is Not a Drill» добавляется песня «The Powers That Be» («Власть предрешающие»), исполнение которой сопровождается кадрами подавления властями уличных акций и списками имен демонстрантов, погибших от рук полиции; актуальными смыслами наполняется композиция «The Bravery of Being out of Range», фрагмент текста которой также вынесен в эпиграф статьи.

Таким образом, комбинация основных форм социальной репрезентации – знания, отношения и идеологического багажа, – пронизывающих социальное познание, в случае с Р. Уотерсом позволяет последнему убедительно транслировать свою точку зрения на ключевые политические события, не поддаваясь на провокации представителей институтов в виде влиятельных медиакорпораций.

Отношения в третьем, выделяемом Т. ван Дейком измерении КДА – дискурс и общество (discourse and society), – фокусирующемся вокруг деятельности определенных социальных институтов, конкретных социальных действий (акций), акторов и социетальных структур, нашли яркое воплощение в практиках общения музыканта с аудиторией: от самой идеи альбома «The Wall», показывающей, что между исполнителем и аудиторией может возникнуть пропасть, стена непонимания, до недавних шоу Р. Уотерса, в которых в разных модальностях используется слово «бар».

Общественность также «дает сдачи»: два концерта Р. Уотерса в рамках весеннего тура 2023 г. по Европе «This Is Not a Drill» в Кракове были отменены из-за политических высказываний музыканта относительно событий на Украине по инициативе члена городского совета. В результате городской совет польского Кракова единогласно признал Р. Уотерса персоной нон грата как «лицо, поддерживающее кремлевский режим» [\[20\]](#).

Но, конечно, у многих творчество Р. Уотерса и группы «Pink Floyd» ассоциируется с произведением «The Wall». При этом у стены много смыслов: стена как то, что возникает между исполнителем и слушателями, между властью и населением, между странами «золотого миллиарда» и странами «третьего мира». Стена как метафорический и как материальный результат отсутствия понимания. С конца 1970-х гг. феномен стены занимает центральное место в работах Р. Уотерса как маркер неспособности к диалогу, невозможности так называемой обратной связи постоянно заменяется на более соответствующую времени – с берлинской на палестинскую и далее на американо-мексиканскую.

При этом политическая сфера как один из главных и неоднозначных атрибутов современной мифологии поначалу сводится у Р. Уотерса к архаическому противопоставлению («мы – они», «свой – чужой», «герой – жертва» и т.п.), но, начиная с тура «Us + Them», как отмечалось выше, автор выстраивает собственную утопию. Получается, что в своем творчестве музыкант обращался как к антиутопиям (например, в альбоме «Pink Floyd» 1977 г. «Animals» («Животные»), концепция которого основана на политической повести Джорджа Оруэлла «Скотный двор»), так и к конструированию своеобразных утопий, призывая избавиться от каких бы то ни было стен и, в целом, – от противопоставлений. Так, песня «Two Suns in the Sunset» в ходе тура «This Is Not a Drill» исполняется на бис и заканчивается словами «We were all equal in the end» («В конце концов, мы все были равны»), являющимися, на наш взгляд, квинтэссенцией точки зрения Р. Уотерса.

Следует заключить, что почти все творчество Р. Уотерса как нельзя лучше подходит для оптики КДА Т. ван Дейка, что объясняется прежде всего бескомпромиссностью позиции музыканта, совершенно не готового мириться с несправедливым положением дел в современном обществе. Выражение альтернативного мнения, представленного в текстах, шоу, интервью автора, слышится (особенно молодежью) как на Западе, так и в странах «глобального Юга», что свидетельствует тесной связи искусства и политики и вселяет осторожный оптимизм. Примененная разновидность критического дискурса-анализа позволила, с одной стороны увидеть продуктивность идей Т. ван Дейка, применительно к области музыкальной культуры, с другой стороны, подтвердить, что Р. Уотерс является автором, ясно понимающим актуальные проблемы социально-политического порядка и ярко использующим творчество для трансляции и популяризации своих взглядов.

P.S. В последней прижизненно изданной работе американский философ истории Хейден Уайт расшифровывает свое понимание так называемого «практического прошлого»: оно, «...в отличие от прошлого историков, переживается всеми нами более или менее индивидуально, а также более или менее коллективно. От него зависит, как мы воспринимаем те или иные ситуации, решаем проблемы и выносим оценивающие суждения в повседневных обстоятельствах, которые никогда не переживали исторические "герои"» [21, с. 55]. В таком понимании вклад Р. Уотерса в формирование «практического прошлого» трудно переоценить.

Библиография

1. Медведев пригласил Роджера Уотерса выступить перед участниками СВО // РИА Новости. 17 июля 2024 г. URL: <https://ria.ru/20240717/uoters-1960144118.html?in=1> (дата обращения: 12.08.2024).
2. The Truth Will Set Us Free (Berliner Zeitung Interview) // Berliner Zeitung. February 4, 2023. URL: <https://rogerwaters.com/berliner/> (дата обращения: 19.02.2023).
3. Шэффнер Н. Блюдце, полное секретов. Одиссея «Пинк Флойд». М.: Издательство

Сергея Козлова, 1998. 368 с.

4. Харрис Дж. Темная сторона Луны: История создания величайшего альбома XX века. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом "Амфора"», 2014. 191 с.

5. Laing R. Roger Waters on his dramatic Dark Side Of The Moon Redux: «It's been part of our lives for 50 years and yet we are still not yet breathing in the air» // Musicradar. July 28, 2023. URL: <https://www.musicradar.com/news/roger-waters-on-his-dramatic-dark-side-of-the-moon-redux-its-been-part-of-our-lives-for-50-years-and-yet-we-are-still-not-yet-breathing-in-the-air> (дата обращения: 14.08.2024).

6. Мачин Д., Майр А. Как сделать критический дискурс-анализ. Руководство по применению. СПб.: Издательство «Общество любителей интеллектуальной книги», 2024. 308 с.

7. Dijk T. A. van Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity // Methods of Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak and M. Meyer. London: Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2002. P. 95–120.

8. Бильченко А. А. Миф о неизвестном солдате в контексте авторского мифотворчества Роджера Уотерса // Литературоведческий сборник. 2008. № 35–36. С. 121–135.

9. Sarenius V.-M. The Change in the Political Message of Pink Floyd's / Roger Waters' The Wall from the Album to the Film to the Live Shows in the Dawn of the 80's via the Wall in Berlin in 1990 to the Live Shows of 2010-2013 // ATINER's Conference Paper Series. No. HUM2015-1404. Athens, 2015. P. 3–13.

10. Putri I. T., Triyono S. We Shall Overcome» A Humanity Song by Roger Waters: Critical Discourse Analysis // Humaniora. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 119–127.

11. Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak and M. Meyer. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2002. 200 p.

12. Владимирский М. Роджер Уотерс: любовь и дроны // In Rock. 2017. № 2 (80). С. 30–32.

13. Патраков А. П. «Pink Floyd – The Wall»: зритель и коллективная память // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 8 (41). С. 97–111.

14. Патраков А. П. Между музыкой и изображением: голос послевоенного поколения в фильме «The Final Cut» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2020. № 1 (33). С. 164–176.

15. Waters R. The War-profiteering Gangsters Will Kill Us All Unless We Unite against Them // Brave New Europe. March 4, 2022. URL: <https://braveneweuropa.com/roger-waters-the-war-profiteering-gangsters-will-kill-us-all-unless-we-unite-against-them> (дата обращения: 14.08.2024).

16. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 664 с.

17. Брунс А. Реальна ли стена фильтров? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 120 с.

18. Robinson E. Roger Waters Defends Branding Joe Biden As A War Criminal: «He's Fuelling The Fire In The Ukraine» // NME. August 7, 2022. URL: <https://www.nme.com/news/music/roger-waters-defends-branding-joe-biden-as-a-war-criminal-hes-fuelling-the-fire-in-the-ukraine-3284791> (дата обращения: 14.08.2024).

19. Joe Lynn Turner Defends His Controversial Views: «The Difference Between Conspiracy And The Truth Is About Six Months» // Blabbermouth. January 21, 2023. URL: <https://blabbermouth.net/news/joe-lynn-turner-defends-his-controversial-views-the-difference-between-conspiracy-and-the-truth-is-about-six-months> (дата обращения: 14.08.2024).

20. Askew J. Pink Floyd's Roger Waters declared «persona non grata» in Poland // Yahoo

News. September 29, 2022. URL: [https://uk.news.yahoo.com/pink-floyds-roger-waters-declared-131040650.html?](https://uk.news.yahoo.com/pink-floyds-roger-waters-declared-131040650.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly9lbi53aWtpcGVkaWEub3JnLw&guce_referrer_sig=AQAAAA6AUFMfest_LimTQYRnchMAgjsbQIOhS-R5ilb8P8Xvg0CZXd1W4Xc7x2oUTiyKZ2jgl8DJqS_s6EoxyDNvPcn10Knw7Iq68F9L1IWzRUXDRzs q0mj_Lt-vN-cC5U3MAV6YWaj3b5AEAMepCmsX1xLv4ISmEsEVEHdy9fpogsVt)

[guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly9lbi53aWtpcGVkaWEub3JnLw&guce_referrer_sig=AQAAAA6AUFMfest_LimTQYRnchMAgjsbQIOhS-](https://uk.news.yahoo.com/pink-floyds-roger-waters-declared-131040650.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly9lbi53aWtpcGVkaWEub3JnLw&guce_referrer_sig=AQAAAA6AUFMfest_LimTQYRnchMAgjsbQIOhS-R5ilb8P8Xvg0CZXd1W4Xc7x2oUTiyKZ2jgl8DJqS_s6EoxyDNvPcn10Knw7Iq68F9L1IWzRUXDRzs q0mj_Lt-vN-cC5U3MAV6YWaj3b5AEAMepCmsX1xLv4ISmEsEVEHdy9fpogsVt)

[R5ilb8P8Xvg0CZXd1W4Xc7x2oUTiyKZ2jgl8DJqS_s6EoxyDNvPcn10Knw7Iq68F9L1IWzRUXDRzs q0mj_Lt-vN-cC5U3MAV6YWaj3b5AEAMepCmsX1xLv4ISmEsEVEHdy9fpogsVt](https://uk.news.yahoo.com/pink-floyds-roger-waters-declared-131040650.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly9lbi53aWtpcGVkaWEub3JnLw&guce_referrer_sig=AQAAAA6AUFMfest_LimTQYRnchMAgjsbQIOhS-R5ilb8P8Xvg0CZXd1W4Xc7x2oUTiyKZ2jgl8DJqS_s6EoxyDNvPcn10Knw7Iq68F9L1IWzRUXDRzs q0mj_Lt-vN-cC5U3MAV6YWaj3b5AEAMepCmsX1xLv4ISmEsEVEHdy9fpogsVt) (дата

обращения: 14.08.2024).

21. Уайт Х. Практическое прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 192 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема данной статьи явно нетривиальна, дискуссионна и злободневна. Актуальность заявленного в заголовке вопроса не вызывает сомнений. Автор ориентируется на анализ творчества Роджера Уотерса сквозь призму критического дискурс-анализа в условиях современной действительности, в условиях мировых военных оппозиций. Считаю, что синкретический тон, который обозначен в работе, весьма правилен и в формате методологии. Собственно только так можно наиболее точно объективировать вопрос, а также раскрыть тему. Концепция, представленная в тексте, выверена, она объективна, автору удается собственный взгляд обозначить аргументировано, точно. Условия выбора темы также прописаны: «в июле 2024 г. заместитель председателя Совета безопасности Российской Федерации Д. А. Медведев пригласил сооснователя группы «Pink Floyd» («Пинк Флойд») Роджера Уотерса выступить для участников специальной военной операции: «Выбирая между музыкальным творчеством Боно (а я с ним когда-то встречался, в 2010-м) и Роджера Уотерса, я бы выбрал последнего. Его стилистика мне просто ближе. И я рад, что он меня не разочаровал. Поэтому приглашаю его выступить с концертами перед участниками специальной военной операции». Структура исследования ориентирована на жанр научной статьи, внутренняя логика поддерживается чередованием теории и аналитической практики. Ссылки / базис работы конструктивен: «для исследования особенностей трансляции идей Р. Уотерса из известных представителей КДА – З. Йегер, Р. Водак, Н. Фэркло, Т. ван Дейк, – в наибольшей степени, на наш взгляд, подходят идеи последнего, так как в Т. ван Дейк предлагает взглянуть на дискурс, прежде всего, как на широкое «коммуникативное событие». Рассуждения автора сложны, правильны, объемны: например, «Если мы вспомним шоу Р. Уотерса, изобилующие текстами на экранах, заявлениями и призывами исполнителя в ходе концерта, а также интервью музыканта, затрагивающие самые актуальные политические события, то оптика Т. ван Дейка окажется более чем подходящей. Но главное, все же, это взаимодействие с аудиторией, кульминацией которого стало экспрессивное объявление, предваряющее выступления последнего на данный момент тура Р. Уотерса «This Is Not a Drill» («Это не учебная тревога»): если вам нравятся «Pink Floyd», но вы не выносите политику Роджера, то проваливайте в бар. Кажется, представленная на этом шоу новая композиция «The Bar» («Бар»), посвящена вышеуказанному аспекту, но, на самом деле, это песня о скорби угнетенных народов, у которых были захвачены и украдены земли, но также она передает то, что в баре можно вести действительно честный и откровенный диалог, что в баре происходит настоящее «коммуникативное событие» и т.д. На мой взгляд, удачно автору удается сформировать конструктивный диалог, читатель активно вовлекается в т.н. «беседу» с исследователем. Отсылки / примеры достаточно: в частности, «У Р. Уотерса в названиях песен

(например, «Get Your Filthy Hands Off My Desert» («Убери свои грязные руки от моей пустыни»), «The Bravery of Being out of Range» («Храбрость нахождения вне зоны поражения»)), а также в выделенных в текстах песен словосочетаниях (например, из альбома «Is This the Life We Really Want?»: «...and if I were a drone» («...если бы я был беспилотником»), «...last look at the sea» («...последний взгляд на море»), «...a leader with no... brains» («...лидер без... мозгов»), «...Mistress Liberty – How we abandoned thee» («...Госпожа Свобода – как мы бросили тебя»), «The boy is drowning in the sea» («Мальчик тонет в море»), «Home, I'm coming home» («Домой, я возвращаюсь домой»), «Wake up and smell the roses» («Проснись и почувствуй запах роз»)), содержатся такие смыслы и значения, которые лучше всего запоминаются и легче всего воспроизводятся слушателями и, следовательно, могут иметь наиболее очевидные социальные последствия» и т.д. Информация, которая вводится как иллюстративная – открыта для читателя, ссылочный ценз выдержан: «Подтверждением этому являются несколько интервью музыканта западным изданиям в 2022 г., после начала конфликта на Украине, в частности, публикация от 4 марта 2022 г. заметки «The war-profiteering gangsters will kill us all unless we unite against them» («Гангстеры, наживающиеся на войне, убьют нас всех, если мы не объединимся против них») [15], в которой речь шла как о вопросах безответственных неконтролируемых поставок западных вооружений в горячие точки, так и о широком контексте, заданном исследователями в русле постколониального поворота...», или «При обсуждении мнения западных деятелей важно учитывать то обстоятельство, какими источниками информации они пользуются, тем более что так называемая постправда давно уже стала отличительной чертой интеллектуального климата Запада. И здесь показательно, что Р. Уотерс в интервью «Berliner Zeitung» отдельно называет свои источники: «Есть кипрский подкаст под названием "The Duran". Ведущие говорят по-русски и могут прочитать речи Путина в оригинале. Их комментарии по этому поводу имеют для меня значение» [2]» и т.д. Суждения автора очень интересны, часть может быть расширена в новых статья смежной тематической направленности: например, «При этом политическая сфера как один из главных и неоднозначных атрибутов современной мифологии поначалу сводится у Р. Уотерса к архаическому противопоставлению («мы – они», «свой – чужой», «герой – жертва» и т.п.), но, начиная с тура «Us + Them», как отмечалось выше, автор выстраивает собственную утопию. Получается, что в своем творчестве музыкант обращался как к антиутопиям (например, в альбоме «Pink Floyd» 1977 г. «Animals» («Животные»), концепция которого основана на политической повести Джорджа Оруэлла «Скотный двор»), так и к конструированию своеобразных утопий, призывая избавиться от каких бы то ни было стен и, в целом, – от противопоставлений» и т.д. Материал оригинален, безусловно дискуссионен, практически ориентирован, самостоятельность проявляется на протяжении всего текста. Итогом автор заключает, что «почти все творчество Р. Уотерса как нельзя лучше подходит для оптики КДА Т. ван Дейка, что объясняется прежде всего бескомпромиссностью позиции музыканта, совершенно не готового мириться с несправедливым положением дел в современном обществе. Выражение альтернативного мнения, представленного в текстах, шоу, интервью автора, слышится (особенно молодежью) как на Западе, так и в странах «глобального Юга», что свидетельствует тесной связи искусства и политики и вселяет осторожный оптимизм. Примененная разновидность критического дискурса-анализа позволила, с одной стороны увидеть продуктивность идей Т. ван Дейка, применительно к области музыкальной культуры, с другой стороны, подтвердить, что Р. Уотерс является автором, ясно понимающим актуальные проблемы социально-политического порядка и ярко использующим творчество для трансляции и популяризации своих взглядов». Библиографический список достаточен, большая часть источников открыта. На мой

взгляд, стоит поправить некоторые моменты в работе: например, «далее мы попробуем пролить свет на некоторые важные аспекты идей Р. Уотерса, воспользовавшись наработками критического-дискурса анализа и, возможно, продемонстрировав эвристический потенциал этого метода» [конечно же, критического дискурс-анализа], или «в свое время отдельные элементы критического дискурса-анализа (КДА) зарекомендовали себя при анализе новостных текстов, политических речей, рекламных объявлений, учебников. Главной целью КДА является выявление стратегий, «которые на первый взгляд кажутся нормальными или нейтральными, но на самом деле могут быть идеологическими, направленными на формирование репрезентации событий и людей для достижения определенных целей» и т.д. Материал может быть использован при изучении ряда дисциплин гуманитарного порядка. Рекомендую статью «Взгляд на творчество Роджера Уотерса сквозь призму критического дискурс-анализа» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сложеникина Ю.В., Шальнова Д.А. Семантика плевка как невербального средства в повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74585 EDN: GAWDJQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74585

Семантика плевка как невербального средства в повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда»

Сложеникина Юлия Владимировна

ORCID: 0000-0003-4982-7802

доктор филологических наук

зав. кафедрой; кафедра филологии; Московский университет "Синергия"
профессор; кафедра русского языка и методики его преподавания; Российский университет дружбы
народов им. П. Лумумбы

Россия, г. Москва, Нагатинская наб., 10к3. кв. 145

✉ goldword@mail.ru

Шальнова Дарья Андреевна

старший преподаватель; кафедра иностранных языков; Московский университет «Синергия»

109341, Россия, г. Москва, р-н Марьино, ул. Верхние Поля, д. 18, кв. 140

✉ shalnova.darya@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74585

EDN:

GAWDJQ

Дата направления статьи в редакцию:

24-05-2025

Аннотация: Предметом статьи является описание невербальной коммуникации как одного из языков художественного текста. Актуальность статьи обусловлена вниманием лингвистов к невербальным средствам общения, роль которых особенно возрастает в художественном тексте. Подобно слову, невербальное средство может быть многозначно, и его смысл становится понятен только внутри контекста. Материалом

анализа стала совокупность около 20 слов и контекстов их употребления лексико-семантической группы «плевать». Для повести о войне эти лексемы являются важной художественной деталью, элементом изобразительности, естественного и живого запечатления действительности. Военная повесть В.П. Некрасова, опубликованная в 1946 году, – уникальное произведение: повесть была трижды переименована и прошла путь от Сталинской премии до официального запрета. Возвращение произведений В. Некрасова на родину стало возможным только в перестроечное время начиная с 1989 года, чем объясняется малая степень разработанности проблем данного художественного текста. Методами анализа языкового материала стали метод изучения теоретических источников, метод сплошной выборки, метод контекстного анализа, метод привлечения словарных дефиниций, метод описания семантики невербального средства, метод обобщения. Теоретическое значение статьи заключается в том, что алгоритм анализа семантики невербального средства будет способствовать прояснению таких категорий, как точка зрения, автор-повествователь, герой-рассказчик, персонаж, деталь, кинематографичность литературного текста. Научная новизна статьи связана с впервые проведенным анализом одного из кинетических средств в повести В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда». Результатом проведенного исследования стало обнаружение 11 коммуникативных смыслов, стоящих за действием плевок: отчаяние; магическая семантика; принятие решения; равнодушие и безразличие; презрение и неприятие; удовольствие и удовлетворение; порядок и спокойствие; сила и уверенность; панибратство; сожаление и сочувствие; заполненность. В ходе анализа выявляются контекстные семы и смысловые приращения, необходимые для адекватной интерпретации авторской интенции. Сделанные выводы позволяют причислить повесть В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» к числу феноменальных произведений о Великой Отечественной войне, отличающуюся исторической правдивостью и художественной ценностью.

Ключевые слова:

В.П. Некрасов, семантика, невербальное средство, кинетическое коммуникативное средство, литературная кинематографичность, коммуникативный смысл, художественный текст, точка зрения, деталь, плевков

Введение

Предметом статьи является описание невербальной коммуникации как одного из языков художественного текста. Объект исследовательского интереса – лексико-семантическая группа «плевать». Материалом анализа стала совокупность около 20 слов и контекстов их употребления в повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда». Научная новизна статьи связана с впервые проведенным анализом одного из кинетических средств в военной повести, принадлежащей к лейтенантской прозе. Актуальность статьи обусловлена вниманием лингвистов к невербальным средствам общения, роль которых особенно возрастает в художественном тексте. Теоретическое значение статьи заключается в том, что алгоритм анализа семантики невербального средства будет способствовать прояснению таких категорий, как точка зрения, автор-повествователь, герой-рассказчик, персонаж, деталь, кинематографичность литературного текста. Методами анализа языкового материала стали метод изучения теоретических источников, метод сплошной выборки, метод контекстного анализа, метод привлечения словарных дефиниций, метод описания семантики невербального средства, метод

обобщения.

Невербальную коммуникацию можно отнести к одной из лингвистических универсалий, имеющих общекультурную значимость. Поэтому изучение функции невербального средства в тексте привлекает внимание ученых разных стран [\[3; 17, 19, 20, 21\]](#). Описание невербального поведения стало одним из топосов литературы еще в древнерусский период, а невербальная коммуникация нашла свое отражение уже в летописных текстах. Невербальные действия, в отличие от сказанного слова, требуют интерпретации и выявления скрытых смыслов. При этом уже в древнерусский период автор-повествователь осознавал, что «телодвижение не может быть искажено. Это зрительно воспринимаемый знак» [\[9, с. 114\]](#). По наблюдению ученого, вокруг действия в летописи выстраивался целый микросюжет. Некоторые описания невербального поведения превращались в топосы, их цель – создание наглядности и эмоциональности повествования.

Вслед за А. Cienki [\[18, с. 61\]](#) Н. В. Сухова связывает обращение к невербальному поведению с понятием точки зрения: точка зрения (viewpoint) «раскрывает множество смыслов, существенных для конструирования общения» [\[12, с. 146\]](#). В литературном тексте выделяют обычно три точки зрения: 1) субъект вербального и невербального поведения сам говорит и кинетически оформляет высказывание (точка зрения «от первого лица»); 2) субъект становится наблюдателем (точка зрения «от второго лица»); 3) субъект смотрит на ситуацию, вербальное и невербальное поведение опосредованно (точка зрения от «третьего лица»).

Кинетика представляет собой неотъемлемую часть человеческого общения. Г. В. Колшанский писал о материальной конкретности коммуникативного процесса, одним из компонентов которого являются невербальные средства [\[5\]](#). Однако как коммуникативное средство, отмечает А. А. Симонян, кинетика значима исключительно в контексте: «Мысль..., выраженная не только вербально, но и невербально, обладает иллокутивной силой... Невербальное поведение в ситуации общения является крайне информативным» [\[11, с. 25\]](#). Невербальное действие вписывается в контекст, является формой изобразительности, приобретает метафорический смысл и дополняет семантику речевого поведения.

Интерес к невербальному поведению в художественном тексте связан, как пишут А. В. Ленец и М. А. Хатламаджиян, с антропоцентризмом художественного произведения, то есть познанием «человека через описание совершаемых им в произведении поступков и действий, испытываемых им чувств и желаний» [\[7, с. 82\]](#).

Современную классификацию невербальных средств можно представить следующим образом:

- Фонационные невербальные средства: тембр, сила голоса, темп, дикция и т. д.
- Кинетические невербальные средства: жесты, мимика, позы, телодвижения.
- Проксемические средства: расстояние, дистанция общения.
- Молчание как знак (это невербальное средство одним из первых выделил Г. Г. Почепцов, коммуникативная нагрузка молчания была развита рядом ученых, например, В. В. Богдановым [\[10; 2\]](#)).

Дискуссия

В 2016 г. в журнале «Гуманитарный вектор» была опубликована статья А.Е.Зимбули «Философия плевок» [\[4, с. 154-159\]](#). Автор рассмотрел плевок как коммуникативно-поведенческий акт, который «заслуживает того, чтобы быть осмысленным усилиями разных ветвей познания: онтологической, аксиологической, праксеологической..., историко-философской и футурологической» [\[4, с. 155\]](#). Автор призвал специалистов с разных сторон рассмотреть одну из форм невербальной человеческой коммуникации. Статья оказалась смыслопорождающей: в журнале «Курское слово» М.А. Бобуновой была опубликована статья «Плевок как коммуникативный жест (на материале повести А.П. Гайдара "Школа")» [\[1, с. 19-26\]](#). Автор, привлекая множество примеров, доказал, что «коммуникативный плевок в повести «Школа» оказывается важным инструментом выстраивания взаимоотношений между людьми разных возрастных и социальных групп» [\[1, с. 25\]](#).

Материалом нашего исследования послужила повесть В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» [\[13, с. 55-61; 14, с. 51-58; 15, с. 476-479\]](#). Повесть В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» стала объектом рассмотрения на лекциях, прочитанных Сергеем Эйзенштейном для режиссеров кино во ВГИКе вскоре после ее издания в 1946 году. Аналитическому разбору был подвергнут эпизод о первом налете немецкой авиации на город. Эйзенштейн высоко оценил работу автора с художественной деталью в аспекте ее изобразительности, отметив естественное и живое запечатление действительности [\[16, с. 688\]](#).

В отрывке «Первый налет немцев на Сталинград» появляется метафора: «Все небо усеяно *плевыми* зениток» [\[8, с. 66\]](#). Писатель активно использует языковые средства визуализации, чтобы создать максимальный эффект реальности происходящего [\[6, с. 255\]](#). Случайная это метафора или удачно подобранный визуально-кинетический образ? Рассмотрим языковые единицы лексико-семантической группы «плевать» в тексте художественного произведения как обозначения невербальных средств создания образности.

Результаты исследования

С количественной точки зрения, единицы этой лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) встречаются в тексте повести около 20 раз, что позволяет говорить о них как важных смыслоконструирующих элементах.

Рассмотрим контексты, определим коммуникативную семантику единиц данной ЛСГ.

1. Семантика отчаяния.

Глагол «сплевывает» появляется довольно быстро, на третьей странице текста повести – герой-рассказчик Юрий Керженцев и его боевые товарищи получают приказ об отступлении и отходу от оборонительных сооружений, которые они старательно возводили последнее время. Они находятся рядом с линией фронта, им слышен грохот орудий, доносящийся с севера, им видны на горизонте медленно плывущие немецкие бомбардировщики.

«– На Валуики прут, сволочи. – Самусев в сердцах сплевывает. – Шестнадцать штук» [\[8, с. 10\]](#).

Однополчане обсуждают продвижение немецких войск. Из дальнейшего текста повести мы узнаем, что веру в победу находят в себе не все сослуживцы, а по отношению к населенному пункту «Валуйки» Гоглидзе употребляет слово «накрылись». В данном контексте невербальное средство «плевать» выражает расстройство, отчаяние, это жест глубоко эмоционален, как пишет В. П. Некрасов, совершен «в сердцах».

2. Магическая семантика, символика «живой воды». Следующее появление невербального средства – Сталинград. Герой-рассказчик и его однополчане отступают до Сталинграда. Город еще мирный, первые картинки: солнце, золотые бутылки с топленным молоком, мужчины носят галстуки, женщины красят губы, «в кино идет "Антон Иванович сердится"», парикмахер наводит красоту, «а над всем этим – голубое небо. И пыль... [\[8, с. 48\]](#). Вечером Юрий Керженцев с товарищами собирают на оперетту «Подвязка Борджиа». Чистят во дворе сапоги, «не жалея слюны» [\[8, с. 50\]](#). Любуются молодой девушкой-врачом. Друг Игорь «поворачивается так, чтобы держать ее в поле зрения.

– Совсем неплохие ножки, а, Юрка? Да и вообще...

Неистово плюет на щетку» [\[8, с. 50\]](#).

Война идет уже год: тяжелые бои в обороне, позорное отступление, страшные ранения, смерть товарищей – все это принесли на своих сапогах солдаты войны в пока еще мирный город. И они не жалеют слюны, чтобы смыть с них прах смерти. В данном контексте невербальное средство «плевать» наделяется, возможно, магическим свойством, как в сказке, уподобляется живой воде, возвращающей к жизни. Но чудесного оживления не происходит. Внутренний монолог героя-рассказчика печален «Сколько раз на фронте я мечтал о таких минутах: вокруг тебя ничего не стреляет, не рвется, и сидишь ты на диване и слушаешь музыку, и рядом с тобой хорошенькая девушка. И вот я сижу сейчас на диване и слушаю музыку... И почему-то мне неприятно. Почему? Не знаю. Я знаю только, что с того момента, как мы ушли из Оскола, – нет, позже, после сараев, – у меня все время на душе какой-то противный осадок. Ведь я не дезертир, не трус, не ханжа, а вот ощущение у меня такое, как будто я и то, и другое, и третье» [\[8, с. 51\]](#).

3. Семантика принятия решения. Попав в Сталинград, герой-рассказчик и сослуживцы находятся первое время в состоянии неопределенности, по их сравнению, болтаются, как цветок в проруби. Юрий Керженцев боится, что может оказаться в резерве или запасе или будет отправлен на учебу в Казахстан. В коротком диалоге с другом Игорем он принимает важные для себя решения: только на фронт, только вместе с ординарцем Валегой, с которым герой-рассказчик воюет вместе уже 9 месяцев. Закончив разговор перед сном, собеседник Игорь «протяжно зевает, сплевывает и тушит сигарку о землю» [\[8, с. 53\]](#).

Для героя-рассказчика это принципиально важное решение, поскольку связано с солдатской дружбой, плечом товарища, на которое можно всегда опереться, с доверием, глубокой эмоциональной привязанностью: «Маленький, круглоголовый мой Валега! Сколько исходили мы с тобой за эти месяцы, сколько каши съели из одного котелка, сколько ночей провели, завернувшись в одну плащ-палатку... А как ты не хотел идти в ординарцы ко мне. Три дня пришлось уламывать. Стоял потупясь и мычал что-то невнятное – не умею, мол, не привык. Тебе стыдно было от своих ребят уходить. Вместе с ними по передовой лазил, вместе горе хлебал, а тут вдруг к начальнику в связные. На

теплое местечко. Воевать я, что ли, не умею, хуже других?

Привык я к тебе, лопухому, чертовски привык... Нет, не привык. Это не привычка, это что-то другое, гораздо большее. Я никогда не думал об этом. Просто не было времени» [\[8, с. 54\]](#).

4. Семантики равнодушия, безразличия.

Таких контекстов несколько. В одном комбат Ширяев разрабатывает хитроумную операцию, чтобы с помощью минирования проделать проходы и оказаться рядом с вражескими позициями. Однако начальник штаба полка Абросимов ее отменяет. Ширяев объясняет, что Абросимов бросает солдат на пулеметы, но ответ начальника: «Плевать, артиллерия подавит, а немцы штыка бояться» [\[8, с. 214\]](#). Эта атака закончилась безрезультатно и безжалостно: когда герой-повествователь увидел поле боя, на нем никто не двигался, все бойцы лежали с раскинутыми руками и ногами.

Во втором эпизоде герой-рассказчик получает задание присоединиться к минированию Сталинградского тракторного завода, начатого накануне. Ретроспективно от автора-повествователя и персонажей мы узнаем, что на ТЭЦ сержант Ведерников с электриком за ночь перенес не меньше ста трехпудовых мешков со взрывчатым веществом, разместил их под оборудованием, протянул двухкилометровую сеть, приготовил аккумуляторы. Фактически, дело уже сделано. Поэтому на заводе их встречают достаточно равнодушно:

«Большова находим довольно быстро <...> В углу рта окуроч. Руки в карманах.

– Помощники, да? – улыбается углом рта.

– Да. Помощники.

– Ну что ж, в добрый час. Часика б на два раньше – было б лучше. А сейчас... – он зевает и сплевывает окуроч, – основное уже сделано» [\[8, с. 71\]](#).

Ироническое «помощники», улыбка, напутствие «в добрый час» и откровенное зевание свидетельствуют в пользу того, что помощь подошла, когда была уже не нужна.

В значении равнодушия слово «плевать» употребляется и в метафорическом, переносном значении: «А луна ползет, ползет, становится желтой, затем белой. На все ей плевать» [\[8, с. 136\]](#). Выползшая луна освещает позиции солдат, которые становятся хорошо видимы для вражеских артиллеристов.

5. Семантик презрения, неприятия, отвращения, раздражения.

Можно отметить две линии реализации этой семантики.

Первая – плевоч как знак презрения характерен для дискурсов, связанных с немцами. Он является органической частью и невербальным сопровождением соответствующих диалогов персонажей. Примеры:

«–А много их, фрицев-то? – спрашивает кто-то из толпы.

– На нас с тобой хватит. Дивизии две будет, а то и больше.

– А ты что, считал?

– Считал... – Парень презрительно плюет и встает, придерживая правой рукой левую» [\[8, с. 75\]](#). Нарцательное обозначение «фриц» восходит к традиционному немецкому имени. С презрительной коннотацией стало использоваться еще англичанами в Первой мировой войне, а затем оказалось востребованным и в русском солдатском речевом обиходе Великой Отечественной войны.

Вторая линия – раздражение некомпетентными начальниками, которые посылают солдат на пулеметы. Таким персонажем, является, например, начальник штаба полка Абросимов. Видя его приближение, «Ширяев плюет и сдвигает шапку на бровь» [\[8, с. 215-216\]](#). Негативное отношение к персонажу подкрепляется и словами автора-повествователя. Портрет Абросимова таков:

«Абросимов еще издали кричит:

– Какого черта я послал тебя сюда? Лясы точить, что ли?

Запыхавшийся, расстегнутый, в углах рта пена, глаза круглые, готовы выскочить» [\[8, с. 216\]](#).

Война превратила жизнь людей в антимир, поменяла полюса восприятия. То, что раньше было со знаком плюс, в ситуации войны вызывает раздражение, неприятие. Даже летящие клином журавли, не ведающие войны:

«– Во-он журавли полетели, – и тычет грязным, корявым пальцем в небо. – Никакой войны для них нет...

Мы <...> даем ему закурить и долго следим за бисерным, точно вышитым, в небе треугольником, плывущим на юг. Слышно даже, как курлычут журавли.

– Совсем как «юнкеры», – говорит регулировщик и сплевывает, – даже смотреть противно.

Эта ассоциация промелькнула, по-видимому, у всех нас, и мы смеемся» [\[8, с. 89\]](#). Зрение и слух солдата воспринимают приметы мирной жизни по-иному: курлычущий клин журавлей соотносится с атаками вражеских самолетов, выстроенных правильными треугольниками и летящими со спокойным мерным звуком, за которым последуют взрывы авиабомб.

6. Семантика удовлетворения, удовольствия.

Герой-рассказчик Юрий Керженцев видит страшную, но при этом пленяющую и величественную картину, которую даже трудно назвать пожаром в городе: горит «весь берег на всем охватываемом глазом расстоянии» [\[8, с. 92\]](#). Солдаты не знают, вошли ли гитлеровцы в город; они понимают, что у Красной Армии мало людей и средств. И тем отраднее видеть, что сопротивление продолжается, что стреляют «катюши», их штук восемь: «Раскаленные снаряды, не торопясь, плывут, обгоняя друг друга в дрожащем от зарева небе и ударяют куда-то на противоположном берегу <...>

Кто-то рядом со мной плюет и удовлетворенно побряхтывает» [\[8, с. 93\]](#).

7. Семантика порядка, спокойствия, хорошо выполненного дела. Герой-рассказчик получает задание организовать переправу людей, лошадей и орудий на другой берег Волги, туда, где фронт, где идут непрекращающиеся бои. Первоначально переправа

похожа на хаос. Но общими усилиями и единением, и это отмечает автор-повествователь («Мы стоим, вплотную прижавшись друг к другу» [\[8, с. 95\]](#)), переправа быстро налаживается, идет организованно, даже красиво: сплошная неопределенная масса превращается в легкое кружение осинника. Бойцы спокойны, «кто-то грызет семечки, шумно сплевывая» [\[8, с. 95\]](#). И отчетливые звуки плевков семечек, очевидно, должны вселить спокойствие и силу духа в товарищей, которые рядом.

8. Семантика силы, уверенности. После высадки герой-повествователь сразу попадает под обстрел. Отступать некуда, позади холодная Волга. Бойцы идут в атаку. Сам бой Юрий Керженцев больше помнит как двигательные и тактильные ощущения: бежит, ползет, кричит, боль в колене от стучащих магазинов автомата, боль в суставе пальца от зажатия крючка, стучит в висках, болят челюсти, руки трясутся. Ситуация очень тяжелая, но небезнадежная. Рядом «круглолицый парень торопливо, затылка за затылком, докуривает бычок. Плюет на него и вдавливают в землю» [\[8, с. 99\]](#). И это вдавливание в землю – знак того, что советские солдаты не отдадут своей земли, у них есть сила и уверенность, они смогут занять позиции и окопаться.

Чумак искоса смотрит на меня своим острым глазом.

9. Семантика настороженности, показного превосходства, панибратства. Командир пешей разведки Чумак – настоящий герой, но при этом скромно умалчивающий о своих подвигах, по его словам, после войны о подбитых танках расскажет. Он оказывается в подчинении у героя-рассказчика Юрия Керженцева. Высоко ставя статус разведчиков, Чумак с настороженностью воспринимает нового временного командира:

«– Вместо Цыгейкина, что ли?

– Да, вместо Цыгейкина.

Пауза. Плевков через губу.

– Что ж... Мы с саперами обычно душа в душу.

– Надеюсь, что и впредь так будет» [\[8, с. 106\]](#). Принятие Чумаком героя-рассказчика в статусе командира, вероятно, обусловлено тем, что Керженцев тоже имеет военную специальность – он сапер, а не какой-нибудь штабной писарь Ладыгин, чей образ брехуна и сплетника также дан в повести.

10. Семантика сожаления, сочувствия. Герой-рассказчик получает задание перегруппироваться и, насколько возможно, держать оборону на Мамаевом кургане. Сил мало и пополнения не обещают. Командир полка майор Бородин сообщает:

«– Пополнение – только заплаты. Да и что это за пополнение – мальчишки.

Вынув изо рта трубку, он сплевывает на пол» [\[8, с. 118\]](#). Слово «заплата» в тексте повести встречается только один раз. Очевидно, под заплатами майор имеет в виду раненых, но заштопанных в медсанбатах и госпиталях бойцов, уже сильно измотанных и потрепанных войной. И он преисполнен к ним чувства сочувствия и сожаления, недаром автор-повествователь характеризует комполка следующим образом: «Такие любят детей. И дети их любят. И мешают им, и теребят, и заставляют раскачивать себя на коленях» [\[8, с. 115\]](#).

11. Семантика большого скопления, заполненности пространства до отказа. Ближе к

ноябрю для обороны Сталинграда подтягиваются все больше ресурсов, часто стреляют полковые и дивизионные пушки, появились большие орудия, стреляющие из-за Волги, и совсем тяжелые двухсоттрехмиллиметровые. Приехавший с восточного берега Волги начфин «говорит, что на том берегу плюнуть негде, под каждым кустом пушка» [8, с. 188]. Это очень хорошая новость, неслучайно поэтому автор-повествователь характеризует принесшего ее начфина Лазаря как человека симпатичного, подвижного и всем интересующегося.

Заключение

Таким образом, единицы лексико-семантической группы «плевать» являются важным невербальным коммуникативным средством повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда», элементом изобразительности, естественного и живого запечатления действительности. Результатом проведенного исследования стало обнаружение 11 коммуникативных смыслов, стоящих за действием плевка: отчаяние; магическая семантика; принятие решения; равнодушие и безразличие; презрение и неприятие; удовольствие и удовлетворение; порядок и спокойствие; сила и уверенность; панибратство; сожаление и сочувствие; заполненность. Невербальные средства лексико-семантической группы «плевать» характеризуются многозначностью. Конкретный смысл реконструируется из контекста: их использование сопровождается вербальными маркерами. В связи с понятием «точка зрения» в художественном тексте отметим, что сам герой-рассказчик Юрий Керженцев никогда не плюется: ни в случае, когда он объект изображения, ни когда он является субъектом речи. Отсутствие данного невербального средства в поведении Керженцева достраивает образ героя-рассказчика, дистанцирует его от других персонажей, субъективизирует повествование.

Библиография

1. Бобунова М. А. Плевков как коммуникативный жест (на материале повести А. П. Гайдара "Школа") // Курское слово. 2024. № 29. С. 19-26. EDN: CHNAUW.
2. Богданов В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. EDN: QTGIKF.
3. Дун Х. Кодирование лингвокультурной информации в мимических фразеологизмах со стержневым компонентом ТГ "лицо" // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2-2. С. 150-153. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.2-2.14. EDN: HGGTFB.
4. Зимбули А. Е. Философия плевка // Гуманитарный вектор. Серия Философия. Культурология. 2016. Т. 11. № 1. С. 154-159. EDN: VSUFSR.
5. Колшанский Г. В. Паралингвистика. 4-е изд. М.: URSS: КомКнига, 2010.
6. Куряев И. Р. Кинематографичность романа М. Шишкина "Взятие Измаила" // XLIV Огаревские чтения: материалы научной конференции: в 3 частях, Саранск, 08-15 декабря 2015 года. Часть 3. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2016. С. 253-258. EDN: WFHKJV.
7. Ленец А. В., Хатламаджиян М. А. Паралингвистические средства описания поведения лгущего персонажа (на материале немецкоязычной литературы) // Язык и культура. 2022. № 57. С. 80-103. DOI: 10.17223/19996195/57/4. EDN: ESBCYZ.
8. Некрасов В. П. В окопах Сталинграда: Повесть, рассказы. М.: Художественная литература, 1990. 317 с.
9. Пауткин А. А. К проблеме формирования древнерусской книжной топики // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 2. С. 112-120. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-7. EDN: ZOPOTX.
10. Почепцов Г. Г. Молчание как знак // Анализ знаковых систем. История логики и

методологии науки: тезисы докладов IX Всесоюзного совещания. Киев: Наук. думка, 1986. С. 90.

11. Симонян А. А. Идентификация смысла невербальных действий в политической коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 25-31. EDN: NXPCVZ.

12. Сухова Н. В. "Обними меня": три эпохи русского жеста "объятие" (по данным корпуса МУРКО) // Наука телевидения. 2024. Т. 20, № 1. С. 137-167. DOI: 10.30628/1994-9529-2024-20.1-137-167. EDN: XVRXQK.

13. Шальнова Д. А., Сложеникина Ю. В. Образ автора и языковые формы его выражения в тексте повести В. П. Некрасова "В окопах Сталинграда" // Русская словесность. 2025. № 2. С. 55-61. DOI: 10.47639/0868-9539_2025_2_55. EDN: GKZVAN.

14. Шальнова Д. А., Сложеникина Ю. В. Перипетии судьбы повести В. П. Некрасова "В окопах Сталинграда" // Начала Русского мира. 2024. № 6. С. 51-58. EDN: VRVVIK.

15. Шальнова Д. А., Сложеникина Ю. В. Семантика заглавия повести В. П. Некрасова "В окопах Сталинграда" // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1(110). С. 476-479. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-476-480. EDN: TIOLXA.

16. Эйзенштейн С. М. Режиссура. Искусство мизансцены // Избранные произведения: В 6 т. М.: Искусство, 1964–1971. Т. 4. М.: Искусство, 1966. С. 11-738.

17. Bekaryan L. Verbal and Non-verbal Representations of Conflict in Speech // Armenian Folia Anglistika. 2005. No 1. Pp. 44-50.

18. Cienki A. Insights for linguistics and gesture studies from film studies: A view from researching cinematic metaphor. In S. Greifstein, D. Horst, T. Scherer, C. Schmitt, H. Kappelhoff, & C. Müller (Eds.). Cinematic Metaphor in Perspective: Reflections on a Transdisciplinary Framework. 2018. Vol. 5. PP. 53-68.

19. Kyseliuk N., Hubina A., Martyniuk A., Tryndiuk V. Non-verbal means of communication in the representation of the emotional state of joy in modern English fictional discourse // Cognitive Studies. 2020. Vol. 2020, No. 20. Pp. 1-11.

20. Lervad S., Nosch M. L. B., & Dury P. Verbal and Non-Verbal configurations of textiles: a diachronic study // TOTh Proceedings. Toth 2011, Terminologie et Ontologie: Théories et Applications, Actes de la Cinquième conference Toth. 2011. Pp. 201-220.

21. Mammadzada Sevinj Salim. Verbal and Non-verbal communication in Linguistics // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. 2023. No 2(38). https://doi.org/10.31435/rsglobal_ijitss/30062023/8003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Об одном из невербальных средств в повести В. Некрасова "В окопах Сталинграда"».

Предмет исследования – особенности реализации невербальных средств в художественном тексте. Автор фокусируется на рассмотрении коммуникативных смыслов, стоящих за единицами лексико-семантической группы «плевать» в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда».

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением метода сплошной выборки невербальных средств коммуникации из художественного текста, анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования обусловлена тем, что описание невербальных знаков занимает значительное место в языке художественной литературы и играет

немаловажную роль в развитии действия, интерпретации образов литературных персонажей, в трактовке концепции произведения и постижении его глубинного смысла. Научная новизна заключается в том, что автор на материале повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» рассматривает лексико-семантическую группу «плевать» в свете стоящих не ней коммуникативных смыслов.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы и приводит теоретическую базу исследования); дискуссия (автор аргументирует выбор для исследования языковых единиц лексико-семантической группы «плевать»); результаты исследования (представлен анализ повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда»; выделены и охарактеризованы коммуникативные смыслы, стоящие за действием плевать; теоретические измышления автора подкреплены конкретными примерами); заключение (общие выводы); библиография (включает 16 источников отечественных и зарубежных авторов).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование будет интересно тем, кто изучает невербальную коммуникацию как важную составляющую межличностного общения как в реальном, так и в художественном пространстве.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет и научная новизна и методологические основы проведенного исследования. Уместно несколько изменить название статьи, конкретизировав, что в фокусе исследования единицы лексико-семантической группы «плевать», было бы также уместно расширить заключение.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным.
3. Необходимо унифицировать упоминания исследователей и авторов художественных произведений в тексте статьи (для А. Cienki уместно использовать транслитерацию; Н.В. Сухова; В. Некрасова; А.П. Гайдара); перепроверить правильность оформления ссылок ([см.: 5, с. 255]), при первом упоминании аббревиатур в тексте (в статье — ЛСГ) следует писать полное название, а в скобках — аббревиатуру; следуют также упорядочить использование кавычек в библиографии (на материале повести А. П. Гайдара "Школа"; романа М. Шишкина "Взятие Изаила").
4. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает лексико-семантическая группа «плевать» как невербальное средство в повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда». Актуальность работы обусловлена повышенным интересом лингвистов к невербальным средствам коммуникации, роль которых особенно возрастает в художественном тексте. В художественных произведениях невербальные средства

используются авторами для более полной характеристики своих героев («невербальное действие вписывается в контекст, является формой изобразительности, приобретает метафорический смысл и дополняет семантику речевого поведения»). Эмпирическим материалом послужили около 20 слов и контекстов их употребления в изучаемой повести В. П. Некрасова.

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам паралингвистики, вербальным и невербальным средствам коммуникации, различным аспектам повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» и др. Библиография насчитывает 21 источник, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, обзор теоретических источников, метод сплошной выборки, метод контекстного анализа, метод привлечения словарных дефиниций, метод описания семантики невербального средства, метод обобщения, статистический метод, лингвокультурологический анализ, методы контент- и дискурс-анализа и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрены языковые единицы лексико-семантической группы «плевать» в тексте художественного произведения как обозначения невербальных средств создания образности, проанализированы контексты, определена коммуникативная семантика единиц данной лексико-семантической группы. Выявлено, что с количественной точки зрения единицы этой лексико-семантической группы встречаются в тексте повести около 20 раз, что позволяет говорить о них как важных смыслоконструирующих элементах. Выделено 11 коммуникативных смыслов, стоящих за действием плевок: отчаяние; магическая семантика; принятие решения; равнодушие и безразличие; презрение и неприятие; удовольствие и удовлетворение; порядок и спокойствие; сила и уверенность; панибратство; сожаление и сочувствие; заполненность. Сделан вывод о том, что единицы лексико-семантической группы «плевать» являются важным невербальным коммуникативным средством повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда», элементом изобразительности, естественного и живого запечатления действительности. Отмечается, что невербальные средства лексико-семантической группы «плевать» характеризуются многозначностью.

Полученные результаты проделанной работы имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение проблем невербальной коммуникации в художественном дискурсе и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, в курсах по языкознанию и теории языка, по теории дискурса, лингвопрагматике, лингвокультурологии и пр.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания. Рукопись имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

Color in the works of M. M. Prishvin and Yu. P. Kazakov about the North: "Behind the Magic Ball" and "The Northern Diary"

Zykova Galina Vladimirovna

Doctor of Philology

Professor; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119421, Russia, Moscow, Novatorov str., 36, building 1, sq. 97

✉ gzykova1966@gmail.com

Lyu Yun'

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Ramenki district, ter. Leninskie Gory, 1

✉ liuyun0209@gmail.com

Abstract. The subject of study in this article is the specificity of color designation in the works of Mikhail Prishvin and Yuri Kazakov, dedicated to the North. Although it is known from Kazakov's own words that Prishvin's work significantly influenced his decision to travel to the North and his manner of seeing and writing about the North, the prose of these writers has not yet been compared in any considerable depth, and consequently, the nature of the influence has not been assessed. The material for comparison is limited to the best-known, though not the only, work by Kazakov about the North ("The Northern Diary") and the book by Prishvin that Kazakov directly mentioned ("Behind the Magic Ball"). Both works are considered crucial for the "northern text" from the perspective of modern humanities. In this study, without fully addressing the issue of Prishvin's influence on Kazakov, we focus on one aspect of this issue — a comparative analysis of color designation. The methodological choice is determined by the significance of color in the poetics of the landscape in Prishvin's and Kazakov's works (there are scientific works dedicated to this, but they are not of a comparative nature). The comparison revealed both common features and differences. Among the common features are the abundance of references to color and the predominance of certain colors in the palette. Differences are demonstrated through references to the color green (one of the most important: in Prishvin's book, there are 69 instances of green designation, while in "The Northern Diary" there are 45). It is found that in Prishvin's works, the color green has a symbolic meaning, denoting the energy of life and the native middle Russian forest, which is even recalled by the waters of the northern seas; "green" colors childhood memories and is part of key images ("green joyful heart"). In Kazakov's works, references to the color green form part of an accurate description of objects (Kazakov's strive for accuracy in description is manifested, in particular, in the abundance of complex adjectives, including occasionalisms). The meanings and connotations of "green" in Kazakov's works are very diverse and cannot be reduced to a common symbolic core (ranging from the "bright green" of grass, which the author clearly delights in, to the greenish, that is, spoiled, flour).

Keywords: the northern text, travelogue, color depiction, After the Magic Ball, The Northern Diary, Russian North, Yuri Kazakov, Mikhail Prishvin, landscape in literature, mythopoetics in modernist literature

References (transliterated)

1. Kazakov Yu. P. Dve nochi: Proza. Zametki. Nabroski. M.: Sovremennik, 1986. 336 s.
2. Ivanova I. N. Severnyi tekst v sovremennoi otechestvennoi proze: versiya Dmitriya Ivanova [Elektronnyi resurs] // Zhurnal "Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya". 2015. № 1-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20220> (data obrashcheniya: 24.02.2024). EDN: TXUXSB
3. Fesenko E. Ya. Prityazhenie Severa. Arkhangel'sk: SAFU, 2015. 426 s.
4. Lili D., Mikhailova M. V. Tsikl ocherkov M. Prishvina "V krayu nepuganykh ptits": poiski zhanra // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9 "Filologiya". 2021. № 2. S. 122-131. EDN: VZCYRE
5. Kulikova I. S. Dve tsvetovye kartiny mira // Russkaya rech'. 1971. № 3. S. 10-17.
6. Nel'zina Yu. A. Kachestvennye prilagatel'nye i glagoly so znacheniem tsveta kak idiosilevoe sredstvo realizatsii khudozhestvennogo kontsepta v tvorchestve M. M. Prishvina // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2006. № 2. S. 105-112.
7. Nel'zina Yu. A. Funktsionirovanie tsvetovogo kontsepta v mifologicheskom diskurse (na materiale proizvedenii M. Prishvina) // Vestnik Udmurtskogo un-ta. 2005. № 5 (2). S. 35-40.
8. Lishova N. I. Religioznye poiski naroda i intelligentsii v ocherke M. M. Prishvina "Za volshebnyim kolobkom" // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. 2010. № 32 (213). Filologiya. Iskuststvovedenie. Vyp. 48. S. 71-73.
9. Timofeeva A. M. Sravnitel'nyi analiz leksiki so znacheniem zelenogo tsveta v idiolektakh Dzh. Darrella i M. M. Prishvina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 5 (59): v 3-kh ch. Ch. 1. S. 148-151. EDN: VPNOQZ
10. Guseinova G. M. Kontsepty "svet" i "tsvet" v khudozhestvennoi kartine mira Yu. P. Kazakova. Diss. ... kand. filol. nauk. Makhachkala, 2009. 160 s. EDN: QEGYEF
11. Kanin Kho. Pole tsveta v slovarnom predstavlenii i ego voploshchenie v khudozhestvennom tekste (na materiale rasskazov Yu. Kazakova). Diss... kand. filol. nauk. Spb., RGPU im. A. I. Gertsena, 2022. 136 s.
12. Egninova N. E. Rasskazy Yu. P. Kazakova v kontekste traditsii russkoi ornamental'noi prozy. Diss. ... kand. filol. nauk. Ulan-Ude, Buryatskii gos. un-t, 2006. 174 s. EDN: NOKSIL
13. Panfilov A. M. Khudozhestvennyi mir Yuriya Kazakova i dukhovnye traditsii russkoi literatury. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 1999. 203 s.
14. Prishvin M. M. Za volshebnyim kolobkom: Iz zapisok na Krainem Severe Rossii i Norvegii. SPb., 1908.
15. Kazakov Yu. P. Severnyi dnevnik. M.: Sovetskaya Rossiya, 1973. 371 s.
16. Ivchenkov V. I. Lingvostilistika tropov Yuriya Kazakova. Minsk: Pachatkovaya shk., 2002. 114 s. EDN: ISRVCU

Henri Meschonnic's Interdisciplinary Approach: Between the Swiss School and 'Russian Theory'

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119331, Russia, Moscow, Lomonosovsky district, Kravchenko str., 12, sq. 22

✉ kat-belavina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the identification of links between Henri Meschonnic's anthropological theory of rhythm and the works of the Swiss linguist F. de Saussure and the Russian formal school. The relevance of the study is due to the fact that the reception of the works of Russian formalists in French verse studies has not yet been covered and requires systematisation. Meschonnic's criticism of R. Barthes's position on the 'death of the author' has made it difficult to accept the anthropological theory of rhythm in Europe and the USA. The significant presence of Russian material in Meschonnic's works slows down its reception in Russia as well, as it creates an illusion of lack of novelty. The subject of the study is the key concepts of the anthropological theory of rhythm in comparison with the terms 'paragram' and 'value' (Saussure) and the notions of 'historicity', 'deformation of semantics', 'sound image' (Tynianov), 'euphony' (Tomashevsky).

On the basis of the comparative method, a conceptual analysis of theoretical and critical texts in French (Saussure, Meschonnic, Breal) and Russian (Tynyanov, Tomashevsky) is carried out with the involvement of historical and cultural context to clarify Meschonnic's position in the confrontation with French poststructuralists. Meschonnic's scholarly discourse includes terms of politics, sociology and philosophy, which is characteristic of the 60s, 70s. Meschonnic postulates that the subject of the poem is the 'democracy of the poem'. The term *l'oralité* (l'oralité) is defined by Meschonnic as the relation of the rhythmic and prosodic component of the mode of signification (fusus-writing) to what a given discourse says (logos-writing). The clarification of Meschonnic's attitude to Saussure's concepts (paragrams, value) combined with the analysis of the main concepts of the anthropological theory of sound (the subject of the poem, prosody, rhythm, historicity, chains of consonant-vocalic organisation) makes it possible to clearly show the originality of the French poet's approach and the fruitful interaction between Russian and European scientific thought. The situation of moving away from nation-states and national systems of versification at the stage of development of transnational communities has created preconditions for fundamental changes in the interpretation of poetic writing, one of the variants of which is Meschonnic's anthropological theory of rhythm.

Keywords: Meschonnic, Russian formalism, French poetry, subjectivity, Anthropological theory of rhythm, value, anagrams, French theory, orality, voice

References (transliterated)

1. Azarenkov A. "Muzyka Molchaniya" Gennadiya Aigi // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2024. № 6. S. 256-271.
2. Belavina E.M. Poeticheskoe pis'mo v sovremennoi frantsuzskoi nauchnoi mysli // *Litera*. 2025. № 5. S. 33-45. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.74356 EDN: IKHJGZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74356
3. Belavina E. M. Prosodicheskoe udarenie v teorii ritma Anri Meshonnika pod lupoi eksperimental'noi fonetiki // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 2021. T. 7. № 3 (27). S. 39-56. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-39-56. EDN: XVWLFS.

4. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. – M.: "Progress", 1974. – 448 s.
5. Ben'yamin V. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* / Per. s nem. i frants.; Sost., predisl. i primech. A. Belobratova. – SPb.: "Simpozium", 2004. – 480 s.
6. Vil'drak Sh., Dyamel' Zh. *Teoriya svobodnogo stikha: Zametki o poet. tekhnike* / Per. i primech. Vadima Shershenevicha. – M.: Imazhinisty, 1920. – 48 s.
7. Grigor'ev V. P. *Poetika slova*. – Moskva: Nauka, 1979. – 344 s.
8. Debre R. *Vvedenie v mediologiyu*. – M.: Praxis, 2009. – 268 s. EDN: QOLACL.
9. Depretto K. *Formalizm v Rossii. Predshestvenniki, istoriya, kontekst*. – NLO, 2015. – 328 s.
10. Kosikov G.K. "Struktura" i/ili "tekst" (strategii sovremennoi semiotiki) // *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. – M.: Progress, 2000. S. 3-50.
11. Kristeva Yu. *Poeziya i negativnost'* // Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki*. – M., 2004.
12. Marichik Yu.A. *Lingvo-poeticheskaya teoriya Anri Meshonnika i ee franko-russko-nemetskie istoki* // *Evropeiskii kontekst russkogo formalizma (k probleme esteticheskikh peresechenii: Frantsiya, Germaniya, Italiya, Rossiya)*. – M.: IMLI RAN, 2009. – S. 132-152.
13. Marichik Yu. *Ponyatie "detsentrirovaniye" (A. Meshonnik): ot praktiki perevoda k teorii intertekstual'nosti* // *Sravnitel'no o sravnitel'nom literaturovedenii: transnatsional'naya istoriya komparativizma* / Pod red. E. Dmitrievoy i M. Espanya. – M.: IMLI RAN, 2013. – S. 110-117. – 465 s.
14. Markov A. *Istoriya russkogo futurizma*. – SPb.: Aleteiya, 2000. – 414 s.
15. Meshonnik A. *Rifma i zhizn'* / A. Meshonnik; per. Yu. A. Marichik. – M.: OGI, 2014. – 400 s.
16. Polilova V.S., Pil'shchikov I.A., Belousova A. S. *Sravnitel'noe stikhovedenie v Rossii i za rubezhom* // *Voprosy yazykoznaniya*. 2022. № 2. S. 125-150. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.125-150. EDN: MUMWYS.
17. Sollers F. *Interv'yu, dannoe I. Bozhoviku* // *Baza. Peredovoe iskusstvo nashego vremeni*. 2011. № 2: *Sbornik literatury i teorii zhurnal "Tel' Kel"*. – S. 170-178. – 451 s.
18. Tolmachev M.V. *Ideologizirovat'sya ili učit'sya chteniyu? Vmesto predisloviya* // *Literatura i ideologiya. Vek dvadtsaty* / Red. O.Yu. Panova, V.M. Tolmachev. – M.: MAK Press, 2016. Vypusk 3. – S. 11-14. – 398 s.
19. Tynyanov Yu. *Problema stikhotvornogo yazyka*. – Leningrad: Academia, 1924. – 138 s.
20. Yarkho B.I. *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: izbrannye trudy po teorii literatury* / B. I. Yarkho; podgot. M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir; pod obshch. red. M. I. Shapira. – Moskva: Yaz. slavyan. kul'tur, 2006. – 926 s.

Fantastic, psychoanalysis, and pastiche in the latest novels of Boris Vian

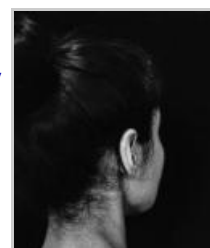
Minasian Sofia Vital'evna

PhD in Philology

Senior Researcher, Associate Professor; Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

344022, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, lane Zhuravleva, 102/105, office 128

✉ suffi@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the features of pastiche of psychoanalytic and existential images in the latest novels of Boris Vian. The characteristics of the introduction of pastiche into the fabric of Vian's works demonstrate the innovative development of this technique, which was later recorded in postmodernist criticism. Pastiche in postmodernism is used as a way to talk about culture through its own languages, as a means of play with cultural codes, citation, and rethinking of the past, reflecting the idea of "the death of the author" and intertextuality. Vian's creativity, with its conscious imitation of styles, manners, elements of literary works, and movements in art, reworking already existing forms, permeates his entire literary heritage and, in a certain sense, anticipates postmodernist reflection. The aim of the study is to explicate the postmodern content of the novels "Red Grass" and "Heartfire." The methodology of the work is defined by the tradition of historical-literary research: the writer's creativity is examined in the context of the flourishing of existential philosophy ideas and in connection with the widespread dissemination of psychoanalytic methods characterizing the spiritual processes of his contemporary era. It has been revealed that the blending of fantastical techniques and real problems of personal alienation, integrated into the narrative fabric, allows the author to express his negative attitude and irony toward the "productivity" of psychoanalysis sessions and the "projectiveness" of existentialism ideas. The novelty of the work lies in decoding the meanings embedded by the writer into the existential problem of being in relation to death, the fullness of death, and the threat of obtaining an opposite result to all psychoanalytic attitudes, leading not to the individual's awareness of their problems in a positive direction toward the future, but to an even greater sense of emptiness. The article shows that the fantastic and psychoanalysis in Vian's latest novels intertwine into a unified whole and, behind the facade of the comedic and paradoxical, urge the reader to contemplate the right to intrude into the inner world of a person and the eternal problems of human existence in the world.

Keywords: absurdity, existentialism, Sigmund Freud, psychoanalysis, parody, pastiche, fantastic, Heartsnatcher, Red Grass, Boris Vian

References (transliterated)

1. Todorov Ts. Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu / per. s fr. B. Narumova. M.: Dom intellektual'noi knigi, 1999. 144 c.
2. Vonnegut K. Slaughterhouse-Five, or, The Children's Crusade: A Duty-Dance with Death. New York: Dell Pub., 1969. 275 p.
3. Perec G. W ou le Souvenir d'enfance. Paris: Denoël, 1975. 220 p.
4. Minasyan S.V. Pastish kak priem grotesknogo konstruirovaniya romana Borisa Viana "Razborki po-andeiski" // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2019. № 2. S. 146-153. DOI: 10.23683/1995-0640-2019-2-146-153 EDN: BCUQWV.
5. Minasyan S.V. Grotesknoe kodirovanie otnosheniya k okkupatsii Frantsii v pervykh romanakh Borisa Viana // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 2. S. 168-178. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29401 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29401
6. Vian B. Pena dnei / Boris Vian; per. s fr. L. Lunginoi. Rostov-na-Donu: Feniks; Khar'kov: Folio, 1999. S. 197-356.
7. Vian B. Krasnaya trava / per. s fr. V. Lapitskogo. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 192 s.

8. Contat M. "Sartre be-bop", un anatole // Magazine littéraire. 2000. № 384. P. 32-35.
9. Vian B. Serdtseder / per. s fr. V. Kislova. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 224 s.
10. Boggio Ph. Boris Vian. Paris: Flammarion, 1995. 480 p.
11. Vian B., Spriel S. Un nouveau genre littéraire, la science-fiction // Les Temps modernes. Oktyabr' 1951.
12. Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. Institute of General Semantics, 1994. URL: <https://www.koob.ru/korzybski/?ysclid=Im0xfjxa34106374851> (data obrashcheniya: 20.05.2025).
13. Van Vogt A.-E. Le Cycle du Ā; traduit d'anglais par B. Vian. Paris: Gallimard, 1953. 800 p.
14. Kh'yugill E. Patafizika / per. s angl. V. Sadovskogo. M.: Gileya, 2017. 430 s.
15. Khaidegger M. Bytie i vremya / per. s nem. V.V. Bibikhina. Khar'kov: Folio, 2003. 503 s.
16. Minasyan S.V. Mif o zabvenii v romane Borisa Viana "Krasnaya trava" // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2015. № 3(83). S. 159-164. DOI: 10.18522/2072-0181-2015-159-164 EDN: UXUFTH.
17. Polupanova A.V. Transformatsiya "kukol'nogo" syuzheta v proze KhIKh-KhKhI vv.: E. T. A. Gofman ("Pesochnyi chelovek"); A. Grin ("Seryi avtomobil"); D. I. Rubina ("Sindrom petrushki") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 10. Ch. 2. S. 142-145. EDN: SNMXKD.
18. Lotman Yu.M. Kukly v sisteme kul'tury / Yu.M. Lotman. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. I. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn: Aleksandra, 1992. S. 377-380. URL: <https://philologos.narod.ru/lotman/lotman-pupp.htm?ysclid=Ilulxb264121003618> (data obrashcheniya: 20.08.2023).

The idea - the word - the embodiment in the construction of the Soviet sociocultural space in the 1920s and 1930s

Rastorgueva Natalia Evgen'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Theory and History of Journalism; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10/2 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ rastorgueva_ne@pfur.ru

Ovcharenko Alexey Yuryevich

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian Language and Linguoculturology; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Obruchevsky district, Mklukho-Maklaya str., 10 K. 3

✉ ovcharenko-ayu@rudn.ru

Can Emir Badegul

Doctor of Philology

Abstract. When studying the modern era, the topic of constructing social reality is increasingly raised. In this regard, it seems necessary to address a significant period in the development of Russia, when, after the collapse of the old order, a monumental task arose to create a new state and form a new mental space. The use of art not only as an aesthetic practice but also as a structure serving the ideological construction of social reality became a defining element of the cultural strategy of the Soviet state. Mythologemes – transformative universal mythological themes and images – played no small role in this, becoming the basis for the formation of a new collective consciousness. The article shows how the new Soviet space was illuminated, coded, and formed as an ideological product, as well as how creators of various forms of art used cultural space to express what Catherine Clark calls the "cartography of power" – the ideological landscape. In writing this article, the authors relied on the principle of historicism, which, combined with an anthropocentric approach and cultural analysis, allowed them to reveal the peculiarities of the functioning of mythologemes in the Soviet socio-cultural space of the 1920s and 1930s. A table was compiled to systematize the information. The main task of this research is to study the features of the use of mythologemes in various forms of art. In transitional epochs, the relationships between the old and the new, which is in the process of formation, are most tense and develop in a dialectical dialogue. The embodiment of ideas and words, the complex relationships between social ideas, their transformation into representations of the future world and the future person, not only in post-revolutionary art and literature but also in a broader historical and cultural context, is an extremely important topic for the entire revolutionary culture. The authors conclude that during times of revolutionary transformations, when social structures are being destroyed, traditions are rejected, and previous ethical norms and values are overturned, mythical rationality assists power in legitimizing the new political regime and, by interpreting reality, contributes to the unification of people.

Keywords: soviet woman, soviet man, Stalin, mental space, mythologems, Lenin, art, ideology, socialist realism, happy soviet childhood

References (transliterated)

1. Gyunter Kh. Totalitarnoe gosudarstvo kak sintez iskusstv // Sotsrealisticheskii kanon: Sb. st. pod obshchei red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. 1040 s.
2. Papernyi V. Sotsrealizm v sovetskoj arkhitekture // Sotsrealisticheskii kanon: Sb. st. pod obshchei red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. 1040 s.
3. Golomshtok I. Sotsrealizm i izobrazitel'noe iskusstvo // Sotsrealisticheskii kanon: Sb. st. pod obshchei red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. 1040 s.
4. Bulgakova O. Sovetskoe kino v poiskakh "obshchei modeli" // Sotsrealisticheskii kanon: Sb. st. pod obshchei red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. 1040 s.

5. Roziner F. Sotsrealizm v sovetskoi muzyke // Sotsrealisticheskii kanon: Sb. st. pod obshchei red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. 1040 s.
6. Zhdanova V.A. Sotsvetie mifa. Problemy ideologicheskogo reformirovaniya 1920-kh gg.: otrazhenie v sovetskom kinoprotsesse // Chelovek i kul'tura. 2014. № 3. S. 64-85. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.3.13096 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13096
7. V poiskakh sotsialisticheskogo goroda (1929-1935 gg.) // Gradostroitel'stvo v teni Stalina. Mir v poiskakh sotsialisticheskogo goroda v SSSR. Verlagshaus Draun / SCIO Media, 2015. 416 s.; Zholtovskii I.V. Opyt issledovaniya antichnogo myshleniya v arkhitekture // Iskusstvo kak yazyk - yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov: v 2 t. M.: NLO, 2017. T. 2. S. 541-542.
8. Atarov N. Dvoretz Sovetov. M.: Moskovskii rabochii, 1940. 163 s.
9. Can Emir, B., & Saraç, H. Proletkult'tan sosyalist gerçekçiliğin temellerine uzanan bir edebi grup "Kuznitsa." Zamanın İzleri. İmparatorluklar Çökerken Gök Kubbeyi Omuzlamak ve Ulus İnşası (Eds. Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, pp. 291-310). Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, 2020.
10. Can Emir, B. 20. yüzyıl Rus edebiyatında politik müdahale. I. Uluslararası Dil, Sanat ve İktidar Sempozyumu Bildiriler Kitabı (Eds. Nazım Elmas et al., pp. 55-65). İstanbul: Giresun Üniversitesi Yayınları, 2018.
11. Trotskii L. D. Literatura i revolyutsiya. M.: GIKhL, 1924. 422 s.
12. Edoshina I. A. Mif, mifologema, mifema v kontekste deyatel'nostnogo podkhoda k fenomenam kul'tury // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 3(1). S. 79-81. EDN: LPBJMV.
13. Losev A. F. Dialektika mifa // Mif - Chislo - Sushchnost'. M.: Mysl', 1994. 991 s.
14. Bart R. Mifologii. M.: Akademicheskii prospekt, 2023. 351 s.
15. Mayakovskii V. V. Polnoe sobranie sochinenii v trinadtsati tomakh. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959. T. 12. 746 s.
16. Tsit po: Zayarnaya I. Tvorchestvo Evgeniya Zamyatina i avangard. Dialektika prityazheniya i ottalkivaniya // Studia Rusycystyczne. Kielce, Uniwersytetu Jana Kochanowskiego. T. 26. 2018.
17. Gyugo V. Sobor Parizhskoi bogomateri // Gyugo V. Sobr. soch.: v 15 t. M.: GIKhL, T. 2. 546 s.
18. Blok A.A. Intelligentsiya i revolyutsiya // Blok A. A. Sobr. soch. v 8 tt. M.-L.: GIKhL, 1962. T. 6. S. 9-20.
19. Pasternak B. - Bryusovu V.Ya. Pis'mo ot 15.VIII.1922 // Pasternak B. Iz pisem raznykh let. M.: Pravda, 1990. S. 10-14.
20. Khan-Magomedov S. O. Proekt "Ietayushchego goroda" // URL: <https://electro.nekrasovka.ru/articles/elarchive/krutikov?ysclid=m0jrf9ivgi601302213> (data obrashcheniya: 25.08.2024).
21. Pocheptsov G.G. Teoriya kommunikatsii. M.: Refl-buk; K.: Vakler, 2001. 650 s.
22. Zhid A. Vozvrashchenie iz SSSR // Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/gid_andre/vozvrashchenie_iz_sssr.html#40960 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
23. M. G. Meerovich. SSSR kak megaproekt // Sovetskii proekt. 1917-1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sb. nauch. tr. / pod red. O. V. Gorbacheva i L. N. Mazur; M-vo nauki i vysshego obrazovaniya Ros. Federatsii, Ural. feder. un-t. Ekaterinburg: Izd-vo

- Ural. un-ta, 2018. S. 30. EDN: YPUGPR.
24. Kozlov V., Skrypnik A. 8 klyuchevykh slov russkogo konstruktivizma // Prosodia.ru.
URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/8-klyuchevykh-slov-russkogo-konstruktivizma/>
(data obrashcheniya: 23.08.2023).
25. Zelinskii K. Ideologiya i zadachi sovetskoi arkhitektury // LEF. 1925. № 3. S. 77-108.
26. Sal'nikova A. A., Khamitova Zh. A. Zhurnal "Sovetskaya igrushka" kak istochnik po istorii sovetskogo detstva 30-kh godov KhKh veka // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. T. 155, kn. 3. ch. 1. 2013. S. 200-211. EDN: RBXLNJ.

The song culture of the Crimean Tatars in the works of E. Shemya-zadeh

Seferova Esma Enverovna

Lecturer; Department of Crimean Tatar Literature; State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea 'Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov'
Specialist in educational and methodological work; Department of Crimean Tatar Literature

21 Through Street, Simferopol, Republic of Crimea, 297505, Russia

✉ seferova.esma@bk.ru

Abstract. The present study is devoted to the literary and folklore heritage of E. Shemyazade, an outstanding poet and scientist of the Crimean Tatar people. The main aspects of his work are analyzed, including the synthesis of philosophy, lyrics and oral traditions, as well as their interaction and mutual influence. Special attention is paid to the issues of preservation and transformation of folk song culture, the role of dialectal and cultural features in poetic texts, as well as the influence of traditional ethnocultural heritage on modern Crimean Tatar literature, the main directions of E. Shemyazade's scientific research are revealed. The subject of the research is the poetics of traditional folk songs. The object of the research is the scientific heritage of E. Shemya-zadeh. The purpose of the study is to analyze the scientific works of E. Shemya-zadeh devoted to the issues of folk lyrics. The material for the study was the collection of articles "Edebiy ve tenkidiy makaleler" ("Literary and critical articles") (2000). The structural method was used as the main research method. The novelty of the research lies in the fact that we chose the poetics of folk songs in the scientific research of E. Shemyazade as its subject. Also, for the first time, the article systematically analyzes the main aspects of the relationship between the literary heritage of E. Shemyazade and the folk folklore tradition, and identifies the mechanisms and features of the use of oral forms in his poetic work. E. Shemya-zadeh's scientific research reflects the most important facets of the author's worldview, gives us the opportunity to see the features of his value system. The works of E. Shemya-zadeh introduced qualitatively new features in relation to the study of folk lyrics and cultural issues. According to E. Shemya-zadeh's research, the historically established system of genres of Crimean Tatar folk songs is undergoing changes. Stylistic changes affect the content of the songs.

Keywords: verbal repetitions, expressiveness, dialects, theory, transformation, traditions, reconstruction, culture, improvisation, folklore

References (transliterated)

1. Kerimov I.A. Khalk'yymzynyn" bediii yaratydzhylyg'y // Iyldyz. – 1983. – № 4. – S. 137-138.

2. Fazyl R., Nagaev S. K'yrymtatar edebiyatynyn' tarikhy: k'ysk'a bir nazar. – Simferopol': Mezhdunarodnyi fond "Vidrodzhennya", 2001.
3. Kurtnezir Z. K'yrymtatar edipleri: omyur ve yaratydzhylyk'lary ak'k'nda k'ysk'a malyumatlar. Tekmillengen, tyuzetil'gen ekindzhi neshri. – Simferopol': OOO "El'in'o", 2017. – 340 s.
4. Dzhemileva A.A. Poetika povestvovaniya v krymskotatarskom rasskaze 70-80 godov XX veka: monografiya. – Saratov: Amirit, 2022. – 168 s. EDN: RMIMDW
5. Ali Sh. Eshref Shem'i-zadenin" sez zenginligi // Yan'y dyun'ya. – 2008. – 7 oktyabrya.
6. Alyadin Sh. "K'yzyly chabak'" // Iyldyz. – 1983. – № 1. – S. 93-100.
7. Kerimov I.A. Bedii sezyumiznin" evrimi. (K'yrymtatar edebiyatynyn" KhIKh asyrnyn" son'u ve KhKh asyrnyn" bashyndaki devri). Monografiya // Iyldyz. – 1998. – № 4. – S. 108-142.
8. Selim Sh. Eshref Shem'i-zadenin" il'k shiirleri // K'yrym. – 2008. – 25 iyunya, № 49.
9. Dermendzhi A. Poeziya ak'k'ynda fikirler // Lenin bairag'y. – 1983. – 21 iyunya.
10. Osman A. Edebiyatk'a sadyk'lyk' // Iyldyz. – 1995. – № 1. – S. 166-170.
11. Likhachev D.S. Poetika drevnerusskoi literatury. – M., 1979. – S. 357.
12. Shem'i-zade E. Edebii ve tenk'idii mak'aleler. – Simferopol': Dolya, 2000. – 248 s.
13. Kravtsov N.I., Lazutin S.G. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo: Uchebnik dlya fil. spets. un-tov. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Vyssh. shk., 1983. – 448 s.
14. Potebnya A. Mysl' i yazyk // Potebnya A. Estetika i poetika. – M.: Nauka, 1976. – S. 35-220.
15. Vinogradov V.V. O zadachakh istorii russkogo literaturnogo yazyka // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. – 1945. – Vyp. 3.
16. Propp V. Ya. Tekstologicheskoe redaktirovanie zapisei fol'klora // Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya. – M.; L., 1956. – T. 1. – 346 s.
17. Yakhin A.G. Zhanr tatarskoi narodnoi pesni kak sistema // Fol'klor, literatura i istoriya Vostoka. Materialy III vsesoyuznoi tyurkologicheskoi konferentsii. – Tashkent: Izdatel'stvo "Fan", 1984. – S. 422.
18. Gegel'. Soch. T. XIV. – M., 1938. – S. 540.
19. Abdul'vapov N.R. Predislovie k knige Krymskotatarskaya instrumental'naya muzyka khanskogo perioda. – Simferopol': Dolya, 2007. – S. 94.
20. Konchevskii A. Pesni Kryma. – M.: Gos. izd-vo; Muz. sektor, 1929. – 50 s.

The evolution of the manor image in the early stories of I. A. Bunin

Zhang Lu

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; RUDN University

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ chzhan.lu@mail.ru

Abstract. This study is dedicated to the analysis of the image of the noble estate in the early stories of Ivan Bunin ("Tanya," "At the Khutor," "In the Field"), with the aim of identifying trends in the transformation of the theme of the noble estate at the early stages of his creativity and revealing its multifaceted symbolic significance as a socio-cultural sign. The subject of the research is the image of the estate in the early stories of Ivan Bunin. This study reveals a triple philosophical dimension of the image of the estate in Bunin's early

works: at the social level, it serves as a metaphor for class differences and contradictions (in the story "Tanya," the estate is contrasted with the starving village); at the existential level, it becomes a space where time freezes and life slips away (the existential reflections of Kapiton Ivanovich in the abandoned estate in the story "At the Khutor"); at the historical level, it symbolizes the inevitable disappearance of noble culture and the noble estate (the destruction of the estate Luchizarovka in the snowstorm in the story "In the Field"). The methodology of the research is based on structural-semantic analysis utilizing semiotic analysis. The emphasis is placed on identifying the symbolic meanings of the image of the estate, its connection to the characterization of the characters, the social context, and the philosophical issues. The scientific novelty of the research lies in the transformation of the estate from a static background into a dynamic "symbol of national memory," reflecting the decay of estate culture and spiritual traditions during the transformations in Russia at the end of the 19th century. The author of the research concludes that in Bunin's early works, the image of the estate is characterized by a preliminary sketchiness and indistinctness of outlines. At the same time, a dynamic development can be traced: the estate gradually transforms into an organic component of the spiritual world of the main character. In the works of Bunin during this period, the image of the estate already demonstrates a tendency toward decline. In the conclusion of the research, it is emphasized that the depiction of the estate in Bunin's early works not only constructs cultural memory in a certain historical context but also lays the groundwork for the theme of the "noble estate" in Bunin's creative path.

Keywords: the decline of aristocratic estates, In the Field, At the Khutor, Tanhka, manor image, Russian manor estate, early short stories, Bunin, evolution of the estate, symbolism

References (transliterated)

1. Bunin I. A. *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 2: Proizvedeniya 1887-1909 gg.; Stat'i i vystupleniya*. M.: TERRA, 1997. 512 s.
2. Volkov A. A. *Proza Ivana Bunina*. Moskva: Moskovskii rabochii, 1969. 448 s.
3. Zaitseva N. V., Kutafina Yu. N., Plaksitskaya N. A. Istoki formirovaniya khudozhestvennoi kontseptsii usad'by v tvorchestve I. A. Bunina // *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2022. № 1-4 (115). S. 114-116. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.126 EDN: LIFXCV.
4. Zaitsev D. V. Ocherk v rannem tvorchestve I. A. Bunina: Literaturnaya genealogiya zhanra // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2024. № 2. S. 212-220. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-15 EDN: HEBNBJ.
5. Kriventseva N. A. Obrazy prostranstva i vremeni v rasskaze I. A. Bunina "Tan'ka" // *Sbornik trudov konferentsii*. Moskva: Izdatel'stvo "Pero", 2020. S. 191-195.
6. Kuznetsova M. A. I. A. Bunin - pevets russkoi usadebnoi zhizni // *Vestnik UIGTU*. 2014. № 3. S. 23-25. EDN: STXRZR.
7. Ponomarev E. R. Zhanrovyy genезis i syuzhetologiya rannei prozy I. A. Bunina // *Studia Litterarum*. 2022. № 4. S. 178-193. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193 EDN: XOIXVS.
8. Popova O. A. Rodovaya pamyat' v sud'be dvoryanskoi usad'by v russkoi proze kontsa XIX - nachala KhKh vekov // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2009. № 2. S. 112-118. EDN: JXRJUV.
9. 吴雪松. 伊·布宁短篇小说《田庄上》时空体艺术特点分析. 佳木斯大学社会科学学报. 2023. 63-65页. [U Syuesun. Issledovanie khudozhestvennykh osobennostei vremeni i prostranstva rasskaza I. Bunina "Na Khutore" // *Vestnik sotsial'nykh nauk*. Kheiluntszyan:

Universitet Tszyamusy, 2023. S. 63-65.] (Na kit. yaz.).

10. 陈霞. 论布宁的庄园情结. 苏州, 2002. 博士论文. 147页. [Chen' Sya. Usadebnyi kompleks I. A. Bunina: dis. kand. filol. nauk: Suchzhou, 2002. 147 s.] (Na kit. yaz.).
11. 刘淑梅. 布宁创作中庄园主题研究. 黑龙江, 2013. 博士论文. 44页. [Lyu Shumei. Issledovanie motivov usad'by v tvorchestve Bunina: dis. d-r. filol. nauk: Kheiluntszyan, 2012. 165 s.] (Na kit. yaz.).

Peculiarities of Translation of Non-Standard Syntax in French Prose of the 20th Century

Petrova Anastasiya Dmitrievna

PhD in Philology

Associate Professor; Saint Petersburg State University, Department of Romance Philology, Faculty of Philology

Russia, Samara region, Samara, Osipenko str., 6a/8

✉ nastenka-petrova-2025@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the translation of syntactically non-standard prose of 20th-century French literature into Russian. The object of analysis is syntactic deviation as an expressive means and its transformation in the translation process. The author examines in detail such aspects as the strategy of translating syntactic deviations, their adaptation or preservation depending on the stylistic guidelines of the original text, as well as the degree of translation normativity in the context of intercultural communication. Particular attention is paid to the influence of genre specificity and the intended readership on the choice of translation strategy. The focus is on the methods of conveying the rhythmic-intonational structure, expression and non-standard construction of the phrase, characteristic of the prose of Guillaume Apollinaire. The analysis is based on the material of the novel "Les Onze Mille Verges" and its Russian translation by Arnaut Skard-Lapidus. The work highlights the problem of compromise between the normativity of the target language and the preservation of the author's expression, revealing translation as a form of interpretation with a certain aesthetic and functional vector. The methodological basis of the study is a comparative analysis of the original and translation, a linguostylistic approach and principles of functional equivalence, which allow us to identify translation transformations at the level of syntax and stylistics. The main conclusions of the study are the confirmation of the hypothesis about the translator's dual strategy: the desire to preserve the syntactic expression of the original while simultaneously adapting the text to the norms of the Russian language. The author's special contribution is the systematization of approaches to the transmission of syntactic deviations and the identification of the dependence of these approaches on genre-stylistic and cultural parameters. The novelty of the study lies in the comprehensive analysis of one work in the original and translation at the level of syntax, as well as in highlighting the problem of stylistic norms in the translation of experimental prose.

Keywords: difficulties in translation, translation strategies, stylistics, adaptation, expression, Arnaut Skard-Lapidus, intercultural translation, Guillaume Apollinaire, non-standard syntax, translation

References (transliterated)

1. Abramova E. K. Osobennosti perevoda reklamnykh sloganov s frantsuzskogo na russkii yazyk (na materiale romana F. Begbedera "99 frankov") // Nauchnyi dialog. – 2022. –

- № 3. – S. 34-46.
2. Apolliner G. Odinnadtsat' tysyach palok, ili Lyubovnye pokhozhdeniya gospodarya / Les Onze Mille Verges ou les Amours d'un hospodar. Per. s fr. Arnauta Skard-Lapidusa. – M.: [b. i.], 1993.
 3. Baskakova E. S. Ekspressivnye sintaksicheskie konstruktssii: perevod i ikh vliyanie na skrytye kharakteristiki teksta. – Tyumen': B. i., 2009. – 22 s.
 4. Vorob'eva E. N. Problema perevoda konstruktssii ekspressivnogo sintaksisa // Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal. – 2022. – № 12 (92).
 5. Glebov S. A. Sposoby peredachi obraznosti v poeticheskom tekste pri perevode s frantsuzskogo yazyka na russkii [Elektronnyi resurs]: diplomnaya rabota spetsialista / S. A. Glebov; nauch. ruk. A. V. Kolmogorova. – Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2021. – 99 s. – Rezhim dostupa: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/141620> (data obrashcheniya: 27.05.2025).
 6. Delez Zh. Marsel' Prust i znaki. – SPb.: Aleteiya, 1999. – S. 28-130.
 7. Zhenett Zh. Figury: V 2 t. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998. – T. 2. – S. 43-44.
 8. Izmailov A. Z. Sokhranenie ekspressivnoi funktsii teksta pri perevode s angliiskogo yazyka na russkii: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20. – Moskva, 2006. – 24 s. – EDN: ZNSEN.
 9. Man P. Allegorii chteniya: Figural'nyi yazyk Russo, Nitshe, Ril'ke i Prusta. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1999. – S. 72-97.
 10. Oyun Yu. D. Dva tipa vnutrennego monologa vo frantsuzskoi khudozhestvennoi proze // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2022. – № 76. – S. 27-38.
 11. Oyun Yu. D. Sintaksicheskie sredstva peredachi vnutrennei rechi personazha v tuvinskoi khudozhestvennoi proze // Novye issledovaniya po rodnym yazykam. – 2023. – № 1. – S. 37-46. – URL: <https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/37> (data obrashcheniya: 28.05.2025).
 12. Prust M. Kombre / Per. s fr. E. Baevskoi. – SPb.: Azbuka-klassika, 2008.
 13. Prust M. V poiskakh utrachennoogo vremeni / Per. s fr. N. Lyubimova i A. Smirnovoi ("Obretennoe vremya"). – SPb.: Amfora, 2005-2006.
 14. Prust M. V poiskakh utrachennoogo vremeni / Per. s fr. A. Frankovskogo, A. Fedorova. – M.: AST, 2007.
 15. Skuratovskaya A. P. Ankiloz – Banka // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: v 35 t. / Gl. red. Yu. S. Osipov. – M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2005. – T. 2. – S. 113-114.
 16. Bassnett S. Translation Studies. 3rd ed. London; New York: Routledge, 2002. – 188 p.
 17. Viart D. De la littérature contemporaine à l'Université: une question critique // Carrefour des écritures. – 2003. – Mode of access: http://www.carrefour-des-ecritures.net/doc/TEU_Viart.html.
 18. Venuti, L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / Lawrence Venuti. – London; New York: Routledge, 1995. – 400 p.

Features of the functioning of advisory speech acts in crisis discourse (on the example of the flood in the Orenburg region in 2024)

Lyulina Anna Vladimirovna

Doctor of Philology

Associate Professor; Institute of Languages and Cultures; Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy ave., 13, room 4118

 aawmt@mail.ruElagina Yuliya Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Languages and Cultures; Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy ave., 13, room 4118

 dymok_july@mail.ru

Abstract. The object of this study is speech acts with a dominant advisive intention used by representatives of official services and administrative structures in the texts of messages related to the flooding in the Orenburg region in 2024. As the subject of this study, the features of the functioning of advisive speech acts in crisis discourse affecting such a natural disaster as a flood in a certain area (using the example of the Orenburg region) are considered. At the same time, advisive speech acts are considered as three-component formations consisting of informative, actually communicative and intrusive components and having special signs in their composition that actualize certain targets of manipulation by a mass recipient. The hierarchy of relevant manipulation targets includes ethophysiological manipulation targets (instincts, needs, basic emotions) and socially conditioned manipulation targets of the mass recipient. The study uses an anthropocentric approach based on the belief that there is an average intentional portrait of a mass recipient with certain peculiarities of perception of manipulative messages. The novelty of this work lies in the use of an anthropocentric approach to study advisive messages with a hidden manipulative intention, as well as in the research material consisting of a corpus of texts that appeared as a result of the emergence of a new type of discourse - crisis discourse a natural disaster (for example, the flood of 2024 in the Orenburg region). In addition, for the first time, the study highlights speech tools of various levels that actualize the targets of manipulation by the mass recipient, which are characteristic of the subspecies of the crisis discourse being highlighted. A classification of these tools is proposed based on the features of the structure of advisive speech acts, the informative and intrusive components of which include special actualizers-nominees and actualizers-associates with the intended producer of the corresponding manipulative messages by distant and contact communicative effects.

Keywords: recipient of the message, advisive intention, speech act, obligatoriness, categoricity, status of the producer, manipulation target, speech manipulation, producer of the message, discourse

References (transliterated)

1. Belyaeva E.I. Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliiskii yazyk. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1992. 168 s.
2. Bogdanov V. V. Klassifikatsiya rechevykh aktov // Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya: Sb. nauch. tr. Kalinin, 1989. S. 25-37.
3. Pil'gun E.V. Semantika i pragmatika krizisnogo diskursa : avtoref. dis. ...k-ta filol. nauk. Minsk: MGLU, 2019. 28 s.

4. Pil'gun, E. V. Strategii formirovaniya kommunikativnogo prostranstva mnogopolyarnogo mira // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 6. S. 122-130.
5. Sarantsatsral Ts. Rechevye akty pobuzhdeniya, ikh tipy i sposoby vyrazheniya v russkom yazyke : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva: MGU, 1993. 40 s.
6. Spitsyna N.A., Roshchenko A.V. Lingvisticheskie osobennosti osveshcheniya tekhnogennoi krizisnoi situatsii. M.: Biblio-Globus, 2020. 118 s.
7. Chelone Ch. Vidovaya oppozitsiya russkikh imperativnykh glagolov v preskriptivnykh i suggestivnykh rechevykh aktakh // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2018. T. 10. Vyp. 4. S. 87-96.
8. Shutova O.A. Sovet kak suggestivnyi rechevoi zhanr pouchayushchego diskursa // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. T. 5. Vyp. 138. S. 129-134.
9. Austin J. How to do things with words. Oxford, 1962. VII.
10. Searle J. R. A. Classification of Illocutionary acts // Language in Society. Great Britain: Cambridge University Press, 1976. Vol. 5, № 1. P. 1-23.

Exploring the diversity of data sources in data journalism

YUAN SHUQI

Postgraduate student of St. Petersburg State University

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, St. Petersburg, 199034, Russia

✉ Yyyysq@yandex.ru

Nigmatullina Kamilla Renatovna

Doctor of Politics

Professor; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Universitetskaya embankment.D.7/9

✉ k.nigmatulina@spbu.ru

Gurushkin Pavel Yurievich

PhD in Politics

Associate Professor; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Universitetskaya nab., 7/9

✉ gurupavel@yandex.ru

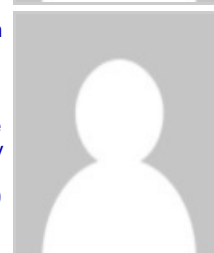
Vartanov Sergey Aleksandrovich

Doctor of Sociology

Professor; Department of Advertising; St. Petersburg State University

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, St. Petersburg, 199034, Russia

✉ NikonovS@mail.ru

Abstract. The article discusses the diversity of sources in data journalism (Big Data). The research showed that journalists actively use open government database sources, commercial sources, social media, and user-generated content. The characteristics of each type of source, as well as methods for collecting and analyzing them, are identified. An analysis of data handling practices was conducted, highlighting key problems and challenges. Special attention

is given to verifying the accuracy of information and adhering to journalistic ethical standards. The theoretical significance of the work lies in the systematization of knowledge about types of data sources in journalism. The practical significance of the work consists of developing recommendations for journalists on the effective use of diverse data sources. This helps avoid errors in information processing, improves verification processes, and enhances the quality of produced materials. Journalists will be able to analyze data better and present information in an accessible and understandable manner. The theoretical and methodological foundation of the study comprises general scientific methodologies of historical-philosophical analysis and general theory of cognition. The methodological basis of the article consists of works that describe the evolution of big data. As a result of the study, it was established that the diversity of data sources has a significant impact on modern journalism. Journalists use various types of data: open government databases, commercial sources, social media, and user-generated content. Each of these sources requires an individualized approach to the collection, verification, and analysis of information, resulting in more accurate, objective, and high-quality journalistic materials. The results allow for the conclusion that the proper use of different data sources enhances audience trust and improves the quality of journalistic publications. The classification of sources and the analysis of methods for their collection and processing help journalists better navigate the vast flow of information and choose the most reliable data for their materials.

Keywords: data analytics, journalism ethics, accuracy check, information verification, social media, open data, data sources, data journalism, digital tools, investigative journalism

References (transliterated)

1. Polyakov A.K., Nigmatullina K.R. K probleme institutizatsii sotsial'nykh media // Kommunikologiya. 2024. T. 2, № 1. S. 28-37. DOI: 10.21453/2311-3065-2024-12-1-28-37. EDN: GNNUFI.
2. Nerents D.V. Data-rassledovaniya - osobyi vid zhurnalistskogo rassledovaniya v sovremennykh SMI // Sotsial'nye kommunikatsii. 2020. S. 63-75.
3. Shilina A.G. Zhurnalistskaia dannyykh v rossiiskoi presse: osobennosti istochnikov informatsii // Medi@l'manakh. 2019. № 5 (94). S. 68-78. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2019.6878. EDN: CECEJZ.
4. Gitlina Ya.I. SMI sovremennoi Rossii i realizatsiya dialoga vlasti i obshchestva // Reklama i zhurnalistskaia: na styke vremen, nauk i tsivilizatsii. Materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Sbornik statei. V 2-kh chastyakh. Moskva, 2022. S. 63-73.
5. Fedulova N.N. Baza dannyykh "Sistema analitik dlya analiza i otsenki kommercheskoi deyatel'nosti chastnoi kliniki". Svidetel'stvo o registratsii bazy dannyykh RU 2024620774, 16.02.2024.
6. Anisimov I.V. Obshchestvennoe finansirovanie deyatel'nosti fotozhurnalista v tsifrovuyu epokhu: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk / MGU im. M.V. Lomonosova. 2023. EDN: QWHRKD.
7. Minaev V.A., Bondar' K.M., Kolomina A.S. Tekhnologii poiska diskreditiruyushchei informatsii v sotsial'nykh media // Informatsiya i bezopasnost'. 2024. T. 27, № 4. S. 591-598. DOI: 10.36622/1682-7813.2024.27.4.011. EDN: EIMLQU.
8. Bykov I.A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v massovoi kommunikatsii: problema doveriya k informatsii // V sbornike: Zhurnalistskaia v tsifrovuyu epokhu: tekhnologii i metodologiya tvorchestva. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi

konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu fakul'teta zhurnalistiki Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Minsk, 2024. S. 77-80. EDN: JRDXP.

9. Eritsyun K.Yu., Sharin N.A. Vliyaniye kharakteristik istochnika i distrib'yutera na vosprinimaemuyu dostovernost' publikatsii v sotsial'nykh setyakh // V knige: Internet i sovremennoye obshchestvo. Trudy XXVI mezhdunarodnoi ob"edinennoi nauchnoi konferentsii: sbornik tezisov dokladov. Sankt-Peterburg, 2024. S. 31-33. EDN: BPAVJE.
10. Den Ch. Eticheskie printsipy deyatel'nosti meditsinskogo zhurnalista // Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. 2022. № 52. S. 15-30. EDN: IVRHVR.

Locations of mythological space in the tales of P. P. Bazhov

Wang Pengfei

Postgraduate student; Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of UrFU; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

51 Lenin Street, office 312, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075, Russia

✉ 523876190@qq.com

Abstract. The subject of the research is the locations of mythological space in the tales of P. P. Bazhov and the linguistic means of their explication in the text. The object of the study is the category of mythological space in the tales of P. P. Bazhov. The author examines the concepts of mythological space and location in contemporary humanities at a theoretical level. The article systematizes the main mythological locations in the tales of P. P. Bazhov, related to mythological characters such as the Mistress of the Copper Mountain, Babka Sinyushka, Devka-Azovka, and others. Special attention is paid to the linguistic means of explication in the tales of P. P. Bazhov. Based on the identified means, the main features of the mythological space in Bazhov's tales are noted – vast sizes, precious stones as the main material, cold or, conversely, warmth. The foundation of the research methodology is the method of categorial-textual analysis from the Ural school of linguoculturology (T. V. Matveeva, T. V. Itskovich, and others), which was used to uncover the main linguistic means of explication of mythological space locations in Bazhov's tales. The novelty of the research lies in the identification and systematization of the mythological space locations reflected in the tales of P. P. Bazhov, as well as in the systematization of the main linguistic means of explication of these locations. The mythological space of P. P. Bazhov's tales has rarely been the subject of linguistic studies before, thus the article aims to reveal a new aspect of Bazhov's creativity. The mythological space or fantastic world of P. P. Bazhov's tales is indirectly addressed in contemporary studies in literary criticism and linguistics, reflected in the works of L. I. Stepanova, A. I. Shchukina, E. V. Kharitonova. The mythological space in the tales of P. P. Bazhov is usually studied in the context of the mythological characters of the tales, through Ural mythology, which is characteristic of the works of E. L. Berezovich, E. E. Ivanova, and other researchers.

Keywords: Mistress of the Copper Mountain, mythological characters, mythological space, space, Malachite box, Ural, tale, folklore, Pavel Petrovich Bazhov, Ural mythology

References (transliterated)

1. Berezovich E. L., Ivanova E. E. K rekonstruktsii gornoj mifonimii Urala: mifonimy, motivirovannyye leksikoi nezhivoi prirody // Antropologicheskii forum. 2023. № 58. S. 209-246.
2. Berezovich E. L., Ivanova E. E. K rekonstruktsii sistemy gornoj mifonimii Urala:

- obshchii obzor // *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 7-11 sentyabrya 2022 g.* Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. S. 18-25.
3. Berezovich E. L., Ivanova E. E. K rekonstruktsii sistemy gornoj mifonimii Urala: khozyaeva podzemnykh bogatstv // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki.* 2024. T. 26. № 3. S. 50-70.
 4. Ivanova I. N., Lepilkina O. I. Poetika veshchi v knige skazov P. P. Bazhova "Malakhitovaya shkatulka" // *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii.* 2024. № 1. S. 88-104.
 5. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta.* M.: Iskusstvo, 1970. 384 s.
 6. Matveeva T. V. Kategorial'no-tekstovoi analiz rechevogo proizvedeniya: obosnovanie i primenenie metoda // *Quaestio Rossica.* 2024. T. 12. № 3. S. 901-920.
 7. Matveeva T. V. *Stat'i po russkoi stilistike.* M.: FLINTA; Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2024. 392 s.
 8. Matveeva T. V. *Tekstovaya kategoriya // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik / pod red. A. P. Skovorodnikova.* Krasnoyarsk: SFU, 2014. S. 669-671.
 9. Osmanova G. Z. Mifologicheskoe prostranstvo v epose "Kniga moego deda Korkuta" // *Eposovedenie.* 2021. № 3 (23). S. 35-42.
 10. Rzhavitina A. A. Otkuda ushi rastut. Zemlyanaya koshka: ot fol'klora do fanfikshena // *Chelyabinskii gumanitarii.* 2023. № 1(62). S. 53-58.
 11. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura.* M.: Nauka, 1983. S. 227-284.
 12. Kharitonova E. V. Sistema gendernykh otnoshenii v skazakh P. P. Bazhova (Etnokul'turnyi kontekst i regional'naya spetsifika) // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.* 2003. № 28. S. 58-69.
 13. Khudenko E. A., Glazinskaya E. T. Potustoronnee prostranstvo v romane Lyudmily Ulitskoi "Kazus Kukotskogo" // *Nauchnyi dialog.* 2021. № 3. S. 291-307.
 14. Shishko E. S. Osobennosti khudozhestvennogo prostranstva v rasskaze A. P. Chekhova "Toska" // *A.P. Chekhov i mirovaya kul'tura: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. Sb. materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Rostov-na-Donu, 1-4 oktyabrya 2009 goda. Rostov-na-Donu: NMTs "LOGOS", 2009. S. 216-224.*
 15. Yan Yu. "Vlast' kamnya" v skazakh P. P. Bazhova // *Gumanitarnyi vektor.* 2021. № 1. S. 83-91.
 16. Stepanova L. I., Shchukina D. A. Developing thesaurus of the author's literary discourse (based on P. Bazhov's tales) // *Linguistics and Culture Review.* 2021a. № 5(S1). P. 1224-1234.
 17. Gabellieri N. Place matters: Geographical context, place belonging and the production of locality in Mediterranean Noirs // *GeoJournal.* 2022. № 87(1). P. 3895-3913.
 18. Lapina L. G., Mishlanova S. L. Frame modelling in the process of translation // *International Perm Forum Science and Global Challenges of the 21st Century.* Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 527-544.
 19. Lipovetsky M. N. The uncanny in Bazhov's tales // *Quaestio Rossica.* 2024. № 2. P. 212-230.
 20. Soni S., Sihra A., Evans E. E., Wilkens M., Bamman D. Grounding Characters and Places in Narrative Texts // *Proceedings of the 61st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics.* 2023. Vol. 1. P. 11723-11736.

21. Stepanova L. I., Shchukina D. A. Corpora and culturally connotated words // *XLinguae*. 2022. № 15(3). P. 175-186.
22. Stepanova L. I., Shchukina D. A. Reflection of Social and Cultural Features in the Names of Stones and Minerals in Bazhov's Tales // *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 266. P. 1-22.

Means of representing intertextuality in multimodal media texts based on the example of German-language native advertising

Ryabova Marina Eduardovna

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Foreign Languages; K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (MCU)

Professor; Department of Germanic Studies and Linguodidactics; Moscow City Pedagogical University
Professor; Department of Theory and Practice of Foreign Languages; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

73 Zemlyanoy Val str., Moscow, 109004, Russia

✉ ryabovame@mail.ru

Abstract. The study of the means of representation of intertextuality in polycode media texts is being updated in connection with the need to understand the mechanisms of influence on the mass audience and to create effective advertising campaigns. The subject of the research is the means of representation of intertextuality in German-language polycode media texts presented in the format of native advertising. The aim of the work is to identify and describe the means of representation of intertextuality in German-language polycode native advertising media texts, reflecting the cultural characteristics of German-language advertising discourse. Various types of intertextual connections and the ways they are implemented at verbal and non-verbal levels are considered. In the age of digital media and information saturation, native advertising is becoming an increasingly common and sought-after communication tool. The effectiveness of native advertising is largely determined by its ability to integrate into the media context, using various strategies, including intertextuality. The role of intertextuality in creating a positive brand image is analyzed. Examples of the analysis of specific advertising campaigns are provided, illustrating the use of intertextuality to enhance the attractiveness and memorability of the advertising message. A comprehensive approach was used in the study, including methods of content analysis, discourse analysis, semiotic analysis, and linguistic stylistic analysis. The fundamental methodological approach is the principle of intertextuality, combined with the theory of polycode (M. V. Verbitskaya). The effectiveness of advertising will be measured through brand recognition and audience engagement by means of a statistical analysis of comments, likes, reposts, and link clicks. The novelty of the study lies in the comprehensive analysis of the means of representation of intertextuality in polycode native advertising media texts, using German-language material as an example. For the first time, a systematization and classification of various types of intertextual components actively used in native advertising has been conducted, with an in-depth analysis of their role in shaping a specific impact on the mass audience. Culturally specific features of the use of intertextuality in German-language native advertising have been identified, which allows for a deeper understanding of its effectiveness within the cultural context of the German-speaking space. The results of the study showed that intertextuality allows for the successful integration of advertising into the media context, making it more attractive to the target audience. Conclusions have been drawn that the effectiveness of the use of intertextuality depends on the level of cultural competence of the recipient, enabling them to correctly

interpret intertextual insertions and extract the intended meaning of native advertising. The results of the study have practical significance in the field of marketing linguistics.

Keywords: emotional specificity, positive image, non-verbal level, verbal level, German language native advertising, media text, polycode text, intertextuality, cultural competence, influence

References (transliterated)

1. Kristeva Yu. Semiotika: issledovaniya po semanalizu. M.: Akademicheskii proekt, 2013. 285 s.
2. Baranov K. S. Tsitata kak forma proyavleniya intertekstual'nosti (na materiale nemetskikh reklamnykh tekstov) / K. S. Baranov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2022. – № 2(857). – S. 9-15. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_9. – EDN TMIVQZ.
3. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. University of Nebraska Press, 1997. 508 p.
4. P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti. M.: LKI, 2008. 240 s.
5. Verbitskaya M. V. Teoriya vtorichnykh tekstov (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka): monografiya. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2000. 220 s.
6. Abisheva V. T. Mediatekst v usloviyakh konvergentsii // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Ser. "Filologiya". 2013. № 2. S. 92-97.
7. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. M.: Progress, 1989. 616 s.
8. Baranek A. V. Polikodovye sredstva v reklame: teoreticheskie podkhody i prakticheskie aspekty. M.: Izd-vo RUDN, 2019. 210 s.
9. Zaitseva T. V. Emotsii v reklame: primeneniye polikodovykh sredstv. Ekaterinburg: Ural. un-t, 2020. 185 s.
10. Kolesnikov A. S. Polikodovye strategii peredachi emotsii v marketinge. Novosibirsk: Nauka, 2023. 198 s.
11. Terskikh M. V., Alekseeva A. S. Nativnaya reklama v fud-blogakh: formaty, zhanry, instrumenty vozdeistviya / M. V. Terskikh, A. S. Alekseeva // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. – 2023. – № 1(38). – S. 91-96. – DOI 10.36809/2309-9380-2023-38-91-96. – EDN IZPIPY.
12. Prokhorova E. N. Spetsifika sozdaniya teksta nativnoi reklamy v zarubezhnykh internet-izdaniyakh (na materiale publikatsii internet-izdaniya POPSUGAR.Family) / E. N. Prokhorova // Litera. – 2024. – № 11. – S. 184-198. – DOI 10.25136/2409-8698.2024.11.72211. – EDN QJFQHD.
13. Amazeen M. A., Vargo Ch. J. Sharing Native Advertising on Twitter: Content Analyses Examining Disclosure Practices and Their Inoculating Influence / M. A. Amazeen, Ch. J. Vargo // Journalism Studies. – 2021. – Vol. 22, No. 7. – P. 916-933. – DOI 10.1080/1461670x.2021.1906298. – EDN RAAWKT.
14. Mordo T., Tennenholtz M., Kurland O. Sponsored Question Answering // Proceedings of the 2024 ACM SIGIR International Conference on the Theory of Information Retrieval (ICTIR '24), July 13, 2024, Washington DC, USA. ACM, New York, NY, USA, 7 pages. <https://doi.org/10.1145/3664190.3672517>
15. Melekhova A. S. Nativnaya reklama kak element digital-kommunikatsionnoi strategii brenda // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii, 2015. № 3. S. 242-245. – EDN

ULQZHP.

16. Tokova A. R. Nativnaya reklama v SMI kak aktual'nyi format reklamnogo mediabiznesa // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2021. № 2. S. 513-515. – DOI 10.24412/1991-5497-2021-287-513-515 – EDN DYRRZS.
17. Chubina E. A. Nativnaya reklama v blogosfere i novye ekspertnye zadachi // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina, 2022. № 2. S. 77-81. – DOI 10.17803/2311-5998.2022.90.2.077-081 – EDN QCHWOF.
18. Korobko D. A., Ryabova M. E. Kommunikativnye strategii reklamy v kontekste realii sovremennosti: ot vzaimoponimaniya lyudei k ponimaniyu mira / D. A. Korobko, M. E. Ryabova // Organizatsionnaya psikholingvistika. – 2021. – № 3(15). – S. 68-80. – EDN NSDYVM.
19. Vashunina I. V., Ryabova M. E. Intertekstual'nost' kak opredelyayushchii faktor vospriyatiya nauchno-populyarnogo kreolizovannogo teksta / I. V. Vashunina, M. E. Ryabova // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. – 2019. – № 4. – S. 42-49. – DOI 10.20339/PhS.4-19.042. – EDN ZJESME.
20. Antos G., Opilowski R. Auf dem Weg zur Bildlinguistik. Perspektiven für eine neue linguistische Subdisziplin aus deutsch-polnischer Sicht // Sprache und Bild im massenmedialen Text. Formen, Funktionen und Perspektiven im deutschen und polnischen Kommunikationsraum. Wrocław, Dresden, 2014. S. 19-41.

Identification of a group of reflexive verbs of quasi-objective causation and a hypothesis about the quasi-accusative case

Emchenko Daniil Sergeevich

Student; Faculty of Digital Innovations in Philology; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Laboratory Assistant; Department of Russian Language and Intercultural Communication; Patrice Lumumba
Peoples' Friendship University of Russia,

24 Novopeshchanaya str., Moscow, 125252, Russia

✉ emchenkods@gmail.com

Abstract. This article analyzes grammatical constructions in which the reflexive verb non-prepositionally governs word forms of nouns in the genitive case accusative case non-prepositionally traditionally, as well as word forms formally identical to the word forms of the same nouns in the accusative case non-prepositionally in modern Russian. The attitude to this phenomenon in modern language in scientific discourse is reviewed. The semantics of these grammatical constructions is revealed, on the basis of which these reflexive verbs are classified into one general group. The article examines cases of using such constructions with the formal accusative case based on the array of texts from the National Corpus of the Russian Language, as well as the use of such constructions in the written speech of Russian-speaking authors of fiction and ordinary Internet users. An analysis of such grammatical constructions is carried out in relation to the type of declension, the category of morphological animation/inanimateness, morphological gender, hardness/softness of the stem of nouns used with the reflexive verbs under consideration without prepositions formally in accusative case. The methodological prerequisites for this work are the works of V.B. Krys'ko, V.A. Itskovich, A.A. Letuchy. The semantic role of such grammatical structures is defined. Such use of noun word forms identical to accusative word forms with reflexive verbs without propositions is compared with the use of direct objects with non-reflexive verbs. Based on the conducted analysis, two possible conclusions are given about the nature of the presence of such constructions in the modern Russian language. Both of these conclusions are assessed for

their viability in the conditions of the paradigm of modern linguistics in the field of Russian language grammar. A hypothesis is put forward about the further form of use of such grammatical constructions in modern Russian in cases not identified during the research process.

Keywords: case system, quasi-object, morphology, grammar, quasi-objective causa, verb government, accusative case, reflexive verbs, quasi-accusative case, verb actants

References (transliterated)

1. Russkaya grammatika. Tom. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1980. 709 s.
2. Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi Federatsii / S. I. Bogdanov, V. B. Evtyukhin, Yu. P. Knyazev i dr. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. 634 s. EDN: VYSPBP.
3. Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika, fonologiya, udarenie, intonatsiya, slovoobrazovanie, morfologiya / red.: N. Yu. Shvedova (otv. red.) i dr. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1980. 788 s.
4. Krysko V. B. Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka. Ob'ekt i perekhodnost'. M.: Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik", 2006. 486 s. EDN: PXXTYP.
5. Itskovich V. A. Ocherki sintaksicheskoi normy. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1982. 199 s.
6. Letuchii A. B. Vozvratnost'. Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka / red.: A. V. Plungyan (otv. red.) i dr. SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. S. 268-337.
7. Nikitina E. N. O vinitel'nom padezhe pri "modal'no-emotsional'nykh" glagolakh // Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2013. № 5. S. 60-70. EDN: RSYAOL.
8. Letuchii A. B. Tipologiya labil'nykh glagolov. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 385 s. EDN: UNZVTB.
9. Shuneiko A. A. Literaturnaya norma russkogo yazyka i ego nositeli: tochki peresecheniya // Lingvokul'turologiya. 2015. № 9. S. 283-300. EDN: VHSQYD.
10. Zakharova O. S. Okkazional'noe slovoobrazovanie v sootnoshenii s normoi i uzusom // Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika. 2012. № 2. S. 33-42. EDN: OXVJPR.
11. Kiseleva A. V. Znakomstvo s ponyatiem "okkazionalizm" // Interaktivnaya nauka. 2023. № 9 (85). S. 76-78. DOI: 10.21661/r-561147. EDN: FLZTVG.
12. Zaliznyak A. A. "Russkoe imennoe slovoizmenenie" s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 752 s. EDN: ZNBSEX.
13. Makovskii M. M. Indoevropeiskii koren': forma i znachenie // Voprosy yazykoznaniya. 2002. № 3. S. 120-125.
14. Savva K. M., Korotun A. V. Vzaimodeistvie s roditelyami detei, otdykhayushchikh v detskom ozdorovitel'nom lagere, kak napravlenie professional'noi deyatel'nosti vozhatykh // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2025. T. 10. Vyp. 5. S. 702-712. DOI: 10.30853/ped20250084. EDN: RWONGY.

Transboundary Nature of Media in the Middle East: "Authentic" and "Divergent" Models

Postgraduate student; Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034 Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment.D.7/9

✉ anna2206korotaeva@gmail.com

Nikonov Sergey Borisovich

Doctor of Politics

Professor; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru

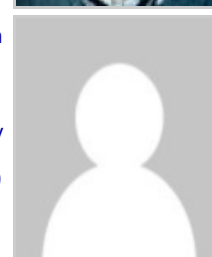
Labush Nikolai Sergeevich

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

Gurushkin Pavel Yurievich

PhD in Politics

Associate Professor; Department of Mass Communications Management at St. Petersburg State University, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

Abstract. The article is dedicated to a comprehensive analysis of modern trends in the development of the Middle Eastern media space. The subject of this research is the media systems of the Middle East, which are in a state of transformation and configurational revision. The aim of the scientific work is to identify the main principles of the formation of media systems in the region. The article pays special attention to the discussion of a new research paradigm that could serve as an alternative to the Eurocentric (classical) approach. Within the proposed framework, the process of establishing media systems in the Middle East is examined through the lens of transnational factors: the history of the region, Islam, religious denominations, tribal ties, and other non-state actors. This reflects the specificity of the region—spatial and temporal characteristics often prevail over state borders and national politics. A core factor in the formation of transnational media systems in the Middle East is religious stratification—a conflict of ideational and value paradigms that surfaces in the informational sphere. The methods employed in the research include content analysis of normative documents, data systematization, and a historical research method. Based on the results obtained, an analysis of the media space in the Middle East at the transnational level allows, firstly, to identify a predisposition toward its ideational and value polarization; and secondly, to distinguish between two main groups of media systems—the "authentic" and "divergent" (the media block of the "resistance" movement). The "authentic" system includes Sunni pan-Arab media resources (the Qatari channel Al Jazeera and the Saudi holding MBC Group). The "divergent" system (alternatively, "muqawama") comprises media characterized by a Shiite political-religious discourse: the dissemination of Islamic values, support for the "oppressed" (primarily religious minorities), and the struggle against colonialism, imperialism, and westernization. The authors noted that the boundaries of media systems are not static,

as they are not confined by geography, the frameworks of organizations and alliances, ethnic groups, and language. The conclusions drawn can be further applied in studies on media comparativism.

Keywords: Shiism, religious media, Islamic Republic of Iran, Arab world, Middle East, media, media communications, journalism, transnational media system, Islam

References (transliterated)

1. Hardy J. Comparing Media Systems. In: Esser F., Hanitzsch T. (eds.) Handbook of Comparative Communication Research. London: Routledge, 2012. pp. 185-206.
2. McQuail D. Mass communication theory. London: Sage Publications Ltd, 2020. 221 p.
3. Bodrunova S.S. Mediakratiya: SMI i vlast' v sovremennykh demokraticeskikh obshchestvakh : avtoreferat dis. ... doktora politicheskikh nauk : 10.01.10 / Bodrunova Svetlana Sergeevna ; [Mesto zashchity: S.-Peterb. gos. un-t]. – Sankt-Peterburg, 2015. – 47 s. EDN: ZPWOTJ
4. Vartanova E. L. Mediasistema v natsional'nom kontekste: v prodolzhenie akademicheskoi diskussii (na primere mediasistem stran BRIKS). Medi@l'manakh, 2020. № 4 (99). S. 8-15. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2020.815 EDN: KLQLGB
5. Shilina M. G. Tendentsii razvitiya sovremennykh mediasistem i aktual'nye kontsetsii teorii SMK // Vestn. Mosk. un-ta. Seriya Kh: Zhurnalistika, 2010. № 1. S. 6-21.
6. Evdokimov V. A. Mediasistema kak edinstvo neodnorodnykh elementov // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya, 2022. № 4. S. 4-46. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.5 EDN: EUPYBO
7. Gavra D. P., Naumenko K. A. Kontsept "mediasistema" v sovremennoi teorii massovykh kommunikatsii // Mediaskop, 2020. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.mediascope.ru/2611> DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.5 EDN: LWNQAK
8. Kraidy Marwan M. (University of Pennsylvania). The Rise of Transnational Media System: Implications of Pan-Arab Media for Comparative Research / Ibid. P. 177.
9. Paolo Manchini: "V Rossii net traditsii zhurnalistskogo professionalizma". 25.03.2005. Internet Archive. Rezhim dostupa: <https://web.archive.org/web/20181209123732/https://www.media-online.ru/index.php3?id=8626>
10. Asifovich A. Mozhno li schitat' Blizhnii Vostok regionom? // East East. Rezhim dostupa: <https://easteast.world/ru/posts/288>
11. Akhmadullin V. V. Analiz interpretatsii termina "Blizhnii Vostok" zapadnymi avtorami. Vlast', 2014. № 4. S. 126-130.
12. Arab Media Systems / ed. by C. Richter, C. Kozman. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2021. Available at: <https://doi.org/10.11647/OBP.0238>
13. Institut für den Nahen und Mittleren Osten. Arabic Talkshows. Available at: <https://www.naher-osten.uni-muenchen.de/forschung/massenmedien/archiv-arabic-talkshows/about-al-mayadeen.pdf> EDN: SCKVKX

Mythopoetics of the hero's image in the novels of A. A. Astvatsaturov.

Postgraduate student; Department of Linguistics and Literary Studies; Magnitogorsk State Technical University
named after G. I. Nosov

38 Lenin ave., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russia,

✉ xvbirow@gmail.com

Rudakova Svetlana Viktorovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

Abstract. The article explores the mythopoetics of the novels by Andrei Alekseevich Astvatsaturov ("Skunksamera," "Autumn in Pockets") as a vivid manifestation of the transformation of mythological structures in contemporary artistic practices. The aim of this work is to identify the characteristics of the rethinking and integration of ancient mythologems into the modern Russian novel, examining how the ancient myths of Sisyphus and Odysseus, stripped of traditional heroic pathos, acquire new philosophical and existential meanings through the author's ironic and humorous distancing. The subject of analysis in this study is the hero of A. A. Astvatsaturov's novels, who exists on the border between reality and myth, where the latter serves not only as a symbolic mastery of the world but also as a catalyst for philosophical reflections on the present. One of the important tasks of the research is to ascertain how humor, irony, and literary play shape a new mythopoetics. The methodological framework of the study is a synthesis of the mythopoetic approach, descriptive analysis, and text generalization methods. The comprehensive application of these methods allows for not only the study of mythological images and motifs but also a deep dive into the underlying layers of the text, revealing the hidden meanings of Astvatsaturov's works. The scientific novelty of this work consists in the comprehensive examination of the interaction between mythological archetypes and postmodern and metamodern aesthetics through the lens of literary irony, which allows for the identification of new meanings and functions of myth in contemporary Russian prose. The results of the analysis demonstrate that in Astvatsaturov's texts, myth becomes not only an instrument of artistic play but also a catalyst for philosophical reflection regarding everyday life, identity crisis, and the search for meaning in a changing cultural paradigm. The conclusions drawn expand the understanding of mythopoetic processes in contemporary literature and can be applied in further analysis of artistic texts where the mythological principle combines with elements of irony, intertextuality, and metamodern sensitivity. Thus, the article emphasizes the significance of studying mythopoetics as a multidisciplinary tool for understanding new cultural and anthropological trends, confirming that the artistic mastery of myth in the works of A. A. Astvatsaturov opens up opportunities for multilayered interpretation of literary text within the context of contemporary Russian and global literature.

Keywords: Sisyphus, Ulysses, myth, novel, irony, postmodernism, A. Astvatsaturov, Mythopoetics, Skunksamera, Autumn in your pockets

References (transliterated)

1. Anikin D. A. Istoricheskii mif kak predmet "memory studies": v poiskakh metodologii issledovaniya // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya". 2018. № 6(70).

- S. 6-8.
2. Astvatsaturov A. Osen' v karmanakh: roman v rasskazakh. M.: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2015. 287 s.
 3. Astvatsaturov A. A. Skunskamera: roman. M.: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2021. 252 s.
 4. Bart R. Mifologiya / Per. s fr., vstup. st. i komm. S. N. Zenkina. Moskva: Akademicheskii prospekt, 2008. 353 s.
 5. Belogortsev A. D. Avtofikshn, ili Psevdoavtobiografiya: osobennosti zhanra v sovremennoi russkoi literature // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2023. № 3. S. 23-33. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-23-33 EDN: AAUVMA.
 6. Brodskii I. Maloe sobranie sochinenii. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 880 s.
 7. Vershina V. A., Mikhailyuk A. V. Mif v sovremennoi kul'ture // Gileya: nauchnyi vestnik. 2015. № 95. S. 234-238. EDN: TTGZKZ.
 8. Voevodina L. N. Mifotvorchestvo kak fenomen sovremennoi kul'tury: diss. ... d-ra filosof. n. Moskva, 2022. 282 s.
 9. Galanina E. V. Mif kak real'nost' i real'nost' kak mif: mifologicheskie osnovaniya sovremennoi kul'tury: monografiya. M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya, 2013. 130 s. EDN: UEPKQT.
 10. Gomer. Odisseya / Per. V. A. Zhukovskogo // Zhukovskii V. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. / Redkol. I. A. Aizikova, N. Zh. Vetsheva, E. M. Zhilyakova i dr. M.: Yaz. rus. kul'tury, 1999-... T. 6. Perevody iz Gomera. "Iliada". "Odisseya" / Sost. i red. O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich. 2010. S. 25-347.
 11. Kamyu A. Mif o Sizife. Esse ob absurde // Kamyu A. Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo. M.: Politizdat, 1990. S. 90-92.
 12. Kovalev B. V., Zhukov A. P. Chelovek otchuzhdennyi v romanakh A. A. Astvatsaturova "Ne kormite i ne trogaite pelikanov" i Kh.K. Onetti "Korotkaya zhizn'" // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 27, № 3. S. 183-193. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-3-183-193. EDN: WPDKHG.
 13. Kempbell Dzh. Tysyacheliki geroi. S-Pb.: Piter, 2018. 308 s.
 14. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie / Per., vstup. st., primech. A.B. Ostrovskogo. M.: Terra-Knizhnyi klub: Respublika, 1999. 384 s.
 15. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. T. 4. Chelovek golyi. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2007. 784 s.
 16. Luman N. Ponyatie obshchestva // Problemy teoreticheskoi sotsiologii. SPb., 1994. S. 25-42.
 17. Meletinskii E. Poetika mifa. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. 480 s.
 18. Mify narodov mira: Entsiklopediya: v 2 t. / Gl. red. S. A. Tokarev. T. II. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1992. 719 s.
 19. Musatova T. O. Yazykovaya igra na grammaticheskom urovne v khudozhestvennykh tekstakh Andrey A. Astvatsaturova // Molodoi uchenyi. 2022. № 19(414). S. 486-488. EDN: HFXHLV.
 20. Musatova T. O., Panteleev A. F. Kalambur kak osobennost' postmodernistskogo teksta (na primere tvorchestva A. Astvatsaturova) // Libri Magistri. 2023. № 3(25). S. 151-159. EDN: GIWMKS.
 21. Nasr M.T. Literaturnyi geroi v sovremennom rossiiskom intellektual'nom romane XXI

- veka // Litera. 2022. № 1. S. 78-90. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.1.37224 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37224
22. Naumova L. N. Funktsii vnutrennikh dialogov v sovremennoi Otechestvennoi literature na materiale proizvedenii V. Pelevina, M. Elizarova i A. Astvatsaturova // Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. 2020. № 14. S. 611-615. EDN: PWVWQS.
 23. Panteleev A. F., Musatova T. O. Yazykovaya igra v khudozhestvennoi proze A. Astvatsaturova: leksicheskii i slovoobrazovatel'nyi urovni // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2023. T. 98, № 3. S. 127-134. DOI 10.18522/2070-1403-2023-97-2-127-134. EDN: QURVTP.
 24. Pilyugina E. V. Mify, mifologemy i ideologiya kak instrumenty vliyaniya na sotsial'nuyu deistvitel'nost' v usloviyakh informatsionnoi voiny // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2015. № 6. S. 166-182. EDN: VJFQBR.
 25. Propp V. Ya. Morfologiya volshebnoi skazki. M.: Labirint, 2001. 192 s.
 26. Ryazanova S. V. Rol' teorii arkhetyпов v analize mifa // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2012. № 3. S. 12-16. EDN: PLBHDH.
 27. Rudakova S. V., Zhavnerovich M. S. Mifologicheskaya kommunikatsiya v rannem tvorchestve Viktora Pelevina // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2023. T. 13. № 7-1. DOI: 10.34670/AR.2023.67.79.004 EDN: HVRTDY.
 28. Samuels E. Yung i post'yungianty. Kurs yungianskogo psikhoanaliza. M.: CheRO, 1997. 443 s.
 29. Serkina M. A., Podkoval'nikova A. S. Aspekty psikhologizma v psevdobiograficheskoi proze Andrey A. // Donetskie chteniya 2024: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Donetsk, 15-17 oktyabrya 2024 goda. Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet, 2024. S. 260-263. EDN: GBLVZT.
 30. Sokolova P. V. "Malen'kii" geroi prozy Astvatsaturova // Khudozhestvennyi tekst glazami molodykh: Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Yaroslavl', 26 oktyabrya 2019 goda / Sost. M. G. Ponomareva, E. A. Fedorova. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K. D. Ushinskogo, 2020. S. 268-272.
 31. Stavitskii A. V. Rol' mifa v sovremennom obshchestve // Tsennosti i smysly. 2019. № 3(61). S. 47-60. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10068. EDN: ALFMKJ.
 32. Khabirov K. A. Mifopoetika v videopoezii // Libri Magistri. 2022. № 4(22). S. 139-149. DOI 10.52172/2587-6945_2022_22_4_139 EDN: XVXROF.
 33. Chubukova E. I. Mifologicheskaya kontseptsiya kommunikatsii R. Barta / E. I. Chubukova // Sbornik v chest' 90-letiya professora M. I. Shakhnovicha. Vyp. 8. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikatsii-r-barta> (20.05.2025).
 34. Shemyakina E. M. Mifologicheskie modeli v sovremennoi kul'ture delovykh kommunikatsii // Massovye kommunikatsii na sovremennom etape razvitiya mirovoi tsivilizatsii. M.: Gumanitarno-sotsial'nyi institut, 2015. S. 250-254. EDN: VCBILV.
 35. Yung K. G. Arkhetipy kollektivnogo bessoznatel'nogo. M.: Ast, 2023. 224 s.
 36. Armstrong K. A Short History of Myth. Edinburgh – London – New York – Melbourne: Canongate, 2005. 64 p.
 37. Bhabha H. K. The Location of Culture. London and New York: Routledge, 1994. 295 p.
 38. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 154 p.

39. Frye N. *Anatomy of Criticism*. With a Foreword by Harold Bloom. Princeton University Press, 1957. 400 p.
40. Hayles N. K. *Electronic Literature*. New Horizons for the Literary. University of Notre Dame Press, 2008. 223 p.
41. Marcucci G. Smells, Things, Sounds: Signs of the Past in the Works by A. Astvatsaturov // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 11, No. 3. P. 374-384. DOI 10.17516/1997-1370-0233. EDN: YWSDJQ.
42. Ryan, Marie-Laure. *Narrative as Virtual Reality: immersion and interactivity in literature and electronic media*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 399 p.
43. Sandner D. M. *Fantastic Literature: A Critical Reader*. Bloomsbury Publishing, 2004. 376 p.
44. Warner M. *From the Beast to the Blonde: On Fairy Tales and Their Tellers*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1995. 518 p.

Media strategies for recognizing and protecting against distorted news (fake news) in the Russian Internet

Muhamadullin Salavat Railevich

Head of the Visual Information Laboratory, KFU

420111, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Vakhitovsky district, Professora Nuzhina str., zd 1/37

✉ SRMukhamadullin@kpfu.ru

Akimov Andrey Anatolevich

Assistant Professor; Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications; Kazan (Volga Region) Federal University

420111, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Vakhitovsky district, Professora Nuzhina str., zd 1/37

✉ akimov.andrey17@mail.ru

Abstract. The article proposes an approach to identifying signs of fake information and counteracting it within the framework of the information policy of higher educational institutions. An analysis of information cases with signs of disinformation showed that the disseminated fakes have significant risk factors for the state. False information is aimed at destabilizing the socio-political situation and forming a negative image of the country's leadership among citizens. At the same time, targeting the mass audience, fakes aim to change moral attitudes, increase anxiety, and create negative narratives about the socio-political order. The goal of this study is to determine modern individual strategies for self-defense against fake information. The object of the study is the information field of the Russian Federation. The subject of the study is fake information. The scientific article examines the global dynamics of fake information dissemination, the technologies used to create unreliable content, and strategies for countering distorted information. Content analysis of unreliable publications, a literature review on the topic, and an online survey of youth to identify the level of competencies in countering disinformation were used as research methods. The main conclusions of the scientific research include the active development of technologies that complicate the determination of the credibility of information. Artificial intelligence is often used to create fake information, making it difficult to distinguish from

credible content at a glance. Additionally, fakes often utilize links to non-existent sources or quotes from pseudo-experts. Manipulative techniques and the lack of prompt action from government structures and interested companies allow fakes to exert a greater impact. An example of such influence is the case discussed in the article concerning Kazan Federal University. A significant contribution to the study of the topic is the conducted survey, which revealed important directions for reducing the impact of fakes, including the demand for an official channel with reliable information and the state's position, which can be one of the elements of the e-government system. Based on the conducted research, rules for protection against disinformation were formulated. The main theses include the principle of promptness, the principle of the information bubble, a critical approach to information, attention to manipulation markers, information hygiene, and verification of information through official resources.

Keywords: e-government, legislation, information manipulation, media literacy, reliability, fact checking, disinformation, fakes, information policy, self-defense strategy

References (transliterated)

1. Borkhsenius A. V. Dezinformatsiya kak tekhnologiya informatsionno-psikhologicheskikh voyn. Feik i antifeik // Voprosy politologii. 2022. № 2 (22). S. 226-233.
2. Bor'ba s dezinformatsiei // Organizatsiya Ob"edinennykh natsii [The United Nations Organization]. – URL: <https://www.un.org/ru/countering-disinformation> (data obrashcheniya: 24.04.2025).
3. Zlonamerennoe ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta i vyzovy informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti v stranakh BRIKS: Koordinator issledovatel'skogo proekta: E. N. Pashentsev. Izdanie Mezhdunarodnogo tsentra sotsial'no-politicheskikh issledovaniy i konsaltinga pri podderzhke Mezhdunarodnoi gruppy po issledovaniyu ugroz mezhdunarodnoi informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti posredstvom zlonamerennogo ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta (Research MUIAI). – Moskva: OOO "SAM Poligrafist", 2024. 148 s.
4. Ivanishcheva O. N. Feiki kak raznovidnost' sotsial'noi informatsii // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2020. № 1 (35). S. 63-73. DOI: 10.34130/2233-1277-2020-1-63-73 EDN: NQFLFZ.
5. Issledovanie po rasprostraneniyu feikovoi informatsii // Spetsial'naya versiya, podgotovlennaya k forumu "Dialog o feikakh", 22.11.2023. 2023. 26 s. – URL: <https://fakes.dialog.info/static/files/%D0%98%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%202023.pdf> (data obrashcheniya: 24.04.2025).
6. Novopavlovskaya E. E. Realizatsiya konstitutsionnogo prava na svobodnoe rasprostranenie informatsii v kontekste bor'by s feikami // Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii. 2022. № 3. S. 19-26. DOI: 10.33874/2072-9936-2022-0-3-19-26 EDN: FZDGAD.
7. Sternin I. A., Shesterina A. M. Markery feika v mediatekstakh: Rabochie materialy. Voronezh: OOO "RITM", 2020.
8. Feik-n'yus – i kak s nimi borot'sya? // VTsIOM Novosti. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja?ysclid=lxliyv36mu200748153> (data obrashcheniya: 24.04.2025).
9. Tsifrovoy detoks – 2023: o pol'zovanii internetom i otdykhe ot nego // VTsIOM Novosti. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o->

- polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego?ysclid=lxoq78och8852219454 (data obrashcheniya: 24.04.2025).
10. Giglietto F., Iannelli L., Valeriani A., Rossi L. "Fake news" is the invention of a liar: How false information circulates within the hybrid news system // *Current Sociology*. 2019. Vol. 67. No. 4. P. 625-642.
 11. Pennycook G., Rand D. G. Fighting misinformation on social media using crowdsourced judgments of news source quality // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3118471 (data obrashcheniya: 24.04.2025).
 12. Xu Yi., Zhou D., Wang W. Being my own gatekeeper, how I tell the fake and the real: Fake news perception between typologies and sources // *Information Processing & Management*. 2023. Vol. 60. No. 2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368885489_Being_my_own_gatekeeper_how_I_tell_the_fake_and_the_real_-_Fake_news_perception_between_typologies_and_sources (data obrashcheniya: 24.04.2025). DOI: 10.1016/j.ipm.2022.103228 EDN: SSOERF.
 13. Lyakhov V. P., Fadeeva N. V., Smityuk A. S. Problema vliyaniya feikovykh novostei na molodoe pokolenie sovremennoi Rossii // *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2023. Tom 12. № 11A. S. 9-20. DOI: 10.34670/AR.2024.56.42.002 EDN: ARRJFQ.
 14. Shumov P. V., Vedeneeva P. I. Problemy rasprostraneniya "feikov": identifikatsiya informatsii, pravovoi aspekt // *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2023. № 8. – URL: https://online-science.ru/userfiles/file/shumov_p_v_,_vedeneeva_p_i___problemy_raspostraneniya_feikov_identifikatsiya_informatsii,_pravovoj_aspekt_3kmfkdwbm0.pdf (data obrashcheniya: 24.04.2025).
 15. Segal N. A., Mishchenko A. N., Uvarova I. V. Novye slova i znacheniya v russkom yazyke XXI veka (na primere yazykovoi edinitsey "feik") // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2022. T. 19. № 3. S. 35. DOI: 10.14529/ling220305 EDN: CKRZRS.
 16. Patyukova R. V., Olomskaya N. N., Nikolaeva Yu. E. Mekhanizmy sozdaniya feikovoi novosti kak sovremennoi tekhnologii vzaimodeistviya s obshchestvennost'yu // *Vestnik VUit*. 2022. № 2 (38). S. 237-246. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_237 EDN: OQGSFZ.
 17. Urusova N. A. The Global Phenomenon of Fake News: Online Disinformation During Crisis // *Communications. Media. Design*. 2023. No. 8(4), P. 18-31. EDN: YMRNWR.
 18. Kim B., Xiong A., Lee D., Han K. A systematic review on fake news research through the lens of news creation and consumption: Research efforts, challenges, and future directions // *PLoS One*. 2021. Vol. 16. No. 12. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8659320/> (data obrashcheniya: 24.04.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0260080 EDN: ZJNBCK.
 19. E.Almandouh M., Alrahmawy M.F., Eisa, M. Ensemble based high performance deep learning models for fake news detection // *Scientific Reports*. 2024. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-024-76286-0> (data obrashcheniya: 24.04.2025).
 20. Jarrahi A., Safari L. Evaluating the effectiveness of publishers' features in fake news detection on social media // *Multimedia Tools*. 2023. Vol. 82. P. 2913-2939. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11042-022-12668-8> (data obrashcheniya: 24.04.2025). DOI: 10.1007/s11042-022-12668-8 EDN: VUHUTI.

Hollywood Scripts: Do American Films About Africa Influence International Perception of the Continent? (A Case Study on the Impact of the Animated Film "Madagascar" on the Image of the Republic of Madagascar)

Mosa Petere Bernard

Postgraduate student; Department of Mass Communications; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Obruchevsky district, Mklukho-Maklaya str., 13

✉ bernardmosa1@gmail.com

Abstract. The subject of this study is the mechanisms of cultural influence exerted by Hollywood films, particularly the animated film Madagascar, on the perception of the specificity and national identity of the Republic of Madagascar. The object of the study is the international image of Madagascar, formed under the influence of mass culture, especially Hollywood films. These films, widely distributed worldwide, often transmit simplified and stereotypical representations, significantly affecting public opinion and international perception. The aim of this research is to provide a comprehensive evaluation of the role of Hollywood films in shaping Madagascar's international image. The study examines both positive aspects, such as increasing global awareness of the country, and negative consequences, including reinforcing cultural stereotypes. Special attention is paid to how mass culture, embodied in the animated film Madagascar, shapes perceptions of the country abroad. The methodology includes content analysis of media materials (such as film reviews), sociological surveys conducted among a representative and culturally diverse international sample, and organization of focus groups to deeply study perceptions. The surveys aimed to identify key stereotypes, while focus groups provided detailed insights. The main findings show that the film substantially increased Madagascar's recognition but also contributed to reinforcing stereotypical, oversimplified images that distort the country's complex cultural characteristics. The author's contribution lies in identifying mechanisms of mass culture influence on international perceptions, establishing connections between media products and national image, and developing approaches for more accurate representation. The novelty of the study is in the interdisciplinary approach to analyzing mass culture and country perception amid globalizations. The research highlights the need for cooperation between filmmakers and government bodies to create accurate images that minimize the negative impact of stereotypes. Practical significance includes developing cultural policy and national branding strategies aimed at forming a balanced image of the country internationally.

Keywords: stereotypes, international perception, film influence, animated film, Madagascar, cultural perception, Africa, American cinema, Hollywood films, branding

References (transliterated)

1. Vladislav T. Otzyv: Dokumental'nyi fil'm "Madagaskar: Samyi zagadochnyi ostrov. Interesnye fakty pro Madagaskar" [Elektronnyi resurs] // otzovik.com. URL: https://otzovik.com/review_14730044.html#comments (data obrashcheniya: 22.03.2025).
2. Faktov 28, dokazyvayushchikh, chto Madagaskar - eto ni na chto ne pokhozhii mir [Elektronnyi resurs] // 1GAI.ru. 2021. URL: <https://1gai.ru/blog/live/527215-28-faktov-dokazyvajushchikh-chto-madagaskar-jeto-ni-na-chto-ne-pohozhii-mir.html> (data

obrashcheniya: 05.04.2025).

3. Experts & Insiders. Madagascar: The Truth Behind The Movie [Elektronnyi resurs] // Kensington Tours Ltd., 2020. URL: <https://www.kensingtontours.com/stories/experts-and-insiders/madagascar-the-truth-behind-the-movie> (data obrashcheniya: 15.03.2025).
4. Malagasy Culture [Elektronnyi resurs] // Safari Insights. JEANMAN AFRICAN SAFARIS, 2023. URL: <https://jenmansafaris.com/interesting-things-malagasy-culture/> (data obrashcheniya: 12.04.2025).
5. Vinney C. Things Only Adults Notice In The Madagascar Film Franchise [Elektronnyi resurs] // LOOPER, 2021. URL: <https://www.looper.com/440195/things-only-adults-notice-in-the-madagascar-film-franchise/> (data obrashcheniya: 21.04.2025).
6. Maxwell M. Fiction vs. Reality: How the Media Misrepresents Madagascar [Elektronnyi resurs] // The Borgen Project, 2018. URL: <https://borgenproject.org/fiction-vs-reality-how-the-media-misrepresents-madagascar/> (data obrashcheniya: 05.05.2025).
7. Experts Answer: Film and Public Diplomacy [Elektronnyi resurs] // USC Center on Public Diplomacy, 2023. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/pdin_monitor_article/experts-answer-film-and-public-diplomacy (data obrashcheniya: 18.05.2025).
8. Swank A. A familiar narrative about Madagascar [Elektronnyi resurs] // Africa Is a Country, 2010. URL: <https://africasacountry.com/2010/10/africa-on-film-madagascar/> (data obrashcheniya: 29.05.2025).
9. Ro Uluinavucu V. Authenticity at the heart of Indigenous filmmaking [Elektronnyi resurs] // The Australia Today, 2023. URL: <https://www.theaustraliatoday.com.au/authenticity-at-the-heart-of-indigenous-filmmaking/> (data obrashcheniya: 15.06.2025).
10. Hereniko V. Authenticity in Cinema: Notes from the Pacific Islands [Elektronnyi resurs] // Journal de la Société des Océanistes, 2019. S. 65-72. URL: <https://journals.openedition.org/jso/10633> (data obrashcheniya: 27.06.2025).

A short video on Russian platforms: the transformation of television content on VK Video, Yandex Video, and RuTube

Kislyak Aleksandr Alekseevich

Graduate student; Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ sasha0000@list.ru

Abstract. In the context of visual shift and the growth of mobile media consumption, short videos are becoming the most important format for the distribution of television and news content. Of particular interest is the analysis of the mechanisms for adapting television stories to the clip-based logic of digital platforms. Previously, television newsrooms operated within the logic of linear broadcasting. Today, they are compelled to consider the demands of platforms featuring vertical video and short duration (VK Video, Yandex Video, and RuTube). This research is dedicated to exploring how short videos shape new models of presentation and audience engagement on these Russian platforms. The focus is on the transition from full-format stories to fragmented, visually rich, and emotionally accentuated information delivery. Typical techniques of clip adaptation are examined: content compression, editing based on "hooks," subtitling, and headline work. The main goal is to identify how algorithms and the

visual logic of short formats impact television newsrooms and content promotion strategies. The research methodology is based on content analysis of 30 short video posts published from April to May 2025 on VK Video, Yandex Video, and RuTube platforms. The analysis was conducted according to genre-structural criteria, visual styles, and types of emotional delivery. Engagement metrics were processed: reach, average watch duration, and user reactions. The scientific novelty of the article lies in the systematization of platform formats for short videos as a tool for transforming television content on Russian digital platforms. A unified comparative analysis of domestic platforms – VK Video, Yandex Video, and RuTube – was conducted in terms of the specifics of their algorithmic logic and visual demands for clip videos. The concept of "clip adaptation of the story" was clarified, and its main types were identified: from slicing "key frames" to emotional micro-stories. A generalized efficiency metric – "reactions per 1000 views" – was introduced as a tool for comparing audience responses across different platforms. It was concluded that short videos serve not only a promotional function but also become an independent media format that requires new editorial competencies and audience engagement strategies. The findings are important for understanding the new model of multimedia production in the era of platform distribution.

Keywords: clip-based media production, digital platforms, video journalism, visual adaptation, algorithmic logic, TV segment, Yandex Video, RuTube, VK Video, short videos

References (transliterated)

1. Baranova E. A. Konvergentnaya zhurnalistika. Teoriya i praktika. Moskva: Izd. Yurait, 2025. 157 s.
2. Bragin A. P. Trend sovremennogo internet-marketinga v sotsial'nykh setyakh: korotkie videoroliki. 2023. S. 36-42.
3. Butenko E. I. Zarubezhnyi opyt razvitiya marketingovykh kommunikatsii na osnove videomarketinga. 2023. S. 16-25.
4. Butenko E. I. K voprosu o razvitii marketingovykh kommunikatsii na osnove videomarketinga. 2023. S. 51-58.
5. Butenko E. I. Kontseptual'nyi podkhod k razvitiyu marketingovykh kommunikatsii na osnove videomarketinga. 2022. S. 290-298.
6. Van'zhu Din. Korotkie video kak novoe napravlenie marketingovykh issledovaniy. 2024. S. 67-72.
7. Gatov V. Postjournalist. Zhurnalistika posle tsifrovogo perekhoda. Moskva: Izdatel'skie resheniya, 2024. 170 s.
8. Doktor P. Yu. Innovatsii v sfere videomarketinga: iskusstvennyi intellekt v sozdanii video na YouTube Shorts. 2023. S. 3431-3440.
9. Zinenko A. A. Korotkie video s otryvkami fil'mov kak novatorskaya strategiya reklamnogo prodvizheniya. 2024. S. 2277-2287.
10. Zorina M. V. Vertikal'nye video kak fenomen sovremennosti v sfere SMM i reklamy. 2024. S. 71-74.
11. Kiriya I. Chto takoe mul'timedia? V kn.: Kachkaeva A. G. (red.) Zhurnalistika i konvergentsiya. Moskva, 2023. S. 18-26.
12. Lukina M. M., Fomicheva I. D. SMI v prostranstve Interneta. Moskva: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2018. S. 75-84.
13. Malinin I. I. Fenomen korotkikh video v internete: prichiny populyarnosti, tendentsii v proizvodstve i sposoby ispol'zovaniya dlya prodvizheniya. 2025. S. 191-209.

14. Oleshko E. V. Konvergentnaya zhurnalistika: Professional'naya kul'tura sub"ektov informatsionnoi deyatel'nosti. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 256 s. EDN: VGAFPR
15. Piterova A. V. Vozmozhnosti primeneniya instrumenta korotkikh videorolikov v strategii kontent-marketinga. 2024. S. 41-44.

Features of media topics of China-India humanitarian cooperation in the leading media

Zhang Zixi

Postgraduate student, Department of Theory and History of Journalism; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ spirytus1@outlook.com

Abstract. The object of research is the materials of the world's leading and regional media that cover the topics of China-India humanitarian cooperation. The subject of the research is the analysis of topics, approaches and methods that are used in media representations of humanitarian cooperation between the two countries. This includes studying exactly which aspects of cooperation (culture, education, science, etc.) are highlighted in the media, how this information is presented, and what are the main trends in media interpretation of these relations. The author studies how the leading media cover the topics of humanitarian cooperation between China and India, which is important not only from the point of view of theoretical research, but also from a practical point of view, since it allows for a deeper understanding of the processes of forming public images of the two countries in the international arena. The research methodology is determined by the set goal and is complex in nature: general scientific methods of analysis and synthesis, the method of socio-cultural analysis were used, as well as a literature review, theoretical analysis and practical research using specific examples from the media. The author's special contribution to the research is to identify key media topics related to China-India humanitarian cooperation and to understand how these topics shape the images of countries in the international context. The main conclusion of the study is that the Chinese media focuses on positive coverage of humanitarian cooperation, focusing on successful projects and their importance for bilateral relations, while the Indian media, despite recognizing the benefits of China-India projects, is more cautious and critical of such initiatives, especially in the context of possible political and economic ones. This reflects India's desire to maintain strategic independence while actively cooperating with China on humanitarian projects.

Keywords: international humanitarian cooperation, international relations, international media, humanitarian cooperation, China and India, media topics, Indian media, Chinese media, China-India humanitarian cooperation, China-India cooperation

References (transliterated)

1. Umirzakov S.Y., Krengauz I.N., Aubakirova A.A. Vliyanie ekonomicheskoi identichnosti na integratsionnye protsessy v Tsentral'noi Azii: vyzovy i perspektivy // Central Asian Economic Review. – 2024. – № 4 (157). – S. 172-185.
2. Vlasov B. E., Petrova O. V. Teoretiko-tekhnologicheskie aspekty podgotovki, prinyatiya i organizatsii ispolneniya upravlencheskikh reshenii v organakh vnutrennikh del //

- Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (40). – S. 147-154.
3. Van Ts. Protivostoyanie Indii i Kitaya v Donglange v 2017 godu v otryazhenii indiiskikh i kitaiskikh SMI // Vek Informatsii. – 2024. – T. 47, № 1 (22). – S. 103-133.
 4. Batra R. Indo-kitaiskoe sotrudnichestvo: novye perspektivy // Zhurnal mezhdunarodnykh otnoshenii. – 2020. – T. 12, № 3. – S. 45-67.
 5. Ivanova N. A. Teoriya i praktika gumanitarnoi diplomatii: otechestvennyi i mezhdunarodnyi opyt. – M.: Nauchnaya kniga, 2019. – 320 s.
 6. Karpov A. S. Kul'turnaya diplomatiya Kitaya i Indii v 21 veke: perspektivy razvitiya // Vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy. – 2021. – T. 45, № 2. – S. 101-120.
 7. Li Ts. A. Rol' mediapredstavlenii v dvustoronnykh otnosheniyakh Kitaya i Indii // Mezhdunarodnaya politika i SMI. – Pekin: Izd-vo Pekinskogo universiteta, 2020. – 154 s.
 8. Pavlova I. V. Vliyaniye kitaisko-indiiskogo sotrudnichestva na mediinoe vospriyatie v Azii. – Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2018. – 286 s.
 9. Khan R. Indiiskaya vneshnyaya politika v kontekste gumanitarnogo sotrudnichestva s Kitaem // Zhurnal aziatskikh issledovaniy. – N'yu-Deli: Izd-vo Indiiskogo instituta, 2023. – T. 7, № 4. – S. 35-50.
 10. Chzhan S. M. Kitaiskaya myagkaya sila i gumanitarnye initsiativy v stranakh Yuzhnoi Azii // Analiz i prognozy mezhdunarodnykh otnoshenii. – Shankhai: Izd-vo Shankhaiskogo universiteta, 2021. – 201 s.
 11. Yun V. M. Mediinaya diplomatiya: teoriya i praktika. – M.: Izd-vo MGIMO, 2021. – 380 s.
 12. Kostin E. V. SMI i vneshnyaya politika: issledovaniya vliyaniya media na vospriyatie mezhdunarodnykh otnoshenii. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2020. – 250 s.
 13. Kotov D. Yu. Kitaisko-indiiskie otnosheniya v mediinom kontekste: ot protivostoyaniya k sotrudnichestvu // Aziatskaya geopolitika i ekonomika. – 2022. – T. 14, № 1. – S. 75-89.
 14. The Times of India. China-India Relations: Humanitarian Cooperation Amidst Global Challenges. – 2023. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com>
 15. Xinhua News Agency. Humanitarian Diplomacy in China-India Relations. – 2022. – URL: <https://www.xinhuanet.com>

Mechanisms of Influence of Western Media Strategies on Public Opinion in Developing Countries

Huang Yaxin

PhD in Philology

Postgraduate student; Department of Theory and History of Journalism; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Konkovo district, Mklukho-Maklaya str., 10 K. 2

✉ awesome.yaxin@yandex.ru

Abstract. The work systematizes the latest foreign studies showing that citizens of the Global South increasingly receive news primarily through digital platforms of Western media holdings, which reinforces their dependence on external information sources. The analysis of the updated concept of "smart soft power" demonstrates that strategic narrativization and cultural citation remain key tools for the influence of Western actors in the networked

environment. Authoritarian players adopt Western media tactics, intensifying competition for the agenda and altering the balance of information flows in developing countries. Negative framing of the region in global news leads to economic losses—overestimation of risks costs Africa up to £3.2 billion annually. The "CNN effect" theory remains relevant: emotional reporting accelerates the formation of public demand for external intervention, as evidenced by the Indonesian case from 2016 to 2021. Influence is more often determined by prolonged media agendas rather than isolated messages, which the Al Jazeera Institute analysis emphasizes. The established typology of mechanisms—content framing, algorithmic distribution, partner news networks, and cultural co-branding—offers practical recommendations for states and NGOs to enhance media literacy and diversify information flows. An integrative review of 67 English-language scholarly sources (2019–2025) was conducted using the PRISMA protocol. The analysis combines qualitative and quantitative methods.

The theoretical framework includes the concepts of soft power, framing, and encoding/decoding. The main findings of the research highlight four interconnected mechanisms of the influence of Western media strategies on public opinion in the Global South: content framing, algorithmic distribution, partner news networks, and cultural co-branding; establish direct economic losses of up to £3.2 billion annually for African countries due to negative framing; and confirm the relevance of the CNN effect based on the Indonesian case from 2016 to 2021. The author's special contribution to the study of the topic is the systematization of the "smart soft power" concept in relation to the digital environment and the development of a typology of long-term effects of influence. The novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the hybrid impact of editorial and algorithmic tools, as well as in formulating practical recommendations for states and NGOs to strengthen media literacy, diversify information flows, and reduce economic risks arising from distorted perceptions of developing countries.

Keywords: Soft power, Media literacy, Cultural co-branding, Algorithmic distribution, Framing, Global South, Public opinion, Western media, Media strategies, CNN-effect

References (transliterated)

1. Chung M., Wihbey J. The algorithmic knowledge gap within and between countries: Implications for combatting misinformation // HKS Misinformation Review. 2024. Vol. 5, № 4. P. 1-17. DOI 10.37016/mr-2020-155. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/the-algorithmic-knowledge-gap> (data obrashcheniya: 05.06.2025). EDN: WLQJXH
2. López-Rabadán P. Framing studies evolution in the social media era. Digital advancement and reorientation of the research agenda // Social Sciences. 2022. Vol. 11, № 1. Art. 9. P. 1-18. DOI 10.3390/socsci11010009. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0760/11/1/9> (data obrashcheniya: 05.06.2025). EDN: XIGWFP
3. Almakaty S.S. Agenda setting theory in the age of digital media: An analytical perspective // Evolutionary Studies in Imaginative Culture. 2024. Vol. 8, № 2. P. 1743-1751. URL: <https://esiculture.com/index.php/esiculture/article/view/1539> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
4. Putra B.A. The CNN effect in Indonesia: Re-arguing the relevance of communication theories in international relations // Frontiers in Communication. 2024. Vol. 9. Art. 1467727. P. 1-13. DOI 10.3389/fcomm.2024.1467727. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2024.1467727> (data

- obrashcheniya: 05.06.2025). EDN: YCAKHI
5. Zhang Y. The power of cross-cultural communication: Reception and impact of Chinese variety shows on YouTube // *Frontiers in Communication*. 2025. Vol. 10. Art. 1542139. P. 1-20. DOI 10.3389/fcomm.2025.1542139. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2025.1542139> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 6. Jin D.Y. The rise of digital platforms as a soft power apparatus in the New Korean Wave // *Global Media and China*. 2023. Vol. 8, № 3. P. 234-252. DOI 10.1177/20570473241234204. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20570473241234204> (data obrashcheniya: 05.06.2025). EDN: SNATHV
 7. Wijaya L. What's in a name? Imagined territories and sea names in the South China Sea conflict // *International Journal of Communication*. 2023. Vol. 17. P. 5645-5668. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/20157> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 8. Harcup T. The struggle for news value in the digital era // *Journalism and Media*. 2023. Vol. 4, № 3. P. 902-917. DOI 10.3390/journalmedia4030058. URL: <https://www.mdpi.com/2673-5172/4/3/58> (data obrashcheniya: 05.06.2025). EDN: QTPHDA
 9. Huszár F. et al. Algorithmic amplification of politics on Twitter // *arXiv preprint arXiv:2110.11010*. 2021. 38 p. DOI 10.48550/arXiv.2110.11010. URL: <https://arxiv.org/abs/2110.11010> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 10. Traberg C.S., Roozenbeek J., van der Linden S. Gamified inoculation reduces susceptibility to misinformation from political ingroups // *HKS Misinformation Review*. 2024. Vol. 5, № 3. P. 1-15. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/gamified-inoculation-reduces-susceptibility> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 11. Africa Practice; Africa No Filter. The cost of media stereotypes to Africa: The relationship between media, investment and economic development. October 2024. 35 p. URL: https://uploads.guim.co.uk/2024/10/16/Cost_of_Media_Stereotypes_Full_Report_Oct24.pdf (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 12. Reuters Institute for the Study of Journalism. Digital News Report 2024. Oxford, 2024. 164 p. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 13. UNESCO. Journalism is a public good: World trends in freedom of expression and media development. Global report 2021/2022. Paris, 2022. 160 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380618> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 14. Kimeu C. Negative stereotypes in international media cost Africa £3.2 bn a year - report // *The Guardian*. 17 Oct 2024. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2024/oct/17/media-stereotypes-africa> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 15. Associated Press. In global game of influence, China turns to a cheap and effective tool: fake news. 27 Oct 2024. URL: <https://apnews.com/article/3085f10d6edca36f6415d6410e5ef874> (data obrashcheniya: 05.06.2025).

Literary media memes in the modern communication space

Chertkov Aleksei Sergeevich

PhD in History

Associate Professor; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

53/2 Ostozhenka str., building 1, Moscow, 119021, Russia

 alexchertkov@list.ru

Abstract. The subject of the study is media systems formed on the basis of precedent texts that exploit the mythological construct contained in the works of classics of Russian literature. Such Internet memes have significant stability and survivability to reproduce subsequent memoimpulses based on them. Memogeneration of such units of cultural information occurs both on the basis of meme-advising technology, and based on the verbal reproduction of the winged expressions of the heroes of literary works or through microtexts with comic overtones that do not differ in artistic diversity. Thanks to the mythological basis, literary memes are gaining due popularity among Internet users. The author draws attention to the study of the phenomenon of the Internet meme in the context of the mythologization of cultural phenomena of everyday life, formed using digital technologies. Media systems become means of manipulating public consciousness, therefore, the study of the nature of memogeneration becomes one of the important tasks of researchers of the modern media environment. The methodological basis of the article is general scientific formal-logical research methods, a semiotic approach to the study of artistic microtexts, a combined diachronic-synchronous method of humanitarian cognition, a structural and functional analysis of scientific publications by Western and Russian scientists on the peculiarities of the communication process, memetics, and the practice of constructing social myth-making. The main conclusions of the study are the substantiation of the technology of myth formation as a social process that has similar features to memogeneration technologies. The author concludes that memodesign in a broad sense is one of the modern forms of mythologizing reality using the historical experience of mankind, interpreting it in order to popularize reality, ideas and symbols in forms and means accessible to the mass user. Memogeneration of such units of cultural information occurs both on the basis of meme-advising technology, and based on the verbal reproduction of the winged expressions of the heroes of literary works or through microtexts with comic overtones that do not differ in artistic diversity. Due to their mythological basis, literary memes are gaining due popularity among modern Internet users.

Keywords: creolized memes, multimodality, meme culture, microtexts, memodesign, mythodesign, a literary meme, memogeneration, communication units, mediamem

References (transliterated)

1. Dokinz R. Egoistichnyi gen / per. s angl. N. Fominoi. Moskva: AST: CORPUS, 2013. 512 s.
2. Rushkoff D. (1994) Media Virus! New York: Ballantine Books.
3. Brodie R. (1996) Virus of the mind: the new science of the meme: Seattle; Washington: Integral Press.
4. Wilkins J. S. (1998). What's in a meme? Journal of Memetics. Evolutionary Models of Information Transmission, 2 (1): 56–94.
5. Heylighen F. (1998) What makes a meme successful? Selection criteria for cultural evolution. In J. Ramaekers (Ed.), 15th International Congress on Cybernetics: 418–423.
6. Blackmore S. (1999) The Meme machine. Susan Blackmore. [With a forew. by Richard

- Dawkins]. Oxford univ. press.
7. Dennett D. (2013) *Intuition Pumps And Other Tools for Thinking*: W. W. Norton & Company.
 8. Dawkins R. (1976) *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press Inc.
 9. Shchurina Yu. V. Internet-memy kak sredstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii // *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta*. 2013. № 6. S. 34–38.
 10. Shatskaya A. D. Tekst kreolizovannykh memov kak otrazhenie emotsii // *Novye gorizonty rusistiki*. 2018. № 5. S. 42–49.
 11. Kartashova E. P., Akhmedzyanova A. R. Internet-mem kak osnovnoi vid kreolizovannogo teksta v samoprezentatsii «cheloveka tvoryashchego» // *Vestn. Mariiskogo gos. un-ta*. 2019. T. 13, № 3(35). S. 426–430.
 12. Boeva G. N. «Literaturnyi internet-mem» kak sredstvo kommunikatsii // *Sovremennyy diskurs-analiz*. 2020. № 2-2(26). S. 4–9.
 13. Ponomarev N. F. Memoristika: generatsiya i viralizatsiya memov // *E-Scio*. 2021. № 11(62). S. 94–98.
 14. Oleinik M. A., Gorbatskii A. S. Mul'timodal'nost' pretsedentnogo teksta v aspekte issledovaniya kul'turnogo prostranstva khudozhestvennogo teksta // *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gos. un-te*. 2022. Vyp. 12. S. 19–31.
 15. Soldatkina Ya. V. Mem kak yavlenie mediakul'tury: funktsii i izobrazitel'no-vyrazitel'nye sredstva // *Nauka i shkola*. 2022. № 3. S. 49–56.
 16. Dashkova S. Yu. Internet-memy v setevoi kommunikatsii (na materiale saitov s razvlekatel'nym soderzhaniem) // *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti*. 2022. T. 1. № 3. S. 130–135.
 17. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoi kul'ture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*. M.: Eksmo, 2022. 650 s.
 18. Klyukina L. A. Mifema i mifologema: praktiki ispol'zovaniya ponyatiya v sovremennoi otechestvennoi filosofii kul'tury // *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2018. №4 (33). S. 197–207.
 19. Levi-Stros K. *Strukturnaya antropologiya*. M.: Nauka, 1985. 535 s.
 20. Artamonov D. S., Frolova S. M. Internet-mem v sisteme sotsial'noi mifologii tsifrovoi epokhi // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2020. № 11(79). S. 13–17.
 21. Goulman D. *Emotsional'nyi intellekt v rabote*. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2023. 576 s.
 22. Rash M. *Novye media v iskusstve*. M.: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva Garazh, 2022. 256 c.
 23. Levitt S., Dabner S. *Friekonomika: ekonomist-khuligan i zhurnalist-sorvigolova issleduyut skrytye prichiny vsego na svete*. M.: Al'pina Pabliher, 2023. 236 s.
 24. Uryl // *Memepedia* URL: <https://memepedia.ru/uryl/> (data obrashcheniya: 18.07.2024).
 25. Savos'kina T. A. «Gore ot uma» v kontekste ginekraticheskogo mifa epokhi russkogo Prosveshcheniya // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2013. № 2 (39). S. 241–243.
 26. Shtain K. E., Petrenko D. I. Povsednevnoe i elitarnoe myshlenie: o komedii A.S. Griboedova «Gore ot uma» v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve // *Rusistika bez granits*. 2018. T. 2. № 1. S. 29–40.
 27. Gur'yanova A. M., Sinegubova K. V. Shkol'nyi faktor formirovaniya internet-memov (na materiale obraza Chatskogo) // *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti*. 2022. T. 1. № 1. S. 37–41.
 28. Pushkin A. S. *Puteshestvie v Arzrum* // A. S. Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Federatsiya, 1929. S. 217–220.

29. Griboedov A. S. Gore ot uma: komediya v chetyrekh deistviyakh v stikhakh. M.: Pashkov dom, 2022. 172 s.
30. Shel v komnatu, popal v druguyu // SerpomPo 4.0. URL: <https://dzen.ru/a/ZYroMMVaIihVXWd8> (data obrashcheniya: 18.07.2024).
31. Spektakl' «Vrednye privychki»: otzyvy, osobennosti i akterskii sostav // FB.ru URL: <https://fb.ru/article/371478/spektakl-vrednye-privychki-otzyivyi-osobennosti-i-akterskiy-sostav> (data obrashcheniya: 18.07.2024)

Representation of the concept of "shame" in the phraseological fund of the Chinese language

HUANG YIFAN

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia

119526, Russia, Moscow, 26 Bakinsky Komissarov str., 10, sq. 32

✉ huangyifan_2021@163.com

Abstract. The article investigates the representation of the concept of "shame" in the Chinese phraseological fund. The use of phraseological units of the Chinese language allows the identification of cultural, emotional, and moral aspects related to the notion of shame. The study includes an analysis of 150 phraseological units encompassing categories such as ready-made expressions (成语), proverbs and sayings (俗谚), habitual expressions (惯用语), as well as allusions-metaphors (歇后语). The concept of shame is represented through various aspects: physiological reactions, moral values, descriptions of shameless behavior, and connections with the meaning of "face" (面子 miànzǐ). The results of the study indicate that phraseologisms related to shame play an important role in conveying moral and ethical values, demonstrating a close relationship between emotions, language, and the cultural worldview of the Chinese people. Both quantitative and qualitative analyses of 150 phraseological units of the Chinese language were employed. Structural-typological classification, semantic and cultural analysis were applied to identify the representation of the concept of "shame." The novelty of the work lies in the comprehensive approach to studying the concept of "shame" in Chinese phraseology. For the first time, an analysis of 150 phraseological units selected based on criteria of frequency of use, semantic relevance, and categorical representativeness has been conducted. The developed classification model allows for the systematization of expressions into four structural types and five semantic categories. The identification of patterns holds particular value, notably the predominance of idiomatic constructions (46%) and their connection with the concept of "face" (30%). The study reveals the cultural conditioning of phraseologisms, demonstrating their role as tools of social control and transmitters of Confucian values. The findings provide a foundation for further comparative research. The conducted study demonstrates that the phraseological units of the Chinese language related to the concept of "shame" perform an important cultural and normative function. Phraseologisms that contrast shame and shamelessness (for example, "恬不知耻" – shameless) are of particular significance. They serve as crucial instruments of social control, marking the boundaries of acceptable behavior. Thus, Chinese phraseology not only describes the emotion of shame but also actively participates in the reproduction of cultural norms and traditional values.

Keywords: idiomatic expressions, linguoculturology, Chinese, idioms, emotional expression,

phraseology, face, shamelessness, shame, emotive concepts

References (transliterated)

1. 苏新春主编. 现代汉语分类词典. 北京: 商务印书馆, 2013. S. 827. (Klassifitsirovannyi slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka / red. Su Sin'chun'. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2013. S. 827)
2. 温端政等主编. 中国谚语大全[M]. 上海: 上海辞书出版社, 2004. S. 2386. (Polnoe sobranie kitaiskikh poslovits / red. Ven' Duan'chzhen i dr. Shankhai: Shankhaiskoe leksikograficheskoe izdatel'stvo, 2004. S. 2386)
3. 温端政主编. 中国俗语大辞典[M]. 上海: 上海辞书出版社, 2011. S. 1137. (Bol'shoi slovar' kitaiskikh pogovorok / red. Ven' Duan'chzhen. Shankhai: Shankhaiskoe leksikograficheskoe izdatel'stvo, 2011. S. 1137)
4. 辞海编辑委员会. 辞海[K]. 上海: 上海辞书出版社, 1979. S. 4915. (Tsykhai / red. kollegiya "Tsykhai". Shankhai: Shankhaiskoe leksikograficheskoe izdatel'stvo, 1979. S. 4915)
5. 徐国庆. 现代汉语词汇系统论. 北京: 北京大学出版社, 1999. S. 306. (Teoriya leksicheskoi sistemy sovremennogo kitaiskogo yazyka / Syui Gotsin. Pekin: Pekinskii universitet, 1999. S. 306)
6. 胡裕树. 现代汉语[M]. 上海: 上海教育出版社, 1981. S. 574. (Sovremennyi kitaiskii yazyk / Khu Yushu. Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo obrazovaniya, 1981. S. 574)
7. 马国凡. 谚语·歇后语·惯用语[M]. 沈阳: 辽宁人民出版社, 1961. S. 218. (Poslovitsy, nedogovorki, privychnye vyrazheniya / Ma Gofan'. Shen'yan: Narodnoe izdatel'stvo Lyaonina, 1961. S. 218)
8. 符淮青. 现代汉语词汇[M]. 北京大学出版社, 1985. S. 194-211. (Leksika sovremennogo kitaiskogo yazyka / Fu Khuaitsin. Pekinskii universitet, 1985. S. 194-211)
9. 武占坤, 王勤. 现代汉语词汇概要[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2009. S. 487. (Obzor leksiki sovremennogo kitaiskogo yazyka / U Chzhan'kun', Van Tsin'. Pekin: Izdatel'stvo po prepodavaniyu i izucheniyu inostrannykh yazykov, 2009. S. 487)
10. I. Khuan, Ya.A. VOLKOVA. Leksikograficheskii analiz nominantov kontsepta "styd" v kitaiskom i rusском yazykakh. Russian linguistic Bulletin. 2023; 9(45): 23. DOI: 10.18454/RULB.2023.45.10. EDN: KBQGM D
11. Tolstova M. A., Tsui Khueiin. Realizatsiya kontsepta "Styd" v rechevom zhanre internet-otkroveniya // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2024. № 509.
12. Khuan I. Metaforika styda v kitaiskom i rusском yazykakh // Litera. 2024. № 4. S. 397-407. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70486 EDN: NVALIE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70486
13. Dun Likhun. Struktura assotsiativnogo polya kontseptov "unizhenie" i "oskorblenie" v kitaiskoi i rusской lingvokul'turakh // MNKO. 2024. № 3 (106).
14. Nemkina N.I. Mul'timodal'nost' obrazov kitaiskogo fol'klora // Litera. 2024. № 6. S. 68-78. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70957 EDN: HWLLJK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70957
15. Muskhanova I. V. Lingvopedagogicheskii aspekt kontsepta "chest'" v paradigme dukhovno-nravstvennogo vospitaniya lichnosti // Kant. 2024. № 2 (51).

Diglossia as a Form of Language Organization in Shanxi Province in the Light of Charles Ferguson's Theory

PhD in Philology

Postgraduate Student; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 9, Moscow, 117198, Russia

✉ likara379@mail.ru

Abstract. This article investigates the phenomenon of diglossia as a sociolinguistic model of language organization in Shanxi Province — a historically and linguistically significant region of Northern China characterized by a strong dialectal tradition. The research centers on the relationship between standard Chinese (Putonghua) and local varieties of the Jin dialect (晋语), focusing on how these two language codes coexist and function across different communicative domains: daily conversation, family interaction, cultural contexts, and partially within religious practices. The study analyzes the extent to which this regional case aligns with the classical diglossia model proposed by Charles A. Ferguson, while also identifying the transformative dynamics driven by rapid urbanization, internal migration, modernization, and state-led linguistic unification. The methodological framework of the study includes sociolinguistic observation, descriptive analysis, the method of comparative interpretation, and semi-structured interviews with 60 native speakers across different age groups and urban-rural settings. This empirical basis allows the author to describe the functional distribution of the high (H) and low (L) language varieties, noting a consistent diglossic structure in public and private communication. However, deviations from the classical model are evident: the younger generation increasingly exhibits code-switching, a weakened command of the dialect, and a growing shift toward a bilingual norm. These findings indicate the erosion of traditional diglossic boundaries and point toward a transitional phase in language use patterns. The scientific novelty of this research lies in the regional application of Ferguson's theory to Chinese sociolinguistic material, specifically to a province that has received little attention in this context. The study contributes to a deeper understanding of the evolving relationship between official and regional linguistic forms in China under the influence of educational policy, digital communication, and cultural identity preservation strategies.

Keywords: Chinese dialects, language policy, intergenerational differences, sociolinguistics, Jin dialect, Putonghua, functional distribution, Shanxi, diglossia, Ferguson's model

References (transliterated)

1. Fishman J. A. The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society // Cambridge University Press. 1974. Vol. 3, No. 2. P. 312-320.
2. 李占芳, 张霄玮. 现代中国多语现象探究 // 华北电力大学学报 (社会科学版). 2022. № 3. S. 119-125.
3. 李旻. 山西方言极性程度补语类型分析 // 晋城职业技术学院学报. 2020. T. 13, № 5. S. 84-86.
4. 强炜杉, 李伟. 山西方言同素逆序词初探 // 忻州师范学院学报. 2023. T. 39, № 1. S. 46-50.
5. 李彦龙. 正确对待汉语方言与普通话之间的关系--山西五台方言为例 // 神州教育. 2023. № 67. S. 67-69.
6. Ferguson C. A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15, № 2. P. 325-340.
7. Cherenkova A. D. Razvitie dialekta v usloviyakh diglossii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2024. № 1. S. 122-128. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2024/1/122-128EDN: ETNCFY
8. Zaklyaz'minskaya E. O. Bilingvizm i diglossiya v sovremennoi yazykovoi situatsii v

- Kitae // Modern oriental studies. 2022. T. 4, № 4. S. 7-19. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-7-19
9. Saiegh-Haddad E., Laks L., McBride C. Handbook of literacy in diglossia and in dialectal contexts. Springer, 2022. 404 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3>.
10. Zaklyaz'minskaya E. O. Bilingvizm i diglossiya v sovremennoi yazykovoi situatsii v Kitae // Modern oriental studies. 2022. T. 4, № 4. S. 7-19. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-7-19
11. Te O. E., Ryabukhin D. V. Osobennosti funktsionirovaniya anglitsizmov v kantonskom dialekte Gonkonga // Gumanitarnyi vestnik. 2022. № 6. S. 1-5.
12. Shiyan M. V. Problema bilingvizma i diglossii v otechestvennom i zarubezhnom yazykoznanii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2025. T. 11, № 2. S. 158-166. DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-158-166

Comparative structural and semantic analysis of English and Russian proverbs with the meaning of "law", "court" and "judge" in terms of their expressiveness and linguocultural connotation

Orlova Tatiana Gennad'evna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ rudn1964fev@yandex.ru

Abstract. The article is concerned with identifying the structural and semantic features of proverbs in English and Russian with the meaning of "law", "court" and "judge". The purpose of the work is to identify various nuances of the meanings of proverbs and their figurative interpretation for understanding the attitude of native speakers of English and Russian to this topic. The scientific novelty lies in the fact that the author offers his own systematization of the main meanings of proverbs (twelve groups were identified), conducts a semantic analysis of the lexical components, syntactic structures, as well as figurative and expressive means of proverbs of this thematic group in the aspect of linguocultural connotation. The sphere of application of the results is both in pedagogical activity, in the process of teaching English, and as a basis for a more in-depth comparative study of proverbs of this thematic group, including the usage of proverbs of other languages. The study used descriptive and comparative methods, as well as structural-syntactic and functional-stylistic analysis. As a result of the analysis, the author identified the following consistent patterns: neutral and abstract vocabulary is more often used in English proverbs; they are more interesting not so much due to linguistic means, but because they contain various aspects of legal proceedings, diverse observations, a greater variety of logical conclusions, nuances and shadings of meaning. Russian proverbs are more representative of an affective evaluation of the court, they present a more figurative perception of the world, which is reflected in a wide palette of lexical means (historicisms, archaisms, etc.), as well as means of expressive and colloquial syntax. In addition to the unique ones, there are also common means of expression for Russian and English proverbs. The author analyzes all the verbal means and draws conclusions about the national and cultural specificity of proverbs and about the concept of law, court and judges of Russian and English peoples.

Keywords: structural and semantic analysis, comparative analysis, structural and semantic aspects, meanings of proverbs, proverbs, the English language, the Russian language, expressive means, stylistic nuance, linguocultural connotation

References (transliterated)

1. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1996. 288 s. EDN: SUMHNJ
2. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskii analiz paremii i idiom. Kody kul'tury // Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Natsional'nye kody v yazyke i literature". Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo. 2018. S. 128-137. EDN: VOSDRS
3. Malyugina A. V. Otnoshenie k zakonu v russkoi i angliiskoi kul'turakh (na materiale poslovits s komponentom "zakon"/"law") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 4-2 (70). S. 128-130. EDN: VXTTXC
4. Isaeva Yu. S. Reprezentatsiya kontseptov "zakon" i "spravedlivost'" v nemetskikh poslovitsakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 5 (691). S. 61-71. EDN: SDYDNN
5. Gafiullina K. N. Reprezentatsiya kontseptov "pravo"/"right", "zakon"/"law" v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh (na materiale angliiskikh i russkikh narodnykh poslovits i pogovorok) // Kazanskaya nauka. 2016. № 11. S. 86-88. EDN: XCDVCX
6. Vlasicheva V. V. Reprezentatsiya komponenta "zakon" v paremiologicheskome prostranstve russkoi i angliiskoi lingvokul'tur // Sovremennye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki. Sbornik nauchnykh trudov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Elabuga, 2023. S. 91-94.
7. Alekseeva T. E., Fedoseeva L. N. Angliiskie i russkie poslovitsy o zakone, prestuplenii i pravosudii v lingvodidakticheskoi praktike // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2020. T. 28(1-4), № 4. S. 620-629. DOI: 10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).4.620-629 EDN: WTJMMG
8. Luparev G. P. Yuridicheskie poslovitsy i pogovorki: predmet, vidy i funktsii // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 1. S. 30-41. EDN: XVGIZL
9. Romanovskaya V. B., Alborova A. G. Zakon, obychai, religiya i pravosoznanie: ikh otrazhenie v narodnykh poslovitsakh XIX veka // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2015. T. 21. № 1. S. 169-175. EDN: TMEUSB
10. Mulyukova V. A. Znachenie yuridicheskikh poslovits o sem'e i brake kak istochnike obychnykh norm prava v svete traditsionnykh semeinykh tsennostei // Evraziiskii soyuz uchenykh. 2016. № 1-5 (22). S. 65-68. EDN: XDYVTJ
11. Popova L. V. Etnolingvokul'turnaya spetsifika russkogo kontsepta "sud": na materiale poslovits // Filologiya i chelovek. 2021. № 4. S. 7-18. DOI: 10.14258/filichel(2021)4-01 EDN: NBYGYX
12. Pavlushkov A. R. K voprosu o pravosoznanii russkogo obshchestva serediny XIX v.: predstavleniya krest'yan o bozhestvennom sude // Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i humanitarnykh issledovaniy. 2021. № 3 (3). S. 29-34. EDN: EAJLYH
13. Baidavletova L. R. Kontseptosfera "Pravo-Zakon-Prestuplenie-Nakazanie-Miloserdie" v russkoi yazykovoi kartine mira: na materiale frazeologii: Avtoref. dis. ...kand.filol.nauk.

Ufa, 2013.

14. Kovalishin P. Yu. Sredstva yazykovoi reprezentatsii i semanticheskaya struktura kul'turnykh konstant "Bog", "vera", "den'gi", "zakon", "sud" (na materiale sbornika russkikh poslovits i pogovorok V. I. Dalya): Avtoref. dis. ...kand.filol.nauk. Kaliningrad, 2011. EDN: QFOSAL
15. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. M.: Russkii yazyk Media, 2009. 814 s.
16. Zhukov V. P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. M.: Russkii yazyk, 1991. 534 s.
17. Modestov V.S. Angliiskie poslovitsy i pogovorki i ikh russkie sootvetstviya. M.: Rus.yaz. – Media, 2005. 467 s.
18. Slovar' upotrebitel'nykh poslovits // M. V. Bukovskaya, S. I. Vyal'tseva, Z. I. Dubyanskaya i dr. M.: Russkii yazyk, 1990. 240 s.
19. Apperson G. L. The Wordsworth dictionary of proverbs. Wordsworth editions Ltd, 1993.
20. Longman Contemporary English Dictionary. Harlow (GB): Longman, 2001. 1668 s.
21. Smith W. G. The Oxford dictionary of English proverbs. Oxford, 2008. 625 p.
22. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder, 2014. 592 p.
23. Sekst Empirik. Sochineniya v dvukh tomakh / Pod obshchei redaktsiei A. F. Loseva. Per. s drevnegrech. M.: Mysl', 1976. T. 2.
24. Pronina M.A. Pravovaya kul'tura v Rossii, Velikobritanii i Kitae: ponyatie, sodержanie, vzaimodeistvie // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 5, Yurisprud. 2012. № 1 (16). S. 222-226.
25. Sergeeva A.V. Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. M.: Flinta: Nauka, 2010. 320 s.

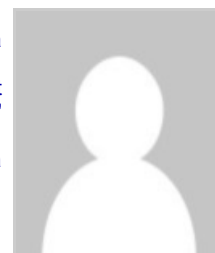
Toponymic space as a part of the onomasticon of I. A. Efremov's "cosmic" novels

Zhuravleva Natal'ya Sergeevna

Postgraduate student
FSAOU VO'GUP'

5, Gostinichnaya str., Moscow, 127106, Russia

✉ Natasha.zhuravleva99@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the consideration of toponymic space as a cognitive mechanism of subjectivization of real and unreal geographical objects. The object of the study is the usual and occasional toponyms of the "cosmic" novels by I.A. Efremov. The subject of the research is to describe the lexicographic representation of individual author toponyms in a dictionary project. The classification of toponyms according to the objects of the nominations is represented by eight groups of onyms: oronyms, hydronyms, speleonyms, oikonyms, urbanonyms, ecclesionyms, names of countries, continents and regions.; names of islands and peninsulas. Toponyms are a pictorial and expressive means of a science fiction writer, as they combine the real and the unreal in an artistic space, and the means of a scientific writer, which confirms the variety of nominations of natural objects in the novel. At the same time, one of the functions of place names in novels is to model the image of the future of the Great Ring civilization. To achieve this goal, the following methods were used: classification method (types of toponyms according to the theory of E.M. Murzaev); lexicographic method (an innovative approach to creating an author's onomasticon).

It is proved that the diversity of toponymic objects determines the integrity of the ideological and artistic space of the fictional world. The megastructure of the onomasticon is described: Man (anthroponyms); Space (toponyms); Outer space (cosmonyms and astrononyms); Time (chrononyms); Plants (phytonyms); Organizations (ergonyms); Vehicles (poreonyms). The principles of lexicographic description of toponyms in the draft Ideographic dictionary of the I. A. Efremov language are defined: common name; division into groups by categories of onyms; division into columns according to the opposition of civilizations; highlighting of occasional place names with a mark ("*"); subjective choice of quotation to characterize the writer's idiosyncrasy. The zones of the dictionary entry are distinguished: the capital word, frequency, and compatibility. The novelty of the research lies in the presentation of the methodology of lexicographic description of toponyms as part of the onomasticon of the science fiction writer and scientist I.A. Efremov. The article is part of a holistic study of the onomastic space of I.A. Kosmov's "cosmic" novels. Efremova – in order to compile an Ideographic dictionary of the writer's language and identify an individual author's way of modeling reality.

Keywords: idiostyle, I.A. Efremov, occasionalism, image of the future, onomasticon, toponymic space, ideographic dictionary, author's dictionary, dictionary entry zone, noosphere

References (transliterated)

1. Arturo G., Giuseppe M., Valeria P. Geography Notes on Critical Toponymy // Semestrare di Studi e Ricerche di Geografia. – 2023. – XXXV (1). – S. 7-14.
2. Siegfried I. Inoffizielle Ortsnamen // Namenkundliche Informationen. – 2017. – № 109/110. – S. 538-547.
3. Wideman T., Masuda J. Assembling "Japantown"? A critical toponymy of urban dispossession in Vancouver, Canada // Urban Geography. – 2018. – № 39(4). – S. 493-518.
4. Woodman P. Perception and Identity in Geographical Names: The Potential for Cultural Misunderstanding / Murdock D. G., Tomes R. R., Tucker C. K. (eds) Human Geography: Socio-Cultural Dynamics and Challenges to Global Security // United States Geospatial Intelligence Foundation Monograph. – 2014. – № 1. – S. 135-138.
5. Bolotina K. E. Onomasticheskie dominanty v yazykovoï kartine mira kvebektsev: avtoref. ... kand. filol. nauk. – M., 2018. – 24 s. EDN: EFZPNE.
6. Vernadskii V. I. Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya. – M.: Nauka, 1965. – 377 s.
7. Golubnichaya A. V. Onomasticheskoe prostranstvo normativno-nauchnogo makroteksta "Russkii yazyk" v statike i dinamike: dis. ... kand. filol. nauk. – Smolensk, 2021. – 263 s. EDN: XTKFSU.
8. Gorbanevskii M. V. Onomastika v khudozhestvennoi literature: filologicheskie etyudy. – M.: Prosveshchenie, 1988. – 210 s. EDN: TYAKZI.
9. Efremov I. A. Na puti k romanu "Tumannost' Andromedy" // Voprosy literatury. – 1961. – T. 2. – S. 142-153.
10. Efremov I. Sochineniya v 3-kh tt. T. 3. – M.: 1976. – 384 s.
11. Efremov I. A. Chas byka / I. A. Efremov. – M.: Terra-Knizhnyi klub, 1999. – 368 s.
12. Zhuravleva N. S. Metodika sostavleniya ideograficheskogo chastotno-grammaticheskogo slovary I. A. Efremova // Leksikologiya i grammatika russkogo yazyka i stilistika khudozhestvennogo teksta: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov (17 dekabrya 2021 goda) / otv. red. N. V. Khalikova. – M.: MGOPU, 2023. – S. 19-23.

13. Karpova O. M. Angliiskaya leksikografiya kul'turnogo naslediya v elektronno-tsifrovuyu epokhu (na materiale slovarei yazyka pisatelei) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – № 3. – S. 41-47. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-41-47 EDN: GZKHVG.
14. Koroleva I. A. Toponimy kak svernutyi lingvokul'turnyi kod // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Filologicheskie nauki. – Kaliningrad: BFI im. I. Kanta, 2015. – Vyp. 8. – S. 31-39.
15. Lakina S. V. Onomasticheskoe prostranstvo distsipliny "Antichnaya literatura": na materiale otechestvennykh uchebnikov dlya vysshikh uchebnykh zavedenii: dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2024. – 299 s.
16. Losev A. F. Veshch' i imya. Samoe samo. – SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2016. – 576 s.
17. Murzaev E. M. Toponimika i geografiya // Vesti MGU. – 1963. – № 3. – S. 106-109.
18. Nikonov V. A. Vvedenie v toponimiku. – M.: Nauka, 1965. – 179 s.
19. Pleshkov E. S. Znachenie imeni sobstvennogo kak lingvisticheskaya problema // Vestnik YuUrGU. Seriya "Lingvistika". – 2017. – T. 14, № 3. – S. 71-75. DOI: 10.14529/ling170312 EDN: ZEZRUV.
20. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii. – M.: 1988. – 192 s.
21. Rut M. E. Imya i obraz: dinamicheskii aspekt // Imya: vnutrennyaya struktura, semanticheskaya aura, kontekst: tez. mezhdunar. nauchno. konf. / In-t slavyanovedeniya RAN. – M., 2001. – Ch. 1. – S. 15-19.
22. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. – M.: Nauka, 2012. – 366 s.
23. Suprun V. I. Imena i imeniny. – Volgograd, 1997. – 172 s.
24. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial. – Volgograd: Peremena, 2000. – 171 s. EDN: IQFELM.
25. Tsinkoburova M. G. Toponimicheskoe prostranstvo romana I. A. Efremova "Tumannost' Andromedy" // Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya: sb. nauch. statei. – Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 2016. – S. 286-289. EDN: VTCZTX.

Maxim Gorky's Early Romantic work in the reception of Literary Criticism in China

CAI YIQING

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

15, 14 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ c1123485073@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the evolution of perception and variability of interpretations of works of early romantic creativity by Maxim Gorky in China. The object of the study is many works by Chinese researchers devoted to the Russian classics over the past century. The author examines in detail how the process of shifting the accents of Chinese literary critics in the interpretation of Gorky's early romantic work from politics and ethics to aesthetics takes place. Special attention is paid to such works as "On Gorky's Early Romantic Works" (1980) by Fu Lingmei, "Gorky's Barefoot Stories" (1986) by Chen Xihan, "Gorky's Contribution to European Wandering Literature and Art" (1995) by Li Zhibin, "On the Artistic

Style of Gorky's Early Wandering Works" (1999) by Tang Ihon, "The linguistic style in the story "The Old Woman Izergil"" (2012) by Yang Peng. In the course of the research of this article, the corporate method, the cultural-historical method and the hermeneutic method are used. A special contribution of the author to the study of the topic is that he points to a gradual change in the perspective of attention of Chinese literary critics from the plan of content to the plan of form, while the clearly politicized interpretation of Gorky's writings goes away, more is said about the meaningful form – poetics. The innovation of the article also lies in the systematization of Gorky studies in China, in discovering in it a shift in emphasis from politics and ethics towards aesthetics, all that had not previously been noted by literary critics either in China or in Russia. This work can contribute to the intensification of the consideration of historical and literary ties between Russia and China, contribute to the expansion of the subject of works of this kind, which will eventually deepen further mutual understanding between the two peoples.

Keywords: Gorky studies in China, interpretation, poetics, reception, literary criticism, history of Chinese literature, early romantic works, Russian literature, Maxim Gorky, evolution

References (transliterated)

1. Yan Li, Van Sitsun. «Revolutsionnyi Burevestnik» v Shankhae – Perevod, vvedenie i izdanie krasnoi klassiki Gor'kogo v pervoi polovine KhKh veka // Shankhaiskii perevod. 2024. № 1. S. 84–88. (杨丽, 王溪淙. “革命的海燕”在上海 — 20世纪上半叶高尔基红色经典的译介与出版 // 上海翻译. 2024. № 1.)
2. Lu Sin'. Sbornik pisem / Pekin: Izdatel'stvo Narodnaya literatura, 1976. (鲁迅. 书信集. 人民文学出版社, 1976.)
3. Mao Tszedun. Vystupleniya na soveshchanii po voprosam literatury i iskusstva v Yan'ani // Gazeta Tszefan Zhibao. – 19.10. 1943. (毛泽东. 延安文艺座谈会讲话 // 解放日报. 19.10.1943.)
4. Trifonov Yu. V. Anketa zhurnala «Voprosy literatury» // Zhurnal Voprosy literatury. 1968. № 3. S. 16.
5. Khu Fen. Fragmenty Gor'kogo – Kommentarii Khu Fena (verkhonii tom) / Pekin: Izdatel'stvo Narodnaya literatura, 1984. (胡风. 高尔基片段 — 胡风评论集(上册). 人民文学出版社, 1984.)
6. Fu Linmei. O rannikh romanticheskikh proizvedeniyakh Gor'kogo // Zhurnal Yuzhno-Kitaiskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po filosofii i obshchestvennym naukam). 1980. № 4. S. 96–101. (符玲美. 高尔基早期的浪漫主义创作 // 华南师院学报(哲学社会科学版). 1980. № 4.)
7. Gor'kii M. M. Gor'kii i A. Chekhov: Perepiska, stat'i i vyskazyvaniya / Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1937.
8. Chen' Sikhan'. Bosyatskie rasskazy Gor'kogo // Zhurnal Yanchzhouskogo pedagogicheskogo instituta (izdanie po sotsial'nym naukam). 1986. № 4. S. 30–35. (陈熙汉. 高尔基早期作品中的“流浪汉小说” // 扬州师院学报(社会科学版). 1986. № 4.)
9. Li Zhibin. Vklad Gor'kogo v evropeiskuyu brodyachuyu literaturu i iskusstvo // Zhurnal Khubeiskogo universiteta (izdanie po filosofii i obshchestvennym naukam). 1995. № 3. S. 94–98. (李志斌. 高尔基对欧洲流浪汉文学艺术的贡献 // 湖北大学学报(哲学社会科学版). 1995. № 3.)
10. Tan Ikhon. O khudozhestvennom stile rannikh brodyachikh proizvedenii Gor'kogo // Zhurnal Yanbeiskogo pedagogicheskogo instituta. 1999. № 2. S. 45–48. (唐逸红. 论高尔基早期流浪汉小说的艺术风格 // 雁北师范学院学报. 1999. № 2.)

11. Yan Pen. Yazykovoi stil' v rasskaze "Starukha Izergil'" // Russkii yazyk. 2012. № 2. S. 58–62. (杨鹏. 《伊泽吉尔老婆子》的语言风格 // 俄语学习. 2012. № 2.

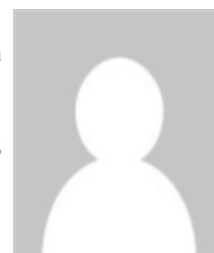
Evolution of Italian Women's Lyric Poetry of the 16th Century: From Vittoria Colonna to Laura Terracina

Kayumova Mariya Maratovna

Lecturer; Educational and Scientific Russian-Italian Center; Russian State University for the Humanities

107564, Russia, Moscow, Bogorodskoe district, Narimanovskaya str., 25, room 3, sq. 55

✉ kaumovamaria@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the work of Vittoria Colonna, Veronica Gambara, Tullia d'Aragona, Laura Terracina, and Veronica Franco. The analysis examines the motif of insecurity in one's own talent, characteristic of early women's lyric poetry, and its gradual overcoming in the works of Terracina and Franco, where women emerge as defenders of their intellectual and creative rights. A special focus is placed on the involvement of the poetesses in the querelle des femmes (the "debate about women"), their polemics with traditional views on female nature and societal roles. It is shown how women's lyric poetry evolves from imitating Petrarch to a distinct expression of the female voice, including themes of gender equality and the defense of women's dignity. Socio-cultural factors that contributed to the increasing number of women poets are considered: the spread of printing, the influence of female audiences on the book market, as well as the Enlightenment initiatives of the Church. Particular attention is given to identifying connections with the traditions of Petrarch and Ariosto and the historical-literary context (the influence of the development of printing and the spread of gender discussions). A comparative method (contrasting feminine and masculine receptions of Petrarch) and a gender approach (studying the self-representation strategies of the poetesses) are employed. The literary sources examined, while important for understanding the gender aspects of Renaissance culture, remain relatively unknown to the Russian reader and have not been translated into Russian. The theoretical framework of the research primarily relies on the works of Italian and American authors (T. Pleban, C. Stella, D. Shemek, V. Cox, T. Crivelli), while this topic is practically underdeveloped within the framework of domestic literary studies. The study of women's authorship strategies allows for a new perspective on the processes of forming the literary canon of the Renaissance era. The main findings of the research indicate significant changes in the literary status of women by the end of the 16th century. The topos of humility gradually gave way to open manifestos of gender equality. The text analysis revealed an evolution in the perception of Petrarch's work: from direct imitation to a rejection of the Platonic tradition. Women not only established themselves in the literary canon but also became active participants in cultural discussions. The study contributes to the examination of Renaissance poetics and the history of women's authorship, opening up prospects for comparative analysis with other national literary traditions.

Keywords: literary canon, Laura Terracina, Veronica Gambara, Vittoria Colonna, Renaissance poetics, querelle des femmes, gender studies, Italian poetry, Petrarchism, female lyric poetry

References (transliterated)

1. Aretino P. Komediya o pridvornykh npravakh / Komedii ital'yanskogo Vozrozhdeniya; Per. s ital. [Sost. i vstup. stat'ya G. Boyadzhieva, s. 5-53; Red. perevodov i primech. N.

- Tomashevskogo]. – Moskva : Iskusstvo, 1965. – 638 s.
2. Ariosto L. Neistovyi Roland / Per. svobod. stikhom M.L. Gasparova; izd. podgot. M.L. Andreev, R.M. Gorokhova, N.P. Podzemskaya. – M.: Nauka, 1993. – T. 2.
 3. Kastil'one B. O pridvornom // Gumanisty epokhi Vozrozhdeniya o formirovanii lichnosti (XIV–XVI vv.) / Sost., i vstup. stat'i N.V. Revyakinoi, O.F. Kudryavtseva. – M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. – 400 s.
 4. Prorokova M.V. Osobennosti "Spora o zhenshchinakh" v ital'yanskom gumanizme XVI veka. – Rezhim dostupa: https://lib.herzen.spb.ru/text/prorokova_124_78_90.pdf (data obrashcheniya: 2023).
 5. Battiferri L. Il Primo Libro delle Opere Toscane / a cura di Enrico Maria Guidi. – Urbino: Accademia Raffaello, 2000.
 6. Terracina L. Liriche del Cinquecento / a cura di Deanna Shemek; Monica Farnetti, Laura Fortini. – Iacobelli, 2014. – 377 p.
 7. Liriche del Cinquecento / a cura di Monica Fornetti, Laura Fortini. – Iacobelli, 2014. – 377 p.
 8. Plebani T. Scritture di donne nel Rinascimento italiano / A. Colla. – Fondazione Cassamarca, 2007.
 9. Rime e lettere di Vittoria Colonna, Marchesana di Pescara. – Firenze: G. Barbera editore, 1860. – 462 p.
 10. Stella C. Parola sacra, profemminismo e autorialità femminile (1500-1600) / Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia. – 35 (21 N.S.): 25-40, april 2024.
 11. The Poems and Letters of Tullia d'Aragona and Others: A Bilingual Edition / Edited and translated by Julia L. Hairston. – Iter Press and the Centre for Reformation and Renaissance Studies, Victoria University in the University of Toronto, 2014. – 352 p.
 12. Franco V. Liriche del Cinquecento / a cura di Tatiana Crivelli; Monica Farnetti, Laura Fortini. – Iacobelli, 2014. – 377 p.
 13. Cox V. Women's Writing in Italy 1400–1600. – Baltimore, 2008.

The "Cancel Culture" in Chinese Modern Public Discourse: a Conceptual Aspect

Kozhemyakina Valeriya Alekseevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Chinese; Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenin Ave., room 02-50, Volgograd region, 400005, Russia

✉ kozhemyakinavaleria@vspu.ru

Kravtsova Anna Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Chinese Language; Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenin Ave., Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia, room 02-50

✉ kraft-anna@yandex.ru

Abstract. This research, conducted in the field of sociolinguistics and discoursology, aims to determine the content base of the phenomenon of "cancel culture" and its conceptual perception in Chinese linguoculture. The relevance of the research is due to the increased

interest in the phenomenon of "cancel culture" in modern public discourse, expressed by an impressive number of publications and active disputes about the status of this phenomenon. The subject of the study is the conceptual characteristics of the phenomenon of "cancel culture" and related concepts. The object of the research is the modern public discourse, temporally limited by the moment of formation of the phenomenon of "cancel culture" in society. The article examines in detail the main definitional features of the concepts "cancel culture" and "blocking", as well as the prerequisites for their formation due to the widespread phenomenon of "cancel culture" in the Western community. The main research methods used in this article include definition and etymological analysis. The novelty of the research lies in the analysis of the native Western phenomenon of "cancel culture" from the point of view of Chinese linguistic culture, as well as its implementation in modern Chinese public discourse. The main conclusions of this study include the following: "cancel culture" in the Western perception of the phenomenon has a certain manipulative potential, which allows to form a subjective reality in public discourse; a set of semantic features inherent in the concepts of "取消文化" ("cancel culture") and "封杀" ("blocking") in Chinese public discourse, is reduced to action, target action, sphere, causes, category of phenomenon, addressee and addressed, as well as their external assessment; the sign of action is identical in relation to the interpretations under consideration and is expressed synonymously next to the meaning "prohibition" or "restriction"; "封杀" ("blocking") is a one-word representative of the concept of "取消文化" ("cancel culture").

Keywords: Chinese culture, sociolinguistics, Chinese language, definition, etymological analysis, conceptual component, concept, public discourse, cancelling, cancel culture

References (transliterated)

1. Macquarie Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macquariedictionary.com.au/the-macquarie-dictionary-word-of-the-year-shortlist-for-2019/> (date of treatment: 10.07.2024).
2. Bouvier G., Machin D. What gets lost in Twitter 'cancel culture' hashtags? Calling out racists reveals some limitations of social justice campaigns // *Discourse & Society*. 2021. 32 (3). P. 307-327.
3. Clark M. D. Drag Them: A brief etymology of so-called 'cancel culture' // *Communication and the Public*. 2020. 5 (3-4). P. 88-92.
4. Ng E. No Grand Pronouncements Here...: Reflections on Cancel Culture and Digital Media Participation // *Television and New Media*. 2020. 21 (16). P. 621-627.
5. Velasco J. You are Cancelled // *Conference: 1st Rupkatha International Open Conference on Recent Advances in Interdisciplinary Humanities*, October 2020. Vol. 12.
6. Scalia E. John Adams, Legal Representation, and the "Cancel Culture" // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 2021. 44 (1). P. 333-338.
7. Norris P. (August 11, 2021). Cancel Culture: Myth or Reality? // *Political Studies*. 2021. 71. P. 145-174.
8. Novelli C. (2023). Cancel Culture: An Essentially Contested Concept? // *Athena – Critical Inquiries in Law, Philosophy and Globalization*. 2023. 3(1). P. I-X.
9. Vasil'eva M. A. Kul'tura otmeny v sovremennom obshchestve // *Vesti nauchnykh dostizhenii*. 2020. № 10. S. 31-33.
10. Karnaukhova M. K., Karpova E.G. Sotsial'naya rol' «kul'tury otmeny» dlya razvitiya obshchestvennykh otnoshenii // *Sotsial'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noi samorealizatsii (Sotsial'nyi inzhener-2020) : Sbornik materialov*

- Vserossiiskoi konferentsii molodykh issledovatelei s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 07–10 dekabrya 2020 goda. Tom Chast' 2. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni A.N. Kosygina (Tekhnologii. Dizain. Iskusstvo)", 2020. S. 162-165.
11. Kiseleva A. E., Muromskaya A. V. Institut reputatsii i kul'tura otmeny v Rossii: faktor razvitiya ili regressii // Paradigma. 2021. № 1. S. 136-144.
 12. Valyukevich E. Yu., Plaksina K. S. Kul'tura otmeny kak fenomen 21 veka // Studencheskii vestnik. 2021. № 15-4(160). S. 10-14.
 13. Kostina M. A. "Kul'tura otmeny" kak instrument sotsial'nogo prinuzhdeniya // Analiticheskie tekhnologii v sotsial'noi sfere: teoriya i praktika. Moskva, 14 dekabrya 2022 goda. Tom Vypusk 13. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "Ekon-Inform", 2022. S. 30-36.
 14. Golovko Ya. A. K voprosu geopoliticheskoi «kul'tury otmeny» v otnoshenii Rossii // Region glazami studentov: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh rabot studentov. Vypusk 22. Saratov : Izdatel'stvo "Saratovskii istochnik", 2022. S. 13-16.
 15. Novoselov E. A. «Kul'tura otmeny» kak instrument politicheskogo davleniya // Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov, Ekaterinburg, 15 aprelya 2022 goda. Ekaterinburg: Ural'skii universitet, 2022. S. 220-226.
 16. Savchenkova M. I. Kul'tura otmeny v sovremennom issledovatel'skom diskurse: teoreticheskie i istoricheskie determinanty // Vlast'. 2024. Tom 32. № 3. S. 188-194.
 17. Noskova S. A., Vlavatskaya M.V. Fenomen "cancel culture" i ego lingvisticheskaya spetsifika v publichnykh vystupleniyakh i vyskazyvaniyakh v Twitter D. Trampa // Nauka. Tekhnologii. Innovatsii: XV Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya molodykh uchenykh, posvyashchennaya Godu nauki i tekhnologii v Rossii. Sbornik nauchnykh trudov v 10 ch., Novosibirsk, 06–10 dekabrya 2021 goda. Tom Chast' 9. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2021. S. 202-206.
 18. Bykov I. A., Akhmedova Yu. D. Kul'tura otmeny v politicheskom diskurse sovremennoi Rossii // Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost'. 2021. T. 1, № 1. S. 14-26.
 19. Maiorova E. V. Kul'tura otmeny: mozhno li otmenit' yazyk? // Etnopsikholingvistika. 2022. № 2(9). S. 78-84.
 20. Drygina Yu. A., Sitnikova O. A. Cancel culture: lingvokul'turologicheskii aspekt // Kaleidoskop lingvisticheskikh idei : Sbornik materialov studencheskoi nauchnoi konferentsii, Belgorod, 29–30 iyunya 2022 goda. Belgorod: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu Epitsentr, 2022. S. 47-55.
 21. Misyura S. M. Kul'tura otmeny kak sotsiolingvisticheskoe yavlenie // Universitetskie chteniya – 2023 : materialy regional'noi mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Pyatigorsk, 12–13 yanvarya 2023 goda. Pyatigorsk: Pyatigorskii gosudarstvennyi universitet, 2023. S. 107-111.
 22. Dashinimaev G. Yu. Cancel culture kak novaya sotsial'naya real'nost' // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 1. S. 19-24.
 23. Kupina N. A. Otmena russkoi kul'tury: ideologicheskii makhovik v deistvii // Politicheskaya lingvistika. 2022. № 5(95). S. 82-90.
 24. Fefelov A. F. Diskurs vokrug cancel culture kak ob"ekt lingvokul'turnogo i perevodcheskogo analiza: logika protiv «logiki» // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2022. T. 20, № 1. S. 126-144.
 25. Arutyunyan E. G. «Otmena kul'tury» kak kontsept // Vek informatsii (setevoe izdanie).

2023. T. 7, № 4(25). S. 15-30.

26. Vorontsova T. A. O sootnoshenii ponyatii «publichnyi diskurs», «yazyk SMI», «publichnaya rech'» // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. 2008. № 3. S. 17-22.
27. Kosorukov A.A. Publichnyi diskurs kak faktor gosudarstvennoi politiki Rossii (na primere evraziiskoi integratsii) // Mirovaya politika. 2018. № 3. S. 47-58. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.3.21567 URL: https://e-notabene.ru/wi/article_21567.html
28. The Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cancel-culture?q=cancel+culture> (date of treatment 10.07.2024).
29. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: [https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Cancel Culture](https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Cancel+Culture) (date of treatment: 10.07.2024).
30. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/cancel-culture> (date of treatment: 10.07.2024).
31. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (date of treatment 10.07.2024).
32. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cancel%20culture> (date of treatment: 10.07.2024).
33. Kozhemyakina V. A. «Kul'tura otmeny» s pozitsii sotsiolingvistiki // Grani poznaniya. 2023. № 2(85). S. 75-80.
34. 郑根成 (Chzhen Genchen) “新媒介视域下的“取消文化”及其反思”(Pereosmyslenie «kul'tury otmeny» s tochki zreniya novykh media) [Elektronnyi resurs]. URL: http://skxb.seu.edu.cn/ch/reader/create_pdf.aspx?file_no=20230403&year_id=2023&quarter_id=4&falg=1 (data obrashcheniya: 10.07.2024).
35. 豆丁网 (Set' Doudin). 取消文化-详解 (Kul'tura otmeny – podrobnoe tolkovanie) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.docin.com/p-2794204189.html> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
36. 谁成了“被取消”对象?“取消文化”在欧美引发两极化辩论 (Kto stal ob'ektom «otmeny»? «Kul'tura otmeny» vyzyvaet bipolyarnye debaty v Evrope i Amerike) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1702765505937908769&wfr=spider&for=pc> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
37. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
38. 取消文化是什么 (Chto takoe kul'tura otmeny) // 百度百科 (Entsiklopediya Baidu) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://clck.ru/3BpD46/> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
39. 张成 (Chzhan Chen), 陈谦 (Chen' Tsyann) «从社会文化语境解析“封杀”» (Analiz "blokirovki" v sotsial'nom i kul'turnom kontekste) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://clck.ru/3BpE5v> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
40. 朱广祁 (Chzhu Guantsi) 当代港台用语辞典 (Slovar' sovremennykh terminov Gonkonga i Taivanya) 上海 (Shankhai): 上海辞书出版社 (Shankhaiskoe izdatel'stvo slovarei), 1994.
41. 汉典 (Kitsaiskii slovar'). 封杀是..... (Blokirovka – eto ...) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.zdic.net/hans/%E5%B0%81%E6%9D%80> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
42. 微信公众平台 (Obshchestvennaya platforma Veisin). “封杀”英语怎么说? (Kak skazat' po-

angliiski «blokirovka»?) [Elektronnyi resurs]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5ODk5NjAyOA==&mid=2652017576&idx=2&sn=f755335f3a64af89d7bd28bc34ae4dc8&chksm=bd2402fb8a538bed60829d81a29cb10c55923e72110465e0a7507e37c95a53b36901a80a5d5f&scene=27 (data obrashcheniya: 12.07.2024)

Function of impact in the official functional style of the English language

Malyshkin Dmitry Vladimirovich

Postgraduate student; Department of English Linguistics; Lomonosov Moscow State University
MDR Specialist; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie gory, 1, p. 51

✉ d.malyshkinn@mail.ru

Abstract. The focus of this study is on the elements of the function of impact in texts belonging to the official functional style, considering how these elements convey a certain type of content. These texts are categorized into three types based on their conceptual and linguistic parameters: prescriptive official texts, descriptive official texts, and evaluative official texts. The relevance of the study is determined by the social and professional significance of the official functional style. The methodological framework employs a comprehensive functional-stylistic analysis, which includes the examination of dictionary definitions, the semantic and metasemiotic capacities of lexical units, as well as their morphosyntactic and lexical-phraseological combinability. The novelty of the study lies in the fact that, for the first time, the functioning of expressive lexical units in official texts is investigated within the framework of a categorial functional-stylistic approach. The results demonstrate that in prescriptive official texts and descriptive official texts, elements of the function of impact do not realize their expressive properties, conveying specialized and non-emotional type of content. In prescriptive official texts, the main mechanism for restricting the expressivity of lexical units is their integration into multi-componential structures characterized by globality of nomination. In descriptive official texts, similar processes are observed under the influence of contextual relations and the conceptual orientation of texts. In evaluative official texts, elements of the function of impact partially realize their expressive potential as intensifiers. However, their integration into cliched phraseological units leads to the neutralization of their expressive properties.

Keywords: specialized and non-emotional type of content, type of content, function of impact, intellectual function, evaluative official texts, language functions, descriptive official texts, prescriptive official texts, official texts, official functional style

References (transliterated)

1. Stilistika ofitsial'no-delovoi rechi. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2011. 263 s.
2. Loginova K. A. Delovaya rech' i ee stilisticheskie izmeneniya v sovetskuyu epokhu // Razvitie funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo yazyka. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1968. S. 186-230.
3. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. London: Routledge, 2016. 278 p.
4. Kozhina M. N. K osnovaniyam funktsional'noi stilistiki. Perm': b. i., 1972. 251 s.
5. Heikki E. S. Mattila. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. Farnham: Ashgate Publishing Ltd., 2013. 485 p.

6. Williams Ch. The Impact of Plain Language on Legal English in the United Kingdom. London: Routledge, 2023. 218 p.
7. Asprey M. Plain Language for Lawyers. Sydney: The Federation Press, 2003. 330 p.
8. Ushakov A. A. Ocherki sovetskoi zakonodatel'noi stilistiki. Pravo i yazyk // Izbrannoe. M.: RAP, 2008. 314 s.
9. Veselov P. V. Sovremennoe delovoe pis'mo v promyshlennosti. M.: Izdatel'stvo standartov, 1990. 160 s.
10. Ivakina N. N. Yuridicheskie klishe i shtampy // Professional'naya rech' yurista. M.: Izdatel'stvo BEK, 1997. 15 s.
11. Koltunova M. V. Yazykovoe i delovoe obshchenie: normy, ritorika, etiket. M.: Ekonomika, 2000. S. 172-182.
12. Kyrkunova L. V. Ofitsial'no-delovye teksty v aspekte funktsional'no-smyslovyykh tipov rechi: diss. ... kand. fil. nauk : 10.02.01. GOU VPO "Permskii gosudarstvennyi universitet", 2007. 191 s.
13. Bhatia Vijay K. An Applied Discourse Analysis of English Legislative Writing. Birmingham: University of Aston. 1983. 145 p.
14. Sarcavic S. New Approach to Legal Translation. The Hague: Kluwer Law International. 1997. 308 p.
15. Verkhovskoi P. V. Pis'mennaya delovaya rech'. M.: "Tekhnika upravleniya", 1930. 216 s.
16. Gubaeva T. V. Semantiko-stilisticheskaya kategoriya otsenki v zakonodatel'nom tekste // Stilistika teksta v kommunikativnom aspekte. Perm': Permskii universitet imeni A. M. Gor'kogo. 1987. S. 97-102.
17. Markova V. A. Emotsional'noe prostranstvo delovogo pis'ma // Elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2017. № 6. S. 136-145. EDN: YFQUBD
18. Novikov D. A. Elementy ekspressivnosti v ofitsial'no-delovykh pis'makh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti // Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennye vzglyady i nauchnye issledovaniya. Khanty-Mansiisk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Internauka". 2020. S. 61-65. EDN: EDQAQL
19. Litvyakova T. A. Emotsional'naya nasyshchennost' kak vazhnyi element pis'mennoi kommunikatsii (na primere delovogo pis'ma) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: Filologicheskie nauki. 2022. № 3. S. 103-112. EDN: WRDCXY
20. Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963.
21. Lipgart A. A. Lingvopoeticheskoe sopostavlenie tekstov khudozhestvennoi literatury na angliiskom yazyke: diss. ... kand. fil. nauk : 10.02.04. MGU, 1994. 270 s.
22. Lipgart A. A. Osnovy lingvopoetiki. M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2016. 168 s.
23. Komarova A. I. Teoriya i praktika izucheniya yazyka dlya spetsial'nykh tselei: diss. ... dok. fil. nauk : 10.02.04. MGU, 1996. 289 s. EDN: ZKYPAF
24. Khurinov V. V. Funktsional'no-stilisticheskaya differentsiatsiya angloyazychnykh nauchnykh i gazetno-publitsisticheskikh tekstov (na materiale angliiskogo yazyka): diss. ... kand. fil. nauk : 10.02.04. MGU, 2009. 272 s. EDN: NQPWQR
25. Malyshkin D.V. O raznovidnostyakh ofitsial'no-delovogo funktsional'nogo stilya angliiskogo yazyka // Litera. 2024. № 10. S. 108-117. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.10.68900 EDN: EMNELA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68900
26. Title 34 - Agriculture, § 1.77 // Code of Federal Regulations. 1957. Available at:

<https://www.ecfr.gov/current/title-7> (accessed 20 April 2025).

27. Oxford Learner's Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 20 April 2025).
28. Additional Protocol to the Convention of the Contract for the International Carriage of Goods by Road (CMR) Concerning the Electronic Consignment Note // United Nations Economic Commission for Europe. 2008. 11 p.
29. Merriam-Webster's Law Dictionary: Legal Terms in Plain English. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (Accessed 20 April 2026)
30. Budget Responsibility Act 2024 (UK), c. 24. 2024. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/24> (accessed 20 April 2025).
31. Corporate Officers // USA Swimming Corporate Bylaws. 2020. 16 p.
32. H. R. 9366, 118th Congress, 2nd Session. A bill to direct the Secretary of Health and Human Services to identify, review, and implement effective interventions in Head Start Programs, and for other purposes. Introduced August 16, 2024. 8 p.
33. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 20 April 2025)
34. Global Catastrophic Risk Management Act of 2022, S. 4488, 117th Cong.; Introduced June 23, 2022. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4488/text> (accessed 20 April 2025).
35. Budget Responsibility Bill, HL Bill 24 (UK). 2024. 3 p.
36. Environmental Protection Agency. Renewable Fuel Standard (RFS) Program: Partial Waiver of 2024 Cellulosic Biofuel Volume Requirement and Extension of 2024 Compliance Deadline. A Proposed Rule // Federal Register. 2024. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/12/12/2024-28978/renewable-fuel-standard-rfs-program-partial-waiver-of-2024-cellulosic-biofuel-volume-requirement-and> (accessed 20 April 2025).
37. France 2023 Human Rights Report. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. United States Department of State. 2023. Available at: <https://www.state.gov/reports/2023-country-reports-on-human-rights-practices/france/> (accessed 20 April 2025)
38. Monetary Policy Report (March 2024). Testimony. Federal Reserve Board. Available at: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/testimony/powell20240306a.htm> (accessed 20 April 2025)
39. Corpus of Contemporary American English. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 24 April 2025)
40. Paul & Ors v The Royal Wolverhampton NHS Trust. 2022. Available at: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2022/12.html> (accessed 20 April 2025).
41. Annual report and accounts: presented to Parliament pursuant to section 4(6) of the Government Trading Funds Act 1973 as amended by the Government Trading Act 1990. 2020. 186 p.
42. Annual Report 2024. Microsoft. 2025. 89 p.
43. Executive Summary - Permanent Under-Secretary Sir Simon McDonald KCMG KCVO (2025). Annual Report & Accounts: 2019-2020. Foreign & Commonwealth Office. 2020. 103 p.

A look at the creative work of Roger Waters through the lens of critical discourse analysis

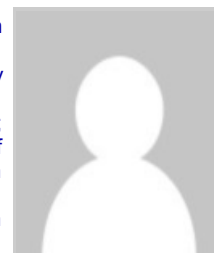
Ivanov Andrei Gennadievich

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Philosophy and Social Communications; Lipetsk State Technical University; Professor;
Department of State, Municipal Service and Management; Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398050, Russia, Lipetsk region

✉ agivanov2@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the work of the co-founder of the Pink Floyd group, English musician Roger Waters. The subject of the study is the use of critical discourse analysis to the author's texts, as well as to the content of the performer's speeches and interviews. The author examines in detail such aspects of the topic as the political position of the musician, his awareness of the current situation in the world, as well as such aspects of the "communicative event" as formats of interaction with the public, the use of specific words in the corpus of local meanings of the text, formal structures when working with time. Particular importance is attached to the fact that R. Waters currently turns out to be one of the few representatives of the West who expresses an alternative opinion, which is actually the opposite of the ideas of the political establishment. The musician manages not only to use events relevant at the time of the album's release in his work, but also to appeal to eternal themes affecting mythological plots. T. van Dijk's approach was used, which provides for the consideration of discourse as a broad communicative event focusing around the theoretical triangle "discourse-cognition-society". In accordance with the algorithm proposed by T. van Dijk, the texts of R. Waters from the period 1973–2017, as well as his latest shows and interviews, were studied. It is concluded that almost all of R. Waters' work is perfectly suited to the optics of T. van Dijk's critical discourse analysis, which is primarily explained by the uncompromising position of the musician, who is completely unprepared to put up with the unfair state of affairs in modern society. The expression of an alternative opinion presented in the texts, shows, interviews of the author is heard (especially by young people) both in the West and in the countries of the "global South", which indicates the close connection between art and politics and inspires cautious optimism. The applied kind of critical discourse analysis allowed, on the one hand, to see the productivity of T. van Dijk's ideas in relation to the field of musical culture, on the other hand, to confirm that R. Waters is an author who clearly understands the current problems of the socio-political order and vividly uses creativity to broadcast and popularize his views.

Keywords: event models, context models, formal structures, local meanings, semantic macrostructures, Teun van Dijk, Roger Waters, critical discourse analysis, social cognition, discourse and society

References (transliterated)

1. Medvedev priglasił Rodzhera Uotersa vystupit' pered uchastnikami SVO // RIA Novosti. 17 iyulya 2024 g. URL: <https://ria.ru/20240717/uoters-1960144118.html?in=1> (data obrashcheniya: 12.08.2024).
2. The Truth Will Set Us Free (Berliner Zeitung Interview) // Berliner Zeitung. February 4, 2023. URL: <https://rogerwaters.com/berliner/> (data obrashcheniya: 19.02.2023).
3. Sheffner N. Blyudtse, polnoe sekretov. Odisseya «Pink Floyd». M.: Izdatel'stvo Sergeya Kozlova, 1998. 368 s.
4. Kharris Dzh. Temnaya storona Luny: Istoriya sozdaniya velichaishego al'boma XX veka.

- SPb.: ZAO «Torgovo-izdatel'skii dom "Amfora"», 2014. 191 s.
5. Laing R. Roger Waters on his dramatic Dark Side Of The Moon Redux: «It's been part of our lives for 50 years and yet we are still not yet breathing in the air» // Musicradar. July 28, 2023. URL: <https://www.musicradar.com/news/roger-waters-on-his-dramatic-dark-side-of-the-moon-redux-its-been-part-of-our-lives-for-50-years-and-yet-we-are-still-not-yet-breathing-in-the-air> (data obrashcheniya: 14.08.2024).
 6. Machin D., Mair A. Kak sdelat' kriticheskii diskurs-analiz. Rukovodstvo po primeneniyu. SPb.: Izdatel'stvo «Obshchestvo lyubitelei intellektual'noi knigi», 2024. 308 s.
 7. Dijk T. A. van Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity // Methods of Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak and M. Meyer. London: Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2002. P. 95–120.
 8. Bil'chenko A. A. Mif o neizvestnom soldate v kontekste avtorskogo mifotvorchestva Rodzhera Uotersa // Literaturovedcheskii sbornik. 2008. № 35–36. S. 121–135.
 9. Sarenius V.-M. The Change in the Political Message of Pink Floyd's / Roger Waters' The Wall from the Album to the Film to the Live Shows in the Dawn of the 80's via the Wall in Berlin in 1990 to the Live Shows of 2010-2013 // ATINER's Conference Paper Series. No. HUM2015-1404. Athens, 2015. P. 3–13.
 10. Putri I. T., Triyono S. We Shall Overcome» A Humanity Song by Roger Waters: Critical Discourse Analysis // Humaniora. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 119–127.
 11. Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak and M. Meyer. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2002. 200 p.
 12. Vladimirkii M. Rodzher Uoters: lyubov' i drony // In Rock. 2017. № 2 (80). S. 30–32.
 13. Patrakov A. P. «Pink Floyd – The Wall»: zritel' i kollektivnaya pamyat' // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». 2018. № 8 (41). S. 97–111.
 14. Patrakov A. P. Mezhdru muzykoi i izobrazheniem: golos poslevoennogo pokoleniya v fil'me «The Final Cut» // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2020. № 1 (33). S. 164–176.
 15. Waters R. The War-profiteering Gangsters Will Kill Us All Unless We Unite against Them // Brave New Europe. March 4, 2022. URL: <https://braveneweuropa.com/roger-waters-the-war-profiteering-gangsters-will-kill-us-all-unless-we-unite-against-them> (data obrashcheniya: 14.08.2024).
 16. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 664 s.
 17. Bruns A. Real'na li stena fil'trov? M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2023. 120 s.
 18. Robinson E. Roger Waters Defends Branding Joe Biden As A War Criminal: «He's Fuelling The Fire In The Ukraine» // NME. August 7, 2022. URL: <https://www.nme.com/news/music/roger-waters-defends-branding-joe-biden-as-a-war-criminal-hes-fuelling-the-fire-in-the-ukraine-3284791> (data obrashcheniya: 14.08.2024).
 19. Joe Lynn Turner Defends His Controversial Views: «The Difference Between Conspiracy And The Truth Is About Six Months» // Blabbermouth. January 21, 2023. URL: <https://blabbermouth.net/news/joe-lynn-turner-defends-his-controversial-views-the-difference-between-conspiracy-and-the-truth-is-about-six-months> (data obrashcheniya: 14.08.2024).
 20. Askew J. Pink Floyd's Roger Waters declared «persona non grata» in Poland // Yahoo News. September 29, 2022. URL: <https://uk.news.yahoo.com/pink-floyds-roger-waters-declared-131040650.html?>

guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly9lbi53aWtpcGVkaW Eub3JnLw&guce_referrer_sig=AQAAAA6AUFMfest_LimTQYRnchMAgjsbQI0nS-R5ilb8P8Xvg0CZXd1W4Xc7x2oUTiyKZ2jgl8DJqS_s6EoxyDNvPcn10Knw7Iq68F9L1IWzRUXDRzsq0mj_Lt-vN-cC5U3MAV6YWaj3b5AEAMepCmsX1xLv4ISmEsEVeHdy9fpogsVt (data obrashcheniya: 14.08.2024).

21. Uait Kh. Prakticheskoe proshloe. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 192 s.

Semantics of spitting as a non-verbal means in V. P. Nekrasov's story "In the Trenches of Stalingrad"

Slozhenikina Yuliya Vladimirovna

Doctor of Philology

Head of the Department; Department of Philology; Moscow University 'Synergy'
Professor; Department of Russian Language and Teaching Methods; P. Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia

Russia, Moscow, Nagatinskaya nab., 10k3. sq. 145

✉ goldword@mail.ru

Shal'nova Dar'ya Andreevna

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages; Moscow University 'Synergy'

109341, Russia, Moscow, Marino district, Verkhniye Polye str., 18, sq. 140

✉ shalnova.darya@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the description of non-verbal communication as one of the languages of the artistic text. The relevance of the article is determined by the attention of linguists to non-verbal means of communication, the role of which is especially increasing in artistic texts. Like words, non-verbal means can have multiple meanings, and their significance becomes clear only within the context. The material for analysis consisted of approximately 20 words and contexts of their usage from the lexico-semantic group "to spit." For a wartime narrative, these lexemes serve as an important artistic detail, an element of vivid imagery and a natural, living reflection of reality. V.P. Nekrasov's wartime story, published in 1946, is a unique work: it has been renamed three times and has undergone a path from the Stalin Prize to official prohibition. The return of V. Nekrasov's works to his homeland became possible only during the perestroika period starting in 1989, which explains the low degree of development of issues related to this artistic text. The methods of language material analysis included the method of studying theoretical sources, the method of complete sampling, the method of contextual analysis, the method of drawing on dictionary definitions, the method of describing the semantics of non-verbal means, and the method of generalization. The theoretical significance of the article lies in the fact that the algorithm for analyzing the semantics of non-verbal means will contribute to the clarification of categories such as point of view, author-narrator, hero-narrator, character, detail, and the cinematic quality of literary text. The scientific novelty of the article is related to the first-time analysis of one of the kinetic means in V. P. Nekrasov's story "In the Trenches of Stalingrad." The result of the conducted research was the discovery of 11 communicative meanings underlying the act of spitting: despair; magical semantics; decision-making; indifference and apathy; contempt and rejection; pleasure and satisfaction; order and calmness; strength and confidence; camaraderie; regret and sympathy; fullness. The analysis reveals contextual semes and semantic additions necessary for an adequate interpretation of the author's intent. The conclusions drawn allow for classifying V. Nekrasov's story "In the Trenches of Stalingrad"

among the phenomenal works about the Great Patriotic War, distinguished by historical accuracy and artistic value.

Keywords: detail, point of view, artistic text, communicative meaning, kinetic communicative means, literary cinematography, non-verbal means, semantics, V.P. Nekrasov, spit

References (transliterated)

1. Bobunova M. A. Plevok kak kommunikativnyi zhest (na materiale povesti A. P. Gaidara "Shkola") // Kurskoe slovo. 2024. № 29. S. 19-26. EDN: CHHAUW.
2. Bogdanov V. V. Predlozhenie i tekst v sodержatel'nom aspekte. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2007. EDN: QTGIKF.
3. Dun Kh. Kodirovanie lingvokul'turnoi informatsii v mimicheskikh frazeologizмах so sterzhnevym komponentom TG "litso" // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2024. № 2-2. S. 150-153. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.2-2.14. EDN: HGGTFB.
4. Zimbuli A. E. Filosofiya plevka // Gumanitarnyi vektor. Seriya Filosofiya. Kul'turologiya. 2016. T. 11. № 1. S. 154-159. EDN: VSUFSR.
5. Kolshanskii G. V. Paralingvistika. 4-e izd. M.: URSS: KomKniga, 2010.
6. Kuryaev I. R. Kinematografichnost' romana M. Shishkina "Vzyatie Izmaila" // XLIV Ogarevskie chteniya: materialy nauchnoi konferentsii: v 3 chastyakh, Saransk, 08-15 dekabrya 2015 goda. Chast' 3. Saransk: Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N. P. Ogareva, 2016. S. 253-258. EDN: WFHKJV.
7. Lenets A. V., Khatlamadzhiyan M. A. Paralingvisticheskie sredstva opisaniya povedeniya lgushchego personazha (na materiale nemetskoyazychnoi literatury) // Yazyk i kul'tura. 2022. № 57. S. 80-103. DOI: 10.17223/19996195/57/4. EDN: ESBCYZ.
8. Nekrasov V. P. V okopakh Stalingrada: Povest', rasskazy. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 317 s.
9. Pautkin A. A. K probleme formirovaniya drevnerusskoi knizhnoi topiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2024. № 2. S. 112-120. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-7. EDN: ZOPOTX.
10. Pocheptsov G. G. Molchanie kak znak // Analiz znakovykh sistem. Istoriya logiki i metodologii nauki: tezisy dokladov IKh Vsesoyuznogo soveshchaniya. Kiev: Nauk. dumka, 1986. S. 90.
11. Simonyan A. A. Identifikatsiya smysla neverbal'nykh deistvii v politicheskoi kommunikatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2011. № 2. S. 25-31. EDN: NXPCVZ.
12. Sukhova N. V. "Obnimi menya": tri epokhi russkogo zhesta "ob'yatie" (po dannym korpusa MURKO) // Nauka televideniya. 2024. T. 20, № 1. S. 137-167. DOI: 10.30628/1994-9529-2024-20.1-137-167. EDN: XVRXQK.
13. Shal'nova D. A., Slozhenikina Yu. V. Obraz avtora i yazykovye formy ego vyrazheniya v tekste povesti V. P. Nekrasova "V okopakh Stalingrada" // Russkaya slovesnost'. 2025. № 2. S. 55-61. DOI: 10.47639/0868-9539_2025_2_55. EDN: GKZVAH.
14. Shal'nova D. A., Slozhenikina Yu. V. Peripetii sud'by povesti V. P. Nekrasova "V okopakh Stalingrada" // Nachala Russkogo mira. 2024. № 6. S. 51-58. EDN: VRVVIK.
15. Shal'nova D. A., Slozhenikina Yu. V. Semantika zaglaviya povesti V. P. Nekrasova "V okopakh Stalingrada" // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2025. № 1(110). S. 476-479. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-476-480. EDN: TIOLXA.

16. Eizenshtein S. M. Rezhissura. Iskusstvo mizanstsny // Izbrannye proizvedeniya: V 6 t. M.: Iskusstvo, 1964–1971. T. 4. M.: Iskusstvo, 1966. S. 11-738.
17. Bekaryan L. Verbal and Non-verbal Representations of Conflict in Speech // Armenian Folia Anglistika. 2005. No 1. Rp. 44-50.
18. Cienki A. Insights for linguistics and gesture studies from film studies: A view from researching cinematic metaphor. In S. Greifenstein, D. Horst, T. Scherer, C. Schmitt, H. Kappelhoff, & C. Müller (Eds.). Cinematic Metaphor in Perspective: Reflections on a Transdisciplinary Framework. 2018. Vol. 5. RP. 53-68.
19. Kyseliuk N., Hubina A., Martyniuk A., Tryndiuk V. Non-verbal means of communication in the representation of the emotional state of joy in modern English fictional discourse // Cognitive Studies. 2020. Vol. 2020, No. 20. Pr. 1-11.
20. Lervad S., Nosch M. L. B., & Dury P. Verbal and Non-Verbal configurations of textiles: a diachronic study // TOTH Proceedings. Toth 2011, Terminologie et Ontologie: Théories et Applications, Actes de la Cinquième conference Toth. 2011. Pr. 201-220.
21. Mammadzada Sevinj Salim. Verbal and Non-verbal communication in Linguistics // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. 2023. No 2(38). https://doi.org/10.31435/rsglobal_ijitss/30062023/8003.